Министерство образования и науки Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
Юридический институт при «Дагестанский государственный университет»
Филиал Дагестанского государственного университета в г.Хасавюрте
«Кафедра истории государства и права» юридического института «Дагестанский государственный университет»
«Научно-исследовательская лаборатория национальных и федеративных отношений имени профессора Магомедова Р.М.» при юридическом институте «Дагестанский государственный университет»
Профессиональная образовательная автономная некоммерческая организация «Республиканский многопрофильный медицинский колледж» (РММК)

Махачкала – 2019

Министерство образования и науки Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
Юридический институт при «Дагестанский государственный университет»
Филиал Дагестанского государственного университета в г.Хасавюрте
«Кафедра истории государства и права» юридического института «Дагестанский государственный университет»
«Научно-исследовательская лаборатория национальных и федеративных отношений имени профессора Магомедова Р.М.» при юридическом институте «Дагестанский государственный университет»
Профессиональная образовательная автономная некоммерческая организация «Республиканский многопрофильный медицинский колледж» (РММК)

МАТЕРИАЛЫ

МАТЕРИАЛЫ

VI Международной научно-практической конференции «Теоретико-правовые проблемы укрепления государства Российского»

07 декабря 2019 года

Махачкала – 2019

Министерство образования и науки Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
Юридический институт при «Дагестанский государственный университет»
Филиал Дагестанского государственного университета в г.Хасавюрте
«Кафедра истории государства и права» юридического института «Дагестанский государственный университет»
«Научно-исследовательская лаборатория национальных и федеративных отношений имени профессора Магомедова Р.М.» при юридическом институте «Дагестанский государственный университет»
Профессиональная образовательная автономная некоммерческая организация «Республиканский многопрофильный медицинский колледж» (РММК)

материалы

VI Международной научно-практической

конференции

«Теоретико-правовые проблемы укрепления государства Российского»

07 декабря 2019 года

Махачкала – 2019

ББК 67.400я43
УДК 340.12(063)
Т 338

РУКОВОДИТЕЛИ

VI Международной научно-практической конференции
«Теоретико-правовые проблемы укрепления государства Российского»
07 декабря 2019 года

Профессор Касумов Рамазан Магомедович
Профессор Айбатов Магомеднаби Магомедмирзаевич
Профессор Магомедов Магомед Баширович
Профессор Магомедов Шихтимер Баширович
Профессор Османов Махач Магомедович
Профессор Рамазанов Ахмед Хидирович
Доцент Абдуллаев Магомедзапир Нурмагомедович
Доцент Гашимов Рамис Рамазанович
Доцент Гогурчунов Багавутдин Изавович
Доцент Мусаев Мирза Мусаевич
Доцент Разаков Руслан Чупан-Магомедович
Доцент Сайбулаева Джамиля Гаирхановна
Секретарь Гасанбекова Диана Гусеиновна

ОРГКОМИТЕТ И РЕДКОЛЛЕГИЯ:

1. Абдуллаев Магомедзапир Нурмагомедович – кандидат исторических наук, доцент.
2. Айбатов Магомеднаби Магомедмирзаевич – доктор юридических наук, профессор.
3. Гашимов Рамис Рамазанович – кандидат исторических наук, доцент.
4. Гитинова Мадинат Махмудовна – кандидат юридических наук, доцент.
5. Гогурчунов Багавутдин Изавович – кандидат юридических наук, доцент
6. Касумов Рамазан Магомедович – доктор исторических наук, профессор (Ответственный редактор).
7. Магомедов Магомед Баширович – доктор исторических наук, профессор (Ответственный редактор).
8. Магомедов Шихтимер Баширович – доктор юридических наук, профессор
9. Мусаев Мирза Мусаевич – кандидат юридических наук, доцент.
10. Османов Махач Магомедович – доктор экономических наук, профессор.
11. Пирова Рена Низамиевна – кандидат исторических наук, доцент.
12. Разаков Руслан Чупан-Магомедович – кандидат исторических наук, доцент.
13. Рамазанов Ахмед Хидирович – доктор исторических наук, профессор.
14. Сайбулаева Джамиля Гаирхановна – кандидат психологических наук, доцент.
15. Халифаева Анжела Курбановна – доктор юридических наук, профессор.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПЛЕНАРНЫЕ ДОКЛАДЫ

VI Международной научно-практической конференции

«Теоретико-правовые проблемы укрепления государства Российского»

07 декабря 2019 года

Руководитель: Магомедов М.Б.
Секретарь: Гасанбекова Д.Г.

Рамазанов А.Х. Методологические проблемы в исследовании процесса трансформации государства Российского 7
Касумов Р.М. Историография Дагестана в политике международных отношений (1723-1813) 7
Магомедов М.Б., Магомедов Б.М. Некоторые вопросы политики колонизации национальных окраин глазами М.К.Любавского 15
Айбатов М.М. Основные тенденции и закономерности государственно-правового развития России: историко-правовые аспекты 17
Амирбекова Г.Г. Практические проблемы компенсации морального вреда 21
Гашимов Р.Р. Законодательная деятельность Шамиля и правовое положение личности в Имамате 23
Мусаев М.М. Право на жизнь в условиях действия особых правовых режимов 27
Мусаев М.М. Обязательства из причинения вреда как внедоговорные обязательства 30
Османов М.М. Актуальные вопросы экономического аспекта правосубъектности в гражданском праве 32
Пирова Р.Н. Комплексный подход выбора тактики представления доказательств 35
Разаков Р.М., Султанов С.С. Формирование горских адатов в Дагестане 37
Сайбулаева Д.Г. Гуманистическая модель обучения психологической основы в школе 40
Халифаева А.К., Богданов Р.А. Гражданско-правовые проблемы: обычное право в дореволюционном Кавказе 42
Гитинова М.М. Модернизации уголовного законодательства на современном этапе социально-экономического развития общества РФ 44

СЕКЦИЯ

VI Международной научно-практической конференции

«Теоретико-правовые проблемы укрепления государства Российского»

07 декабря 2019 года

Руководитель: Магомедов М.Б.
Секретарь: Гасанбекова Д.Г.

Абдул Бах. Передача недвижимости, принадлежащей государству Гинее: законная, но особая процедура передачи имущества 46
Абдул Бах. Проект изменения Конституции в Гвинее: незаконная попытка отклонения от демократических ценностей 47
Абдулаева С.Р. кызы Правовое положение иностранцев в Российской Федерации 48
Айбатов М.М. Теория общественного договора в учении Томаса Гоббса 51
Азаев Д.А. Понятие, содержание и значение охраны труда 53
Азаев Д.А. Совершенствование надзора за исполнением законодательства общенадзорного характера 55
Алиев М.А. Межконфессиональные отношения в контексте конституционно-правового регулирования: проблемы теории и практики 58
Амирбекова Г.Г. Процессуальное положение несовершеннолетних и малолетних в уголовном судопроизводств 60
Амируллаев С.Ш., Пирова Р.Н. Соблюдение прав лиц при применении принудительных мер медицинского характера 62
Ахмедов М.А., Джантемирова Г.Р. Подзаконные нормативные акты: современное состояние и перспективы развития 65
Ахмедов М.А., Джантемирова Г.Р. Основные направления совершенствования политической системы Российской Федерации 69
Ахмедов М.А., Джантемирова Г.Р. Права и свободы человека и гражданина как критерий правовой культуры общества 73
Ахмедов М.А., Джантемирова Г.Р. О проблемах практической деятельности Общественной палаты Российской Федерации и пути их решения 76
Атиев З.Т., Ахмедов М.А. Понятие, цели и задачи Общественной палаты Российской Федерации 79
Атиев З.Т., Ахмедов М.А. К вопросу о современном состоянии Российских религиозных институтов 82
Вайман М.А., Пирова Р.Н. Актуальные проблемы использования труда иностранных работников в РФ и пути их преодоления 83
Габовахова Ф.З., Пирова Р.Н. Порядок увольнения работников по инициативе работодателя 84
Гаджиалиева М.Р. Эволюция института правонарушений в российском законодательстве: теоретико-исторический аспект 86

Гасанова Ш.Ш. Преступление в сфере экономики по законодательству Азербайджана и Италии (сравнительно-правовой анализ) 89
Гашимов Р.Р. Вопросы совершенствования уголовно-правового противодействия коррупции, как составному элементу организованной преступности 92
Гогурчунова М.Б. Президент РФ, как четвертая ветвь власти 94
Гоов И.М. Теоретико-исторические проблемы сущности обычного права на Северном Кавказе 96
Гурбанов Р.И. оглы Акционерные общества в системе законодательства 99
Гусаева А.З. Крестьянская реформа 1861 года с точки зрения концептуальных подходов к изучению истории государства и права 101
Джабраилов Д.А. Конституционное регулирование федеративных отношений 104
Джантемиров Д.Р., Ахмедов М.А. К вопросу о источниках избирательного права и избирательного процесса Российской Федерации 106
Джантемиров Д.Р., Ахмедов М.А. Особенности избирательных систем в субъектах Российской Федерации 108
Закаева А.К. Борьба против незаканного скачивания данных через Интернет 110
Закаева А.К. Верховный орган по борьбе с дискриминацией и за равенство 112
Ибрагимова З.Ш. Исторический аспект развития гражданско-правовых санкций и их влияние на укрепление государства в дореволюционный период 113
Курбанова П.И., Пирова Р.Н. Конституционно-правовые аспекты права граждан на возмещение 117
Лахитова П.М. Проблема исследования института адвокатуры Российской империи 119
Магомедов М.Б., Магомедов Б.М. Формирование военных сил Имамата: от эпизодического набора до регулярной армии 121
Магомедов М.Б., Магомедов Б.М. «Горская экспансия», как политика официальных властей 126
Магомедов М.Б. Специфика деятельности прокуратуры (1941-1945) 129
Магомедов М.Б. Специфические особенности проблемы преподавании истории отечественного государства и права 134
Магомедов М.Б., Лахитова П.М. Внедрение фундаменталистического толкования накшбандийского тариката на территории Имамата 136
Магомедов М.Б. Утверждение прокуратура, как специального органа защиты 139
Магомедова У., Ахмедов М.А. Правовой статус депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации 143
Магомедова У., Ахмедов М.А. Место обычая в системе форм современного права 144
Маилова А.К., Пирова Р.Н. Институт омбудсмена в области защиты прав несовершеннолетних 145
Махаев Я.М. оглы «Возмездное оказание услуг» – достижение российской цивилистической мысли 149
Махмудова А.М. кызы Вина, как внутреннее психическое отношение к общественно опасному деянию 151
Махмудова П.А., Пирова Р.Н. Проблемы исполнения решений Конституционного Суда РФ 154
Мукаилова Г.М., Пирова Р.Н. Проблема нелегальной миграции в России 156
Мусаев М.М. Прокуратура, как правозащитный орган государства 159
Мусаев М.М. Борьба терроризмом – это Концепция национальной безопасности Российской Федерации 161
Мусаев М.М. Дифференциация уголовной ответственности за незаконный оборот оружия, взрывчатых веществ и взрывных устройств 165
Мусаев М.М. Совершенствование борьбы с незаконным изготовлением взрывных устройств в Республике Дагесстан 168
Мусаев М.М. Понятие источника (формы) права 170
Мусаев М.М. Виды форм права, их роль в различных правовых системах с точки зрения соотношения с законом 171
Мусаев М.М. Классификация законов 175
Мусаев М.М. Право на жизнь в системе основных прав и свобод человека, его свойства 177
Насрудинов Н.Б. Общеправовой принцип на юридическую защиту 180
Насрудинов Н.Б. Процессуальное положение обвиняемого как участника уголовного судопроизводства 182
Насрудинов Н.Б. Небытие биполярной системы мира СССР и США 183
Пирова Р.Н. Проблемы применения правовых норм, регулирующих договора товарного и коммерческого кредита 184
Пирова Р.Н. К вопросу об институте административной жалобы в административном праве 186
Пирова Р.Н. Принцип презумпции невиновности в уголовном процессе и его роль при решении вопроса о прекращении предварительного расследования 188
Саидов М.З., Пирова Р.Н. Конституционно-правовая защита прав ребенка в Российской Федерации 191
Сайбулаева Д.Г. Фактор «психического выгорания» как профилактики синдрома 195
Сулейманзаде Т.Б. оглы Принцип планирование и программирование следственной деятельности 197
Султанов С.С., Разаков Р.М. Государственная политика в России в годы НЭПа 198
Султанов С.С., Разаков Р.М. К вопросу о разработке и принятии Конституции СССР 1936 года 199
Сведения об участниках 203

ПЛЕНАРНЫЕ ДОКЛАДЫ

VI Международной научно-практической конференции

«Теоретико-правовые проблемы укрепления государства Российского»

07 декабря 2019 года

Методологические проблемы в исследовании процесса трансформации государства Российского

А.Х.Рамазанов

Аннотация

В статье предпринята попытка методологического поиска и синтеза апробированных методов (формационный, цивилизационный и теологический). Постановка узловых научных вопросов в режиме многовариантности ответов дает возможность вести научную полемику и дискуссию по проблемам процесса укрепления государства Российского.

Annotation

The article attempts methodological search and synthesis of proven methods (formative, civilizational and theological). The presentation of core scientific questions in the mode of multiple answers provides an opportunity to conduct scientific policy and discussion on the problems of the process of strengthening the state of Russia.

Современное правовое исследование в России должно обязательно ориентироваться на ситуацию научного плюрализма и переход от былого монизма к разнообразию подходов. Преодоление инерции, рассматривать научные проблемы с одной точки зрения – это как бы старт начало методологического поиска.

Конституция России 1993 года декларирует отказ от официальной идеологии и обращается к населению как к гражданам. Гражданин России в этом смысле должен иметь свою собственную точку зрению определяемую уровнем его образования. Образованный гражданин может рассматриваться как движущая сила в процессе становления правового государства в России. В этом плане сразу же возникает вопрос правовое государство – это сильное государство? Отвечая на этот вопрос, необходимо учесть естественноисторический вектор развития России и как страны, и как государства. Можно ли укрепляться, двигаясь по неестественному для России пути, даже если этот путь апробирован как эффективный другими странами и народами?

В таком смысле невозможны однозначные ответы на вопросы и выводы, потому что все зависит от выбранного метода исследования, который позволяет открыть свою часть правды. С точки зрения формационного метода это будет одна «картина», с точки зрения цивилизационного метода – другая. А, что будет, если прибегнуть к «экзотическим» методам, тогда как известные и те друг другу противоречат?

Поэтому нужен синтез методов, чтобы попытаться заметить очевидные и понять скрытые смыслы существования государства Российского. Раскрытие «божественных» тайн, на которые обращен теологический метод, требует искренности и бескорыстного желания узреть правду бытия и жить по этой правде. Жить по правде в России, что это значит? Может – это сознание и правосознание, которое коренится в языческих представлениях времен Русской Правды? Может быть – это очеловечивание этих представлений под воздействием христианства? Может быть – это уровень атеизма и упования на науку, на ее доказуемость и прагматичность? А может быть это все вместе?

В этом контексте можно рассуждать на предмет превращения патриархальной Руси в Российскую империю. С точки зрения римского права – это узурпация власти и начало умирания государства. Можно ли рассматривать это обстоятельство как благо для страны, которая из национальной превращается в многонациональную, а по сути в наднациональную, вбирая в себя (порой жестоким насильственным способом) все новые территории с новыми народами? Есть ли в этом «цивилизаторская» миссия России на огромном евразийском пространстве?

Этот клубок вопросов приходится рассматривать в режиме таких категорий, как неизбежность (данность), вероятность (виртуальность), случайность (бессмысленность).Эти вопросы и попытки ответов на них упираются в один большой вопрос: есть ли у России какой – то свой особенный путь государственного развития или это деструктивная декларация ? Может ли современная Россия продемонстрировать всему миру нечто уникальное, может ли стать локомотивом мирового прогресса? Огромная страна (самая большая по территории с неограниченными природными ресурсами и относительно небольшим населением) имеет ли эффективное государство? Отвечая на этот вопрос, можно руководствоваться очевидными банальными социально-правовыми критериями, а можно подумать о всемирно-исторической миссии России, как примера парадоксального движения то ли вперед по аристотелевскому линейному вектору, то ли по «божественному кругу» в традиции легендарных мудрецов Востока. Одно, наверное, не вызывает сомнений: в великой стране не может быть государства, не ставящего перед собой великие цели и не дающего народу великой мечты, как конструктивной утопии!

Историография Дагестана в политике международных отношений (1723-1813)

Р.М.Касумов

Историография темы обширна, представлена работами русских, кавказских, турецких, персидских и западноевропейских авторов. Ввиду многочисленности и разноязычности исследований для их конкретной оценки автором рассматриваются сначала труды отечественных, а затем зарубежных историков. Следует отметить работы С.М.Броневского, А.А.Неверовского, В.И.Лебедева, И.И.Березина. – С. М.Соловьева, Г.В.Мельгунова, обратившим внимание на описание Дагестана, прикаспийских областей, Кавказа в целом,

подготовку и проведение Каспийского похода Петра I, реакцию на это крупнейшее военно-политическое мероприятие правящих кругов Ирана, Турции, Англии, Франции и др. держав.[1] Наибольший вклад из них в освещение русско-иранских, русско-турецких, ирано-турецких переговоров и договоров, оценку позиций западных держав внес С.М.Соловьев, рассматривавший их в свете военных действий на Северном Кавказе, Дагестане, Закавказье, Ираке и др. местах до конца русско-турецкой войны 1768-1774 гг.[2]

Наличием фактического материала по теме отличаются работы историков XIX-начала XXв., охватившие широкий круг событий военного, политического и дипломатического характера: Д.П.Бутурлина, В.А.Ульяницкого, В.А.Потто, Н.Ф.Дубровина, В.И.Бакуниной, И.Радожницкого, А.И.Михайловского-Данилевского, В.Д.Смирнова, Н.Д.Чечулина, Н.Волконского, Е.Д.Фелицына, В.О.Ключевского, исследования по утверждению русского владычества на Кавказе[3] и др. Однако, используя труды этих авторов, необходимо учитывать, что оценка ими кавказской политики царизма субъективна, обусловлена стремлением затушевать ее колониальный характер.

Некоторый вклад в изучение истории Дагестана и Ширвана по изучаемому периоду внесли кавказские историки XIXв. А.-К.Бакиханов, Г.-Э.Алкадари и Д.-М.Шихалиев. При этом, если Бакиханов и Алкадари уделили преимущественное внимание завоевательным походам Надир-шаха и противоборству России, Ирана и Турции в регионе[4], то Шихалиев особенно отметил геополитическую роль Дагестана в этих событиях, взаимовлияние Юго-Восточной Европы и Передней Азии через Дербенсткий проход.[5]

Продолжая поэтапный обзор трудов отечественных авторов, отметим, что исследователи 20-х-80-х гг. XX века прошли эволюцию от крайне радикального отрицания какой-либо положительной роли кавказской политики России вплоть до чрезмерного восхваления, отвергающего ее колониальный, захватнический характер. К представителям первой точки зрения (20-е-30-е гг. XX века) можно отнести М.Н.Покровского, Г.А.Кокиева, Б.В.Скитского и др.[6], акцентировавшим внимание на соперничестве Англии, Франции, России, Ирана и Турции в регионе, выявлении классовых корней их кавказской политики.

Среди исследователей 20-х-40-х гг. XX века непосредственно с темой созвучны идеи, содержащиеся в трудах В.В.Бартольда[7], Е.С.Зевакина,[8] М.А.Полиевктова[9], В.Н.Левиатова[10], П.И.Петрушевского[1] и др.,

---

[1] [Броневский С.] Новейшия географическия и историческия известия о Кавказе, собранныя и пополненыя Семеном Броневским. – М., 1821. Ч.1.; Неверовский А.А. Краткий исторический взгляд на Северный и Средний Дагестан до уничтожения влияния лезгинов на Закавказье. СПб., 1847; Лебедев В.И. Западный берег Каспийского моря при Петре Великом // Журнал министерства народного просвещения. 1848. – № 3; [Березин И.] Путешествия по Дагестану и Закавказью И. Березина. Казань, 1848; Соловьев С.М. Поход Петра Великого в Персию // Русский вестник, 1874. Т.110.

[2] Соловьев С.М. История России с древнейших времен. – М., 1963. Кн. IX.Т.18. Кн. X.Т.19-20. Кн. XI.Т.22; 1964. Кн. XII.Т.23-24; 1965. Кн.XIII.Т.25. Кн.XIV.Т.28.

[3] Бутурлин Д.П. Военная история походов россиян в XVIII столетии. СПб., 1820. Ч.1.Т.2-3. Ч.2.Т.3- 4; Его же. Картина войн России с Турциею в царствование императрицы Екатерины II и императора Александра I. СПб., 1829; Ульяницкий В.А. Дарданеллы, Босфор и Черное море в XVIIIв. – М., 1883; Его же. Русские консулы за границею в XVIIIв. – М., 1899. Ч. 1-2; Потто В.А. Кавказская война в отдельных очерках, эпизодах, легендах и биографиях; Его же. Два века Терского казачества (1557-1801). Владикавказ, 1912. Т.1; Дубровин Н.Ф. История войны и владычества русских на Кавказе. СПб., 1886. Т.2; Его же. Закавказье от 1803 до 1806г. СПб., 1866; Его же. Поход графа Зубова в Персию в 1796г. // Военный сборник. СПб. 1874. – № 2-6; Бакунина. В. И. Персидский поход в 1796г. // Русская старина, 1877. Кн. 2; Радожницкий И. Историческое известие о походе русских войск в 1796г. в Дагестан и Персию // Отечественные записки. СПб., 1897. Ч.31. – № 87; Михайловский-Данилевский А.И. Описание турецкой войны в царствование Александра I 1808-1812 гг. СПб., 1843; Смирнов В.Д. Крымское ханство под верховенством Оттоманской Порты в XVIII столетии до присоединения к России // Записки императорского одесского общества истории и древностей (ЗИООИД). Одесса, 1889. Т. XV; Чечулин Н.Д. Внешняя политика России в начале царствования Екатерины II (1762-1774). СПб., 1896; Волконский Н. Кавказ в 1787-1789 гг. // Кавказский сборник. Тифлис, 1890. Т.14, 1894. Т.15; Фелицын Е.Д. Материалы для истории Северного Кавказа 1787-1792 // Кавказский сборник. Тифлис, 1896. Т.17; Ключевский В.О. Сочинения. Курс новой истории. – М., 1989. Т.4. (1696-1762). Т.5 (1762-1861); Его же. Исторические портреты (Петр I, Елизавета Петровна, Екатерина II). – М., 1991; Утверждение русского владычества на Кавказе. Тифлис, 1901. Т.1.

[4] Бакиханов А.-К. Гюлистан-и Ирам. Баку, 1991; Алкадари Г.-Э. Асари Дагестан. Махачкала, 1994.

[5] Шихалиев Д.-М. Рассказ кумыка о кумыках. Махачкала, 1993.

[6] Покровский М.Н. Дипломатия и войны России в XIX столетии. – М., 1923; Кокиев Г.А. Военно-колонизационная политика царизма на Кавказе // Революция и горец. Ростов на Дону, 1923. – № 4-6; Его же. Методы колониальной политики царской России на Северном Кавказе в XVIII в. // Изв. ЮООНИИК. Сталинир, 1933. Вып.1; Скитский Б.В. Холопий вопрос и антирусское движение кабардинских князей в пору «независимости» Кабарды (1739-1779 гг.) Владикавказ, 1930.

[7] Бартольд В.В. Место прикаспийских областей в истории мусульманского мира. Баку, 1925; Его же. Дагестан // Работы по исторической географии. – М., 2002.

[8] Зевакин Е.С., Полиевктов М.А. К истории прикаспийского вопроса. Тифлис, 1933.

[9] Полиевктов М.А. Проект хозяйственной эксплуатации оккупированных в XVIIIв. Россией прикаспийских областей Кавказа. Тбилиси, 1937.

[10] Левиатов В.Н. Очерки истории Азербайджана в XVIIIв. Баку, 1948.

касающиеся геополитики Дагестана и прикаспийских областей, взаимосвязи западной и восточной политики России, русско-турецкого и ирано-турецкого противоборства, ирано-российского сотрудничества, политики Англии, Франции, Пруссии и Австрии с 20-х гг. XVIII в. до начала XIX в.

Анализ исследований отечественных авторов второй половины XX-начала XXI в. требует особого подхода ввиду того, что из-за распада СССР в 1991 г. закавказские и среднеазиатские историки оказались в числе зарубежных. Поэтому в рамках отечественной историографии следует рассматривать труды российских, дагестанских и северокавказских историков, выделив сначала исследования 50-х-80-х гг. XX века; затем работы 90-х гг. XX века – 2010 г.

Исходя из сказанного следует отметить, что существенный вклад в разработку истории Дагестана в интересующем нас плане первыми внесли известные историки Р.М.Магомедов, В.Г.Гаджиев. – С. Ш.Гаджиева[2]. Особая заслуга этих исследователей в том, что они глубже вскрыли геополитическое положение Дагестана, его роль в российско-турецко-иранском противоборстве, развитие российско-дагестанских отношений от временного до окончательного присоединения Дагестана к России. Ряд вопросов по теме нашли отражение в исследованиях Н.А.Сотавова[3], касающихся освещения роли Кавказа в международных отношениях XVIII века в зарубежной историографии. Некоторое освещение рассматриваемые вопросы нашли в монографии Г.А.Джахиева[4], посвященной роли Дагестана в русско-иранских и русско-турецких отношениях в начале XIX в. В отличие от них, Х.Х.Рамазанов и А.Р.Шихсаидов осветили проблемы Южного Дагестана, обратив внимание на историческое значение разгрома Надир-шаха.[5] Подобные же сюжеты фрагментарного характера имеются в статьях А.Н.Козловой.[6] Роль союзов сельских общин в борьбе за независимость Дагестана, обратившая внимание соперничавших держав, отражена в публикации Б.Г.Алиева и М.-С.Умаханова.[7] Отдельные стороны изучаемой проблемы с акцентом на крах завоевательной политики Надир-шаха и развитие русско-дагестанских отношений в XVIII-начале XIXвв. представлены в исследованиях А.И.Тамая[8] и Ф.З.Феодаевой[9].

Наряду с вышеуказанными исследованиями 50-х-80-х гг. XX века необходимые сведения по теме содержат совместные труды историков, написанные в виде очерков[10] или истории Дагестана,[11] истории народов Северного Кавказа[12], сборника статей по взаимоотношениям народов Дагестана с Россией и с народами Востока[13]. Определенный интерес представляют содержащиеся в этих трудах сведения о политике соперничающих стран на Кавказе, взаимоотношениях народов региона между собой и с Россией, об единстве в борьбе с иноземными завоевателями.

В круг исследований 50-х-80-х гг. XX века входят также труды российских и северокавказских историков, среди которых наличием фактического материала и суждениями концептуального характера

---

[1] Петрушевский П.И. Очерки истории феодальных отношений в Азербайджане и Армении в XVI-XIX в.в. Л., 1949.

[2] Магомедов Р.М. История Дагестана с древнейших времен до конца XIX века. Махачкала, 1968; Его же. Россия и Дагестан. Страницы истории. Махачкала, 1987; Его. же. История Дагестана. Очерки и документы. Махачкала, 2004; Гаджиев В.Г. Роль России в истории Дагестана. – М., 1965; Его же. Петербургский договор 1723г. (история заключения и значение) // Русско-дагестанские отношения в XVI-начале XXв. Махачкала, 1988; Гаджиева С.Ш. Кумыки. Историко-этнографическое исследование. – М., 1961; Ее же. Кумыки. Историческое прошлое, культура, быт. Махачкала, 2000.

[3] Сотавов Н.А. Кавказ в политике Ирана, России и Турции в XVIIIв. (по материалам иранских и турецких авторов) // Формирование гуманистических традиций отечественного востоковедения. – М., 1984; Его же. Освободительная борьба народов Северного Кавказа в свете русско-иранских и русско-турецких отношений XVIIIв. (в освещении зарубежной историографии) // Освободительная борьба народов Дагестана в эпоху средневековья. Махачкала, 1986; Его же. Кавказская проблема русско-иранских и русско-турецких отношений в XVIII веке (зарубежная историография) // Научная мысль Кавказа. Ростов на Дону, 1998. – № 2.

[4] Джахиев Г.А. Россия и Дагестан в начале XIXв. Махачкала, 1985.

[5] Рамазанов Х.Х., Шихсаидов А.Р. Очерки истории Южного Дагестана с древнейших времен до конца XIX века. Махачкала, 1984.

[6] Козлова А.Н. Страница освободительной борьбы народов Дагестана // Страны и народы Востока. – М., 1976. Вып. 18; Ее же. «Намэ-йи аламара-йи Надири» Мухаммад-Казима о первом этапе похода Надир-шаха на Табасаран // Освободительная борьба народов Дагестана в эпоху средневековья. Махачкала, 1986.

[7] Алиев Б.Г., Умаханов М.-С. К. Союзы сельских общин в борьбе за независимость Дагестана в XVII-первой половине XIX в. // Освободительная борьба народов Дагестана в эпоху средневековья. Махачкала, 1976.

[8] Тамай А.И. Провал захватнических планов шаха Надира в Дагестане. Дис… канд. ист. наук. – М., 1951; Его же. К вопросу о провале дагестанской компании шаха Надира (1741-1743гг.) // Уч. зап. ИИЯЛ. Даг. ФАН СССР, 1958. Т.5.

[9] Феодаева Ф.З. Из истории русско-дагестанских политических взаимоотношений в 60-е-70-е гг. XVIII в. // Вопросы истории и этнографии Дагестана. Махачкала, 1970. Вып.1; Ее же. Русско-дагестанские отношения во второй половине XVIII-начале XIXв. Дис… канд. ист. наук, Махачкала, 1971.

[10] Очерки истории Дагестана. В 2-х.т. Махачкала, 1957. Т.1.

[11] История Дагестана. В 4-х т. – М., 1967. Т.1.

[12] История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIIIв. – М., 1988.

[13] Из истории взаимоотношений Дагестана с Россией и с народами Востока // Сб. ст., Махачкала, 1982.

выделяются монографии В.П.Лысцова, Н.А.Смирнова, А.В.Фадеева, О.П.Марковой, совместные исследования М.Р.Аруновой и К.З.Ашрафян, Н.С.Киняпиной, М.М.Блиева и В.В.Дегоева.

В монографии В.П. Лысцова[1] представлена картина подготовки и осуществления похода Петра, заключения русско-иранского и русско-турецкого договоров 1723-1724гг., меры Петербурга по укреплению своих позиций в обретенных областях, позиции Англии и Франции по этим вопросам. В работе Н.А.Смирнова выявлены механизмы осуществления кавказской политики России и ее соперников, причины и последствия русско-турецких войн 1735-1739, 1768-1774, 1787-1791 гг., в ходе которых «Россия твердо отстаивала Северный Кавказ от покушения со стороны Турции».[2]

А.В. Фадеев глубже определил причины эволюции кавказской политики России при приемниках Петра, выявил объективную взаимообусловленность российско-кавказских отношений в последующий период. Содержателен его вывод о том, что «политические события, происходившие в одной части Кавказа, неизбежно влияли на другие его области».[3] В работе О.П.Марковой интересен конкретный вывод об объективном совпадении успешного хода освободительной борьбы народов Дагестана против владычества Ирана с кавказской политикой царизма, направленной на поддержку этой борьбы, ясно сознавая, что «с Ираном была бы война, если бы горцы не остановили персов».[4]

В исследовании М.Р.Аруновой и К.З.Ашрафян, насыщенном богатым источниково-историографическим материалом, убедителен вывод о том, что «в Дагестанском походе Надир терпел одно поражение за другим… Потеряв значительную часть войска,… Надир вынужден был в феврале 1743г. вернуться в Иран».[5] Столь же значительным представляется вывод, содержащийся в совместной работе Н.С.Киняпиной, М.М.Блиева и В.В.Дегоева: «активизация политики России на Кавказе в XVIIIв. вызвала спор за обладание между Россией, Ираном и Турцией». В конце XVIII-начале XIXв. экспансионистские планы наполеоновской Франции, а затем и Англии на Востоке заставили Петербург усилить внимание к Кавказу».[6]

Заметный вклад в изучении роли Дагестана в международных отношениях Кавказского региона внесли исследователи постсоветского периода (1991-2010). Плотным соприкосновением с темой среди них отличаются труды Р.Г.Абдулатипова, Б.Г.Алиева, Я.З.Ахмадова, В.Бобровникова, В.Г.Гаджиева, Ш.А.Гапурова, Д.Б.Абдурахманова и И.М.Израилова, М.Р.Гасанова, Э.Г.Джахиевой, Е.И.Иноземцевой, Р.М.Касумова, Р.М.Магомедова, Н.А.Магомедова, Р.Г.Маршаева и Б.Б.Бутаева, А.И.Омарова, А.Х.Рамазанова, Н.А.Сотавова, Х.Н.Сотавова, М.-С.К.Умаханова, Ф.З.Феодаевой, А.В.Шишкова[7] и др.

---

[1] Лысцов В.П. Персидский поход Петра I 1722-1723 гг. – М., 1951.

[2] Смирнов Н.А. Политика Росси на Кавказе в XVI-XIX в.в. – М., 1958. – С. 76.

[3] Фадеев В.А. Россия и Кавказ в первой трети XIXв. – М., 1960. – С. 27.

[4] Маркова О.П. Россия, Закавказье и международные отношениях в XVIIIв. – М., 1960. – С. 126.

[5] Арунова М.Р., Ашрафян К.З. Государство Надир-шаха Афшара. – М., 1958. – С. 159.

[6] Киняпина Н.С., Блиев М.М., Дегоев В.В. Кавказ и Средняя Азия во внешней политике России. Вторая половина XVIII-30-ег.г.-XIXв. – М., 1984. – С. 3.

[7]Абдулатипов Р.Г. Кавказская политика России и российская ориентация Кавказа // Научная мысль Кавказа. Ростов-на-Дону, 1999. – № 3; Ахмадов Я.З. История Чечни с древнейших времен до конца XVIIIв. – М., 2001; Гапуров Ш.А., Абдурахманов Д.Б. и Израилов И.М. Дагестан в кавказской политике России в первой трети XIXв. Нальчик, 2008; Маршаев Р.Г. , Бутаев Б.Б. История лакцев. Махачкала, 1991; Бобровников В. Дагестан: между Россией и мусульманским Востоком // Вестник Евразии, 1995. – № 2; Гаджиев В.Г. Разгром Надир-шаха в Дагестане. Махачкала, 1996; Касумов Р.М. Дагестан и Россия в первой четверти XVIIIв. Махачкала, 1997; Его же. Каспийский поход Петра I и русско-дагестанские отношения в первой трети XVIIIв. Дис… канд. ист. наук, Махачкала, 1999; Касумов Р.М., Сотавов Н.А. Дагестан и Каспий в международной политике эпохи Петра и Надир-шаха Афшара. Махачкала, 2008; Гасанов М.Р. Каспийский поход Петра I – важный этап в развитии русско-дагестанских отношений // Научная мысль Кавказа. Ростов на Дону, 1995. – № 2. Его же. Дагестан в истории Кавказа и России. Махачкала, 2004; Джахиева Э.Г. Кумыкские феодальные владения в международных отношениях в конце XVIII – начале XIXв. (1774-1826 гг.). Дис… канд. ист. наук. Махачкала, 1998; Ее же. … Дис… д-ра наук… Магомедов Р.М. Даргинцы в дагестанском историческом процессе. Махачкала, 1999; Алиев Б.Г., Умаханов М.-С. К. Историческая география Дагестана XVIII – начала XIXв. Махачкала, 1991. Кн.1, 2001. Кн.2; Алиев Б. Г. Борьба народов Дагестана против иноземных завоевателей. Махачкала, 2002; Сотавов Н.А. Крах «Грозы вселенной». Махачкала, 2000; Его же. Кавказская проблема в русско-иранских и русско-турецких отношениях в XVIIIв. (Зарубежная историография) //Научная мысль Кавказа. Ростов на-Дону, 1998.№2; Магомедов Н.А. Дербентское ханство в русско-иранских и русско-турецких взаимоотношениях во второй половине XVIII-первой половине XIXв. Махачкала, 2000; Его же. Южный Дагестан во взаимоотношениях России, Турции и Ирана в XVIII – первой половине XIX в. Махачкала, 2005; Иноземцева Е.И. Дагестан и Россия в XVIII-первой половине XIXв. Махачкала, 2001; Омаров А.И. Политика России на Северо-Восточном Кавказе в XIX – начале XXв. Махачкала, 2004; Рамазанов А.Х. Россия и Дагестан в XIX-начале XX веков. Махачкала, 2003; Сотавов Х.Н. Дагестан в кавказской политике России, Ирана и Турции в первой половине XVIIIв. Дис… канд. ист. наук. Махачкала, 2002; Феодаева Ф.З. Русско-дагестанские отношения во второй половине XVIII- началеXIXв. – М.,2008; Шишков А.В. Схватка за Кавказ: XVI-XXвв. – М., 2005; Россия и Дагестан: история многовековых отношений и единения. Материалы республиканской научно-практической

Особое место в этом ряду заслуживает новейшее издание истории Дагестана ученными ИИАЭ ДНЦ РАН,[1] содержащее конкретные данные по теме.

Важные вопросы по теме подняты в монографиях по Северному Кавказу, Прикаспийскому региону и Кавказу в целом, докторских диссертациях, специальных статьях и материалах докладов на научных конференциях. Количественно среди них преобладают материалы по Северному Кавказу[2], в меньшей степени – по Кавказу в целом[3],

Прикаспийскому региону[4] и Северо-Восточному Кавказу[5].

Отдельные вопросы нашей темы непосредственно соприкасаются с тремя исследованиями, посвященными внешней политике России[6] и образования многонационального Российского государства,[7] в которых нашли освещение комплекс вопросов по различным аспектам исследования, включая кавказский регион от Каспийского похода Петра I (1723) до Ясского договора (1791).

Таким образом, отечественная историография XIX-начала XXI в. представляет определенный материал для выявления места и роли Дагестана в кавказской политике противоборствующих государств. Однако следует учитывать, что отдельные историки дореволюционного, советского и постсоветского периодов допускают неточности фактического, хронологического и концептуального характера, искажающие суть событий, в частности, колониальный, захватнический характер кавказской политики России. Первая из них касается искажений названий отдельных областей и международных соглашений (Астраханская вместо Архангельской области, Айналы-Кавказская – вместо Айналы Кавакской конвенции;[8] вторая – утверждения о том, что Шемаха с уничтожением русских купцов была взята в 1712г. – вместо 1721г.; [9] третья – попытки отрицания колониального характера кавказской политики царизма [10], подвергшейся принципиальной критике и отвергнутой за субъективизм и антинаучные измышления ее импровизаторов.[11]

конференции, посвященной окончательному присоединению Дагестана к России. Махачкала, 2010; Северный Кавказ в составе Российской империи. – М., 2007.

[1] История Дагестана с древнейших времен до XXв., М.,2004. Т.1

[2] Поляков Ю.А. Слово о Северном Кавказе // Северный Кавказ: геополитика, история, культура. Материалы Всероссийской конференции. Москва – Ставрополь, 2001; Рахаев Ж.А. Геополитическое положение Северного Кавказа в системе международных отношений первой половины XVIIIв. // Там же. Раджабов О.Р., Скалькова В.П. Геополитическое положение на Северном Кавказе: некоторые аспекты // Там же. Сотавов Н.А. Северный Кавказ в русско-иранских и русско-турецких отношениях в XVIIIв., М.,1991; Джахиев Г.А. Северный Кавказ во взаимоотношениях России с Ираном и Турцией в конце XVIII-первой трети XIXв. (от Георгиевского трактата до Андрионопольского договора 1783-1829 гг.). Автореф. дис… д-ра ист. наук. Махачкала, Ташкент, 1994; Якубова И. И. Политика России на Северном Кавказе в системе международных отношений в XVIII-первой половине XIX в. Автореф. дис…д-ра. ист. наук. Нальчик, 2004.

[3] Гаджиев К.С. Геополитика Кавказа. – М., 2001; Сотавов Н.А. Кавказская проблема в русско-иранских, русско-турецких и ирано-турецких отношениях XVIIIв. (Зарубежная историография) // Научная мысль Кавказа. Ростов на Дону, 1998. – № 2; Барышникова Н.В. Кавказская политика Петра I. Дис… канд. ист. наук. Махачкала, 1999; Hanco Д.А. Кавказ в системе геополитических отношений // Северный Кавказ: геополитика, история, культура. Материалы Всероссийской научной конференции. Москва – Ставрополь, 2001; Дегоев В.В. Большая игра на Кавказе: история и современность. – М., 2003; Его же. Кавказ между тремя империями // Международная жизнь, 2003. – № 12; Магомедова Р.М. Кавказская проблема в восточной политике России, Англии и Франции в первой половине XVIIIв. Дис... канд. ист. наук. Махачкала, 2004; Россия и Кавказ: история и современность. Материалы научной конференции. Владикавказ, 2005.

[4] Жильцов С.С., Зон И.С., Ушаков А.М. Геополитика Прикаспийского региона. – М., 2003; Сотавов Н.А., Хадисова С.Р. Прикаспийские области в международной политике эпохи Петра I и Надир-шаха Афшара // Вестник ИИАЭ ДНЦ РАН. Махачкала, 2005. – № 2.

[5] Омаров А.И. Политика России на Северо-Восточном Кавказе в XIX-начале XXв. Махачкала, 2004.

[6] Бобылев В.С. Внешняя политика России эпохи Петра I. – М., 1990; История внешней политики России. XVIIIв. – М., 1998.

[7] Документальная история образования многонационального государства Российского. Кн. 1: Россия и Северный Кавказ в XVI-XIXвв. – М., 1998.

[8] История народов Северного Кавказа. – М., 1988.С.416,449.

[9] Голиков И.И. Деяния Петра Великого…Т.6., изд-е 2-е. – С. 37,38; Комаров В.В. Персидская война 1722-1735гг…С.16; Саймонов Ф.И. Описание Каспийского моря…С. 31,100; Бутков П.Г. Материалы для новой истории Кавказа…Ч.1. С.3,9,17 и др.

[10] Блиев М.М. Кавказская война: социальные истоки и сущность // История СССР, 1983. – № 2. С.57,59,61,74; Виноградов В.Б., Умаров С.Ц. Вместе к великой цели. Грозный, 1983. С. 8,10,17; Виноградов В.Б. Россия и Северный Кавказ (обзор литературы за 1976-1985 гг.: итоги и перспективы изучения) // История СССР, 1987. С.95-96.

[11] Гамзатов Г.Г. Преодоление. Становление. Обновление. Махачкала, 1986. С. 37,38; Алиев Б.Г., Умаханов М.- С.К. Союзы сельских общин…С. 55; Ибрагимбейли Х.-М. Некоторые вопросы истории национально-освободительной борьбы горцев Северо-Восточного Кавказа против царизма и передовая Россия (20-е-50-е гг. XIXв.) // Дагестан в составе России: исторические корни дружбы народов России и Дагестана.

Необходимо отметить, что кроме отечественной историографии, по теме имеется обширная зарубежная историография, состоящая из трудов азербайджанских, армянских, грузинских, английских, французских, американских, австрийских, иранских и др. исследователей. Из исследования азербайджанских, армянских и грузинских историков XVIII-XIX вв. следует выделить работы Г.М.Молладзе Ганджеви, А.Ереванци, Е.Х.Джалаляна и А.А.Цагарели,[1] отразившие антииранские восстания в Дагестане и Ширване в 1707-1721 г.г., походы Надир-шаха 1734-1735гг., русско-кавказские отношения в XVIII- начале XIXвв., ставших составной частью международных отношений.

Однако по сравнению с указанными исследованиями труды азербайджанских, грузинских и армянских историков XX в. значительно превалируют над ними как в количественном, так и в качественном выражении. К таким исследованиям азербайджанских историков относятся труды А.А.Абдурахманова, Г.Б.Абдуллаева, Р.Ф.Бадирбейли, Ф.М.Алиева, Т.Т.Мустафазаде, Л.И.Юнусовой, Г.Н.Мамедовой, совместные исследования по истории Азербайджана и Грузии.[2] Среди имеющихся в указанных трудах достоверных сведений привлекает внимание не только оценки роли постоянно действующего «треугольника сил» (Россия, Иран, Турция), но и всей системы кавказской политики с участием западных держав, в которой Дагестан выступает в качестве непроходящего устойчивого фактора.

Необходимые сведения содержатся в работах грузинских историков середины 50-х-80-х гг. XX века: Г.Г.Пайчадзе, В.Г.Чочиева, Т.Д.Боцвадзе, В.Мачарадзе[3] и др., представляющие главные события XVIIIв. в свете международных отношений на Кавказе, Ближнем и Среднем Востоке. Сказанное относится и к работам армянских историков А.Р.Иониссяна, П.Т.Арутуняна, Тер-Мкртчяна, Д.К.Васкояна и Д.А.Дилояна, З.А.Арзуманяна, Ц.П.Агаяна. – С. А.Тер-Авакимовой [4] др., уделившим определенное внимание международным событиям, в орбиту которых были втянуты Дагестан с пограничными областями Азербайджана, Армении и Грузии.

И наконец, значительную группу зарубежной историографии составляют труды представителей наиболее активно участвовавших в кавказских событиях стран – турецких, иранских, английских, французских, австрийских и др. историков.

Турецкая историография XIX-начала XX вв. касательно нашей темы предпочтительно представлена трудами османских историков А.Джевдет-паши и А.Расима, австрийского историка Д.Хаммера и румынского историка Н.Йорги. В работе А.Джевдета содержатся сведения о гегемонистических устремлениях Порты на Кавказе в 30-х-70-х гг. XVIII в.,[5] А.Расима – намерениях Петра I утвердиться на

Региональная и научная конференция. Махачкала, 1987.С. 9,10,11; Ортобаев Б.Х., Тотаев Ф.В. Еще раз о кавказской войне: ее социальных истоках и сущности // История СССР, 1988. – № 4. С. 80,87,98.

[1] Гаджи шейх Гасан Моллазаде Ганджеви. Зубдат –ал-таварих. Гянджа, 1912; Авраам Ереванци. История войн 1721-1736 г.г. Ереван, 1939; Е.Х. Джалалян. Краткая история станы Албанской (1702-1722 г.г.) Баку, 1989; Цагарели А.А. Сношения Кавказа с Россией XVI-XVIII вв. СПб., 1891. Тифлис, 1903.

[2] Абдурахманов А.А. Азербайджан во взаимоотношениях России, Турции и Ирана в первой половине XVIIIв. Баку, 1964; Абдуллаев Г.Б. Азербайджан в XVIIIв. и взаимоотношения его с Россией. Баку, 1965; Бадербейли Р.Ф. Отношение западноевропейских дипломатов к Персидскому походу Петра I // Изв. АН Азерб. ССР. Серия ист. филос. и права. Баку, 1974. – № 4; Алиев Ф.М. Антииранские выступления и борьба против турецкой оккупации в Азербайджане в первой половине XVIIIв. Баку, 1975; Его же. Азербайджано-русские отношения XV-XVIIIвв. Баку, 1885; Мустафазаде Т.Т. Азербайджан и русско-турецкие отношения в первой трети XVIIIв. Баку, 1993; Его же. Mustafazade T.T. Ottoman – Russian Reilations in the Caspian Region in 1723-1724 // The Caspian Sea. International Journal of Colled Academic Articles. Elista, 2001; Юнусова Л.И. Торговая экспансия Англии в бассейне Каспийского моря в первой половине XVIIIв. Баку, 1988; Ее же. Политика Англии в бассейне Каспийского моря в 30-х 40-х гг. XVIIIв. в английской историографии // Историография Ирана нового и новейшего времени. – М., 1989; Мамедова Г.Н. Русские консулы об Азербайджане (20-е-60-е гг. XVIIIв.). Баку, 1989; Берендашвили Н., Джанашвили И., Джанашиа Ш. История Грузии с древнейших времен до XIXв. Тбилиси, 1950.

[3] Пайчадзе Г.Г. Поход русских войск на побережье Каспийского моря в 1722-1723 гг. и Грузия. Дис… канд. ист. наук. Тбилиси, 1955; Его же. Русско-грузинские политические отношения в первой половине XVIIIв. Тбилиси, 1970; Его же. Георгиевский трактат. Тбилиси, 1983; Чочиев В.Г. Международные отношения Ближнего Востока в XVI-XVIIIв в. (В свете ирано-турецких мирных договоров). Автореф. Дис… канд. ист. наук. Тбилиси, 1972; Боцвадзе Т.Д. Народы Северного Кавказа в грузино-русских политических отношениях XVI-XVIIIвв. Тбилиси, 1974; Мачарадзе В. Георгиевский трактат. Исследование. Документы. Фотокопии. Тбилиси, 1983.

[4] Иониссян А.Р. Французское посольство в Иран 1796 г // Советское востоковедение, 1976. – № 1; Арутунян П.Т. Борьба армянского и азербайджанского народов в 20-х г.г. XVIIIв. за присоединение к России // Уч. зап. ИВ АН СССР, 1954. Т.3; Его же. Борьба народов Закавказья против иранской и турецкой агрессии в XVII-XVIIIвв. Ереван, 1955; Тер-Мкртчян Л.Х. Армения под властью Надир-шаха. Ереван, 1963; Васкоян Д.К. и Дилоян Д.А. Политика России в Закавказье в 30-х гг. XVIIIв. // Историко-филологический журнал. Ереван, 1964. – № 2; Арзуманян З.А. Персидский поход Петра I и подъем освободительного движения в Закавказье. Дис… канд. ист. наук. Ереван, 1975; Агаян Ц.П. Народы Закавказья в борьбе за присоединение к России // История СССР, 1979. – № 3; Тер-Акимова С.А. Армяно-русские отношения в период подготовки Персидского похода. Ереван, 1980.

[5] Ahmet Cevdet Paşa. Tarih-I Cevdet. Istanbul,1966. Cilt 1, bol.9.S.367.

побережьях Каспия и черного моря.[1] Хаммер обращает больше внимания набегам османских и крымских феодалов на Кабарду и Дагестан, русско-турецких войнам 1735-1739, 1768-1774 гг., подписанным по их итогам двусторонним соглашениям.[2] В отличие от них, Йорга больше затронул русско-дагестанские отношения, значение освободительной борьбы народов Дагестана для корректировки кавказской политики России.[3]

Отдельные эпизоды русско-иранских и русско-турецких отношений XVIIIв. нашли отражение с негативных позиций касательно оценки политики России в работах иранских историков 30-х-40-х гг. XX века. Сейна Навая, Мохаммада Хекмата, Реза Сардари, Аббаса Экбаля, Неджефа Моэззи и др. В этом плане характерны работы М.А.Хекмата и Р.Сардари, в которых приводятся данные о политике России, Турции и Крыма на Кавказе, военных действиях между ними, дипломатических миссиях и подписанных договорах в 1723, 1724, 1732, 1735, 1774, 1792 гг. с интерпретацией их текстов в качестве приложений.[4]

За послевоенный период иранская, турецкая и западноевропейская историография пополнилась исследованиями по истории Ирана, Турции и России. Конкретные сведения о политике упомянутых стран на Кавказе, особенно о завоевательных походах Надир-шаха, отложились в работах иранских историков А.А.Бина, Г.Х.Мохтадара, М.Х.Годдуси, И.Доутлешахи, А.Т.Сардадвара и др. Наличием фактического материала и суждениями концептуального характера среди них отличаются работы Г.Х.Мохтадара и А.Т.Сардадвара, признающим, что когда Англия и Франция активно поддерживали агрессивную политику Надир-шаха, освободительная борьба народов Дагестана при поддержке других народов Кавказа, ставшая одним из главных причин крушения военной мощи Ирана, находила поддержку со стороны России, старавшейся воспользоваться этим для решения кавказской проблемы в своих интересах.[5]

Тенденцией к более подробному изложению событий второй половины XVIII-начала XX века отличаются работы П.Р.Тебризи, Х.Фазиза, Х.Эшги и М.Аткина. Проанализировав значительный фактический материал, Тебризи пришел к выводу о крайнем ослаблении Ирана к концу правления Надир-шаха, что вынудило Керим-хана Зенда подписать выгодный для Англии торговый договор в 1763 г.[6] В отличие от него, Х.Фазиз больше остановился на анализе русско-иранских и русско-кавказских отношений в конце XVIIIв., особенно завоевательных походов Ага Мухаммед-шаха в Закавказье,[7] в связи с чем усилилась ориентация местных народов на Россию, оказывавшей им свое покровительство.

Дальнейшим развитием этой темы явилась работа Э.Ханака, в которой с тех же позиций рассматривается политика России на Кавказе и одновременно раскрываются гегемонистические замыслы Турции, постоянно вмешивавшейся «во внутренние дела Северного Кавказа и Дагестана».[8] Несколько шире русско-иранские отношения последней четверти XVIII-начала XIX вв. рассмотрел М.Аткин. Утверждая, что русская экспансия на Ближний и Средний Восток особенно активизируется со времени Петра I, он подчеркивает, что «колониализм становится доминирующим фактором во внешней политике Екатерины II»[9].

Среди работ турецких историков довоенного и послевоенного периодов по истории Турции, Дагестана, Кавказа и кавказской проблемы в целом разнообразием материала и своими оценками отличаются сочинения К.Кафлы, Э.З.Карала, И.Х.Узунчахшилы, Т.Унала, И.Беркока, Ш.Эрела, Д.Гёкдже и др. К.Кафлы, например выделяя особо в русско-кавказских отношениях периоды правления Петра I и Екатерины II, безосновательно утверждает, что русско-иранский Петербургский договор 1723 г. был воспринят современниками «с горечью на душе», а русско-турецкий Константинопольский договор 1724г., передавший Турции часть Кавказа и северо-западную часть Ирана, «открывал русским путь на малую Азию»; объявление Портой войны России в 1768 г. подняло дух мусульманского населения Кавказа[10] и т.п. С аналогичных позиций, претендуя на освещение роли Кавказа во всемирной истории, выступил Беркок. Характерные утверждения этого автора: стремление Петра I к господству на Кавказе; тяга к единству между османами и суннитами Кавказа, чему мешали «русские, расположенные в Кизляре»;от Константинопольского договора 1700 г. до Георгиевского трактата 1783г. русские вели «лобовые атаки на Кавказе».[11]

Тенденция к критическому осмыслению влияния западных держав на внешнюю политику Турции проявилась в работах Т.Унала, Э.З.Карала и И.Х.Узунчаршылы, которые, однако не преминули выделить и

---

[1] Rasim Ahmet. Resemli ve haritali Osmanli tarihi. Istanbul, 1333 1335. S. 355-356.398.

[2] Hammer for Joseph. Geschichte des Osmanischen Reiches. Pest, 1830. Bd.4.s.202-208 1835. Bd.7.S. 442-447, 450-453.

[3] Jorga Nikolai. Geschichte des Osmanischen Reiches. Nasch den Quellen darfets. Gotha, 1911. Bd. 4.S.405,453.

[4] Hekmat M.A. Essaj sur I ' Histoire des relations politigues irano-ottomantp de 1722 a 17470 Paris 1947/ P.33; Sardari R. Les Traites entre I·Iran et la Russie depuis le XVI-e sieçle jusgua 1917. Paris, 1941. P. 50.

[5] Мохтадар Г.Х. Набардхое бозорг-е Надер-шах. Техран, 1337. – С. 22,23,34,105,137; Сардадвар А.Т. Тарих-е незами ва сийаси-йе Афшар. Техран, 1354. – С. 346, 740, 748,760.

[6] Tebrisi P.R. Iran under Karim Han (1752-1779) Gottingen, 1970. S. 4,5,58,74,80.

[7] Hasan Fasis. Historu of Persia under Gajar rule. New York fnd London, 1972. P. 65-67, 71-72, 78, 80.

[8] Ханак Э. Сийаси-е незами-е Руссие дар Иран: 1790-1815. Техран, 1394. – С. 16, 21-24,25,27-29.

[9] Atkin M. Russian and Iran: 1780-1828 / Minneapolis, 1980. P.4-6, 7, 162, 164.

[10] Kafli K. Simali Kafkasya. Istanbul, 1942. S. 74, 75, 79, 89-90.

[11] Berkok I. Tarichte Kafkasya. Istanbul, 1958. S. 353, 355, 361-363.

агрессивные замыслы России против Турции и Крыма. Правильно подмечая корыстные цели Англии и Франции против Порты, Унал считает, что Россия искала «повод к войне с Турцией, чтобы разделить ее».[1]

Обозревая русско-турецкие отношения, карал утверждает, что Англия выступала за сохранение целостности Османской империи из-за боязни того, что «Россия будет угрожать ее интересам в Индии».[2] Верно подмечая, что причиной похода русских войск в Прикаспье в 1722 г. стало «стремление турок захватить Дербент, Узунчаршылы повторят ходячий на Западе тезис о намерении Екатерины II надеть на своего внука «венец крымского короля».[3]

Более резкие суждения в адрес российской политики на Кавказе высказаны в работах Эрела и К.Гекдже. Так, восхищаясь героизмом дагестанцев в борьбе против Надир-шаха, Эрел «сожалеет» о «жестокостях русских», которые «заставили» кабардинцев принять свое подданство.[4] По надуманному мнению Д.Гекдже, шамхал Адиль-Гирей, оказавший серьезные услуги Петру I во время его похода, «должен был капитулировать перед силой»; русские войска заняли уступленные шахом Хусейном территории, «сломив» сопротивление иранских войск; после смерти Надир-шаха иранский народ стал искать спасения от России «в Османской империи».[5]

Для полноты анализа зарубежной историографии к сказанному следует добавить работы западных историков, а также англоязычные издания восточных авторов. Среди них по названным критериям выделяются работы английского историка Л. Локкарта, в которых на уровне научных достижений своего времени дан анализ русско-иранских, русско-турецких и ирано-турецких отношений в русле противоборства соперничавших держав за решение кавказской проблемы от Каспийского похода Петра I до краха завоевательных походов Надир-шаха в Дагестане.[6]

Имея ввиду, что ряд материалов по исследуемой проблеме нашли отражение в англоязычной литературе, автор отмечает, что большинство исследований довоенной и современной западной историографии, касающиеся нашей проблемы, проникнуто мыслью о стремлении России поглотить не только Кавказ, но и Турцию, Иран, Индию и др. Написанные с таких позиций работы Ш.Люсиль, Л.Касселс, Р.Рамазани, Ф.Касемзаде, А.Летина, Р.Олсона и др. исходят из того, что наступление Турции на Кавказе и поддерживавших ее западных держав были вызваны «русской интервенцией, угрозой существования Османской империи со стороны России». Среди упомянутых авторов более последовательно такие идеи проводятся в работах Л.Касселс, А.Летина, Ф.Касемзаде.[7]

Некоторые вопросы о кавказской политике России в свете русско-иранских, русско-турецких и ирано-турецких отношений подняты Д.Хурвитич, Р.Фрай, М.Раев, М.Андерсон. Так, по мнению Худвитича, Петр I стремился «превратить Каспийское море в русское озеро»;[8] по мнению Р.Фрая – «использовать Каспийское море как путь в Центральную Азию и Индию».[9] По словам Раева, осуществив амбиции Петра I в отношении Крыма и Черного моря, Екатерина II «создала основы для дальнейшего продвижения на Кавказ».[10] М.Андерсон считает, что «русские серьезно угрожали существованию Османской империи».[11]

Более ощутимо антирусские настроения проявились в совместной работе В.И.Перри, Х.Иналжика, А.Н.Курата и И.С.Бромлея, в которой, оценивая русско-иранский Петербургский договор 1723г., они утверждают, что «с тех пор турецкая внешняя политика…определялась угрозами русских на берегу Каспийского моря».[12]

С аналогичной русофобской начинкой кавказская политика России трактуется в работе Д.Шоу и Е.К.Шоу, в которой утверждается, что после взятия русскими войсками Дербента и Баку, «оттоманы боялись …что Россия завоюет Иран так же, как и Кавказ». Вопреки историческим фактам, они утверждают, что русско-турецкая война 1768-1774гг. «была прямым результатом агрессивной империалистической политики, которой руководствовалась Екатерина II».[13]

---

[1] Unal T. 1700. den 1958-e kadar. Turk siyasi tarihi. Ankara, 1958.S. 24 35 101.
[2] Karal E. Z. Osmanli tarihi. Ankara, 1954. Cilt 4. S.15-16.
[3] Uzuncarsili I.H. Osmanli tarihi, 1956. Cilt.2.S. 187, 190, 461, 469.
[4] Erel Ş. Dagistanlilar. Istanbul, 1961. S. 101, 107, 114
[5] Gokçe C. Kafkasya ve Osmanli imperatorlugunun Kafkasya siaseti. Istanbul, 1979. S. 30-33.
[6] Lochart L. Nadir Shay. London 1938-idem: The Fall of the Safari Dunastu and Afğhan Occpation of Persia. Cambridge 1958.
[7] Kassels L. The Struggle for the Ottoman Empire. London,1972. P. 78, 79, 98; Letin A. Russian in the Eingteenth Centuru. From Peter the Great to Catherine the Great. London. 1973. P. 93, 98; Casemzaden F. Russian Penetration of the Caucasus. // Russian imperialism from Iwan the Great to the Revolution. New Jersey, 1974. P. 243, 246, 253.
[8] Hurewitiz J.C. Diplomaci in the Neap and Midde East.
[9] Erye R. N. Persia. London, 1968. P.76, 96.
[10] Rafael M. Imperial Russia 1682-1825. The coming of the Age of Modern Russia: N V, 1971. P.4, 26.
[11] Anderson M/S/ The Great Powers and the Near East: 1774-1923. New York, 1973. P.9.
[12] Parru V. I. Inalcik H. Kurat A.N. and Bromlei I.S. A historu of the Ottoman Empire to 1730. Cambridge, 1976. P.176, 217.
[13] St. J. Shaw, E.K. (Shaw). Historu of the ottoman Empire and Modern Turkeu. Cambridge, 1976. P. 223, 247, 250, 258.

Определенный интерес для темы представляют работы французского историка А.Бенигсена, в которой предпринята попытка выявления роли Кавказа в русско-турецких отношениях [1] и немецкого историка К.Сидарко, посвященная свержению иранского владычества в Дагестане и Ширване,[2] что обратило внимание не только России и Турции, но и западных держав – Англии, Франции, Дании и др.

Приведенные примеры подтверждают наличие значительного фактического материала по теме как в отечественной, так и зарубежной историографии, требующей однако, тщательного отбора и объективной оценки по вышеуказанным критериям.

Некоторые вопросы политики колонизации национальных окраин глазами М.К.Любавского

М.Б.Магомедов
Б.М.Магомедов

«Обзор истории русской колонизации с древнейших времен и до XX века» М.К.Любавского (академик АН СССР 1929) – это обширнейший труд по истории и права «территориальной экспансии русского народа и создания им его собственной территории», который представляет собой обзор колонизационных процессов, на территории Российской империи начиная с палеолитических стоянок первобытных людей на территории Восточной Европы и вплоть до освоения русскими поселенцами Кавказа, Предкавказья, Туркестана на рубеже XIX-XX веков.

А.Я.Дегтярев, Ю.Ф.Иванов, Д.В.Карев отмечают, что научный труд М.К.Любавского – наглядный пример исследования в рамках так называемой «государственной» школы в историографии государства Российского. Для исследователей классической школы характерен интерес не только к проблемам возникновения самого государства, но и к проблемам активного определяющего воздействия государства на социальные процессы.

Мнение М.К.Любавского относительно роли русской колонизации в формировании государственной территории можно представить как систему из трех уровней исследования, где каждый следующий уровень является конкретизацией предыдущего.

Первый уровень – это уровень историко-географического исследования процесса колонизации и создания государства.

Второй уровень – это уровень изучения социальных сторон колонизации и характера взаимоотношений социума и государственного аппарата по этому поводу.

Третий уровень – рассмотрение практики государственного конституирования колонизованных земель.

Географический фактор истории колонизации является обзором внешней колонизации, создававшей русскую государственную территорию. М.К.Любавский начинает анализ освоения пространства, понимая под самим пространством собственно географическое пространство. Это наиболее абстрактное пространство, и оно никоим образом не тождественно социальному пространству, анализ которого и является предметом исследования. Анализ географического фактора как исходной точки исследования вполне логичен для ученого того периода вообще, и для Любавского в частности, отстаивавшего принцип «влияния внешней природы на человека» и общество.

Относительно истории и права государства Российского, М.К.Любавский ищет объяснения исследователей территориальной экспансии русского народа в особенностях этноландшафтной системы Восточной Европы: чередование степных и лесных областей, обилие природных богатств, присутствие воинственных соседей. Наличие богатейших природных ресурсов при экстенсивном типе хозяйствования стимулировало освоение новых земель по мере оскудения прежних.

Таким образом, в условиях перманентной экстенсивной колонизации формирующаяся государственная власть должна была, по мысли М.К.Любавского, обладать особыми качествами. А именно – обладать способностью управления огромными территориями при чрезвычайно низкой плотности населения в напряженных условиях колонизации и постоянной угрозы со стороны Степи. И эволюция государственности в сторону формирования абсолютизма была, согласно такой позиции, закономерным явлением в условиях необходимости консолидации «разреженной, а потому податливой массы» народа перед лицом постоянного противостояния воинственным соседям.

М.К.Любавский выдвигает этноландшафтную систему государства Российского и трактует принцип сложившего особенного типа государства – Империя и особый тип государственного управления – абсолютная монархия в имперской системе.

Колонизация как социальный процесс истории и права, по сколько, по его мнению, – «Русская история есть в сущности история непрерывно колонизующей страны». Это постоянное освоение новых земель не было прерогативой государства, и у М.К.Любавского эта сторона вопроса очень подробно показана.

Мы оставляет за собой право на то, что осваивая землю крестьянин-земледелец, а сами процессы освоения земель инициируются различными социальными группами. Рассматривая освоение земель как автономный социальный процесс, историк выделяет следующие хронологически доминирующие типы

---

[1] Benigsen A. Peter the Great the Ottoman Empire ans Caucasus Canadian –American Slavic studes, 1974. P.13, 14, 15, 16.

[2]Sidarko K. Kampf den ketzenischen Gisilbas. Die Revolte des Haggi Daud 1718-1728 // Caucasia betweenth the Ottoman Empire and Iran 1555-1914. Wesbaden, 2000.P. 137, 139, 141, 142, 143.

колонизации: народная, княжеская, боярская, землевладельческая, монастырская, казацкая, вольная, государственная. Последняя стала доминировать лишь в конце XIX-начале XX века. Эти типы колонизационных потоков различаются автором не столько по типу колонизатора, а скорее по типу инициатора-организатора той или иной волны миграции и последующего собственника земли, что и отражено в названии самих типов колонизации. Так, рассказывая о колонизации земель после татарских погромов в XIV веке, автор указывает, что «народная колонизация стала растекаться по тем руслам, которые открывали князья, бояре, монастыри и другие состоятельные люди».

М.К.Любавский выделяет и показывает отдельную, самостоятельную ветвь колонизации, сыгравшую большую организационную роль в освоении земель – монастырскую колонизацию. Монастыри, по его мнению, были оплотом колонизации – даже не столько потому, что могли предоставить защиту и укрытие, и не потому, что сохраняли земледельческие традиции и имели льготы от государства, хотя все эти факторы и оказывали свое влияние. Монастыри становились теми центрами, к которым тянулись не только русские земледельцы, но и люди самых разных национальностей для удовлетворения духовных потребностей. Монастыри, хотя в отношении них проводилась политика секуляризации, и все-таки, являлись не только своеобразными форпостами земледелия в море кочевников, но и выполняли функцию центров духовности.

Далее он обращает внимание на то, что процесс освоения новых земель инициировался потребностью в решении демографических проблем избыточного населения в условиях экстенсивного типа ведения хозяйственной деятельности. Значить по мере разработки земли и ее оскудения социально активная часть населения стремилась к освоению новых земель, благо что, существовавшее пространственно-географическое окружение это позволяло. В качестве примера можно привести историю вольной крестьянской колонизации правого берега Волги. Сформировался даже особый социальный тип земледельца – земледельца «без корней», всегда готового переселиться на новые земли, как только это становится возможным. О причинах, формировавших в земледельце черты потенциального мигранта, автор пишет весьма неопределенно, указывая на нужду, угнетение со стороны властей, «невозможность выполнить государственные и частные обязательства» и наконец – преступления. Исследователь более всего удовлетворяла отсылка к «известной страсти к перемене мест», иначе говоря, «привычка к бродяжничеству» и «житейский авантюризм», по мысли исследователя, могут объяснить, почему «территория русского народа в конце концов достигла колоссальных размеров». «Русскому человеку не сиделось на месте; все ему хотелось лучшего, все тянуло на новые места».

М.К.Любавский не обошел внимание и социальный процесс колонизации. Первый указывает на Эстляндию, Лифляндию – весь Прибалтийский край, Финляндию, Бессарабию, Закавказье, Среднеазиатские владения как на территории, связанные с Империей «только подчинением единой власти». Причину того, что эти земли не стали ареной колонизации.

К примеру, в устье Терека, где непривычный климат не послужил преградой для поселения русских людей еще в XVI веке. Можно привести множество примеров успешной адаптации русских поселенцев в непривычных климатических условиях (Кубань, Закавказье, Казахстан, Киргизские степи и т.д.). Современными исследователями отмечено, что процессы колонизации в районах Закавказья проходили безболезненно для русских переселенцев до момента появления государственного чиновника. А если говорить о Финляндии, то и на сегодняшний день она не отличается высокой плотностью населения, а ее природные условия сходны с условиями северо-запада государства Российского, где русские поселенцы не только активно освоили земли, начиная еще с XIII века, но и потеснили, а затем практически ассимилировали местные племена финского происхождения. Что же касается Прибалтики, то и этот край был ареной колонизации русского народа задолго до его присоединения к Российской империи в XVIII веке.

Однако еще более существенно то, что историк-государственник, по сути дела, не обращает внимания на принцип включения новых земель в состав Российской Империи. То, что между колонизованной Сибирью и той же Финляндией существовало различие в способе управления, для него более чем очевидно, но он это объясняет отсутствием самого факта колонизации территории Финляндии. И в этом видна логико-методологическая натяжка, т.к. способ управления, применявшийся в Финляндии, впервые был введен на той территории, которая, по мнению автора, состоялась как территория русской колонизации, то есть на Украине.

Государственная практика, как колонизации территорий, М.К.Любавский, раскрывает в контексте отношения государства к колонизационным процессам и, указывает, что «могучее народное движение заставило власти не только отказаться от мысли остановить это движение и ограничиться регулированием его, но и взять в свои руки руководство им».

Колонизацию как освоение земель, все же следует различать принципы присоединения территорий. Земли могут быть присоединены путем завоеваний и путем мирного освоения территорий. Для Российской империи военная экспансия как принцип присоединения территорий была не характерна. М.К.Любавский указывает, что основная часть территории Российской империи была колонизована путем освоения земель крестьянами – земледельцами, методом «народной колонизации». Организаторами переселенческих потоков могли выступать самые различные социальные группы: от монастырей до различных типов землевладельцев и их поверенных. Государство идет вслед за первопроходцами, оказывая им защиту, помощь, предоставляя льготы и т.д. А после того, как первоначальное освоение земель произошло, государство, решая проблемы безопасности своих границ, продолжает начатую колонизацию, руководствуясь уже экономическими соображениями или политической целесообразностью. Исключение, по мнению М.К.Любавского,

представляла лишь колонизация Амурского и Уссурийского регионов, организованная во второй половине XIX века по инициативе государства, обеспокоенного безопасностью границ.

Изложенный выше принцип колонизации, по мысли автора, является основополагающим для освоения земель в Российской империи. Но предложенная концепция не может объяснить различие в принципах управления присоединенными территориями: учреждение особого приказа по управлению делами на Украине – Малороссийского, и просто назначение высокопоставленного государственного чиновника – наместника Кавказа. Автор, как профессиональный историк, не может умолчать об этих фактах, но его объяснения нельзя признать убедительными.

На наш взгляд, представляется, что это происходит из-за того, что сам М.К.Любавский в анализируемой нами работе понимает процессы освоения как процессы расселения, то есть как некий эколого-демографический процесс. Автор не разводит, значит надо полагать, что понятия демографического расселения и социально-политического освоения новых территорий – это перспектива расселения пришлого избыточного населения на новых землях – это вопрос экологической адаптации. И сведение многомерного процесса колонизации к процессу расселения подобно плоской проекции объемной фигуры. Рассмотрение колонизационных процессов в данном ракурсе не может помочь нам ответить на вопрос о разных принципах управления присоединенными территориями. Чтобы ответить на этот вопрос, представляется необходимым рассмотреть процесс колонизации как процесс социальной адаптации. Под социальной адаптацией мы понимаем процесс приспособления уже существующих социальных институтов и структур к имперским структурам и институтам.

Присоединяя территории и осваивая их, русский народ адаптировал приобретенное социальное пространство как бы «под себя». Значит происходила адаптация существующих социальных институтов: перевод этих социальных институций из разряда «этнокультурное» в разряд «государственное». Такой принцип колонизации условно назовем гомогенным, то есть создающим однородное имперское пространство. Но не все территории Российской империи были колонизованы именно таким способом. К примеру, та же Финляндия, Польша, Прибалтика были присоединены как особые территории, подчиненные имперскому принципу управления. Но еще раньше в истории Российской империи уже был случай подобного присоединения. Украина присоединялась не только как отдельная земля со своими географическими границами, но и как территория, обладающая собственным социально-политическим пространством. Такой тип колонизации, который имел место на Украине, можно назвать гетерогенным – создающим разнородное социальное пространство. Гетерогенное присоединение земель – это не столько колонизация, сколько подчинение имперскому управлению.

Таким образом, мы видим, что колонизация как расселение формирует государственную территорию Российской империи. А присоединение территорий методом подчинения имперскому управлению есть формирование территории власти (формальная колонизация). Учитывая вышесказанное, имеет смысл говорить о двух аспектах колонизации: экологическом и социально-политическом. На Украине состоялся только первый вариант колонизации – экологическая адаптация. «Географизм» Любавского или отсутствие должного понятийного и категориального аппарата не позволил «увидеть» Украину как пространство, не ставшее ареной социально-политической колонизации и давшее начало принципиально новому способу формирования государственного пространства, продублированного затем в Польше и Финляндии.

Но вышеуказанное критическое замечание о «географическом» подходе автора к многомерному процессу колонизации не умаляет значения издания, которым можно пользоваться как энциклопедическим справочником по истории освоения территориального пространства Российской империи. Этому способствуют подробнейшие и обширные указатели персоналий и указатели географических, этнических и этногеосоциальных названий, составленные Е.Л.Назаровой и В.В.Назаровым.

Основные тенденции и закономерности государственно-правового развития России: историко-правовые аспекты

М.М.Айбатов

В современных условиях проведение исследований, связанных с оценкой роли и места российского государства в истории российского общества, в общемировом цивилизационном процессе представляется очень актуальной, ибо в мировой истории Россия занимает особое место. Одной из главных характерных черт российского цивилизационного процесса была особая роль государства, выразившаяся, прежде всего, в гипертрофированной роли верховной государственной власти по отношению к русскому (российскому) обществу и перманентном процессе государственных реформ на протяжении ряда исторических этапов развития России. В чем истоки данных особенностей российской государственности и как они в конечном итоге повлияли на характер исторического развития России? На этот счет в литературе имеются различные подходы и мнения.

Как известно, древнерусское государство возникло под определенным влиянием деятельности пришлого элемента – варягов, как результат освоения отдельными их отрядами огромной территории. Славянские и финские племена, жившие на этой территории, восприняли привнесенные формы государственного устройства, но сохраняли свой родовой быт и родовую психологию. Так формировалось особое политическое образование с необычайно глубокой пропастью между правителями и управляемыми. В Древнерусском государстве и обществе отсутствовал объединяющий общий интерес: государство и общество сосуществовали, сохраняя свои особые отличия, и вряд ли чувствовали какие-то обязательства

друг перед другом. После смерти князя его княжество дробилось между сыновьями. Так стала складываться собственническая, вотчинная манера отправления державной власти.

В дальнейшем московские цари смотрели на свою империю, раскинувшуюся от Польши до Китая, глазами вотчинников, как глядели некогда их предки на свои крошечные уделы [1. – С. 78-79]. Эти особенности российской государственности хорошо описал В.О. Ключевский, который подчеркивал, что в России выработалась низшая форма государства- вотчина. Павел, Александр I и Николай I владели, а не правили Россией, проводили в ней свой династический, а не государственный интерес. Традиция рассматривать вверенную им страну как собственность сохранялась у российских правителей во все времена, в том числе и в новейшее время. Особенности, отличавшие раннюю русскую государственность (вотчинный характер правления и необыкновенно глубокая пропасть между держателями политической власти и обществом) были усилены монголо-татарским завоеванием в XIII-XIV вв. Ни один князь не мог получить власть, не заручившись предварительно грамотой монгольского хана. Так постепенно создавалась генерация покорных князей. Непокорных же унизительно наказывали или казнили. Русские князья впитывали дух государства восточного типа, дух абсолютной, никем и ничем не ограниченной власти, отношения жесткого подчинения и беспрекословной покорности подданных. Обязанные в новых условиях выполнять ханскую волю, они уже не могли мириться с былой независимостью и правами своей старшей дружины.

Укреплению государственного деспотизма способствовало ослабление прав и роли городов. Основные свои удары монголы обрушили именно на города. По подсчетам археологов, из 74 русских городов XII–XIII вв., известных по раскопкам, 49 были разорены Батыем. [2. – С. 42, 45]. В условиях прифронтового государства, постоянной внешней опасности города лишались старых вольностей. При этом резко возросла власть и роль князя.

Истоки гипертрофированной, всеобъемлющей роли государства по отношению к обществу во многом кроются и в особом характере складывания русского централизованного государства в XIV – XV столетиях. В Западной Европе главную роль в процессе централизации сыграли социально-экономические обстоятельства: необходимость объединения экономических центров-городов с их бурно развивающимися ремеслами, промышленностью, товарно-денежными отношениями. Русским землям объединение диктовали политические обстоятельства: необходимость борьбы с внешней опасностью, необходимость установления национальной независимости. Это объединение для отпора агрессии извне было бы невозможным без жестокой верховной княжеской власти, абсолютного подчинения ей господствующего класса и усиления эксплуатации крестьян.

Верховная власть всеми мерами стремилась закрепить сложившуюся структуру. В XVI и XVII вв. принимаются законы, запретившие крестьянам покидать свои участки, а купцам – менять место жительства. Священники не имели права слагать с себя сан, их сыновья должны были вступать на отцовское поприще. Под угрозой тяжких наказаний простолюдинам не разрешалось переходить в ряды служилого слоя. А сыновьям служилых людей следовало по достижении совершеннолетия регистрироваться в соответствующем ведомстве. Государство всячески стремилось сделать социальное положение наследственным. Социальная структура общества становилась все более неподвижной. Так складывалась всеобъемлющая система, прикрепляющая все население к государству.

Верховная власть мощно вторгалась и в сферу межнациональных отношений. Русский абсолютизм обеспечивал существование, «скреплял» уникальное в истории державное образование, объединение в рамках «единой и неделимой» империи десятков народов. В XX веке, на новом витке исторического развития, были воспроизведены многие характерные особенности российской государственности, порой вседеспотический характер власти и мощное вмешательство ее в самые разные сферы жизнедеятельности общества. Оценивая характер государства в XX в., нельзя не отметить, что оно не в меньшей степени, чем раньше, отличалось мощной военно-бюрократической и репрессивной машиной. С 1930 по 1953 гг. по обвинению в контрреволюционных государственных преступлениях приговоры были вынесены около 4 млн человек [3. – С. 22].

Таким образом, и в XX веке, в новых условиях «верховная власть» выбрала наиболее жесткий вариант развития. И это связано не только с конкретной обстановкой противоборства различных сил в стране и в мире. Это было обусловлено многовековыми российскими традициями государственности. Гипертрофированная роль государства питалась особенностями российского менталитета. Много столетий население жило общиной. Здесь веками вырабатывались свои нормы поведения, свои идеалы. Историческая судьба России постепенно укрепляла в сознании народа ценность общины («мира»). Ведь именно община могла защитить человека и в ней он видел воплощение мечты о справедливости и равенстве. Вот почему идея служения общему государственному началу играла такую значительную роль в духовном строе народа.

Вот как писал о роли государственного начала в жизни русского народа выдающийся ученый Николай Бердяев: «Россия – самая могущественная и самая бюрократическая страна в мире; всё в России превращается в орудие политики. Силы народа, о котором не без основания думают, что он устремлен к внутренней духовной жизни, отдаются колоссу государственности, превращающему всё в свое орудие. Интересы создания, поддерживания и охранения огромного государства занимают совершенно исключительное и подавляющее место в русской истории. Личность была придавлена огромными размерами государства, представляющего непосильные требования. Русская государственность превратилась в самодовлеющее отвлеченное начало; она живет своей собственной жизнью, по своему закону, не хочет быть подчиненной функцией народной жизни… Великие жертвы понес русский народ для

создания русского государства, много крови пролил, но сам остался безвластным в своем необъятном государстве» [4.с.6–7], что подтверждается сегодняшними реалиями российской государственности.

Другой важной особенностью российского государства, его роли в истории российской цивилизации явилась перманентность реформирования структур власти и общества в целом. Российская история во многом представляет собой историю социального реформизма. Глубокая модернизация и европеизация России была проведена Петром Великим. С именем крупного государственного деятеля, близкого советника императора Александра I, М.М. Сперанского связан реформистский процесс первой половины XIX в., исключительные по своему значению аграрная, судебная, городская, земская и другие реформы 60-х – 70-х годов XIX в. Мы говорим об этом периоде как об «эпохе великих реформ». Процесс модернизации российского общества в начале XX в. был начат по инициативе такой значительной политической фигуры российского реформаторства, как Петр Столыпин. В истории советского общества также были и глубокая модернизация общественного уклада в конце 20-х и в 30-е годы, и хрущевский реформизм, наконец попытки обновления общества во второй половине 80-х – в 90-е годы. Административная реформа остается ключевой и в наши дни. История российского реформизма вызвала к жизни разные типы реформ с неодинаковой степенью государственного принуждения, с разной степенью привлечения общественных сил к разработке и осуществлению преобразований.

Особенностью российских преобразований была их конфликтность. Реформы очень часто осуществлялись жесткими насильственными методами, имели «вкус слез и цвет крови». Причины этого крылись и в ускоренных темпах нововведений, и в недостаточном учете социальных интересов. Российские реформаторы, как правило, во многом не принимали в расчет позицию тех групп населения, которые придерживались традиционных норм жизни. Реформы Петра шли среди глухой и упорной внутренней борьбы: четыре мятежа и несколько заговоров. Их участники выступили против нововведений. Петр жестоко расправлялся с носителями старины, стрельцами, церковниками-староверами и даже с наследником престола, не пожелавшим идти по стопам отца. [5. – С. 200].

Игнорирование наследием и историческому опыту собственного народа было характерным и для других российских реформ. Часто российское реформирование несло в большей степени заряд разрушительный, чем созидательный. Следствием этого было накопление в процессе реформ потенциала их отрицания, состояние внутренней напряженности, конфликтности общества. Реформизм в России очень часто базировался на некритическом восприятии, а порой и прямом заимствованием идей, взглядов. Характерной особенностью многих реформ в России было также то, что государство, как инициатор реформ, не могло опираться на старую бюрократию, поэтому модернизация аппарата управления, то есть административные реформы, являлись часто главной составной частью преобразований. Постоянные видоизменения госучреждений неизбежно расширяли слой бюрократии. Она гибко откликалась на изменения, трансформировалась, переливалась из одной структуры в другую, но выживала и укреплялась. Численность бюрократии в России быстро росла. Только за первую половину XIX века число государственных чиновников увеличилось более чем в четыре раза [6. – С. 12]. Особая роль государства в процессе российских реформ «сверху» превращала бюрократию в единственного их разработчика и руководителя. Ее значение в судьбах реформ в нашей стране огромно. С одной стороны, бюрократия разрабатывала и осуществляла нововведения, а с другой стороны, она могла выступить и их противницей, если преобразования грозили сложившейся традиционной иерархии. От позиции правящей элиты, от результатов борьбы разных групп и кланов бюрократии зависела окончательная судьба реформ в России.

Наконец, нельзя не отметить, что русские реформаторы часто игнорировали права при проведении реформ и чрезвычайно редко имели грамотный социальный и политический анализ для их осуществления, четкое и ясное представление о том, при помощи каких социальных и политических сил могут быть введены новации.

Отмеченные характерные особенности роли государства в истории российской цивилизации объективно предопределили такие черты российского исторического процесса, как противоречивость, конфликтность развития отечественной истории, предрасположенность российского общества к крайностям. Пограничное положение между Европой и Азией наложило отпечаток на общественное развитие, способствовало противоречивому сочетанию европейских и восточных черт. Это обстоятельство наложило отпечаток на весь ход истории страны. Россия развивалась во взаимодействии и в борьбе то с Европой, то с Азией. И восточные, и западные элементы присутствуют в российской жизни, в российской истории.

Двойственную, противоречивую природу российской жизни подчеркивал и Н.Бердяев. В своем труде «Судьба России» он развивал мысль о том, что в «русском народе одновременно уживаются и восточная приверженность государственному началу, и западный идеал свободы. В истории России эта двойственность выразилась, как считал он, в постоянном чередовании разрушительных бунтов вольницы с периодами усиления власти, сдерживающей эту вольницу железной рукой. Наряду с буржуазными отношениями, развитыми в западных и юго-западных регионах, сохранялись патриархальные и родовые отношения. Россия оказалась своеобразным гигантским цивилизованным котлом, в котором до конца в гармоничное единство не смогло перевариться все противоречивое многообразие разных этносов. Возрастная, историческая «равновременность» существования друг с другом народов и социально-экономических укладов приводила к социокультурным расколам общества, порождала особую болезненность и кризисность общественного развития [7. – С. 55, 58].

Переплетение российских полярностей могло существовать только при наличии сильной, жесткой государственной машины, скрепляющей неорганичное единство, а при ослаблении же государственного

механизма российское общество всегда «ломалось». Так было в XVIII веке, в годы «смуты», в период гражданской войны, когда от Российской империи откололась территория, насчитывающая свыше 800 тыс. квадратных километров с населением более 30 млн человек. Те же процессы распада союза народов происходили в 90-е годы XX века и в начале XXI в.

Одной из концепций, объясняющих особую кризисность, противоречивость российской истории, является концепция, согласно которой Россия характеризуется не иначе, как «догоняющей» страной. Ее развитие XVIII – XX веков характеризуется как тип «запоздавшего» исторического развития [8]. Основные идеи сторонников этой концепции сводятся к следующему. В течение нескольких веков в силу ряда исторических причин страна находилась в «режиме» постоянно «догоняющей» и спешно модернизируемой. Ситуация быстрой модернизации неизбежно порождала конфликтность и противоречия. Общество не успевало выйти из одного этапа развития, разрешить специфические для него противоречия, как перед ним уже вставали проблемы, присущие следующей эпохе. Картина стадиального развития России всегда была «смазанной». Современность осложнялась неопределенными остатками прошлого. Отсюда ярко выраженная многоукладность общества. Корни многих российских конфликтов лежат в противоречивом сосуществовании явлений, принадлежащих разным эпохам. «Догоняющий» тип развития предопределил специфику российского формационного развития. Для России был характерен особый тип феодализма и особый тип обуржуазивания страны.

Многие корни российской конфликтности кроются в особенностях российской власти с ее абсолютистской природой, монополизмом и мощным вмешательством в жизнь общества. Все это в конечном итоге дает основание утверждать, что важнейшими доминантами российского цивилизационного развития были и остаются особая роль государства и конфликтность российского исторического развития.

Опыт мировой цивилизации свидетельствует, что государство и общество вынуждены осуществлять преобразования, модернизации, реформы, чтобы соответствовать новым требованиям. Исторический опыт осуществления государственно-правовых реформ в России убедительно показывает, что если реформы не проводятся, затягиваются или осуществляются половинчато, не решая основных проблем, которые только накапливаются, то это может стать причиной революционных преобразований. Но революция, в отличие от реформ, предусматривает коренную ломку государственного строя. В связи с тем, что революции сопровождаются большими человеческими жертвами и страданиями народа (на примере революций в России это хорошо видно), для общественного прогресса своевременная реформа все-таки предпочтительнее. Реформы, в отличие от революции, не разрушают старое, а, опираясь на лучшее, сохраняя все ценное, определенную преемственность, созидают новое, отвечающее требованиям времени.

Государственно-правовые реформы только тогда можно считать успешными, когда они решают проблемы, стоящие перед обществом, способствуют социально-экономическому развитию страны, повышают качество жизни ее граждан. Кроме того, реформы должны проводиться с учетом объективных предпосылок, потребностей общества. Многие реформы, навязанные сверху, не воспринятые народом, обречены на неудачу. Если говорить о России, то вся история ее реформ свидетельствует о том, что государственно-правовые изменения зачастую осуществляются с опозданием.

А события начала 90-х годов XX века из-за несвоевременного проведения реформ с целью решения накопившихся социально-экономических проблем обернулись для нашего народа «шоковой терапией». На основании исторического опыта России можно с уверенностью сказать, что многое из того, что происходит в ходе осуществления государственно-правовых реформ в наши дни, напоминает события далекого и не очень далекого исторического прошлого. Одна из главных причин безуспешности российских реформ состоит в том, что вместо сознательного, целенаправленного преобразования общества, модернизации государства и общественных институтов в России проводились перманентные слияния-разделения министерств и ведомств, других органов государственной власти и управления. Исторический опыт показывает, что государственно-правовые реформы проходили в России не всегда успешно еще и потому, что очень часто следом за ними происходили контрреформы, когда новый глава Российского государства безжалостно уничтожал то, что было сделано его предшественником. Этому явлению реформ-контрреформ автор дал меткое определение «русские качели». По пути движения качелей – то вверх, то вниз – проходили многие государственно-правовые преобразования в нашей стране.

Таким образом, государственно-правовое развитие России проделало долгий и тернистый путь. Однако более чем тысячелетний путь улучшения государства и права в нашей стране не закончен. И государство, и право России еще далеки от совершенства, от того состояния, когда Российская Федерация сможет называться правовым государством. Мы надеемся, что реформы, проводимые В.В.Путиным, будут доведены до логического конца, и Россия займет достойное место в ряду правовых, демократических государств Европы. Россия не ученица и не спутница, даже не соперница Европы; она – ее преемница. Россия только начинает жить. Это означает, что «наша историческая молодость обязывает нас не к подражанию, не к заимствованию плодов чужих культурных усилий, как писал В.О.Ключевский, а к самостоятельной работе над принципами собственной исторической жизни, сокрытыми в глубине нашего народного духа…» [9. – С. 388]. Эти замечательные оптимистические слова историка, написанные в конце XIX века, не потеряли своей актуальности и в наши дни. Государственно-правовые изменения, произошедшие в нашей стране за последние два десятилетия, круто и необратимо изменили облик государства, его социально-политический и экономический строй. Начался новый этап Российского государства и права, новый этап страны с тысячелетним прошлым.

Литература:

1. Пайпс Р. Россия при строгом режиме. – М., 1993.
2. История Отечества: люди, идеи, решения. – М., 2018.
3. Отечественная история // Под ред. Ш.М.Мунчаева. – М., 1994.
4. Бердяев Н. Судьба России. – М., 1990.
5. Ключевский В.О. Соч. – Т. IV. – М., 1989.
6. Томсинов В.А. Светило российской бюрократии. – М., 2017.
7. История Отечества. Краткий очерк. – М., 2018. – Вып. 2.
8. Пантин И., Плимак Е. Россия XVIII-XX вв. Тип «запоздавшего» исторического развития // «Коммунист». – 1991. – № 11.
9. Ключевский В.О. Избранные лекции «Курса русской истории». – Ростов-на-Дону: Феникс, 2017.

Практические проблемы компенсации морального вреда.

Г.Г.Амирбекова

Возмещение вреда, причиненного личности в судопроизводстве по уголовным делам незаконными действиями органов дознания, предварительного следствия, прокуратуры и суда, определено в рамках гражданского и уголовного законодательства, содержащие положения, согласно которым реабилитированный, а в случае смерти – его наследники, близкие родственники, родственники или иждивенцы, а также лица, незаконно подвергнутые мерам процессуального принуждения, имеют право на возмещение имущественного вреда, устранение последствий морального вреда и восстановление в трудовых, пенсионных, жилищных и иных правах.

Однако несовершенство норм, регламентирующих порядок возмещения вреда пострадавшим от незаконных или необоснованных действий (бездействий) и решений должностных лиц, пробелы в законодательстве, отсутствие уверенности у лиц, наделенных правом на возмещение рассматриваемого вреда в действенности соответствующих норм института реабилитации, а иногда и неисполнение должностными лицами компетентных органов требований норм гражданско-процессуального и уголовно-процессуального законодательства, касающихся разъяснения порядка возмещения данного вреда, способствуют снижению уровня реализации на практике положений о возмещении материального, морального и иного вида вреда.

Практика показывает, что исковые заявления о возмещении морального, материального или иного вида вреда не были рассмотрены в полном объеме судом в пользу истца. В процентном соотношение это примерно половина подданных исковых заявлений (в 2016г.-56 исковых заявлений, в 2017 г.- 43)

Примерно 20 % из общего числа практических работников доводят до сведения лиц, подлежащих реабилитации положение ст. 137 УПК РФ, предусматривающей возможность обжалования решений судьи, прокурора, следователя, дознавателя о производстве выплат, возврате имущества в порядке, установленном главой 16 УПК РФ, а также разъясняют сам порядок.

Такое положение вещей обусловливает необходимость рассмотрения некоторых вопросов, связанных с порядком возмещения морального и материального вреда, причиненного незаконными или необоснованными действиями и решениями органов дознания, предварительного следствия, прокуратуры и суда.

Уровень развития норм о компенсации морального вреда характеризует степень гуманизации общества в целом, поскольку сущность института компенсации морального вреда включает охрану нематериальных благ человека, которые, в свою очередь, являются неотъемлемыми естественными правами человека, присущими ему от рождения. В гражданском судопроизводстве компенсация морального вреда позволяет восстановить гражданина в личных неимущественных правах, если только доказано, что моральный вред в конкретной ситуации был причинен[1].

Термин моральный вред в российском праве впервые был использован в нормах, регулирующих уголовное судопроизводство, где речь шла о потерпевшем. А именно, ранее в уголовно-процессуальном кодексе предусматривалось – наряду с физическим и имущественным вредом, моральный вред указывается в качестве основания для признания лица потерпевшим от преступления. Попытки дать толкование этому термину предпринимались только учеными-процессуалистами. Существуют различные точки зрения по вопросу о том, что следует признавать моральным вредом. Одни ученые считают, что моральный вред – это все те неблагоприятные последствия, наступившие в результате незаконного осуждения и незаконного привлечения к уголовной ответственности, которые не охватываются понятием имущественного вреда[2]. Ряд других, связывают содержание этого понятия с изменением морально-политической оценки личности гражданина со стороны общества, наступившей в связи с производством по делу[3].

С точки зрения Б.Т. Безлепкина – моральный вред, причиненный личности незаконными действиями правоохранительных органов определяется как «бесчестье», урон, наносимый положительной общественной оценке моральных качеств гражданина, мы оказываемся, решая вопрос, имеется ли «бесчестье», в

---

[1] Веретенникова Е. компенсация морального вреда, причиненного незаконными деяниями сотрудников правоохранительных органов // Законность. 2003. № 11. С. 38.

[2] Шило Н.Я. Судебная защита чести и достоинства советских граждан. Ашхабад, 1981. С. 27.

[3] Никишкин К.С. Возмещение морального ущерба реабилитированному гражданину в советском уголовном процессе: Дис... канд. юрид. наук. М., 1991. С. 26; Гришин С.П. Охрана чести и достоинства личности в советском уголовно-процессуальном праве: Автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 1983. С. 8.

зависимости от того круга лиц, который узнал порочащие гражданина сведения. Данное определение морального вреда наталкивает нас на другие проблемы.

Например, о привлечении к уголовной ответственности лица было известно определенному кругу людей, допустим, коллегам по работе. Один из них на момент оправдания данного лица сменил место жительства и уехал в неизвестном направлении. Или, например, в газете было опубликовано сообщение о факте осуждения лица, которое впоследствии наделено правом на реабилитацию. Это лицо, чтобы возместить моральный вред, причиненный ему фактом указанной публикации, требует опровержения распространенных сведений, газета же по каким-то причинам прекратила свое существование. Как быть в этом случае? Когда можно считать моральный вред возмещенным? Следуя логике Б.Т. Безлепкина, тогда лишь, тогда, когда все лица будут также извещены о его реабилитации, а это не всегда возможно. Поэтому согласиться с такой трактовкой понятия морального вреда нельзя, так как данное понятие представляется слишком узким.

Моральный вред, причиненный личности в уголовном судопроизводстве совсем иной, поскольку незаконными действиями органов дознания, предварительного следствия, прокуратуры и суда, приводят к изменениям социально-нравственного статуса человека, его психического состояния, претерпевание им незаслуженных нравственных и физических страданий и ряд др.

Социально-нравственный статус гражданина понимается в широком смысле. Это может быть доброе имя, уважение, почет, репутация. Это и те моральные, нравственные, духовные, умственные и другие качества, по которым оценивается человек со стороны окружающих или которыми оценивает себя он сам[1].

Следует согласиться с мнением Н.С. Малеина, который считает, что моральный вред выражается в нарушении психического благополучия, душевного равновесия личности потерпевшего[2]. В результате совершенных в отношении гражданина незаконных действий он испытывает (претерпевает, переживает) унижение, раздражение, гнев, стыд, отчаяние, физическую боль, ущербность, дискомфортное состояние. Это может быть связано с возможным или уже наступившим ухудшением отношений на работе, в предпринимательской деятельности, в семье, с ограничением выбора профессии, крушением карьеры, психическими переживаниями, которые иногда приводят к нервным заболеваниям и даже к суициду, расстройство же нервной системы может явиться причиной сердечно-сосудистых и иных заболеваний (хотя установить здесь причинную связь весьма проблематично). Эти негативные явления могут выражаться самым различным образом в зависимости от индивидуальных особенностей пострадавшего, социальной и моральной ценности для него объекта посягательства, иных факторов.

Изменения в гражданском законодательстве не нашли достаточного отклика и у специалистов, занимающихся уголовным судопроизводством. Многие из них продолжали связывать с моральным вредом только нравственные страдания. В частности, В.Я.Понарин пишет: «Моральный вред – это нравственные страдания лица, вызванные преступным посягательством на его честь, достоинство, а также на иные блага, охраняемые как законом, так и нормами морали»[3]. Более того, физические страдания они относят к другому типу вреда – физическому[4].

Из содержания ч. 1 ст. 151 ГК РФ и руководящих разъяснений Пленума Верховного Суда РФ явствует, что под моральным вредом следует понимать нравственные или физические страдания, причиненные действиями (бездействием), посягающим на принадлежащие гражданину от рождения или в силу закона нематериальные блага либо нарушающими его личные неимущественные права или имущественные права. Моральный вред, в частности, может заключаться в нравственных переживаниях в связи с утратой близких родственников, невозможностью продолжать активную общественную жизнь, потерей работы, раскрытием семейной, врачебной тайны (постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации «Некоторые вопросы применения законодательства о компенсации морального вреда» от 20.12.94 г.[5]). Одинаковое понимание термина «моральный вред» в гражданском, уголовном и уголовно-процессуальном праве представляется очень важным.

Во-первых, эффективное использование уголовно-процессуальной терминологии возможно только тогда, когда употребляемые термины имеют предельно четкое, адекватное материально-правовое значение. Во-вторых, если судьи при рассмотрении уголовных дел примут решение о компенсации пострадавшим морального вреда, имея ввиду только страдания нравственного характера, исключая физические страдания, то размер денежной компенсации будет меньше. В свою очередь, при возмещении вреда здоровью, без компенсации останутся физические страдания, поскольку в этом случае их компенсация законом просто не предусмотрена. Неправильная трактовка понятия «моральный вред» может служить причиной явного ущемления прав потерпевших на максимально полное возмещение вреда, причиненного преступлением[6].

---

[1] Цанава М.А. Уголовная ответственность за преступления против чести и достоинства граждан по советскому уголовному праву: Автор. дис. … канд. юр. наук. М., 1990.С. 5.

[2] Малеин Н.С. О моральном вреде // Государство и право. 1993. № 3. С. 33-34.

[3] Понарин В.Я. Защита имущественных прав личности в уголовном процессе России. Воронеж, 1994. С. 79.

[4] Уголовный процесс. Общая часть /Под ред. В.П. Божьева. М., 1997. С. 96; Уголовно-процессуальное право Российской Федерации / Под ред. П.А. Лупинской. М., 1997. С. 78.

[5] Бюллетень Верховного Суда РФ. 1995. № 3.

[6] Нарижний С.В. Компенсация морального вреда в уголовном судопроизводстве России. М. – СПб. 2001. С. 39-40.

Также она может послужить и причиной ущемления прав лиц, подлежащих реабилитации в уголовном процессе.

Вышеуказанное позволяет сделать вывод о том, что моральный вред есть претерпевание нравственных (обида, страх, возмущение, горе, чувство утраты и т.п.) и физических страданий (боль, удушье, головокружение, тошнота, зуд, жжение и т.п.), унижения, стеснения свободы личности. С точки зрения автора, было бы неправильным и весьма неразумным решать вопросы о денежной компенсации причиненного морального вреда на досудебных стадиях в рамках уголовного судопроизводства, так как это повлекло бы либо обвальный поток жалоб, либо, наоборот, неоправданные траты бюджетных средств в связи с неправильным определением органами расследования размера компенсации. Ведь с учетом известной специфики и сложности, определение размера компенсации за такой вред органами предварительного следствия и прокуратуры не будет основано на законе, так как войдет в противоречие, в частности, со ст. 151, 1101 ГК РФ, в соответствии с которыми только суд может возложить обязанность денежной компенсации морального вреда и определить ее размер. В связи с этим заслуживает поддержки позиция законодателя в плане того, что в действующем законодательстве предусмотрена в рамках уголовного процесса лишь возможность устранения последствий морального вреда, иски же о компенсации в денежном выражении за причиненный незаконным или необоснованным уголовным преследованием моральный вред должны предъявляться в порядке гражданского судопроизводства.

Список литературы:

1. Гражданский процессуальный кодекс РФ,2002г. (с изм. и доп. по состоянию на 2 октября 2017г).
2. Уголовно-процессуальный кодекс РФ.
3. Цанава М.А. Уголовная ответственность за преступления против чести и достоинства граждан по советскому уголовному праву: Автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 1990.
4. Малеин Н.С. О моральном вреде // Государство и право. 1993. № 3.
5. Нарижний С.В. Компенсация морального вреда в уголовном судопроизводстве России. М.-СПб., 2001.
6. Левинов Т.А. Возмещение морального вреда лицам, незаконно привлеченным к уголовной ответственности // Российская юстиция. 2004. № 9.

Законодательная деятельность Шамиля и правовое положение личности в Имамате

Р.Р.Гашимов

Опыт первых лет восстания горцев показал руководителям борьбы необходимость искоренения адатов из общественной жизни горцев как препятствующих в их антифеодальной и антиколониальной борьбе и консолидации освободительных сил, как не соответствующих раскрепощению и охране прав и интересов личности.

На смену адатам предводители борьбы вводили в обиход горцев новые нормы шариата. Надо полагать, что имам настаивал не просто на внешнем их применении, а на искреннем следовании нормам высшего человеческого поведения и в решении дел «… по истинному шариату…» [8. – С. 142]. Успехи Шамиля на военной и государственно-правовой ниве объясняются настойчивостью, с которой он распространял шариат и утверждал его среди горцев на прочных основаниях. Так, например, по мнению Нейгардта, человека, которого вряд ли можно подозревать в симпатии к горцам, мы узнаем, что «со времени разделения Чечни на участки, Шамилем введено там правильное законодательство. Адат, как обычай, потворствующий слабостию своих постановлений страстям полудикого народа, уничтожен; вместо него введен шариат; и для разбирательства дел по шариату при каждом наибе находится ныне постоянно по одному кадию; в настоящее время в Чечне убийства, воровство, насилие и другого рода преступления сильно преследуются, и Шамилем приняты самые строгие меры к искоренению из нравов чеченцев зверского обычая кровомщения» [1. – С. 403].

Восстановление шариата было первой целью сторонников имама, к утверждению основ которого среди горцев Шамиль относился творчески. Преследуя с такой настойчивостью адат, он осознавал, что в учении шариата заключается также много всякого рода противоречий, способных обратиться в источник зла, чуть ли не сильнейшего в сравнении с тем, какое может породить адат. Дело здесь в том, что почти каждое постановление шариата имеет свои собственные толкования. Некоторые из этих постановлений, написанные более 1000 лет назад, не вполне соответствовали быту горцев и переживаемым ими историческим условиям. В процессе восстановления шариата Шамиль предполагал следующие обстоятельства, а именно, что шариат принадлежал к фундаменталистскому толкованию накшбандийского тариката, далее – в этом же Шамиль рассматривал противоположность и для искоренения адатов и, наконец, он иногда предопределял мусульманский образ жизни. Шариат, по мнению самого имама, имел свои пробелы и неясные или спорные выдержки, которые требовали интерполяции, интерпретации и соответственно выбора между конфликтующими точками зрения.

Понимая все это, Шамиль ясно видел, что при механическом перенесении шариата на регулирование общественных отношений среди горцев эффективность его применения представляется очень сомнительной. С одной стороны, при сохранении нескольких толкований положений шариата мусульманское духовенство будет блуждать, не находя наиболее верного. С другой, характер горцев давал право ожидать всяких злоупотреблений при малейшем послаблении закона, при намеке на самоуправство или насилие, а такие тенденции в шариате встречаются нередко. С учетом всего этого Шамиль дополнил и изменил некоторые положения шариата, сообразно действительных, как ему казалось, потребностей страны [4. – С. 67].

Все, что таким образом было составлено, в горах называли «низамом», применяя этот термин к реформам Шамиля по всем отраслям управления. Поэтому низамы «регламентировали всю административную, военную и обыденную жизнь горцев» [11. – С. 170]. Сам Шамиль утверждал, что низам – это собрание различных правительственных мер, касающихся только безопасности страны, благополучия народонаселения и усиления средств к сопротивлению внешним врагам. Эти правила не имеют ничего общего с шариатом, которому они служат лишь дополнением. Однако в состав низамов вошли еще и другие правительственные меры, касающиеся не только судебной части и общественной жизни горцев, но и их домашнего быта, а потому стоит только вникнуть в смысл этих закономерностей, чтобы удостовериться, против каких именно положений шариата они направлены.

Исследуя сущность изданных Шамилем низамов, следует отметить их антиэксплуатационный характер. Возмущенный злодеяниями на местах, он утвердил комиссию для расследования этих злоупотреблений и на основе выводов комиссии сделал обращение к народу, где в частности, шестым пунктом имам «запретил наибам заставлять людей собирать и таскать для личного пользования дрова, сено, а также вводить по очереди повинность, выставлять лично для наиба и лошадей и ослов, налагать на население то, что является для него тяжким», а седьмым – запрещает горцам «служить им также, как это делали ханы» [2. – С. 399].

Характерным принципом всей государственно-правовой политики Шамиля являлась гласность. В своей деятельности он опирался на поддержку широких слоев населения и поэтому его политика объективно не могла быть оторванной от интересов народа и скрытой от них. Шамиль не боялся разоблачения перед народом порочной практики управления им же назначенных наибов. Принцип гласности был характерен для процесса судопроизводства, введенного Шамилем. Судебное производство исполняли при всем народе. Тут же приводились в исполнение решения и приговоры суда. Гласность в судопроизводстве исключала волокитство дел в судах и вносила большой воспитательный заряд в правовое воспитание населения.

Военная, административная и духовная власть Шамиля была ограничена главным советом и съездом наибов и алимов, которые не всегда беспрекословно и целиком соглашались с указаниями имама. Если можно назвать Имамат монархией, то эта монархия была чрезвычайно своеобразна, где основные политические вопросы решались съездом, а законодательство и управление – Диван-Ханой. Общее развитие правовой системы Имамата усматривается из перечня законопроектов и других вопросов, обсуждавшихся и утвержденных на съезде народных правителей в 1847 году в Андии: «… 6.Чтобы нам не выходить из пути людей добродетельных; 7. Чтобы оставить взаимную зависть, притеснения, и быть рукою (помощью) один другого; 8. Чтобы второй не повторил того, что сделал первый и чтобы приемник был с предшественником в тех же отношениях, в коих был до смены его; 9. Чтобы взвешивать все дабы еще более не сбиться с прежнего пути как в сей, так и в будущей жизни» [5. – С. 15].

В своих низамах Шамиль старался претворить на практике провозглашенный им лозунг равенства всех членов общества перед Аллахом и законом. Низамы наделили членов общества равными правами и возложили на них одинаковые обязанности.

Как отмечалось выше, абсолютного равенства между членами общества в классовом государстве объективно быть не может. Хотя все три имама ориентировались на социальные приоритеты на подвластной им территории, но отклонения определенного порядка появились и в правотворческой деятельности Шамиля. Так, при общей прогрессивной политике в отношении женщин, в судопроизводстве показания двух женщин-видетельниц приравнивалось к одному мужскому. Род потомков пророка Мухаммеда – корейшитов в Дагестане сохранил все свои привилегии, установленные шариатом в виде доли от военной добычи, хотя род этот в военных действиях участия не принимал. Неравное отношение закона к различным категориям населения продемонстрировал низам Шамиля «О наказанияхъ, коимъ подвернаются сотенные начальники, десятскіе и рядовые», принятый в 1847 году на съезде в Анди. В этом низаме определены различные наказания для наибов, низших начальников и рядовых за одни и те же проступки и преступления. Данный низам знает только три вида наказания: понижение в должности, арест до 21 дня и наказание ударами палок до 39 раз.

Перечисленные виды наказания могли применяться как в отдельности, так и вместе в соответствии с указаниями низама при определенных составах преступления. При определении видов наказания за различные преступления законодатель руководствовался принципами гуманизации наказания и эффективности его для перевоспитания преступника[4. – С. 112]. Так, например, низамы не предусматривает наказание членовредительства по шариату за воровство и заменяет его арестом и штрафом в доход казны за каждую ночь ареста. Аресту и штрафу подвергались также за уклонение от воинской повинности и умышленное прикосновение к женщине. При определении наказания низамы предусматривали также характеристику личности преступника. При отрицательной характеристике и при совершении повторного воровства преступника казнили, а при положительной – другие виды наказания, а казнили только после совершения третьего воровства. Более того, при квалификации вида преступления учитывались такие признаки преступления, как повторность, соучастие и умысел. При отмене членовредительства и введении штрафа как вида наказания законодатель руководствуется намерениями сократить число калек в государстве и пополнить казну поступлениями от штрафов[1. – С. 404-405].

Низамы предусматривали при определении наказания и отягчающие обстоятельства. Например, за ослушание и неповиновение старшему в походе назначалась смертная казнь, а в мирных обстоятельствах – тюремное заключение или телесное наказание.

Наказания могли назначать наиб и его командиры сотен, за исключением назначения смертной казни, определение которой законодатель отводит исключительно за имамом, что и служило дополнительной гарантией справедливости наказания. Смертная казнь, кроме как неисправимым преступникам, назначалась еще и за совершение особо тяжких государственных преступлений: измены, шпионажа, прелюбодеяния и других. Смертная казнь в Имамате была предусмотрена двух видов: 1. «почетная» когда виновный становился на колени, молился, потом сам раскрывал рубашку и после молитвы наклонял голову, которую ударом секиры палач отсекал; 2. «постыдная», когда голова снималась на плахе. Относительно смертной казни в Имамате Шамиль отмечал, что «хотя и привыкли горцы к зрелищу смерти, идя навстречу ей в сражениях или встречая ее каждый день неожиданным образом в своих беспрестанных ссорах, где иногда косой взгляд порождает смерть; но собственно казнь производит на них впечатление тяжелое, а вид отрубленной головы знакомого или незнакомого человека, воображение ожидания последней минуты, не оставляющей уже никаких надежд, и мысленное приближение этого состояния лично к себе, все это представляет единственное и самое верное средство для образумления горцев».

Много усилий Шамиль приложил для искоренения обычая кровной мести – настоящего «стихийного» бедствия в общественной жизни горцев, из-за которого веками продолжалась кровная вражда между родами, уносившая много жизней. Для искоренения обычая кровомщения Шамиль определил наказывать за оскорбление арестом и денежным штрафом вместо самосуда и убийства оскорбителя, в связи, с чем и вспыхивала кровная вражда. Законодатель уравнивает шансы всех категорий населения в защиту своей чести и достоинства. С этой целью «… судебные власти предпринимали меры для розыска преступника», совершившего убийство. Хотя адаты и предполагали, что «если до 40-ка дней родственники похищенной убьют похитителя, то убийство не преслудуется…» [7. – С. 16], дополнительно к этому и низамы всячески старались регулировать это обстоятельство, но практика показывала обратное.

Положения низама о запрете кровомщения тому, кто, защищая свою семью или имущество, а также честь и достоинство, нанес увечье или смерть другому лицу, в качестве альтернативы определяли денежное возмещение родственникам убитого. В случае мести виновный подвергался преследованию государством и наказанию, а потерпевший получал защиту со стороны государства. Низам о запрете кровомщения ставил вне закона практиковавшиеся до этого случаи самосуда среди горцев в конфликтных ситуациях, что становилось причиной возникновения кровной вражды между родами.

За менее опасные преступления и проступки также подвергали наказаниям. Шамиль впоследствии признавался, что за многие преступления он применил бы ссылку, но в условиях Имамата некуда было ссылать.

Издав низамы, Шамиль наказал населению неукоснительно следовать им: «Я долженъ привести этотъ низамъ въ исполненіе безъ всякаго послабленія и лени, – и нетъ по сему низаму пощады, заступничества и состраданія для техъ, кои впадутъ въ пучину этихъ наказаній». «Мы согласны, – ответили наибы, по ССКГ, – во всемъ и все написанное обязываемся приводить въ исполнение… Да поможет намъ аллахъ привести въ действіе шаріат и предписанія. Касающіяся религіи…» [7. – С. 14].

Многих современников событий на Кавказе восхищала та ревностная последовательность и решительность, с которой Шамиль боролся за искоренение преступности в горах. Убийцы, грабители и другие, общественно опасные лица всенародно подвергались смертной казни.

Несмотря на то, что сам Шамиль порой допускал некоторые отклонения от шариата для облегчения народу исполнения его постановлений и стремился к уничтожению суда по адатам, который жестоко, в основном смертью наказывал провинившихся, однако конечной цели он не достиг. И все же кратковременное «… господство достаточно было шариату для того, чтобы существенно повлиять на юридические воззрения дагестанских горцев» [3. – С. 234].

Правовые нововведения Шамиля повлияли на правовое положение личности в Имамате. Во-первых, он значительно уравнял в правовом отношении привилегированные слои и крестьян-горцев. Во-вторых, как уже говорилось выше, в ходе освободительной борьбы он старался переложить все экономические тяготы на плечи более состоятельных членов горского общества, взимая с них дифференцированный, в зависимости от уровня состояния, налог, а беднейшим слоям населения оказывал помощь из фондов байтулмала. В-третьих, при издании своих низамов Шамиль в полной мере учитывал волю и чаяния народа, стремился к прогрессу в правовом положении личности и улучшению бытовых условий горцев, «вникая во все нужды горцев и делая все, чтобы облегчить их положение» [6. – С. 105].

Заботясь о материальном обеспечении не способных к самостоятельному проживанию горцев и претворяя в практику демократический принцип ответственности личности только за свои поступки, Шамиль запретил конфискацию имущества казненных преступников, если после них остались сироты. Имам лично особую помощь оказывал «… беспомощным сиротам…» [8. – С. 124].

Идеями о социальном равенстве всех членов общества пронизан и низам «О наследстве». До образования Имамата в этом вопросе была путаница из-за социального неравенства граждан и практиковавшего среди горцев многоженства. Законодатель уравнял права на наследство абсолютно всех детей мужского пола. Те, кто получал наследство, должны были обеспечивать детей женского пола до совершеннолетия, затем выдать их замуж, а если они оставались на их иждивении – заботиться об их благополучии. Завещания, составленные в противоречии с этими положениями, признавались недействительными.

Много внимания Шамиль уделял и вопросам улучшения положения женщин в обществе. Особенно тяжелым было положение пленницы, которая становилась рабыней владельца в предшествовавший

Имамату период. Даже если владелец вступал с ней в брак, она не получала прав, равных с другими женами. Для нее вообще не существовало развода. Муж – владелец мог продать, подарить и даже убить свою жену, если от нее не было детей. Дети пленницы также были лишены тех прав, которые имели другие дети. После смерти мужа – владельца положение пленницы еще более усугублялось. Если муж перед смертью не дал ей свободу или не оставил завещание на этот счет, пленница поступала в полное распоряжение его родственников, которые могли продать ее как простую рабыню. Видя это социальное неравенство, Шамиль внес некоторые коррективы в этой области. Учитывая, что женщины по своему общественному положению не имели собственности, Шамиль запретил взимать с них какие бы то ни было денежные штрафы. Но более детальному регулированию он подверг брачные и бракоразводные отношения, издав «…правила, защищающие имущественные права разведенной женщины» [9. – С. 3], имевшие большое значение в правовом положении женщины в обществе. Эта проблема привлекла столь пристальное внимание Шамиля, потому что женщина в горском обществе играла весьма заметную роль, как в общественной жизни, так и в освободительной борьбе, вместе с мужчинами принимая участие в защите родного края. Беспокойство Шамиля вызывали также и социальные вопросы в Имамате: обеспечение крепкой семьи – основы духовного здоровья общества, регулирование нормального прироста народонаселения Имамата и т.д.

В Имамате, особенно в чеченских наибствах, остро стояла проблема бракосочетания из-за высокого выкупа за женщин – калыма. Люди до старости лет не могли создать семью, молодые убегали из дома, порождая кровную вражду между родами. Поэтому Шамиль ввел твердый размер калыма в пределах 10 – 20 рублей, а по соглашению сторон ее можно было сокращать бесконечно [10. – С. 101]. При нарушении низама сумма выкупа сверх установленной нормы изымалась в доход казны. Запрещались также побеги из дома молодых, а муллам заключать браки между беглыми под страхом строгих наказаний. В лучшем случае эти муллы могли рассчитывать на тюремное заключение. Заботясь о нравственном здоровье общества, Шамиль предписывал поскорее выдавать замуж веселых девиц «во избежание блудства», а также обязывал родителей выдавать замуж своих дочерей по указанию наибов, в случае отказа они подлежали аресту и заключению в тюрьму.

По свидетельству современников Шамиль был настолько «ожесточен против женщины», что именно в ней видел причину частых разводов в Дагестане. По мнению Шамиля, характер горской женщины вследствие «фактических и моральных ее несовершенств сложился так дурно, что очень часто делает ее неспособной угодить своему мужу». Объясняя причины того, почему в Дагестане женщин не учили писать, Шамиль подчеркивал, что умение писать способствовало бы росту женского распутства. Запретив им учиться письму, Шамиль, по его мнению, «отнял у женщин возможности нарушать целомудрие» [См.: 8].

В делах, которые могли бы пойти на пользу обществу, Шамиль проявлял решительность и пренебрежение к догмам и стереотипам общественного мнения. Так, когда в Имамате из – за больших потерь мужчин в боях, увеличилось число вдов, Шамиль, усматривая вредные последствия в социальном плане, ввел в практику собирать время от времени в одно помещение мужчин, которых можно было женить. Имам и его сторонники вынуждены были немного отступить от исламских догм в брачно – семейных отношениях. Низам допускал браки между лицами разной национальности и вероисповедания при формальном принятии ислама. Поощрялось многоженство, запрещалось умыкание девушек, муллам запрещалось оформлять брак похитителям похищенной. Низамы закрепляли положение горянки в Имамате. Вдов обязывали выбирать себе мужей, причем выбранные мужчины обязательно должны были жениться на вдовах, которые их выбрали. Более того, в этих случаях были и моменты, когда по приказу Шамиля в качестве поощрения «…мужу… в момент заключения брака (выплачивали) …двадцать туманов» [8. – С. 86].

Так же детально имам отрегулировал и бракоразводные дела, для того чтобы укрепить положение женщины в обществе и семейные устои. Инициатива при заключении брака и разводе в горах принадлежала в основном мужчинам, которые зачастую обращались с этим правом очень легкомысленно. В противовес этому Шамиль обязал горцев при разводе возвращать женам их калым и все то, что они принесли с собой из дома. Положение Шамиля гласило, что муж, пробывший наедине с женой несколько минут, обязан выдать ей при разводе весь калым сполна. А если с женой были дети или она была в положении, – то муж обязан был давать содержание детям до их совершеннолетия, а жене – до выхода замуж или до окончания беременности.

При отсутствии наследников, а также в тех случаях, когда к имеющимся родственникам переходила лишь часть наследства, имущество становилось выморочным.

В отношении тех женщин, которые вели себя непристойно, имам предписывал к «… позорному наказанию: провести ее по всему селению, посадив верхом на осла и вымазав ей лицо сажей, … бить … без пощады ногами, а затем… (прогнать) из села как подлую собаку – без всякого снисхождения» [1. – С. 652].

Интересны в законотворческой деятельности Шамиля положения низамов, в которых вводятся всякого рода запреты и предписываются правила здорового образа жизни и поведения в быту. Запреты вводились на продажу винограда производителям вина, на употребление алкоголя и курение. Запрещались танцы и другие увеселительные мероприятия. Наказания за нарушение запретов низама были установлены весьма внушительные, вплоть до применения смертной казни.

Хотя освободительная борьба горцев проходила не в эпоху средневековья, но и социально-экономическое развитие обществ нагорного Дагестана первой половины XIX века, в общем, совпало с уровнем развития феодальных обществ средневековья. И характеристику восстаний средневековья с религиозной окраской вполне можно применить для объяснения строгих правовых мер Шамиля к

нарушителям низама об искоренении вредных привычек и увеселительных мероприятий из бытовой жизни горцев. До известной степени ислам охраняет мерами принуждения почти все предписания религии и в то же время рассматривает каждое нарушение норм права как грех.

Необходимо отметить, что Шамиль личным поведением, своей обыденной жизнью и соблюдением им же введенных низамов подавал пример остальному населению. Он сам придерживался установленных им правил поведения потому, что понимал, насколько трудно населению Имамата жить в таких напряженных и суровых условиях осажденной противником страны. Но поскольку жесточайшая война с царизмом вынуждала горцев стоять насмерть за свою свободу, надо было поддерживать в них общественный тонус, держать их в напряжении, хотя и строгими, но необходимыми мерами. Впоследствии Шамиль признался в этом, отметив: «Правду сказать, я употреблял против горцев жестокие меры… но я бил их не за преданность русским, они ее не высказывали, а за их скверную натуру, склонность к грабежу и разбоям. Потому я не стыжусь своих дел и не боюсь дать за них ответ Аллаху…» [7. – С. 385].

Основной целью реформ Шамиля было: создать в Имамате максимум возможностей для успешной дальнейшей борьбы горцев Дагестана и Чечни против местных феодалов, за социальную и национальную независимость. Сочетая проведение преобразований с успешной борьбой с царскими войсками, Шамиль на практике убедился в их своевременности и правомерности в тех конкретных исторических условиях. Выход имама за рамки шариатских норм был вынужденным, продиктованным тогдашними условиями и традициями регулирования взаимоотношений между горцами.

Литература

1. Движение горцев Северо-Восточного Кавказа в 20-50 гг. XIX в.: Сборник документов. – Махачкала, 1959.
2. Кавказская война: народно-освободительная борьба горцев Северного Кавказа в 20-60 гг. XIX в. – Махачкала, 2006
3. Ковалевский М.М. Закон и обычай на Кавказе.-Т.1.-М., 1890
4. Магомедов М.Б. Историко-правовые аспекты Кавказской войны 20-50 гг. XIX в. – М.,2000
5. Низам Шамиля // Сборник сведений о кавказских горцах. – Вып.3. – Тифлис, 1870
6. Магомедов Р.М. Два столетия с Шамилем. – Махачкала, 1996.
7. Руновский А.И. Кодекс Шамиля // ВС.-Т.XXIII.-1862
8. 100 писем Шамиля / Сост., перевод с арабского на русский язык и комментарии Х.А. Омарова. – Махачкала, 1997
9. Халилов А.М. Восстанавливая правду истории: Круглый стол // Дагестанская правда.-1988.-6 ноября
10. Халилов А.М. Национально-освободительное движение горцев Северо-Восточного Кавказа под предводительством Шамиля.-Махачкала, 1991
11. Шарафутдинов Р.Ш. Еще один низам Шамиля // Письменные памятники Востока / Ежегодник.-1975.

Право на жизнь в условиях действия особых правовых режимов

М.М.Мусаев

Закрепленный в ч. 3 ст. 55 Конституции РФ принцип возможности ограничения прав и свобод человека и гражданина в той мере, в какой это необходимо в целях обеспечения обороны и безопасности государства, содержит требование разумной достаточности применяемых мер, которые могут осуществляться только в такой степени, в какой это требуется остротой положения, при условии, что такие меры не являются несовместимыми с обязательствами России по международному праву и не влекут за собой дискриминации исключительно на основе расы, цвета кожи, пола, языка, религии или социального происхождения, а также не предусматривают ограничения прав и свобод, перечисленных в ч. 3 ст. 56 Конституции РФ, которые не могут ограничиваться ни при каких обстоятельствах, в том числе и в условиях чрезвычайного или военного положения. И среди таких прав на первом месте – право на жизнь.

В соответствии со ст. 2 Конституции РФ признание, соблюдение и защита прав человека и гражданина являются обязанностью государства. Реальное обеспечение прав и свобод граждан и безопасности личности относится к жизненно важным интересам Российской Федерации. По заключению Научного совета при Совете безопасности РФ проблема обеспечения безопасности личности является одной из ключевых в социально-политической обстановке Российской Федерации и должна явиться одной из основных составляющих политики возрождения России.[1]

Задача обеспечения прав и свобод граждан приобретает особое значение в период действия особых правовых режимов – при возникновении различных ситуаций чрезвычайного характера, когда нормальное функционирование общества и государства вследствие тех или иных причин становится невозможным. Как справедливо отмечают В.В. Маклаков и Б.А. Страшун, «...конституции часто предусматривают возможность ограничения тех или иных прав и свобод при чрезвычайных обстоятельствах».[2] Такими обстоятельствами могут быть агрессия иностранного государства, непосредственная угроза жизни и безопасности граждан или конституционному строю государства (например, попытки захвата или присвоения власти, массовые беспорядки, теракты, межконфессиональные и региональные конфликты, чрезвычайные ситуации природного и техногенного характера и др.). В подобных случаях вводятся предусмотренные национальным

[1] Основы национальной безопасности // Под ред. В.Л.Манилова. – М., 2008. – С. 26.

[2] Конституционное (государственное) право зарубежных стран: Учебник // Под ред. Б.А.Страшуна. – М., 2015. – С. 121.

законодательством особые (чрезвычайные) правовые режимы деятельности органов государственной власти, органов местного самоуправления, учреждений, предприятий и организаций.

Исходя из анализа зарубежного законодательства и приводящейся в юридической литературе классификации, к таким режимам, в частности, можно отнести: 1) чрезвычайное положение (Алжир, Великобритания, Зимбабве, Индия, Ирландия, Канада, Португалия, США, ЮАР); 2) военное положение (Болгария, Великобритания, Индия, Нидерланды, Польша, Румыния, США); 3) осадное положение (Аргентина, Бельгия, Бразилия, Венгрия, Венесуэла, Греция, Испания, Мали, Португалия, Франция); 4) состояние войны (Бельгия, Италия, Кабо-Верде); 5) состояние общественной опасности (Италия); 6) состояние напряженности (ФРГ); 7) состояние обороны (ФРГ, Коста-Рика, Финляндия); 8) состояние угрозы (Испания); 9) состояние готовности (Норвегия).[1]

С принятием Конституции РФ основания введения военного и чрезвычайного положений были строго разграничены. Как следует из статей 87-88, военное положение может быть введено Президентом РФ на территории страны или в отдельных ее местностях только при угрозе национальной безопасности исключительно внешнего характера, тогда как чрезвычайное положение может быть введено Президентом РФ в силу причин внутреннего характера при обстоятельствах, предусмотренных федеральным конституционным законом. Вместе с тем специальные конституционные законы, которые должны определять основания введения военного и чрезвычайного положений и их режимы, не принимались в течение довольно длительного времени. Пристальное внимание общественности к разработке этих законов во многом было обусловлено стремлением обеспечить согласованность их норм с международно-правовыми стандартами, особенно по вопросам правового статуса личности в условиях военного и чрезвычайного положения.

Только в начале нынешнего столетия были приняты Федеральные конституционные законы: от 30.05.2001 № 3-ФКЗ «О чрезвычайном положении»[2] и от 30.01.2012 № 1-ФКЗ «О военном положении», которые в настоящее время являются правовой основой двух особых режимов деятельности органов государственной власти, иных государственных органов, органов местного самоуправления и организаций в исключительных для государства обстоятельствах[3]. Такими обстоятельствами являются агрессия или непосредственная угроза агрессии против России (для военного положения), непосредственная угроза жизни и безопасности граждан или конституционному строю России (для чрезвычайного положения).

В процессе подготовки и обсуждения проектов названных Законов, в особенности Федерального конституционного закона «О военном положении», большое внимание уделялось тщательному изучению норм международного права, главным образом в связи с определением оснований, условий и порядка ограничений прав и свобод граждан. Это было обусловлено не только весьма отчетливо обнаруживающейся тенденцией нарастающего влияния международного права на систему и отрасли внутреннего права России, но и тем, что детальный анализ и творческое использование норм международного права имели крайне важное значение в связи с развернувшейся дискуссией по вышеназванной проблеме, в ходе которой отдельными авторами высказывались соображения, не согласующиеся по своей направленности не только с зарубежным опытом, но и с положениями Конституции РФ.

Международная практика применения чрезвычайного и военного положения в различных странах свидетельствует о том, что законодательство большинства зарубежных государств рассматривает эти режимы в качестве правовых институтов, регламентирующих чрезвычайный режим осуществления государственной власти в различных ситуациях, когда нормальное функционирование общества и государства невозможно. При этом поддержание режимов чрезвычайного или военного положения практически неизбежно связано с ограничениями прав и свобод граждан, приобретающими зачастую неоправданно жесткий характер.

С учетом изложенного представляется крайне важным объективное сочетание целесообразности и разумной достаточности мер государственного ограничения прав и свобод граждан, которые при этом не должны противоречить нормам международного права, установленным в обществе основам правопорядка и конституционным нормам.

Анализ точек зрения, высказанных в отечественной юридической литературе, позволил выявить различные подходы к этой проблеме. Например. – С. Н.Бабурин обращает внимание на то, что «в отличие от подхода к чрезвычайному положению, Конституция не содержит для территорий военного положения каких-либо изъятий в ограничении прав и свобод».[4] Такой подход обосновывался тем, что в ст. 87 Конституции РФ, устанавливающей основания объявления военного положения, не содержится прямого упоминания о возможности ограничения при этом прав и свобод граждан, как это, например, предусматривает ст. 88. Однако это вовсе не означает, что при военном положении права и свободы граждан

---

[1] Лозбинев В.В. Институт чрезвычайного положения в Российской Федерации (теория, законодательство, практика). – М., 2011. – С. 140 – 141.

[2] Федеральный конституционный закон «О чрезвычайном положении» от 30.05.2001 № 3-ФКЗ (ред. от 30.06.2013) // СЗ РФ. – 04.06.2001. – № 23. – Ст. 2277; СЗ РФ. – 07.07.2013. – № 27 (ч. 1). – Ст. 2697.

[3] Федеральный конституционный закон «О военном положении» от 30.01.2002 № 1-ФКЗ // СЗ РФ. – 04.02.2012. – № 5. – Ст. 375.

[4] Бабурин С.Н. Территория государства: правовые и геополитические проблемы. – М., 2007. – С. 98; Бабурин С.Н. Территориальные режимы и территориальные споры: государственно-правовые проблемы. – М., 2011. – С. 75.

вообще не подлежат какому-либо ограничению. Подобные суждения представлялись ошибочными, поскольку не учитывали предоставленной ч. 3 ст. 55 Конституции РФ возможности ограничения на основании федерального закона прав и свобод граждан, разумеется, в той мере, в какой это необходимо для обеспечения безопасности страны и обороны.

Такая точка зрения совпадала с содержанием п. 2 ст. 29 Всеобщей декларации прав человека и была основана на ст. 19 Федерального закона от 31.05.1996 № 61-ФЗ «Об обороне»,[1] дающей понятие военного положения как особого правового режима деятельности органов государственной власти, иных государственных органов, органов местного самоуправления и организаций, предусматривающего ограничения прав и свобод граждан. Аналогичная норма закреплена также и в п. 2 ст. 1 Гражданского кодекса РФ,[2] что признается в научной литературе обоснованной мерой воздействия со стороны государства при необходимости обороны страны, но при непременном условии принятия соответствующего федерального закона.[3]

Оптимальной в период обсуждения законопроекта представлялась позиция Г.В.Васильевой, считающей, что «по аналогии с нормами о режиме чрезвычайного положения в условиях военного положения не подлежат ограничению права и свободы, предусмотренные статьями 20, 21, 23 (ч. 1), 24, 28, 34 (ч. 1), 40 (ч. 1), 46 – 54 Конституции, поскольку именно эти права не могут быть ограничены в силу ч. 3 ст. 56 Конституции даже в условиях введения чрезвычайного положения».[4]

Таким образом, в период обсуждения законопроекта преобладающей и наиболее обоснованной явилась точка зрения, согласно которой в условиях военного положения могут быть предусмотрены ограничения отдельных прав граждан, которые, однако, так же как и в период чрезвычайного положения, допускаются только в той мере, в какой это необходимо для обеспечения обороны страны и безопасности государства, не могут затрагивать основополагающих прав и свобод и должны согласовываться с требованиями статей 55 и 56 Конституции РФ.

В то же время некоторые правоведы высказали соображения о том, что закрепленный в Конституции РФ перечень прав и свобод, не подлежащих ограничению при введении чрезвычайного положения, значительно расширен по сравнению с Международным пактом о гражданских и политических правах путем указания таких прав, как право на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, защиту своей чести и доброго имени, право на тайну частной жизни и др. В связи с этим предлагалось внести соответствующие изменения в Конституцию РФ, которые позволяли бы более эффективно осуществлять режим чрезвычайного положения.[5]

Анализ зарубежной практики свидетельствует о том, что ограничения прав и свобод в период чрезвычайного или военного положения, как правило, не распространяются на основные права граждан; носят ограниченный по объему и времени действия характер; применяются только на основании соответствующего законодательного акта. Даже при введении чрезвычайного или военного положения основные неотъемлемые права человека должны непременно соблюдаться.

Отсюда следует, что закрепленный в ч. 3 ст. 55 Конституции РФ принцип возможности ограничения прав и свобод человека и гражданина в той мере, в какой это необходимо в целях обеспечения обороны страны и безопасности государства, содержит требование разумной достаточности применяемых мер, которые могут осуществляться только в такой степени, в какой это требуется, при условии, что такие меры не являются несовместимыми с обязательствами Российской Федерации по международному праву и не влекут за собой дискриминации исключительно на основе расы, цвета кожи, пола, языка, религии или социального происхождения, а также не предусматривают ограничения прав и свобод, перечисленных в ч. 3 ст. 56 Конституции РФ и не подлежащих ограничению ни при каких обстоятельствах, в том числе и в условиях чрезвычайного положения.

Напрашивается вывод о том, что законопроектом могут предусматриваться ограничения отдельных прав граждан Российской Федерации, иностранных граждан и лиц без гражданства на время военного положения, но только в соответствии с рассмотренными выше требованиями норм международного права. Непременное соблюдение этого требования является предпосылкой обеспечения безопасности личности в условиях военного положения. Исходя из реализации такого подхода возможно обеспечение безопасности личности и в условиях чрезвычайного положения.

Высказывались конкретные соображения о необходимости включения в законопроект норм, которые бы предусматривали некоторые временные запреты и ограничения в условиях военного положения на территории, где оно введено (с приведением их возможного перечня). Эти предложения во многом были реализованы и нашли закрепление в Федеральных конституционных законах «О чрезвычайном положении» и «О военном положении». Анализ свидетельствует о всестороннем учете и творческом применении в процессе подготовки этих законов норм международного права по рассмотренным проблемам.

---

[1] Федеральный закон «Об обороне» от 31.05.1996 № 61-ФЗ (ред. от 29.12.2014) // СЗ РФ. – 03.06.1996. – № 23. – Ст. 2750; РГ. – 12.01.2015. – № 1.

[2] Гражданский Кодекс РФ (часть первая) от 30.11.1996 № 51-ФЗ (ред. от 30.12.2014) // СЗ РФ. – 05.12.1994. – № 32. – Ст. 3301; РГ. – 31.12.2014. – № 292.

[3] Гражданское право. Часть первая: Учебник // Под ред. А.Г.Калпина, А.И.Масляева. – М., 2013. – С. 58.

[4] Комментарий к Конституции Российской Федерации // Под ред. Ю.В.Кудрявцева. – М., 2013. – С. 388.

[5] Лозбинев В.В. Указ. работа. – С. 169.

Отдельные положения о возможных ограничениях прав и свобод граждан в условиях чрезвычайного и военного положения закреплены и в некоторых других федеральных законах, что свидетельствует о наличии у законодателя единого подхода к решению этой проблемы. В частности, в ст. 4 Трудового кодекса РФ[1] установлено, что не является принудительным трудом работа, выполняемая в случаях объявления чрезвычайного или военного положения. А в статьях 51 и 93 Земельного кодекса РФ[2] указано, что во время чрезвычайного или военного положения допускается временное изъятие земельного участка у собственника с возмещением ему причиненных убытков и выдачей документа о реквизиции земельных участков для нужд обороны и безопасности. Данные положения согласуются с нормами Федеральных конституционных законов «О чрезвычайном положении» и «О военном положении» о возможности привлечения граждан к выполнению аварийно-спасательных и других неотложных работ для нужд обороны с гарантированной оплатой труда, а также о возможности изъятия у них необходимого для нужд обороны имущества (во время режима чрезвычайного положения – использования имущества и ресурсов организаций) с последующей выплатой государством его стоимости (возмещением причиненного ущерба).

Гарантией соблюдения основ правового статуса личности в условиях чрезвычайного и военного положения могут являться существующие в Российской Федерации меры защиты прав и свобод граждан, предусмотренные статьями 45-46 Конституции РФ, включая возможность обращения в суд и в органы прокуратуры. В связи с этим особого внимания требует выяснение полномочий в период военного положения именно судов и прокуратуры. Здесь необходимо исходить из того, что, в отличие от законодательства других стран и исторического опыта России, ч. 3 ст. 118 Конституции РФ и п. 1 ст. 4 Федерального конституционного закона от 31.12.1996 № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации»[3] создание каких-либо чрезвычайных судов не допускается.

Правосудие на территории, где введено чрезвычайное или военное положение, осуществляется только судом. На этой территории действуют все суды, установленные Конституцией РФ. Судопроизводство должно осуществляться в соответствии с Конституцией РФ и иными законодательными актами. Исключительно важно, что применение каких-либо форм или видов чрезвычайных судов, а равно применение любых форм и видов ускоренного или чрезвычайного судопроизводства не допускается. В случае же невозможности осуществления правосудия судами по решению Верховного Суда РФ или Высшего Арбитражного Суда РФ в соответствии с их компетенцией может быть изменена территориальная подсудность дел, рассматриваемых в судах.

Что касается деятельности прокуратуры Российской Федерации на территории, где введено чрезвычайное или военное положение, то она также должна осуществляться в соответствии с Конституцией РФ и иными законодательными актами с учетом положений федерального законодательства о чрезвычайном или военном положении. Федеральным конституционным законом «О чрезвычайном положении» особо оговорено, что при введении чрезвычайного положения на территориях нескольких субъектов Российской Федерации Генеральным прокурором РФ может быть создана межрегиональная прокуратура территории, на которой введено чрезвычайное положение.

Таким образом, можно с достаточной уверенностью констатировать, что обсуждавшаяся в течение длительного времени необходимость учета при подготовке Законов «О чрезвычайном положении» и «О военном положении» норм международного права и зарубежного опыта в области определения пределов ограничения прав и свобод граждан в период действия чрезвычайного и военного положения была признана обоснованной и реализована. Как представляется, принятие названных Федеральных конституционных законов послужит основой для дальнейшего совершенствования правового регулирования режимов чрезвычайного и военного положения и станет существенной гарантией надежного обеспечения безопасности личности в условиях действия особых правовых режимов.

Таким образом, практики применения конституционных законов в нашей стране еще не было, зато были всевозможные контртеррористичекие операции, правовая основа которых весьма сомнительна. И опыт данных операций показывает, что нарушения права на жизнь в подобных ситуациях нередки. Однако, отрадно хотя бы то, что пусть и под давлением правозащитных организаций запада (на то они, собственно и нужны), Россия все-таки сумела обеспечить пусть и не всем своим гражданам в зоне конфликта, но достойное обеспечение основных конституционных прав. Все познается в сравнении – в советское время, полагаю, ситуация была бы намного драматичнее.

Обязательства из причинения вреда как внедоговорные обязательства

М.М.Мусаев

В обществе происходит постоянное взаимодействие людей друг с другом и с предметами природы. Оно становится все более интенсивным, а его результаты зачастую непредсказуемы. Нередки случаи, когда в ходе такого взаимодействия имущественным и личным нематериальным благам граждан, организаций и другим субъектам гражданского права наносится ущерб. Он может быть результатом случайного стечения

---

[1] Трудовой Кодекс РФ от 30.12 2001 № 197-ФЗ (ред. от 29.12.2014) // СЗ РФ. – 07.01.2002. – № 1 (ч. 1). – Ст. 3; РГ. – 31.12.2014. – № 292.

[2] Земельный Кодекс Российской Федерации от 25.10.2001 № 136-ФЗ (ред. от 29.12.2014) // СЗ РФ. – 29.10.2001. – № 44. – Ст. 4147; РГ. – 30.12.2014. – № 290.

[3] Федеральный конституционный закон «О судебной системе Российской Федерации» от 31.12.1996 № 1-ФКЗ (ред. от 04.07.2013) // СЗ РФ. – 06.01.1997. – № 1. – Ст. 1; СЗ РФ. – 07.07.2013. – № 27 (ч. 1). – Ст. 2698.

обстоятельств и злого умысла, чьей-то оплошности и неподконтрольности сил природы. Возникает необходимость определить, кто будет нести последствия такого ущерба: тот, кто его понес, или то, кто его причинил, или какое-то третье лицо, которое не было ни причинителем, ни потерпевшим.

Чтобы обезопасить себя от возможным вредоносных последствий, граждане и организации прибегают к услугам страховщиков, перекладывая на них хотя бы в части тот вред, который может быть причинен наступлением страхового случая -пожара, смерти, ограбления, заболевания и т.д. Но даже и тогда, когда риск застрахован, возмещение, которое можно получить от страховщика, далеко не всегда покрывает весь причиненный ущерб. Не всегда можно положиться и на пенсионное обеспечение, которое, как правило, особенно в нынешних условиях не гарантирует полного возмещения вреда.

Таким образом, можно констатировать, что в случаях причинения вреда, кому бы вред ни был причинен и в чем бы он ни выражался, вредоносные последствия обычно не могут быть заглажены с помощью какого-то одного правового института (например, страхования или социального обеспечения). Для достижения максимального социального эффекта требуется взаимодействие самых различных правовых средств, в числе которых видное место принадлежит обязательствам из причинения вреда.

Обязательства из причинения вреда можно охарактеризовать следующими признаками.

Во-первых, сфера их действия простирается как на имущественные, так и на личные неимущественные отношения, хотя возмещение вреда и носит имущественный характер.

Во-вторых, они возникают в результате нарушения прав, носящих абсолютный характер, будь то имущественные права (право собственности, пожизненного наследуемого владения, оперативного управления и т. д.) или личные нематериальные блага (жизнь, здоровье, деловая репутация и т.д.).

В-третьих, обязательства, поскольку нарушено абсолютное право, носят внедоговорный характер хотя бы право и было нарушено лицом, с которым потерпевший находится (или находился) в договорных отношениях. Если вред жизни или здоровью гражданина причинен при исполнении им договорных или иных обязательств, то обязательство, которое возникает в данном случае вследствие причинения вреда в силу прямого указания закона (ст. 1084 ГК) носит внедоговорный характер.

В-четвертых, обязательство направлено на полное возмещение потерпевшему, насколько это возможно, причиненного вреда кому бы ни был причинен вред, в чем бы он ни выражался и каковы бы ни были способы (формы) возмещения вреда. При определенных обстоятельствах объем и размер возмещения вреда могут даже выйти за пределы полного возмещения вреда (например, п. 3 ст. 1085 ГК; ст.ст. 24 и 29 Правил возмещения работодателем вреда, причиненного работникам увечьем, профессиональным заболеванием либо иным повреждением здоровья, связанными с исполнением ими трудовых обязанностей).

В-пятых, в случаях, предусмотренных законом, обязанность возмещения вреда может быть возложена не только на причинителя вреда, но и на иных лиц (например, на лицо, в интересах которого действовал причинитель). В результате причинения вреда возникает обязательство по его возмещению, элементами которого являются стороны (кредитор и должник), содержание (права и обязанности сторон) и предмет. Реализация обязанности по возмещению вреда, независимо от того, относится ли она к мерам гражданско-правовой ответственности или нет, происходит в рамках правоохранительного отношения. Поскольку в этом правоотношении определены как носитель права (кредитор), так и носитель обязанности (должник), оно носит относительный характер, хотя и возникает в результате нарушения абсолютного права. Кредитор в обязательстве из причинения вреда имеет право требовать возмещения, причиненного ему вреда, а должник обязан этот вред возместить.

Субъектный состав обязательств из причинения вреда в процессе их развития может претерпевать существенные изменения. В нем может произойти замена как должника, так и кредитора. В частности, такая замена имеет место при суброгации в регрессе. При суброгации к страховщику переходят права кредитора к должнику, ответственному за наступление страхового случая, т.е. страховщик, заступает место кредитора в обязательстве по возмещению вреда (полностью или в части). При регрессе должник в основном обязательстве становится в регрессном обязательстве кредитором. Например, при совместном причинении вреда сопричинители отвечают перед потерпевшим солидарно. Если же один из них возместит вред, то он становится кредитором по отношению к остальным сопричинителям, которые отвечают перед ним как долевые должники (п. 2 ст. 1081 ГК).

Замена кредитора и должника в обязательствах по возмещению вреда может иметь место и в других случаях, в том числе при наследственном правопреемстве. Так, если имуществу гражданина был причинен вред, причем как потерпевший, так и причинитель умерли, а вред остался невозмещенным, то в обязательстве по возмещению вреда место кредитора и должника заступают их наследники.

Замена должника в обязательствах по возмещению вреда происходит в случаях, предусмотренных абз. 2 п. 4 ст. 1073, п. 3 ст. 1074, п. 3 ст. 1076 ГК и в ряде других.

Известные коррективы в субъектный состав обязательств по возмещению вреда может внести и суд, а иногда от суда зависит, возникнет такое обязательство или нет (ч. 2 ст. 1067 ГК).

Особо следует сказать о случаях, когда в обязательствах по возмещению вреда задействованы юридические лица или иные коллективные образования. Они могут выступать в них и как причинители, и как потерпевшие. Деятельность указанных образований носит различный характер. Она может быть оперативно-хозяйственной, социально-культурной и властной, обычной и связанной для окружающих с повышенной опасностью. Но какой бы деятельность организации ни была, она во всех случаях выражается в поведении (в форме действия или бездействия) ее работников, участников, членов, выполняющих возложенные на них трудовые (служебные, должностные), членские и иные обязанности. Если на указанных

лиц возложена обязанность действовать, но они бездействовали (напри мер, не предприняли мер по предотвращению эксплуатации предприятия, причиняющего вред природной среде и здоровью граждан), то речь должна идти о бездействии самой организации со всеми вытекающими из этого последствиями.

Таким образом, для признания организации, обязанной к возмещению вреда, необходимо установить, что в действиях (бездействии) лиц, образующих ее людской субстрат, выражалась деятельность самой этой организации. За эти действия организация в силу ст.ст. 402 и 1068 ГК отвечает как за свои собственные действия. Лицо, причинившее вред, несет перед организацией при наличии предусмотренных законом условий ответственность за этот вред в порядке регресса. Если же в действии (бездействии) лица, причинившего вред, деятельность самой организации не выражалась, то обязанность по возмещению вреда возлагается на того, кто этот вред непосредственно причинил, на организацию она возложена быть не может.

Вред, причиненный актами власти (ст. 1069, 1070 ГК), в порядке регресса должен быть возмещен полностью или в части государственной или муниципальной казне лицом, причинившим вред, если будет доказана его вина. При этом в случаях, подпадающих под действие ст. 1070 ГК, вина должна быть установлена вступившим в законную силу приговором суда (п. 2 ст. 1070 и п. 3 ст. 1081 ГК).

Нередко обязательства по возмещению вреда возникают с множественностью лиц, которая может иметь место на стороне как должника, так и кредитора. Возможны обязательства и со смешанной множественностью. Чтобы определить, является ли обязательство долевым или солидарным, необходимо, помимо привлечения общих норм, относящихся к обязательствам с множественностью лиц, руководствоваться указаниями закона, специально рассчитанными на обязательства по возмещению вреда (п. 3 ст. 1079 и ст. 1080 ГК), а также положениями, выработанными судебной практикой. Так, судебной практикой выработано правоположение, согласно которому если вред причинен несколькими несовершеннолетними, то организации и лица, на которые возлагается ответственность за этот вред, отвечают перед потерпевшим не солидарно, а в долевом отношении. Это положение применяется как в случаях, когда сами несовершеннолетние за причиненный вред не отвечают (п. 1-3 ст. 1073 ГК), так и в случаях, когда они сами отвечают за причиненный вред, но на лиц, указанных в п. 2 ст. 1074 ГК, возлагается субсидиарная (дополнительная) ответственность.

Наконец, предметом (объектом) обязательств по возмещению вреда являются действия должника, обеспечивающие наиболее полное, насколько это возможно, восстановление материальных и личных нематериальных благ кредитора, которым причинен вред.

С учетом сказанного обязательства из причинения вреда могут быть определены как внедоговорные обязательства, возникающие вследствие нарушения имущественных и личных неимущественных прав потерпевшего, носящих абсолютный характер, призванные обеспечить наиболее полное восстановление этих прав за счет причинителя вреда либо за счет иных лиц, на которых законом возложена обязанность возмещения вреда.

Актуальные вопросы экономического аспекта правосубъектности в гражданском праве

М.М.Османов

Физическая и психическая зрелость человека наступает нескоро после рождения, и это обстоятельство не может не быть принято во внимание законом.

Человек в повседневной жизни часто вступает в те или иные отношения, урегулированные нормами права или же не урегулированные нормами права. Как нам известно, из курса гражданского права общественные отношения, урегулированные нормами гражданского права, являются гражданскими правоотношениями. И тут возникает вопрос: Какими качествами должен обладать личность, чтобы стать активным участником гражданского права?

И отвечая на этот вопрос, мы отмечаем, что для участия в правоотношениях гражданин должен обладать определенными качествами – правоспособностью и дееспособностью.

Экономический характер правоспособности гражданина – это способность иметь гражданские права и нести гражданские обязанности. Правоспособность гражданина возникает с момента его рождения и прекращается со смертью гражданина, зарегистрированной в установленном законом порядке. Гражданская правоспособность признается в равной мере за всеми гражданами, независимо от пола, расы, национальности, языка, происхождения, имущественного и должностного положения, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям, а также других обстоятельств. Однако «это не означает, что объем конкретных субъективных прав каждого гражданина равен объему прав другого, но объем возможности иметь такие права являются равными независимо от конкретного объема прав и обязанностей конкретного лица. Поэтому, когда гражданин отчуждает принадлежащее ему имущество либо суд это имущество конфискует, не происходит никаких изменений в содержании правоспособности гражданина, ибо кроме оставшихся у него прав на то или иное имущество он в любой момент может приобрести новые. Таким образом, чтобы лишить гражданина иметь имущество на праве собственности как элемента содержания правоспособности, необходимо, чтобы он не мог иметь на праве собственности любое имущество, что исключено».[1]

Содержанием правоспособности гражданина является то, что он может иметь:

– имущество на праве собственности;

[1] Гражданское право // Под ред. М.М.Рассолова. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2011. – С. 37.

– наследовать и завещать имущество;

– заниматься предпринимательской и любой иной не запрещенной законом деятельностью;

– создавать юридические лица самостоятельно или совместно с другими гражданами и юридическими лицами;

– совершать любые не противоречащие закону сделки и участвовать в обязательствах;

– избирать место жительства; иметь права авторов произведений науки, литературы и искусства, изобретений и иных охраняемых законом результатов интеллектуальной деятельности;

– иметь иные имущественные и личные неимущественные права.

Правоспособность характеризуется своей неотчуждаемостью. Сделки, направленные на ограничение правоспособности, ничтожны. Гражданин может распоряжаться своими правами (подарить, продать свое имущество), но не может уменьшить свою правоспособность. Допускается ее ограничение в случаях, установленных законом. Так, в судебном порядке может быть запрещено гражданину заниматься определенной деятельностью, но это является ограничением лишь отдельных прав, а не лишением правоспособности.[1]

Правоспособность – это способность действительно иметь право,[2] способность личности «быть субъектом гражданских прав и обязанностей, возможность иметь любое право или обязанность из предусмотренных или допускаемых законом».[3] А дееспособность гражданина – это способность гражданина своими действиями приобретать и осуществлять гражданские права, создавать для себя гражданские обязанности и исполнять их, это способность быть активным участником гражданских правоотношений.

Обладать дееспособностью – значит иметь способность лично или через представителя совершать различные юридические действия, направленные на установление, изменение или прекращение гражданских прав и обязанностей (например, заключать договоры, дарить имущество), а также отвечать за причиненный имущественный вред (повреждение или уничтожение чужого имущества, повреждение здоровья), за неисполнение договорных и иных обязанностей.

Отсюда вытекает, что содержанием дееспособности является:

– способность гражданина своими действиями приобретать права и создавать обязанности;

– осуществлять права и исполнять обязанности;

– нести ответственность за свои гражданские правонарушения (деликтоспособность).

Исходя из вышеизложенного дееспособность включает в себя:

– сделкоспособность – способность к совершению сделок;

– деликтоспособность – способность нести ответственность за неправомерные действия на основании закона или договора.

Гражданский кодекс РФ предусматривает следующие разновидности дееспособности:

– дееспособность несовершеннолетних в возрасте от 6 до 14 лет (ст.28 ГК РФ);

– дееспособность несовершеннолетних в возрасте от 14 до 18 лет;

– полная дееспособность (в полном объеме).

По общему правилу дееспособность малолетних, то есть лиц не достигших четырнадцати лет предусматривает, что сделки от их имени могут совершать только их родители, усыновители или опекуны. По гражданскому законодательству малолетние в возрасте от шести до четырнадцати лет самостоятельно могут совершать:

– мелкие бытовые сделки;

– сделки, направленные на безвозмездное получение выгоды, не требующие нотариального удостоверения либо государственной регистрации;

– сделки по распоряжению средствами, предоставленными законным представителем или с согласия последнего третьим лицом для определенной цели или для свободного распоряжения.

Однако имущественную ответственность по сделкам малолетнего, в том числе по сделкам, совершенным им самостоятельно, несут его родители, усыновители или опекуны, если не докажут, что обязательство было нарушено не по их вине. Эти лица в соответствии с законом также отвечают за вред, причиненный малолетним.

Дееспособность несовершеннолетних в возрасте от четырнадцати до восемнадцати лет предусматривает расширение правомочий несовершеннолетнего по сравнению с правомочиями малолетних в возрасте от шести до четырнадцати лет. Несовершеннолетние в возрасте от четырнадцати до восемнадцати лет могут совершить сделки лишь с письменного согласия своих законных представителей – родителей, усыновителей или попечителя. Тем не менее сделка, совершенная таким несовершеннолетним, действительна также при ее последующем письменном одобрении его родителями, усыновителями или попечителем.

Расширяя правомочия несовершеннолетнего в возрасте от четырнадцати до восемнадцати лет по сравнению с правомочиями малолетнего в возрасте от шести до четырнадцати лет гражданское законодательство дает ему право. самостоятельно, без согласия родителей, усыновителей и попечителя:

---

[1] Гражданское право России: Учебник для ВУЗов // Под ред. Л.Ю.Грудцына, А.А.Спектор. – М.: ЮСТИЦИНФОРМ, 2008. – С. 47.

[2] Гражданское право // Под ред. М.М.Рассолова. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2011. – С. 34.

[3] Гражданское право // Отв. ред. Е.А.Суханов. – 3-е изд., перераб и доп. – М.: Волтерс Клувер, 2008. – С. 138.

1) распоряжаться своими заработком, стипендией и иными доходами;

2) осуществлять права автора произведения науки, литературы или искусства, изобретения или иного охраняемого законом результата своей интеллектуальной деятельности;

3) в соответствии с законом вносить вклады в кредитные организации и распоряжаться ими;

4) совершать мелкие бытовые сделки и иные сделки правомочные малолетнему в возрасте от шести до четырнадцати лет

По достижении шестнадцати лет ему дается также право быть членами кооперативов в соответствии с законами о кооперативах.

Однако несовершеннолетние в возрасте от четырнадцати до восемнадцати лет самостоятельно несут имущественную ответственность по сделкам, совершенным ими и ответственность за причиненный ими вред, когда за вред причиненный малолетним и по его сделкам несут ответственность его родители, усыновители, опекуны.

В соответствии со ст. 60 Конституцией РФ гражданин Российской Федерации может самостоятельно осуществлять в полном объеме свои права и обязанности с 18 лет [1]. Согласно гражданскому законодательству Российской Федерации гражданская дееспособность – способность гражданина своими действиями приобретать и осуществлять гражданские права, создавать для себя гражданские обязанности и исполнять их, возникает в полном объеме с наступлением совершеннолетия, то есть по достижении восемнадцатилетнего возраста.

Закон не зря устанавливает возникновение дееспособность с момента достижения определенного возраста, то есть совершеннолетия. Это связано с тем, что дееспособность является способностью человека к самостоятельным осознанным волевым действиям, что предполагает достижение определенного уровня психической зрелости.

Тем не менее, Гражданский кодекс РФ предусматривает ряд исключений, при которых полная дееспособность может наступить и до достижения 18 лет – это эмансипация и вступление брак, когда законом допускается вступление в брак до достижения восемнадцати лет.

Развитие гражданских правоотношений тесно связано с устойчивостью гражданского оборота и определенными гарантиями для участников гражданских правоотношений. На сегодняшний день многообразие прав собственности и закрепленные Конституцией РФ основные права и свободы гражданина дает возможность и несовершеннолетним в полном объеме реализовать свои интересы.

В связи с широким развитием предпринимательской деятельности, в том числе и среди лиц, не достигших совершеннолетия, а также с возникновением трудовых отношений с лицами, не достигших 18 лет, для реализации интересов несовершеннолетних, а также для придания устойчивости гражданского оборота, предполагающей создание определенных гарантий для кредиторов, появилась необходимость введения института эмансипации в гражданское законодательство.

Эмансипация (от лат. emancipatio – освобождение сына от отцовской власти) – объявление несовершеннолетнего полностью дееспособным. Несовершеннолетний, достигший шестнадцати лет, может быть объявлен полностью дееспособным, если он работает по трудовому договору, в том числе по контракту, или с согласия родителей, усыновителей или попечителя занимается предпринимательской деятельностью.

Объявление несовершеннолетнего полностью дееспособным (эмансипация) производится по решению органа опеки и попечительства – с согласия обоих родителей. При отсутствии такого согласия или хотя бы одного из них вопрос решается судом. В суд также может быть обжалован отказ органов опеки и попечительства в вынесении решения об объявлении несовершеннолетнего полностью дееспособным.

Однако занятие предпринимательской деятельностью или работа по трудовому договору или по контракту не являются безусловными основаниями для эмансипации. Орган опеки и попечительства, а также суд в каждом конкретном случае при принятии соответствующего решения должны оценить длительность и устойчивость трудовой или предпринимательской деятельности несовершеннолетнего, размер его заработка и других доходов, разумность его действий в сфере затрат и иные обстоятельства.

Следующим случаем, предусмотренным в ГК РФ, при котором возникает полная дееспособность до достижения 18 лет, является вступление в брак лицом, не достигшим восемнадцати лет, когда законом допускается вступление в брак до достижения совершеннолетия. Так согласно п. 2 ст. 21 ГК РФ в случае, когда законом допускается вступление в брак до достижения восемнадцати лет, гражданин, не достигший восемнадцатилетнего возраста, приобретает дееспособность в полном объеме со времени вступления в брак.

Согласно ст. 13 Семейного Кодекса РФ вступление в брак допускается с 16 лет при наличии уважительных причин. В этой же статье предусмотрено, что порядок и условия, при наличии которых вступление в брак в виде исключения с учетом особых обстоятельств может быть разрешено до достижения возраста шестнадцати лет, могут быть установлены законами субъектов Российской Федерации.[2] Данная формулировка Семейного кодекса РФ вызывает вопрос: Если участятся «особые обстоятельства» у несовершеннолетних лиц, например достигших 13 лет, не станет ли оно основанием для разрешения

---

[1] Конституция РФ // СЗ РФ. – 26.01.2009. – № 4. – Ст. 445.

[2] Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1993 № 223-ФЗ (в ред. от 12.11.2012) [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации. Государственная система правовой информации. – URL: http://www.pravo.gov.ru

несовершеннолетним в возрасте тринадцати лет вступление в брак и как следствие приобретение полной гражданской дееспособности?

Недоформулированность Семейного Кодекса РФ вызывает опасения возникновения полной гражданской дееспособности у несовершеннолетних, которые не только в полной мере понимают значение своих действий вследствие недостаточного жизненного опыта, но и не обладают даже частичной дееспособностью. Из этого следует необходимость установление минимального брачного возраста с четырнадцати лет. Такое мнение выдвигают и некоторые исследователи дееспособности несовершеннолетних. Так, М.В.Матвеева считает необходимым установление минимального возраста для вступления в брак.[1]

В связи с вышеизложенным ст. 13 Семейного Кодекса РФ необходимо изложить в следующем варианте:

Статья 13. Брачный возраст

1. Брачный возраст устанавливается в восемнадцать лет.

2. При наличии уважительных причин органы местного самоуправления по месту жительства лиц, желающих вступить в брак, вправе по просьбе данных лиц разрешить вступить в брак лицам, достигшим возраста шестнадцати лет.

Порядок и условия, при наличии которых вступление в брак в виде исключения с учетом особых обстоятельств может быть разрешено до достижения возраста шестнадцати лет, могут быть установлены законами субъектов Российской Федерации. При этом минимальный возраст не может быть ниже четырнадцати лет.

В ст. 21 ГК РФ также предусмотрены последствия, касающиеся дееспособности супругов в случае прекращения брака до достижения восемнадцати лет. Однако последствия, касающиеся дееспособности супругов в случае прекращения брака до достижения совершеннолетия не одинаковы и зависят от того был ли брак расторгнут или признан судом недействительным. Так, приобретенная в результате заключения брака дееспособность в полном объеме сохраняется и в случае расторжения брака до достижения восемнадцати лет. При признании же брака недействительным суд может принять решение об утрате несовершеннолетним супругом полной дееспособности. В решении о признании брака недействительным суд может определить в случае необходимости и момент утраты полной дееспособности несовершеннолетнего супруга. В последнем случае несовершеннолетний лишается полной самостоятельности и наделяется теми же правами, что и несовершеннолетние в возрасте от 14 до 18 лет.

Лица, ставшие дееспособными вследствие вступления в брак или объявления их дееспособными в порядке эмансипации, имеют такие же права и такие же обязанности, что и лица, достигшие 18 лет. Они самостоятельно участвуют в гражданском обороте, приобретают, изменяют и прекращают гражданские права и обязанности, заключают любые сделки, отвечают по договорным обязательствам и по обязательствам, возникающим вследствие причинения вреда. Так п. 2 ст. 27 ГК РФ предусматривает, что родители, усыновители и попечитель не несут ответственности по обязательствам эмансипированного несовершеннолетнего, в частности по обязательствам, возникшим вследствие причинения им вреда.

Выводы: Ценность дееспособности определяется тем, что дееспособность является юридическим средством позволяющим личности реализовать свои имущественные права, прежде всего права собственности, а также личные неимущественные права. активно участвовать в экономическом обороте, заниматься предпринимательской и иной деятельностью.

Содержание дееспособности граждан тесно связано с содержанием их правоспособности. Так, содержанием правоспособности составляет права и обязанности, которые физическое лицо может иметь, то содержание дееспособности характеризуется способностью лица эти права и обязанности приобретать и осуществлять собственными действиями. Поэтому, обобщая сказанное, можно сделать вывод, что дееспособность есть предоставленная гражданину законом возможность реализации своей правоспособности собственными действиями, а правоспособность – это, прежде всего, общая способность гражданина быть носителем гражданских прав и обязанностей,

Таким образом, возникновение дееспособности зависит от возраста и психического здоровья человека, а правоспособность – не зависит от возраста и состояния здоровья гражданина, а возникает с момента рождения и прекращается со смертью гражданина.

Экономический аспект правоспособности и дееспособности не являются естественным свойством человека, а являются юридическими категориями, так как предоставлены личности в силу закона. Вследствие этого, Гражданский кодекс РФ в отношении дееспособности и правоспособности устанавливает неотчуждаемость и невозможность ограничения ни по воле самого гражданина, ни по воле иных лиц, кроме как в случаях и в порядке, установленных законом.

Комплексный подход выбора тактики представления доказательств

Р.Н.Пирова

[1] Матвеева М.В. Соотношение норм морали и нравственности с правовыми нормами: предложение о совершенствовании и развитии семейного законодательства // Сборник материалов юридической научно-практической интернет-конференции «Актуальные проблемы функционирования государства и тенденции защиты прав и свобод человека». – Киев, 2011. – 126.

Качественное поддержание государственного обвинения зависит не только от объема предоставленных обвинителю процессуальных прав, но и владения тактическими и психологическими приемами, разрабатываемых современной криминалистической и прокурорской практикой, а также юридической психологией.

В соответствии со ст. 274 УПК РФ очередность исследования доказательств определяется стороной, представляющей доказательства суду; первой представляет доказательства сторона обвинения, а затем сторона защиты. С тактической точки зрения законодатель поставил в более выгодное положение сторону защиты, поскольку доказательства, исследованные позже по времени относительно постановления приговора, более яркие в сознании судьи и объективно кажутся более убедительными. Данная позиция законодателя обусловлена принципом презумпции невиновности и правилом «благоприятствование защите».

Положения ст. 274 УПК РФ возлагают на государственного обвинителя большую ответственность: он должен так выработать тактику представления и исследования доказательств, что у судьи после исследования доказательств защиты не возникло даже сомнений в обоснованности обвинительного тезиса.

В УПК РФ имеются исключения из порядка исследования доказательств, установленных ст. 274 УПК РФ. Во-первых, в соответствии с ч. 1 ст. 275 УПК РФ при согласии подсудимого дать показания первым его допрашивают защитник и участники разбирательства со стороны защиты, а затем государственный обвинитель и участники судебного разбирательства со стороны обвинения. Данное правило продиктовано важнейшим принципом доказательственного права, согласно которому показания обвиняемого (подсудимого) являются как доказательствами по делу, так и средством его защиты. При этом средством защиты они являются вне зависимости от того, отрицает ли подсудимый свою вину либо признает ее в наиболее удобной для него трактовке [2. – С. 63-64]. Во-вторых, в соответствии с ч. 4 ст. 274 УПК РФ, если в уголовном деле участвуют несколько подсудимых, то очередность представления ими доказательств определяется судом с учетом мнения сторон.

По поводу тактики представления доказательств государственным обвинителем в науке не выработано единого мнения. Так, О.Я. Баев. – С.В.Питерцев, Ю.В.Кореневский предлагают представлять доказательства по нарастающей их силе, от имеющих меньшее доказательственное значение к доказательствам наибольшей обвинительной силы [1. – С. 90]. О.Д.Жук рекомендует в первую очередь представлять прямые доказательства [4. – С. 220]. По мнению В.В.Воскресенского, сначала следует исследовать те факты, которые наиболее полно обоснованны доказательствами, а затем переходить к более спорным обстоятельствам дела [7. – С. 57-58].

В.Л.Кудрявцев отмечает, что предлагаемая очередность доказательств государственным обвинителем в суде должна: во-первых, органически вписываться и подтверждать версию обвинения, акцентируя особое внимание на опровержении версии защиты; во-вторых, начинаться с тех существенных обстоятельств дела, которые устанавливаются доказательствами обвинения вне всяких сомнений; в-третьих, исследоваться в хронологическом или ином порядке, позволяющем полно развернуть, раскрыть потенциальные возможности обвинения; в-четвертых, быть выстроена в логически верную «цепочку», в которой все доказательства обвинения взаимосвязаны и взаимодополняемы, не имеют логических «разрывов» и противоречий, которыми могла бы воспользоваться сторона защиты, а если она сможет, то это, естественно, ставит под сомнение законность и обоснованность обвинения [6. – С. 65].

По мнению Л.Е. Ароцкера, при определении тактики судебного следствия суду необходимо исходить из следующего: а) в первую очередь лучше исследовать те факты, которые являются наиболее существенными и наиболее полно подкреплены доказательствами; б) порядок исследования доказательств и его последовательность должны обеспечить полноту и всесторонность анализа обстоятельств дела; в) последовательность судебных действий должна быть продумана как в отношении различных действий (осмотр, допрос), так и применительно к одноименным действиям (допросы свидетелей). Думается, что приведенные рекомендации могут быть направлены и государственному обвинителю, вырабатывающему тактику судебного следствия.

По нашему мнению, на выбор тактики представления доказательств должны оказывать влияние следующие факторы.

Во-первых, «правовые факторы», которые можно подразделить на материально-правовые (квалификация преступления) и процессуально-правовые.

Порядок представления доказательств зависит от квалификации преступлений. При производстве предварительного расследования и судебном рассмотрении уголовных дел по некоторым преступлениям существует вероятность оказания на потерпевшего воздействия со стороны подсудимого или его близких, друзей. Так, например, по делам о преступлениях, предусмотренных ст. 131, 132 УК РФ, показания потерпевшего в силу его тяжелого психологического состояния могут меняться. Если государственный обвинитель начнет допрос со свидетелей обвинения, а в конце допросит потерпевшего, то есть вероятность получить его полные и правдивые показания, поскольку, во-первых, он психологически будет осознавать, что его показания являются не единственными подтверждающими обвинение, а, во-вторых, выслушав показания свидетелей обвинения, он будет чувствовать психологическую поддержку в том, что «он не одинок».

В качестве процессуально-правовых факторов, учитываемых при выработке тактики представления доказательств, государственный обвинитель должен знать положения УПК РФ об очередности представления и исследовании доказательств (ст. 274 УПК РФ); о праве подсудимого и потерпевшего с

разрешения председательствующего давать показания в любой момент судебного следствия (ст. 275, 277 УПК РФ) и др.

На выбор тактики представления доказательств влияет характеристика самого уголовного дела (объем, количество подсудимых и т.п.). Как показывает опрос государственных обвинителей, при рассмотрении уголовного дела с участием одного подсудимого 90 % опрошенных предлагают суду допросить сначала подсудимого. При наличии нескольких подсудимых, сначала допрашиваются те, кто признает себя виновным или играют второстепенную роль в совершении преступления. Такая тактика выработана с целью устранения вероятности оказания давление на них со стороны иных подсудимых.

Трудности представления доказательств возникают по многоэпизодным уголовным делам. Так, в Руководстве для государственных обвинителей предлагается исследовать доказательства в хронологическом, территориально-хронологическом порядках, по видам преступлений [8. – С. 114-115]. К.С.Егоров, Ю.В.Козубенко рекомендуют следующие варианты: исследуются доказательства по каждому эпизоду преступной деятельности, исследуются доказательства по каждому подсудимому, используется комбинация двух вариантов[3. – С. 607]. Н.П. Кириллова выделяет дополнительные способы: по отдельным эпизодам допрашиваются только подсудимые, а остальные доказательства исследуются безотносительно к эпизодам, но конкретизируются по отношению к каждому подсудимому; подсудимые и свидетели допрашиваются по каждому эпизоду отдельно, а остальные доказательства исследуются безотносительно к эпизодам; в определенной последовательности допрашиваются подсудимые, каждый по всем инкриминируемым ему составам преступлений и эпизодам, затем по эпизодам группируются и исследуются иные доказательства [5. – С. 89]. Опрос государственных обвинителей показал, что в практике по многоэпизодным делам сначала допрашиваются подсудимые по всем эпизодам, а затем исследуются иные доказательства по конкретным эпизодам. Неявка свидетелей и потерпевших в суд влияет на изменение порядка исследования доказательств.

Позиция стороны защиты, занятая на предварительном следствии, оказывает существенное влияние на выбор тактики представления доказательств. Государственный обвинитель должен не только выработать тактику проверки обвинительной версии, но и тактику опровержения возможных версий события преступления, выдвинутых защитой. Ряд авторов признают целесообразным в ситуации непризнания обвиняемым своей вины начинать допрос со свидетелей, изобличающих подсудимого, а затем переходить к допросу его самого [9. – С. 382-383]. Эта позиция нам представляется совершенно верной, поскольку допрос свидетелей обвинения позволит получить некоторую изобличающую информацию, которая может быть использована при допросе подсудимого. Кроме того, как отмечает Н.П.Кириллова, это может привести к тому, что подсудимый признает свою вину, не будет при допросе изворачиваться, давать ложные показания [5. – С. 89].

Таким образом, выбор тактики представления доказательств – это комплексный подход, который требует от государственного обвинителя не только правовых, но криминалистических и психологических знаний.

Список литературы

1. Баев О.Я. Прокурор как субъект уголовного преследования. Научно-практическое пособие. – М.: Изд-во «Юрлитинформ», 2006.
2. Воробьев П.Г., Балугина Т.С. Тактический аспект порядка исследования доказательств на судебном следствии // Российская юстиция. – 2008. – № 10.
3. Егоров К.С. Судебное следствие. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации // Отв. Ред. В.И. Радченко; науч.ред. В.Т. Томин; В.П. Поляков. – М.: Юрайт-Издат, 2006.
4. Жук О.Д. Уголовное преследование по уголовным делам об организации преступных сообществ (преступных организаций). – М.: ИНФРА-М, 2004.
5. Кириллова Н.П. Процессуальные функции профессиональных участников в состязательном судебном разбирательстве уголовных дел. Монография. – СПб.: Изд.дом СПб, 2007.
6. Кудрявцев В.Л. Проблемы установления истины через механизм доказывания в контексте деятельности государственного обвинителя в суде // Журнал российского права. – 2006. – № 2.
7. Поддержание государственного обвинения по делам о тяжких преступлениях против жизни и здоровья. – М., 1994.
8. Руководство для государственных обвинителей: криминалистический аспект деятельности / Под ред. О.Н.Коршуновой. – СПб.: Издательство «Юридический Центр Пресс», 2003.
9. Шифман М.Л. Прокурор в уголовном процессе. – М., 1962.

Формирование горских адатов в Дагестане

Р.М.Разаков
С.С.Султанов

Адат (араб. обычай) – обычное право у народов, исповедующих ислам. Оно возникает еще в недрах родового строя. На определенной ступени развития внутри родовой общины, как результат имущественной дифференциации, возникают новые отношения зависимости. Постепенно появляется богатая и влиятельная верхушка рода, интересы которой приходят в столкновение с началами родового демократизма, сохранившегося вследствие того, что родовая община и после возникновения частной собственности владеет на коллективных основаниях частью родовой земли.

«Эта борьба различных начал, – пишет М.О.Косвен, – сказывается еще в одной форме. Старики берут на себя функции толкования и применения обычаев, а вместе с тем и функции суда. В этой связи старые обычаи фиксируются, приводятся в известную систему, передаваясь из поколения в поколение. Так возникает обычное право, которое и несет на себе печать двойственности, свойственной родовому обществу на данном этапе его истории»[1].

Обычай, как правило поведения, был единственной нормой, регулировавшей отношения людей в первобытно-общинном строе. С разложением первобытнообщинного строя и с появлением классов обычай принял классовый характер. С этого времени обычаи претерпевают изменения и постепенно приспосабливаются к обслуживанию интересов господствующего класса. Обычаи эти приобретают правовой характер, т.е. их выполнение обеспечивается принуждением.

Возникновение органов публичной власти в низовых политических единицах, какими являются джамааты в Дагестане, было началом выработки правовых норм, составляемых в своей совокупности обычное право.

Обычное право являлось основным источником права в период формирования феодальных отношений. Длительное действие норм обычного права в Дагестане было обусловлено отсутствием политически централизованного государственного объединения и значительной административной и политической самостоятельностью сельских общин со своими установившимися обычаями, регулировавшими почти все стороны семейного и общественного быта горцев.

К обычному праву относятся адаты, рассматривающиеся обществом как обязательные, невыполнение которых вызывает определенные репрессивные меры к нарушителям. Далеко не все дагестанские адаты носят проворой характер. Многие из них, относящиеся к области общественной нравственности, гостеприимству, семейным отношениям – суть моральной нормы, нарушение которых осуждается обществом, но не влечет за собой применение принудительных мер.

Адат в Дагестане, – как правильно отмечено проф. Ф.И.Леонтовичем, – имел троякое значение, во-первых, как обычай, живущий в народном предании, во-вторых, как способ разбирательства судебных дел и, в-третьих, как закон местный, действующий лишь в данной местности. Последнее значение имеет наибольшее распространение и в этом смысле рассматривается в настоящей работе.

Источники образования адатов были различны. Важную роль в формировании адатов играло третейство или маслагат (от араб. «маслахIат» – общее благо, выгода, интересы сторон) по разбирательству различных правонарушений.

Маслагат настолько определяет начала дагестанского обычного права, что к разбирательству уголовных и гражданских дел приступали лишь после попыток примирения тяжущихся сторон.

Подчеркивая значение третейского решения (маслагата) в образовании адатов Н.А.Караулов писал, что «путем маслихата устанавливались взаимные отношения между владельцами и крестьянами. Маслахаты могут даже отменять старинные, освященные давностью адаты»[2].

Другим, не менее важным источником образования адатов являлись решения сельских сходов по самым разнообразным вопросам.

По коренному мусульманскому праву, – отмечает Ф.И.Леонтович, – каждое общество (джамаат) правоверных имеет свои сходки стариков и почетных жителей для совещаний об общественных делах, – на таких сходах при недостатке адатов по тому или другому вопросу, старики установляют мирский маслагат, обращающийся при дальнейшей практике в постоянный адат общины»[3].

Такая практика весьма характерна и для горцев Дагестана. Почти в каждом дагестанском ауле имелись специальные места сбора джамаата. Почетные лица, о которых упоминает Ф.И.Леонтович, это наиболее зажиточные представители сельской общины, которые оказывали решающее влияние на принятие решений по общественным делам. В дальнейшем при многократном применении решение схода, принятое по конкретному случаю, становилось адатом во всех аналогичных случаях.

Среди источников дагестанского обычного права следует отметить и соглашения между двумя или несколькими сельскими общинами об установлении единообразной ответственности их жителей за нарушение интересов договорившихся джамаатов в целом или отдельных лиц. «В эпоху борьбы патриархальных обществ, – писал исследователь осетинского обычного права В.Пфафф, – соседи, утомленные продолжительной враждой, иногда определяли раз навсегда, для разных правонарушений, известное возмездие. Подобные компромиссы – самый обильный источник обычного права»[4].

Соглашения, как правило, заключались в письменном виде с указанием свидетелей. Срок их действия не ограничивался, лишь по мере необходимости по взаимному соглашению вносились дополнении и изменения. Соглашения подобного рода, вызванные к жизни стремлением избежать конфликты и вражду с соседями, получили в Дагестане повсеместное широкое распространение. Им принадлежит значительная роль в выработке норм адата и установлении определенного правопорядка во взаимоотношениях сельских общин.

Особое значение соглашения имели в «вольных» обществах Дагестана.

---

[1] Косвен М. О. Очерки истории первобытной культуры. М., 1957. С. 217.

[2] Караулов Н. А. Основы мусульманского права // СМОМПК. Вып. 40. 1909. С. 34.

[3] Леонтович Ф. И. Адаты кавказских горцев. Вып. 1. С. 11.

[4] Пфафф В. Народное право осетин // Сборник сведений о Кавказе. Вып. 1.

Отношения между сельскими общинами издавна строились на союзных началах. В одних случаях наиболее могущественный аул с добровольного согласия других соседних аулов брал на себя руководство всеми делами союза. В других это достигалось в результате насильственного подчинения слабых аулов сильным. Тогда между главным джамаатом и остальными устанавливались отношения покровительства и защиты с одной стороны, подчинения и платежей – с другой.

Очень ярко выступали эти отношения в Ахтынском «вольном» обществе. Жители всех 11 селений, входящих в Ахтынское общество, не имели права разбирать обоюдные претензии без ахтынских посредников.

По первому требованию ахтынцев жители селений были обязаны являться на помощь в случае войны.

Ахтынские аксакалы контролировали во всех селениях правильность исполнения закията.

Ахтынцы за кровь убитого платили 30 баранов, а с жителей подчиненных селений брали 600 голов овец.

Жители 11 селения отбывали так называемую пахту. Она заключалась в том, что жители селений 1 раз в год обязаны были принимать ахтынцев, угощать их лучшей пищей, кормить их лошадей и сверх того отдавать еще по одной овце. Ахтынцы обычно отправлялись в селения партиями от 100 до 500 человек и гостили в селении в течение суток[1].

Насколько тягостным и обременительным был обычай пахты можно судить по тому, как он исполнялся в Рутульском обществе.

«Рутульцы, отправляясь для пахты в данное селение своего участка партиями от 100-300 человек, гостили по 3 суток и мало того, что требовали себе отборную пищу, но и принуждали кормить своих лошадей в 3 1/2 раза более, чем того требовали ахтынцы. Независимо от угощения, рутулъцы брали при этом по 1 барану с каждого дыма того селения, куда приезжали для пахты»[2].

Рутульцы, кроме поборов при пахте, – отмечается далее, – брали еще в виде подати, по 1 барану в год с каждого дыма селений, отбывавших пахту.

Вместе с тем каждый джамаат вольного общества регулировал свои взаимоотношения с другими на основе специальных адатов, о соблюдении которых имелась договоренность.

Материал дагестанского обычного права, как будет показано ниже, полностью подтверждает приведенное высказывание.

Адаты касались широкого круга вопросов: совместных выступлений в случае опасности, пользования пастбищами, горами, принятия ишкиля, ответственности за те или иные преступления и т. д.

Приведем некоторые из них. «Жители селений Кахиб, Гууб, Баклъял и Гандих согласились на единое положение. Если один среди них отделится без разрешения остальных, то за ним семь коров. Если один из кахибцев или гуубцев убьет одного из бакльялцев или хиндихцев, то за убийцей в пользу гостя убитого пятнадцать коров, пятнадцать коров в пользу селения убийцы и тринадцать коров в пользу наследников, а также наоборот»[3].

В этом адате в качестве солидарного ответчика выступает весь джамаат. Коллективная ответственность всего джамаата, за действия одного из своих членов основывалась на том, что все члены джамаата обязаны были оберегать интересы своего аула, не считаясь с опасностями для жизни и имущества, и потому каждый из них имел право на защиту со стороны всего джамаата.

Общество сел. Обода обязывалось оказывать помощь тому, кто оказывался кровником, убив одного или нескольких человек из жителей Хиндаха. Из каждого двора кровнику выдавалось по одной мерке зерна. Если общество проявило незаботливость и уклонилось от выдачи зерна, то в собственность кровнику должна быть передана гора, начиная с «Хуру-Чух» до «Тлулукал»[4].

Адат, принятый во второй половине XVII века, в 1665 году считает, что убийца должен подлежать обязательной мести. Уклоняющийся от мести убийца подвергался штрафу. «Жители селений Ансуб и Исиниб согласились не оставлять убийцу без отомщения. Если наследник убитого прощает убийцу за выкуп, то с него взыскивать тридцать коров, стоимость в пять овец каждая, а также сто овец с убийцы в пользу Нуцала, сына Умма-Нуцала…» [5]. Уставовленный высокий штраф практически не допускал примирения за выкуп, и наследникам убитого оставалось только мстить убийце. Прощение за выкуп в то время считалось безнравственным и противоречащим интересам джамаата.

Селения Чох и Цудахар имели договоренность о неприменении ишкиля в отношении друг друга. С нарушителя взыскивался штраф один бык. Также они обязались взаимно оказывать помощь в случае опасности. Даже между ними было установлено: «Если султан (бек) присвоил (захватил) имущество и на месте очутился один из жителей обоих селений, и он не помешал ему посредством тревоги иди другими путями, то он сам должен возместить нанесенный султаном ущерб. Если один из жителей обоих селений убил султана (бека), то оба селения должны выдать ему двадцать баранов»[6].

---

[1] Описание нравов, обычаев и образа правления Самурского округа до присоединения к России // Рук. фонд, д. 2493, лл. 2,14.
[2] Там же.
[3] Рук. фонд ИИЯЛ, д. 1658, с. 153.
[4] Там же. Д. 1669. С. 167-168.
[5] Там же. С. 154.
[6] Там же. С. 166.

Выполнение правовых норм внутри джамаата обеспечивалось сельской администрацией. Что же касается правовых норм, о соблюдении которых имелась договоренность между несколькими аулами, то их исполнение не могло быть обеспечено центральной административной властью (это откосится и к феодальным владениям). Поэтому джамааты, заключавшие между собой соглашения, в качестве гарантии исполнения практиковали заклад каких-нибудь ценных предметов (в одном случае по два крымских ружья) или оговаривали в соглашениях, что в случае невыполнения определенная местность (гора, пастбище) перейдут в собственность другой стороне. Справедливые претензии лица другого джамаата должны были удовлетворяться администрацией джамаата, к которому принадлежат ответчик.

Горские адаты устанавливали различную ответственность почти по всем правонарушениям в зависимости от социальной принадлежности.

О бесправном положении рабов говорит следующий адат даргинцев: «За убийство кулла и каравашки дается вознаграждение владельцу и более никакому взысканию виновный не подвергается. За убийство куллом кого-либо взыскание делается с владельца и он же делается канлы родственников убитого. Но если владелец не согласится быть канлы, то должен освободить кулла из крепостной зависимости, и тогда кулл, сделавшись свободным (узденем), признается сам канлы»[1]. По адатам сс. Ругуджи и Согратль, сознавшийся в убийстве признавался виновным только в том случае, если он равного происхождения и имущественного положения с убитым[2]. Такой же адат существовал и у жителей Андийского округа.

Все претензии между куллами и каравашами одного владельца у даргинцев разбирались самим владельцем[3]. Рабы не допускались свидетелям или присягателями ни по одному делу. Взыскание за ранение раба определялось, в отличие от общего правила, по шариату.

В лакских адатах была установлена различная ответственность бека, узденя и раба за убийство. Убийца раба удалялся из места своего жительства на 40 дней, после этого он уплачивал хозяину раба определенную сумму и примирялся как с владельцами раба, так и его родственниками. А если раб убил бека или узденя, то он вместе со своим владельцем. удалялись канлы и подвергались мщению и ответственности по общим правилам кровной мести.

Подведя некоторые итоги, можно отметить, что обычное право Дагестана, несмотря на присущие ему партикуляризм и консерватизм, как следствие господства натурального хозяйства, отчетливо отражает уровень социольно-экономического развития горских народов.

Обычное право, развиваясь в условиях сохранения пережитков общинного строя, в феодальной экономике сочетает в себе институты патриархально-родового строя с нормами, характерными для периода становления феодальных отношений. Нормы обычного права, определявшие правопорядок в обществе, выражали волю и верхушки и использовались ею для защиты и укрепления своего привилегированного положения.

Гуманистическая модель обучения психологической основы в школе

Д.Г.Сайбулаева

Одним из признаков современности следует считать проникновение идей гуманизма во все сферы общественного сознания. О гуманизации сегодня пишут ученые и учителя, министры и политики, писатели и студенты. Вместе с тем включение в лексикон нового для постсоветского пространства понятия вовсе не означает понимание его сущностных признаков, его осознания, принятия и осмысления.

Особенно большое количество отмечается публикаций, исследований, посвященных гуманизации образования. Однако анализ многих из них показывает, что в психолого-педагогическом контексте термин «гуманизация» используется, в основном, в двух значениях. Во-первых, под гуманизацией многие авторы понимают гуманитаризацию содержания образования в результате увеличения удельного веса гуманитарных дисциплин с целью развития гуманитарного сознания учащихся и учителей;

Во-вторых, под гуманизацией образования понимается дифференциация и индивидуализация содержания учебного материала, преподавание этого материала в различных диалоговых формах и т.д.;

В-третьих, термин «гуманизация» используется как для обозначения либерализации и демократизации педагогической деятельности, когда на смену авторитарно-командным отношениям педагогов к учащимся приходят более мягкие формы обращения.

Признавая полезность и значимость гуманизации образования, понимаемую подобным образом, следует отметить, что такое понимание не отражает его сущности. Действительная гуманизация образования не может быть сведена к изменениям содержания учебных предметов и стиля педагогического общения. В наиболее обобщенном виде гуманизацию образования можно определить, следуя Э.Д.Днепрову, как преодоление основного порока традиционной школы – ее обезличенности, поворот школы к ребенку, уважение его личности, достоинства, доверие к нему, принятие его личностных целей, запросов и интересов. Это – создание максимально благоприятных условий для раскрытия и развития способностей и дарований ребенка, для его самоопределения. Это – учет психофизиологической самобытности каждого возрастного этапа, особенностей социального и культурного контекста жизни ребенка, сложности и неоднозначности его внутреннего мира.

Гуманизация – ключевой момент нового педагогического мышления, которая требует пересмотра, переоценки всех компонентов педагогического процесса в свете их человекообразующей функции.

---

[1] Адаты Дагестанской области и Закатальского округа. 1899. С. 88.
[2] Там же. С. 273.
[3] Там же. С. 69.

Основным смыслом педагогического процесса становится развитие личности ученика. Мера этого развития выступает как мера качества работы учителя, школы, всей системы образования.

Подлинный смысл гуманизации образования – это конструктивное самоизменение людей, гармонизация личности каждого учащегося и педагога, это, по сути – формирование совершенно иного по своему содержанию типа мировоззрения, который становится ведущим и непременным условием развивающего взаимодействия участников образовательного процесса.

В современной педагогике большинство исследователей выделяют две парадигмы образования: когнитивную (рационалистскую) и личностную (гуманистическую). В соответствии с первой образование рассматривается по аналогии с познанием, а его процесс (постановка целей, отбор содержания, выбор форм, методов и средств обучения) осуществляется как исследовательская деятельность. Личностные аспекты обучения сводятся к формированию познавательных мотивов и способностей, а также к накоплению опыта смысловых, ценностных и эмоциональных оценок поведения других людей и своего собственного. Цель обучения отражает социальный заказ на качество знаний, умений и навыков. Учебный предмет рассматривается как своеобразная проекция науки, учебный материал – как дидактически препарированные научные знания.

Гуманитарная или личностно-ориентированная парадигма предполагает ориентацию педагогического процесса на личность ребенка как высшую ценность; изменение мировоззрения всех участников этого процесса на основе идей гуманизации, развитие их гуманитарной культуры; создание условий для полноценного развития ребенка, сохранения и укрепления его здоровья; ценностно-смысловое равенство взрослого и ребенка, субъект-субъектный тип взаимодействия, обеспечивающий психологическую защищенность ребенка, развитие личностей воспитуемых и воспитателей как субъектов самопознания, деятельности и общения.

Основоположником гуманистической (недирективной) модели обучения является выдающийся американский ученый Карл Роджерс. Обосновывая необходимость перестройки традиционного (формирующего) обучения и воспитания, К.Роджерс указывал на следующие его особенности: осуществление единой предписанной свыше для учителей и учащихся учебной программы, направленность на усвоение суммы знаний, оцениваемых извне, авторитарный стиль обучения, преувеличение роли преподавания (и преподавателя) и преуменьшение роли осмысленного учения. В результате происходит снижение любознательности учащихся, их познавательной мотивации и, как следствие, нарастающая бессмысленность учебных занятий.

К.Роджерс показал, что альтернативой этой практике обучения является лишь ориентированная на учащихся гуманистическая практика.

Реформирование традиционной модели обучения и воспитания в рамках гуманистического подхода осуществляется по следующим основным направлениям: создание психологического климата доверия между учителями и учащимися; обеспечение сотрудничества в принятии решений между всеми участниками учебно-воспитательного процесса; актуализация мотивационных ресурсов учения; развитие у учителей особых личностных установок, наиболее адекватных гуманистическому обучению; помощь учителям и учащимся в личностном развитии. Учение как приоритетная сторона обучения становится при этом подходе осмысленным, личностно-вовлеченным, оцениваемым самим учащимся, свободно и самостоятельно инициируемым, направленным на усвоение смыслов на основе личного опыта. Основная задача учителя – стимулирование и инициирование (фасилитация) учения. Такое учение кардинально отличается от традиционного учения, которое является принудительным, безличностным, интеллектуализированным, направленным на усвоение значений.

С точки зрения К.Роджерса, весь континуум школьного обучения лежит между двумя крайними полюсами – традиционное авторитарное обучение, с первых которого ребенок узнает, что нужно подчинятся правилам, нельзя делать ошибки, спрашивать что-либо, перечить учителю, что учебники скучны, а списывать опасно, но не зазорно, что оценки наиболее важны в обучении и школа в целом – довольно неприятное место и т.д. Другой полюс – человекоцентрированное, гуманистическое или свободное обучение, при котором ребенок также с самых первых дней пребывания в школе узнает, что его любознательность признается и поощряется, что учитель дружелюбен и заботлив, что можно изучать то, что хочется и нравится, что процесс учения доставляет удовольствие, а учителя вызывают чувства уважения и любви.

В основе перестройки системы традиционного обучения находится, с точки зрения гуманистической психологии, самоизменение личности учителя, предполагающее специфическое гуманистически направленное мировоззрение, включающее в себя, прежде всего ряда личностных установок, реализующихся в процессе взаимодействия с учащимися. Среди них К.Роджерс подчеркивает три основные установки учителя-фасилитатора.

Первая установка в способности быть искренним, открытым, аутентичным по отношению к собственным мыслям и переживаниям и умении их выражать в общении с учащимися. Эта установка рассматривается как альтернатива типичной для учителя установке на ролевое поведение.

Вторая установка – «безусловное позитивное принятие» личности учащегося, основанное на доверии к нему, его возможностям и способностям.

Третья установка – «эмпатическое понимание», предполагающее видение учителем внутреннего мира и поведения каждого учащегося с его внутренней позиции, как бы его глазами.

Таким образом, учитель, понимающий и принимающий внутренний мир своих учащихся в безоценочной манере, ведущий себя естественно в соответствии со своими внутренними переживаниями и доброжелательно относящийся к учащимся, создает все необходимые условия для осмысленного учения и личностного развития. Если же, напротив, учитель не понимает и не принимает внутреннего мира своих учащихся, если он ведет себя неискренне, стремясь спрятаться за разного рода «фасадами», если он проявляет неуважение и холодность по отношению к учащимся, то такой учитель оказывает пагубное влияние на их личностное развитие.

Анализируя конкретный опыт гуманистического обучения, педагогический опыт учителей, К.Роджерс приходит к выводу о том, что фасилитирующее обучение – это не некий единый метод, не некая педагогическая технология, а совокупность ценностей, особая «педагогическая философия», неразрывно связанная с личностным способом бытия человека. Эту систему ценностей составляют убеждения в личностном достоинстве каждого человека, в значимости для каждой личности способности к свободному выбору и ответственности за его последствия, в радости учения как творчества.

Для оценки эффективности гуманистического обучения К.Роджерсом и его сотрудниками были проведены многочисленные сопоставительные исследования, которые показывают, что по всем девяти показателям, диагностировавшимся у учащихся – академические достижения, Я-концепция, отношение к школе, креативность, комфорность, любознательность, тревожность, локализация контроля, сотрудничество – гуманистическое обучение оказалось более успешным и эффективным, чем традиционное.

Анализ поведения учащихся при фасилитирующем обучении показывает, что они больше говорят с учителем и между собой; задают больше вопросов, больше времени заняты решением учебных задач; больше времени затрачивают на мыслительные операции и меньше – на механическое запоминание, чаще смотрят в глаза учителю, чаще улыбаются. Было показано, что они реже пропускают занятия, демонстрируют более высокие академические достижения, обнаруживают более высокую самооценку, более высокий самоконтроль; совершают меньше актов вандализма по отношению к школьному имуществу; стабильно повышают показатели коэффициента интеллектуальности и креативности.

Анализ работы учителей показал, что чем выше их способности к фасилитации учения, тем более индивидуализированным, дифференцированным и творческим является их подход к учащимся, тем больше внимания они уделяют переживаниям учащихся, чаще вступают в диалоги с ними; чаще улыбаются; предоставляют самостоятельность и ответственную свободу при составлении учебной программы, оценивании результатов учебной работы.

Несмотря на очевидную эффективность гуманистической модели обучения, она не находит широкого применения, более того встречает непонимание, неприятие и даже агрессию со стороны адептов традиционного обучения. Причины сопротивления гуманистическим иновациям К.Роджерс видел в следующем: во-первых, в отсутствии обратной связи о подлинных результатах работы школы со стороны общества; во-вторых, потребность общества в авторитарных лидерах и подчиненных-комформистах; в-третьих, нежелание многих функционеров огромной системы образования (от рядового учителя до верхних «коридоров власти») расставаться со своим статусом, со своей властью, с привычной иерархии отношений.

Кроме того, сопротивление гуманистическому обучению исходит из страхов педагогов и родителей, связанных с отказом от власти и контроля, а также непривычностью нового типа межличностного взаимодействия, и страхов учащихся, связанных с необходимостью учиться в условиях личной свободы и ответственности. К этому можно добавить, что, пожалуй, среди ведущих трудностей реализации гуманистической модели обучения является отсутствие личного опыта подобного межличностного взаимодействия у современных учителей, обучавшихся и воспитывавшихся в рамках традиционной авторитарной модели.

К.Роджерс отмечал, что подлинная демократизация системы образования представляют собой реальную угрозу современному общественному устройству, поскольку они альтернативны его пирамиде власти, его авторитарному способу бытия. Любая атака на старое общество будет либо беспощадно опрокинута, либо, как уже не раз было в истории, обернется пирровой победой. Поэтому единственной надеждой для гуманистических педагогических инноваций проникновение идей демократии во все сферы общества и, прежде всего, в верхние эшелоны власти. В своей последней книге, обращаясь к учителям и родителям, отмечая трудности утверждения гуманистических идей, К.Роджерс писал: «Нелегко стать глубоко человечным, доверять людям, сочетать свободу с ответственностью. Путь, представленный нами, – это вызов. Он предполагает изменение нашего мышления, нашего способа бытия, наших отношений с учащимися. Он предполагает непростое принятие на себя демократического идеала. Все это в конечном счете сводится к вопросу, который мы должны задать каждый по отдельности и все вместе: «осмелимся ли мы?».

Литература

1. Днепров Э.Д. Четвертая школьная реформа в России. – М., 1994.
2. Орлов А.Б. Психология личности и сущности человека: Парадигмы, проекции, практики. – М., 2002.

Гражданско-правовые проблемы: обычное право в дореволюционном Кавказе

А.К.Халифаева
Р.А.Богданов

Адаты по гражданским делам имеют место рядом с адатами по воровству и поджогам. «Воровство, грабеж, потравы, поджоги, умышленные и неумышленные, и вообще всякая порча имущества, – писал А.В. Комаров, – адатом подводятся под одну категорию»[1].

В гражданском праве необходимо отметить, прежде всего, что мусульманские законоведы не проводят различия между обязательственным и вещным правом[2]. В обычном праве хорошо были разработаны отдельные институты вещного и обязательного права. Нормы этих институтов регулировали имущественные отношения в аулах. Существовала определенная система договоров, связанных с недвижимым и движимым имуществом. Договоры заключались в устной и письменной форме. В устной форме договаривались, например, об условиях найма личного или общественного пастуха. В аулах практиковалась передача во временное пользование одной или нескольких дойных коров тем, кто отправлялся на высокогорные пастбища в весенне-летний период. Должник был обязан возвратить скот с приплодом и определенным устным договором количеством масла и сыра.

В дагестанских адатах имеются целые главы, посвященные гражданским делам. Знакомясь с нормами этих глав, мы обнаруживаем, что некоторые из них аналогично с современным гражданским законодательством регулируют рассматриваемые отношения (§ 47, 49, 50 и т.д.). Так, например, и в адатах Кюринского округа (§ 50), и в нормах действующего Гражданского кодекса РФ преимущественное право на приобретение, покупку недвижимости имеют сособственники.

За всякую потраву и порчу имущества, умышленную или неумышленную, владелец его получает полное вознаграждение от виновного, по оценке, производимой, как правило, почетными людьми (§ 78. Частные адаты обществ Андалалского наибства. Адаты Гунибского округа; § 57. Гл. III. Адаты Кюринского округа; § 1. Гл. VII. Адаты Самурского округа; § 236. Общие адаты. Адаты Даргинского округа).

Были выработаны обычно-правовые нормы, направленные на охрану общинных земель и лесов. Косить сено на общинных землях сельчанам запрещалось без согласия схода, иначе виновный подвергался штрафу. В Дидойском обществе с виновного брали мерку хлеба в пользу аула. Намного строже был адат, существовавший у андийцев. За самовольное действие виновный должен был дать быка или 6 мер хлеба в пользу аула. В Ухнадальском обществе с того, кто срубит во владении другого большое дерево, взыскивали одну овцу. С того, кто срубит молодое дерево, брали три овцы, верх дерева – одну овцу, ореховое дерево – одну корову в пользу аула.

Для сбережения общественных полей от потрав от общества назначались сторожа (курухчи), которые, найдя чей-либо скот на общественных полях, брали в свою пользу одного барана или стоимость его с хозяина скота, найденного на полях (§ 68. Гл. I. Адаты Кайтаго-Табасаранского округа; § 3. Гл. VII. Адаты Самурского округа; § 236. Общие адаты. Адаты Даргинского округа).

«Если кто-нибудь употребляет пригульную скотину на свои работы, без ведома старшины, то, при возникновении жалобы со стороны хозяина скотины, виновный подвергается ответственности, как за присвоение себе чужой собственности» (Ст. 61. Гл. VI. Очерк третий. Очерки народных обычаев Кумыков; § 58. Гл. III. Адаты Кюринского округа). В силу этого адата никто не мог оправдаться при продаже чужой скотины тем, что она была им найдена.

К системе отношений, связанных с обязательствами и договорами, можно отнести ишкиль. Ишкиль (барамта) – это право истца, потерявшего надежду на добровольное удовлетворение со стороны ответчика. Речь идет о захвате имущества для принуждения ответчика к удовлетворению имущественных претензий. В литературе ишкиль определяется как обычай, по которому кредитор имел право задержать любого человека из местности, откуда происходил должник, и наложить арест на его имущество до тех пор, пока не добьется уплаты долга от должника или общества, к которому принадлежит должник[3]. По мнению М.А. Агларова, ишкиль, как и кровная месть, был санкционирован обществом и дозволен адатом[4]. В обществе действовал принцип – пусть джамаат пострадавшего от применения ишкиля вынудит подлинного виновника к возвращению долга. О широком распространении ишкиля в Дагестане свидетельствует сохранившаяся обширная переписка XIX в. между «вольными обществами», ханами и мусульманскими юристами о прецедентах ишкиля[5]. Шариат, кстати, к ишкилю относился отрицательно. Следует отметить, что ишкиль во многом совпадает с залогом, который был разработан еще в римском частном праве. Ишкиль, как и залог, есть ответственность «вещи»: контрагент при заключении сделок всегда проверял имущество, при помощи которого можно удовлетворить в будущем то или иное обязательство[6].

В адатах существовали нормы, регулирующие общественное поведение и быт горцев. Этим объясняется во многом сохранение правопорядка в аулах. Внутри аула был своего рода «кодекс чести», нарушение которого приводило к презрению со стороны окружающих. Горцы высоко ценили общественное мнение. К неисправимым правонарушителям общепризнанных порядков применялись такие меры, как запрет участвовать на свадьбах, похоронах, лишение права погребения по шариату. В аулах поддерживали такие традиции, как уважение к старшим, милосердие к слабым, больным. Воля родителей для детей была

---

[1] Комаров А.В. Адаты и судопроизводство по ним. С. 56.
[2] Караулов Н.А. Основы мусульманского права. С. 32–33.
[3] Памятники обычного права Дагестана XVII–XIX вв. С. 277.
[4] Агларов М.А. Сельская община в Нагорном Дагестане в XVII – нач. XIX вв. С. 101–102.
[5] РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 16. Оп. 1. Д. 1260–1310.
[6] Сулейманов Б.Б. Административно-политическое управление Дагестана во второй половине XIX в. С. 105–106.

священным делом. Горский намус (совесть) требовал от мужчин уважения к хранительнице очага, матери детей, непременно держать данное слово, не говорить с людьми грубо, быть совестливым и честным. Горский адат говорил: «Хочешь быть уважаемым, уважай сам». Н. Данилевский, современник изучаемого нами времени, подтверждал, что «кавказские горцы имеют в обращении нравственную сторону: они любят вежливость, скромность, чинопочтение; всякое ругательное слово имеет последствием строгость замечания, угрозу» и даже поединок[1].

Итак, нормы по гражданским делам позволяют отметить справедливое отношение адата к имущественным преступлениям и «гражданской неисправности».

Немаловажно также отметить, что повсеместно, согласно обычному праву Дагестана, дееспособность гражданина наступала с 15 лет. Именно с этого возраста горцы способны были своими действиями приобретать и осуществлять гражданские права, создавать для себя гражданские обязанности и исполнять их. Подтверждением этого служат следующие нормы адатов. В кумыкских народных обычаях пятнадцатилетний возраст в норме по похищениям указывается как основание для ответственности правонарушителя (Ст. 4. Гл. I. Очерк третий. Очерки народных обычаев Кумыков), кумыкская девушка правоспособна вступить в брак по достижении ею пятнадцатилетнего возраста (Гл. I. Очерк второй. Очерки народных обычаев Кумыков); по Даргинским адатам «к присяге требуются ближайшие родственники присягающего с отцовской стороны – мужчины, достигшие 15 лет» (Ст. 59. Общие адаты. Адаты Даргинского округа). Аналогичные примеры можно привести и по остальным источникам права.

Модернизации уголовного законодательства на современном этапе социально-экономического развития общества РФ

М.М.Гитинова

В связи с реформой уголовного законодательства в Уголовный Кодекс РФ последние несколько лет регулярно вносятся различные изменения, на первый взгляд, вроде даже разумные. Как основание проведения реформы властью озвучена тенденция гуманизации уголовного закона РФ, снижение репрессивности уголовного судопроизводства.

Модернизация современного уголовного законодательства обусловлена неэффективностью значительной части его институтов в условиях постоянного развития общества, а также отсутствием целенаправленной государственной политики в сфере уголовной юстиции.

Характер и степень проблем существующих в современной практике, не позволяют решать их только путем фрагментарных изменений закона, о чем неоднократно говорилось в различных исследованиях авторов, Жалинского А.Э., Комисарова В.С. Лопашенко Н.А., Наумова А.В., Рарога А.И. и других авторов. Очевидна необходимость комплексного подхода к изменениям Уголовного Кодекса.

Ресурс уголовного права специфичен, отражает его природу и определяет как возможности, так и содержание реализации его функций, взятых во времени и пространстве, применительно к субъектам его осуществления. Любое государство и общество стремятся к тому, чтобы обладать достаточным и только необходимым ресурсом уголовного права, использовать его для общего блага, минимизируя объективные и субъективные негативные последствия действия уголовного закона.

В Российской Федерации, проведшей сравнительно недавно уголовно-правовую реформу, это также является актуальным. Соответственно этому последовательно рассматриваются понятие и параметры уголовно-правового ресурса, выявляются возможные направления модернизации уголовного права.

Эволюция уголовного права всегда следовала эволюции общества и государства, в той или иной мере последовательно отражала смену ведущих политико-правовых идей, создавала механизмы и средства, наиболее адекватные насущным практическим задачам борьбы с преступностью. В этом отношении современные правовые процессы в принципе не вызывают критики и, скорее, должны восприниматься как данность. Процессы изменения уголовного права могут быть сознательной и глубоко продуманной его модернизацией, с необходимостью предполагающей отказ от прежней идейной концепции отрасли, которая объективно исчерпала свой ресурс и потому требует замены. Но изменения способны оказаться и недальновидным разрушением существующей системы в результате непрофессионального, просто неграмотного отношения к отраслевым канонам, непонимания их значимости, неумением создать нечто концептуально новое. Не менее вредоносно разрушение «старого», продиктованное политическим заказом, или, во всяком случае, политически (не в смысле уголовной политики) мотивированным, желанием получить от принимаемых решений сиюминутную выгоду, стремлением приспособить правовые конструкции к политическим декларациям.

Иными словами, современная ситуация («время перемен») может являть собой пример либо создания новой разумной концепции уголовного права на месте прежней, либо разрушения прежней, даже без попытки создать новую. И хотя оба эти процесса зачастую совмещаются во времени, сливаются в единый поток правовых трансформаций, в рамках теоретического анализа имеет смысл их разделить и даже противопоставить друг другу.

В этой связи, актуальной задачей становится поиск направлений и средств дальнейшего развития отрасли на основе альтернативы: либо внедрение таких механизмов развития уголовного права, которые обеспечили бы сохранность его ключевых характеристик в процессе крайне динамичной трансформации, либо разработка принципиально новой концепции уголовного права, обоснование новых принципов и

[1] Данилевский Н. Кавказ и его горские жители в нынешнем их положении. М., 1846. С. 181–182.

конструкций, которые позволили бы согласовать происходящие изменения закона и заложить основы его дальнейшей адаптации к изменяющимся социальным условиям.

Государство сегодня, как представляется, не смогло в полной мере определиться в своих предпочтениях относительно этой альтернативы. Возможно, и по той причине, что оно не обладает качественной научной информацией о предпосылках, содержании и последствиях реализации каждого из вариантов развития уголовного права[1].

Как известно, действие уголовного права основано как на конституционных началах устройства российского общества, так и на его насущных потребностях. Однако уголовный закон более чем острый инструмент. Применительно к исследуемому вопросу речь идет об установлении и формулировании в законе системы принципов применения наказания (принцип правомерности – нет наказания без преступления; принцип законности – нет наказания без закона; принцип публичности – наказание применяется только от имени государства по приговору суда; принцип виновной ответственности – подлежит наказанию только лицо, признанное виновным в совершении преступления; принцип соразмерной ответственности – нельзя наказывать дважды за одно и то же; принцип гуманизма – наказание не может иметь целью причинение физических страданий или унижение человеческого достоинства; мысли не наказуемы; и пр.).

Наряду с законодательно закрепленными принципами, в уголовно-правовой литературе выделяются также принципы демократизма, неотвратимости ответственности, дифференциации и индивидуализации ответственности и наказания, экономии уголовной репрессии и пр. Но указанные принципы имеют в основном теоретическое значение.

Принцип экономии мер уголовной репрессии (государственного принуждения). Принцип экономии мер государственного принуждения – состоит в том, что борьбу с преступностью следует осуществлять путем наиболее рационального и экономического использования уголовных наказаний, особенно, связанных с лишение свободы.

Принцип экономии мер уголовной репрессии проявляется в двух моментах: во-первых, если при привлечении виновного к ответственности и осуждении его выясняется, что в данном случае можно обойтись без применения уголовного наказания и закон позволяет это сделать, наказание не должно применяться; во-вторых, при назначении наказания суд должен исходить из того, что в качестве наказания должна быть избрана предусмотренная для данного случая законом мера, обладающая наименьшей репрессивностью.

Существование данного принципа авторы выделяют достаточно давно. Так, Ю.А. Демидов в одной из своих работ указывал, что под экономией репрессии следует понимать «привлечение к уголовной ответственности лишь в случае, когда исправление и перевоспитание виновного и достижение целей общей превенции не могут быть обеспечены иным путем».

В настоящее время данный принцип не потерял своей актуальности. Частично он нашел свое отражение в ч. 1 ст. 60 УК РФ, в которой закрепляется, что «более строгий вид наказания из числа предусмотренных за совершенное преступление назначается только в случае, если менее строгий вид наказания не сможет обеспечить достижение целей наказания».

Следует отметить, что отдельные исследователи придают принципу экономии мер уголовной репрессии более существенное значение. Так, в юридической литературе есть мнение, что этот принцип является самостоятельной частью принципа гуманизма.

В целом основными целями модернизации уголовного законодательства на современном этапе социально-экономического развития общества является обеспечение безопасности личности, общества и государства от угроз, которые несет в себе преступность, в том числе и угроз развитию; снижению уровня социальной напряженности в обществе посредством адекватного урегулирования конфликта, вызванного преступлением. Последовательная работа по преодолению выявленных уязвимых моментов действующего уголовного законодательства и разработка соответствующих программных документов, несомненно, положительно повлияет на действенность и эффективность уголовно-правовых средств.[2]

---

[1] Принципы уголовного права и основания его устойчивого развития. Бабаев М.М., доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ; Пудовочкин Ю.Е., доктор юридических наук, профессор. http://www.crime.vl.ru/

[2] Тенденции и направления модернизации уголовного законодательства российской федерации. Панов И.И. http://cyberleninka.ru/article/n/tendentsii-i-napravleniya-modernizatsii-ugolovnogo-zakonodatelstva-rossiyskoy-federatsii

Передача недвижимости, принадлежащей государству Гинее: законная, но особая процедура передачи имущества

Абдул Бах

En Guinée, pour bon nombre de citoyens, il est interdit normalement d'acquérir tout domaine appartenant aux personnes publiques, et donc à l'Etat.

Cette croyance largement partagée, d'une part, tient de nombreux précédents douloureux relatifs à l'acquisition des domaines de l'Etat qui ont marqué les consciences à jamais.

D'autre part, elle peut s'expliquer par la méconnaissance de la législation en général due à un manque de vulgarisation de la loi par l'Etat qui ne favorise pas l'accès à l'information juridique au bénéfice des citoyens afin de prévenir ou limiter les risques juridiques.

I – Les acteurs pouvant être propriétaires de biens domaniaux

Peuvent être propriétaires des biens domaniaux les personnes morales publiques ci-après: Etat (ministères, préfectures, sous-préfectures…), les collectivités locales (régions, communes urbaines et communes rurales) et les établissements publics[1].

Il sied donc de retenir que l'ensemble des domaines publics n'appartiennent pas qu'à l'Etat même si par extension les citoyens assimilent les autres acteurs concernés à l'Etat.

En tout état de cause, le développement qui suit est valable pour l'ensemble des acteurs précités.

II – La légalité de l'acquisition d'un bien domanial tenant à la nature du bien en cause

Les biens de l'Etat sont de deux natures distinctes: ceux appartenant à son domaine public et ceux appartenant à son domaine privé.

1 – Le domaine public de l'Etat: est constitué de l'ensemble des biens mobiliers ou immobiliers lui appartenant et affectés à l'usage du public ou à un service public[2].

Il résulte de ce qui précède deux critères alternatifs qui reposent sur l'affectation du bien, soit à l'usage du public, soit à un service public et le critère permanent d'appartenance du bien à l'Etat pour qu'un bien puisse relever du domaine public.

L'affectation du bien à l'usage du public, c'est lorsque ledit bien est ouvert à l'utilisation de la population (exemples: les voies publiques de circulation, la mer …) tandis que l'affectation du bien à un service public, c'est lorsque le bien sert à l'exécution d'une mission de service public (exemples: les écoles, les hôpitaux…).

Ainsi, les biens formant le domaine public de l'Etat caractérisés par l'affectation à l'usage du public, sont inaliénables et imprescriptibles[3]. C'est-à-dire tout bien de cette nature ne peut être ni cédé ni vendu d'une part, et d'autre part, une possession prolongée du bien par un tiers demeure sans effet sur la propriété dudit bien et, cela, ne souffre d'aucune exception.

Néanmoins, lorsqu'un bien cesse de remplir les critères ci-dessus précisés, il doit faire l'objet d'une mesure de déclassement visant à le faire sortir du domaine public pour le faire entrer dans le domaine privé[4].

En d'autres termes, le changement de nature du bien de l'Etat en vue devenir un bien appartenant à son domaine privé, rend possible la cession ou la vente de ce bien sous réserve du respect d'une procédure préalable particulière que nous détailleront plus bas.

2 – Le domaine privé de l'Etat: le Code foncier et domanial consacre une définition à contrario du domaine privé: il est constitué de l'ensemble des biens mobiliers ou immobiliers appartenant à l'Etat qui ne font pas partie de son domaine public[5].

Mais, le Code liste aussi un certain nombre de biens de l'Etat qui relèvent de son domaine privé parmi lesquels, on a notamment, les biens qui ont fait l'objet d'une procédure légale d'expropriation (exemple, des réserves foncières de l'Etat expropriées).

En outre, les biens du domaine privé de l'Etat sont soumis au même régime que celui auquel sont soumis les biens des particuliers c'est-à-dire, le régime de la propriété privée lui est applicable à l'instar des personnes privées[6].

Ainsi, contrairement au domaine public, l'Etat a le droit de vendre son domaine privé à condition que la vente ne soit pas effectuée à titre gratuit ou à un prix inférieur à la valeur du bien, sauf motif d'intérêt général[7]. Cette condition vise à protéger les deniers publics dont le non-respect entraîne la nullité du contrat en cause.

Par exemple, l'Etat peut céder un bien appartenant à son domaine privé gratuitement ou à un prix inférieur à la valeur du bien à une entreprise privée dont l'activité économique va générer suffisamment de l'emploi (but d'intérêt général).

En résumé, contrairement aux croyances forgées, il est parfaitement légal d'acheter un bien appartenant au domaine privé de l'Etat et/ou un bien appartenant à son domaine public qui a fait préalablement l'objet de transfert effectif afin d'entrer dans son domaine privé.

III – Informations à savoir préalablement à l'acquisition d'un domaine immobilier appartenant à l'Etat ou à une collectivité territoriale

Il convient d'une part, d'identifier parmi les acteurs publics, celui qui est propriétaire du domaine à vendre (Etat, collectivité territoriale ou établissement public) et d'autre part, de s'assurer effectivement que ledit domaine est bien de nature privée.

S'agissant d'un domaine immobilier privé appartient à l'Etat, l'autorité compétente pour la vente à l'amiable dudit domaine est le ministère chargé du domaine, à qui appartient également toute opération de gestion du domaine privé de l'Etat[8].

Lorsque le domaine immobilier privé appartient à une collectivité territoriale, il faut une délibération motivée du Conseil local autorisant le maire à délivrer le contrat de vente dudit domaine. Le Conseil local délibère après avis technique préfectoral[9].

Cependant, sur demande des collectivités territoriales, le service en charge des domaines peut réaliser l'opération de vente d'un bien appartenant à leur domaine privé pour leur propre compte[10].

Par ailleurs, lorsque le bien immobilier à vendre appartenait à l'origine au domaine public et qui par mesure de déclassement est entré dans le domaine privé de l'Etat ou de la collectivité territoriale, l'intéressé doit s'assurer concrètement de:

La désaffectation matérielle du bien c'est-à-dire qu'il n'est plus utilisé par le public ou qu'il ne sert plus à l'accomplissement d'une mission de service public;

La prise d'une décision constatant cette désaffectation et portant déclassement du bien concerné;

Pour l'Etat, l'acte de déclassement est pris par le ministère chargé des domaines, et pour une collectivité territoriale, il intervient par délibération du conseil local.

Par Abdoul BAH, Juriste conseils juridiques et contentieux

Glossaire:

[1] Article 95 du Code foncier et domanial.
[2] Article 96 du Code foncier et domanial.
[3] Article 101 du Code foncier et domanial.
[4] Article 113 du Code foncier le domanial.
[5] Article 114 du Code foncier et domanial.
[6] Article 115 du Code foncier et domanial.
[7] Article 123 du Code foncier et domanial.
[8] Article 122 du Code foncier et domanial.
[9] Article 204 du Code des collectivités territoriales.
[10] Article 124 du Code foncier et domanial.

Проект изменения Конституции в Гвинее: незаконная попытка отклонения от демократических ценностей

Абдул Бах

«En démocratie, nul ne doit empêcher que le peuple soit consulté…» ;

«Seul le peuple a le dernier mot» ;

«S'ils sont démocrates, qu'ils n'aient pas peur qu'on consulte le peuple» ;

«Le référendum est l'expression la plus aboutie de la démocratie, et que le priver au peuple, est une façon de trahir la démocratie» ;

«Les Etats unis ont changé plus d'une vingtaine de fois leur Constitution» etc.

Tels sont les arguments scandés par les défenseurs de l'adoption d'une nouvelle Constitution aujourd'hui en Guinée.

A en croire naïvement à leurs arguments, au nom de la démocratie, le projet d'une nouvelle Constitution est structurellement et incontestablement fondé.

Et si le chaos en Guinée se cacherait aujourd'hui sous ce vocable «la démocratie» comme l'avertissait déjà Guizot en analysant la perception de la démocratie?[1].

Dans le contexte actuel de la Guinée, peut-on au nom de la démocratie soutenir un changement de Constitution ?

Dans la situation actuelle de la Guinée, l'idée d'un changement de Constitution mettrait plus à mal la démocratie que ne la servirait.

En démocratie, la souveraineté appartient au peuple qui l'exerce directement (référendum) ou indirectement (par représentation), lequel principe ne souffre d'aucune objection.

Cette affirmation brille de par sa beauté ; mais elle ne trouve sens que de par l'effectivité de sa mise en œuvre afin que concrètement, les résultats d'une consultation du peuple par exemple, reflètent l'expression de ce dernier.

Toutefois, à partir du moment où cette condition sus-indiquée n'est pas satisfaite, la démocratie est vidée de son sens et privée ainsi de ses finalités.

Ainsi, c'est bien beau de comparer notre Etat à d'autres, modèles de démocratie qui ont changé plusieurs fois leurs Constitutions ; mais, la cohérence et l'honnêteté intellectuelle exigent que la situation de la Guinée soit au préalable comparable à celle de ces pays : l'égalité de traitement ne s'applique que sur des cas placés sous la même situation.

Il existe à travers les systèmes d'organisation et de fonctionnement politiques des Etats non pas une démocratie, mais des démocraties et, toutes prétendent œuvrer pour le bien-être de leurs sociétés respectives. En termes simples, le bien-être social est la finalité fondamentale de toute forme d'expression démocratique.

Ainsi, tout mode d'expression démocratique, fût-il légal et/ou légitime, s'il est susceptible d'apporter plus de désordre (mal) que d'ordre (bien), perd sa raison d'être et par voie de conséquence, ne mérite point d'être mis en œuvre.

Donc, en l'occurrence, même si par extraordinaire on avait droit de proposer au nom de la démocratie (la souveraineté du peuple) un projet de nouvelle Constitution dans le contexte actuel, le fait que la mise en œuvre de ce projet risque d'attenter à la stabilité et au bien-être de la société guinéenne, il va de soi que l'abstention quant à l'exercice de ce droit est à privilégier au nom de la démocratie

En outre, dans une démocratie on est censé être plus indigné par l'absence de l'organisation d'une élection obligatoirement prévue que par l'opposition à l'organisation d'une consultation facultative (référendum).

Plus précisément, la loi a prévu des échéances électorales obligatoires au rang desquelles, figurent les élections législatives dont la tenue est plus qu'une priorité surtout dans le contexte guinéen.

En revanche, le référendum a beau être un outil d'expression démocratique original mais il reste une consultation facultative. L'obligatoire prime donc sur le facultatif.

Ainsi, en temps normal (en dehors de toute rupture institutionnelle), donner priorité au combat pour la tenue d'élections obligatoires est la meilleure façon de servir la démocratie que d'être choqué par une contestation même illégitime de la tenue d'un référendum inopportun.

Peut-on fonder cette manœuvre visant à changer la Constitution sur d'autres motifs que celui de la préservation à tout prix d'intérêts égoïstes ?

Pour rappel, il convient de souligner qu'une pléthore de démonstrations juridiques a été mise en évidence qui a permis de conclure sans risque de se tromper que, l'adoption d'une nouvelle Constitution, ne serait ni légale encore moins opportune dans le contexte actuel de la Guinée.

En effet, la Constitution offre suffisamment de moyens qui permettent de l'adapter si besoin avec des limites qui la protègent contre tout abus. Et toute autre procédure de modification ou de changement constitutionnel qui ne respecte pas ce cadre s'apparente à une fraude à la Constitution et, par voie de conséquence, illégale.

En plus, même si par extraordinaire le changement de Constitution ne souffrait d'aucune illégalité, les précédents douloureux en Guinée ou en Afrique liés à une telle entreprise dont les plaies peinent encore à se cicatriser, seraient constitutifs de motifs légitimes pour s'opposer à un projet de changement constitutionnel.

Du reste, on constate que les consultations électorales ont toujours été malheureusement des occasions pour fragiliser davantage le tissu social et pour causer des dégâts notamment irréversibles (des morts).

Dans ces conditions, il serait plus sage et utile au nom de l'intérêt national de limiter de telles occasions en se contentant d'élections obligatoirement prévues et le cas échéant, lorsqu'il y a urgence impérieuse à organiser une consultation facultative (un référendum par exemple).

Par ailleurs, toute prétention visant à défendre la démocratie pour un motif autre que l'intérêt général, est un «crime» de plus contre la pauvre démocratie.

Malheureusement pour les promoteurs de ce «crime» contre la démocratie, leur mode opératoire a été tellement utilisé en particulier en Afrique au point qu'il n'est secret pour personne qu'il s'agit d'une instrumentalisation de ladite démocratie à des fins personnelles et lâches.

Glossaire:

[1] «Le chaos se cache aujourd'hui sous un mot : Démocratie. C'est le mot souverain, universel. Tous les partis l'invoquent et veulent se l'approprier comme un talisman» (François Guizot, De la démocratie en France, Paris, Victor Masson, 1849, p 9. Citation suivante : ibid., p 12.).

Правовое положение иностранцев в Российской Федерации

С.Р. кызы Абдулаева

В научной литературе под конституционно-правовым статусом иностранцев, как правило, понимается конституционно-правовой институт, совокупность норм которого регламентирует правовое положение иностранных граждан на территории конкретного государства и составной часть которого являются основные права, свободы и обязанности данных лиц.

Правовое положение всех иностранцев, находящихся на территории страны неодинаково. Не вызывает сомнений существование различий в правовом статусе таких категорий, как иностранцы, обладающие привилегиями и иммунитетом, иностранцы, не обладающие таковыми («обычные» иностранцы), беженцы и иностранцы, которым предоставлено политическое убежище[1], а также лица без гражданства. Но справедливо ли говорить о том, что отличия имеются и в конституционном статусе данных лиц? Представляется, что ответить на этот вопрос можно путем изучения особенностей каждого из элементов конституционного статуса той или иной группы иностранцев.

Прежде всего, необходимо отметить, что в целях Федерального закона понятие «иностранный гражданин» включает в себя понятие «лицо без гражданства», за исключением случаев, когда федеральным законом для лиц без гражданства устанавливаются специальные правила, отличающиеся от правил, установленных для иностранных граждан.

[1] Классификация иностранцев по их статусу на названные группы является распространенной в науке конституционного права.

Затем следует определить те элементы, которые составляют содержание института конституционно-правовой статус иностранного гражданина. Так как данный институт является составной частью более общего института конституционно-правового статуса личности и формируется на его основе [1], то содержание первого следует раскрывать с помощью установления содержания второго.

Как справедливо отмечает Л.Д.Воеводин, «таким критерием является закрепленное правом место индивида в обществе и государстве, т.е. в производстве, в управлении государственными делами и сфере духовной жизни. Все институты, непосредственно раскрывающие место индивида в обществе и государстве, можно смело включить в основы правового статуса личности»[2]. Таким образом, для того, чтобы объяснить необходимость включения в содержание статуса иностранца всех вышеперечисленных элементов, следует показать их взаимосвязи и невозможность существования друг без друга, а также выявить те признаки данных элементов, которые позволяют раскрыть положение иностранного гражданина в обществе и государстве.

Гражданство «выражается в наличии устойчивой политико-правовой связи между конкретной личностью и государством. Эта связь означает юридическую принадлежность лица конкретному государству, приобретение личностью специфических черт гражданина государства, наличие круга взаимных прав и обязанностей граждан и государства, а также защиту гражданина государством внутри страны и за ее пределами»[3].

Как и гражданство «иностранство» обладает рядом специфических черт, среди которых можно назвать: срочность, ограниченность территорией страны государства и непостоянство.

Свойство срочности характеризуется тем, что связь иностранца и государства пребывания имеет временные рамки. Согласно ч.1 ст.5 Федерального закона РФ от 25 июля 2002 года № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации»[4] временно пребывающий в РФ иностранец, прибывший в нашу страну по выданной ему визе, может находиться в пределах государственных границ России в течение срока действия такой визы, по истечении которого иностранец будет обязан покинуть государство. Срок, на который может быть выдана виза, детально регулируется Федеральным законом РФ «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию»[5]. То есть государство само ограничивает срок нахождения на своей территории лица, не являющегося его гражданином.

Следующим свойством правовой связи между иностранцем и государством пребывания является ограниченность данной связи территорией страны. Как правило, правоотношение между рассматриваемыми субъектами начинается с обращением иностранца к государству за разрешением на въезд в соответствующее государство, при осуществлении которого он будет подпадать под юрисдикцию такого государства и будет обязан соблюдать его законы. В случае выезда иностранца с территории государства правовая связь между ним и таким государством, как правило, прекращается, то есть иностранный гражданин и государство уже не будут обладать взаимными правами и обязанностями.

Ограничение срока нахождения иностранца на территории государства зависит непосредственно от государства и это характерно для регулирования статуса иностранцев, являющихся представителями «обычной» группы. Что касается категории иностранцев, наделенных определенными иммунитетами и привилегиями, то на свойство срочности их правовой связи с государством, гражданами которого они не являются, может оказывать воздействие государство их гражданства.

Свойство срочности по-разному отражается и в статусе «обычной» категории иностранцев, так как срок нахождения данных лиц на территории государства, гражданами которого они не являются, различается в зависимости от ряда факторов и обстоятельств. Так, в РФ постоянно проживающий иностранец имеет право находиться на территории нашего государства в течение срока действия выданного ему вида на жительство, а, например, временно проживающий – в течение срока действия разрешения на временное проживание. В первом случае такой срок составит пять лет, а во втором – три года (ст. 6 и ст.8

Говоря об иностранцах, следует помнить, что на данный вид связи может влиять наличие или отсутствие у лица гражданства какого-либо государства[6]. Характерной чертой конституционно-правового статуса иностранца – гражданина иного государства является его нахождение в «двойном подчинении». В таком случае «иностранство», как вид связи между иностранным гражданином и государством, приобретает особую окраску, так как существование между таким лицом и иным государством правовой связи в виде гражданства сказывается на всех элементах конституционно-правового статуса иностранных граждан и позволяет их классифицировать на различные группы:

– иностранцы, конституционный статус которых характеризуется наличием правовой связи таких лиц не только с государством пребывания (проживания), но и с государством своего гражданства;

---

[1] Воеводин Л.Д. Юридический статус личности в России. Учебное пособие. – М.: Издательство МГУ, Издательская группа ИНФРА. М – НОРМА, 1997. – С.15.

[2] Воеводин Л.Д. Указ. соч. – С.32.

[3] Общая теория государства и права. Академический курс в 3-х томах. Изд. 2-е перераб. и доп. Отв. Ред. проф. М.Н. Марченко. Том 1. – М.: ИКД «Зерцало-М», 2002. – С.418.

[4] Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. №30. Ст. 3032.

[5] О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию: Федеральный закон РФ от 15 августа 1996 г. №114-ФЗ// СЗ РФ. 1996. №34. Ст. 4029. с изм. и доп. от 10 января 2007 г. № 4-ФЗ.

[6] Енгибарян Р.В., Тадевосян Э.В. Конституционное право России. – М.: Юристъ, 2007. – С.346.

– иностранцы, статус которых определяется исключительно существованием правовой связи такого лица с государством, гражданином которого он не является.

В последнем случае имеются в виду не только лица без гражданства, а и иностранцы, принадлежащие к категории беженцев и лиц, ходатайствующих о предоставлении им политического убежища.

Набор принципов статуса иностранца некоторым образом отличается от набора принципов статуса личности, что является следствием возникновения между иностранцем и государством пребывания особой правовой связи и отражает особенности правового положения в государстве рассматриваемых нами лиц по сравнению с собственными гражданами государства.

Наконец, к элементам, составляющим содержание рассматриваемых институтов, относятся гарантии статуса личности. Именно гарантии делают возможным существование всех иных элементов статуса, так как обеспечивают их реализацию, закрепляют механизм осуществления прав, свобод и обязанностей, порядок охраны и защиты прав и свобод. Без гарантий элементы статуса в виде прав, свобод и обязанностей превратились бы в фикцию, а следовательно, потеряли бы смысл и элементы, представляющие собой предпосылки для установления прав, свобод и обязанностей: правовая связь между иностранцем и государством, принципы статуса и правосубъектность. Как справедливо отмечал Л.Д.Воеводин, «именно система гарантий всех элементов правового статуса и в особенности прав и свобод показывает, насколько они реальны, составляют ли они достояние всех людей».

Анализ гарантий[1] статуса иностранцев, закрепленный в законодательстве государства Российского позволяет судить о том, какое значение придает наше государство правам и свободам данных лиц, их обязанностям и какие меры оно намерено предпринять для обеспечения их реализации. То есть исследование гарантий также позволяет понять и определить место иностранного гражданина и лица без гражданства в государстве.

Иностранными гражданами считаются лица, находящиеся на территории РФ, не принадлежащие к ее гражданам и обладающие документами, доказывающими наличие них гражданства (подданства) иностранного государства[2].

Другой категорией лиц, находящихся в РФ и не обладающих ее гражданством, могут быть лица без гражданства. Они не являются гражданами РФ и не имеют доказательства наличия гражданства (подданства) иностранного государства. Именно такое определение этих категорий лиц дает Федеральный закон[3].

Во многих отношениях правовой статус иностранных граждан и лиц без гражданства имеет общую конституционно-правовую основу. Конституция РФ (ч.3 ст.62) гласит: «Иностранные граждане и лица без гражданства пользуются в РФ правами и несут обязанности наравне с гражданами РФ, кроме случаев, установленных федеральным законом или международным договором РФ». В своей работе мы называем эти две категории лиц общим названием «иностранцы». В Федеральном законе 2002 г. об иностранных гражданах в ч.2.ст.2 говорится: «В целях настоящего Федерального закона понятие «иностранный гражданин» включает в себя понятие «лицо без гражданства», за исключением случаев, когда федеральным законом для лиц без гражданства устанавливаются специальные правила, отличающиеся от правил, установленных для иностранных граждан».

По действующей Конституции РФ права и обязанности российских граждан, иностранных граждан и лиц без гражданства одинаковы, за исключением случаев, предусмотренных федеральным законом или международным договором РФ. Естественно, такая формулировка исключает участие субъектов РФ в регулировании прав, свобод и обязанностей иностранных граждан, лиц без гражданства в РФ[4].

РФ в соответствии с общепризнанными нормами международного права предоставляет политическое убежище иностранным гражданам и лицам без гражданства, т.е. возможность укрыться от преследований по политическим мотивам (за политические убеждения, общественную, религиозную деятельность и т.п.) со стороны своего государства или государства местожительства, что соответствует положению ст. 14 Всеобщей декларации прав человека, провозглашающему право каждого человека искать убежище от преследования в других странах, и принятой ООН Декларации о территориальном убежище 1967 г.

Таким образом, при предоставлении лицу (иностранному гражданину или лицу без гражданства) политического убежища РФ может установить специальные права и гарантии для этой категории лиц.

Основания предоставления РФ политического убежища, отказа в таком предоставлении, утраты и лишения предоставленного лицу политического убежища, а также правовые последствия предоставления РФ лицу политического убежища, порядок предоставления и рассмотрения ходатайств о предоставлении РФ

---

[1] Статья 16 ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» говорит, что одновременно с ходатайством о выдаче приглашения приглашающей стороной представляются гарантии материального, медицинского и жилищного обеспечения иностранного гражданина на период его пребывания в Российской Федерации. Порядок представления указанных гарантий устанавливается Правительством Российской Федерации.

[2] Мархгейм М.В., Смоленский М.Б., Яценко И.С. Конституционное право Российской Федерации: Учебник.- СПб.: Издательство «Юридический центр Пресс», 2006. – С. 233.

[3] О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации: Федеральный закон от 25 июля 2002 №115-ФЗ// СЗ РФ. №30. Ст.3032. с изм. и доп.

[4] Конституция Российской Федерации / Отв. ред. Л.А.Окуньков. – М.: БЕК, лом 1994. – С.237.

политического убежища определены Положением о порядке предоставления Российской Федерацией политического убежища, утвержденного Указом Президента Российской Федерации от 21 июля 1997 г.[1]

Теория общественного договора в учении Томаса Гоббса

М.М.Айбатов

Как в западной, так и в отечественной политико – правовой науке конструкция общественного договора, как способа концептуального обоснования идеи правового государства, длительное время рассматривалась в качестве фундаментальной категории. Вместе с тем последние десятилетия отмечены попыткой критического переосмысления модели государства, основанной на идее социального контракта. В частности, этой проблематики касается недавно изданный на русском языке диалог Ю.Хабермаса и Й.Ратцингера (Бенедикта XVI) «Диалектика секуляризации. О разуме и религии». Полемика двух мыслителей имеет в своей основе идею государства общественного договора в качестве фундамента западноевропейского общества. [1. – С. 46-49] Другое основание для критики общественного соглашения находит французский философ Жан Бодрийяр, для которого идея социального контракта исчерпала себя в силу своей изначально неэффективной институционализации, и поэтому она должна уступить место идее социального пари. [2. – С. 110-112]

Данное направление критической мысли побуждает политических и правовых исследователей обращаться к истокам конвенциональной модели общества, т.е. к тому периоду в истории политико-правовой мысли, в течение которого государство общественного договора получило полное теоретическое обоснование. Государственные идеи Томаса Гоббса – одного из основоположников теории социального контракта, оказались востребованными и получили разнообразное прочтение в науке XX в. Причем способы интерпретации воззрений английского философа продемонстрировали радикальное различие по своему содержанию, что обусловливает сложности его однозначного прочтения. Поэтому анализ теории государства Т.Гоббса, который становится задачей настоящей статьи, позволит подвергнуть их критическому переосмыслению и предложить иной способ описания модели государства автора «Левиафана».

В трактате «Левиафан » в главе «О государстве» Т.Гоббс дает следующее определение государства: «это реальное единство, воплощенное в одном лице посредством соглашения, заключенного каждым человеком с каждым другим таким образом, как если бы каждый человек сказал другому: я уполномочиваю этого человека или это собрание лиц и передаю ему мое право управлять собой при том условии, что ты таким же образом передашь ему свое право и санкционируешь все его действия. Если это совершилось, то множество людей, объединенное таким образом в одном лице, называется государством».[3. – С. 133.]. Ход мысли английского философа, обнаруживаемый в данном им определении государства, позволяет говорить о том, что само по себе соглашение, как некоторая политическая техника, не является для него проблемной областью. В договоре он видит взаимодействие отдельных индивидов, которое имеет совершенно определенную цель – выход из «естественного состояния», т.е из ситуации «войны всех против всех». Таким образом, внимание Гоббса от общего понятие соглашения переходит к его существенным характеристикам, то есть к элементам контракта. Общественный договор – есть согласие каждого с каждым, где первоочередную роль играет не столько факт согласия людей между собой, сколько специфика самой договоренности. Начало государства, согласно Гоббсу, проистекает из идеи природного (естественного) равенства.

Следующий элемент договорной теории, связанный с участниками соглашения, касается вопроса о содержание прав лиц, которые делегируются суверену. Для Гоббса вопрос о правах суверена становится вопросом о повиновении граждан конкретного государства. Очевидно, что возможна передача лишь тех прав, которыми владел сам человек, их передающий. По этой причине, в то время как поданные путем общественного договора приобретают обязанности, суверен, напротив, обретает правомочия.

В суверене Гоббс видит не только личность управителя, которая по своему разумению должна решать, что хорошо для народа, а что представляет угрозу. Помимо этого, суверен является отражением народа. Подданные должны воспринимать решения абсолютной власти именно в качестве свих решений, выносимых посредством государства. В подтверждение этого положения Гоббс пишет: «те, кто уже установил государства и таким образом обязался соглашением признавать как свои действия и суждения одного, неправомерны без его разрешения заключать между собой новое соглашение, в силу которого они были бы обязаны подчиняться в чем-либо другому человеку».[4. – С. 134.]

Приведенные наблюдения по теории общественного договора Т.Гоббса позволяют обратить внимание на то, что автор «Левиафана» уделяет большее внимание фактической возможности принятие решений сувереном и, вместе с тем игнорирует содержательное наблюдение. Это позволило некоторым ученным в первой половине XX в. сделать существенное наблюдение. Практически одновременно в истории политико – правовой мысли Лео Штраус и Карл Шмит обратили внимание на следующую особенность государственного мышления Гоббса. Согласно их анализу, политическая доктрина английского философа радикально отличается от иных моделей государства тем, что она ориентирована на ситуацию чрезвычайного случая.

Согласно наблюдениям Л.Штрауса, Гоббс одним из первых попытался построить свою теорию, основываясь не на понятии нормы (нормального случая), а исходя из идеи чрезвычайного случая: «Гоббсова

[1] СЗ РФ. 1997. № 30. Ст. 3601.

политическая доктрина призвана быть применима также, и особенно, в экстремальных случаях. Это действительно, можно сказать, предмет гордости классической доктрины суверенности: она отдает должное экстремальному случаю, тому что сохранят благо в критических ситуациях, тогда как те, кто подвергает эту доктрину сомнению, обвиняются в том, что не смотрят за рамки нормальности. Соответственно, Гоббс построил всю свою нравственную и политическую доктрину на наблюдениях, относящихся к экстремальному случаю; ибо опыт, на котором основана его доктрина естественного состояния, есть опыт гражданской войны»[5. – С. 188-189].

Указанная выше позиция Л. Штрауса была развита немецким юристом К.Шмиттом. В работе «Политическая теология» Шмитт впервые со своей обоснованностью обозначил Гоббса, как представителя децизионистского типа правового мышления. Он указал, что «по- видимому, есть два типа юридической научности, которые можно определить тем, насколько научное сознание может устоять перед нормативным своеобразием правового решения. Классическим представителем децизионистского типа является Гоббс».[6. – С. 53]

В этом вопросе Шмитт, в равной степени, как и Гоббс, проявляет убежденность в том, что идея нормы – бесперспективное понятия для политической философии. Или же, пользуясь афоризмом, сформулированным самим Шмиттом: «исключение интереснее нормального случая. Нормальное не доказывает ничего, исключение доказывает все; оно не только подтверждает правило, само правило существует только благодаря исключению»[7. – С. 29].

Анализ конструкции общественного договора Т.Гоббса в контексте суждений ряда ученых XX-XX1 вв. позволяет сделать следующие выводы. Модель общественного соглашения, которую формирует английский философ, представляет собой комплексную двухуровневую структуру. Первым этапом при заключении договора следует считать волеизъявление граждан по поводу делегирования своих прав, при условии соразмерности такой передачи. В данном случае идея связана с идеей природного равенства, которое выражается в формуле Гоббса «передать права, столько, сколько и другой». Второй этап начинается с обозначения фигуры суверена. В силу того, что Гоббс называет действительными лишь те договоры, которые обеспечены «силой меча», роль абсолютной власти не сводится к простому представительству суммы воль участников договора. Не будучи связанным правами по соглашению, суверен является его существенным элементом, обеспечивая его действительность. Предложенная формула, в которой сделан акцент на механизмах, а не на содержании (Гоббс практически игнорирует вопрос о правовом статусе суверена, равно как и обязанности подданных направлены на обеспечение их беспрекословного подчинения), позволяет определить сущность суверенитета у Томаса Гоббса через концептуализацию вопроса о «принятии решения». Также анализ теории суверенитета и особенностей общественного договора Томаса Гоббса, равно как и специфика его мышления, на которую указывает К.Шмит, Л.Штраус и др., позволяет обозначить его концепцию как исторически первую попытку идейного обоснования государства, в качестве нейтрального по существу своего содержания механизма. Ход мысли, предложений Гоббсом, не был понят как его современниками, так и многими современными исследователями, что убедительно доказывает критика его концепции, как первоисточника тоталитарного государства. Автор «Левиафана» ушел от проблемы содержания явления, в сторону формы существования изучаемого феномена. Таким образом, концепцию Гоббса бесперспективно интерпретировать в тоталитарном или либеральном ключе не в силу того, что подобная оценка не будет верна. А по той причине, что сама шкала оценок, предопределенная идеологической составляющей, не может служить критерием оценки для децизионистского типа мышления.

Наконец, вопрос о репрезентации, неизбежно возникающий из идеи делегирования прав участников договора в пользу третьего лица, решен Гоббсом еще более радикальным образом. По сути, его модель государства не предполагает идеи представительства (не в формальном, а метафизическом смысле слова). Государство в лице суверена, фигура которого у Гоббса определяет его сущность, становится «машиной, обладающей разумом», не репрезентирующей народ, а его стимулирующей, то есть становится аналогией. Такая формула обусловлена тем, что для Гоббса, как для представителя науки XVII в., идея народа (нации) как субъекта политической жизни была не до конца оформлена. Гоббс изменяет классическую последовательность политической проблематики, сформированной веком позже, философами Просвещения.

Отталкиваясь от идеи человеческой природы, многие политические мыслители XVIII в. приходили к проблеме соотношения идеи народа и идеи государства, что было выражено в последовательности «человек-народ-государство». Для автора «Левиафана» эти элементы выстраиваются в следующим порядке: «человек-государство-народ». Это связано с тем, что прообразом государства, как механизма, становится фигура человека. А формирование народа, как субъекта политики, становится возможным после появление механизма под названием государств.

Таким образом, Гоббс стал первым в истории политико-правовой мысли философом, обозначившим переход к «абстрактному типу государства», оставив в прошлом идею персонификации власти и обоснования ее в категориях, связанных с личностью правителя. В тоже время его теория общественного договора сильно отличается от традиционной модели социального контракта, которая положена в основу современного (преимущественно) западного общества. Анализ его политической доктрины позволяет продемонстрировать инвариант прочтения ряда классических идей и увидеть иные смыслы за общераспространенными теоретическими конструкциями. В частности, предложить понимание государства, как нейтрального «механизма по принятию решений».

Список литература:

1. Хабермас Ю., Ратцингер Й. (Бенедикт XVI) Диалектика секуляризации. О разуме и религии. – М., 2006. – С. 46-49, 95-98, 105.
2. Бодрийяр Ж. Пароли. От фрагмента к фрагменту. – Екатеринбург, 2006. – С. 110-112, 118-125.
3. Гоббс Т. Сочинения. – В 2-х т. – Т.2. – М., 2017. – С. 133
4. Там же. С.134
5. Штраус Л. Естественного право и история. – М., 2018. – С. 188-189.
6. Шмит К. Политическая теология. – М., 2018. – С.53.
7. Там же. – С.29.

Понятие, содержание и значение охраны труда

Д.А.Азаев

Государственный надзор и контроль за соблюдением требований охраны труда осуществляются определенными государственными органами, уполномоченными на проведение соответствующих проверок.

В соответствии со ст.216 Трудового кодекса РФ государственное управление охраной труда осуществляется Правительством Российской Федерации непосредственно или по его поручению федеральным органом исполнительной власти по труду и другими федеральными органами исполнительной власти. Федеральным органом исполнительной власти, который по поручению Правительства РФ ведает вопросами охраны труда и управляет охраной труда, является Министерство здравоохранения и социального развития Российской Федерации. Это министерство является федеральным органом исполнительной власти, проводящим государственную политику и осуществляющим управление в области труда, занятости и социальной защиты населения, а также координирующим деятельность по этим направлениям иных федеральных органов исполнительной власти и органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации.

Центральное место в осуществлении надзора и контроля за соблюдением требований охраны труда отводится, в соответствии с нормами главы IV Федерального закона РФ «Об основах охраны труда в РФ», Федеральной инспекции труда, которая представляет собой единую федеральную систему государственных органов, осуществляющих государственный надзор и контроль за соблюдением законодательства РФ о труде и охране труда всеми юридическими и физическими лицами, на которых это законодательство распространяется. Федеральная инспекция труда в своей работе руководствуется Конституцией РФ, федеральными законами, указами и распоряжениями Президента РФ, Постановлениями и распоряжениями Правительства РФ, а также Положением о федеральной инспекции труда, утвержденным Постановлением Правительства РФ от 28 января 2000 года № 78. Государственный надзор и контроль в данной области непосредственно осуществляется государственными инспекторами труда и иными должностными лицами федеральной инспекции труда, которые указаны в п. 5 Положения о федеральной инспекции труда.

Руководители государственных инспекций труда являются главными государственными инспекторами труда по соответствующей территории, а их заместители – заместителями главного государственного инспектора труда по соответствующей территории (заместители по правовым вопросам и по охране труда). В силу возложенных на них задач, государственные инспекторы труда призваны выполнять следующие основные функции:

– осуществление государственного надзора и контроля за соблюдением законодательства РФ о труде и охране труда на соответствующей территории;

– расследование в установленном порядке несчастных случаев на производстве, анализ их причин, разработка предложений по предупреждению подобных случаев;

– рассмотрение в соответствии с законодательством РФ дел об административных правонарушениях.

При этом государственным инспекторам труда предоставляются следующие основные права:

– беспрепятственно, в любое время суток, при наличии удостоверения установленного образца, посещать в целях проведения инспекции территорию, принадлежащую юридическим лицам любой организационно-правовой формы;

– осуществлять в установленном порядке проверки и расследования причин нарушений законодательства РФ о труде и охране труда;

– запрашивать и безвозмездно получать от руководителей и иных должностных лиц, юридического лица, органов исполнительной власти, органов местного самоуправления, работодателей или их представителей документы, объяснения, информацию, необходимые для осуществления государственным инспектором своих полномочий;

– предъявлять работодателям обязательные для исполнения предписания об устранении нарушений законодательства Российской Федерации о труде и охране труда, о восстановлении нарушенных прав граждан с предложениями о привлечении виновных в этих нарушениях к дисциплинарной ответственности или отстранении их в установленном порядке от занимаемой должности;

– привлекать к административной ответственности в установленном порядке лиц, виновных в аналогичных нарушениях;

– по результатам проведенных проверок передавать материалы по фактам нарушений законодательства РФ о труде и охране труда в правоохранительные органы о привлечении виновных лиц к уголовной ответственности, а также предъявлять иски в суд.

Кроме основных прав, государственным инспекторам труда предоставляются следующие дополнительные права:

– расследовать в установленном порядке несчастные случаи на производстве;

– выдавать разрешения на строительство, реконструкцию, техническое переоснащение производственных объектов, производство и внедрение новой техники, внедрение новых технологий; при проведении предупредительного надзора с целью предотвращения отступлений от проектов, ухудшающих условия труда работника, снижающих его безопасность; выдавать заключения о возможности принятия в эксплуатацию новых или реконструируемых производственных объектов;

– требовать в установленном порядке от работодателя принятия необходимых мер по устранению обнаруженных в ходе проверок нарушений или недостатков в каком-либо сооружении, оборудовании или в организации труда, которые они имеют основания считать угрожающими здоровью или безопасности работников;

– запрещать производство и использование средств индивидуальной и коллективной защиты работников, не имеющих сертификатов соответствия или не соответствующих государственным нормативным требованиям по охране труда;

– изымать для проведения анализа образцы используемых или обрабатываемых материалов и веществ при условии уведомления об этом работодателя или его представителя;

– приостанавливать работу отдельных производственных подразделений и оборудования при выявлении нарушений требований охраны труда, которые создают угрозу жизни и здоровью работников, до устранения выявленных нарушений;

– отстранять от работы лиц, не прошедших в установленном порядке обучение безопасным методам и приемам выполнения работ, инструктаж по охране труда, стажировку на рабочих местах и проверку знаний требований охраны труда.

Главный государственный инспектор труда РФ и руководители государственных инспекций труда наряду с предоставленными общими правами также имеют право:

– приостанавливать деятельность юридических лиц, у которых выявлены нарушения требований охраны труда, представляющие угрозу жизни и здоровью работников, до устранения этих нарушений;

– направлять в суды при наличии заключений государственной экспертизы труда требования о ликвидации юридического лица или о прекращении деятельности их отдельных подразделений.

Положение о государственной инспекции труда в субъекте РФ, закрепившие основные задачи и функции, права и обязанности должностных лиц, вопросы организации деятельности государственной инспекции труда утверждено Приказом Минтруда РФ от 29 февраля 2000 года № 65 (в ред. от 12.07.02).

Органы Инспекции выполняют следующие основные функции:

– осуществляют государственный надзор и контроль за соблюдением законодательства РФ о труде и охраной труда на соответствующей территории;

– расследуют в установленном порядке несчастные случаи на производстве, анализируют их причины и разрабатывают предложения по предупреждению таких случаев;

– рассматривают в соответствии с законодательством РФ дела об административных правонарушениях;

– участвуют в работе по правовому воспитанию, распространению знаний в области соблюдения законодательства РФ о труде и охране труда;

– обобщают опыт применения законодательства РФ о труде и охране труда;

– ведут прием населения, рассматривают заявления, жалобы и иные обращения граждан о нарушениях их трудовых прав.

Государственный надзор и контроль за соблюдением законодательства РФ о труде и охране труда осуществляют государственные инспекторы труда и иные должностные лица Инспекции. Она осуществляет свою деятельность также во взаимодействии с правоохранительными органами.

Государственные инспекторы труда имеют право:

– проводить в установленном порядке проверки и расследование причин нарушений законодательства РФ о труде и охране труда;

– запрашивать и безвозмездно получать от руководителей и иных должностных лиц работодателей (их представителей) документы, объяснения, информацию, необходимые для осуществления своих полномочий;

– предъявлять работодателям (их представителям) обязательные для исполнения предписания об устранении нарушений законодательства РФ о труде и охране труда, о восстановлении нарушенных прав граждан с предложениями о привлечении виновных в этих нарушениях к дисциплинарной ответственности или отстранении их в установленном порядке от должности;

– привлекать к административной ответственности лиц, виновных в нарушении законодательства РФ о труде и охране труда;

– расследовать в установленном порядке несчастные случаи на производстве;

– выдавать разрешения на строительство, реконструкцию, техническое переоснащение производственных объектов, производство и внедрение новой техники, внедрение новых технологий; при проведении предупредительного надзора с целью предотвращения отступлений от проектов, ухудшающих условия труда, снижающих его безопасность, выдавать заключения о возможности принятия в эксплуатацию новых или реконструируемых производственных объектов;

– требовать в установленном порядке от работодателя принятия мер по устранению обнаруженных в

ходе проверок нарушений и недостатков в каком-либо сооружении, оборудовании или в организации труда, которые они имеют основание считать угрожающими здоровью или безопасности работников;

– запрещать производство и использование средств индивидуальной и коллективной защиты работников, не имеющих сертификатов соответствия или не соответствующих государственным нормативным требованиям по охране труда;

– изымать для анализа образцы используемых или обрабатываемых материалов и веществ при условии уведомления об этом работодателя (его представителя);

– приостанавливать работу отдельных производственных подразделений и оборудования при выявлении нарушений требований охраны труда, которые создают угрозу жизни и здоровью работников, до устранения этих нарушений;

– отстранять от работы лиц, не прошедших в установленном порядке обучение безопасным методам и приемам выполнения работ, инструктаж по охране труда, стажировку на рабочих местах и проверку знаний требований охраны труда;

– по результатам проверок передавать в правоохранительные органы материалы о привлечении виновных лиц к уголовной ответственности по фактам нарушений законодательства РФ о труде и охране труда, а также предъявлять иски в суд.

Главный государственный инспектор труда РФ и руководители государственных инспекций труда наряду с правами, указанными выше, имеют право:

– приостанавливать деятельность организаций, в которых выявлены нарушения требований по охране труда, представляющие угрозу жизни и здоровью работников, до устранения этих нарушений;

– направлять в суды при наличии заключений государственной экспертизы условий труда требования о ликвидации организаций или прекращении деятельности их структурных подразделений.

Государственные инспекторы труда имеют удостоверения единого образца, а также личный штамп (печать) с указанием фамилии и наименования инспекции, которую они представляют.

Распоряжение (приказ) о проведении мероприятия по контролю либо его заверенная печатью копия предъявляется должностным лицом Инспекции руководителю или иному должностному лицу предприятия одновременно со служебным удостоверением.

Проверка может проводиться только тем должностным лицом (лицами), которое указано в распоряжении (приказе) о проведении проверки. Продолжительность проверки по контролю не должна превышать один месяц. В исключительных случаях, связанных с необходимостью проведения специальных исследований (испытаний), экспертиз со значительным объемом мероприятий по контролю, на основании мотивированного предложения инспектора по труду, осуществляющего проверку, руководителем территориального органа Инспекции или его заместителем срок проведения мероприятия по контролю может быть продлен, но не более чем на один месяц.

В целях проверки выполнения организацией обязательных требований государственными инспекторами по труду проводятся плановые контрольные мероприятия. В отношении одной организации каждым органом государственного контроля (надзора) плановая проверка может быть проведена не более чем один раз в два года.

Внеплановой проверке, предметом которой является контроль исполнения предписаний об устранении выявленных нарушений, подлежит деятельность организации при выявлении в результате планового мероприятия по контролю нарушений обязательных требований. Внеплановые проверки проводятся органами государственного контроля (надзора) также в случаях получения информации о нарушениях от граждан и организаций.

Таким образом, в случае выявления в результате мероприятия по контролю административного правонарушения инспектором по труду составляется протокол в порядке, установленном законодательством РФ об административных правонарушениях, и даются предписания об устранении выявленных нарушений. Если предприятие не согласно с описанными в акте нарушениями, ему необходимо письменно зафиксировать разногласия с изложением всех положений акта проверки, с которыми оно не согласно, с обязательной аргументацией и со ссылками на нормативные акты. Кроме того, решения государственных инспекторов труда могут быть обжалованы соответствующему руководителю по подчиненности, главному государственному инспектору труда РФ и (или) в судебном порядке. Решения главного государственного инспектора труда РФ могут быть обжалованы в судебном порядке.

Совершенствование надзора за исполнением законодательства общенадзорного характера

Д.А.Азаев

Методикой прокурорского надзора показывается, что именно необходимо делать прокурору, в то время как тактикой – как следует это делать, при том, тактика и методика между собой имеют тесную связь.

Каждое правонарушение индивидуально, и абсолютно одинаковых правонарушений быть не может. Отсюда, процесс их изучения и раскрытия также индивидуален. Тем не менее, трудовым правонарушениям характерны некоторые видовые общие признаки и обстоятельства, а, следовательно, их обобщение и изучение позволяет выработать общие рекомендации по выявлению и раскрытию.

Методики прокурорского надзора за соблюдением трудового законодательства, разрабатываются с учетом распространенных нарушений в трудовой сфере. Совершенствование и разработка методик по вопросам организации действий прокуроров по надзору за выполнением трудового законодательства – одна из составляющих в деятельности органов прокуратуры.

Многогранностью деятельности в сфере надзора за выполнением трудового законодательства вызвана необходимость оперативной и своевременной разработке методических рекомендаций по осуществлению надзора со стороны прокуроров за соблюдением законодательства о труде, по его наиболее приоритетным направлениям (кроме общей методики проведения общенадзорного цикла, не зависимо от какой-либо правовой сферы).

Положительное значение имеет методическая практика Генеральной прокуратуры РФ и Академии Генеральной прокуратуры РФ, охватывающая и надзор за выполнением законодательства в трудовой сфере в целом, и конкретные аспекты надзора за соблюдением законодательства о труде, к примеру, в области охраны труда[1], в области выплаты зарплаты.

Необходимо иметь в виду то, что методические рекомендации принести пользу могут лишь в случаях, когда проведенная посредством них детализация и конкретизация деятельности прокуроров, не будет выходить за пределы разумного.

Помимо этого, при разработке рекомендаций необходимо предусмотреть гарантии, которые бы обеспечивали возможность проявления прокурорской инициативы в процессе надзора за соблюдением законов, о труде и его охране.

В качестве особой формы методической помощи в осуществлении прокурорского надзора рассматриваемого вида, можно признавать проведение совещаний и семинаров по конкретным вопросам в трудовой сфере, функционирование и создание на уровне прокуратуры субъекта РФ временных рабочих групп, состоящих из сотрудников разных отделов, осуществление их деятельности с привлечением контрольных органов в сфере труда.

В целях повышения профессионализма сотрудников прокуратуры при надзоре за выполнением трудового законодательства необходимо использовать разнообразные формы обучения: стажировку молодых работников в подразделениях аппаратов прокуратуры, повышение квалификации в институтах Генеральной прокуратуры России, обмен позитивным опытом между прокуратурами субъектов РФ. При том, общей направленностью в обучении должно являться углубление предметно-целевой специализации сотрудников прокуратуры.

Процесс совершенствования методики надзорной деятельности в сфере соблюдения трудового законодательства, имеет непосредственную связь с качеством нормативно-правового обеспечения прокуроров, систематизации правовых актов.

Осуществление надзора за соблюдением трудового законодательства, как правило, закрепляется за конкретными работниками прокуратуры (предметный принцип надзорной деятельности). На подразделения прокуратуры субъекта РФ возлагаются задачи по правильной организации работ на этом участке надзора, целенаправленного выбора направлений и объектов прокурорских проверок, разработки методик проведения конкретных проверок в области исполнения законодательства о труде, оказания нижестоящим прокуратурам практической помощи.

Одним из самых приоритетных сегодняшних направлений в работе прокуратуры является надзор за выполнением законодательства, касающегося оплаты труда, в связи с чем, попытаемся рассмотреть ряд аспектов тактики и методики проведения проверки на этом участке надзорной работы.

Нормативные акты органов власти, подвергаются тщательному анализу, а также оценкам с точки зрения их соответствия Конституции РФ, федеральному законодательству о труде, для чего прокурором изучаются эти акты, а в необходимых случаях проводится их правовая экспертиза. Прокурор во всех случаях должен установить: не была ли нарушена органами власти собственная компетенции; не было ли нарушено законодательство (если было, то какой именно закон нарушен и в чем состоит такое нарушение), не были ли ущемлены права граждан (если были, то к какому последствию привело такое ущемление).

При проведении вышеуказанных проверок, следует особо обращать внимание на проведение государственного контроля государственными инспекциями труда в субъектах РФ. А именно: как выполняется обязанность по выявлению правонарушений в сфере труда, по оплате труда; уровень результативности принятых мер административного характера; направляются ли своевременно, в органы прокуратуры и другие правоохранительные органы, сведения о должностных лицах, в действиях которых просматриваются признаки противоправности; какова достоверность этих материалов; подлежит ли осуществлению контроль за реализацией предписаний. Стоит отметить, что итоги проверок проводимых, органами государственного контроля, часто помогают прокурорам, в частности, наиболее детально разбираться в причинах и обстоятельствах, способствующих нарушению закона об оплате труда, позволяют делать обоснованные выводы относительно состояния законности на поднадзорных объектах.

В процессе проверки своевременности выплат заработной платы в учреждениях, организациях, не зависимо от организационно-правовой формы последних, прокурору необходимо установить:

а) Каков порядок, сроки, место начисления и уплаты заработной платы сотрудникам организации. При том, необходимо выяснять – в каком из локальных актов организации закреплен данный порядок оплаты труда работников, предусмотрена ли ответственность работодателя за задержки заработной платы.

б) В течении какого срока работникам организации не была выплачена заработная плата, установить размер образовавшегося долга. При том, необходимо потребовать и исследовать первичные документы о

[1] Большов В.Я., Текаев Х.А., Викторов И.С., Алексеева Д.Г. Прокурорский надзор за законностью в деятельности Федеральной инспекции труда по осуществлению контроля за соблюдением законов о труде и охране труда: Методические рекомендации. – М., 2017.

начислении, установлении и выплатах заработной платы (трудовой договор, устав, коллективный договор, положения внутреннего трудового распорядка, о премировании, положение об оплате труда, приказы о переводах, перемещениях, прекращениях трудовых договоров, табели учета рабочего времени, маршрутные листы, наряд на сдельную работу, ведомости на выплату зарплаты и т.п.), а также документы финансового и бухгалтерского учета (отчеты об убытках и прибылях, бухгалтерский баланс, сведения о кредиторской и дебиторской задолженностях, платежные требования, лицевые счета, расчетно-платежные ведомости и др.).

Исследовав данные документы, можно определить: периоды, за которые установленные выплаты были начислены; период, когда эти выплаты не были произведены, а также сумму денежных средств, начисленных к выплатам и невыплаченные суммы; количественный состав сотрудников, в отношении которых образовалась задолженность по оплате их труда. Помимо этого, анализируя данные документы, появляется возможность установить, кто был руководителем организации во время невыплаты зарплаты работникам, кто подписывал и составлял бухгалтерские и финансово-распорядительные документы.

в) Погашалась ли в течение рассматриваемого периода задолженность по заработной плате, кому и когда конкретно, в каких суммах. Исходя из полученной информации, следует особо обратить внимание на следующие факты: не была ли выплачена заработная плата во время образования задолженности отдельным «привилегированным», «приближенным» работникам, к примеру, главному бухгалтеру или руководителю.

Подобные ситуации могут свидетельствовать о присутствии в действиях виновного корыстной или другой личной заинтересованности при его привлечении к уголовной ответственности согласно ст. 145.1 УК РФ.

Располагались ли на счетах организации денежные средства в периоды невыплаты зарплаты и предшествующие периоды. Если в указанные периоды денежные средства имелись, то, как они расходовались. Если же средств не обнаружено, то по какой причине, а также – какие из действенных мер по погашению задолженности по зарплате работникам, предпринимались со стороны руководителя организации.

г) Были ли случаи, когда при значительной задолженности по оплате труда, денежные средства, предназначенные для этих целей, направлялись: на погашение долгов по кредитам; приобретение служебных транспортных средств, материальных ценностей либо оборудования, не применяемого в производстве; выдачу ссуд приближенным лицам, отдельным сотрудникам; приобретение жилья указанными лицами и т.п.

д) Не наблюдалось ли в период невыплат заработной платы увольнений («лжесокращений») значительного количества работников.

По вопросу выплаты зарплаты прокурор также проверяет, не превысит ли доля выплачиваемой в неденежной форме зарплаты, 20 % от общей суммы зарплаты, при наличии заявления работника в письменном виде;[1] соблюдаются ли требования закона относительно того, что месячная заработная плата сотрудника, отработавшего за данный период нормы рабочего времени, а также выполнившего нормы труда (трудовые обязанности), не должна быть менее установленного законодательством минимального размера оплаты труда; производилась ли индексация оплаты труда; была ли установлена повышенная оплата труда, применяемая в особых условиях; выплачивают ли работникам предусмотренные доплаты, при исполнении работ в отклоняющихся от нормальных условиях труда: при работах различной квалификации, совмещении профессий и выполнении обязанности временно отсутствующего сотрудника, при работах в сверхурочное время, выходные и праздничные дни, ночное время; соблюдались ли установленные законодательством ограничения по удержанию из заработной платы.

Учитывая изложенное, полагаем, что прокурорам для повышения эффективности надзорной деятельности в этом направлении, необходимо использовать весь ряд известных им мероприятий, средств и приемов, разработанных как в теории, так и на практике надзорной деятельности как советского, так и современного периода. Несомненно, сегодня методика прокурорского надзора за соблюдением законодательства претерпела значительные изменения, но не следует забывать многовековой опыт прокурорской деятельности на данном направлении, оказавший существенное воздействие на формирование надзора в период распространения рыночных отношений в трудовой сфере.

Необходимостью в организации надлежащего надзора прокуратуры за исполнением законодательства в социальной и экономической областях, гарантирующего обеспечение положительного функционирования главных секторов экономики и защиту прав и интересов граждан, обусловлено издание указания Генерального прокурора РФ «Об усилении прокурорского надзора в условиях неблагоприятных внешнеэкономических и внешнеполитических факторов»[2]. Указанием на прокуроров субъектов РФ, возложена обязанность по усилению надзора за соблюдением положений законодательства о труде, акцентированию внимания, в том числе на полноту и своевременность выплаты заработной платы работникам, соблюдение их прав в случаях увольнения, в частности при признании юридических лиц несостоятельными.

---

[1] «Уголовный кодекс Российской Федерации» от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 02.08.2019) // http://www.consultant.ru/. – Ст. 2954.

[2] Указание Генерального прокурора РФ от 8 июня 2015 г. – № 287/7 «Об усилении прокурорского надзора в условиях неблагоприятных внешнеэкономических и внешнеполитических факторов» (с изменениями на 15 марта 2019 года) // http://www.kodeks.ru/

Формально-юридическое признание организации несостоятельной, с одной стороны, предусмотрело механизмы гарантирования соблюдения интересов работников, но с другой – предполагает значительное их сужение, связанное с приобретением организацией особенного правового статуса, с введением ограничений в осуществлении хозяйственной деятельности, с необходимостью следования конкретным алгоритмам действий.

Особенность экономического и правового положения организации, которая находится в процедуре банкротства, обязанности и права арбитражного управляющего на разных этапах несостоятельности, предопределяют специфику надзора прокуроров за соблюдением прав работников данного предприятия. Выражается она в способах получения, источниках данных относительно состояния законности, в методике и предмете проведения проверок соблюдения законодательства, а равно в особенностях использования мер реагирования прокуроров.

Необходимость в организации надлежащего надзора за соблюдением прав сотрудников несостоятельных предприятий, требует обеспечения эффектного взаимодействия прокуратуры с внебюджетными фондами, налоговыми органами, территориальными органами ФССП, Росреестра для получения актуальных сведений об организациях, отвечающих признакам приближающегося банкротства, а также уже признанных банкротами, оперативного обнаружения правонарушений в действиях их руководителей и арбитражных управляющих, применения по отношению к ним мер ответственности, взыскания нанесенного ущерба, применения субсидиарной ответственности.

Вопросы прокурорского вмешательства для охраны прав работников предприятий-банкротов: соблюдение гарантий в случаях увольнения персонала данных предприятий; нормальное оформление и направление в архивы кадровой документации; выплаты заработной платы сотрудникам и погашение задолженностей по оплате труда, в свою очередь, на что оказывают существенное влияние действия арбитражных управляющих в процессе формирования конкурсной массы; взыскание дебиторской задолженности; осуществление внеочередных расходов; продажа имущества должника; удовлетворение требований кредиторов.

Надзорная практика прокуратуры свидетельствует о распространенных фактах уплаты необоснованных платежей, осуществленных под видом обязательных (согласно п. 2 ст. 134 Федерального закона от 26.10.2002 N 127-ФЗ[1]), по оплате услуг, которые практически не осуществлялись, или в связи с возмещением расходов за счет средств должника, в действительности которые не были понесены (аренда недвижимости, автомобилей, оплата ГСМ, архивные, бухгалтерские, юридические, инвентаризационные услуги и прочее).

Одновременно, оставление в качестве первоочередных требований по текущим платежам, которые связаны: с судебными расходами по делам о банкротстве, уплатой вознаграждения арбитражным управляющим, оплатой работы лиц, чье привлечение арбитражным управляющим для выполнения возложенных на него обязательств в деле о банкротстве обязательно, – все же не исключает возможность злоупотреблений этим со стороны арбитражных управляющих.

Таким образом, хотя действующее законодательство о банкротстве постоянно совершенствуется, его нельзя в полной мере признать гарантирующим соблюдение трудовых прав сотрудников организаций-должников. Складывающаяся практика правоприменения свидетельствует о необходимости в дальнейшем совершенствовании нормативных актов и системы надзора за исполнением законов, регламентирующих трудовые права работников.

Межконфессиональные отношения в контексте конституционно-правового регулирования: проблемы теории и практики

М.А.Алиев

Проблема межконфессиональных отношений не теряет своей актуальности на протяжении тысячелетий человеческой истории. На современном этапе, ознаменовавшемся борьбой с мировым терроризмом, изучение данной темы становится важным средством решения непростых задач, встающих перед нашим государством. И эффективность этих решений во многом будет определяться правовым регулирования вопросов свободы совести и вероисповедания, в частности, основополагающими нормами Конституции РФ.

Так ст.28 Конституции Российской Федерации закрепляет, что «Каждому гарантируется свобода совести, свобода вероисповедания, включая право исповедовать индивидуально или совместно с другими любую религию или не исповедовать никакой, свободно выбирать, иметь и распространять религиозные и иные убеждения и действовать в соответствии с ними».

Рассматривая в историческом аспекте регулирование данной сферы на законодательном уровне, следует сказать, что впервые принцип свободы совести был закреплен в Манифесте 17 октября 1905 г. Однако в Российской Империи «Синодальная Церковь рассматривалась как носительница единственного истинного вероучения, поддерживать которую является долгом государства. Другие религии представлялись в качестве заблуждений или ложных учений, к которым государство может проявлять ту или иную степень терпимости – в зависимости от их свойств, от поведения их последователей.»[2] Эта

[1] Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ (ред. от 03.07.2016) «О несостоятельности (банкротстве)» // http://www.consultant.ru/

[2] Вероисповедная политика Российского государства // Отв. ред. М. О. Шахов. М., 2003.

позиция нашла свое отражение в законодательстве того периода, в частности, Основные законы Российской империи, принятые 23 апреля 1906 г., в которых указывалось, что российские подданные наделяются «свободой веры», а православная церковь, как и прежде, объявлялась «первенствующей и господствующей».

Главной причиной межконфессиональных конфликтов в России остается перенесение на религиозную сферу политических и национальных противоречий, а также столкновения экономических интересов представителей разных национальных групп, которые прикрываются религиозными лозунгами.

При изучении советского периода, возникает вопрос, почему ухудшение межконфессиональных отношений наблюдается именно в посткоммунистический период. Это объясняется рядом факторов. В советский период религия «рассматривалась как пережиток прошлого, которому предстоит отмереть в коммунистическом обществе» [1], в этих условиях различные конфессии в борьбе за существование стремились к солидарности. Нормы законодательства были направлены на максимальное ограничение деятельности религиозных объединений в обществе, государство применяло «административных ресурс» в целях утверждения атеистической идеологии. Запрещалась миссионерская деятельность, та сфера где в основном сталкиваются интересы различных конфессий.

Распад Союза привел к тому, что тлевшие ранее межконфессиональные противоречия получили импульс для усиления. Это связано, в частности с резким ухудшением жизненного уровня населения, общего падение нравов, активной деятельностью зарубежных миссионеров, усилением пропаганды антисемитизма, активизация крайних форм исламского фундаментализма в ближнем зарубежье и в ряде регионов России, а также нарушения конституционных принципов равенства религиозных объединений перед законом в пользу религии большинства. С другой стороны, многолетняя борьба с нетрадиционными религиозными течениями, проводимая Советским правительством, была сведена на нет и образовался вакуум, в котором начали возникать опасные для общества объединения-деструктивные секты.

В чем же состоит сложность контроля за деятельностью такого рода объединений со стороны государства. Во-первых, это обусловлено непосредственно сферой человеческой жизни, в которой действуют секты. По сути, это свободный выбор каждого человека- в то, во что ему верить, но закрепляя абсолютную свободу в этом вопросе, нельзя оставлять без внимания тот факт, что технология управления людьми под воздействием новых методик и использованием достижений научно-технического прогресса позволяет получить власть над сознанием индивида, также огромную опасность вызывает такое воздействие на еще не окрепшие умы детей и подростков, которые все чаще начинают вовлекаться в такого рода объединения. По факту, «синий кит» одно из проявлений тоталитарной секты.

Согласно ст.14 Конституции Российской Федерации: «Российская Федерация - светское государство. Никакая религия не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной. Религиозные объединения отделены от государства и равны перед законом».[2]

Несмотря на закрепление светского характера, религия проникает уже практически во все сферы общественной жизни, в том числе в те, которые в соответствии с Конституцией отделены от религии: государственные органы, школа, армия, наука и образование. К примеру, Государственная Дума договорилась с Московским патриархатом проводить предварительные консультации по всем вопросам, вызывающим сомнения[3]. В Вооруженных Силах РФ создана должность-военный священник (капеллан), освещаются боевые самолеты и ракеты, так «настоятель храма патриаршего подворья при штабе Ракетных войск стратегического назначения рассказывал, что освящение межконтинентальных баллистических ракет перед их запуском «стало доброй традицией».[4] Широко применятся практика освящения ракетоносителей.

Очевидно, что государство видит в православии основу, которая могла бы объединить общество. Однако такое выборочное, предвзятое отношение власти к разным религиозным организациям, в результате чего их конституционные права обеспечиваются не в равной мере, а также способ, который используют СМИ при подаче информации, представляет особую опасность в условиях современной геополитической ситуации. Так при умелом использовании недовольства среди представителей конфессий, «остающихся за бортом», особенно заигрывании с неокрепшими сознанием молодого поколения, возможно создание радикально настроенной массы, что представляет угрозу безопасности. Особенно опасен такой необдуманный подход в армейской среде, в сфере образования, воспитания молодежи.

Вызывает опасение также позиция некоторой части интеллигенции, которой не хватает закрепления в Федеральном законе «О свободе совести и о религиозных объединениях» от 26.09.1997 N 125-ФЗ «особой роли православия в истории России». Отдельные представители этой категории предлагают «издание специального федерального закона «О русской православной церкви в Российской Федерации», который бы закрепил на законодательном уровне конкретные правовые положения, на деле вытекающие из «особой роли православия в истории России, в становлении и развитии ее духовности и культуры». [5] Дополнительно предлагается вовлечение Церкви в политическую жизнь страны, что само по себе уже противоречит

---

[1] Вероисповедная политика Российского государства // Отв. ред. М. О. Шахов. М., 2003.

[2] http://constitution.kremlin.ru

[3] https://www.politforums.net/religion/1433153764.html

[4] https://meduza.io/cards/zachem-osvyaschayut-rakety

[5] Баранов Павел Петрович Конституция Российской Федерации и регулирование межконфессиональных отношений // Северо-Кавказский юридический вестник. 2015. №1.

закрепленному в Конституции принципу светского государства[1], а также конкретизированному в ФЗN 125 положению о том, что «Установление преимуществ, ограничений или иных форм дискриминации в зависимости от отношения к религии не допускается.»[2]

Россия имеет богатый исторический опыт мирного сосуществования различных конфессий. Для решения межконфессиональных противоречий, государству необходима объединяющая идея, которая в современных условиях должна быть не религиозной, а светской. Формула Графа Уварова: «самодержавие, православие, народность» уже неприемлема, однако некоторые тенденции возвращения государства к ней прослеживаются.

Это вызов, который стоит перед наукой конституционного права уже долгие годы. Уже традиционный на ответ на этот вопрос об объединении народа идеей построения правового государства, на мой взгляд не осуществим, это «замок из песка», который постоянно смывает волна безнаказанности.

Подводя итог, хотелось бы сказать, что в условиях многоконфессионального государства обеспечение права на свободу совести и свободу вероисповедания, недопущение различного рода дискриминации по признаку принадлежности к той или иной конфессии является необходимыми условиями формирования благоприятной атмосферы в общественной среде и нормализации межконфессионального диалога, что особенно важно в условиях полномасштабной информационной войны, при которой используются любые рычаги воздействия, в том числе и религия.

Список литературы:

1. Конституция Российской Федерации; (принята всенароднымголосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 N 6-ФКЗ, от 30.12.2008 N 7-ФКЗ, от 05.02.2014 N 2-ФКЗ, от 21.07.2014 N 11-ФКЗ)
2. Федеральный закон «О свободе совести и о религиозных объединениях» от 26.09.1997 N 125-ФЗ (последняя редакция) - http://legalacts.ru
3. Манифест 17 октября 1905//текст по книге С. Ольденбурга «Царствование императора Николая II»//Русская историческая библиотека(http://rushist.com)
4. Основные законы Российской империи, принятые 23 апреля 1906 г-Полное Собрание Законов Российской Империи. Собрание третье. Том XXV. 1905. Отделение I. № 27805.
5. Баранов П.П. Конституция Российской Федерации и регулирование межконфессиональных отношений // Северо-Кавказский юридический вестник. 2015. №1.
6. Шахов М.О. Вероисповедная политика Российского государства: Учебное пособие. – М.: Изд-во РАГС, 2003.

Процессуальное положение несовершеннолетних и малолетних в уголовном судопроизводстве

Г.Г.Амирбекова

Лица несовершеннолетнего возраста представляют с собой особую категорию в уголовном процессе, зашита прав которых требует особого подхода. Уголовное законодательство включает ряд норм, регулирующих участие несовершеннолетних обвиняемых в уголовном процессе.

Принято считать, что судопроизводство с участием несовершеннолетних и малолетних является особым производством.

Так, например, на первоначальном этапе производства по делу, а именно в досудебной стадии уголовного процесса видны характерные особенности такого участия. А именно, речь идет, о порядке проведения допроса, обязательно должен присутствовать адвокат или один из законных представителей несовершеннолетнего или малолетнего (родители, опекуны, попечители). Отсутствие указанных лиц влечет строгое нарушение предписаний уголовно-процессуального кодекса.

Судебная стадия уголовного процесса так же не исключена своими характерными особенностями. Рассмотрение дела в суде по просьбе подсудимого или его законных представителей может проходить в закрытом судебном заседании, то есть, никто кроме потерпевшего и подсудимого не будет присутствовать в зале. Такое положение рассмотрения дела в суде обеспечивает защиту несовершеннолетнего или малолетнего от разглашения сведений, порочащих его честь, достоинство, морально-нравственные, этические, душевные стороны и т.п. Несовершеннолетнему подсудимому предоставляются перерывы для отдыха, если ему это необходимо, суд обязан ему их предоставить.

Судом или следователем в обязательном порядке предоставляется адвокат для несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого или потерпевшего. Услуги адвоката в таком случае оплачиваются из средств федерального бюджета. Появление защитника в процессе не является поводом неучастия законных представителей несовершеннолетнего или малолетнего. Они также вместе с государственным защитником могут отстаивать права своего ребенка. Законные представители допускается в процесс наряду со всеми участниками, так как основной целью такого участия является защита своего ребенка. Родители вправе знать, в чем обвиняют их ребенка, подавать ходатайства, приносить жалобы, одним словом, они наделены всеми полномочиями защитника в уголовном процессе. Однако на практике имеют место случаи, когда грубо нарушаются нормы уголовно-процессуального кодекса. Такого рода нарушения связаны с не

[1] Статья 14 Конституции РФ

[2] Ч.3 ст.3 Федерального закона «О свободе совести и о религиозных объединениях» от 26.09.1997 N 125-ФЗ (последняя редакция)

допуском на первоначальном этапе расследования не только законных представителей, но и самого защитника!

Наказания, которые могут быть назначены несовершеннолетнему, так же отличаются от тех, которые получают взрослые люди. Закон не преследует целей лишить свободы, а наоборот, старается не лишать несовершеннолетних детей свободы и потому суд всегда прибегает к альтернативному решению. Практика показывает, что чаще всего им назначают условные сроки или исправительные работы. Многие судьи, вынося окончательное решение, полагают, что принудительные работы – это самое лучшее наказание. Оно не только повлияет на исправление несовершеннолетнего, но и приучит его к труду. По мнению судей, наказание в виде лишения свободы назначают несовершеннолетним лишь в исключительных случаях – по делам об убийствах, совершенных с особой жестокостью, по делам об изнасиловании, или когда ранее осужденный несовершеннолетний, не исправился и снова совершил преступление.

Особый подход к производству с участием несовершеннолетних призван помочь им встать на путь истинный и не совершать других преступлений. Можно отметить, что законодатели взяли во внимание все особенности несовершеннолетнего и разработали нормы, максимально им отвечающие.

Практика показывает, что территориальные комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав, хотя и участвуют в уголовном судопроизводстве по делам в отношении несовершеннолетних, однако право, предоставленное им законом, не реализуется в полном объеме. До сих пор не выработан четкий алгоритм действий комиссий по делам несовершеннолетних по защите их прав, и не всегда руководители этих органов уделяют должное внимание проблемам потерпевших, не достигших совершеннолетнего возраста. Зачастую, став жертвой преступления, несовершеннолетний ребенок, безусловно, нуждается в психологической и социальной помощи и реабилитации, причем как непосредственно после совершения преступления, так и на протяжении всего уголовного судопроизводства. Практика показывает, что комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав не проводят должным образом свою работу с несовершеннолетними лицами, как потерпевшими от преступления, так обвиняемых в совершении противоправных деяний. Подобная ситуация, как нам представляется, является последствием недостаточно конкретизированных формулировок положений Федерального закона от 24 июня 1999 г. N 120-ФЗ, касающихся индивидуальной профилактической работы именно с детьми, ставшими жертвами преступлений, из которых следует, что такая работа может проводиться для оказания социальной помощи и (или) реабилитации несовершеннолетних с согласия руководителя органа или учреждения системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних.

Федеральным законом от 24 июня 1999 г. N 120-ФЗ установлено, что органы и учреждения системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних в пределах своей компетенции обязаны обеспечивать соблюдение прав и законных интересов несовершеннолетних, осуществлять их защиту от всех форм дискриминации, физического или психического насилия, оскорбления, грубого обращения, сексуальной и иной эксплуатации, выявлять несовершеннолетних и семьи, находящиеся в социально опасном положении. УПК РФ предусматривает обязательное участие педагога или психолога при проведении допроса, очной ставки, опознания и проверки показаний с участием несовершеннолетнего потерпевшего, не достигшего возраста 16 лет либо достигшего этого возраста, но страдающего психическим расстройством или отстающего в психическом развитии.

При проведении перечисленных выше следственных действий с участием несовершеннолетнего потерпевшего, не достигшего возраста 16 лет либо достигшего этого возраста, но страдающего психическим расстройством или отстающего в психическом развитии, по уголовным делам о преступлениях против половой неприкосновенности несовершеннолетнего участие психолога обязательно. При этом, обязательным условием такого участия состоит в том, что первоочередной задачей педагога, психолога при производстве следственных действий является, помимо соблюдения прав и законных интересов несовершеннолетнего потерпевшего, также оказание ему психологической помощи в целях его реабилитации. В ряде случаев, когда речь идет о тяжких и особо тяжких преступлениях, совершенных в отношении несовершеннолетних и малолетних детей, – потерпевший нуждается в постоянном психологическом сопровождении на всех стадиях уголовного судопроизводства.

В Российской Федерации перечень учреждений и организаций, в обязанности которых входит оказание такой помощи несовершеннолетним и малолетним потерпевшим, не закреплен в законодательстве, не определен и порядок действий, направленных на социально-психологическую реабилитацию детей, пострадавших от преступных посягательств, что позволяет как комиссиям по делам несовершеннолетних, так и иным органам системы профилактики и безнадзорности несовершеннолетних не проявлять достаточной активности в этом направлении.

На отдельных территориях такого рода центры функционируют, но бездействуют. Центров психологической помощи, оказывающих бесплатные услуги по реабилитации детей, ставших жертвами преступлений, не значительное количество, а в отдаленных от областного центра районах специалисты, владеющие методиками реабилитации именно потерпевших, вовсе отсутствуют. И соответственно говорить и утверждать, что данные центры проводят глобальную, масштабную работу, мы не можем.

Следовательно, можно смело говорить о том, что ряд вопросов, связанных с защитой и восстановлением прав несовершеннолетних и малолетних, остается открытым. Вносимые в отдельные законодательные акты изменения и дополнения, направленные на обеспечение прав несовершеннолетних и малолетних в уголовном судопроизводстве, явно недостаточны. Применяя нормы национального права в

работе с несовершеннолетними потерпевшими, суды, как и прежде, вынуждены прибегать к ссылкам на международное законодательство.

Список использованной литературы:

1. Дмитриенко С.А Обеспечение прав несовершеннолетнего обвиняемого на предварительном следствии (уголовно-процессуальное и криминалистическое исследование). Волгоград, 2005.
2. Скичко О.Ю.Тактико-психологически основы допроса несовершеннолетних свидетелей и потерпевших на предварительном следствии. М.2004.
3. Снегирева Н. И. Обеспечение прав и законных интересов несовершеннолетних участников уголовного процесса на стадии предварительного расследования. Воронеж, 2001.
4. Абрамова Г.С. Возрастная психология: Учебное пособие для студентов вузов. М.: Издательский центр «Академия»,2003.
5. Семьянова И.С. Проблемы совершенствования расследования преступлений несовершеннолетних (организационно-правовой аспект). Омск, 2004.

Соблюдение прав лиц при применении принудительных мер медицинского характера

С.Ш.Амируллаев,
Р.Н.Пирова

Человек, его права и свободы Конституцией РФ провозглашены высшей ценностью общества, а их признание, соблюдение, защита – обязанностью государства. Пристальное внимание к правам человека обусловлено стремлением России к строительству правового государства, принятыми международно-правовыми обязательствами в этой области, проводимой в стране правовой реформой. Этим вызваны и происходящие преобразования в сфере уголовного судопроизводства, направленные на совершенствование системы гарантий прав и законных интересов граждан.

Именно в данной связи Конституция РФ закрепила тезис о том, что защита прав, свобод и законных интересов личности – одна из центральных и приоритетных задач, строящегося демократического государства и гражданского общества (ст. 2, 17,3 8, 46, 52 Конституции РФ).

Поэтому, и применение принудительных мер медицинского характера призвано служить не только наиболее полной реализации целей и задач уголовного судопроизводства, но и эффективному обеспечению прав, свобод и законных интересов граждан. [1. – С. 38.]

Применение принудительного лечения к лицам, страдающим психическими расстройствами и совершившим общественно опасные деяния, в последнее время перестала быть исключительно юридической или медицинской проблематикой. Деятельность юристов и медиков в этом направлении, а также оказание психиатрической помощи гражданам в целом приобрели повышенную общественную значимость, поскольку служат характеристикой степени гуманизации и демократизации нашего общества.

Динамика развития общественных процессов в стране такова, что уже сегодня на страницах юридической литературы, периодической печати и в других средствах массовой информации поднимаются темы, касающиеся усиления правовой защищенности граждан в этой сфере, ограждения их от дальнейшего ущемления прав и законных интересов со стороны представителей государственных органов.

Лица, страдающие психическими расстройствами, являются самой уязвимой в правовом отношении категорией населения страны. Об этом говорится и в международных актах, где одним из показателей уровня социально-экономического развития, гуманизации и демократизации общества называется соблюдение и обеспечение прав человека в сфере психического здоровья (ст. 25, 29 Всеобщей декларации прав человека, ст. 7, 9, 10 Международного пакта о гражданских и политических правах, ст. 12 Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах, ст. 5-8 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод, ст. 3, 5 Конвенции СНГ о правах и основных свободах человека и др.).

В Принципах защиты лиц с психическими заболеваниями и улучшения психиатрической помощи и Декларации о правах умственно отсталых лиц (приняты соответственно 18.02.1992 г. и 20.12.1971 г. Генеральной Ассамблеей ООН) предусмотрено, что каждый человек с психическим заболеванием должен иметь право пользоваться всеми гражданскими, политическими, экономическими, социальными и культурными правами, ограничения в осуществлении этих прав допускаются только в рамках закона и в случае необходимости защиты здоровья и безопасности самого лица, других лиц или в случаях защиты общественной безопасности, порядка, здоровья или нравственности. [2. – С. 66.]

В ряде других документов – рекомендации Парламентской Ассамблеи Совета Европы 818 (1977) «О положении психически больных», рекомендациях Комитета Министров Совета Европы N R(83)2 «Относительно правовой защиты лиц, страдающих психическим расстройством, которые были госпитализированы в принудительном порядке», N R(99)4 «О принципах, касающихся правовой защиты недееспособных взрослых», Rec(2004)10 «Относительно защиты прав человека и достоинства лиц с психическим расстройством» государствам – членам Совета Европы предложено установить, чтобы судебные решения не принимались только на основании медицинских заключений, а пациенту с психическим заболеванием, как и любому другому лицу, было обеспечено право быть выслушанным и чтобы в случаях предполагаемого правонарушения в течение всего разбирательства присутствовал адвокат; лица с психическими расстройствами должны иметь возможность осуществлять все свои гражданские и политические права, а любые их ограничения допускаются строго в соответствии с Конвенцией о защите

прав человека и основных свобод и не могут основываться на одном лишь факте наличия у лица психического заболевания.

С названными положениями международных актов соотносятся предписания Закона Российской Федерации от 2 июля 1992 года «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании», согласно части первой статьи 5 которого лица, страдающие психическими расстройствами, обладают всеми правами и свободами граждан, предусмотренными Конституцией Российской Федерации и федеральными законами; ограничение же прав и свобод граждан, связанное с психическим расстройством, допустимо лишь в случаях, предусмотренных законами Российской Федерации, как это следует из статьи 55 (часть 3) Конституции Российской Федерации. [2. – С. 71.]

Положение в уголовном законе об ограниченной вменяемости, уголовная ответственность за незаконное помещение в психиатрический стационар (ст. 128 УК РФ), Закон о психиатрической помощи, конкретизирующий и развивающий рекомендации ООН об отношении к лицам с психическими расстройствами, введение в России с 1997 г. Международной классификации болезней (МКБ-10), которая принята Всемирной организацией здравоохранения, судебный контроль, прокурорский надзор, контроль Уполномоченного по правам человека, правозащитных организаций и др.[3. – С. 47.] позволяют гарантировать правовую защищенность лиц, страдающих психическими расстройствами и совершивших общественно опасные деяния, и исключить использование психиатрии в политических целях в качестве орудия борьбы с инакомыслием, что имело место в 1960-70-х гг. в СССР.

Применение принудительного лечения связано с ограничениями прав лиц, в отношении которых оно применяется. Они состоят, прежде всего, в помещении в лечебное заведение без согласия лица, которому оно назначено, а также без согласия его родственников. Лицам, которым назначено такое лечение, запрещается самостоятельно покидать психиатрический стационар, а иногда – отделение стационара или даже палату. Им не предоставляются отпуска, а в некоторых случаях могут быть запрещены свидания (например, в состоянии острого психоза).

В то же время лица, находящиеся на принудительном лечении, сохраняют права, которые не связаны с ограничениями, вытекающими из психического состояния и определенного судом вида принудительного лечения.

Если они обладают дееспособностью, у них имеются права, предусмотренные Гражданским кодексом РФ.

Для правового статуса пациентов психиатрических стационаров, осуществляющих принудительное лечение, чрезвычайно важно положение, содержащееся в ст. 13 Закона РФ «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании».

В соответствии с этой нормой «лица, помещенные в психиатрический стационар по решению суда о применении принудительных мер медицинского характера, пользуются правами, предусмотренными статьей 37 настоящего Закона». Статья 37 в свою очередь определяет права пациентов всех психиатрических стационаров и не содержит никаких изъятий для подобных лечебных учреждений, проводящих принудительное лечение.

Все права пациентов психиатрических стационаров разделены на две группы.

В первую из них входят права, которые не могут быть ограничены ни при каких условиях, например, право подавать без цензуры жалобы и заявления в органы государственной власти, прокуратуру, суд и адвокату, право встречаться с адвокатом и священнослужителем наедине, право исполнять религиозные обряды и соблюдать религиозные каноны, право получать наравне с другими гражданами вознаграждение за труд в соответствии с его количеством и качеством, если пациент участвует в производительном труде, и другие.

Вторая группа прав пациентов, установленных в ст. 37, включает права, которые могут быть ограничены в интересах здоровья и безопасности, как самих пациентов, так и других лиц. Такое решение принимает главный врач психиатрического стационара или заведующий отделением по рекомендации лечащего врача. К ограничиваемым правам относятся: право вести переписку без цензуры; получать и отправлять посылки, бандероли и денежные переводы, пользоваться телефоном; принимать посетителей; иметь и приобретать предметы первой необходимости и пользоваться собственной одеждой.

В соответствии с ч. 2 ст. 13 Закона РФ «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании» пациенты, находящиеся на принудительном лечении, признаются нетрудоспособными на весь период пребывания в психиатрическом стационаре и имеют право на пособие по государственному социальному страхованию или на пенсию на общих основаниях. Этого права для данной категории психиатрических пациентов до принятия указанного Закона не существовало.

Им предоставляются те же права, что и другим пациентам, находящимся там на общих основаниях: обращаться непосредственно к главному врачу или заведующему отделением по вопросам лечения, обследования, выписки и соблюдения их прав; подавать жалобы и заявления без цензуры; встречаться с адвокатом и священнослужителем наедине; исполнять религиозные каноны, иметь религиозную атрибутику и литературу; выписывать газеты и журналы; получать вознаграждение за труд, если они привлекаются к работе, и т.д.

Помимо этого пациенты, госпитализированные как добровольно, так и в принудительном порядке, могут быть ограничены в некоторых правах по рекомендации лечащего врача, заведующего отделением или главного врача в интересах их здоровья или безопасности других лиц. К таким правам относятся: переписка

без цензуры, получение и отправление посылок, бандеролей и денежных переводов, использование телефона и т.п.

И, наконец, на лиц, находящихся на принудительном лечении, в полной мере распространяется ст. 5 указанного Закона, закрепляющая права лиц с психическими расстройствами, а также иные нормы, направленные на обеспечение и защиту их прав, в частности, право на обжалование действий и решений медицинских работников, включая медицинские комиссии, при оказании психиатрической помощи (ст. 47-49).

Срок принудительного лечения не устанавливается при его назначении.

Такое лечение продолжается до выздоровления лица, страдающего психическим расстройством, либо до такого изменения его психического состояния, при котором отпадает необходимость в принудительном лечении. Если психическое состояние лица изменяется и возникает необходимость в назначении иной принудительной меры медицинского характера (как менее, так и более строгой), то первоначально назначенный вид принудительного лечения может быть изменен.

Как отмена, так и изменение стационарных принудительных мер осуществляется судом по представлению администрации психиатрического стационара, осуществляющего принудительное лечение, на основании заключения комиссии врачей-психиатров.

При решении вопроса об изменении или прекращении применения принудительной меры медицинского характера рекомендуется использовать принцип ступенчатости, заключающийся в постепенном изменении вида таких мер от более к менее строгим, вплоть до полной их отмены.

Хотя постепенное изменение вида принудительного лечения от более строгого к менее строгому облегчает социальную адаптацию психически больного, надо иметь в виду, что данный принцип не является обязательным для суда. Верховный Суд СССР разъяснил, что более строгая мера стационарного принудительного лечения при наличии к тому оснований может быть отменена и без предварительного перевода пациента в психиатрическую больницу менее строгого типа.

Продление, изменение и прекращение принудительного лечения выделено в УК в самостоятельную статью, в которой урегулированы эти вопросы в соответствии с «Принципами защиты лиц, страдающих психическим заболеванием, и улучшения здравоохранения в области психиатрии», утвержденными резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН N 46/119 от 17 декабря 1991 г.

Для того чтобы принудительное лечение не превращалось в бессрочное пребывание в психиатрическом стационаре лиц, совершивших общественно опасное деяние в состоянии невменяемости или заболевших психическим расстройством после совершения преступления, в законе определены сроки обязательного освидетельствования таких лиц комиссией врачей-психиатров.

Таким образом, основными принципами оказания психиатрической помощи при применении принудительных мер медицинского характера в нашей стране являются законность, гуманность, соблюдение прав человека и гражданина и Конституцией РФ им гарантированы права и свободы, которые в Российской Федерации провозглашены высшей ценностью общества, а их признание, соблюдение, защита – обязанностью государства. Принудительные меры медицинского характера – это предусмотренные уголовным законом меры, направленные на лечение невменяемых, совершивших общественно опасное деяние; лиц, страдающих психическими расстройствами, исключающими возможность назначения им и исполнение наказания за совершенное преступление; а также лиц, страдающих психическими расстройствами, не исключающими вменяемости; и лиц, нуждающихся в лечении от алкоголизма и наркомании и совершивших преступления. [5. – С. 56.]

Если, несмотря на наличие психического расстройства, лицо, совершившее посягательство в состоянии невменяемости, не представляет опасности, принудительные меры медицинского характера не применяются. Установив отмеченное обстоятельство, суд выносит постановление о прекращении уголовного дела и об отказе в применении принудительных мер медицинского характера.

Лица, страдающие психическими заболеваниями и совершившие общественно опасные деяния, представляют опасность для общества и для себя, именно поэтому в отношении них ведется производство о применении принудительных мер медицинского характера. В связи с этим в отношении таких лиц должны применяться определенные меры, направленные на их изоляцию от общества, с целью предупреждения новых общественно опасных деяний, оказания им психиатрической помощи.

В Уголовном Кодексе РФ определены основания назначения принудительных мер медицинского характера. Согласно ст. 97 к ним относятся:

а) совершение деяния, предусмотренного Особенной частью УК; б) определенными категориями лиц: невменяемость лица к моменту совершения им общественно опасного деяния; заболевание психическим расстройством, делающим невозможным назначение или исполнение наказания после осуждения; установление у них психического расстройства, не исключающего вменяемости; нуждаемость в лечении от алкоголизма или наркомании.

Статья 99 УК РФ определяет следующие виды принудительных мер медицинского характера:

– Амбулаторное принудительное наблюдение и лечение у психиатра. Данное наблюдение и лечение применяется, если лицо по своему психическому состоянию не нуждается в помещении в психиатрический стационар;

– Принудительное лечение в психиатрическом стационаре общего типа. Согласно ч.2 статьи 101, такое лечение может быть назначено лицу, которое по своему психическому состоянию нуждается в стационарном лечении и наблюдении, но не требует интенсивного наблюдения;

– Принудительное лечение в психиатрическом стационаре специализированного типа. Согласно ч.3 статьи 101, данный вид лечения назначается лицу, которое по своему психическому состоянию требует постоянного наблюдения;

– Принудительное лечение в психиатрическом стационаре специализированного типа с интенсивным наблюдением. Согласно ч.2 статьи 101 оно может быть назначено лицу, которое по своему психическому состоянию представляет особую опасность для себя или других лиц и требует постоянного и интенсивного наблюдения. Вид принудительного лечения назначается судом с учетом рекомендаций судебно-психиатрической экспертизы, которые не являются для него обязательными. Суд оценивает также общественную опасность содеянного, характер наступивших последствий, число потерпевших, способ действия, например применение особой жестокости, интенсивность насилия и т.п. [6. – С. 83.]

Лицо, нуждающееся в применении принудительной меры медицинского характера – полноправный участник уголовно-процессуальных отношений, должен иметь закрепленный процессуальный статус с целью реализации своих прав с момента возбуждения уголовного дела и на протяжении всех этапов уголовного судопроизводства.

Список литературы:

1. Постановление Правительства РФ от 28.07.2005 N462 «О контроле за деятельностью психиатрических и психоневрологических учреждений по оказанию психиатрической помощи».
2. Постановление Конституционного Суда РФ 20 ноября 2007 N13-П «По делу о проверке конституционности ряда положений статей 402, 433, 437, 438, 439, 441, 444 и 445 УПК РФ в связи с жалобами граждан С.Г. Абламского, О.Б. Лобашовой и В.К. Матвеева».
3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21 декабря 1993 г. №11 «О судебной практике по применению к осужденным алкоголикам и наркоманам принудительных мер медицинского характера» (с изменениями на 25 октября 1996 года).
4. Уголовное право России. Общая часть / Под ред. А. И. Рарога. – 3-е изд. с изм. и доп. – М.: Эксмо, 2018.
5. Уголовное право России. Практический курс // Под ред. А.И.Бастрыкина. – М., 2017.
6. Уголовное право. Общая часть: учебник /отв. ред.И.Я. Козаченко. – 4-е изд., перераб. и доп. – М.: Норма, 2018.

Подзаконные нормативные акты: современное состояние и перспективы развития

М.А.Ахмедов

Г.Р.Джантемирова

Подзаконные акты представляют собой объемную, разнородную совокупность. В десятки раз превышая количество законов, именно эти акты подвергают общественную жизнь детальному правовому регулированию.

В отечественной юридической науке традиционно большое внимание уделяется нормативным правовым актам – ведущей форме права, и, в первую очередь – законам. В сравнении с законодательными актами система подзаконных актов исследуется недостаточно. Имеются комплексные исследования [1], отдельные работы, выборочно раскрывающие грани этой обширной проблематики [2], произведения справочного характера.

Отсутствие закона о нормативных правовых актах компенсируется принятием иных актов, направленных на упорядочение подзаконного правотворчества органов. Однако их эффективность недостаточна, т.к. они регулируют процессуальную сторону в отсутствие материальной, то есть формулируются правотворческие процедуры при отсутствии проработки понятийного аппарата вопроса.

Признаки подзаконных нормативных правовых актов включают общие со всеми видами нормативных правовых актов и некоторые специфические.

1. Подзаконные правовые акты должны приниматься компетентными органами. Полномочие на издание подзаконных нормативных правовых актов устанавливается в других актах. Одновременно устанавливаются их формы и предметы, по которым они могут издаваться. Предпочтительнее, чтобы основополагающие вопросы регулировались законами.

2. Подзаконные акты связаны с законами. Подзаконные акты выполняют функцию расширительного толкования законодательных норм. Для понимания сущности подзаконного акта важно установить характер его связи с законом, который выражается в таких юридических формулах, как «на основании и во исполнение закона», «не должны противоречить закону», «в соответствии с законом». Формулировка «на основании и во исполнение закона» означает, что подзаконные акты по отношению к закону занимают подчиненное положение и основанием их издания является закон. С хронологической стороны это означает последовательность издания актов разной юридической силы.

3. Особенности подзаконных нормативных актов предопределены тем, что они подлежат государственной регистрации и официальному опубликованию. Эти процедуры взаимосвязаны и являются

---

[1] Васильев Р.Ф. Акты управления (Значение, проблема исследований, понятие). - М.: Изд-во Моск. ун-та, 1987. – С.63.

[2] См.: Жевакин С. Ведомственные правовые акты // Хозяйство и право. - 1996. - № 6. - С.101-106.; Червяков, Н.Н. Проблемы совершенствования ведомственного нормотворчества: на материалах МВД: дис. … канд. юрид. наук. - М., 2000. – 140 с.

обязательными для актов, затрагивающих права и свободы граждан, или носящих межведомственный характер.

4. Подзаконные акты характеризуются упрощенным, в сравнении с законом, порядком принятия. Особенно это очевидно для единоличных актов должностного лица. Но даже для актов коллегиального происхождения (например, постановление) правотворческий процесс несравнимо проще, чем законодательный. Это позволяет с их помощью оперативно решать вопросы.

5. В научной литературе в качестве признака называется иерархическая организация системы подзаконных актов. По мнению С.А.Иванова, основана она не столько на иерархии органа в системе государственных органов, сколько на нормативно закрепленном положении нормативных правовых актов органов в системе нормативных правовых актов Российской Федерации[1].

6. Подзаконные акты отличаются разнообразностью и неоднородностью. Федеральные органы государственной власти не ограничивают себя разнообразными формами, которые им прямо разрешены (постановления, приказы, распоряжения, правила, инструкции и положения)[2]. Они находятся в состоянии практически непрерывного творчества, в том числе, в области наименования издаваемых актов. В результате этой инициативной деятельности создаются эклектические соединения форм: инструкция и приказ; положение и инструкция, иные комбинации. Впрочем, «творческий» подход ведомств к формам правовых актов имел место и в советской истории. Остались такие сомнительные в момент их принятия виды, как, например, директивы[3], обращения, призывы и т.п. Бывают и совсем необъяснимые документы, например, утвержденная Президентом РФ Б.Н. Ельциным Программа Правительства РФ «Двенадцать дел Правительства России на 1998 год»[4].

Система подзаконных актов достаточно разнообразна и многочисленна. Подзаконные акты различаются по юридической силе, которая не всегда очевидна в силу сложнейшего построения системы органов государственной власти. Так, акт каждого органа государственной власти должен не только соответствовать всем законам, но и тем нормативным правовым актам, которые изданы вышестоящими органами. Юридическая сила подзаконных актов, сфера их действия зависят от места органа, издавшего акт, в государственном аппарате, от его компетенции.

Указ как форма нормативного правового акта традиционен для отечественной системы законодательства. Указы Президента РФ и постановления Правительства РФ конкурируют между собой в силу двойственности статуса главы российского государства. При этом происходит целых два нарушения. С одной стороны нарушается компетенция (Правительство – Президент), с другой – деформируется система нормативных правовых актов (происходит замена постановления указом). Таких подмен правительственного правотворчества президентским (указным) множество, например, указы: от 19 июля 1996 № 1044 «О возрождении и развитии философского, клинического и прикладного психоанализа»[5], от 29 июня 1998 «Об управлении федеральной собственностью, находящейся за границей»[6], и целый ряд других.

В правотворчестве Президента РФ традиционной проблемой является выбор между распоряжением и указом, что представляет собой практические отголоски нерешенной теоретической проблемы – соотношения нормативного и индивидуального (правоприменительного) акта. В Конституции РФ косвенно проводится следующая позиция: распоряжения – акты не нормативные, а указ может быть как нормативным, так и индивидуальным. Эта конституционная формула не смогла породить единообразной практики, как нам представляется, в связи с двойственной природой указов.

В современной российской правотворческой практике известны указы Президента РФ о внесении изменений и дополнений в федеральные законы. Отдельные примеры указного правотворчества были оценены Конституционным Судом РФ, который пришел к выводу, что «Президент … может издавать указы и по вопросам, требующим законодательного решения (круг которых очерчен другими статьями Конституции), при условии, что такие указы не противоречат Конституции Российской Федерации и федеральным законам, а их действие во времени ограничивается периодом до принятия соответствующих законодательных актов»[7].

---

[1] Иванов, С.А. Соотношение закона и подзаконного нормативного правового акта: дис. … канд. юрид. наук: 12.00.01 / Иванов С.А. - М., 2001. – С.12.

[2] Пункт 2 Постановления Правительства РФ от 13.08.1997 N 1009 (ред. от 02.02.2019) «Об утверждении Правил подготовки нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти и их государственной регистрации» // СПС Консультант Плюс/ www.consultant.ru/ (дата обращения: 20.03.2019).

[3] Директива министра обороны РФ от 13.08.1993. № Д-78 «Требования к гражданам, поступающим на военную службу по контракту» // СПС Консультант Плюс/ www.consultant.ru/ (дата обращения: 22.03.2019).

[4] Программа Правительства РФ «Двенадцать дел Правительства России на 1998 год» //Российская газета. - 1998. - №16. - 28 января.

[5] Указ Президента Российской Федерации от 19 июля 1996 № 1044 «О возрождении и развитии философского, клинического и прикладного психоанализа» // СПС Консультант Плюс/ www.consultant.ru/ (дата обращения: 20.03.2019).

[6] Указ Президента РФ от 29.06.1998 N 733 «Об управлении федеральной собственностью, находящейся за границей» // СПС Консультант Плюс/ www.consultant.ru/ (дата обращения: 20.03.2019)

[7] Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 30.04.1996 № 11-П// СЗ РФ. 1996. №19. Ст.2320 и Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 27.01.1999 №2-П //СЗ РФ. 1999. №6. Ст.866.

С.А.Иванов отмечает недостаточную связь между указами и законами: «Как показывает содержательный анализ нормативных указов, они еще недостаточно связаны с федеральным законом. Только для 19% нормативных указов Президента за 2000 г. основанием стал соответствующий федеральный закон»[1]. Для решения данной проблемы следует утвердить правилами законодательной техники следующий прием: в подзаконных актах, включая указы Президента РФ, в преамбуле указывать, на основании какой статьи Конституции России или федерального закона они принимаются.

Система актов федеральных органов исполнительной власти. Развитие нормативной базы ведомственного правотворчества прошло ряд этапов и регулировалось разными актами: вначале методическими рекомендациями Минюста СССР, с 1993 г. – указом Президента РФ или документами Правительства РФ. Действующий порядок установлен в Правилах подготовки нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти и их государственной регистрации[2]. Объединяет все эти документы то, что в них не были решены следующие принципиально важные вопросы: 1) предмет правового регулирования различных актов; 2) особенности оформления и структуры; 3) система документов.

Постановлением Правительства РФ № 1009[3] установлен закрытый перечень видов, включающий: 1) постановления; 2) правила; 3) инструкции; 4) положения; 5) приказы; 6) распоряжения.

Рассмотрим перечисленные формы.

1) Постановление представляет собой широко распространенную разновидность правовых актов. Этот многозначный термин используется для обозначения актов Правительства РФ, прокурора, суда, палат Федерального Собрания, органов исполнительной власти федерального уровня и субъектов РФ, муниципальных органов. Для Правительства РФ постановление – это акт управления общенормативного содержания, издаваемый в пределах его компетенции. Иные филологические и юридические определения термина «постановление» сходятся на том, что это официальный документ коллективного органа власти[4], принимаемый в коллегиальном порядке[5],

Таким образом, основные свойства постановления с точки зрения порядка принятия состоят в коллегиальной процедуре, включающей обсуждение, согласование, одобрение.

Представляется целесообразным закрепить монополию Правительства РФ на использование наименования «постановление», что может сочетаться с соответствующим запретом для иных федеральных органов исполнительной власти. Издание актов органов исполнительной власти (кроме Правительства) в форме постановлений нецелесообразно, поскольку использование акта с одним наименованием на двух уровнях (правительство и иные органы исполнительной власти) вредит иерархичности и системности как актов, так и органов.

2) Правила представляют собой подзаконные правовые акты, устанавливающее порядок чего-нибудь. Например, в системе органов внутренних дел «правила устанавливают порядок осуществления отдельных видов деятельности…, а также меру должного поведения по реализации и исполнению… прав и обязанностей». Правила как форма акта распространены достаточно широко. Большая часть их утверждена и введена в действие актами с другими наименованиями: приказами, распоряжениями. Например, Банк России утвердил Правила ведения бухгалтерского учета положением.

Проведенный анализ правотворческой практики в части использования наименования «правила» позволяет сделать вывод о неверном понимании формы этого документа как несамостоятельной, производной правовой конструкции. Правила – это самостоятельный нормативный правовой акт, детально регулирующий порядок осуществления какой-либо операции, специальной деятельности.

3) Инструкция (лат. instuctio – наставление, устройство) – один из видов нормативных правовых актов подзаконного характера, издаваемых чтобы разъяснить и определить порядок применения законодательного акта органами исполнительной власти[6]. Органы исполнительной власти, как правило, не считают инструкцию самодостаточным документом, что ведет к образованию разных сочетаний инструкций с другими актами. Например, имеют место инструкции, утвержденные приказами. Эта практика за долгие годы советского и российского правотворческого опыта стала практически нормой. Сегодня такой конструкции придерживаются многие органы, в том числе, Минюст России. Акт под названием «инструкция» близок правилам, но имеются различия. Правила описывают поведение субъектов права, их взаимодействие. Инструкция же регулирует действия субъектов по поводу предметов материального мира: например, инструкция по заполнению, по сбору и т.п.

---

[1] Иванов, С.А. Соотношение закона и подзаконного нормативного правового акта: дис. … канд. юрид. наук: 12.00.01 / Иванов С.А. - М., 2001. - С.21.

[2] Постановление Правительства РФ от 13.08.1997 № 1009 (ред. от 02.02.2019) «Об утверждении правил подготовки нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти и их государственной регистрации» // СПС Консультант Плюс/ www.consultant.ru/ (дата обращения: 20.04.2019).

[3] Там же.

[4] Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка: Ок. 100 000 слов, терминов и фразеологических выражений // Под ред. Л.И.Скворцова.- 28- е изд., перераб. -М.: ООО «Издательство «Мир и Образование»: ООО «Издательство Оникс», 2012. – С.489.

[5] Керимов Д.А. Источники советского социалистического права: Дис. ... канд. юрид. наук. - Л., 1950. - С.303.

[6] Российская юридическая энциклопедия // Под ред. Сухарева А.Я. - М.: ИНФРА-М, 1999. – С.379.

В правотворческой практике и научной литературе конкурируют две противоположные точки зрения. Одна, аргументированная выше, состоит в признании инструкции самостоятельным видом акта, противоположная – в утверждении инструкций приказом. Компромиссной является модель грифа «утверждаю» должностного лица. Оптимальным же представляется подписание инструкции наравне с другими актами, что также свидетельствует об одобрении, но выглядит для нормативных актов более традиционно.

Таким образом, инструкция – это разновидность самостоятельного нормативного акта, издаваемого в порядке уточнения (разъяснения) реализации положений вышестоящего нормативного акта. Предметом регулирования инструкции выступают действия субъектов права, т.е. она устанавливает последовательность совершения лицом определенных действий.

4) Положение представляет собой акт, регламентирующий правовой статус органов, учреждений, организаций, системы однородных органов[1]. Всего действует более 2700 положений разных органов государственной власти. Имеются достаточно проработанные с точки зрения законодательной техники документы. Положение должно приниматься в результате кодификации, которая является разновидностью систематизации. Именно этому требованию не соответствуют ситуативные документы, которые едва ли будут активно и продолжительно реализовываться. Правотворческие органы в подготовке положений должны руководствоваться выработанными наукой требованиями к такого рода документам. Нежелательно использование положений для решения технических, процедурных вопросов.

Положение – это кодифицированный нормативный правовой акт, регламентирующий правовой статус органов, учреждений, систему однородных органов, организаций.

5) Приказ представляет собой «официальное распоряжение руководителя, начальника подчиненным» или «официальное распоряжение того, кто облечен властью»[2]. В энциклопедических определениях данного термина подчеркивается, что он служит отражением власти одного лица над другими, находящимися от него в зависимости. Приказ – это «правовой документ, принимаемый правомочным на то должностным лицом (фед. министром, начальником УВД, директором завода и т.п.) в порядке осуществления единоначалия»[3]. Единство приведенных определений состоит во внутриорганизационном предназначении приказов, что исключает их нормативный характер.

Отнесение приказов, как, впрочем, и распоряжений, к разновидности нормативных правовых актов является ошибочным. Приказ – документ локального характера, он должен использоваться для осуществления власти должностного по отношению к лицам, зависимым от него в силу трудовых, служебных отношений. Он имеет дисциплинарный характер, что предопределяется наличием властно-подчиненных отношений. С гражданами органы власти в такого рода отношениях не состоят, что, впрочем, не лишает их возможности при помощи других актов издавать нормативные предписания для сторонних, т.е. независимых субъектов. Тем не менее, приказная практика выходит за узковедомственные границы, чему имеется огромное количество доказательств. Отметим, что ряд ученых оправдывает возможность издания нормативных приказов, которые, по их мнению, отличаются «неконкретностью адресатов, возможностью неоднократного применения правового предписания»[4]. Именно эта позиция нашла закрепление в некоторых актах действующего законодательства. Так, министрам вновь образуемых на основе Указа Президента РФ № 314 от 9 апреля 2004 г. министерств предоставляется право издавать приказы, имеющие нормативный характер[5].

Приказ – это правоприменительный акт, при помощи которого руководитель органа осуществляет реализацию возложенных на него обязанностей, организует работу подчиненных ему органов.

6) Распоряжения издаются разнообразными органами, в числе которых Президент РФ, Правительство РФ, органы исполнительной власти. Вне зависимости от издавшего органа эти акты представляются ненормативными[6]. Распоряжения «обычно содержат конкретные предписания, т.е. являются актами индивидуальными»[7]. В целях единообразного сложившегося понимания природы и предназначения распоряжений в системе актов органов государственной власти не следует издавать в данной форме нормативные предписания. Таким образом, распоряжения органов исполнительной власти – это индивидуальный правоприменительный акт, предназначенный для решения оперативных вопросов руководства.

Таким образом, правотворчество органов государственной власти представляет собой компетентную деятельность. Это означает, что вышестоящий орган государственной власти своим решением наделяет нижестоящие органы формами актов и соответствующей компетенцией. Те общественные отношения, которые вверяются органу, становятся предметом правового регулирования издаваемых актов. Дополнение форм и расширительное толкование предметов в нижестоящем акте недопустимы. В этой связи общий

---

[1] Российская юридическая энциклопедия / под ред. Сухарева А.Я. - М.: ИНФРА-М, 1999. - С. 1289.

[2] Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка... – С.512.

[3] Российская юридическая энциклопедия // Под ред. Сухарева А.Я. - М.: ИНФРА-М, 1999. - С. 811.

[4] Там же. - С. 811.

[5] Пункт 10.13. Положения о Министерстве финансов// Российская газета. №162, 31.07.2004; пункт 10.15 Положения о Министерстве транспорта// Российская газета. №169, 10.08.2004.

[6] Правовые акты. Учебно-практическое и справочное пособие / Котелевская И.В., Тихомиров Ю.А. - М.: Юринформцентр, 1999. - С.158.

[7] Теория государства и права // Под ред. А.С.Пиголкина. - М.: 2006. - С. 248.

список форм актов, а также уточненный для конкретных органов, устанавливается Президентом РФ или Правительством РФ. Именно в этих пределах и должно осуществляться принятие подзаконных правовых актов. Присвоение права на издание иных документов является правонарушением, и, соответственно, должно влечь юридическую ответственность.

Анализ подзаконных нормативных правовых актов показал, что необходимо поставить четкий законодательный заслон для излишне творческих решений. Необходимо проведение линии чистоты наименований без взаимного утверждения одного документа другим, без нагромождений разных форм. Это позволит избежать двойного, а то и тройного учета одного и того же акта, значащегося с разными названиями. Правило законодательной техники в данной сфере правотворчества должно быть следующим: один документ - одно название - один номер - одна регистрация. Представляется, что решение проблемы «форма - содержание» будет служить системности нормативных правовых актов, их иерархичности.

Список использованных источников и литературы

Нормативно-правовые акты

1. Указ Президента Российской Федерации от 19 июля 1996 № 1044 «О возрождении и развитии философского, клинического и прикладного психоанализа» // СПС Консультант Плюс/ www.consultant.ru/ (дата обращения: 20.11.2019).
2. Указ Президента РФ от 29.06.1998 N 733 «Об управлении федеральной собственностью, находящейся за границей» // СПС Консультант Плюс/ www.consultant.ru/ (дата обращения: 20.11.2019)
3. Постановление Правительства РФ от 13.08.1997 N 1009 (ред. от 02.02.2019) «Об утверждении Правил подготовки нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти и их государственной регистрации» // СПС Консультант Плюс/ www.consultant.ru/ (дата обращения: 20.11.2019).
4. Постановление Правительства РФ от 13.08.1997 № 1009 (ред. от 02.02.2019) «Об утверждении правил подготовки нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти и их государственной регистрации» // СПС Консультант Плюс/ www.consultant.ru/ (дата обращения: 20.11.2019).
5. Директива министра обороны РФ от 13.08.1993. № Д-78 «Требования к гражданам, поступающим на военную службу по контракту» // СПС Консультант Плюс/ www.consultant.ru/ (дата обращения: 22.11.2019).
6. Программа Правительства РФ «Двенадцать дел Правительства России на 1998 год» //Российская газета. - 1998. - №16. - 28 января.
7. Положение о Министерстве финансов// Российская газета. №162, 31.07.2004; пункт 10.15 Положения о Министерстве транспорта// Российская газета. - №169. - 10.08.2004.

Специальная литература

1. Васильев, Р.Ф. Акты управления (Значение, проблема исследований, понятие). - М.: Изд-во Моск. ун-та, 1987. – С.63.
2. Жевакин. – С. Ведомственные правовые акты // Хозяйство и право. - 1996. - № 6. - С.101-106.
3. Иванов. – С. А. Соотношение закона и подзаконного нормативного правового акта: дис. … канд. юрид. наук: 12.00.01 / Иванов С.А. - М., 2001.
4. Керимов Д.А. Источники советского социалистического права: Дис. ... канд. юрид. наук. - Л., 1950. - С. 303.
5. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка: Ок. 100 000 слов, терминов и фразеологи ческих выражений.- 28- е изд., перераб. -М.: ООО «Издательство «Мир и Образование»: ООО «Издательство Оникс», 2012. – С.489.
6. Правовые акты. Учебно-практическое и справочное пособие / Котелевская И.В., Тихомиров Ю.А. - М.: Юринформцентр, 1999. - С.158.
7. Российская юридическая энциклопедия / под ред. Сухарева А.Я. - М.: ИНФРА-М, 1999.
8. Теория государства и права // Под ред. А.С.Пиголкина. - М.: 2006. - С.248.
9. Червяков, Н.Н. Проблемы совершенствования ведомственного нормотворчества: на материалах МВД: дис. … канд. юрид. наук. - М., 2000. – 140 с.

Судебная практика

1. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 30.04.1996 № 11-П// СЗ РФ. 1996. №19. Ст.2320 и Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 27.01.1999 №2-П //СЗ РФ. 1999. №6. Ст.866.

Основные направления совершенствования политической системы Российской Федерации

М.А.Ахмедов

Г.Р.Джантемирова

В современных условиях развития России особую теоретическую и практическую значимость приобретают проблемы модернизации, или совершенствования, политической системы и ее элементов. Это весьма сложный процесс, требующий преобразований политических институтов в соответствии с содержанием российской действительности. Экс Председатель Правительства Российской Федерации В.В. Путин, выступая на расширенном заседании Государственного Совета «О стратегии развития России до 2020 г.», подчеркнул, что «политическая система России должна не только соответствовать национальной политической культуре, но и развиваться вместе с ней. Тогда она будет одновременно и гибкой, и

стабильной. Работа здесь рассчитана на годы. Она обязательно продолжится – с помощью просветительской деятельности, через повышение роли неправительственных организаций, уполномоченных по правам человека, общественных палат и, конечно, за счет развития российской многопартийной системы»[1].

Почему необходимо совершенствование политической системы? Это связано, прежде всего, с модернизацией всей жизни России, с экономическими, технологическими, социальными преобразованиями. При этом правильно, по нашему мнению, подчеркивается в научной литературе, что политическая модернизация не менее (если не более) важна, чем технологическая, экономическая и другая, поскольку именно через нее обеспечиваются разнообразные процессы модернизации в обществе и государстве[2]. Не следует также забывать, что совершенствование политической системы придется проводить в период глубокого мирового финансового кризиса, который будет опосредованно влиять на отношение общества к существующей власти, политическим структурам и системе в целом. Одним из первоначальных показателей изменений является активизация накопившихся в обществе противоречий[3], признаки которых ощутила Россия в последние годы.

Совершенствование политической системы необходимо для того, чтобы изменить сложившуюся ситуацию в России – растущее отчуждение государства от общества и общества от государства и власти. Политическая система нормально функционирует тогда, когда не просто сосуществует с обществом, но и реагирует на исходящие от него сигналы. Не следует недооценивать взгляды политически активной части населения, влияющие на формирование общественного сознания. Она нуждается в обмене мнениями и публичной демонстрации своих убеждений. Запрет выражать точку зрения, отличную от общепринятой государственной, воспринимается крайне негативно и усугубляет отчуждение от действующей политической системы. Чтобы избежать негативных последствий, необходимо принять целый ряд мер, обеспечивающих свободное проведение митингов общественными организациями, группами граждан, не запрещенных судебными решениями, строгое соблюдение уведомительного характера проведения политических митингов и манифестаций, предоставление возможности создания клубов для свободного проведения любых общественных мероприятий. Кроме того, необходимы сдержанность власти и реалистическая оценка настроений граждан. Поддержкой в осуществлении перемен в политической системе и предполагаемой модернизации всех сторон жизни страны власть может заручиться лишь в том случае, если народу будет предоставлено убедительное свидетельство ее готовности считаться с интересами всего населения[4].

На политическую систему существенное воздействие оказывают также экономика, политика, государство и гражданское общество. Влияние экономики на развитие политической системы очень важно, кроме того, оно является двусторонним. Поэтому, когда в начале XXI в. В России был взят курс на модернизацию экономики, значительным фактором была политическая модернизация, поскольку благодаря ей формируются инновационные мотивации и среда, которые двигают экономические и социальные процессы в обществе и государстве. Так, по инициативе Правительства Российской Федерации была разработана «Стратегия 2020»[5], которая была скорректирована в 2011 г., когда Правительством Российской Федерации (февраль 2011) была создана 21 рабочая группа, куда вошли 1100 экспертов, преимущественно из Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (РАНХ и ГС), работу которых координировал первый вице-премьер И.И. Шувалов. В течение марта 2011 г. Поэтапно проходило обсуждение Стратегии, и 29 марта 2011 г. состоялось последнее обсуждение этого важнейшего документа[6]. По Указу президента Российской Федерации 20 мая 2009 г. Была образована еще одна Комиссия по модернизации и технологическому развитию экономики, которая возглавлялась экс Президентом Российской Федерации Д.А. Медведевым и рассматривала актуальные проблемы по всем направлениям[7].

В Послании Президента Российской Федерации очерчены основные результаты экономического развития России, влияющие на все стороны жизни государства. Так, экономика растет около 4% в год, что в условиях кризиса превышает показатели большинства ведущих стран. Государственный долг сохраняется на минимальном уровне. Установилась самая низкая за всю историю новой России инфляция: она составляет менее 7 %. Россия стала шестой по величине экономикой мира. «В целом, антикризисная политика в России сработала лучше, чем во многих странах, а также чем во времена предыдущих кризисов, которых, как известно, тоже было немало», - подчеркнул Президент Российской Федерации в своем Послании[8].

---

[1] Путин В.В. О стратегии развития России до 2020 г.: выступление на расширенном заседании Государственного совета 8 февраля 2008 г. Москва. Кремль. URL: http // www/archive/kremlin/ru/text/appears/2008/02/159528.shtml.

[2] Пляйс Я.А. Какая модернизация предстоит России// Обозреватель. - 2011. - № 17. - С.9.

[3] Галкин А.А. Раздумья о трансформации политической системы // Власть. - 2010. - № 6. - С.8.

[4] Там же.

[5] Модернизация российского общества и государства и ее рефлексия в политической науке: материалы круглого стола. - Саратов. 2009. - С. 30-32.

[6] Тысяча мнений // Российская газета. - 2011. - 30 марта.

[7] Стальные тезисы президента // Известия. - 2011. - 31 марта.

[8] Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию // Российская газета. - 2011. – 23 дек.

Важное значение для совершенствования политической системы имеет и социальный фактор. Много лет, изучающий эту проблему директор института экономики РАН Р.С. Гринберг подчеркивает, что «экономическая чехарда разделила страну на части: 90 % населения живет по принципу «спасайся, кто может». А остальные 10 % живут в свое удовольствие, распределяя гигантские денежные потоки – бывшие закрома родины. Этот анархо-феодальный капитализм стал очередным препятствием России. В эйфории обожествления рынка забыли, что есть целые сферы жизни, которые в развитых странах давно планируются и регулируются. Прежде всего, это нужно для социального спокойствия. Там давно поняли: чтобы хорошо жилось сильным мира сего, их менее удачливые соотечественники тоже должны себя нормально ощущать, пусть и жить от зарплаты до зарплаты, но иметь возможность ездить в отпуск, рожать детей, получать образование, достойную медицинскую помощь – в общем, быть благополучным средним классом»[1].

Наличие такого класса в России, как и во всем мире, абсолютно необходимо не только для сохранения социальной стабильности; именно он является главным катализатором модернизации всей жизни страны. Вместе с тем многие ученые справедливо, по нашему мнению, подчеркивают, что российский «средний класс не готов выступать фактором политической модернизации»[2].

Существенное влияние на совершенствование политической системы оказывают и собственно политические факторы. Особая роль здесь принадлежит политическому сознанию и влиянию граждан и лидеров на политическую систему. Недавние события в декабре 2011г., когда значительное количество людей вышли на митинги в знак протеста против недемократических выборов в государственную Думу, показали, что необходимы изменения в законодательстве о выборах, об избирательном процессе, которые позволили бы гражданам влиять на итоги выборов во все представительные органы государственной власти и местного самоуправления, упростили бы порядок выдвижения кандидатов, стимулировали бы развитие политической конкуренции. «Надо дать всем активным гражданам законную возможность участия в политической жизни», - подчеркнул экс Президент Российской Федерации Д.А. Медведев в своем Послании[3].

В этой связи в Послании Президент Российской Федерации обозначил целый ряд мер, реализация которых позволит совершенствовать избирательную систему, которая сможет обеспечить более активное участие граждан в политической жизни, в формировании органов государственной власти. Например, прямые выборы руководителей субъектов Российской Федерации населением, проживающим в этом субъекте. Такой законопроект был внесен Президентом Российской Федерации в Государственную Думу. Президент Российской Федерации в Послании предлагает сократить количество подписей избирателей, необходимых для участия в выборах Президента Российской Федерации до 300 тыс., а для кандидатов от непарламентских партий – до 100 тыс.

В соответствии с Посланием Президента Российской Федерации изменена система выборов в Государственную Думу, предусматривающая использование пропорциональной и мажоритарной избирательных систем, предполагающая половину – 225 депутатов – Государственной Думы избирать от представительства политических партий и 225 депутатов – по одномандатным округам с тем, чтобы каждый субъект Российской Федерации мог иметь хотя бы одного депутата в Государственной Думе, избранного местными жителями[4].

Необходимость изменения избирательной системы обусловлена особенностью избирательного процесса в последние годы. Получил распространение массовый абсентеизм граждан, поскольку они не доверяют существующей избирательной системе, в силу чего сознательно уклоняются от выполнения своих гражданских обязанностей. Отмена обязательного порога явки и исключение из бюллетеня графы «против всех» также указывают на кризис не только избирательной, но и всей политической системы.

Именно поэтому в Послании Президента Российской Федерации намечены были серьезные изменения избирательной системы, которые позволили гражданам активнее участвовать в политической жизни страны и сделать политическую систему более эффективной.

В современных условиях России особую теоретическую и практическую значимость приобретают проблемы, связанные с определением места и роли государства в политической системе. Это обусловлено тем, что оно обязано обеспечить развитие экономики, науки, культуры, создание и совершенствование новых технологий, усиление гарантий прав и свобод граждан, повышение их материального и духовного благосостояния[5].

Государство, являясь основным институтом политической системы, обеспечивает единство всех ее элементов. Оно призвано «создавать необходимые условия для реального обеспечения конституционных

---

[1] Гринберг Р.С. Счастье. 2010// Аргументы и факты. - 2014. - 4-10 мая.

[2] Готово ли российское общество к модернизации? / Под ред. М.К. Горшкова, Р. Крумма, Н.Е. Тихоновой. - М., 2010. - С. 271 – 272.

[3] Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию // Российская газета. - 2011. – 23 дек.

[4] См.: Федеральный закон от 22.02.2014 N 20-ФЗ (ред. от 29.05..2019) «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» // СПС Консультант Плюс /www.consultant.ru/ (дата обращения: 19.11.2019 г.).

[5] Марченко М.Н. Теория государства и права. - М., 2011. С. 207.

принципов организации и деятельности политической системы, реального действия политических прав и свобод граждан»[1].

Находясь в центре процесса реформирования политической системы и оказывая на него огромное влияние, государство решает две взаимосвязанные задачи. Одна их них связана с реорганизацией самого государственного механизма – изменением его сущности. Содержания, формы организации, методов деятельности, структуры. Президент Российской Федерации в своем Послании наметил основные пути реформирования механизма государства. Это новый порядок формирования Совета Федерации, который предполагает, что представлять субъект российской Федерации в нем может только человек, прошедший через федеральные, региональные или муниципальные выборы. Снижен до 5 % проходной барьер политических партий в Государственную Думу. В соответствии с поправкой к Конституции Российской Федерации правительство ежегодно отчитывается о своей работе перед государственной Думой, а в субъектах Российской Федерации высшие должностные лица отчитываются перед законодательными органами. На местном уровне установлена обязательность отчетов глав муниципальных образований перед представительными органами. Введен институт отрешения от должности главы муниципалитета.

Роль государства и политической системе в современных условиях обусловлена также тем, что оно проявляется как демократическое, правовое и социальное государство. К сожалению, такая его характеристика пока остается лишь конституционным идеалом[2]. Поэтому совершенствование политической системы должно быть направлено на развитие Российского государства. В этой связи самым важным становится вопрос о его взаимосвязи с гражданским обществом.

Гражданское общество - это такой тип общества, в котором главенствующее положение занимают граждане. Это такая совокупность духовно-нравственных, национальных, социально-экономических, семейных отношений и институтов, удовлетворяющих интересы личности и общества в целом[3].

Вопрос о формировании в России гражданского общества представляется весьма актуальным, поскольку взят курс на модернизацию всей жизни, расширение и развитие демократии. Поэтому государству продолжить работу над созданием нормативной правовой базы организации и функционирования гражданского общества и его институтов. Следует отметить, что кое-что в этом направлении уже сделано. Так, приняты федеральные законы «Об общественных объединениях»[4], «О профессиональных союзах, их правах и гарантиях деятельности»[5], «О политических партиях»[6]. Как считает Президент Российской Федерации, «гражданское общество укрепилось и стало более влиятельным, существенно возросла активность общественных организаций, это подтвердили и события последних недель» (имеются в виду митинги протеста, прошедшие по всей стране после выборов депутатов Государственной Думы шестого созыва 4 декабря 2011г.)[7].

Рассматривая соотношение государства и гражданского общества, нельзя не учитывать специфику нашего многонационального государства и его федеративную форму устройства. Представляется интересной точка зрения известного ученого И.А. Ильина по этому вопросу. Он обращает внимание на то, что «Россия велика, многолюдна, многочисленна и многопространственна», что она «никогда не была единосоставным простым народным масштабом». А потому предстоит ей быть «единством во множестве, государством пространственной и бытовой дифференциации». Федеративное устройство в такой ситуации «помимо своего главного, объединяющего центростремительного значения» имеет «еще и обратный оттенок не угасшей самобытности частей, их самостоятельности в законных пределах, их органической самостоятельности в недрах большого союза»[8]. Речь идет о возможных вариантах, особенностях развития гражданского общества с учетом специфики национального и государственно-территориального устройства России.

Во взаимодействии государства с другими институтами политической системы важную роль играет механизм взаимоотношений, в котором можно выделить два основных элемента. Первый – это система взаимодействия через партии, выборы, представительные органы власти[9].

Говоря о существующей в Российской Федерации партийной системе, следует отметить, что она находится в стадии становления и в значительной степени формальна[10]. Существует много организаций, называющих себя партиями. Но, по сути, таковыми не являющимися. Несмотря на большое количество

---

[1] Саркисова Н.А. Государство в политической системе общества переходного периода // История государства и права. - 2009. - № 4. - С.23.

[2] Зорькин В.Д. Россия и Конституция в XXI в. - М., 2008. - С. 334.

[3] Елишев С.О. О реформе политической системы в РФ. URL: http//www.ruskline.ru/analitika/2011/03/17.

[4] Федеральный закон от 19.05.1995 N 82-ФЗ (ред. от 20.12.2017) «Об общественных объединениях» // СПС Консультант Плюс /www.consultant.ru/ (дата обращения: 19.11..2019 г.).

[5] Федеральный закон от 12.01.1996 N 10-ФЗ (ред. от 03.07.2016) «О профессиональных союзах, их правах и гарантиях деятельности» // СПС Консультант Плюс /www.consultant.ru/ (дата обращения: 19.11.2019г..).

[6] Федеральный закон от 11.07.2001 N 95-ФЗ (ред. от 26.07.2019) «О политических партиях» // СПС Консультант Плюс /www.consultant.ru/ (дата обращения: 19.11.2019 г.).

[7] Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию // Российская газета. 2011. 23 дек.

[8] Ильин И.А. Собр. соч. В 2 т. - М., 1993.

[9] Саркисова Н.А. Государство в политической системе общества переходного периода // История государства и права. - 2009. - № 4.

[10] Елишев С.О. О реформе политической системы в РФ. URL: http//www.ruskline.ru/analitika/2011/03/17.

официально зарегистрированных партий, крупнейшими в Российской Федерации в настоящее время являются «Единая Россия» и «Коммунистическая партия РФ», причем «Единая Россия» держится исключительно на авторитете ее лидера – В.В. Путина. Поэтому и для «Единой России» важным являются ее реформирование, взаимодействие с другими элементами политической системы, выработка идеологии, программы, предусматривающей модернизацию всей жизни России, поступательное развитие государства, обеспечивающей благосостояние ее граждан.

В идеале классическая политическая партия стремится к завоеванию или участию во власти для реализации интересов соответствующих слоев общества[1]. Именно с этим процессом связана активизация политических партий в России. В период между выборами в те или иные органы государственной власти деятельность политических партий существенного влияния на гражданское общество не оказывает. Поэтому России предстоит сложный процесс формирования партийной системы, которая бы способствовала развитию гражданского общества, его политической активности.

Справедливости ради необходимо сказать, что партии, особенно представленные в Государственной Думе, стремятся более активно участвовать в политической жизни, в обсуждении важнейших вопросов развития государства с руководством страны. Так, стали не редки совместные встречи лидеров политических партий с Президентом Российской Федерации и Председателем Правительства Российской Федерации. Эти встречи дают возможность обеим сторонам услышать требования гражданского общества, наметить возможные меры, привлечь политические партии к решению основных задач, стоящих перед страной[2].

Важнейшим показателем участия партий в модернизации политической системы является создание оппозиции, которая должна отражать определенные настроения граждан и служить сдерживающим фактором в политическом управлении. Пока в России действующей оппозиции нет, хотя существует множество партий, называющих себя оппозицией. Однако население слабо поддерживает политические партии и организации. В большинстве своем граждане Российской Федерации не испытывают интереса и симпатий к действующим партиям, критически относятся к идейным лидерам федерального, регионального и местного масштабов.

Очевидно, что политические партии России должны еще пройти сложный путь своего становления, чтобы соответствовать национальной политической культуре и развиваться вместе с ней.

Вторым важнейшим элементом взаимодействия государства с другими политическими институтами является система представительства интересов. Основные ее участники со стороны гражданского общества – группы и объединения по интересам[3]. Так, в России появился и успешно действует новый общественный орган - Общественная палата, которая образована на федеральном уровне и на уровне субъектов Российской Федерации. В особенности на федеральном уровне она стала экспертным, рекомендательным и совещательным органом. Учреждение Общественной палаты Российской Федерации следует оценивать в контексте масштабной политической реформы, которая проводится в нашем государстве[4].

На наш взгляд, новым общественным объединением может стать Лига избирателей, которую сегодня пытаются организационно оформить представители политических партий, не вошедшие в состав депутатов Государственной Думы. Что за общественная организация, каковы ее цели и задачи – покажет будущее. Однако следует подчеркнуть, что гражданское общество России развивается не только образованием его элементов «сверху» (например, Уполномоченный по правам человека), но и самими гражданами, которые все больше начинают понимать, что многое в этой жизни зависит от них самих.

Права и свободы человека и гражданина как критерий правовой культуры общества

М.А.Ахмедов
Г.Р.Джантемирова

Правовая культура – это качество правовой жизни общества и степень гарантированности государством и обществом прав и свобод человека, а также знание, понимание и соблюдение права каждым отдельным членом общества.

В настоящее время соблюдение прав и свобод человека и гражданина - главнейший критерий цивилизованного общества, его способности решать самые сложные экономические, политические и социальные проблемы [5]. Современная ситуация с соблюдением прав человека в нашей стране свидетельствует о наличии значительного разрыва между провозглашёнными в Конституции правами и свободами и реальным воплощением в жизнь большинства граждан.

Развитие прав человека - одна из «вечных» проблем социально-культурного развития человечества, прошедшая через века.

---

[1] Гудков Д. Партийная система и гражданское общество// Обозреватель. - 2011. - №8. - С.6.
[2] Политология: Учебник / Под ред. В.Н. Лавриненко. – М.: Изд-во: Юнити-Дана, 2012. - С.57.
[3] Саркисова Н.А. Государство в политической системе общества переходного периода // История государства и права. - 2009. - № 4.
[4] Астафичев П.А. Общественная палата России в механизме общественно-политического представительства: проблемы правового регулирования // Государство и право. - 2007. - № 1. - С. 5-10.
[5] См.: Шмаков В. И. Псевдоконституционный характер, мнимый демократизм и внеморальность российской государственности в отсутствие гражданского общества // XXI век: духовно-нравственное и социальное здоровье человека. - М., 2001. - С. 199.

Конституция оправдывает своё социальное назначение, когда эффективно работает механизм реализации конституционных гарантий прав и свобод, и в первую очередь - правосудие[1].

Формирование авторитетной судебной власти составляет неотъемлемую часть современной политики развития России. В новых экономических и социальных условиях, вызывающих множество правовых деликтов неизмеримо возрастает роль справедливого и независимого суда. Однако, формирование этих качеств судебной власти обусловлено взаимоотношениями с другими ветвями власти и воздействием последних на суд.

Другим важным институтом обеспечения и развития прав граждан является Уполномоченный по правам человека в Российской Федерации и его представители на местах. Уполномоченный следит за состоянием прав и свобод граждан, за их реализацией, проверяет заявления граждан о нарушении их прав. Следует отметить, что и здесь имеются достаточно серьёзные проблемы. Прежде всего, эти проблемы связаны с выполнением своих обязанностей Уполномоченным. Чиновники зачастую препятствуют выполнению задач, возложенных на Уполномоченного, мешают выполнению проверок по заявлениям граждан. Кроме того, сами граждане зачастую не знают, как отстоять свои права, не доверяют институтам государства, призванным к защите прав[2]. Это говорит о том, что правовая культура нашего населения ещё недостаточна, а это грозит довольно серьёзными последствиями, как для общества, так и для государства. Необходимо развивать правосознание населения, прививать правовую культуру ещё со школы.

В процессе реализации прав человека важна роль такого органа государства, как Прокуратура. Прокуратура занимается кроме следствия и надзором над органами государственной власти, что очень важно.

В последнее время в стране появилось много негосударственных правозащитных организаций. Их роль весьма существенна, т.к. они осуществляют независимый контроль за реализацией прав граждан. Они обращают внимание общества и государства на нарушения в этой сфере, и, в какой-то мере способствуют работе государственных правозащитных органов[3].

В общем, в России существует ряд проблем, связанных с реализацией прав граждан: это и плохое социальное обеспечение, и злоупотребления полномочиями власть имущими, и т.д. Однако, самой важной проблемой, на мой взгляд, является практически полная правовая безграмотность населения, люди боятся отстаивать свои права, а зачастую даже не знают, как это делать, куда обращаться. Если не предпринимать срочные меры по повышению уровня правосознания населения, то наше государство может перестать быть демократическим и вообще прекратить своё существование как суверенное образование.

Центральное место в правовой культуре занимает конституционно-правовая культура.

Попытаемся проанализировать отдельные достижения, ценности, созданные людьми в конституционно-правовой сфере нашей страны, и отдельные проблемы в этой сфере.

1. Конституционно-правовая культура предполагает наличие высокой профессиональной подготовленности государственных (и муниципальных) служащих, составной частью которой являлись бы определенные познания в области теории государства и права, конституционного права.

Органы государственной власти, органы местного самоуправления и должностные лица могут и должны властвовать лишь в той мере и постольку, поскольку их деятельность будет проявлять себя не только как правоприменительная, но и как высоко конституционно-правокультурная. Для того чтобы осуществлять власть, недостаточно быть к этому уполномоченным.

Профессиональная компетенция государственных и муниципальных служащих должна включать в себя полноценную (профессиональную) юридическую компетентность.

2. Конституция - это важнейший результат конституционно-правовой культуры, акт совместного творчества человека, государства и общества, она должна подвергать прямому регулированию принципиальные вопросы в конституционно-правовой сфере, т.е. не только вопросы организации государственной власти, но и принципиальные вопросы взаимоотношений человека, государства и общества.

В Конституции РФ вопросы приема-передачи власти совсем обходятся стороной и не подлежат хоть какой-либо регламентации. Она содержит только положение о том, что единственным источником власти и носителем суверенитета является многонациональный народ России. Институт же избирательного права выведен за рамки текста Конституции. Порядок наделения конкретных лиц государственной властью устанавливается федеральным законом Российской Федерации самим органом государственной власти, т.е. политической партией, находящейся у руля[4]. Вопрос о власти предрешается интересами этой партии, поскольку порядок его решения Конституция уступила государству.

Выборы в России демонстрируют наличие при их проведении отдельных элементов фарса и обмана. Народ не всегда это понимает, однако он хочет жить достойно, иметь необходимый достаток в семье, быть уверенным в завтрашнем дне, видеть свою страну сильной, могучей державой, не пасующей перед наглеющим «другом», окружающим ее со всех сторон натовскими базами. Не может позитивно оценивать

---

[1] См.: Головастикова А.Н. Права человека. -М.: Эксмо, 2006. - С. 188.

[2] См.: Мартышин О.В. Национальная политическая и правовая культура в контексте глобализации // Государство и право. - 2005. - №4. - С. 62.

[3] Основы государства и права // Под ред. О.Е.Кутафина. - М.: Юристъ, 2004. - С. 82.

[4] См.: Дубровина Е.П. Избирательное право субъектов Российской Федерации // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2007. - № 2. - С. 153.

рядовой гражданин факты, когда богатства страны, принадлежащие всему народу, идут в карманы небольшой кучке нуворишей, т. наз. «новых Русских», когда эти богатства вывозятся за границу, кормят и вооружают там тех, кто видит Россию своим сырьевым придатком с населением в десяток раз меньшим, чем нынешняя численность россиян.

3. Вслед за решением вопросов приема-передачи власти перед людьми неминуемо встает проблема установления порядка пользования этой властью. Наделяя одних людей властью, другие люди обязаны предусмотреть такую систему предупредительных мер, которая смогла бы предотвратить использование власти не по назначению, в том числе - использование административного ресурса. Российская история изобилует примерами «нецелевого» использования государственной власти. Такие же элементы имеются и в ныне действующей Конституции. Никто не может гарантировать избрание опасного главы государства (например, нацистской направленности). Особенно это актуально в связи с увеличением срока полномочий главы государства.

4. Центральное место в структуре конституционно-правовой культуры занимает избирательное право. Понятие избирательного права можно трактовать в двух смыслах: объективном и субъективном.

Конституционно-правовая культура выдвигает в качестве обязательного условия следующее требование к избирательному праву: если число выбывших из политической жизни людей (отказавшихся участвовать в избирательном процессе) достигает какого-то заранее определенного количества, конституция должна подлежать пересмотру, с обязательным учетом мнения всех абсентеистов. Если держатели власти не согласятся на мирный пересмотр конституции, у людей должно возникать легитимное право на принудительную смену власти, пересмотр старых или установление новых политических правил.

5. Принцип добровольности участия в выборах внешне носит, бесспорно, демократический характер. Однако его провозглашение в России привело к крайне негативным последствиям, ставящим под сомнение как фактическую легитимность многих органов власти, избираемых явным меньшинством зарегистрированных избирателей, так и разумность всей избирательной системы России. Неправомерно говорить о «всенародном избрании», если за кандидата голосует лишь несколько процентов избирателей[1].

6. Возможность использования административного ресурса партией, находящейся у власти. Президентский указ, назначивший парламентские выборы на 2 декабря, дал старт избирательной кампании.

Ее фаворитом стала «Единая Россия». Это неудивительно для партии, на которую работает вся государственная машина - от Президента до последнего чиновника в самом отдаленном районе. Имеют место случаи добровольно-принудительного вовлечения чиновников в «Единую Россию». Как это происходит в действительности, можно проследить на примере управления сельского хозяйства Почепского района Брянской области, начальник которого В. поставил своих сотрудников перед выбором: либо пишут заявления о вступлении в «Единую Россию», либо - об уходе с работы[2].

7. Применение политическими партиями, кандидатами на выборную должность грязных технологий. Напрашивается необходимость запретить кандидатам на выборную должность, политическим партиям, баллотирующимся на выборах, подвергать критике своих оппонентов в ходе предвыборной агитации. Это избавит избирателей от «грязи» и отвратительного настроения. В ходе предвыборной агитации субъекты пассивного избирательного права должны отражать свои программные устремления и конкретные намерения, обещания по улучшению существующего положения в стране.

8. В процессе избирательных кампаний политические партии и кандидаты на выборную должность используют ложные обещания по улучшению существующего положения в стране, лживые программные устремления, которые ими забываются на следующий день после выборов. Поэтому представляется целесообразным вернуться к институту отзыва, применив его в отношении политической партии и выборного должностного лица, победивших на выборах, за невыполнение обещаний, даваемых в ходе предвыборной агитации.

9. Заседания Государственной Думы нередко превращается в цирковое представление. Оппозиционно настроенные депутатские фракции не играют существенной роли в Государственной Думе и не имеют возможности реально влиять на принимаемые решения. Поэтому необходимо отменить пропорциональную избирательную систему, заменив ее мажоритарной избирательной системой относительного большинства. Однако в качестве субъектов пассивного избирательного права оставить политические партии. Это позволит все места в Государственной Думе получить одной партии, которой никто не будет препятствовать в проведении ее программных преобразований.

10. В настоящее время наблюдается тенденция возникновения единой «руководящей и направляющей силы российского общества, ядра его политической системы, государственных и общественных организаций»[6] - Единой России. Поэтому необходимо закрепить положение, согласно которому одна и та же партия должна иметь право баллотироваться в депутаты нижней палаты парламента не более двух или трех сроков подряд. Это избавит общество и государство от вечной «руководящей и направляющей силы» и даст возможность другим политическим партиям попытаться реализовать свои программные положения. Особенно это актуально при увеличении срока полномочий Государственной Думы. Правда, могут возникнуть из одной - две партии: одну - Единую Россию - возглавит В.В. Путин, другую - Россию Единую -

---

[1] Сонин В.В. Хрестоматия по всеобщей истории права. Владивосток: изд-во ВГУЭС, 2005. - С.174.

[2] Мартышин О. В. Национальная политическая и правовая культура в контексте глобализации // Государство и право. - 2005. - №4. - С. 63.

Медведев. В этом случае необходимо установить ценз функционирования: разрешить партии баллотироваться в депутаты нижней палаты только после истечения двух лет после регистрации.

11. Представляется, что закрепленный Конституцией РФ механизм государства не способен вызывать заинтересованность у представителей органов государственной власти в улучшении положения в стране. Депутаты Государственной Думы (будь то представители КП РФ, Единой России, ЛДПР и т.д.), не страдают от проведенных «реформ», их вполне устраивает существующее положение. (Это относится и к представителям других ветвей власти). Их публичные заявления о неудовлетворительной работе правящей партии, о намерениях осуществить изменения - не имеют реальных намерений в этом. Страшно далеки они от народа.

12. Одним из фундаментальных принципов, характеризующих правовую и политическую культуру общества является разделение властей. Суть его в том, что поскольку существуют три основные функции государственной власти - законодательная, исполнительная и судебная, то каждая из них должна исполняться самостоятельно соответствующим органом государственной власти. Каждый государственный орган, осуществляющий одну из трех функций государственной власти, взаимодействует с другими государственными органами, при этом они ограничивают друг друга.

Конституция Российской Федерации воспроизводит данный мировой опыт с существенными недостатками. Согласно частям 3 и 4 статьи 117 Конституции Государственная Дума может выразить недоверие Правительству Российской Федерации. После выражения Государственной Думой недоверия Правительству Президент Российской Федерации вправе объявить об отставке Правительства либо не согласиться с решением Государственной Думы. В случае если Государственная Дума в течение трех месяцев повторно выразит недоверие Правительству, Президент объявляет об отставке Правительства либо распускает Государственную Думу[1].

Представляется, что указанное положение необходимо дополнить механизмом ответственности главы государства за деятельность Правительства. Смысл его заключается в следующем: если Президент Российской Федерации принимает решение о роспуске Государственной Думы по вышеуказанным основаниям, то новый состав Государственной Думы на первом своем заседании должен иметь право поставить вопрос о доверии Правительству Российской Федерации. В том случае, если Государственная Дума в таком доверии Правительству отказывает, Совет Федерации обязан принять решение о досрочном прекращении исполнения полномочий Президента и назначить выборы главы государства.

Смысл указанного дополнения состоит в следующем: если Правительство проводит политику, не отвечающую интересам большинства населения страны, то в ходе выборов депутатов Государственной Думы будут избраны кандидаты, находящиеся в оппозиции к Правительству. Конституционная ответственность в данном случае наступает и в отношении главы государства. Представляется, что данный вопрос мог бы стать предметом обсуждения на заседании Государственной Думы для внесения изменений в части 3 и 4 статьи 117, часть 2 статьи 92 и другие соответствующие статьи Конституции.

Во-вторых, назначение на должность заместителей Председателя Правительства Российской Федерации и федеральных министров из числа лиц прежнего состава Правительства (после его отставки по причине выражения ему недоверия со стороны Государственной Думы, либо отказа в доверии) должно осуществляться по предложению Председателя Правительства Президентом Российской Федерации только с согласия Государственной Думы.

В противном случае может возникнуть ситуация, при которой освобожденным от должности окажется только Председатель Правительства, а остальной его состав останется прежним. Возникает ситуация, при которой «И волки сыты, и овцы целы». Представляется целесообразным внести необходимые изменения в ст. 9 федерального конституционного закона «О Правительстве Российской Федерации».

В настоящее время существует масса проблем в процессе формирования правовой культуры. Это, в первую очередь правовая безграмотность населения, сложный процесс правотворчества, нередкое противоречие нормативно-правовых актов реальной действительности, а также не развитая идеология сильного правового государства и, как следствие, правовой нигилизм, отрицание нравственных принципов. Для разрешения этих и других проблем необходима целенаправленная политика государства в области повышения уровня правовой культуры общества через процессы правотворчества, законодательного процесса, а также средств массовой информации, художественной литературы, кино и искусство. Формирование позитивного отношения к закону, праву, знание гражданами своих прав и обязанностей перед государством и обществом является основными задачами в процессе формирования правовой культуры.

О проблемах практической деятельности Общественной палаты Российской Федерации и пути их решения

М.А.Ахмедов
Г.Р.Джантемирова

Концепция создания Общественной палаты построена на закрепленном в ч. 1 ст. 32 Конституции РФ праве граждан России участвовать в управлении делами государства как непосредственно, так и через своих представителей. В ч. 1 ст. 1 Закона об Общественной палате законодателем была предпринята попытка установить правовой статус Общественной палаты. Правительство РФ в заключении от 30 ноября 2004 г. N

[1] См.: Васильева Т.А. Права человека. - М.: Норма: Инфра-М, 2001. - С.422.

5530п-П15 «На проект Федерального закона «Об Общественной палате Российской Федерации»[1] указывало на необходимость дополнительной проработки вопроса о правовом статусе Общественной палаты, которая является формой взаимодействия граждан и органов государственной власти, имея при этом аппарат в форме государственного учреждения. Однако положения законопроекта в этой части так и не уточнены.

Для того чтобы Палата оправдала ожидания, принципиальное значение имеет правильный подбор состава данного органа. К сожалению, в этом отношении в Законе об Общественной палате обнаруживаются противоречия и неясности. Так, согласно ч. 1 ст.30 Закона об Общественной палате Президент РФ по результатам проведения консультаций с общественными объединениями, объединениями некоммерческих организаций, российскими академиями наук и творческими союзами определяет кандидатуры 42 граждан России, имеющих особые заслуги перед государством и обществом, и предлагает этим гражданам войти в состав Общественной палаты. Из буквального прочтения ст. 8 и 30 Закона об Общественной палате следует, что Президент РФ обязан проконсультироваться со всеми общественными объединениями, всеми объединениями некоммерческих организаций, всеми российскими академиями наук и всеми творческими союзами. В России сейчас зарегистрировано более сотни тысяч общественных объединений и все они, согласно ч. 4 ст. 13 Конституции РФ, равны перед законом. Формально получается, что если Президент РФ не проконсультировался к моменту объявления им списка из 42 особо заслуженных граждан, хотя бы с одним общественным объединением, оно в дальнейшем будет вправе обратиться в суд с заявлением о незаконном бездействии главы государства, повлекшем нарушение права этой организации изложить Президенту РФ свое мнение по вопросу формирования Общественной палаты.

Задумываясь над тем, для чего понадобилась Палата, призванная заниматься принятием никого ни к чему не обязывающих заключений, да еще с заслуженными людьми, нельзя исключать и возможности последующего ее переоформления в Конституционное собрание в целях пересмотра Конституции РФ в нужном власти направлении.

По мнению А.А. Кара-Мурзы, «Общественная палата - это вообще нонсенс. В нормальных странах эту функцию выполняет парламент. Парламент - это и есть общественная палата. Все общественные интересы представлены в парламенте. Есть процедуры, есть Конституция, там все это прописано»[2].

Важной представляется и проблема срока полномочий Общественной палаты. В соответствии с п. 13 ст. 8 Закона об Общественной палате срок полномочий ее членов истекает через два года со дня первого пленарного заседания Общественной палаты. Поскольку Палате предписано проводить пленарные заседания не реже двух раз в год, можно предположить, что в своем первом составе Общественная палата соберется всего четыре раза. При этом часть этих заседаний будет потрачена на обсуждение и принятие внутреннего регламента. С учетом изложенного перспективы вновь создаваемой Общественной палаты видятся туманными, если названные проблемы не будут решены.

Другая проблема состоит в следующем. Если закон уже принят, а, скажем, мнение членов Общественной палаты едино в том, что он не может быть подписан Президентом РФ, то ему придется накладывать вето. Это вызывает к жизни другие достаточно сложные процессы в ходе законодательного принятия законов. Поэтому, по словам самого Президента РФ, крайне желательно, чтобы мнение Общественной палаты учитывалось Государственной Думой в ходе обсуждения закона. И поэтому Общественная палата, на взгляд В.В. Путина, должна принимать участие в рассмотрении тех или иных законов на самых ранних стадиях обсуждения законопроекта. Конечно, не исключен и тот вариант, который был предложен, т.е. принятие закона, рассмотрение и принятие Президентом тех или иных решений[3]. Но, в настоящее время, увы, отношение россиян к депутатам не самое уважительное и вызвано оно, прежде всего, неуважением самой власти к народу, которое естественным образом вызывает ответное чувство народа к власти. Получается следующая ситуация: вместо того чтобы прилагать все усилия для того, чтобы российский парламент стал действительно «народным рупором», параллельно с ним властью создается искусственная структура общественного контроля за самой собой с туманным прошлым и весьма неопределенным будущим.

Нельзя не отметить и сходство целей деятельности и функций Общественной палаты с аналогичными, установленными Федеральным конституционным законом от 26 февраля 1997 г. N 1-ФКЗ «Об Уполномоченном по правам человека в Российской Федерации»[4] (далее - Закон об Уполномоченном), согласно ч. 1 ст. 1 которого должность Уполномоченного по правам человека в РФ учреждается в соответствии с Конституцией России в целях обеспечения гарантий государственной защиты прав и свобод граждан, их соблюдения и уважения государственными органами, органами местного самоуправления и должностными лицами. При наличии информации о массовых или грубых нарушениях прав и свобод граждан либо в случаях, имеющих особое общественное значение или связанных с необходимостью защиты

---

[1] Заключение Правительства РФ от 30 ноября 2004 года № 5530п-П15 «На проект Федерального закона «Об Общественной палате Российской Федерации» // СПС Консультант Плюс /www.consultant.ru/ (дата обращения: 22.11.2019 г.).

[2] РИЦ. Сибирь. Новости. - 2006. - 26 мая // www.babr.ru

[3] Выступление В.В.Путина на первом пленарном заседании Общественной палаты РФ 22 января 2006 г. в Кремле // www.oprf.ru.

[4] Федеральный конституционный закон от 26.02.1997 N 1-ФКЗ (ред. от 31.01.2016) «Об Уполномоченном по правам человека в Российской Федерации» // СПС Консультант Плюс /www.consultant.ru/ (дата обращения: 22.11.2019 г.).

интересов лиц, не способных самостоятельно использовать правовые средства защиты, Уполномоченный вправе принять по собственной инициативе соответствующие меры в пределах своей компетенции.

Согласно ч. 1 ст. 23 Закона об Уполномоченном при проведении проверки по жалобе Уполномоченный вправе:

– беспрепятственно посещать все органы государственной власти, органы местного самоуправления, присутствовать на заседаниях их коллегиальных органов, а также беспрепятственно посещать предприятия, учреждения и организации независимо от организационно-правовых форм и форм собственности, воинские части, общественные объединения;

– запрашивать и получать от государственных органов, органов местного самоуправления и у должностных лиц и государственных служащих сведения, документы и материалы, необходимые для рассмотрения жалобы;

– получать объяснения должностных лиц и государственных служащих, исключая судей, по вопросам, подлежащим выяснению в ходе рассмотрения жалобы.

В соответствии со ст. 29 Закона об Уполномоченном по результатам рассмотрения жалобы Уполномоченный вправе:

– обратиться в суд с заявлением в защиту прав и свобод, нарушенных решениями или действиями (бездействием) государственного органа, органа местного самоуправления или должностного лица, а также лично либо через своего представителя участвовать в процессе в установленных законом формах;

– обратиться в компетентные государственные органы с ходатайством о возбуждении дисциплинарного или административного производства либо уголовного дела в отношении должностного лица, в решениях или действиях (бездействии) которого усматриваются нарушения прав и свобод человека и гражданина;

– обратиться в суд или прокуратуру с ходатайством о проверке вступившего в законную силу решения, приговора суда, определения или постановления суда либо постановления судьи;

– изложить свои доводы должностному лицу, которое вправе вносить протесты, а также присутствовать при судебном рассмотрении дела в порядке надзора и др.[1]. С учетом того, что одной из основных задач Общественной палаты является проведение общественной экспертизы проектов федеральных законов и проектов законов субъектов РФ, а также проектов нормативных правовых актов органов исполнительной власти РФ и проектов правовых актов органов местного самоуправления (п.3 ст. 2 Закона), а основанием для проведения общественной экспертизы указанных правовых актов являются: либо решение совета Общественной палаты, либо обращение Президента РФ, Совета Федерации, Государственной Думы, Правительства РФ, то и решения Общественной палаты, принимаемые в форме заключений, предложений и обращений, носят рекомендательный характер.

Исходя из этого, заключения Общественной палаты по результатам экспертизы направляются:

– при проведении общественной экспертизы по запросу Президента РФ, Совета Федерации, Государственной Думы или Правительства РФ - соответственно Президенту РФ, палате Федерального Собрания РФ или Правительству РФ, а также органу, проект правового акта которого явился объектом общественной экспертизы;

– при проведении общественной экспертизы по решению совета Общественной палаты - органу, проект правового акта которого явился объектом общественной экспертизы.

Представляется, что при проведении общественной экспертизы проекта закона Российской Федерации о поправках к Конституции РФ, проекта федерального конституционного закона или федерального закона заключение Общественной палаты подлежит направлению палате Федерального Собрания РФ или Президенту РФ в зависимости от того, на какой стадии законодательного процесса находится проект - на стадии рассмотрения в Государственной Думе или в Совете Федерации либо направлен Президенту РФ для обнародования и опубликования.

Частями 2 - 6 статьи 17 Закона Об общественной палате установлена обязательность рассмотрения заключений Общественной палаты органами государственной власти и органами местного самоуправления. В связи с чем, на данный момент требуется внесение изменений в законодательство, регулирующее статус и порядок деятельности органов государственной власти, поскольку предусматриваются дополнительные обязанности этих органов по рассмотрению заключений Общественной палаты об итогах экспертизы проектов федеральных законов. Пока соответствующие изменения не внесены, остается руководствоваться положениями только Закона «Об общественной палате». Необходимо отметить и то, что решения Общественной палаты, принимаемые в иных формах, нежели заключения, предложения и обращения, носят не рекомендательный характер, а обязательный характер. В частности, Регламент Общественной палаты, Кодекс этики членов Общественной палаты (ст. ст. 4 и 5 Закона). Такие акты обладают признаками нормативного правового акта. Признанию актов Общественной палаты, имеющих обязательный характер, нормативными правовыми актами препятствует то, что Общественная палата не является ни органом государственной власти, ни органом местного самоуправления, ни должностным лицом. Тем не менее, акты

[1] Грудцына Л.Ю. Общественная палата - спектакль национального масштаба // Адвокат. -- 2006. - №5. - С.79-87.

Общественной палаты, имеющие обязательный характер, можно назвать уникальными нормативными правовыми актами[1].

Все сказанное подчеркивает дискуссионный вопрос о необходимости формирования на государственном уровне институтов со схожими функциями и полномочиями, которые из-за недостаточной законодательной урегулированности не смогут в полной мере реализовать свои цели и задачи.

Таким образом, достаточно новый институт российского общества на практике порождает множество проблем. Для их решения необходим тщательный анализ всей нормативной базы, устранение противоречий с Законом «Об общественной палате» и приведение тем самым их в соответствие. Кроме того, для эффективной работы Общественной палаты законодателю целесообразно принять меры по четкому разграничению полномочий и функций со схожими институтами государственной власти.

Понятие, цели и задачи Общественной палаты Российской Федерации

З.Т.Атиев
М.А.Ахмедов

Государство и гражданское общество тесно взаимосвязаны и взаимодействуют, поэтому их нельзя рассматривать как отдельные и противостоящие друг другу категории. Данная взаимосвязь особенно четко проявляется в системе политической жизни общества, поскольку вовлечение структур гражданского общества в процесс разработки политических решений положительно влияет как на качество принимаемых решений, так и на их практическую реализацию.

Гражданское общество – это неотъемлемый спутник государства. Как отметил В.А. Тишков, «…власть и общество – это две неразделимые субстанции»[2].

Совершенствование системы управления и развитие общественно-политической системы требуют активного участия структур гражданского общества, которые заинтересованы в повышении эффективности функционирования общественно-политической системы в целом.

Стоит отметить, что юридического определения Общественной палаты не существует. Однако можно сказать, что Общественная палата – это, во-первых, институт, во-вторых, институт общественный, а не политический, поскольку не участвует в распределении власти и в борьбе за ее осуществление. Можно также отметить, что она является гуманитарно-научным институтом, т.к. создана для согласования интересов общества и государственной власти. Такого же мнения придерживаются Е.А. Злобина и А.А. Батяев, считающие, что Общественная палата РФ является институтом гражданского общества[3].

Это представительное учреждение[4], которое призвано стать одним из средств коммуникации между обществом и властью[5]. Между тем «Общественная палата является совещательным органом и органом общественного контроля, в рамках которого организуется взаимодействие между федеральными и региональными органами государственной власти, органами местного самоуправления, с одной стороны, и гражданами Российской Федерации и их объединениями – с другой, в сфере выработки решений по широкому кругу общественно значимых вопросов с учетом общественного мнения и создания механизма обратной связи между обществом и органами государственной власти и местного самоуправления»[6]. Так, «Общественная палата работает в качестве экспертного органа, силами активных представителей гражданского общества занимается экспертизой законопроектов, анализирует ход выполнения государственных программ, сообщает на уровень федеральных органов власти об имеющихся социально значимых проблемах и вырабатывает предложения по их решению»[7].

Как отмечают некоторые авторы, Общественная палата РФ – это независимый, профессиональный субъект правоотношений, поощряющий гражданскую инициативу, стоящий на защите прав граждан и

---

[1] Мехтиев А. Общественной палате будет непросто поставить под контроль бюрократию / Газета «Страна.Ру». – 2005. - 04 октября.

[2] Единство и многообразие России: Материалы Комиссии Общественной палаты Российской Федерации по вопросам толерантности и свободы совести. / Под ред. В.А. Тишкова. М.: ООО ТД «Издательство», 2007.- С.169.

[3] Злобина Е.А., Батяев А.А. Комментарий к Федеральному закону от 4 апреля 2005 года № 32-ФЗ «Об Общественной палате Российской Федерации» // СПС Консультант Плюс /www.consultant.ru/ (дата обращения: 30.04.2019 г.).

[4] Астафичев П.А. Общественная палата России в механизме общественно-политического представительства: проблемы правового регулирования // Государство и право. - 2007. - № 1. – С.5.

[5] Гриб В.В. Историческая роль и значение общественных формирований в России в развитии гражданского общества / В.В.Гриб // История государства и права. - 2010. - №10. - С.35.

[6] Научно-практический Комментарий Федерального закона от 4 апреля 2005 г. № 32-ФЗ «Об Общественной палате Российской Федерации» и регламента общественной палаты Российской Федерации / [Гриб В. В.] ; под общ. ред. В. В. Гриба ; Российская акад. юридических наук. – М.: Юрист, 2008.

[7] Ежегодный Доклад Общественной палаты Российской Федерации «О состоянии гражданского общества в Российской Федерации за 2011 год» // http://www.oprf.ru/files/dok2012/dokladOPRF2011.pdf

общественных объединений. Она является неотъемлемым институтом современного гражданского общества[1].

В законе «Об Общественной палате Российской Федерации», в ч. 1 ст. 1, законодателем была сделана попытка установить правовой статус Общественной палаты РФ. Правительство РФ в своем Заключении «На проект Федерального закона «Об Общественной палате Российской Федерации»» указывало на необходимость дополнительной проработки вопроса о правовом статусе Общественной палаты, которая является формой взаимодействия граждан и органов государственной власти, но при этом имеет аппарат в форме государственного учреждения[2]. Однако положения законопроекта в этой части так и не были уточнены.

Между тем Общественная палата РФ не входит в систему органов государственной власти, поскольку согласно ст. 11 Конституции РФ государственную власть в Российской Федерации осуществляют Президент РФ, Федеральное Собрание (Совет Федерации РФ и Государственная Дума РФ), Правительство РФ и суды России. В Докладе Общественной палаты РФ за 2007 г. делается акцент на то, что Палата не является органом власти[3].

Как отмечает Р.М. Курмаев, «Общественная палата Российской Федерации создана для обеспечения взаимодействия граждан и общественных объединений не только с федеральными органами государственной власти, но и с органами государственной власти субъектов Российской Федерации, а также с органами местного самоуправления, есть основания говорить о том, что правовую основу деятельности Общественной палаты Российской Федерации составляют законы и иные нормативно-правовые акты субъектов Российской Федерации, нормативные правовые акты органов местного самоуправления… Можно сделать вывод о том, что Общественная палата является общественной организацией, хотя и имеющей особый статус, позволяющий обществу через данный институт осуществлять контроль за высшими органами государственной власти, принимать участие в их работе, выходить к ним с собственными инициативами. Уникальность данного института заключается в том, что при отсутствии развитого гражданского общества он позволяет наиболее активной его части реализовать свои потребности в оказании влияния на государственную власть.

В.Н. Руденко считает, что Общественная палата РФ является не сугубо общественным, а государственно-общественным органом, что аппарат Палаты, созданный в форме государственного учреждения, практически является составным элементом единого государственного аппарата[4]. По мнению В.Е. Чиркина, государственные учреждения в зависимости от выполняемых ими задач могут входить или нет в состав государственного аппарата. Аппарат Общественной палаты, считает он, является элементом государственного аппарата, т.к. ведет подготовительную работу для принятия органами государства публично-властных решений, т.е. государство, будучи заказчиком и получателем рекомендаций Палаты, осуществляет финансовое и организационное обеспечение ее деятельности. В связи с этим закономерно возникает сомнение в объективности и беспристрастности заключений Палаты[5].

Согласно позиции А.А. Богородского, «…особый статус общественных палат состоит в том, что, с одной стороны, не являются общественными организациями как таковыми, с другой – они включены в систему публичной власти, созданы на основании публично-властных предписаний, хотя их решения и носят в основном рекомендательный характер. В теоретических дискуссиях по данному вопросу общественные палаты предлагается рассматривать в качестве особых общественно-государственных институтов публичного права, создаваемых на основе конкретных правовых актов и, в частности, законов. В федеральном законе вопрос о правовом статусе Общественной палаты в системе публичной власти Российской Федерации обойден стороной. Региональное законодательство называет общественные палаты «совещательным органом», «коллегиальным совещательным (консультативным) и организационным органом», «общественным совещательным органом». Как бы то ни было, за счет большого научного и организационно-технического потенциала общественные палаты способны качественнее проводить общественную экспертизу, нежели отдельные общественные объединения. Кроме того, они способны выполнять функцию переговорной площадки для осуществления гражданского диалога, что в итоге будет способствовать поиску и нахождению компромиссных решений в законодательном процессе»[6].

---

[1] Давыдов Л.В., Слобцов И.А., Степашина М.С. Комментарий к Федеральному закону от 4 апреля 2005 года № 32-ФЗ «Об Общественной палате Российской Федерации» // СПС Консультант Плюс /www.consultant.ru/ (дата обращения: 30.04.2019 г.).

[2] Заключение Правительства РФ от 30 ноября 2004 года № 5530п-П15 «На проект Федерального закона «Об Общественной палате Российской Федерации» // СПС Консультант Плюс /www.consultant.ru/ (дата обращения: 30.04.2019 г.).

[3] Ежегодный Доклад Общественной палаты Российской Федерации «О состоянии гражданского общества в Российской Федерации за 2007 год» // http://www.oprf.ru/files/final.pdf

[4] См.: Руденко В.Н. Консультативные общественные советы: особенности организации и деятельности // Политэкс. - 2006. - № 3. – С.143-155.

[5] Чиркин В.Е. Публичное управление. - М.: Юрист, 2004. - С.100-108.

[6] Богородицкий А.А. Общественная экспертиза в законодательном процессе // Юридический вестник. Межвузовский сборник научных трудов. - Пенза: Изд-во Пенз. гос. пед. ун-та, 2006, Вып. 21. – С.90. С. 87-96.

Общественная палата РФ призвана «расширить общественный контроль за деятельностью органов публичной власти, что само по себе весьма позитивное явление». Так, Ю.Г. Евстафьева отмечает, что «Общественная палата как структура, представляющая мнение общества по тем или иным вопросам проводимой политики, осуществляющая общественный контроль за деятельностью органов власти, располагает механизмом сдерживания роста как негативных проявлений во власти, так и в обществе… Полномочия Общественной палаты дают основания определить данный орган как переговорный, способный достичь консенсуса на любом уровне (как на федеральном, региональном, местном уровнях, так и в общественном масштабе)»[1]. Данным автором предлагается рассматривать Общественную палату как один из механизмов юридического консенсуса в двух значениях: в узком – юридический механизм принятия решений; в широком – цель гражданского согласия.

По мнению П.А. Астафичева, «…целями Общественной палаты РФ являются публичное обсуждение наиболее важных, ключевых аспектов государственной политики России и разработка рекомендаций уполномоченным органам власти на основе неимперативного представительства значимых социальных групп»[2]. Разделяем позицию Е.А. Злобиной и А.А. Батяева о том, что основная цель работы Общественной палаты РФ – это все же «установление баланса (учет) между интересами власти и народа»[3].

Таким образом, из вышесказанного можно сделать вывод, что юридического определения Общественной палаты РФ не существует, но мы придерживаемся мнения, что Общественная палата РФ – это все же общественный орган. Тем более в Докладе Общественной палаты РФ за 2011 г. отмечается, что Общественная палата РФ – это институт функциональный, неполитического представительства[4] .

На наш взгляд, правильнее всего считать общественную палату консультативно-совещательным органом, который вправе принимать решения в форме заключений, предложений и обращений. При осуществлении своей деятельности общественная палата должна обладать правом запрашивать от органов государственной власти и органов местного самоуправления информацию по предметам своей компетенции, проводить общественную экспертизу проектов законов и иных нормативных правовых актов субъекта федерации, проектов муниципальных правовых актов; давать заключения о нарушениях законодательства органами государственной власти и органами местного самоуправления и направлять указанные заключения в компетентные государственные органы, органы местного самоуправления или должностным лицам; выступать с инициативами по различным вопросам общественной жизни, что не подразумевает безусловного исполнения всеми субъектами решений общественной палаты. Кроме того, в случае если общественная палата будет обладать властно-распорядительными полномочиями, велика вероятность конфликта компетенции между ней и органами государственной власти субъекта федерации.

Литература

1. Астафичев, П.А. Общественная палата России в механизме общественно-политического представительства: проблемы правового регулирования // Государство и право. - 2007. - № 1.
2. Богородицкий, А.А. Общественная экспертиза в законодательном процессе // Юридический вестник. Межвузовский сборник научных трудов. - Пенза: Изд-во Пенз. гос. пед. ун-та, 2006, Вып. 21. – С.90. С. 87-96.
3. Гриб В.В. Историческая роль и значение общественных формирований в России в развитии гражданского общества / В.В.Гриб // История государства и права. - 2010. - №10. - С.35.
4. Давыдов Л.В., Слобцов И.А., Степашина М.С. Комментарий к Федеральному закону от 4 апреля 2005 года № 32-ФЗ «Об Общественной палате Российской Федерации» // СПС Консультант Плюс /www.consultant.ru/ (дата обращения: 30.04.2019 г.).
5. Евстафьева, Ю.Г. Роль общественной палаты в достижении юридического консенсуса // Вестник Владимирского юридического института. - Владимир: Изд-во ВЮИ ФСИН России, 2008, № 2 (7). – С.145.
6. Злобина, Е.А., Батяев, А.А. Комментарий к Федеральному закону от 4 апреля 2005 года № 32-ФЗ «Об Общественной палате Российской Федерации» // СПС Консультант Плюс /www.consultant.ru/ (дата обращения: 30.04.2019 г.).
7. Единство и многообразие России: Материалы Комиссии Общественной палаты Российской Федерации по вопросам толерантности и свободы совести. / Под ред. В.А. Тишкова. М.: ООО ТД «Издательство», 2007.- С.169.
8. Ежегодный Доклад Общественной палаты Российской Федерации «О состоянии гражданского общества в Российской Федерации за 2007 год» // http://www.oprf.ru/files/final.pdf

---

[1] Евстафьева Ю.Г. Роль общественной палаты в достижении юридического консенсуса // Вестник Владимирского юридического института. - Владимир: Изд-во ВЮИ ФСИН России, 2008, № 2 (7). – С.145.

[2] Астафичев П.А. Общественная палата России в механизме общественно-политического представительства: проблемы правового регулирования // Государство и право. - М.: Наука, 2007, № 1. - С. 7.

[3] Злобина, Е.А., Батяев А.А. Комментарий к Федеральному закону от 4 апреля 2005 года № 32-ФЗ «Об Общественной палате Российской Федерации» // СПС Консультант Плюс /www.consultant.ru/ (дата обращения: 30.04.2019 г.).

[4] Ежегодный Доклад Общественной палаты Российской Федерации «О состоянии гражданского общества в Российской Федерации за 2011 год» // http://www.oprf.ru/files/dok2012/dokladOPRF2011.pdf

9. Ежегодный Доклад Общественной палаты Российской Федерации «О состоянии гражданского общества в Российской Федерации за 2011 год» // http://www.oprf.ru/files/dok2012/dokladOPRF2011.pdf
10. Заключение Правительства РФ от 30 ноября 2004 года № 5530п-П15 «На проект Федерального закона «Об Общественной палате Российской Федерации» // СПС Консультант Плюс /www.consultant.ru/ (дата обращения: 22.11.2019 г.).
11. Злобина, Е.А., Батяев, А.А. Комментарий к Федеральному закону от 4 апреля 2005 года № 32-ФЗ «Об Общественной палате Российской Федерации» // СПС Консультант Плюс /www.consultant.ru/ (дата обращения: 22.11.2019 г.).
12. Научно-практический Комментарий Федерального закона от 4 апреля 2005 г. № 32-ФЗ «Об Общественной палате Российской Федерации» и регламента общественной палаты Российской Федерации / [Гриб В. В.] ; под общ. ред. В. В. Гриба ; Российская акад. юридических наук. – М.: Юрист, 2008.
13. Руденко, В.Н. Консультативные общественные советы: особенности организации и деятельности // Политэкс. - 2006. - № 3. – С.143-155.
14. Чиркин, В.Е. Публичное управление. - М.: Юрист, 2004. - С.100-108.

К вопросу о современном состоянии Российских религиозных институтов

З.Т.Атиев
М.А.Ахмедов

В современной России религиозные институты, прежде всего, традиционных конфессий, заявляют о себе как о полноправном субъекте общественных отношений. Постепенно наращивая авторитет и укрепляя позиции в социуме, они возлагают на себя все больше функций, носящих не только идеологический и мировоззренческий, но и широкий социальный характер, что позволяет им стать полноценным институтом гражданского общества.

Это закономерно, так как религиозные организации, несмотря на их специфическую природу, являются общественными организациями и имеют организационно-правовой статус, который определен Федеральным законом «Об общественных объединениях» от 19 мая 1995 г. No 82-ФЗ и Федеральным законом «О некоммерческих организациях» от 12 января 1996 г. No 7-ФЗ г[1].

Однако возрастание роли религиозных институтов, преимущественно, Русской Православной Церкви (далее – РПЦ) в сфере общественно-политических отношений вызывает в обществе серьезную дискуссию. С одной стороны, идет процесс формирования и дальнейшего развития нормативно-правового обеспечения функционирования религиозных институтов РФ. С другой стороны, отчетливо прослеживается влияние самих религиозных институтов на такую масштабную и социально значимую функцию государственной власти, как законотворчество. Это заметно в таких стратегически важных сферах общественной жизни, как образование, молодежная политика, сфера поддержки семьи, материнства и детства и др.

Здесь создается определенная общественно-политическая коллизия, на которую живо реагируют сами священнослужители, работники органов власти и управления, политики, общественные активисты, СМИ и др. В общественно-политическом дискурсе обсуждается проблема необходимости и достаточности, значимости и уместности участия религиозных институтов в общественной и политической жизни.

Принятая 12 декабря 1993 г. Конституции РФ стала источником создания и становления нормативно-правовой базы нового российского государства. Масштабные трансформационные процессы, затронувшие духовную сферу жизни общества, не могли не найти отражения в Основном законе страны. Подтверждая приверженность общепризнанным принципам и нормам международного права, Конституция РФ установила такие фундаментальные для современного цивилизованного общества гарантии как свобода совести и вероисповедания, равенство прав человека и гражданина независимо от каких-либо социальных или идеологических характеристик, в том числе, от его отношения к религии.

Конституция РФ признала идеологическое многообразие в Российской

Федерации, т.е. то, что никакая идеология не может устанавливаться в качестве обязательной государственной.

Таким образом, можно прийти к выводу, что провозглашенные в Конституции РФ права, свободы и гарантии имеют важное стратегическое значение именно для Российского государства и российского общества.

Основополагающим принципом, также закрепленным в Конституции РФ, является принцип светскости. Он означает, что никакая религия не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной, а также иметь какие-нибудь преимущества над другими. Однако в преамбуле Федерального закона «О свободе совести и религиозных объединениях»от 26.09.1997 года No125-ФЗ признается «особая роль православия в истории России, в становлении и развитии ее духовности и культуры»[2].

Из этого следует, вывод, что в законодательстве полиэтничного и поликонфессионального государства, каковым является Россия, регулирующем функционирование религиозных институтов,

[1] Федеральный закон от 12.01.1996 N 7-ФЗ (ред. от 29.07.2018) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2019) «О некоммерческих организациях» // СПС Консультант Плюс /www.consultant.ru/ (дата обращения: 25.04.2019г.).

[2] Федеральный закон от 26.09.1997 N 125-ФЗ (ред. от 01.05.2019) «О свободе совести и о религиозных объединениях» // СПС Консультант Плюс /www.consultant.ru/ (дата обращения: 25.04.2019г.).

нецелесообразно (а, вероятно, и политически непредусмотрительно) акцентировать приоритет одной из религий.

Актуальные проблемы использования труда иностранных работников в РФ и пути их преодоления

М.А.Вайман,
Р.Н.Пирова

Международная миграция будет иметь экономические последствия как для принимающей, так и для посылающей страны. В США и Австралии в основном считают, что выигрывает, в конечном счете, принимающая страна, хотя в других странах иной взгляд на эту ситуацию. Результаты будут различаться в зависимости от типа труда, который мигрирует, и от состояния рынка труда в посылающей и принимающей странах.

Как и любое социальное явление, миграция имеет свои плюсы и минусы. Эмиграция уменьшает давление на рынок труда страны-экспортера, сокращая безработицу. Трудовые мигранты, заботясь о благополучии своих семей, как правило, пересылают значительную часть заработанных денег на родину, обеспечивая поступление сюда валюты. Странам-импортерам миграция дает возможность использовать образовательный потенциал квалифицированных иностранных работников без затрат на подготовку.

Иммиграция обеспечивает также некоторое омоложение населения, поскольку средний возраст мигрантов чаще всего меньше, чем коренного населения. К тому же у иммигрантов обычно больше детей. Правда, однозначно судить о влиянии миграции на демографические процессы нельзя. [1. – С. 95-96]

Миграция обычно сопровождается усилением безработицы в странах-импортерах рабочей силы, осложнением жилищных проблем, понижением уровня оплаты труда (иммигранты готовы работать за низкую зарплату). Правда, надо иметь в виду, что удельный вес иммигрантов в общей численности занятых невелик.

Существует ряд причин, побуждающих обращаться к экспорту рабочей силы не только развивающиеся страны, но и такие государства, как Италия, Португалия, Греция и Канада, которые к концу века вошли в группу крупных экспортеров трудовых ресурсов. Так, при переводе части заработной платы на родину трудящиеся иммигранты сдают в банк заработанную свободно конвертируемую валюту, а дома их семьи по действующим национальным законам получают переводы в отечественной валюте, как правило, обладающей пониженной покупательной способностью по сравнению с валютой перевода или вовсе неконвертируемой, как в случае с Россией. В подавляющем большинстве стран правительства проводят политику максимального поощрения как ввоза мигрантами средств производств, снижая или убирая вообще таможенные пошлины и другие платежи, так и их дальнейшего использования в предпринимательских целях путем предоставления льгот и кредитов. Одним из новых явлений в этой области стало появление кооперирование мигрантов, объединение их в кооперативы с целью приобретения необходимой дорогой техники складчину с целью ее дальнейшего совместного коммерческого использования. При этом банки, получающие прямую выгоду от экспорта рабочей силы, оказывают в подобных случаях финансовую поддержку желающим приобрести средства производства для малого и среднего бизнеса. Поскольку цены на машины и оборудование во всем мире растут довольно быстро, они практически во всех странах предоставляют эмигрантам кредиты на весьма выгодных условиях, обеспечивая в некоторых случаях даже сбыт продукции, изготовленной на этом оборудовании. [1. – С. 71]

Главный недостаток существующей миграционной политики в том, что она абстрагируется от проблем экономического развития страны. Между тем рыночная экономика предъявляет очень жесткие требования к миграции, поскольку высокая мобильность рабочей силы является неотъемлемым условием ее успешного развития. Поэтому повышение мобильности населения должно находиться в центре внимания миграционной политики. Непременным условием высокой мобильности населения является свобода передвижения. Проблема не так проста, как кажется. Реализация этой конституционной нормы предполагает комплекс взаимосвязанных мероприятий, требующих для полного осуществления больших затрат и продолжительного времени. Отмена ограничений на уведомительную регистрацию по месту жительства, которые существуют во многих субъектах Российской Федерации, является первоочередной мерой, но не исчерпывает задачи.

Нынешняя экономическая ситуация в СНГ предполагает создание единого рынка рабочей силы. Следует, однако, иметь в виду два обстоятельства. Первое: в Европейском Союзе единый рынок рабочей силы складывается дольше, чем все остальные общие рынки (товаров, капиталов, услуг), и процесс его образования до сих пор не завершен. Второе: либерализация условий передвижения рабочей силы вызывает приток трудовых ресурсов в Россию из стран СНГ.

География стран – экспортеров рабочей силы в Россию одновременно и широка, и узка. Широка – поскольку включает более 100 стран со всех континентов. Последнее говорит о заинтересованности других государств в рынке труда и капитала в России, в расширении здесь своего влияния. Узка – поскольку о реальной, количественно значимой трудовой иммиграции можно говорить только в отношении очень небольшого количества стран. Это Украина (42% от общей численности привлеченной в Россию иностранной рабочей силы), Турция и Китай (около 25%). Среди наиболее значимых для России стран – экспортеров рабочей силы нет ни одной экономически высокоразвитой. [2. – С. 6]

В настоящее время трудящиеся-мигранты работают в 73 из 89 субъектов Российской Федерации. Однако действительными центрами (территориями) притяжения являются только пять. Это трудодефицитные регионы севера Западной Сибири (Ханты-Мансийский и Ямало-Ненецкий автономные

округа), приграничные районы юга Дальнего Востока (Приморский край), Европейской части России (Белгородская, Ростовская области), а также столичные регионы (Москва, Санкт-Петербург). В остальных регионах количество иностранных работников невелико. В 11 из них оно составляет от 10 до 100 человек, т.е. практически трудовая иммиграция здесь неощутима. В России, с ее огромной территорией, отличающейся разной степенью хозяйственной освоенности, в действительности много «белых пятен» трудовой иммиграции. О формировании иностранного сегмента рынка труда России можно говорить только в отношении отдельных территорий, где концентрируется иностранная рабочая сила. Поэтому для России трудовая иммиграция – это, прежде всего, проблема регионального уровня. Что касается территориальной направленности потоков, то к настоящему времени сформировалась их определенная географическая ориентация. Так, из Украины едут преимущественно в Западную Сибирь, из Китая – в приграничные области Дальнего Востока, из европейских стран, США, Канады – в Москву и Санкт-Петербург. [3. – С. 17]

Отраслевая направленность трудовой иммиграции также очень однозначна. Реальные потоки иностранной рабочей силы идут в ведущие отрасли материального производства. Непосредственно в принимающих регионах отраслевая структура занятости иностранцев предопределяется хозяйственной структурой этих регионов. Обычно иностранные работники заняты на трудоемких предприятиях с тяжелыми условиями труда. Сюда привлекаются «синие воротнички» для выполнения работ, на которые не идет местное население или которые расположены в трудодефицитных, сложных по природно-климатическим условиям регионах, где нет достаточного количества местных кадров.

В целом по России на долю промышленности, строительства и сельского хозяйства приходится 84% привлеченной иностранной рабочей силы. Потребность в кадрах здесь устойчива даже в условиях безработицы, и именно здесь наибольшие перспективы для массовой иммиграции в Россию.[4. – С. 7]

Таким образом, наблюдается смягченное мигрантское давление – общее и трудовое на рынок рабочей силы в России, поскольку темпы роста мигрантского давления ниже темпов роста безработицы. Это смягчение еще больше в наиболее неблагополучных регионах. По-видимому, миграция имеет тенденцию к «самораспылению», т.е. потоки переориентируются с неблагополучных регионов на более благополучные. Особенно важно отметить, что мигрантское давление не оказывает прямого влияния на напряженность на рынке труда Российской Федерации.

Список литературы:

1. Башкатов Б.И., Карпухина Г.Ю. Международная статистика труда. – М., 2017.
2. Метелев С.Е. Международная трудовая миграция и развитие российской экономики. – М., 2016. – С. 6.
3. Наумова Р.Л. Труд иностранцев у российского работодателя: монография. – М.: Дашков и Ко. – 2018.
4. Нурмагамбетов А.М. Рынок труда: правовые проблемы и перспективы. – Алматы, 2018.

Порядок увольнения работников по инициативе работодателя

Ф.З.Габовахова,
Р.Н.Пирова

Прекращение трудового договора оформляется приказом. При прекращении трудового договора по инициативе работодателя должны быть соблюдены нижеследующие положения Трудового Кодекса.

Согласно ст.62 ТК: при прекращении трудового договора работодатель обязан выдать работнику в день увольнения (последний день работы) трудовую книжку и по письменному заявлению работника копии документов, связанных с работой. В случае если в день увольнения работника выдать трудовую книжку невозможно в связи с отсутствием работника либо его отказом от получения трудовой книжки на руки, работодатель направляет работнику уведомление о необходимости явиться за трудовой книжкой либо дать согласие на отправление ее по почте. Со дня направления уведомления работодатель освобождается от ответственности за задержку выдачи трудовой книжки. [1]

Согласно ст.66 ТК: в трудовую книжку вносят сведения об увольнении работника, основания прекращения трудового договора. Записи в трудовую книжку о причинах прекращения трудового договора должны производиться в точном соответствии с формулировками ТК или иного федерального закона и со ссылкой на соответствующие статью, пункт.

Согласно ст.77 ТК: днем увольнения работника является последний день его работы.

Согласно ст. 82. ТК: при принятии решения о сокращении численности или штата работников организации и возможном расторжении трудовых договоров с работниками работодатель обязан в письменной форме сообщить об этом выборному профсоюзному органу данной организации не позднее, чем за 2 месяца до начала проведения соответствующих мероприятий, а в случае, если решение о сокращении численности или штата работников организации может привести к массовому увольнению работников – не позднее, чем за 3 месяца до начала проведения соответствующих мероприятий.

Увольнение работников, являющихся членами профсоюза, производится с учетом мотивированного мнения выборного профсоюзного органа данной организации в соответствии со статьей 373 ТК. [1]

Согласно ст.127 ТК: при увольнении работнику выплачивается денежная компенсация за неиспользованные отпуска. По письменному заявлению работника неиспользованные отпуска могут быть предоставлены ему с последующим увольнением (за исключением случаев увольнения за виновные действия). При этом днем увольнения считается последний день отпуска. [1]

Согласно ст.236 ТК: при нарушении работодателем установленного срока выплат при увольнении, причитающихся работнику, работодатель обязан выплатить их с уплатой процентов (денежной компенсации) в размере не ниже одной трехсотой действующей в это время ставки рефинансирования ЦБ РФ от

невыплаченных в срок сумм за каждый день задержки, начиная со следующего дня после установленного срока выплаты по день фактического расчета включительно. Конкретный размер выплачиваемой работнику денежной компенсации определяется коллективным договором или трудовым договором. [1]

Согласно ст.140 ТК: выплата всех сумм, причитающихся работнику от работодателя, производится в день увольнения работника. Если работник в день увольнения не работал, то соответствующие суммы должны быть выплачены не позднее следующего дня после предъявления уволенным работником требования о расчете. В случае спора о размерах сумм, причитающихся работнику при увольнении, работодатель обязан в указанный в настоящей статье срок выплатить не оспариваемую им сумму.

Согласно ст.178 ТК: лицам, уволенным в связи с ликвидацией организации либо сокращением численности или штата работников, выплачивается выходное пособие в размере среднего месячного заработка, а также за ним сохраняется средний месячный заработок на период трудоустройства, но не свыше 2 месяцев со дня увольнения (с зачетом выходного пособия). [1]

В исключительных случаях средний месячный заработок сохраняется за уволенным работников в течение третьего месяца со дня увольнения по решению органа службы занятости населения при условии, если в двухнедельный срок после увольнения работник обратился в этот орган и не был им трудоустроен.

Выходное пособие в размере двухнедельного среднего заработка выплачивается работникам при расторжении трудового договора в связи с несоответствием работника занимаемой должности или выполняемой работе вследствие состояния здоровья, препятствующего продолжению данной работы.

Трудовым договором или коллективным договором могут предусматриваться другие случаи выплаты выходных пособий, а также устанавливаться повышенные размеры выходных пособий. [2. – С. 43]

Помимо перечисленных статей, работодатель должен учитывать и другие аспекты трудовых взаимоотношений, например, различные гарантии и компенсации, условия прекращения трудового договора с инвалидами, лицами с семейными обстоятельствами, несовершеннолетними, беременными женщинами и женщинами, имеющими детей; размер удержаний из заработной платы, условия и характер работы, виды трудового договора, ответственность работников, преимущества работников при увольнении и другие.

По нашему мнению, сосредоточение в статье всех оснований расторжения трудового договора по инициативе работодателя следует признать логичным и целесообразным как с точки зрения их практического применения, так и с позиции построения системы гарантий для работников при увольнении.

В трудовых кодексах всегда содержались нормы, реализация которых вызывала наибольшее количество споров, так как затрагивала принципиальные интересы сторон трудовых отношений. Особое место среди них занимают нормы, регулирующие прекращение трудовых отношений, в частности нормы о расторжении трудового договора с работником по инициативе работодателя.

Так сокращение численности или штата работников – весьма распространенное явление в системе трудовых отношений. Поскольку оно затрагивает основное содержание права на труд – возможность трудиться, практика и законодательство должны стремиться обеспечить максимум защиты работников при осуществлении соответствующих процедур.

Суммируя изложенное, следует подчеркнуть, что процедуры увольнения по сокращению численности и штата работников опосредуют и положительные, и негативные явления в функционировании трудовых отношений. С одной стороны, высвобождение работников по этим основаниям может быть средством оптимизации производства и перераспределения трудовых ресурсов, а с другой – рычагом давления на неугодных работников. Правовая защита работников в этих процедурах – важная задача и законодательства, и практики. [3. – С. 51]

В печати неоднократно высказывалось мнение, что большинство нововведений в ТК направлены на защиту прав не работника, а работодателя. С такими утверждениями нельзя согласиться. Мы считаем заявления о приоритетной защите работодателей в ТК вообще и в нормах о расторжении трудового договора по инициативе работодателя в частности не соответствующими действительности. В определенных случаях он совершенно справедливо защищает работодателей. Да и может ли ТК не защищать их? Ведь работодатель – важная социальная фигура. Его защита со стороны государства – это в то же время защита работника, его защита от безработицы, от падения уровня жизни и других социальных благ. В нормах об увольнении – это подчас защита работников организации от тех, кто не может или не желает честно трудиться, пользуясь своим особым положением.

Исходя из всего вышесказанного можно сделать выводы о том, что:

при действующем трудовом законодательстве организациям независимо от форм собственности и масштабов хозяйственной деятельности просто необходимо иметь грамотных, квалифицированных юристов, которые смогут предотвратить возможные трудовые конфликты путем соблюдения необходимых процедур при принятии, продвижении и увольнении сотрудников,

ставя кадровую политику в рамки норм трудового законодательства, можно предотвратить в будущем нежелательные судебные тяжбы и финансовые затраты на выплату компенсаций на незаконно уволенных и восстановленных через суд работников.

Данные меры позволят и разгрузить суды от подобных категорий дел, что должно способствовать более своевременному и качественному рассмотрению других дел.

Список литературы:

1. Российская Федерация. Законы. Трудовой кодекс РФ. – М.: Инфра, 2019.
2. Марченко. – С. В. Правовые аспекты трудового законодательства во взаимоотношениях с работниками при увольнении // Юрист. – 2018. – N 8.

3. Музыченко, А. Основания увольнения работников по инициативе администрации // Экономика и жизнь. – 2017. – Ноябрь. – Выпуск 11.

Эволюция института правонарушений в российском законодательстве: теоретико-исторический аспект

М.Р.Гаджиалиева

Институт правонарушения в своем историческом развитии прошел множество трансформаций. Сам термин «правонарушение» вобрал в себя представления человека разных столетий о добре и зле, грехе и добродетели, правде и лжи, демонстрируя при этом своеобразную легализацию философских, моральных, этических и даже в некотором смысле религиозных убеждений и взглядов на неправомерное поведение человека. В течение долгого времени, как утверждает известный юрист, ученый-правовед В.Н. Кудрявцев, синонимами слова «правонарушение» были разнообразные дефиниции слов «зло», «обида», «лихое дело».

Древнерусские памятники права не содержат информации о правонарушении в целом, однако достаточно широко обозначают общеизвестный вид правонарушения – преступление. В частности, Русская Правда обозначает преступление как то, причинение вреда имуществу или личности человека, при этом законодатели XI века также понимали под преступлением такой термин как «обида», подчеркивая при этом роль потерпевшего. Одной из отличительных особенностей определения правонарушения по Русской Правде является отсутствие различий между преступлением и гражданско-правовым проступком (деликтом). Термина «проступок» в Русской правде еще не существовало.

Следующий памятник права – Псковская судная грамота дает более конкретизированный вариант термина «преступление». Под преступлением ПСГ понимает любые действия, запрещеные уголовным законом, даже если они не причиняют вреда конкретному лицу. Подтверждением этого служит наличие группы преступлений против суда, в том числе самоуправство, взятка судье, нанесение удара подвернику и другие. Таким образом, видно, что понятие преступления получило подробное толкование в Псковской судебной грамоте по сравнению с Русской правдой. Понятие проступка все еще не существовало.

Изменения в государственном строе, в том числе и централизация Российского государства безусловно повлияли на развитие уголовного законодательства и в частности на трансформацию термина «преступление». Теперь, преступлением считались любые действия, которые представляли непосредственную угрозу государству или господствующему классу в целом и поэтому запрещались законом. В отличие от Псковской судной грамоты, Судебник даёт термин для обозначения преступления. Оно теперь именуется «лихое дело». Соборное Уложение 1649 года в целом трактовало понятие преступления так же.

Наиболее современное и приближенное к нынешнему законодательству понятие преступления дано в Артикуле воинском 1715 года – военно-уголовном кодексе, который был разработан Петром I для регулирования должностных отношений в армии. Следует отметить, что хотя Артикул и не содержал определения преступления, можно сделать вывод о том, что под данным видом правонарушения понималось деяние против его величества, войск и государства, которое запрещено законом. Нельзя не упомянуть и новаторский характер Артикула: впервые появляется разграничение преступлений по субъективной стороне состава. Артикул не предусматривал иные правонарушения, кроме уголовных преступлений.

Другим не менее новаторским правовым документом явился по сути первый уголовный кодекс в российском законодательстве – Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года. Уложение являлось достаточно консервативным документом. Несмотря на передовой и даже где-то компромиссный характер, многие ученые-правоведы все же отмечают и некоторую противоречивость Уложения либеральным реформам, проводившимся на протяжении всего XIX века. Именно в Уложении впервые в истории российского права появляется разграничение между преступлением и проступком, что являлось большим шагом вперед в совершенствовании уголовного права. Хотя чёткого разделения не проводилось, основные отличия между ними лежали в сфере объекта посягательства

Преступление определялось Уложением в статье 1 как «всякое нарушение закона, через которое посягается на неприкосновенность прав верховной и установленных ею властей, или же на права или безопасность общества или частных лиц». Проступок в статье 2 определяется как «нарушение правил, предписанных для охранения определённых законами прав и общественной или же личной безопасности или пользы». Статья 4 (в редакции 1866 и 1885 г.) также говорит, что «преступлением или проступком признаётся как самое противозаконное деяние, так и неисполнение того, что под страхом наказания уголовного или исправительного законом предписано». Определение преступлении согласно признаку противоправности является распространенной практикой русского права. Отечественные правоведы отмечают формализм при определении преступления еще со времен Петра I, когда основным признаком преступления являлось неповиновение человеком царских предписаний и указаний.

С установлением советской власти в России в 1917-1918 годах появилась острая необходимость в принятии нового законодательного акта, который регулировал бы отношения в уголовно-правовой сфере. Таким актом и стали Руководящие начала по уголовному праву, которые были приняты в декабре 1919 года Постановлением Наркомюста РСФСР. Начала содержали достаточно размытые и общие понятия, в последующем ставшие макетом для Общей части нового уголовного кодекса.

Впервые в постреволюционной истории давалось новое, отличное от других правовых актов, понятие преступления. Согласно статье 5 Начал, преступлением признавалось нарушение порядка общественных

отношений, охраняемого уголовным правом. В статье 6 обозначалась и развивалась объективная сторона преступления: «преступление как действие или бездействие, опасное для данной системы общественных отношений, вызывает необходимость борьбы государственной власти с совершающими такие действия или допускающими такое бездействие лицами (преступниками)».[1] Несмотря на краткость определения, в нем содержится главный на тот момент признак преступления – общественная опасность. Ранее, законодателями чаще выделялась противоправность, нежели общественная опасность, что мнению ученых диктовалось сменой общественно-экономической формации, перехода от капитализма к коммунизму. Данное положение подтверждается статьей 3: «советское уголовное право имеет задачей посредством репрессии охранять систему общественных отношений, соответствующую интересам трудящихся масс, организовавшихся в господствующий класс в переходной от капитализма к коммунизму период диктатуры пролетариата.»[3]

После принятия Руководящих начал началась активная кодификация норм уголовного права. Результатом долгой работы стало принятие 26 мая 1922 года на 3-й сессии IX съезда Советов Уголовного кодекса Российской Социалистической Федеративной Советской Республики. Данный правовой документ в очередной раз закреплял классовый характер законодательства, что подтверждалось статьями 5 и 6 УК, согласно которым «Уголовный Кодекс Р.С.Ф.С.Р. имеет своей задачей правовую защиту государства трудящихся от преступлений и от общественно - опасных элементов и осуществляет эту защиту путем применения к нарушителям революционного правопорядка наказания или других мер социальный защиты, преступлением признавалось всякое общественно - опасное действие или бездействие, угрожающее основам советского строя и правопорядку, установленному рабочее - крестьянской властью на переходный к коммунистическому строю период времени».[2] УК 1922 года не закреплял деление правонарушений на преступления и проступки, однако судя по тому, что существовала группа преступлений, которые могли рассматриваться в единоличном порядке народным судьей, демонстрирует, что такое деление негласно все же существовало.

Позже, в 1927 году в силу была введена принятая ВЦИК в 1926 году редакция УК РСФСР 1922 года. Несмотря на указание редакции отдельных положений, отмечается совершенно иной характер правовых норм, из чего можно сделать вывод о том, что редакция УК 1926 года является, по сути, новым уголовным кодексом. Преступление УК 1926 года обозначал «общественно - опасным деянием» и давал в ст. 6 следующее его определение: «Общественно - опасным признается всякое действие или бездействие, направленное против Советского строя или нарушающее правопорядок, установленный рабоче-крестьянской властью на переходный к коммунистическому строю период времени».[3] При этом УК указывал на ограничение понятия преступления по признаку значительности: «Не является преступлением действие, которое хотя формально и подпадает под признаки какой-либо статьи Особенной части настоящего Кодекса, но в силу явной малозначительности и отсутствия вредных последствий лишено характера общественно - опасного».[4] Таким образом, можно сделать вывод о том, что УК 1926 года все же содержал некоторые элементы деления правонарушений на преступления и проступки.

Следующий памятник права – Основы уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик 1958 года. Принятие Основ ознаменовало новый этап в укреплении правопорядка, конкретизируя при этом формулировки предыдущих актов. В ст. 7 Основ давалось следующее определение преступления: «Преступлением признается предусмотренное уголовным законом общественно опасное деяние (действие или бездействие), посягающее на советский общественный или государственный строй, социалистическую систему хозяйства, социалистическую собственность, личность, политические, трудовые, имущественные и другие права граждан, а равно иное, посягающее на социалистический правопорядок, общественно опасное деяние, предусмотренное уголовным законом».[5] Очевидно, определение преступления заметно изменилось, оно стало более конкретным, уточнялись объекты преступления, отсутствует формулировка «переходный к коммунистическому строю период времени». Таким образом, смело можно отмечать тенденции к конкретизации дефиниции понятия «преступление».

Нельзя не упомянуть и официальное закрепление группы преступлений, подпадающих под понятие «проступок». Это закрепление прошло в рамках уголовных кодексов союзных республик и УК РСФСР 1960 года. Данные документы оперировали понятием «преступление, не представляющее большой общественной опасности» применительно к вопросу о привлечении к уголовной ответственности лиц, не достигших совершеннолетия (часть 3 статьи 10) и освобождении лица от уголовной ответственности и наказания с передачей виновных на поруки (статья 52). Именно в этот период зарождается идея о возврате законодательного закрепления уголовного проступка. Еще в 1961 году М.Д. Шаргородский предложил новую классификацию общественно опасных деяний по трем группам: особо тяжкие преступления, преступления и уголовные проступки.[6]

---

[1] Хрестоматия по истории отечественного государства и права 1917-1991 годов. М.: Зерцало, 1997. С. 63-68.
[2] Там же. С. 72
[3] Опубл.: 1926. Источник: «СУ РСФСР», 1926, № 80, ст. 600, Консультант Плюс
[4] Там же.
[5] Хрестоматия по истории отечественного государства и права 1917-1991 годов. М.: Зерцало, 1997. С.334.
[6] Шаргородский М.Д. Вопросы общего учения о наказаниях в период развернутого строительства коммунистического общества // Советское государство и право в период развернутого строительства коммунизма: тез. докл. на науч. конф. Л., 1961. С. 78.

На тот момент, во ВНИИ Прокуратуры СССР готовился проект Кодекса уголовных проступков. Уголовный проступок, согласно проекту кодекса, это «деяние, по степени общественной опасности не являющееся преступлением, но нарушающее социалистический правопорядок, охраняемые законом интересы государства и общества, а также права и интересы отдельных граждан».[1] На сегодняшний день, сторонники законодательного закрепления уголовного проступка в современном УК РФ, обозначают уголовный проступок как деяние, которое формально содержит все признаки преступления, однако в силу меньшей степени общественной опасности таковым не признается.

После вступления в силу УК РСФСР 1960 года велись активные споры по различным направлениям совершенствования кодекса. В последующем в текст документа было внесено огромное количество поправок и дополнений. Результатом работы стал проект новой модели Уголовного кодекса и Основ уголовного законодательства СССР и республик 1991 года. Последний документ из названных был принят Верховным Советом СССР 2 июля 1991 года, с установлением срока вступления в силу 1 июля 1992 года. Однако распад СССР и образование СНГ помешали этому, и документ в силу так и не вступил. Но это нисколько не умаляет значимость данного памятника права, так как в ходе разработки проекта была проделана большая продуктивная работа. В том числе, большую ценность представляют наработки и споры относительно понятия преступления, которые легли в основу современного УК 1996 года.

Основным предметом спора являлось определение понятия преступления. Меньшая часть ученых предлагала использовать формальное определении преступления, которое содержало бы только признак противоправности деяния, следуя примеру многих зарубежных стран. В подтверждение своей позиции они приводили аргумент о том, что по своей сути, такой признак преступления как общественная опасность является политизированным положением, с упором на социальную природу понятия, минуя его правовые характрестики. Очевидным недостатком данного определения является возможность считать преступлением любое деяние, которое хотя формально и является преступлением, но в силу своей малозначительности, то есть отсутствия общественной опасности данного деяния, преступлением не является. Другая часть ученых предлагала материальное определение преступления, то есть, содержащее указание на общественную опасность деяния, не беря в расчет его противоправность. Главным недостатком такого подхода является возможность применения закона по аналогии, что могло бы стать инструментом в руках недобросовестных должностных лиц и учинило бы произвол власти.

Компромиссом стал так называемый формально-материальный подход к определению преступления, который совмещал в себе общие черты формального и материального подходов, то есть и противоправность, и общественную опасность как обязательных признаков преступления. Именно это определение и легло в основу современного Уголовного кодекса Российской Федерации.

Таким образом, целесообразно сделать следующие выводы:

1. Развитие и трансформация понятия «правонарушение» происходили неравномерно, с перевесом на каждый вид правонарушения. Так, правовые памятники практически вплоть до Уложения о наказаниях уголовных и исправительных не содержали разграничения между преступлением и проступком, чаще всего упор делался на понятие преступления, что также говорит о неравномерности развития института правонарушения

2. Законодательное закрепление института правонарушения происходило под влиянием объективных закономерностей. Ярчайшим примером к данному положению является Руководящие начала по уголовному праву 1919 года, принятие которых было инициировано закреплением новых положений права в связи со сменой общественно-экономической формации.

3. Понятие правонарушения подвергалось и подвергается существенным изменениям вплоть до сегодняшнего дня. При этом, не исключается дальнейшее совершенствование понятия в силу развития общественных отношений.

4. Целесообразно закрепить в законодательстве понятие «уголовный проступок», что снизит высокий уровень криминализированности уголовного законодательства, введет понятие правонарушения между уголовно-наказуемым деянием и административным правонарушением и даст больше возможностей осужденному лицу для освобождения от ответственности.

Библиография:

1. Титов Ю.П. История государства и права России: Учебник. - М.: «Проспект», 1999. - 554 с.
2. Костин Ю.В. Особенности развития уголовного права Российской империи в XIX в. // История государства и права. 2010. № 7. С. 22-25
3. Хрестоматия по истории отечественного государства и права 1917-1991 годов. М.: Зерцало, 1997. С. 63-68.. – С. 72
4. Опубл.: 1926. Источник: «СУ РСФСР», 1926, № 80, ст. 600, Консультант Плюс.
5. Хрестоматия по истории отечественного государства и права 1917-1991 годов. М.: Зерцало, 1997. С. 334.
6. Шаргородский М.Д. Вопросы общего учения о наказаниях в период развернутого строительства коммунистического общества // Советское государство и право в период развернутого строительства коммунизма: тез. докл. на науч. конф. Л., 1961. С. 78.
7. Кодекс уголовных проступков. С. 6.

[1] Кодекс уголовных проступков. С. 6

Преступление в сфере экономики по законодательству Азербайджана и Италии (сравнительно-правовой анализ)

Ш.Ш. кызы Гасанова

Изучению зарубежного уголовного законодательства в плане сравнительного правоведения уделяется все большее внимание в азербайджанской юридической науке. В этой связи исследование уголовного права Италии, отличающегося определенной спецификой, имеющего богатые традиции, представляет в современных условиях значительный интерес.

Следует выделять как минимум два значения понятия «преступность в сфере экономики». В первом «узком» значении рассматриваемого понятия к преступлениям в сфере экономики могут быть отнесены лишь такие общественно опасные деяния, которые непосредственно посягают именно на экономические, а не какие-либо иные отношения, то есть отношения собственности и отношения экономической деятельности (хозяйственные отношения). Во втором «широком» значении рассматриваемого понятия к преступлениям в сфере экономики достаточно обоснованно могут быть отнесены деяния, обязательным дополнительным объектом которых являются отношения в сфере экономики.

По мнению В.Е.Мельниковой экономическая преступность – это вся совокупность преступлений, посягающих на общественные отношения, обеспечивающие и регулирующие правильное функционирование экономической системы в современных условиях (2. – С. 155). Н.Ф.Кузнецова полагает, что экономическая преступность слагается из посягательств на собственность и из предпринимательских преступлений, тесно связанных с коррупцией и должностными преступлениями (3. – С. 12).

Э.М.Петров, Р.Н.Марченко, Л.В.Баринова считают, что «экономическую преступность следует рассматривать как совокупность корыстных преступлений, совершаемых в сфере экономики лицами в процессе их профессиональной деятельности, в связи с этой деятельностью и посягающих на собственность и другие интересы потребителей, партнеров, конкурентов и государства, а также на порядок управления экономикой в различных отраслях хозяйства» (4. – С. 12).

Н.А.Лопашенко определяет экономические преступления, исходя из мотивации совершенного преступления «как преступление, при совершении которого субъект преследует незаконные экономические интересы, в том числе интересы корыстные либо стремится причинить вред законным экономическим интересам государства, общества, хозяйствующим субъектам или частным лицам» (5. – С. 40-49).

Современные исследователи зарубежного уголовного законодательства относят к экономическим такие преступления, которые имеют большой размах, затрагивают большие общественные ценности или наносят ущерб группам людей (6. – С. 1). Е.Дементьева, изучавшая проблему экономической преступности по зарубежным источникам, дает ей следующее определение: «Это противоправная деятельность, посягающая на интересы экономики государства в целом, а также на частнопредпринимательскую деятельность и на интересы отдельных групп граждан, постоянно и систематически осуществляемая с целью извлечения наживы в рамках и под прикрытием законной экономической деятельности как физическим, так и юридическим лицом» (7. – С. 13).

Исходя из изложенного, в правовой литературе предложено ввести в научный оборот еще один вид объекта, занимающего промежуточное место между общим и родовым. Л.Л.Кругликов называет такой объект межродовым, указывая, что по его признакам происходит выделение разделов в Особенной части УК РФ (8. – С. 12-13). Ю.И.Ляпунов говорит о надродовом объекте и утверждает, что им выступает «экономическая система в целом, основанная на рыночных производственных общественных отношениях» (9. – С. 159). Л.Д.Гаухман считает, что типовым объектом экономических преступлений являются «общественные отношения, обеспечивающие законные права и интересы различных субъектов в сфере экономики» (10. – С. 384). Типовой объект он определяет как «группу однотипных общественных отношений, на которые посягают преступления, ответственность за которые предусмотрена статьями, включенными в один и тот же раздел Особенной части УК» (10. – С. 93).

С.И.Улезько полагает, что в основе выделения всех разделов Особенной части УК РФ, в том числе и раздела VIII, лежит интегрированный объект, то есть такой, который «представляет собой систему близких (но не всегда однородных) и взаимосвязанных общественных отношений, которым причиняется или может быть причинен вред преступлением» (11. – С. 245). По мнению С.Ф.Мазура, сложный объект преступления, состоящий из двух или более родовых объектов преступления, следует назвать комплексным объектом преступления (12. – С. 31). В.И.Тюнин пишет о типовом или сложном объекте (13. – С. 21). Представляется, что термин «видовой объект» и вытекающее из него понятие наиболее точно отражают специфику нового системного образования.

Исходя из названия главы 24 УК Азербайджанской Республики, все включенные в нее преступные посягательства совершаются в сфере экономической деятельности. Очевидно, что последняя – это деятельность в экономике, которая может носить различный характер: быть деятельностью по созданию материальных благ или оказанию услуг, координации различных отраслей экономики, обеспечению нормального функционирования экономических субъектов и т.д. Преступления, входящие в главу 24 УК, признаны законодателем экономическими в силу: 1 – совершения их внутри легитимной экономики хозяйствующим субъектом, который действует в своих экономических интересах, противоречащих действующему законодательству (незаконное предпринимательство, незаконное получение кредита и т.п.); 2 – нарушения (в результате их совершения) экономических интересов государства с одновременным преследованием собственных незаконных экономических интересов (например, налоговые преступления); 3 – нарушения законных экономических интересов субъектов экономической деятельности со стороны

должностных и частных лиц (например, воспрепятствование законной предпринимательской или иной деятельности или принуждение к совершению сделки или к отказу от ее совершения); 4 – совершения их вне связи с легитимной экономикой, под влиянием корыстно-экономической, собственнической мотивации, с нарушением безусловных уголовно-правовых запретов на подобное экономическое поведение (например, легализация преступных доходов или фальшивомонетничество).

Таким образом, можно определить преступление в сфере экономической деятельности как деяние, при совершении которого его субъект преследует незаконные экономические интересы, в том числе интересы корыстные, либо стремится причинить вред законным экономическим интересам государства, общества, хозяйствующим субъектам или частным лицам. Иными словами, данную мотивацию можно определить как экономическую. Она означает, что такое преступление в подавляющем большинстве случаев экономически выгодно субъекту; последний получает от преступления имущественную (в виде незаконного увеличения собственного имущества) или иную материальную выгоду (например, в виде получения льготных кредитов, заключения выгодных контрактов, привлечения инвестиций). В отдельных случаях экономическая мотивация не связана с получением материальной выгоды, но определяется сферой совершения преступления – экономической деятельностью и сознательным нарушением законных экономических интересов государства, общества, хозяйствующих субъектов, частных лиц. Все преступления в сфере экономики УК Азербайджана делит на две большие группы: преступления против собственности (глава 23) и преступления в сфере экономической деятельности (глава 24).

Аналогичное подразделение преступлений в сфере экономики наблюдается и в итальянском уголовном законодательстве. В Уголовном Кодексе Италии преступлениям против собственности посвящен раздел XIII. Глава первая этого раздела называется «О преступлениях против собственности, совершенных путем насилия над вещами и людьми».[1] В этой главе предусматриваются различные виды корыстных преступлений против собственности, связанных с завладением чужим имуществом (таких как кража, ограбление, вымогательство, мошенничество, присвоение), а также уничтожение и повреждение чужого имущества. В отличие от азербайджанского уголовного законодательства, выделяющего кражу, грабеж и разбой, итальянское уголовное законодательство не различает грабеж и разбой: основными составами преступного завладения чужим имуществом являются кража, ограбление, мошенничество, вымогательство. Ответственность за кражу предусмотрена ст. 624 УК, которая гласит: «каждый, кто завладеет чужой движимой вещью, похищая ее у того, кто ей владеет, с целью извлечь выгоду для себя или других лиц, наказывается лишением свободы на срок до трех лет и штрафом».

Согласно уголовному праву Италии предметом кражи могут быть также электрическая энергия и любая другая энергия, обладающая экономической ценностью, дикие животные и рыбы, находящиеся на частных территориях. Как известно, уголовное законодательство Азербайджана расценивает указанные преступления в качестве самостоятельных составов, не относящихся к хищениям.

Представляет интерес содержание ст. 627 УК Италии, предусматривающей ответственность за похищение общего имущества: «Совладелец компании или сонаследник, который с целью извлечения выгоды для себя или для других лиц присваивает общее имущество, похищаемое у владельца, наказывается по заявлению потерпевшего лишением свободы на срок до двух лет и штрафом. Как видно из текста итальянского закона, под кражей понимается как тайное, так и открытое изъятие чужого имущества из чужого владения, но без применения насилия или угрозы к человеку».[2]

Ограбление предусмотрено ст. 628 УК Италии, в которой говорится: «Каждый, кто с целью извлечения для себя или других лиц незаконной выгоды завладевает посредством насилия или угроз чужим движимым имуществом, похищая его у владельца, наказывается лишением свободы на срок от трех до десяти лет и штрафом. Такому же наказанию подлежит тот, кто использует насилие или угрозы сразу же после похищения для обеспечения себе или другим лицам обладания похищенными вещами, либо для обеспечения себе или другим ненаказуемости». В последнем случае имеет место перерастание кражи в ограбление. Аналогично оценивает подобные случаи и судебная практика, однако уголовное законодательство Азербайджана подобной нормы не содержит.

По УК Италии вымогательство (ст. 629) заключается в принуждении кого-либо путем насилия или угроз сделать что-либо или совершить нарушение для извлечения прибыли вымогателем или третьими лицами. Вымогательство наказывается лишением свободы на срок от трех до десяти лет и штрафом в размере от 1 миллиона до 4 миллионов лир. При наличии отягчающих обстоятельств, предусмотренных в ст. 628 (ограбление) санкция увеличивается и предусматривает лишение свободы от четырех с половиной лет до двадцати лет (14. – С. 137).

Отличие ограбления от вымогательства заключается не только в том, что при ограблении преступник сам завладевает чужим имуществом, а при вымогательстве потерпевший вынужден под угрозой или насилием передать имущество, но и в том, насколько у потерпевшего имеется возможность выбирать между осуществлением угрозы и передачей имущества. При ограблении завладение имущества осуществляется немедленно после применения насилия или угрозы, при вымогательстве насилие или угроза являются

---

[1] По-русски термин «насилие над вещью» звучит необычно. В данном случае итальянское законодательство имеет в виду противоправное воздействие на вещь, в том числе ее перемещение

[2] В советском уголовном законодательстве была сделана попытка различать насильственное и ненасильственное похищение (Указ 1947 г.) Однако позднее вернулись к трехчленному делению похищения на кражу, грабеж и разбой.

средством принуждения потерпевшего совершить определенные действия (например, передать определенную сумму денег) либо бездействие (например, отказаться от требования возврата долга вымогателем). В отличие от ограбления, предметом которого может быть только движимое имущество, вымогательство может совершаться с целью завладения как движимым, так и недвижимым имуществом.

Статья 630 УК Италии предусматривает насильственное похищение лица с целью вымогательства. Учитывая корыстную направленность деяния, итальянский законодатель похищение человека с целью получения выкупа относит не к преступлениям против личности, как УК Азербайджана, а к преступлениям против собственности. Текст данной статьи сформулирован следующим образом: «Каждый, кто похищает человека с целью получения для себя или для других лиц незаконной прибыли, являющейся ценой освобождения, наказывается лишением свободы на срок от двадцати пяти до тридцати лет. Если результатом похищения является смерть похищенного как последствие, не входившее в преступный замысел, то обвиняемый наказывается лишением свободы на срок до тридцати лет. Если обвиняемый убивает похищенного, то применяется пожизненное лишение свободы» (14. – С. 137).

Похищение людей с целью выкупа имеет в Италии значительное распространение, чем объясняются суровые санкции за это преступление, даже в случаях, когда соучастник похищения, отделившись от остальных, прилагал усилия к тому, чтобы похищенный обрел свободу, он не освобождается от ответственности, но несет более легкое наказание.

Присвоение чужого недвижимого имущества предусмотрено ст. 631 УК. Согласно этой статье «Каждый, кто присваивает себе, полностью или частично, чужое недвижимое имущество, ликвидирует его или ухудшает его состояние, наказывается по иску потерпевшего лишением свободы до трех лет и штрафом».

Представляет интерес позиция итальянского УК, который дифференцирует ответственность за присвоение движимого и недвижимого имущества. Присвоение движимого имущества предусмотрено в главе II «О преступлениях против собственности» раздела XIII УК Италии, совершенных путем мошенничества» (14. – С. 138). Так, в соответствии со ст. 646 незаконное присвоение совершает «каждый, кто с целью извлечения для себя или для других лиц незаконной выгоды, присваивает себе чужие деньги или движимое имущество, которым по какому-либо праву владеет, наказывается по иску потерпевшего лишением свободы до трех лет и штрафом.

Если действие совершено по отношению к имуществу, оставленному по необходимости на хранение, то наказание увеличивается». Присвоение потерянных вещей, клада, или других вещей, доставшихся по ошибке или в результате непредвиденного случая, наказывается по иску потерпевшего лишением свободы до одного года или штрафом.

Ответственность за мошенничество предусмотрена ст. 640 УК Италии, в которой говорится: «Каждый, кто уловками или хитростью вводя кого-либо в заблуждение, получает незаконную выгоду для себя или для других, нанося кому-либо ущерб, наказывается лишением свободы от шести месяцев до трех лет и штрафом».

Квалифицирующими обстоятельствами являются: 1) совершение действия в ущерб государству или какому-либо государственному учреждению, либо под предлогом освобождения кого-либо от военной службы; 2) совершение действия путем внушения пострадавшему страха перед воображаемой опасностью, либо ложным внушением убежденности, что данное лицо должно выполнять предписание органов власти. В этих случаях деяние карается лишением свободы на срок от одного года до пяти лет и штрафом.

Полагаем, что заслуживает одобрения позиция итальянского УК, который устанавливает специальную ответственность за обман недееспособных лиц (ст. 643). Статья предусматривает извлечение выгоды для себя или другого лица, путем злоупотребления нуждами, пристрастиями или неопытностью несовершеннолетнего, либо злоупотребления болезненным состоянием или психической неполноценностью человека, даже если он и не отдан под опеку, посредством побуждения его к совершению действия, имеющего для данного лица какие-то юридические последствия, либо представляющего опасность для других. Это деяние влечет наказание в виде лишения свободы на срок от двух до шести лет и штрафа.

В указанной главе предусматривается также ответственность за ростовщичество (ст. 644), вторжение на чужую территорию или в здание с целью извлечения выгоды (ст. 633), отвод течения вод и изменение состояния местности (ст. 632).

Уничтожение или повреждение полностью или частично чужого движимого и недвижимого имущества, влечет ответственность до трех лет лишения свободы (ст. 635).

Таким образом, характеризуя ответственность за преступления против собственности в уголовном законодательстве Италии в целом, следует отметить детализацию составов имущественных преступлений и достаточно суровые санкции, особенно за преступления, совершаемые с применением насилия.

Использованная литература

1. Уголовный кодекс Азербайджанской Республики. Баку. Изд-во «Юридическая литература». 2012.
2. Мельникова В.Е. Хозяйственно-должностные преступления: проблемы криминализации и декриминализации. Докт. Дисс. М. 1993.
3. Кузнецова Н.Ф. Кодификация норм о хозяйственных преступлениях // Вестник МГУ. Серия 11. М. 1993. № 4.
4. Петров Э.М., Марченко Р.Н., Баранова Л.В. Криминологическая характеристика и предупреждение экономических преступлений. М. 1995.

5. Лопашенко Н.А. Экономическая преступность: понятие, социальная опасность, некоторые проблемы борьбы и путей их решения. Организованная преступность и коррупция // Исследования, обзоры, информация. Социально-правовой альманах. М. 2000. № 2.
6. Экономические преступления в США: понятие, виды, масштабы распространения. Обзорная информация. Зарубежный опыт. Вып.11. М. 1989.
7. Дементьева Е.Е. Экономическая преступность и борьба с ней в странах с развитой рыночной экономикой (на материалах США и Германии). М. 1992. С.13.
8. Кругликов Л.Л., Дулатбеков Н.О. Экономические преступления (Вопросы дифференциации и индивидуализации ответственности и наказания). Ярославль. 2001.
9. Уголовное право: Особенная часть / Под ред. проф. В.Н. Петрашева. М., 1999.
10. Уголовное право: Часть Общая. Часть Особенная / Под ред. проф. Л.Д. Гаухмана, проф. Л.М. Колодкина и проф. С.В. Максимова. М. 1999.
11. Улезько С.И. Классификация объектов преступлений по вертикали // Пять лет действия УК РФ: Итоги и перспективы. М. 2003.
12. Мазур С.Ф. Уголовно-правовая охрана экономической деятельности. М. 1998.
13. Тюнин В.И. Уголовно-правовая охрана отношений в сфере экономической деятельности: Автореф. дис. ... доктора юрид. наук. СПб. 2001.
14. Игнатова М.А. Уголовное право Италии: основные институты. Дисс. канд. юрид. наук. М. 2002.

Вопросы совершенствования уголовно-правового противодействия коррупции, как составному элементу организованной преступности

Р.Р.Гашимов

Проблема организованной преступности привлекала и привлекает особое внимание отечественных и зарубежных исследователей. Это связано с тем, что она представляет серьезную угрозу как экономике государства, так и национальной безопасности страны, в целом.

Организованную преступность можно определить как общественно-опасное социальное явление, выражающееся в создании устойчивой криминальной системы в целях совершения преступных деяний, направленных на установление контроля над разными областями жизни общества для извлечения доходов, полученных незаконным путем, и управления общественными процессами в собственных интересах (7. – С. 201). Рассматриваемый вид преступности представляет собой достаточно сложную систему организованных преступных формирований с их широкомасштабной преступной деятельностью и созданием для нее наиболее благоприятных условий. Она использует не только собственные криминальные структуры, но и государственные.

В современном понимании этого явления, организованная преступность начала складываться в СССР только в 60-х годах XX века и фактически была обусловлена неэффективными экономическими механизмами командно-административной системы. В стране появился и начал разрастаться теневой сектор экономики. И в этом плане, справедливым представляется утверждение В.В. Лунеева о том, что в Советском союзе основной формой организованной преступности являлась экономическая, которая фактически существовала параллельно с государственными образованиями и даже внутри них. Основная причина ее появления была связана с практиковавшейся в тот период практикой распределительных отношений.

Таким образом, можно констатировать, что организованная преступность в нашей стране появилась как результат социально-экономической политики государства. Она приводит к дестабилизации и негативным процессам в экономике, к увеличению количества преступлений, связанных с крупными хищениями и взяточничеством.

«Теневая экономика» становится базисом для формирования организованных преступных структур. Теневой финансовый капитал обладал мощной ресурсной базой и постепенно был подчинен преступными группами. Распространение коррупционных связей в бюрократическом аппарате приводит к появлению сплоченных организованных групп. Коррумпированные чиновники, так называемые «цеховики» и представители криминального мира фактически объединяются в организованную преступность (4. – С. 31).

Особенно быстрый рост организованной преступности в стране наблюдался в период перехода к рыночным отношениям. В 1990-е годы экономика России стала благодатной почвой для «выращивания» в ней организованной преступности. Об этом свидетельствуют статистические данные (4. – С. 42).

Кроме того, идет процесс объединения организованных преступных групп по специализации, сложности структуры и т.д. Результатом указанных процессов стало появление в стране крупных и устойчивых преступных сообществ (организаций).

Особенностью современной организованной преступности является сосредоточение в ее руках критической массы ресурсов, не только экономических, но и политических. Зачастую организованная преступность действует под прикрытием коррупционных связей в правоохранительных структурах и даже в верхних эшелонах власти. Это способствует обходу запретов и ограничений, установленных государством.

Проведя анализ предлагаемых позиций различных авторов, выделим наиболее значимые признаки организованной преступности.

Различают основные и дополнительные признаки организованной преступности. К основным признакам относятся: 1) четкая структура, наличие организатора, исполнителей, пособников; иерархичность построения, несовпадение организационных и исполнительских функций, строгая подчиненность и соблюдение конспирации; 2) постоянный либо относительно длительный характер преступной деятельности

в целях извлечения прибыли, ее планирование; 3) специализация преимущественно на определенных видах корыстно-насильственной преступной деятельности; 4) масштабность характера деятельности (региональный, межрегиональный, международный); 5) прикрытие легальным видом деятельности, наличие бюджета преступного сообщества и отмывание преступных доходов; 6) наличие внутренних структур, обеспечивающих безопасность преступного формирования (охрана, группа разведки, технические средства безопасности).

К дополнительным признакам следует отнести: 1) наличие вооружения; 2) наличие коррумпированных связей в органах государственной власти; 3) стремление к проникновению организаторов и членов группировки в органы власти или местного самоуправления; 4) отмывание преступного капитала через легальные формы банковско-кредитной системы; 5) дерзко насильственные способы совершения преступлений; 6) проникновение в средства массовой информации; 7) наличие собственной «нормативной» основы и субкультуры.

Резюмируя, можно сказать, что на сегодняшний день существует многообразие дефиниций организованной преступности. Данное обстоятельство негативным образом влияет на возможности борьбы с данным явлением. В целом расширение трактовок обусловлено действием двух групп факторов: увеличением круга субъектов экономических субъектов и изменением списка преступлений, которые можно отнести к экономическим.

Как отмечалось, современная организованная преступность представляет серьезную угрозу национальной безопасности страны. Поэтому уголовная политика в сфере противодействия коррупции должна стать неотъемлемой частью противодействия организованной преступности.

Причем, она должна преследовать цель обеспечения неотвратимости ответственности в совершении преступных деяний коррупционного характера, достижения соответствия уголовно-правового регулирования степени и характеру общественной опасности коррупционных преступлений при их категоризации и квалификации (3. – С. 170).

Уголовная политика в сфере противодействия коррупционной преступности должна быть нацелена на предупреждение, выявление преступлений коррупционного характера, на привлечение к ответственности за содеянное виновных лиц. Вместе с тем эта политика не должна вступать в противоречие целям, обозначенным в антикоррупционном законодательстве, в частности, в Федеральном законе № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» от 25 декабря 2008 г. (далее – ФЗ «О противодействии коррупции» (5).

В отечественной юриспруденции профессор Л.Д. Гаухман одним из первых дал достаточно точное толкование понятий «коррупционное преступление» и «коррупция в уголовно-правовом смысле». Под коррупцией он понимает предусмотренные уголовным законом общественно-опасные деяния, субъектом которых являются должностные лица, которые совершаются посредством использования должностных полномочий из корыстной заинтересованности и в целях личного обогащения (1. – С. 31).

Одной из причин произвольного определения круга преступлений коррупционной направленности является отсутствие четкой законодательной регламентации коррупционных преступлений. Так, в Уголовном кодексе Российской Федерации (далее – УК РФ) отсутствует отдельная глава посвященная коррупционным преступлениям. В нем в коррупционную преступность включены фактически разные по своей уголовно-правовой сути природе деяния. Например, преступления, предусмотренные главами 23 и 30 УК РФ. Анализ включенных в УК РФ коррупционных преступлений показывает, что они, в основном, связаны со взяточничеством и злоупотреблением (например ст. 290, 291, 291.1 УК РФ), также с превышением должностными лицами своих полномочий в корыстных целях или с использованием своего служебного положения (ст. 184, 201, 202, 203, 204, 285, 286, 289, 292, 299, 300 УК РФ и др.).

Следует отметить, что, хотя отечественный законодатель не выработал понятие коррупционного преступления, все же нельзя говорит о том, что преступные деяния, предусмотренные УК РФ и т.п., не объединены общими признаками. В УК РФ ограничились перечнем форм коррупционных деяний, выделив каждый из составов преступлений в самостоятельную уголовно-правовую норму. Законодатель признает общественно-опасным деянием уже сам факт получения лицом денег, ценностей и т.п.

На наш взгляд, эффективным инструментом уголовно-правового противодействия коррупции можно считать криминализацию общественно-опасных деяний. Результатом этого, является конструирование новых специальных составов преступлений. Можно также распространить коррупционные признаки и на другие смежные составы преступлений, которые при условии наличия определенных характерных элементов приобретают свойства преступления коррупционного характера

Серьезным позитивным шагом в деле повышения эффективности уголовно-правовой борьбы с деяниями коррупционной направленности и формирования совершенного механизма уголовно-правового противодействия коррупционным деяниям явилось принятие Федерального закона № 97 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с совершенствованием государственного управления в области противодействия коррупции» (См: 6) от 4 мая 2011 г. Его принятие способствовало определению ответственности за посредничество во взяточничестве (ст. 291.1 УК РФ) (непосредственная передача взятки по поручению взяткодателя или взяткополучателя либо иное способствование взяткодателю и (или) взяткополучателю в достижении либо реализации соглашения между ними о получении и даче взятки в значительном размере), а также введение уголовного наказания в виде кратного штрафа за совершение преступлений коррупционного характера (3. – С. 24).

Принятие данного Федерального закона ознаменовало собой новый подход отечественного законодателя в решении вопроса наказания за коррупционные преступления. В вопросе назначения наказания за указанное преступное деяние, законодатель сделал основной упор на материальное взыскание в виде штрафа, исчисляющегося в величине, кратной стоимости предмета или сумме коммерческого подкупа или взятки. Данная санкция в виде штрафа предусмотрена ст. 204, 290, 291, 291.1 УК РФ и на сегодняшний день достаточно часто применяется в судебной практике. Но, делать на этом основании долгосрочные выводы об эффективности этой меры пока представляется преждевременным.

На наш взгляд, важнейшей мерой повышения эффективности уголовно-правового противодействия коррупции, его предупреждения и пресечения преступлений коррупционной направленности может и должно стать восстановление в УК РФ конфискация имущества, как вида наказания за деяния коррупционной направленности.

С точки зрения повышения эффективности уголовно-правового противодействия коррупционным преступлениям абсолютно верным представляется мнение профессора Л.Д. Гаухмана о том, что минимизации уголовной ответственности за получение взятки (ст. 290 УК РФ) служат нормы, содержащиеся в ст. 304 УК РФ («Провокация взятки либо коммерческого подкупа») и ст. 575 ГК РФ («Запрещение дарения»), которые «в сочетании с общеизвестными трудностями доказывания взяточничества представляют собой прочную оболочку, защищающую должностных лиц от уголовной ответственности за получение взяток». В качестве основных, первоочередных и неотложных направлений повышения эффективности уголовно-правовой борьбы с коррупционными преступлениями автор отмечает исключение ст. 304 из УК РФ, п. 3 ч. 1 ст. 575 из ГК РФ, а также включение в ст. 91, 98 и 122 Конституции РФ оговорки, согласно которой статус неприкосновенности неприменим в случаях совершения лицами, указанными в этих статьях, общественно опасных деяний, предусмотренных УК РФ (См.:1).

Подытоживая сказанное, можно сделать следующие выводы:

определить в целях повышения эффективности уголовно-правового противодействия коррупционным преступлениям необходимо:

1) в целях повышения эффективности уголовно-правового противодействия коррупционным преступлениям необходимо применить комплекс мер, способных воздействовать на причины и условия совершения коррупционных преступлений;

2) отечественный законодатель должен выработать единые подходы в определении коррупционного преступления и его признаков;

3) уголовная политика в сфере противодействия коррупции должна обеспечить неотвратимость и дифференциацию уголовной ответственности.

Литература

1. Гаухман Л.Д. Квалификация преступлений: закон, теория, практика. М., 2010.
2. Кашепов В.П., Кошаева Т.О. Криминализация – инструмент уголовно-правового воздействия на коррупционную преступность // Коррупция: природа, проявления, противодействие / Отв. ред. академик РАН Т.Я. Хабриева. М.: ИД «Юриспруденция», 2012.
3. Мусаелян М.Ф. Уголовно-правовое противодействие коррупционным преступлениям в Российской Федерации //Российский следователь. 2015. № 7.
4. Петров С.В. Преступное сообщество как форма соучастия: проблемы теории и практики. Н. Новгород, 2013.
5. Федеральный закон от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» //Собрание законодательства РФ. 2008. № 52 (ч. 1). Ст. 6228
6. Федеральный закон от 4 мая 2011 г. № 97-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с совершенствованием государственного управления в области противодействия коррупции» // Собрание законодательства РФ. 2011. № 19. Ст. 2714.
7. Шегабудинов Р.Ш. Организованная экономическая преступность, сопряженная с коррупцией. Состояние, тенденции и меры борьбы с ней. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2010.

Президент РФ, как четвертая ветвь власти

М.Б.Гогурчунова

Президент РФ занимает специфическое место в системе органов государственной власти. Можно сказать, что глава государства «стоит особняком» в данной системе власти. Для начала нужно отметить, что Президент РФ в соответствии с Конституцией РФ не входит ни в одну ветвь власти, но не входя ни в одну из ветвей власти, неформально является «четвертой ветвью».

Существуют определенные мнения по поводу места Президента РФ в системе органов власти. Сторонники первой концепции считают, что президентская власть рассматривается исключительно как исполнительная. Однако исполнительная власть в РФ осуществляется Правительством РФ во главе с премьер-министром. Сторонники второго подхода считают необходимым выделения новой ветви власти – президентской. Данный подход основан на том, что современные потребности общества и современные реалии говорят о необходимости отойти от жесткого разделения властей, ведь существовании разделения властей «в чистом виде» невозможно, в связи с динамичностью государства как механизма реализации полномочий субъектами. Выделение новых ветвей никоим образом не противопоставляется принципу разделения властей.

Особенностью правового положения Президента РФ является тот факт, что он инициирует деятельность федеральных органов государственной власти, а также обеспечивает их согласованное функционирование и взаимодействие. Президент РФ обладает правом законодательной инициативы, подписывает и обнародует принятые законодательным органом федеральные законы, также ему принадлежит право отклонить закон. В соответствии с Конституцией Президенту РФ принадлежит право определять основные направления как внутренней, так и внешней политики государства. Это означает, что Президенту принадлежит право формулировать данные направления, однако реализация политики государства остается важной составляющей деятельности органов законодательной, исполнительной и судебной властей.

Президент РФ имеет признаки всех ветвей власти. С законодательной – право законодательной инициативы, промульгация законов, право отклонение закона. С исполнительной – Президент РФ принимает участие в контроле за исполнением подписанных им законов. Также он имеет верховенство над исполнительной и судебной властью, ведь именно глава государства, в соответствии с Конституцией РФ, хотя и с согласия Государственной Думы, назначает Председателя Правительства РФ; принимает решение об его отставке; представляет Совету Федерации кандидатуры для назначения на должность судей Конституционного Суда РФ, Верховного Суда РФ; назначает судей других федеральных судов. Необходимо отметить тот момент, что Президент РФ фактически обладает инструментом роспуска Государственной Думы РФ. Да, это возможно при определенных условиях и в особых формах, однако это говорит нам о наличии сильной власти в руках главы государства. То есть Президент РФ самым активным образом влияет на деятельность органов государственной власти. Важно отметить, что Президенту РФ дана возможность использовать согласительные процедуры для разрешения разногласий между органами государственной власти РФ и органами государственной власти субъектов РФ, а также между органами государственной власти субъектов РФ.

Здесь мы отмечаем, что глава государства выступают неким арбитром, защищающим интересы, прежде всего, общества и государства в целом. Конституция возлагает на него задачу обеспечения единства государственной власти, осуществляемой законодательными, исполнительными и судебными органами. Анализируя Конституцию РФ, можно сказать о наличии достаточно широкого спектра реализуемых главой государства полномочий. Президент РФ является Верховным главнокомандующим. При этом он возглавляет Совет Безопасности, назначает высшее командование Вооруженных сил, представляет Совету Федерации кандидатуры для назначения на должность Генерального прокурора РФ, председателя Центрального банка, федеральных судей и другие.

Однако первостепенная роль Президента РФ – это все же, координация деятельности органов государственной власти. Думается, что именно Президент РФ направляет внутреннюю и внешнюю политику государства, определяет наиболее значимые задачи, концепции развития государства, организует деятельность федеральных органов государственной власти, проводит согласительные процедуры при наличии разногласий между различными органами, является гарантом Конституции РФ.

Однако глава государства никоим образом не является «всемогущим правителем», который сосредотачивает в своих руках всю власть, он не нарушает самостоятельности органов государственной власти. Хотя есть определенные спорные мнения по данному вопросу. Президент РФ не только определяет лиц, которые будут в составе Правительства РФ: по предложению Председателя Правительства РФ назначает на должность и освобождает от должности заместителей Председателя Правительства Российской Федерации, федеральных министров, но и направляет поручения федеральным министрам, что является определенным противоречием при реализации разделения властей. О. Н. Тарасов считает, что Президент РФ настолько интегрирован в систему исполнительной власти, что он не может быть беспристрастным при конфликте интересов исполнительной и законодательной власти. Также он считает, что Президент, исходя из анализа его полномочий, фактически руководит Правительством РФ, что противоречит основным принципам демократического государства. Также необходимо подчеркнуть, что Президент РФ фактически не несет конституционной ответственности за ненадлежащее выполнение своих обязанностей или, другими словами, полномочий. Ведь отрешение возможно только в случае совершения Президентом РФ государственной измены или иного тяжкого обвинения. Многие ученые выделяют и несовершенство института импичмента, невозможности его реального исполнения в связи с особенным статусом «обвиняемого», который обладает «неприкосновенностью».

Таким образом, Президент РФ – это координатор деятельности органов государственной власти, который осуществляет свою власть, реализуя принцип разделения властей.

Однако институт президентства требует определенных изменений для того, чтобы разделение властей было реальным, фундаментальным, открытым.

Принцип разделения властей по своей природе универсален. Да и к тому же в политически разобщенном государстве идея «разделения властей» нередко оказывается по «дамокловым мечом» возможного искажения. К примеру,

увеличения полномочий требует Президент РФ, за ним следуют силовые министры, а также некоторые главы субъектов федерации. В целях сохранения целостности самоограничения, вот чем должны руководствоваться каждая их этих ветвей власти.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 N 6-ФКЗ, от 30.12.2008 N 7-ФКЗ, от 05.02.2014 N 2-ФКЗ, от 21.07.2014 N 11-ФКЗ) // Собрание законодательства РФ.
2. Тарасов О.Н. Особый статус Президента Российской Федерации в системе разделения властей. [Электронный ресурс] URL: https://www.sovremennoepravo.ru/m/articles/view (дата обращения: 07.09.2017)
3. Ибрагимова Г.Ш. Президент РФ в системе разделения властей [Текст] // Государство и право: теория и практика: материалы IV Междунар. науч. конф. (г. Казань, март 2018 г.). – Казань: Молодой ученый, 2018. – С. 15-17. – URL https://moluch.ru/conf/law/archive/297/13769/ (дата обращения: 04.12.2019).

Теоретико-исторические проблемы сущности обычного права на Северном Кавказе

И.М.Гоов

Цель настоящего научного обзора – терминологический экскурс в письменные источники права, обращение к феномену «обычное право», начиная с ранних источников права и завершая трудами ученых-современников.

Одной из центральных тем диссертационных исследований, различных научных конференций (Международных, Всероссийских, Региональных), «круглых столов» стало «обычное право» – дефиниция, получившая в истории науки целый ряд терминологических обозначений и сущностных характеристик. Примечательно, что правовые обычаи выступают предметом исследований юристов, философов, социологов, политологов и др. Обращение к накопленному историографическому опыту показывает, что единого понимания обычного права нет. В попытках его интерпретации как в отечественной, так и зарубежной науке звучат постоянные оговорки типа «в широком смысле» и «в узком смысле». Например, у Бюлера – под обычным правом можно понимать в широком смысле слова все неписаное право и в узком смысле слова особую форму проявления генерального абстрактного правового правила в роли источника права. У Пио Карони – определения «писаное» и «неписаное» как разделители между обычным и государственным правом отражают лишь внешнюю форму различия, в то время как основным разграничителем является не форма, а основание действия: законное право действует на основе государственной силы. Для обычного права это основание действия – opinio iuris.[1]

Отсутствие единого, универсального определения рассматриваемого понятия имеет ряд причин. Например, это связано с терминологическими составляющими обсуждаемого явления («обычай» и «право»), которые сами по себе уже представляют собой сложнейшие понятийные структуры. Чрезвычайно емкий содержательный смысл, заключенный в них, позволяет толковать обычное право весьма широко. Его можно определить как деятельность сообщества, основанную на убеждении в обязательности применения определенных повторяющихся норм и правил поведения его членов.

Вместе с тем зависимость свойств обычного права от локальной временной и пространственной реальности делает проблематичным выделение его из других источников права, иначе говоря, затрудняет идентификацию обычного права конкретного сообщества. К настоящему времени общепризнанной стала динамичность обычного права: несмотря на известную консервативность, оно не было чем-то застывшим, постоянно трансформировалось по мере развития его носителей, впитывая в себя и закон, и прецеденты судебной практики. Закон, в свою очередь, также видоизменялся, он мог иметь и характер обычая, и характер нормы, привнесенной извне, например, в результате изобретения научной мысли. Право, бытовавшее в виде обычая, имело свойство со временем преобразовываться в закон, и, наоборот, законодательная норма могла постепенно обретать форму обычая. Попытки строгого разделения источников права на «закон» и «обычай» и выявление закономерностей их взаимодействия возвращают нас к древней диалектике «курицы и яйца», – пишет С.С. Крюкова. Единых обычно-правовых норм не существует даже внутри одного сообщества в пределах ограниченного временного промежутка: они варьируются по индивидуальному, половому, возрастному, сословному, профессиональному, этническому, религиозному и пр. признакам[2].

Многочисленность определений обычного права вызвана также и тем, что в литературе применялись разные критерии при отборе его признаков: формальный (неписаное право в противовес писаному – закону), гносеологический (обычное право возникает в результате правотворческой деятельности народа, официальное – продукт государства; обычное право – предправо, древнейшая ступень в эволюционном развитии законодательства), функциональный (обычное право – живой, реально действующий механизм права, официальное – искусственно созданный схематический образ права) и др. Кроме того, научные дисциплины, касавшиеся этой темы, интерпретировали обычное право с позиций собственных методов и представлений, что также не способствовало унификации понятия – ни в терминологическом смысле, ни в определении сущности и происхождения, ни в выделении его свойств[3].

---

[1] Bьhler T. Rechtserzeugung – Rechtserfahrung – Legitimitдt der Rechtsquellen. B.3. Zьrich, 1985. S.137; Caroni P. Einleitungstitel des Zivilgesetzbuches. Basel, Frankfurt am Main, 1996. S. 119.

[2] Крюкова С.С. Обычное право в российском законодательстве: к вопросу о термине и его содержании // http://www.jurant.ru/ru/books/law_and_life/krukova.htm

[3] Крюкова С.С. Обычное право в российском законодательстве: к вопросу о термине и его содержании // http://www.jurant.ru/ru/books/law_and_life/krukova.htm

Постоянная востребованность осмысления затрагиваемой проблемы – закономерный и неотъемлемый элемент развития правовой системы любого общества, что подтверждает актуальность аспектов, составляющих наше исследование.

Обычное право, как одно из древнейших форм права, было известно, в том числе и коллегам-юристам, с античных времен. Научное понятие «обычное право» появилось в связи с началом систематического его изучения еще в позапрошлом веке. На сегодня в мировой и российской юридической науке появились значительные достижения в области изучения обычного права, но до сих пор учеными употребляются разные понятия, обозначающие это явление, например, архаичное право, древнее право, живое право, неофициальное право, раннее право, племенное право, первобытное право, до-право, предправо, народное право, примитивное право, негосударственное право, местное право, традиционное, туземное право, право коренных народов[1]. Подобная пестрота терминов для обозначения в основном одного и того же объекта исследования приводило и подчас приводит до сих пор к узости, односторонности, а в ряде случаев и неверным представлениям об обычном праве. Определение обычного права представляет собой одну из самых сложных задач.

Считаем правильным начать с того, чтобы обратиться к признанным публичным источникам: в данном случае – к Энциклопедии. Обычное право – исторически сложившийся источник права и правило поведения. Позже часто санкционировалось государством и включалось в его систему правовых норм.

Обычное право представляет собой одно из древнейших явлений в истории человечества. Причем проблемы возникновения, формирования и развития обычного права носят многоплановый характер, поскольку его нормы являются элементами национальной культуры. Изучение обычаев, их соотношения с другими источниками права важно для понимания исторического процесса возникновения права, а также преемственности в развитии правовых норм. В правовой науке, как отечественной, так и зарубежной, обычное право изучалось и изучается в историческом аспекте и в плане сравнения обычной нормы с другими социальными нормами.

Обычаи (обычные нормы) признаются источниками права не во всех государствах, и лишь в ограниченном круге правовых отношений.

Особая роль обычного права отмечается в неотдифференцированных правовых системах, где правовой обычай, доктрина и закон нередко конкурируют между собой. Однако обнаруживается тенденция к закреплению государством разделения сфер влияния (регулирования), нормирования общественных отношений со стороны указанных источников права. Особенно велика значимость обычно-правовых норм в национальных правовых системах, в нашем случае и среди кавказских народов.

В развитых правовых системах правовой обычай выступает в качестве дополнительного источника права, когда норма правового обычая восполняет пробел, образовавшийся в результате неурегулированности того или иного условия в договоре или пробелы законодательства.

Правовые обычаи есть особая разновидность общегражданских обычаев (к которым принято относить обычаи делового оборота и другие обычаи, обыкновения и заведенный порядок), действующих в обществе. Их содержание образуют конкретные правила, предписывающие строго определенную линию поведения в тех или иных ситуациях. Устойчивость, повторяемость социальных отношений и связей вызывают возникновение в индивидуальном, групповом и массовом общественном сознании определенных стереотипов поведения[2].

Этимология слова «обычай» была исследована М.Ф. Владимирским-Будановым, который сделал вывод о том, что обычай в сознании народа обозначает такие понятия как «правда», «норов», «предание», «пошлина» (то, что «пошло» издавна)[3].

В российской и советской юридической науке, отчасти в 1990-е годы обычное право рассматривалось исключительно в позитивистском духе, связывая его с формированием и развитием государственных форм власти (А.А. Алексеев, В.Н. Баранов, Г.И. Муромцев, В.С. Нерсесянц, М.А. Супатаев, и др.). М.А. Супатаев определяет обычное право как «совокупность юридических обычаев, выражавших интересы формирующегося класса эксплуататоров и охраняемых, в конечном счете, принудительной силой государства».[4]

Являясь сторонником позитивистского подхода. – С. С. Алексеев считает, что обычное право повсеместно является исторически первоначальной формой позитивного права и представляет собой совокупность правовых обычаев, т.е. обычаев, которые были признаны и санкционированы государством[5]. С ним согласны А.Д. Лопухи и И.М. Зельцера. По мнению авторов, «санкционированные государством нормы первобытных обычаев, отражающие интересы общности и превращенные в нормы права (обычного),

---

[1] Рулан Н. Юридическая антропология. Отв.ред. В.С.Нерсесянц. М., 1999. С. 209-210.

[2] Правовой обычай // Материал из Википедии – свободной энциклопедии // https://ru.wikipedia.org/wiki/%CF%F0%E0%E2%EE%E2%EE%E9_%EE%E1%FB%F7%E0%E9

[3] Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор и история Русского права. – Ростов-на-Дону: Феникс, 1995. – С. 109-110.

[4] Супатаев М.А. Обычное право в странах Восточной Африки. М., 1984, С. 15; Супатаев М.А. Правовой обычай как источник права в развивающих странах // Государство и право в развивающихся странах. М., 1991.

[5] Алексеев С.С. Государство и право. М., 1994; его же. Алексеев С. С. Теория права. М.: Издательство БЕК, 1995. С.39.

которые охраняются в отличие от мононорм первобытного общества силой государственного принуждения»[1].

Советские и российские юристы, и историки права обращали и продолжают обращать внимание на обычное право как на источник права и как особую форму общественного института, взаимодействующего с моралью и социальными нормами. Иногда это взаимодействие рассматривалось как взаимопроникновение, что привело к введению в советские годы учеными понятия «мононормы» (А.Б. Венгеров, Л.Е. Куббель, А.И. Першиц, позже – Х.М. Думанов), которое подчеркивало неразчленненность и нераздельность сфер общественного, морального и правового регулирования первобытной жизни. Так, в работе Х.М. Думанова и Ф.Х. Думановой «Адыгэ хабзэ», указывается, что «адыгэ хабзэ» – это свод правовых норм, выработанных адыгами в ходе их многовековой истории. К «адыгэ хабзэ» в кавказоведении относят практически все традиции адыгов, в том числе и общественные институты (гостеприимства, взаимопомощи). В последние годы среди российских юристов появились противники такой точки зрения (Т.В. Кашанина, Г.В. Мальцев). Так, Т.В. Кашанина отмечает в своем учебном пособии «Происхождение государства и права. Современные трактовки и новые подходы» подчеркивает: «мононормы», т.е. нормы, не дифференцированные и не расщепленные на различные нормы социальной регуляции первобытного общества – это научный вымысел, фантазия ученых, а не реальность[2].

В 1990-е годы в российской правовой доктрине появились различные точки зрения на эту проблему, связанные с желанием отойти от традиционного позитивистского подхода. В 1990-е годы наиболее плодотворно теорией обычного права занимался Г.В. Мальцев, который, обозначая современные представления о месте обычного права среди других форм права, подчёркивает, что «обычное право – это не переходная форма, а фундаментальное явление, проходящее через всю правовую историю»[3].

Многие современные российские правоведы предпочитают делать акцент не на государственном санкционировании обычного права, а на его взаимосвязи с общим историко-культурном контекстом. Приведем понятие обычного права, данное Ф.Т. Селюковым. В целом обычное право представляет собой правила действия консенсуального или конвенциального характера, сложившееся на групповой основе среди лиц, объединенных по разным основаниям практической деятельности, например, на основе совместного воспитания и т.п. Выполнение этих правил осуществляется добровольно и в сложившейся группе, общине тщательно соблюдается. Санкцией за их несоблюдение является отторжение и исключение из членов группы, связанное с потерей преимуществ, которые дает группа своему члену. Создание таких правил имеет целью обеспечить согласованные действия, основанные на доверительных отношениях и сознании общности интересов, происхождения, связей и т.п. Для этого используются, реконструируются или создаются заново ценностные ориентации, позволяющие устанавливать взаимосвязь, предпочтения, последовательность действий и другие их признаки. Другой правовед В.А. Кряжков подчеркивает, что нужно анализировать содержание обычая, который должен быть основан на сознании его необходимости (обязательности), на убеждении, что следует поступать непременно так, а не иначе в интересах общежития. Правовой обычай отличает неоднократность применения, нравственная основа и действие в юридически значимых сферах (землепользование, имущественные споры, брачно-семейные отношения)[4].

Отечественными историками права также затрагиваются те или иные моменты, непосредственно касающиеся сущности обычного права. И.А. Исаев указывает на большое значение правового обычая как источника права в Древней Руси. В.Г. Графский определяет правовые обычаи как основанные на частом употреблении широко известные правила правового назначения, регулирующие в догосударственном (родоплеменном) обществе практически все типичные отношения. Исследователем был предложен также термин «первобытное право», обладающее признаками казуистичности.

Другое название обычного права, предложенное этим исследователем, – первобытное право, которое он наделял такой особенностью как казуистичность. «Обычное право, – пишет В.Г. Графский, – поначалу – это орудие поддержания порядка без участия государственно-властного администрирования»[5]. Согласно этому определению обычное право как раз и является тем самым основным социальным нормативным регулятором в обществах, где ещё не созданы государственно-властные структуры и где исполнение норм обычаев контролировалось самим обществом.

По мнению А.М.Ладыженского, по мере того, как роды становились сословными корпорациями, органы родовой власти становились органами классовой власти, первоначально по отношению к подчинённым родам, а затем по мере распада родового строя – и по отношению к своим членам. А бытовые внутриродовые нормы в это же время становились классовыми нормами, основанными уже на внешней

---

[1] См.: Лопуха А.Д., Зелъцер И.М. Обычное право: вопросы теории и современная практика. Новосибирск, 2002.

[2] Думанов Х.М., Думанова Ф.Х. Адыгэ Хабзэ// Человек и общество на Кавказе. Проблемы правового бытия. Ставрополь, 2002. С.78; Цит. по Волгина А.П. Понятие обычного права народов Северного Кавказа // http://www.superinf.ru/view_helpstud.php?id=2555

[3] Мальцев Г.В. Очерки теории обычая и обычного права // Обычное право в России: проблемы теории, истории и практики. – Ростов-на-Дону: СКАГС, 1999. – С. 51.

[4] Селюков Ф.Т. Обычное право: основные понятия, структуры, функции, методы изучения. М., 1991. Рукопись. Деп. ИНИОН. С.36; Кряжков В.А. Право и обычай в российской действительности: проблемы взаимодействия // Материалы конгресса по народному праву. М., 1999.

[5] Графский В.Г. Всеобщая история права и государства. – М.: 2001. – С. 8-9.

принудительной силе, то есть нормами правовыми. Так, выкуп кровной мести, чисто родовой обычай, стал в варварских правдах юридической нормой, различной для разных сословий и санкционированной государственной властью (вира и головщина)»[1]. На основе проведённых исследований А.М.Ладыженским было предложено следующее определение обычного права, с которым мы более солидарны: «Под обычным правом надо понимать совокупность правил внешнего поведения, которые: 1) рассматриваются членами социального объединения как обязательные а) на основании ли непосредственно влияющих условий общественной жизни или б) на основании какого-либо общественного авторитета; 2) исполняются членами данного общества, а если их нарушают, то против этого борются, систематически применяя против правонарушителей репрессивные меры».[2]

Акционерные общества в системе законодательства

Р.И. оглы Гурбанов

Характеризуя законодательство РФ об акционерных обществах, прежде всего, необходимо отметить некоторые важнейшие его особенности:

– сравнительно небольшой временной период формирования системы нормативных актов;

– наличие нескольких «особых» групп акционерных обществ, специфика создания правового положения которых регулируется специальными нормативными актами (пп. 3,4,5 ст. 1 Федерального закона «Об акционерных обществах», Федеральным законом «Об особенностях правового положения акционерных обществ работников (народных предприятий)», Федеральным законом «Об инвестиционных фондах»);

– значительное количество внутренних системных противоречий законодательных актов, регулирующих соответствующую сферу общественных отношений.

Роль Конституции РФ в регулировании акционерных отношений состоит в следующем:

во-первых, ст. 30 Конституции РФ гарантирует право каждого на объединение, а акционерное общество представляет собой именно объединение лиц и их капиталов для достижения общих целей;

во-вторых, ст. 35 Конституции РФ гарантирует в России право частной собственности. Форма собственности акционерного общества – частная;

в-третьих, Конституция РФ провозглашает целый ряд установлений общего характера, которые во многих ситуациях могут служить надежной гарантией для обеспечения прав акционерного общества как субъекта права.

Статья 46 Конституции РФ гарантирует защиту прав и свобод, позволяет обжаловать действия (бездействие) органов государственной власти, органов местного самоуправления и должностных лиц. На практике встречаются необоснованные отказы в государственной регистрации акционерных обществ, выпусков ценных бумаг, которые впоследствии успешно обжалуются в суде.

Конституция РФ, хотя и не является источником специальных правовых норм, регулирующих акционерные отношения, закладывает необходимые предпосылки для создания и функционирования акционерного общества, а также для эффективной защиты его прав как полноправного субъекта предпринимательской деятельности.

Общепризнанные нормы международного права и международные договоры Российской Федерации в соответствии со ст. 15 Конституции РФ и ст. 7 Гражданского кодекса РФ являются составной частью правовой системы РФ. Нормы международного права содержатся в уставе ОНН, декларациях и рекомендациях Генеральной Ассамблеи ООН и других документах. Нормы международного права обычно применяются к акционерным обществам с участием иностранных инвестиций. Общепризнанные нормы международного права и международные договоры имеют приоритет перед законодательством РФ в случае коллизии.

Международные договоры, заключенные бывшим СССР, сохраняют юридическую силу (поскольку РФ является правопреемницей СССР) до тех пор, пока одной из сторон не будет объявлено о его денонсации, т.е. не будет проведен надлежащим образом оформленный отказ от заключения между государствами международного договора.

Применение норм международного права к акционерным отношениям является очень большой редкостью.

Отдельно необходимо упомянуть прецеденты Европейского суда по правам человека. Данные акты имеют прямое действие на территории РФ, что подтверждается разъяснениями высших судебных инстанций. В силу указанного упомянутые прецеденты могут служить источниками права. В частности, они с успехом применяются судами по некоторым категориям налоговых споров.

Федеральные законы являются основным элементом законодательства РФ об акционерных обществах. К их числу относятся: Гражданский кодекс РФ, в котором особое значение имеет гл. 4 «Юридические лица»; Федеральный закон «Об акционерных обществах» от 26 декабря 1995 года № 208-ФЗ; Федеральный закон «О рынке ценных бумаг» от 22 апреля 1996 года № 39-ФЗ; Федеральный закон «Об особенностях правового положения акционерных обществ работников» (народных предприятий)» от 19 июля 1998 года № 115-ФЗ; Федеральный закон «О защите прав и законных интересов инвесторов на рынке

---

[1] Ладыженский А.М. Адаты горцев Северного Кавказа. Под ред. Зайналабидова А.С., Черноуса В.В. Южнороссийское обозрение. Вып. 18. – Ростов-на-Дону: СКНЦ ВШ, 2003. – С. 66-67.

[2] Ладыженский А.М. Методы этнологического изучения права // Этнографическое положение. – 1995. – № 4. – С. 160.

ценных бумаг» от 5 марта 1999 года № 46-ФЗ; Федеральный закон «О приватизации государственного имущества и об основах приватизации муниципального имущества в Российской Федерации» от 21 декабря 2001 года № 178-ФЗ, а также некоторые иные законы, содержащие отдельные нормы, относящиеся к акционерным обществам.[1]

К отношениям, возникшим до введения в действие соответствующего закона, он применяется лишь к тем правам и обязанностям, которые возникли после вступления его в силу, однако если в принятом законе прямо указано, что его действие распространяется на отношения, возникшее ранее, то считается, что такому закону придана обратная сила. Обратная сила может быть придана закону в порядке исключения.

Подзаконные нормативные акты играют значительную роль в регулировании акционерных отношений. К их числу относятся: указы Президента РФ, постановления правительства РФ, нормативные правовые акты министерств, ведомств иных федеральных органов исполнительной власти, среди которых особенно выделяются бывшая Федеральная служба по финансовым рынкам, бывшее Министерство имущественных отношений, сейчас – Федеральное агентство по управлению федеральным имуществом, Министерство финансов, Министерство экономического развития и торговли, Министерство юстиции, федеральный антимонопольный орган.

Подзаконные нормативные акты могут быть общего и специального характера. Подзаконные акты общего характера устанавливают одинаковые для всех акционерных обществ правила (постановление ФКЦБ РФ, которая упразднена с 13 марта 2004 года, «Об утверждении Положения о ведении реестра владельцев именных ценных бумаг» от 2 октября 1997 года № 27), в то время как акты специального характера регулируют особенности, свойственные отдельным акционерным обществам.

Отдельно стоит остановиться на подзаконных нормативных актах, принятых до введения в действие Гражданского кодекса РФ. На практике эти акты создают наибольшие сложности, так как они применяются до сих пор в части, не противоречащей Гражданскому кодексу РФ.

По мнению ученого Ионцева М.Г., именно упомянутые подзаконные акты создают наибольшее число проблем, особенно в тех случаях, когда дело доходит до судебных разбирательств.

Правовые обычаи (обычаи делового оборота), т.е. правила, во-первых, достаточно сложившиеся и определенные в своем содержании, во-вторых, широко применяемые и не имеющие узкоспециального характера, в-третьих, сфера их применения ограничивается предпринимательскими отношениями, в-четвертых, не предусмотренные действующим законодательством.

На основании анализа содержания ст. ст. 5 и 6 Гражданского кодекса РФ можно сделать вывод, что правовые обычаи применяются там и тогда, где обнаруживаются пробелы законодательства, не восполненные соглашением сторон.

Восполнение пробелов действующего законодательства, а также однозначное истолкование его посредством обобщения судебной практики получило дальнейшее развитие в постановлении Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 14 февраля 2008 года № 14. В этом постановлении отмечается, что в соответствии с п. 1 ст. 311 АПК РФ может быть пересмотрен по вновь открывшимся обстоятельствам также судебный акт, оспариваемый заявителем в порядке надзора и основанный на положениях законодательства, практика, применения которых после его принятия определена Высшим арбитражным судом Российской Федерации или в постановлении Пленума Высшего арбитражного суда Российской Федерации, в том числе принятого по результатам рассмотрения другого дела в порядке надзора.

Локальные акты акционерных обществ – в появлении данных актов, которые, впрочем, весьма условно можно отнести к источникам права, регулирующим акционерные отношении, в полной мере проявляется метод гражданско-правового регулирования, для которого характерны: автономия воли участников, свобода договора, недопустимость произвольного вмешательства в частные дела, возможность выбора между различными вариантами поведения.

По мнению ученого И.Г.Ионцева, локальные акты акционерных обществ разумно разделить на 2 группы: внутренние акты и санкционированные государством уставы и иные документы (санкционирование проявляется в государственной регистрации и в утверждении, например, уставов акционерных обществ, создаваемых при приватизации государственных унитарных предприятий).

В числе внутренних актов необходимо выделить различные положения, а именно: о распределении и использовании прибыли, о ценных бумагах общества, о реестре акционеров общества, об общем собрании общества и т.п.

Локальные акты общества очень часто помогают выйти из правового тупика. Кроме того, внутренние положения, к разработке которых обычно относятся крайне формально, способны также оказать неоценимую помощь во время корпоративного конфликта. Дело в том, что эти положения можно включать практически любые процедурные и иные нормы, не противоречащие действующему законодательству и уставу общества. В ряде случаев в них находят свое разрешение некоторые диспозитивные нормы Федерального закона «Об акционерных обществах». Например, в споре о том, стоит ли проводить повторное внеочередное общее собрание акционеров взамен несостоявшегося, соответствующее положение способно поставить жирную точку.

Таким образом, Конституция РФ, закладывает необходимые предпосылки для создания и функционирования акционерного общества, а также для эффективной защиты его прав как полноправного субъекта предпринимательской деятельности; нормы международного права как элемент законодательства

[1] Ионцев М.Г. Акционерные общества. – 4-е изд., перераб. и доп.- М.: Ось- 89, 2011. – С. 38.

РФ об акционерных обществах обычно применяются к акционерным обществам с участием иностранных инвестиций, имеют приоритет перед законодательством РФ в случае коллизии, а также применение норм международного права к акционерным отношениям является очень большой редкостью; Федеральные законы являются основным элементом законодательства РФ об акционерных обществах; подзаконные нормативные акты играют значительную роль в регулировании акционерных отношений; правовые обычаи (обычаи делового оборота), т.е. правила, применяются там и тогда, где обнаруживаются пробелы законодательства, не восполненные соглашением сторон; локальные акты акционерных обществ которые можно подразделить на внутренние акты и санкционированные государством уставы и иные документы; акты судебной и арбитражной практики, как элементы законодательства РФ об акционерных обществах являются предметом многочисленных дискуссий, они играют более чем существенную роль в восполнении пробелов в действующем законодательстве; в литературе к числу источников «акционерного права» некоторые авторы относят еще и договоры, эта позиция является спорной; также широкое распространение получили соглашения акционеров как элементы законодательства РФ об акционерных обществах.

Крестьянская реформа 1861 года с точки зрения концептуальных подходов к изучению истории государства и права.

А.З.Гусаева

Российская модернизация XIX века не могла быть осуществлена в полной мере без изменения экономической, социокультурной и политической сфер жизни общества. Александр II, осознавая необходимость проведения коренных реформ, практически сразу после вступления на престол начал подготовку к проведению одной из самых масштабных российских реформ- отмена крепостного права.

Как отмечает В.Т. Рязанов, крестьянская реформа в России фактически завершала общеевропейский цикл преобразований в аграрном секторе, снимая серьезные ограничения перехода к индустриально-капиталистическому обществу[1]. Проблема решения вопроса об отмене крепостного права появилась еще задолго до 1861 года, однако никто до Александра II так и не смог избавить страну от крепостничества.

Следует подчеркнуть важность изучения данной реформы именно в рамках концепций об общественно-экономической формации и о локальных цивилизациях, данные подходы помогают тщательнее проанализировать результаты реформы и ее роль в последующих событиях истории Российской государственности.

Понятие «общественно-экономическая формация» является одной из центральных категорий материалистического понимания истории, созданного Карлом Марксом и Фридрихом Энгельсом. Это стадия общественной эволюции, характеризующаяся определённой ступенью развития производительных сил общества и соответствующим этой ступени историческим типом экономических производственных отношений, которые зависят от неё и определяются ею. [2] Общественно-экономическая формация - это своего рода уклад экономики, характеризующий тот или иной тип государства.

Российская Империя в XIX веке начала переход от одного типа государства к другому: в недрах феодализма зародился новый для России вид отношений – буржуазный. Переход к капиталистическому обществу не мог произойти в полной мере, так как использование труда крестьян являлось пережитком средневековья- государств феодального типа. Понимание данного факта и осознание невозможности прогресса для Российской Империи без отмены крепостного права породили множество восстаний, волнений не только среди эксплуатируемого класса, но и среди самих феодалов-помещиков. Серьезные шаги в решении данной проблемы принимали и императоры Павел I и Александр I, которые пытались подготовить страну к столь важному шагу.

Важным шагом на пути к проведению крестьянской реформы в 1861 году стала отмена крепостного права в Остзейских губерниях в первой четверти XIX века. Рассматривая данную реформу с точки зрения концепции об общественно-экономической формации, историки отмечают, что это было сделано с учетом экономического развития Прибалтийских губерний. Так как данные территории не всегда находились во владении Российской Империи, экономически они были схожи с европейскими странами. Развитие рыночных отношений шло более прогрессивно, что и стало основной причиной дарования свободы крепостным крестьянам Эстляндии, Курляндии, Лифляндии, острова Эзель. Особенностью крестьянской реформы в данных губерниях является то, что она не предусматривала изъятие помещичьих земель и возможность получение наделов крестьянами: реформа была направлена лишь на их освобождение. В данном случае высокий по сравнению с другими частями России уровень рыночных отношений послужил отмене крепостничества за тридцать с лишним лет до издания Манифеста 1961 года.

Изучение любого исторического явления основывается на нескольких точек зрения. Рассмотрев отмену крепостного права через призму формационного подхода, важно подойти к ней и с цивилизационного, который помогает увидеть отражение культуры Российской Империи в данном явлении.

---

[1] Рязанов В.Т. «Реформа 1861 года в России: причины и исторические уроки» 2011г.

[2] Илюшечкин В. П. Теория стадийного развития общества (история и проблемы). – М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1996. – 406 с. – 700 экз.

Теория локальных цивилизаций Тойнби рассматривает историю всех государств, выстраивая единую для всех систему: возникновение, развитие, надлом и гибель[1]. В данном подходе надстройка выходит на первый уровень, то есть социокультурные особенности определяют тип цивилизации, что полностью опровергают формационный подход, где базис-экономика является первоначалом для любого из пяти типов государств.

Отмена крепостного права в Остзейских губерниях в 1816-1819 годах во многом определилась благодаря особенностям культуры тех территорий, которые фактически не являлись исконно русскими. Прибалтийский регион столетиями то переходил к России, то был отвоеван в различных сражениях странами-противниками. По концепции Тойнби Россия относится к русской(славянской) цивилизации, однако невозможно отнесение Прибалтики к данному виду цивилизации. Различия проявлялись во многих сферах: как в культурном плане, так и в бытовом. Именно тот факт, что данные территории исконно не принадлежали России, говорит нам о том, что и развитие их проходило по другому пути, как и у всех европейских стран. Остзейские губернии развивались быстрее в экономическом плане, и уже к девятнадцатому веку они имели достаточно развитый уровень рыночных отношений. Конечно, крестьянская реформа в данном регионе была значительным шагом вперед для России, но Эстляндия, Курляндия, Лифляндия и остров Эзель были лишь малой частью огромной державы, где по-прежнему оставался не решенный с крестьянами вопрос.

Вступив на престол, Александр II приступил к решению самых главных для России девятнадцатого века проблем, решение которых не могло осуществиться в полной мере без отмены крепостного права. Именно это и побудило императора начать модернизация именно с крестьянской(аграрной) реформы. Чтобы наиболее точно определить предпосылки реформы, рассмотрим их в рамках формационного подхода.

Российская Империя в данный период находилась в переходном положении: происходил переход к капитализму. Это обуславливало необходимость развития рыночных отношений, которое тормозило как крепостничество, так и множество феодальных пережитков России, с которыми не хотели расставаться помещики, крепко державшиеся за свои земли, крестьян и сословные привилегии.

Первой предпосылкой, как говорилось выше явился кризис феодально-крепостнической системы, который достиг своей апогея именно в девятнадцатом веке. Именно эта система повлияла на ход и итоги Крымской войны и стала главной причиной тех плачевных для Российской Империи последствий. Пришла в упадок вся экономика России: объемы производства и количество импортируемой продукции упали в несколько раз. Это все происходило именно в тот период, когда новый класс- капиталистов нуждался в здоровой экономической системе, которая бы на тот момент смогла бы не только предотвратить последствия поражения в войне, но повлиять на ее исход[2].

Второй предпосылкой, вытекающей из предыдущей, является то, что к середине девятнадцатого века производственные отношения Российской Империи не соответствовали уровню развития экономики: как в сельскохозяйственном секторе, так и в промышленном. Проявляться оно стало еще при Петре I, когда произошел мощный рывок для в экономическом развитии, но как пишет О.И.Чистяков данное «несоответствие» могло проявляться еще долго, если бы ростки капитализма не стали так стремительно развиваться, а затем подрывать сложившиеся веками устои тогдашней России. Одновременный упадок феодализма и рост капитализма вызывали конфликт между тремя классами сразу: помещиками, беспокоящимися лишь о земле; крестьянами, которые больше не могли терпеть крепостнический уклад, что и проявилось во множестве волнений и восстаниях; буржуазией, которая не могла развивать свои силы в рамках тех производственных отношений.

Однако стоит отметить тот факт, что элементы капитализма проникали в помещичьи хозяйства, что проявилось в развитии связей с рынком, попытках применения наемного труда, что активно пользовалось спросом в Прибалтийских губерниях еще в начале столетия, улучшении агротехники посредством привлечения машинной техники. Но в общем развитие феодальных отношений шло по старому, сложившемуся веками пути- эксплуатация их собственности, то есть крестьян и увеличению размеров хозяйств, что и привело феодализм в упадок: к концу 1850х годов разорилось более 10 процентов дворянства. Наиболее образованные и прогрессивные помещики, осознавая это, пытались предпринять меры по улучшению положения крестьян, которое бы привело к мотивированной и хорошей работе, а также вовсе упразднению крепостного права и внедрению в оборот наемного труда, который более продуктивен и полезен для страны. Применительно к предпосылкам реформы, концепция о локальных цивилизациях дает сразу несколько подходов:

Славянский культурный тип (по Н. Я. Данилевскому);

Русский народ – народ-богоносец (по Ф. М. Достоевскому);[3]

Русская цивилизация (по Л. Н. Толстому).

Наиболее изученной и применимой теорией является теория о русской цивилизации Льва Николаевича Толстого, который утверждал, что крепостное право есть чуждое для русского народа явление.

---

[1] Тойнби А. Дж. Постижение истории. Сборник. / Пер. с англ. Е. Д. Жаркова, М., Рольф, 2001. – 640 с., ISBN 5-7836-0413-5, т. I. Введение. Сравнительное исследование цивилизаций, Предварительная классификация обществ данного вида, с. 82–85.

[2] Нифонтов А.С. Внешняя торговля России во время Восточной войны 1853-56 гг. // Проблемы социально-экономической истории России. М., 1971. С.83,88.

[3] Бердяев Н.А., Достоевский Ф.М. Русская идея.

Но нельзя отрицать тот факт, что крепостничество в России складывалось на протяжении нескольких столетий и за это время успело стать частью Российской культуры.

Важно частью рассмотрения крестьянской реформы в рамках цивилизационного подхода является ее сравнение с похожими реформами других государств, ведь тенденция отмены крепостного права и рабовладения была начата не в России, а задолго до нее: именно те страны, которые избавили свой народ от эксплуатации с момента первых крестьянских волнений смогли стать лидирующими мировыми державами как в экономической сфере, так и в других отраслях. Что это: особенность надстройки тех стран или же более высокий уровень развития базиса? Этот вопрос является спорным в историко-правовой науке. С одной стороны, мы видим совершенно иную культуру и другой народ, который, по мнению Тойнби, отвечает на отличные от нашего государства вызовы[1]. Россия на протяжении всего своего многовекового существования отвечает, главным образом, на вызов непрерывного внешнего давления, которое началось с пришествия хана Батыя и продолжается по сей день, когда государство находится под постоянным воздействием Западного и Исламского мира, а также Китая. С другой стороны, нельзя не учитывать тот факт, что большинство европейских государств с момента их возникновения делали мощный упор на развитие внешнеторговых связей в то время, как Россия на первый план выдвигала завоевание территорий, но не умаляла важность развития торговых отношений.

Крестьянская (аграрная) реформа является одной из самых противоречивых и спорных реформ Александра II. Да, это решение остро стоящего крестьянского вопроса, но был ли результат? Что получили крестьяне: свободу и земли или же вошли в очередную кабалу помещиков? Данные вопросы остаются темами для дискуссий многих авторов: для кого-то это огромный шаг на пути становления капиталистического государства, а для других- просто желание императора предотвратить крестьянские восстания по этому поводу.

Рассмотрим проведение реформы и ее последствия с точки зрения концептуальных подходов и выясним, что действительно произошло после отмены крепостного права и как это отразилось на дальнейшей истории России.

Формационный подход дает нам ясный ответ: отмена крепостного права послужила началу становления нового типа государства- капиталистического, где господствующим классом является уже не феодал, а буржуазия, а основой крестьяне, работающие на них и выполняющие оброк и барщину, а отношения между производственных отношений становятся не земли помещиков и крепостные собственниками средств производства и пролетариатом – рабочим классом. Данный переход способствовал дальнейшему развитию Российской Империи не как государства-эксплуататора собственного народа, а как страна с развитыми рыночными отношениями, что отразилось на положительной динамике экономического развития в начале XX века.

Однако считать данную реформу столь значительной в плане ее результатов нельзя, как и большинство исследователей, Олег Иванович Чистяков считает ее половинчатой и незаконченной, а многие историки вовсе считают ее просто способом предотвращения крестьянской революции, о чем даже свидетельствуют слова самого императора о том, что лучше провести реформу «свыше», дабы предотвратить восстания «снизу»[2]. Важность рассмотрения аграрной реформы с формационного подхода заключается не только в наступлении нового период Российской Империи как капиталистического государства, но и развитие нового типа производственных отношений, развития рынка, торговли, однако не в полной мере ввиду незавершенности реформы.

С точки зрения цивилизационного подхода в этот момент государство перешло в стадию своего «развития», за которым позже последовал надлом и гибель. Конечно, считать данную реформу главной причиной Октябрьской революции сложно, но историки-правоведы называют в числе основных: аграрная реформа не послужила действительной отменой крепостничества, она подарила крестьянам лишь фиктивную свободу, которая ненадолго отсрочила революцию. По теории Тойнби цивилизация обладает отличительными чертами надстройки, характеризующие тот или иной тип цивилизации: для русской(православной) цивилизации того времени была характерна неспособность крестьян отстоять свои права, как сложилось в результате многовекового закрепощения, они привыкли работать на своих помещиков, и продолжали делать это даже после дарования им свободы, хоть и фактической. Ведь были и крестьяне, которые смогли освободить себя от этой кабалы и стать пролетариатом, который в последующем сыграет важную роль в истории России.

Российская Империя в период с середины XIX века по начало XX века прошла несколько стадий, которые согласно концепции о локальных цивилизациях, определялись как развитие, надлом и гибель, однако если в концепции говорится о полном уничтожении ценностей прошлого, то в России этого не произошло: крепостничество хоть и не в том виде, котором оно было закреплено в Соборном Уложении 1649 года, существовало вплоть до реформы Столыпина, которая смогла завершить путь, начатый Александром II путем отмены крепостного права в 1961 году.

---

[1] Кагарлицкий Б.Ю. От империй - к империализму. Государство и возникновение буржуазной цивилизации. - М.: изд. дом Гос. ун-та - Высшей школы экономики, 2010. - С.27.

[2] Речь Александра II, произнесённая им 30 марта 1856 г. перед московским губернским и уездным предводителями дворянства// Конец крепостничества в России. Документы, письма, мемуары, статьи. – М.: Изд-во МГУ, 1994. С. 85.

Подводя итоги крестьянской реформы, необходимо обозначить ее важность и в последующем огромное влияние на становление Российского государства. Незаконченность реформы, ее неопределенность и нереализованность привели к действительно плачевным последствиям, отразившимся в истории нашего Отечества как с точки зрения формационного подхода, так и с цивилизационного.

Список литературы:

1. Чистяков О.И. История государства и права России. 2005год
2. Рязанов В.Т. «Реформа 1861 года в России: причины и исторические уроки» 2011г.
3. Илюшечкин В. П. Теория стадийного развития общества (история и проблемы). – М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1996. – 406 с. – 700 экз.
4. Бердяев Н.А., Достоевский Ф.М. Русская идея.
5. Тойнби А. Дж. Постижение истории. Сборник. / Пер. с англ. Е. Д. Жаркова, М., Рольф, 2001. – 640 с., ISBN 5-7836-0413-5, т. I. Введение. Сравнительное исследование цивилизаций, Предварительная классификация обществ данного вида. – С. 82–85.
6. Кагарлицкий Б. Ю. От империй - к империализму. Государство и возникновение буржуазной цивилизации. - М.: изд. дом Гос. ун-та - Высшей школы экономики, 2010. - С.27.
7. Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд., М., 1955–1961. т. 48. – С. 157, т. 46/I. – С. 462-469, 491
8. Тойнби А. Дж. Постижение истории. Сборник. / Пер. с англ. Е. Д. Жаркова, М., Рольф, 2001. – 640 с., ISBN 5-7836-0413-5, т. 2. Генезис цивилизаций. Вызов-и-ответ. Стимул давлений.. – С. 147–149.
9. Blum J. Lord and Peasant in Russia: From the Ninth to the Nineteenth Century. – New York, 1964.
10. Захарова Л.Г. Александр II и отмена крепостного права в России. – М.: РОССПЭН, 2011. – 718 с. – (Основой изд. без испр. и доп. является «Самодержавие и отмена крепостного права в России, 1856–1861» (М., 1984)). – 1000 экз. – ISBN 978-5-8243-1548-6.
11. Письмо Председателя Редакционных комиссий Я. И. Ростовцева Александру II, представляющее обзор различных мнений, ходивших в то время в обществе, о способах освобождения крестьян. 23 октября 1859 г. // Конец крепостничества в России. Документы, письма, мемуары, статьи. – М.: Изд-во МГУ, 1994. С. 169.
12. О всемилостивейшем даровании крепостным людям прав состояния свободных сельских обывателей: Манифест от 19.02.1861 // ПСЗРИ. Т. 36. Ч. 1. С. 128. № 36650.
13. Скребицкий А.И. Крестьянское дело в царствование императора Александра II. Материалы для истории освобождения крестьян. Т. 1-4. Бонн-на-Рейне, 1862–1868.
14. Зайончковский П.А. Отмена крепостного права в России. – М., 1954. – 292 с. – 50 000 экз.
15. Рожков Н.А. Русская история в сравнительно-историческом освещении: (Основы социальной динамики). – 2-е изд. – Л.; М.: Книга, 1928. – Т. 11: Производственный капитализм и революционное движение в России второй половины XIX и начала XX века. – 406 с.

Конституционное регулирование федеративных отношений

Д.А.Джабраилов

В условиях глобализации мировой экономики проблема асимметричности социально-экономического развития не только отдельных стран, но и отдельных регионов еще больше обостряется. Особенно это касается России с ее огромной территорией и разнообразными природно-климатическими и экономическими условиями функционирования ее многочисленных регионов. В многонациональной и многоконфессиональной стране ситуация, когда регионы существенно различаются по уровню экономического и социального развития, не может не отразиться на устойчивости и стабильности всей макроэкономики, на общественно-политическом положении во всем обществе. Необходимость научного обоснования основных направлений смягчения асимметричности вытекает из более масштабной и сложной проблемы, связанной с оптимизацией соотношения рыночного и государственного регулирования экономики.

Проблема неравенства социально-экономического развития отдельных территорий внутри одного государства затрагивает многие пласты жизни общества, по-разному реализует интересы отдельных слоев населения. Возьмем, к примеру, вопрос оплаты труда работников общеобразовательных школ и государственных высших учебных заведений. У всех она позорно маленькая, но в масштабах страны все получают примерно одинаково.

Одного только бюджетного перераспределения недостаточно для противодействия негативным тенденциям. Необходимы также активные меры федерального центра по реализации приоритетов экономического роста и структурной политики в региональном аспекте.

К сожалению, за последние десятилетия рассматриваемая проблема выпала из поля зрения экономической политики государства, и ситуация еще более ухудшилась. Проведение рыночных преобразований по моделям западной либеральной литературы не только без учета специфики России, но и без учета современных реалий, мировой практики, упование только на всемогущество «невидимой руки рынка» привели не к выравниванию, а к усилению асимметричности экономического развития регионов. В результате величина ВРП в расчете на душу населения, например, по республикам Северного Кавказа колеблется по отношению к среднему показателю по РФ в пределах от 2,5 до 3,5 раза. Усиление асимметричности, наблюдаемое за последние 20 лет, является одной из главных преград на пути обеспечения стабильности в развитии страны, особенно в Северо-Кавказском федеральном округе.

Как вариант одного из методов «выравнивания регионов» может стать их «укрупнение», то есть создание новых субъектов путем объединения существующих. Конечно, уникальное разнообразие регионов – это потенциал развития России, основа ее реальных конкурентных преимуществ перед другими государствами. В то же время с позиций эффективности укрупнение в какой-то мере оправдано, и поэтому необходимо продолжить работу по объединению и укрупнению субъектов Федерации. Происходить это должно с учетом всей совокупности факторов, оказывающих влияние на данный процесс. Новые субъекты должны характеризоваться стабильными демократическими режимами, ибо ни их населению, ни Федерации в целом невыгодно растаскивание страны на фрагменты, сотрясаемые политической и социально-экономической нестабильностью, национальными и религиозными конфликтами.

Лучший способ контроля за складывающейся в регионах ситуацией – контроль гражданского общества. Из этого вытекает еще одна из важнейших задач текущего момента – создание условий для формирования в России элементов гражданского общества. Само укрупнение не решит тех задач, которые ставятся перед страной сегодня в области государственного устройства, если в новых субъектах Федерации не появится развитое гражданское общество со всеми атрибутами (разделение властей, местное самоуправление и др.).

В современных условиях модернизации и укрепления российской государственности, в том числе в системе конституционно-правового регулирования федеративных отношений в Российской Федерации, актуализируются вопросы совершенствования федеративных отношений.

По состоянию на 2018 год в Российской Федерации существует три категории субъектов: республики (государства), государственно-территориальные образования (края, области, города федерального значения) и национально-государственные образования (автономная область и автономные округа).

Конституция Российской Федерации в части регулирования федеративных отношений, закрепляет соответствующие принципы строительства федерации.

Теоретической основой федерализма является концепция суверенитета народа, выражающаяся в государственном суверенитете, который представляет собой независимость государственной власти вовне и ее верховенство внутри страны.

В соответствии со ст. 5 Конституции Российской Федерации федеративное устройство Российской Федерации основано на единстве системы государственной власти. Реализация данного принципа по вертикали выражается в том, что федеральные органы государственной власти и органы государственной власти субъектов Российской Федерации, действуя в духе распределения власти как самостоятельные органы, одновременно выступают в качестве единой системы органов государственной власти. Особенность единства системы органов исполнительной власти при федеративном устройстве раскрывается в ст. 77 и 78 Конституции Российской Федерации. Согласно ч. 2 ст. 77 Конституции Российской Федерации лишь в пределах ведения РФ и полномочий Федерации по предметам совместного ведения Российской Федерации и ее субъектов федеральные органы исполнительной власти и органы исполнительной власти субъектов Российской Федерации образуют единую систему исполнительной власти Российской Федерации.

В юридической литературе встречаются различные трактовки конституционного принципа равноправия субъектов Российской Федерации. В Конституции Российской Федерации закреплен именно принцип равноправия субъектов Российской Федерации во взаимоотношениях с федеральными органами государственной власти. В условиях Российского государства, единственного в мире федеративного государства с таким большим количеством субъектов, невозможно говорить о равенстве субъектов, которые отличаются друг от друга как по экономическим, природно-климатическим показателям, так и по географическому расположению и другим характеристикам.

Разграничение предметов ведения и полномочий между разными уровнями публичной власти, в частности, между федерацией и ее субъектами, является одной из наиболее сложных и потому до конца неразрешенных проблем федерализма ни на теоретическом, ни на практическом уровне. С принятием Конституции Российской Федерации до 2000 года Российская Федерация была децентрализованной федерацией, т.е. федеральный центр допускал достаточно большую самостоятельность субъектов. С 2000 года Российской Федерацией взят курс на централизацию. Законодательство субъектов было приведено в соответствие с федеральным законодательством. Так, изменение порядка замещения должности высшего должностного лица субъекта Российской Федерации является примером централизации.

Гарантии равноправия и самоопределения народов как принципа российского федерализма закреплены и в Конституции Российской Федерации. В юридической науке право на самоопределение традиционно рассматривается, главным образом, с позиций международного права и связывается с содержанием правового статуса такого субъекта, как народ (нация). В Российской Федерации в настоящее время самоопределение народов осуществлено в следующих формах: государственное самоуправление в виде республики как субъекта Федерации; автономный округ, автономная область; национально-культурное самоопределение; национальное самоуправление на личностной основе (свобода определять свою национальность). Что же касается идеи самоопределения народов, вплоть до выхода из состава Российской Федерации, то, по мнению большинства ученых, она является утопичной и практически нереализуемой. Конституция Российской Федерации не устанавливает право выхода субъектов из состава Российской Федерации.

Таким образом, система конституционных принципов российского федерализма представляет собой совокупность фундаментальных начал построения федеративных отношений, определяемых Конституцией.

Их главная цель и практическое назначение состоят в том, чтобы способствовать успешному государственному строительству в Российской Федерации.

Список использованной литературы:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 N 6-ФКЗ, от 30.12.2008 N 7-ФКЗ, от 05.02.2014 N 2-ФКЗ) // «Собрание законодательства РФ», 14.04.2014, N 15, ст. 1691.
2. Ионов Ч.Х.-Б. Некоторые аспекты выравнивания уровней социально-экономического равития регионов страны // Дайджест-финансы, 2012 год. – С. 57-60.
3. Камилова Д.В. Конституционно-правовые основы регулирования федеративных отношений в Российской Федерации: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук
4. Аграрная наука – Северо-Кавказскому федеральному округу: сборник научных трудов по материалам 75-й научно-практической конференции (г. Ставрополь, 22-24 марта 2011 г.). Ставрополь: АГРУС. С. 498.
5. Интегративная экономика Северного Кавказа: тезисы докладов 11 Международного конгресса «Мир на Северном Кавказе через языки, образование, культуру». Изд-во ПГЛУ. Пятигорск. 2001.

К вопросу о источниках избирательного права и избирательного процесса Российской Федерации

Д.Р.Джантемиров

М.А.Ахмедов

Следует отметить, что единства среди авторов в отражении правовой основы (источников) избирательного права в настоящее время не существует, что в целом объясняется сложностью поставленной задачи.

В современной юридической литературе, как правило, вопрос об источниках избирательной систем принято рассматривать с избирательным законодательством. Подобное ограничение круга источников не учитывает, что правовая регламентация избирательных отношений может осуществляться и в форме международного права и международных договоров Российской Федерации, а также публичных договоров, имеющих внутригосударственное значение [1]. В этой связи представляется, что правовые основы избирательной системы в России регулируются в настоящее время законодательными актами, которые образуют определенную систему по функциональному назначению и юридической силе.

Источники избирательного права – это формы его внешнего выражения. Следует заметить, что общепринятое понятие источника права в юридической науке отсутствует. С позиции общей правовой теории понятие «источник права» рассматривается в двух аспектах: широком – как причины и закономерности правообразования или генезиса права и узком – как способ закрепления и существования норм права или как внешняя форма установления и выражения правовых предписаний. Нередко грань между источниками права в материальном смысле и юридическими источниками (источниками права в формальном смысле) стирается, что в принципе отражает существующее единство взглядов на источник права и его юридическое значение как на нечто, относящееся к форме права. Не ставя своей целью, анализ всех имеющихся воззрений на понятие источника права и его соотношение с формой права, заметим все же, что для исследования механизма правового регулирования политических электоральных отношений они вполне могут быть использованы как торжественные.

Не подлежит сомнению роль Конституции РФ в качестве основного источника избирательного права. Данный институт – один из наиболее значимых институтов конституционного права России и представляет собой базовый элемент демократического строя современной России.

Конституция РФ в данном случае, во-первых, определяет конституционно-правовой статус выборов и референдума, указывая их в качестве высшего и непосредственного выражения народовластия, во-вторых, регулирует отношения, опосредующие природу права избирать и быть избранным, определяя основное содержание данного права (раскрывая через него право на участие в управлении государством) и ограничения для его осуществления, в-третьих, устанавливает основные принципы выборов Президента РФ и депутатов Государственной Думы ФС РФ. Непосредственно в Конституции РФ устанавливаются общие принципы разграничения предметов ведения Федерации и субъектов федерации в данной сфере правоотношений[2]. При этом в ст. 71 закрепляется, что регулирование и защита прав и свобод человека и гражданина – исключительное ведение Российской Федерации.

Нельзя не назвать в качестве источников избирательного права общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации, которые отнесены к таковым непосредственно Конституцией РФ (ст. 15). Это, например, Всеобщая декларация прав человека, а также Международный пакт о гражданских и политических правах, в соответствии с которым «каждый гражданин без какой-либо дискриминации и без необоснованных ограничений имеет право и возможность: принимать

---

[1] Избирательное право [Электронный ресурс]: учебник для студентов вузов, обучающихся по направлению подготовки «Юриспруденция»/ К.К. Гасанов [и др.].- Электрон. текстовые данные. - М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2013.- 391 с.- Режим доступа: http://www.iprbookshop.ru/20956.html. - ЭБС «IPRbooks»

[2] Заславская Т.И. Современное российское общество: Социальный механизм трансформации. - М.: Дело, 2004. - С.369.

участие в ведении государственных дел как непосредственно, так и через посредство свободно выбранных представителей; голосовать и быть избранным на подлинных периодических выборах, производимых на основе всеобщего и равного избирательного права при тайном голосовании и обеспечивающих свободное волеизъявление избирателей».

Данные нормы не просто являются частью российской правовой системы, но и зачастую восполняют пробелы в российском конституционном законодательстве[1]. Так, Конституция РФ не содержит принцип всеобщего и равного избирательного права при тайном голосовании, применительно к обеспечению избирательных прав граждан на выборах всех уровней. Данные положения закрепляются конституционными нормами лишь в отношении выборов Президента РФ, а также в федеральном законодательстве, что, как представляется, не соответствует уровню регулирования данных отношений. Таким образом, вышеприведенные принципы международного права логично имплементированы в конституционное право России и составляют конституционно-правовое регулирование в надлежащей иерархии норм сообразно уровню и важности регулируемых отношений.

Среди международно-правовых актов, составляющих источники конституционно-правового института выборов следует также упомянуть Европейскую Хартию (далее – Хартия) местного самоуправления, которая закрепляет основные принципы осуществления местного самоуправления в качестве самостоятельного уровня публичной власти. Хартия устанавливает, в частности, что местное самоуправление осуществляется демократически избранными органами советами или собраниями, состоящими из членов, избранных путем свободного, тайного, равного, прямого и всеобщего голосования.

Несомненно, к источникам избирательного права следует отнести основные принципы проведения выборов и референдумов в Российской Федерации, которые содержатся в федеральных конституционных законах и в федеральных законах. Их включение в состав норм конституционного права связано с большой важностью указанных положений, принципиальным, основополагающим их характером, стабильностью регулирования и непосредственным воздействием, что отличает именно конституционно-правовые нормы.

Здесь среди источников избирательного права следует назвать конституции (уставы) субъектов Российской Федерации, устанавливающие принципы осуществления избирательных прав граждан уже применительно к определенной избирательной системе, существующей в субъекте федерации, и конкретизирующие содержание активного и пассивного избирательного права граждан, проживающих на территории соответствующего субъекта Российской Федерации.

Как уже говорилось, к источникам избирательного права мы относим и решения Конституционного Суда РФ. Акты Конституционного Суда не только развивают правовое содержание того или иного института, но и формируют правовое пространство, в котором должны действовать все участники избирательного процесса, а также избирательное законодательство субъектов федерации через механизм конституционного правосудия.

Что касается источников избирательного процесса, то их состав и сила воздействия принципиально отличаются от вышеперечисленного круга источников избирательного права[2].

Так, Конституцию РФ следует рассматривать в качестве источника избирательного процесса исключительно как основополагающий акт, воздействующий на все сферы общественной жизни и являющийся источником практически всех отраслей права постольку, поскольку ее нормы распространяются на регулирование отношений предмета данных отраслей. Конституция выступает формой конституционного права, и если ее нормы могут быть распространены на какие-либо иные правовые отношения, то как бы мало не было их число, Конституция в целом будет являться формой этой отрасли права.

Избирательное законодательство не содержит исчерпывающего перечня видов выборов в Российской Федерации и тем самым оставляет открытым вопрос о возможных масштабах использования рассматриваемого демократического института в конституцировании субъектов политической власти. Нельзя не согласиться с мнением ряда ученых о необходимости его распространения на формирование Конституционного Собрания.

Следует также отметить, что среди источников избирательного процесса значительную часть занимает судебная практика (автор в целом разделяет высказываемую в литературе точку зрения о необходимости разделения понятий «судебный прецедент» и «судебная практика» как источников права, однако, в рамках настоящей работы не видит необходимости вдаваться в рассмотрение данной проблемы, поэтому понятие «судебная практика» употребляется здесь как обобщающее).

Несомненно, необходимо отметить ведущую роль Конституционного Суда РФ в обеспечении эффективного правового регулирования отношений в сфере избирательного процесса. Здесь следует обратить особое внимание на наличие научной доктрины в качестве источника права, что наиболее наглядно усматривается в решениях Конституционного Суда и находит выражение в его правовых позициях по конкретным делам.

Не меньший вес в составе источников избирательного процесса занимают решения судов общей юрисдикции, которые формализуются в Обзорах судебной практики в определенной сфере правоотношений, в данном случае в области реализации избирательных прав граждан.

---

[1] Ланцов С.А. Российский исторический опыт в свете концепций политической модернизации // Полис. Политические исследования. - 2001. - № 3. - С. 93.

[2] Косов Ю.В. Политическая регионалистика. - М., 2009. – С.94.

Список использованной литературы

1. 1.Заславская, Т.И. Современное российское общество: Социальный механизм трансформации. - М.: Дело, 2004. - С.369.
2. Избирательное право [Электронный ресурс]: учебник для студентов вузов, обучающихся по направлению подготовки «Юриспруденция»/ К.К. Гасанов [и др.].- Электрон. текстовые данные. - М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2013.- 391 с.- Режим доступа: http://www.iprbookshop.ru/20956.html. - ЭБС «IPRbooks»
3. Косов, Ю.В. Политическая регионалистика / Ю.В. Косов, В.В.Фокина. - М., 2009. – С.94.
4. Ланцов. – С. А. Российский исторический опыт в свете концепций политической модернизации. // Полис. Политические исследования. - 2001. - № 3. - С. 93

Особенности избирательных систем в субъектах Российской Федерации

Д.Р.Джантемиров
М.А.Ахмедов

В постсоветской России при выборах в региональные Законодательные Собрания до 2003 г. доминировала мажоритарная избирательная система. Смешанная избирательная система (в 1993-2002 гг.) апробировалась всего в 9 субъектах РФ: Красноярском крае, Свердловской, Калининградской, Саратовской и Псковской областях, республиках Марий-Эл и Тыва, Корякском и Усть-Ордынском Бурятском автономных округах. 12 июня 2002 г. Государственная Дума приняла закон «Об основных гарантиях избирательных прав и прав на участие в референдуме граждан Российской Федерации». В нем были заложены возможности изменения практики выборов, и в 2002-2003 гг. регионам, где раньше не практиковались выборы по спискам, пришлось спешно менять законодательство[1].

В связи с принятием в 2002 году нового Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» соотношение федерального и регионального избирательного законодательства перешло в принципиально новую плоскость. В соответствии с нормами данного Закона субъекты Российской Федерации лишились возможности самостоятельно определять целый ряд параметров избирательной системы, применяемой при выборах органов государственной власти. Наиболее существенно то, что при выборах законодательного (представительного) органа государственной власти субъекта Российской Федерации не менее половины депутатов было предписано избирать на основе пропорционального представительства[2].

Так, например Пучнин А.С. считает, что общая тенденция укрепления политических партий, партизация политической системы, приведет к реформированию выборов депутатов регионального собрания. Речь, по его мнению, идет о введении пропорциональной системы, т. е. формированию законодательных органов субъектов по партийным спискам. Вместе с тем переход к пропорции устранит один из самых значимых недостатков мажоритарной, а равно и смешанной системы - различный вес (цену) мандатов. При сохранении депутатов-мажоритариев и депутатов-списочников цена мандата первых равняется количеству голосов, отданных за кандидата в его одномандатном округе. Вес мандата депутата-списочника равняется частному от количества голосов, отданных партии в целом по области, и числа получивших мандаты депутатов. Это, как правило, всегда больше. Но в любом случае переход к пропорциональной системе позволит совершенствовать политическую систему, укрепить позиции всех политических партий, повысить их ответственность перед избирателем, равно как и внутрипартийная дисциплина и конкуренция может привести к улучшению качества депутатской работы [3]. Считаем приведенное мнение не совсем убедительным и обоснованным. В последнее время, когда наметилась тенденция тотального сокращения политических партий и при отсутствии среди них реальной конкуренции, речь можно вести не о совершенствовании существующей политической системы, а о ее постепенной деградации. Прогресс возможен лишь тогда, когда существует конструктивный диалог, адекватная критика, а также честная и чистая борьба во время проведения выборов и в межвыборный период. Когда же одна партия уверенна в том, что в любом случае получит большинство в представительных органах от федерального до муниципального уровней, политическая и избирательная система превращается в профанацию демократических ценностей и гражданского общества.

Как уже отмечалось, в настоящее время наиболее распространенными системами на региональных выборах в Российской Федерации являются такие, при которых часть депутатов избирается по мажоритарной системе относительного большинства, а другая часть - по пропорциональной избирательной системе. Совершенно очевидно, что использование двух противоположных систем на одних выборах не устраняет их недостатки, однако, в то же время несомненным преимуществом такой модели выборов является предоставление возможности участвовать в выборах независимым кандидатам. Как отмечает Конституционный Суд Российской Федерации, «право быть избранным в органы государственной власти и органы местного самоуправления (пассивное избирательное право) - одно из основных прав граждан и

---

[1] Сельцер Д.Г., Топорков С.С. К дискуссии об оптимальных моделях формирования Законодательных собраний регионов России // Вестник ТГУ. 2009. №4. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/k-diskussii-ob-optimalnyh-modelyah-formirovaniya-zakonodatelnyh-sobraniy-regionov-rossii (дата обращения: 19.06.2019).

[2] Постников А.Е. Актуальные направления развития избирательного законодательства // Журнал российского права. - 2004. - № 2. - С. 3.

[3] Пучнин А.С. Россия и оптимальная избирательная система // Вестник ТГУ. - 2009. - №5. – С. 353.

важнейший элемент их правового статуса в демократическом обществе - по своей правовой природе является индивидуальным, а не коллективным правом»[1].

Удивительным остается то, что федеральные государственные органы (в том числе ЦИК РФ) ратуя за пропорциональную избирательную систему словно не учитывают то, что в более 80% субъектов РФ на выборах в законодательные (представительные) органы государственной власти используется смешанная избирательная система, что говорит о ее большей эффективности и оптимальности по сравнению с пропорциональной в сложившихся политических реалиях[2].

На основе детального анализа достоинств и недостатков региональных законов можно сделать вывод о том, что применяемая теперь на выборах в субъектах Российской Федерации смешанная мажоритарно-пропорциональная система способствует росту избирательной активности политических партий. Некоторым политическим партиям удалось сбалансировать списки выдвигаемых кандидатов с учетом профессионального, полового и возрастного состава, однако полной чистоты данных процессов добиться, к сожалению, до сих пор не удалось. Считается, что у избирателей появилась возможность выразить в ходе голосования свои политические предпочтения. В национальных республиках с использованием пропорциональной системы удалось решить проблему представительства в законодательных органах различных национальностей.

Не менее интересна дискуссия по поводу внедрения пропорциональной избирательной системы на местном уровне. Стратегические перспективы принятия такого решения применительно к муниципальному уровню выборов с точки зрения развития российской партийной системы у многих юристов вызывают целый ряд возражений. Переход к муниципальным выборам исключительно по партийным спискам значительно усложняет для беспартийных самовыдвиженцев возможность реализации пассивного избирательного права. Кроме того, переход на целиком пропорциональную систему на всех уровнях выборов противоречит ряду обязательств Российской Федерации в рамках ОБСЕ, в частности, параграфа 7.5 Документа Копенгагенского Совещания ОБСЕ, в котором государства-участники призываются «уважать право граждан добиваться политических или государственных постов в личном качестве или в качестве представителей политических партий или организаций без дискриминации»[3].

Проблематичность перехода исключительно на пропорциональную избирательную систему (по партийным спискам) выборов в представительные органы местного самоуправления связана еще и с отсутствием достаточного кадрового резерва у политических партий. Особенно отчетливо проблема отсутствия партийных кандидатов, готовых представлять политические партии в представительных органах власти, проявляется как раз на муниципальном уровне в ходе выборов в представительные органы муниципальных образований. Внедрение нормы о выборах депутатов представительных органов власти на местном уровне исключительно по партийным спискам стратегически вряд ли приведет к усилению роли политических партий в региональных политических процессах и в целом к повышению эффективности российской партийной системы. Скорее всего, результатом распространения данной нормы на уровень муниципальных выборов станет дальнейшее искусственное ограничение межпартийной конкуренции, усиление влияния партийной бюрократии и дальнейший рост отчуждения общества от формально избираемых им властных структур[4].

Подводя итог развития региональной составляющей избирательной системы Российской Федерации, можно с уверенностью говорить о принципиально разных подходах в процессе формирования представительных органов на федеральном региональном и местном уровне.

Не смотря на общепризнанную (но далеко не эффективную) исключительно пропорциональную избирательную систему на федеральном уровне, большинство субъектов Российской Федерации признали и нормативно установили смешанную избирательную систему, что подчеркивает несовершенство существующего в первую очередь федерального законодательства и как следствие избирательной системы России.

Список использованной литературы

1. Пучнин А.С. Россия и оптимальная избирательная система//Вестник ТГУ. - 2009. - №5. – С. 353.
2. Шахрай С.М. Конституционное право Российской Федерации [Электронный ресурс]: учебник для академического бакалавриата и магистратуры/ Шахрай С.М.- Электрон. текстовые данные. - М.: Статут, 2017.- 624 с.- Режим доступа: http://www.iprbookshop.ru/65893.html.- ЭБС «IPRbooks».

---

[1] Постановление Конституционного Суда РФ от 25.04.2000 N 7-П «По делу о проверке конституционности положения пункта 11 статьи 51 Федерального закона от 24 июня 1999 года «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» // СПС Консультант Плюс /www.consultant.ru/ (дата обращения: 30.04.2019 г.).

[2] Шахрай С.М. Конституционное право Российской Федерации [Электронный ресурс]: учебник для академического бакалавриата и магистратуры/ Шахрай С.М.- Электрон. текстовые данные. - М.: Статут, 2017.- 624 с.- Режим доступа: http://www.iprbookshop.ru/65893.html.- ЭБС «IPRbooks».

[3] Письмо Директора Бюро по демократическим институтам и правам человека ОБСЕ Янеза Ленарчича Председателю Центральной избирательной комиссии Российской Федерации В.Е. Чурову (Электронный ресурс) //www.cikrf.ru.

[4] См.: Смолянский, П.В. Проблемы перехода к выборам представительных органов местного самоуправления по партийным спискам// Социология города. - 2010. - № 2. - С.34-38.

3. Письмо Директора Бюро по демократическим институтам и правам человека ОБСЕ Янеза Ленарчича Председателю Центральной избирательной комиссии Российской Федерации В.Е. Чурову (Электронный ресурс) //www.cikrf.ru.
4. Постановление Конституционного Суда РФ от 25.04.2000 N 7-П «По делу о проверке конституционности положения пункта 11 статьи 51 Федерального закона от 24 июня 1999 года «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» // СПС Консультант Плюс /www.consultant.ru/ (дата обращения: 22.11.2019 г.).
5. Постников А.Е. Актуальные направления развития избирательного законодательства //Журнал российского права. - 2004. - № 2. - С. 3.
6. Сельцер Д.Г., Топорков С.С. К дискуссии об оптимальных моделях формирования Законодательных собраний регионов России // Вестник ТГУ. 2009. №4. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/k-diskussii-ob-optimalnyh-modelyah-formirovaniya-zakonodatelnyh-sobraniy-regionov-rossii
7. Смолянский П.В. Проблемы перехода к выборам представительных органов местного самоуправления по партийным спискам// Социология города. - 2010. - № 2. - С.34-38.

Борьба против незаканного скачивания данных через Интернет

А.К.Закаева

Selon le Professeur Caron «L'homme de la rue n'aime pas beaucoup le droit d'auteur».

Plus encore le telechargement n’est pas necessairement defavorable aux artistes. «Tous les jours, des milliers d'artistes comprennent ce qu'ils ont a gagner dans la diffusion gratuite. La fidelite accrue de leurs fans cree de la valeur.»

Pourtant, des theoriciens et praticiens du droit de la propriete litteraire et artistique manifestent regulierement leur profond attachement a la protection de la creation. Ils s’interrogent neanmoins sur le meilleur moyen de lutter contre le telechargement illegal. Ainsi, la stigmatisation des internautes ne parait pas opportune.

Si une contre-attaque parait necessaire (I), encore faut-il qu’elle soit legale (II). I. La necessite d’une contre-attaque

Lutter contre le dechargement illegal est une exigence mondiale (A.) mise en reuvre en France par un cadre legislatif recent (B.).

A. Une exigence mondiale

A la suite du plan d'action lance au niveau europeen, 700 procedures, dont 50 en France, ont ete engagees, donnant lieu a des condamnations. Les editeurs, qui ont une conception stricte de la copie privee, engagent des procedures judiciaires contre des internautes ou des prestataires de services en ligne et menent une reflexion sur des modeles de site d'offre legale.

La volonte de lutter contre le telechargement illegal est loin d’etre une exigence uniquement nationale, mais elle est egalement partagee par d’autres pays. Ainsi, on releve que si dans certains pays, il n’existe pas de dispositif legislatif (Chine, Royaume Uni ou Nouvelle Zelande), d’autres se sont d’ores et deja dotes d’un dispositif legislatif.

La Coree du Sud, l’un des pays les plus connectes du monde connait un systeme de riposte graduee en cas d’atteinte aux droits d’auteur. Les personnes qui telechargent illegalement des fichiers ou des programmes pourront recevoir, via leur fournisseur d'acces, un avertissement du ministere de la culture, des sports et du tourisme apres decision de la Commission chargee de la protection du copyright. A la suite du troisieme avertissement, cette derniere pourra ordonner au serveur, par l'entremise du ministere, d'interdire l'acces aux sites incrimines a ces personnes pour une duree maximale de six mois – a l'exception des services de messagerie.

Toutefois, parmi les pays ne disposant pas encore d’un dispositif permettant de lutter contre le piratage, des projets de loi sont en cours d’adoption. Ainsi, en Espagne, il est envisage de taxer les sites.

Finalement, seule l’Allemagne disposerait d’un systeme effectif et efficace de sanctions. Ainsi, en 2008 la loi est adoptee contre le piratage sur Internet nommee «Zweiter Korb» («deuxieme corbeille»). Selon les chiffres fournis par la Federation allemande de l'industrie musicale, la loi aurait fait chuter de moitie le nombre d'infractions : 300 000 aujourd'hui contre 600 000 en 2004. Tout internaute pris en flagrant delit de telechargement illegal risque jusqu'a 3 ou 5 ans de prison, ou une amende proportionnelle a ses revenus. La loi peut obliger les fournisseurs d'acces a Internet a livrer les donnees personnelles d'internautes suspectes de piratage a des ayants droit qui s'estiment leses. Ces derniers iront ensuite devant la justice.

B. L’adoption d’un cadre legislatif en France

En l’absence de disposition legislative specifique, ce sont les juges qui pendant longtemps se sont charges de lutter contre le telechargement illegal en infligeant des sanctions aux internautes.

Ainsi, le 20 juillet 2004, le Tribunal de grande instance d'Arras a egalement condamne un internaute pour contrefafon «par edition ou par reproduction d'une oeuvre de l'esprit au mepris des droits d'auteur», pour telechargement sur Internet des videogrammes et phonogrammes graves sur support inamovible sans remuneration de l'artiste-interprete, ni du producteur des videogrammes et phonogrammes retrouves contrefaits au domicile du prevenu.

Toutefois, certaines juridictions de fond admettaient parfois facilement l’exception de copie privee, ce que ne manquait pas de censurer la Cour de cassation (Crim., 30 mai 2006).

Certains n’hesitaient d’ailleurs pas a evoquer «la clemence du juge penal» en matiere de peer-to-peer.

S’agissant des pouvoirs publics, le 10 janvier 2005, les organisations du cinema et de l'audiovisuel ont propose une plateforme commune d'actions dans le cadre de la concertation actuellement en cours sous l'egide des ministeres de la Culture et de l'Industrie.

Toutefois, ce type n’action ne semblait pas suffisant. Ainsi, le President de la Republique Fran^aise alors Ministre de l’interieur considerait en decembre 2006 «Je n'accepte pas qu'un travail soit spolie parce que c'est techniquement possible, parce que les producteurs gagnent trop d'argent, parce que c'est plus pratique de telecharger que d'aller a la Fnac (une chaine de magasins audiovisuels en France)».

C’est la raison pour laquelle, le projet de loi «Creation et internet» a ete presente au Parlement. Le texte une fois adopte etait cense «sonner le glas du telechargement d'oeuvres protegees par le droit d'auteur».

Le projet de loi favorisant la diffusion et la protection de la creation sur internet, plus connu sous le nom de loi HADOPI (Haute autorite de diffusion des oeuvres et de protection des droits sur internet), a finalement ete adopte par le Senat le 13 mai 2009. Elle prevoit notamment le maintien de l'obligation pour l'abonne prive d'acces a internet de continuer a payer son abonnement a son fournisseur d'acces internet, quand bien meme le service pour lequel ces versements sont effectues a ete suspendu. Or cette disposition souleve des questions quant a sa constitutionnalite sur plusieurs fondements: sur celui de l'enrichissement sans cause du fournisseur; sur celui du respect de la liberte contractuelle ; sur celui de la legalite des peines et des delits ; et enfin sur celui de l'egalite entre abonnes.

La contre-attaque necessaire est alors devenue egalement legale.

II. La legalite de la contre-attaque

La France a mis en place un systeme de riposte graduee (A.), mais celui-ci a ete rejete (B.).

Un systeme de riposte mise en place par le legislateur

Afin de lutter contre le telechargement illegal, il est prevu un mecanisme independant preventif et repressif, organise autour de la Haute Autorite pour la diffusion des oeuvres et la protection des droits sur internet.

La Haute autorite est chargee de sanctionner tout manquement a une obligation de surveillance mise a la charge du titulaire d'un acces a internet. Le titulaire d'un tel acces aurait selon le texte adopte par le Parlement «l'obligation de veiller a ce que cet acces ne fasse pas l'objet d'une utilisation a des fins de reproduction, de representation, de mise a la disposition ou de communication au public d'oeuvres ou objets proteges par un droit d'auteur ou un droit voisin sans l'autorisation des titulaires des droits lorsqu'elle est requise».

Une «commission de protection des droits» instauree au sein de l’HADOPI aurait le pouvoir d'adresser des recommandations aux internautes et de prononcer des sanctions a leur encontre. La commission de protection des droits devrait etre saisie par des agents assermentes de «faits susceptibles de constituer un manquement a l'obligation de surveillance».

Premierement, elle peut adresser a l'abonne fautif des avertissements sous forme de courrier electronique.

Ensuite, en cas de maintenance des agissements, la commission peut adresser a l'abonne une mise en demeure par lettre recommandee avec accuse de reception.

Enfin, si l’activite delictueuse persiste, la commission peut, apres une procedure contradictoire, suspendre et interdire tout acces a internet pendant une duree de trois mois a un an.

Une transaction entre la commission et l'abonne peut intervenir pour limiter la duree de la suspension d'acces en contrepartie d'une obligation de prendre des mesures de nature a eviter le renouvellement du manquement constate.

La validite de la loi instaurant la contre-attaque

La conformite de la loi au droit europeen d’une part, et aux normes constitutionnelles d’autre part, parait problematique.

En effet, le Parlement europeen a adopte un amendement prevoyant qu'aucune restriction aux droits et libertes des internautes ne peut etre imposee sans decision judiciaire prealable.

Finalement, le Conseil constitutionnel a invalide certaines dispositions de la loi (CC, Dec. n°2009-580 DC du 10 juin 2009 sur la loi favorisant la diffusion et la protection de la creation sur internet).

Ainsi, a ete considere comme contraire aux normes constitutionnelles les pouvoirs de sanction de la commission de protection des droits. En effet, celle- ci qui n'est pas une juridiction, pourrait restreindre ou empecher l'acces a internet de titulaires d'abonnement ainsi que des personnes qu'ils en font beneficier. Ses «pouvoirs peuvent conduire a restreindre l'exercice, par toute personne, de son droit de s'exprimer et de communiquer librement, notamment depuis son domicile; que, dans ces conditions, eu egard a la nature de la liberte garantie par l'article 11 de la Declaration de 1789, le legislateur ne pouvait, quelles que soient les garanties encadrant le prononce des sanctions, confier de tels pouvoirs a une autorite administrative dans le but de proteger les droits des titulaires du droit d'auteur et de droits voisins».

Plus encore, en instaurant un renversement de la charge de la preuve, le titulaire du contrat d’abonnement d’acces a internet devant demontre en cas d’atteinte au droit d’auteur ou aux droits voisins son innocence, le texte a meconnu le principe de la presomption d’innocence.

C’est donc une loi amputee et privee de ses dispositions les plus novatrices qui a ete promulguee. La loi du 12 juin 2009 favorisant la diffusion et la protection de la creation sur Internet, dite HADOPI 1 a finalement ete completee par loi du 28 octobre 2009 relative a la protection penale de la propriete litteraire et artistique sur Internet, dite HADOPI 2 ne reprenant pas de dispositions similaires a celles censurees par le Conseil constitutionnel.

La loi Creation et Internet, dite «loi Hadopi», est entree en vigueur en 2010 malgre les vives oppositions des acteurs de l'Internet. Sa finalite affichee est de proteger les droits d'auteur.

Glossaire:

1. C. Bernault et alii, «DADVSI 2, HADOPI, ‘Creation et internet’... de bonnes questions? de mauvaises reponses», D. 2008, p. 2290.
2. C. Castets-Renard, «Reseaux Peer-to-Peer: la clemence du penal», D. 2006, p. 933.

3. Conseil Constitutionnel, Dec. n°2009-580 DC du 10 juin 2009 sur la loi favorisant la diffusion et la protection de la creation sur internet.
4. E. Nunes, «La loi anti-piratage deja serieusement minee», Le Monde du 17 novembre 2008.
5. Entretiens, «Creation et interne: questions sur un projet de loi», Le Monde du 13 mai 2009.
6. H. Lesaffre, «HADOPI ou la chronique d'une censure annoncee?», LPA du 29 mai 2009.
7. M.-A. Gallot Lelorier, «Le fleau du Peer-to-Peer», Gaz. Pal. du 19 avril 2005. V
8. M. Verpeaux, Loi HADOPI 2, controle a double detente: 1. – A propos de la decision du Conseil constitutionnel du 22 octobre 2009, La Semaine Juridique Edition Generale n° 46, 9 Novembre 2009, 414.
9. N. Herzberg et P. Roger, «HADOPI: le Conseil constitutionnel inflige un serieux revers a M. Sarkozy», Le Monde du 12 juin 2009.
10. S. Zimmer, «3000 jours de retard pour HADOPI», Le Monde du 13 avril 2009.
11. Travaux du Parlement (Extraits) sur le projet de loi du 13 mai 2009, «Creation et internet».

Верховный орган по борьбе с дискриминацией и за равенство

А.К.Закаева

La Haute Autorité de lutte contre les discriminations et pour l'égalité, également connue sous son acronyme « La HALDE » a été mise en place par la loi № 2004-1486 du 30 décembre 2004 portant création de la Haute autorité de lutte contre les discriminations et pour l'égalité. Cette autorité administrative indépendante a pour but de connaître de toutes les discriminations directes ou indirectes prohibées par la loi ou par un engagement international auquel la France est partie. Plus précisément, l'article 1er de la loi dispose : « Il est institué une autorité administrative indépendante dénommée haute autorité de lutte contre les discriminations et pour l'égalité. La Haute autorité est compétente pour connaître de toutes les discriminations, directes ou indirectes, prohibées par la loi ou par un engagement international auquel la France est partie «.

La Haute autorité peut être saisie par toute personne qui s'estime victime de discrimination. Le dispositif se situe dans le prolongement de dispositions précédentes visant à lutter contre les discriminations.

La HALDE a progressivement accru son rôle (I.), avant que sa disparition ne soit annoncée en 2010 (II.).

I. L'augmentation du rôle de la HALDE

A. Le rôle sociétal de la HALDE

La HALDE peut être saisie ou s'autosaisir d'hypothèses de discriminations. A ce titre, il convient de relever que la discrimination se prouve de la même façon avant et après la loi du 27 mai 2008 portant diverses dispositions d'adaptation au droit communautaire dans le domaine de la lutte contre les discriminations qui a transposé en droit interne les dispositions de la directive № 2000/78 du Conseil du 27 novembre 2000 portant création d'un cadre général en faveur de l'égalité de traitement en matière d'emploi et de travail, comme l'illustre l'arrêt du Conseil d'Etat du 10 janvier 2011. En effet, il suffit de soumettre au juge des éléments de fait permettant de faire présumer une atteinte. Le défendeur peut alors prouver que la différence de traitement repose sur des éléments objectifs.

En outre, la HALDE peut être saisie ou s'autosaisir de sujets d'actualité.

Ainsi, l'article 7 de la loi № 57-32 du 10 janvier 1957 portant statut de l'agence France – Presse aux termes duquel le conseil d'administration de l'AFP comprend, notamment, deux représentants du personnel de l'agence élus par l'assemblée des journalistes professionnels et des agents de nationalité française posait une discrimination fondée sur la nationalité comme l'a décidé la HALDE dans une délibération № 2008-69 du 7 avril 2008. En conséquence, la Cour de cassation a transmis au Conseil constitutionnel une question prioritaire de constitutionnalité pour vérifier la conformité de cette disposition avec le bloc de constitutionnalité.

B. Le rôle juridictionnel de la HALDE

L'article 13 de la loi № 2004-1486 du 30 décembre 2004 modifiée par la loi № 2006-396 du 31 mars 2006 lui permet également de présenter ses observations devant les juridictions civiles, pénales et administratives.

La circulaire de la direction des Affaires criminelles du 3 octobre 2005 précisait que lorsque la Haute autorité utilise son pouvoir de présentation d'observations devant les juridictions, elle n'a pas la qualité de partie à l'instance. Dès lors, la doctrine s'interroge sur la qualification à donner à cette possibilité : à la qualité d'intervenant, celle-ci semble préférer celle d'amicus curiae.

La faculté offerte à la HALDE de présenter des observations portées à la connaissance des parties ne méconnaît pas en elle-même les exigences du procès équitable et de l'égalité des armes dès lors que les parties sont en mesure de répliquer par écrit et oralement à ces observations et que le juge apprécie la valeur probante des pièces qui lui sont fournies et qui ont été soumises au débat contradictoire, comme l'indique la Chambre sociale dans sa décision du 2 juin 2010. En effet, le cumul de fonctions d'investigations et d'assistance du salarié pouvait s'avérer problématique. Cette possibilité est fréquemment employée devant les juridictions.

Pourtant, malgré son activité croissante, la disparition de la HALDE a été programmée.

II. La disparition de la HALDE

A. Le dernier rapport annuel de 2010

Dans son dernier rapport annuel de 2010 avant son rattachement au Défenseur des droits, la HALDE a indiqué avoir reçu 12467 réclamations, soit une hausse de 18 %. Près d'une réclamation sur deux concerne le domaine de l'emploi et 27 % sont relatives au critère de l'origine, suivi par la maladie et le handicap (20 %). Le président de la HALDE, Eric Molinié, a souligné que les avis de l'autorité étaient suivis dans 81 % des cas par les juridictions saisies. Le rapport précise qu'en 2010, 41 % des réclamations ont fait l'objet d'un rejet après un premier examen pour absence de discrimination.

Des suites positives ont parfois été données aux délibérations de la HALDE. Ainsi, le Conseil constitutionnel a jugé contraire à la Constitution la cristallisation des pensions des anciens combattants des ex-colonies et le Conseil d'Etat a condamné l'Etat Français pour le préjudice subi par une avocate handicapée du fait de l'absence d'aménagement rendant accessibles les tribunaux (CE, 22 octobre 2010, Mme Bleitrach).

A cette occasion, la HALDE constate que l'origine et le handicap sont en tête des causes de discrimination et ce, même si le panorama de ces causes reste globalement le même que les autres années malgré une progression de celles constatées concernant l'état de grossesse.

B. La disparition de la HALDE en 2011

La substitution du Défenseur des droits à la HALDE est critiquée par les journalistes. La HALDE aura exercée son activité pendant approximativement 5 ans. Toutefois, le Défenseur des droits ne dispose pas de prérogatives aussi étendues que celles de la HALDE.

Toutefois, pour le président de la HALDE, le Défenseur des droits «poursuivra demain le travail entamé pourra s'appuyer sur le solide bilan de la HALDE pour construire un débat serein sur les évolutions de notre société».

La loi n° 2011-334 du 29 mars 2011 relative au Défenseur des droits fusionne plusieurs autorités administratives indépendantes et notamment la HALDE. Ses nouvelles fonctions ont débuté le 1er mai 2011.

Glossaire:

1. Astaix, Représentativité des journalistes: le Conseil constitutionnel à nouveau saisi, Dalloz actualité 25 mars 2011.
2. Antoine Lyon-Caen, Feu la HALDE, Revue de droit du travail 2011 p. 1.
3. F.-J. Pansier, La Halde n'est procéduralement pas une partie, Cahiers sociaux du Barreau de Paris, 01 septembre 2010 n° 223, P. 261.
4. Halde: hausse de 18 % des réclamations pour discrimination en 2010, Les Echos, no. 20923, 2 mai 2011, p. 2.
5. Isabelle Moreau, L'origine et le handicap en tête des causes de discrimination, La Tribune, no. 4716, 2 mai 2011, p. 5.
6. L. Perrin, Conformité de l'audition de la HALDE aux exigences du procès équitable, Dalloz actualité 22 juin 2010.
7. La Halde va étudier l'affaire des quotas dans le football, Le Monde 2 mai 2011, p. 2.
8. Laurence Mauger-Vielpeau, La Halde n'a pas dit son dernier mot !, L'ESSENTIEL Droit de la famille et des personnes, 15 juillet 2010 n° 7, P. 3.
9. Loi n° 2004-1486 du 30 décembre 2004 portant création de la haute autorité de lutte contre les discriminations et pour l'égalité.
10. Loi n° 2011-334 du 29 mars 2011 relative au Défenseur des droits.
11. Marie-Christine de Montecler, Une discrimination se prouve de la même manière avant et après la loi du 27 mai 2008, AJDA 2011 p. 14.
12. R. Grand, Lutte contre les discriminations: la HALDE passe le relais, Dalloz actualité 04 mai 2011.
13. S. Petit et C. Cohen, La HALDE a-t-elle sa place devant les juridictions?, Recueil Dalloz 2008 p. 1519.

Исторический аспект развития гражданско-правовых санкций и их влияние на укрепление государства в дореволюционный период

З.Ш.Ибрагимова

Начиная с точного и полного рассмотрения предмета нашего исследовании в первую очередь следует разобрать, что же такое санкция и для чего они нужны.

Санкция – «мера воздействия, важнейшее средство социального контроля. Различают негативные санкции, направленные против отступлений от социальных норм, и позитивные санкции, стимулирующие одобряемые обществом, группой отклонения от норм...»[1]. То есть санкция представляет собой форму влияния на какое бы то ни было поведение человека. В целях предотвращения правонарушений и устранение вытекающих их них последствий, установлена гражданско-правовая ответственность в виде тех самых санкций за нарушение обязательств. Тем самым, государство посредством введения санкций, обеспечивает исполнение установленных правил, прямое назначение которых состоит в упорядочивании общественных отношений, обеспечении правопорядка и безопасности.

Учитывая, сложность общественных отношений, регулируемых нормами гражданского права, система санкций в современном российском законодательстве также сложна и динамична. Но данный институт не всегда был таким, каким мы видим его сегодня. Большое количество изменений, обусловленных трансформацией государства и всей правовой системы, экономическими, социальными, культурными реформами, войнами, революциями и кардинальными переменами повлияли на становление гражданско-правовых санкций, главная цель которых обеспечение порядка в имущественных и личных неимущественных отношениях.

Здесь проявляется, отмечаемый многими исследователями, принцип параллельного, взаимосвязанного и взаимообусловленного развития государства и права. Развитие отношений в государстве приводит к появлению норм, регулирующих эти отношения.

[1] Философский энциклопедический словарь. М., 1989. С. 567.

Еще в период становления и развития Древнерусского государства, был принят один из самых знаменательных памятников права того времени, который несмотря на несовершенную юридическую технику, уже регулировал споры в сфере гражданско-правовых отношений (нарушение обязательств из договоров купли-продажи, мены, займа, личного и имущественного найма). Действие на территории Древней Руси принципа талиона (равноценное возмездие или «око за око», «зуб за зуб») определяло основные санкции за нарушение или неисполнение договорных обязательств. На ранней стадии Русская Правда знача четыре вида денежных наказаний за причинение вреда потерпевшему, которые явились прототипами современной компенсации причинения вреда (штраф в пользу князя как представителя общества-вира, продажа) и компенсация потерпевшему (урок, головщина).[1] Следует отметить и отсутствие принципа индивидуализации санкции, так как вся вервь(племя) несла ответственность за правонарушение одного.

В своей книге по истории государства и права России И.А.Исаев отмечает, что Русская Правда в большей степени регулировала именно наказания за уголовные преступления, так как в данный период, когда еще действовали нормы обычного права, распространены обычаи кровной мести, было необходимо в первую очередь регулировать именно уголовные наказания, оставив разбирательство по поводу имущественных и личных неимущественных преступлений самим субъектам правоотношений. «Все остальные правонарушения наказывались штрафом – продажей, размер которой дифференцировался в зависимости от тяжести преступления (1, 3,12 гривен).»[2] Мы можем заметить, что главной целью наказания за преступления из обязательств была материальная компенсация нанесенного вреда. Именно так законодатель определял санкции за предоставление некачественной продукции или нарушения права собственности (межевые границы). Отдельно стоит отметить регулирование в данный период брачно-семейных отношений, которое относилось к ведению церковного законодательства, игравшее значительную роль еще при составлении самой Русской Правды, являясь источником большинства норм. Церковь очень строго относилась к многоженству, наложничеству, бракам между близкими родственниками, из-за чего и были предусмотрены более жесткие санкции (отлучинение от церкви)

В условиях политической раздробленности, развитие феодальных отношений и появление у самостоятельных княжеств своих сводов законов привели к развитию на разных территориях своих систем наказания. Например, одним из самых значимых для развития права Российского государства в целом является Псковская судная грамота, которая определяла за правонарушения в сфере экономики и собственности менее легкую санкцию, чем за убийство. Необходимость детальной регламентации договорных отношений привели к появлению ряда статей, определяющих способы заключения договоров (запись, доска, устно в присутствии свидетелей). Нарушение формальностей уже в тот период приводили к признанию ничтожным обязательств, вытекающих из договора. Нормам наследственного права и долговым обязательствам посвящены отдельные разделы грамотв ст. 72, 74, 78 и тд. Кроме того, учитывая феодальный характер большинства гражданско-правовых институтов, обязательственные отношения представляли собой повинности крестьянина в пользу своего феодала. За неисполнение обязательств и бегство активно применялась «выдача головой». Законодатель, определяя права собственника имущества в первую очередь ставил на первое место его интересы и устанавливал право истребовать принадлежащую вещь, в противном случае налагались санкции в виде штрафа и принудительного возврата имущества.

Мартысевич И.Г. в своей статье, посвященной изучению грамоты, уделяет большое влияние положению в самом княжестве, отмечая ее роль в определении наказаний: «Псков представлял собой государство, в котором в связи с дальнейшим процессом закрепощения феодалозависимого крестьянства и усиления эксшюаташш городских масс классовые противоречия настолько обострились, что господствующей класс – феодалы – не мог уже удержать власть в своих руках с помощью прежних средств борьбы с угнетенными массами.»[3] Также сыграло значимую роль и соседство с Литовским государством, необходимость контролировали возникшую и активно развивающуюся торговлю и межгосударсвенные договоры.

Именно в XV–XVI вв. гражданско-правовые отношения постепенно выделяются в особую сферу. Их регулирование осуществляется специальными нормами, включенными в разнообразные сборники (грамоты, судебники и др.). Нормы гражданского права одновременно отражали и регламентировали процесс развития товарно-денежных и обменных отношений, а также отношений феодальной эксплуатации, основывающейся на различных формах земельной собственности. Система наказаний по судебникам усложнялась, сформировались новые цели наказания – устрашение и изоляция преступника. Высшей мерой наказания оставалась смертная казнь, которая могла быть отменена с государевым помилованием.

В качестве дополнительных наказаний часто применялись штрафы и денежные взыскания. Как самостоятельный вид имущественная санкция применялась в случаях оскорбления и бесчестья (ст. 26 Судебника 1550 г.), как дополнительный – при должностных преступлениях, нарушении прав собственника, земельных спорах и т.д. Размер штрафа варьировался в зависимости от тяжести поступка и статуса потерпевшего.

---

[1] Турбина А.И. Русская Правда как первый прецедент национальной унификации норм о гражданско-правовой ответственности // Вестник Пермского университета-2006г.-8с.

[2] Исаева И.А. История государства и права России. Учебник. М., 2004. 3-е изд.

[3] Мартысевич И.Г. Псковская судная грамота. 111 с.

Как отмечает О.И.Чистяков, Судебник отодвигает на задний план имущественные наказания. Были введены помимо смертной казни еще и торговая, но которая на практике часто применялась вместе с продажой. Если прежде законодатель ставил целью наказания найти дополнительный источник пополнения казны (через виру и продажу), то теперь на первый план выходит необходимость запугать и придавить эксплуатируемы класс и поддержать господствующий. Активно используются меры устрашения лица, совершившего преступление и всего населения. Так законодатель ставит целью наказания человека – конкретное наказание причинение виновному вреда, телесных страданий и выделении из общества.

Соборное уложение 1649 г. явилось значительным шагом в правовом развитии русского государства по сравнению с предыдущими сводами. Конкретно данный памятник права закрепляет возникновение новых правовых институтов и готовил страну к эпохе наступающего абсолютизма, всесторонне регулирует общественно-политические, усложнившиеся гражданско-правовые отношения. Изменившаяся структура собственности, порядок наследства и обострившие к этому периоду социальное неравенство в обществе, приравнивание права собственности и дозволение на обмен между вотчинами и поместьями привели к необходимости учитывать все эти обстоятельства в составлении Соборного Уложения. Активно развивалось обязательственное право исходившее из договоров, в основном договоров купли-продажи, займа, мены, поклажи). Особенностями наказаний по Соборному Уложению были:

а) Индивидуализация наказания. (Жена и дети правонарушиетеля не отвечали за совершенное им деяние).

б) Сословный характер наказания. (за одни и те же преступления разные субъекты несли разную ответственность).

в) Неопределенность в установлении наказания.

Усложняется и сама система санкционирования. Смертная казнь назначалась по делам религиозным и по отношению к поджигателям), а также за подделку монет. Активно применялись телесные наказания, проводимые притом публично. Тюремное заключение – сроки от трёх дней до пожизненного заключения. Тюрьмы были земляными, деревянными и каменным. И остается самым распространенным наказание за большинство имущественных преступлений штрафы, называемые «продажа» и назначались за преступления, помимо имущественных также за некоторые преступления против жизни и здоровья человека (за увечье), за «понесение бесчестья». Применялось и конфискация имущества как дополнительное наказание. Уложение не касалось области семейного права (которое находилось в юрисдикции церковного суда), единственные положения Соборного уложения, касающиеся семейных отношений, относятся к уголовным и имущественным практикам.[1]

Что касается возникших именно в XVIIв. организационно-правовых форм организации предпринимательской деятельности и на их основе развивающихся корпоративных отношений, то Соборное Уложение вместило в себя нормы правового регулирования и данной направленности. Впервые признаки корпорации появились в «Уложении» царя Алексея Михайловича, где появились нормы, регулировавшие расчеты товарищей между собой по поводу распределения непредвиденных убытков и потерь. [2]

Целями наказания по Соборному Уложению были устрашение и возмездие, изоляция правонарушителя от общества составляла дополнительную и второстепенную цель. Тем самым намечается тенденция ужесточения наказаний, использование санкций как меры придавления низшего класса, создание препятствий к самостоятельной свободной экономической деятельности и концентрация сферы торговли в руках аристократической верхушки.

Заметный скачок был сделан в российском законодательстве в XVIIIв. во время активных кодификационных работ уложенной комиссии. Впервые достаточно точно разграничено частное и публичное право, а гражданское право подразделяется на так называемые «союза семейного», общего закона имущественного, а также законы межевые, определяющие порядок разделения границ владения.

Заметные изменения произошли в развитии норм семейного права, ознаменованные принятием указа о единонаследии. При несогласной жизни супругов практиковалось их временное разлучение, сопровождавшееся отсылкой в монастырь. Декларировалась власть мужа, он мог наказывать жену, она следовала за ним повсюду. В целом правовое положение жены определялось положением (статусом, чином, званием) мужа. Появляются новые институты, вроде попечительства, которые также было необходимо регламентировать. В брак запрещается вступать близким родственникам и умалишенным («дуракам», по терминологии Указа 1722 г. «Об освидетельствовании дураков в Сенате «). Совсем новое направление в развитии гражданских правоотношений и их нормативно-правового регулирования берет российское государство в правление ЕкатериныII. Упоров И.В в своей статье обращает внимание на влияние, оказанное на императрицу со стороны либеральных европейских идей, которые предполагали правовую защиту собственности, в том числе в случаях нарушений договорных отношений. Такой подход способствовал повышению общей культуры российского общества.[3]

---

[1] Щапов Я.Н. Брак и семья в Древней Руси // Вопросы истории, 1970, № 10. С. 216 (недоступная ссылка). Дата обращения 17 марта 2016. Архивировано 17 мая 2011 года.

[2] Гараджа Ю.В., Придворова М.Н. История становления и развития корпоративного законодательства в России // Молодой ученый. – 2019. – №2. – С. 122-124.

[3] Упоров И.В. Гражданский процесс в эпоху Екатерины II: содержание и законодательное регулирование-2017г.-4с.

Также в данный период происходит значительное расширение экономических отношений, которые требовали изменений условий приобретения статуса купечества. Именно данному сословию было необходимо точное регулирование имущественных отношений и рассмотрение гражданско-правовых споров. Именно для этого и был принят правовой акт(Инструкции), который подробно описывал порядок рассмотрения гражданский и иных судебных разбирательств. Следует отметить и регламентацию семейно-правовых отношений, которые се еще входили в сферу действия церкви. Закрепленный государственным законодательством возрастной ценз для вступления в брак (1830 г.) существовал параллельно с ранее введенным церковным законом (указ Св.Синода 1774 г.), который не был отменен[1]. В соответствии со ст. 1563 «Уложения о наказаниях»1845г. нарушение установленных церковным и государственным законодательством возрастных ограничений каралось заключением в тюрьму на срок от 2-х до 4-х месяцев или арестом от 4-х недель до 3-х месяцев.

Особое внимание следует уделить такому прогрессивному историческому памятнику права первой половины и даже всего XIX в. –Свод законов Российской империи. Данный акт тесно связан с общей направленностью политики Николая I и с именем М.Сперанского. Свод законов гражданских, который был создан в рамках общеимперского Свода, создал условия для совершенствования регулирования гражданско-правовых отношений в стране, повысил уровень законности в деятельности государственных учреждений и правоприменительной практике[2]. Данный Свод был основным источников для принятого в 1845 г. Уложении о наказаниях уголовных и исправительных. Название говорит само за себя, для преступлений имущественного и иного характера применялись исправительные и дополнительные санкции. Чаще всего это были высылки в Сибирь и на Кавказ, штрафы, изъятие имущества и тд. Как дополнительная гражданско-правовая санкция за правонарушения должностных лиц и чиновников применялось дополнительное наказание в виде лишения всех прав состояния, которое предполагало фактическую смерть человека, лишение всей собственности, права наследования и имущества. Помимо этого применялось и лишение специальных прав (чина ,звания, почетного знака или ордена).

В сфере же корпоративных отношений шли значительные изменения. Первое появление акционерных обществ явилось в 1830 году при Николае 1 с Положения Комитета министров «Об учрежденной в Малороссии компании для добывания сахара из свекловицы». Данный документ регламентировал типовой устав, порядок ведения и управления дел в акционерной компании. [3] Впервые в России вводилось исключительное право акционеров управлять деятельностью компании. Фактически это означало признание права частной собственности. Общее собрание акционеров утверждало состав правления (в современной трактовке совета директоров) численностью не менее трех директоров.

Таким образом, пройдя огромный и нелегкий путь, ставя цель укрепление государства российского и обеспечение контроля и правопорядка в усложняющихся гражданских правоотношениях, отечественное законодательство в разные периоды своего развития наметила общие тенденции становления института санкционирования. Следует заметить, что общее положение в государстве на определенном ее этапе, социальное положение, статут на международной арене и многие другие социокультурные факты играли значительную роль при определении мер воздействия за нарушение будь то договорных (обязательственных) отношений или же корпоративных в условиях активной торговли. Если в период первоначального становления государства, право только в мелких чертах определяло санкции за гражданские правонарушения, то уже к концу XIX в. правовые акты достаточно полно регламентируют всю сферу гражданско-правовых мер воздействия.

Разделяя историческое развитие исследуемого института, можно выделить период усиления ожесточения гражданско-правовых санкций за совершенные правонарушения, обозначив пик этого усиления в реформах Петра I, которым был принят Воинский Артикул, устанавливавший большое количество наказаний не только за уголовные, но и имущественные правонарушения. Уже после Петра, его потомки, переняв реформаторские способности, обученных советников и европейские веяния просвещенного абсолютизма, ставят целью при определении наказания за имущественные преступления материально компенсировать причиненный вред, а также изолировать преступника. Либо широко используемая высылка как наказания использовалась для общеимперской цели-заселения Дальневосточных территорий.

Подводя итоги, можно обозначить, что дореволюционный период явился безусловно важным этапом становления основополагающих институтов в области регулирования гражданских отношений. Еще первыми русскими цивилистами Д.И. Мейером и К.А. Неволиным были обозначены проблемы гражданского права, которым они посвятили большое количество трудов. Их работы, совмещавшие исследование, учебники и комментарии к историческим памятникам показали характер развития всей отрасли на фоне проживаемой государством истории.

Список литературы:

---

[1] Семашко А.Г. Брачно-семейные отношения в России в XIX веке: правовые основы реализации церковью делегированных ей полномочий // Молодой ученый. – 2015. – №15. – С. 467-469.

[2] Загудаев Е.А Историко-юридическая характеристика свода законов гражданских в Российской империи 1832 года (Гражданская процессуальная сторона).

[3] Гараджа Ю.В., Придворова М. Н. История становления и развития корпоративного законодательства в России // Молодой ученый. – 2019. – №2. – С. 122-124.

1. Упоров И.В. Гражданский процесс в эпоху екатерины ii: содержание и законодательное регулирование-2017г.-4с.
2. Загудаев Е.А Историко-юридическая характеристика свода законов гражданских в Российской империи 1832 года (Гражданская процессуальная сторона)
3. Философский энциклопедический словарь. М., 1989. С. 567.
4. Исаева И.А.-История государства и права России_Учебник_2004 3-е изд
5. Псковская судная грамота // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: в 86 т. (82 т. и 4 доп.). – СПб., 1890–1907.
6. Мартысевич И.Г. Псковская судная грамота-111с
7. Щапов Я. Н. Брак и семья в Древней Руси // Вопросы истории, 1970, № 10. С. 216 (недоступная ссылка). Дата обращения 17 марта 2016. Архивировано 17 мая 2011 года.
8. 8.О.И.Чистяков- История государства и права России.2005г.
9. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. – Санкт-Петербург: Тип. 2 отд-ния собств. е. и. в. канцелярии, 1845
10. Соборное уложение 1649 года. // М.: Печатный двор, 29 января 1649 (29.01.7157)
11. Тараборин Р.С. Свод законов гражданских Российской империи 1832 г.: генезис законодательной конструкции.
12. Фроянов И. Я. Киевская Русь: Очерки социально-экономической истории. – Ленинград, 1974
13. Турбина А.И- Русская Правда как первый прецедент национальной унификации норм о гражданско-правовой ответственности/Вестник Пермского университета-2006г.-8с.
14. Гараджа Ю.В., Придворова М. Н. История становления и развития корпоративного законодательства в России // Молодой ученый. – 2019. – №2. – С. 122-124.

Конституционно-правовые аспекты права граждан на возмещение ущерба

П.И.Курбанова,
Р.Н.Пирова

Права человека являются универсальными правами фундаментального характера, которые принадлежат каждому лицу в его взаимоотношениях с государством. Права человека могут быть ограничены только законом и только в той мере, в какой это необходимо для обеспечения безопасности общества, защиты нравственности, здоровья, прав других людей. Термин «права человека» относится только к взаимоотношениям между человеком и государством. Наличие у человека определенного «права» означает, что у власти есть соответствующая обязанность обеспечить реализацию этого права. Иначе говоря, права человека – это характеристика соотношения общество – власть.

Институт прав и свобод является центральным в конституционном праве. Под конституционными правами и свободами понимаются наиболее важные права и свободы человека и гражданина, раскрывающие естественное состояние свободы и получающие высшую юридическую защиту. В советском конституционном праве, под правами человека понимались «суть те же права человека, которые оформлены юридически и поставлены под охрану государства».[1. – С. 114] На современном этапе эксперты дают такое определение: «Права и свободы человека – это общепризнанные социальные возможности личности, обеспечение которых реально в условиях достигнутого человечеством прогресса». Соответственно можно определить конституционные права и свободы как установленные Конституцией РФ социальные возможности личности. Таким образом, «право на защиту – это установленная Конституцией совокупность социальных возможностей личности пользоваться всеми не запрещенными законом способами для защиты своих интересов в сфере судопроизводства». Реализация конституционных прав и свобод выражается в действиях государства по предупреждению, пресечению неправомерных посягательств на права и свободы гражданина, наказанию правонарушителей, возмещению ущерба. И только при необходимости гражданин сам предпринимает активные, юридически значимые действия по осуществлению, защите своих конституционных прав и свобод.

Конституция содержит в себе формулу ответственности государства перед гражданином за причиненный вред незаконными действиями (бездействием) органов государственной власти и их должностных лиц. При этом обязанности по возмещению вреда от указанных действий несет государство. Приведенному конституционному положению соответствует ст. 1069 Гражданского кодекса Российской Федерации (ГК РФ), согласно которой подлежит возмещению «вред, причиненный в результате незаконных действий (бездействия) государственных органов, органов местного самоуправления либо должностных лиц этих органов, в том числе в результате издания не соответствующего закону (или иному правовому акту) акта государственного органа или органа местного самоуправления». [2. – С. 75] Тот факт, что общая позиция возмещения вреда, указанного в рассматриваемой статье, прежде всего, нашла отражение в ГК РФ, свидетельствует о том, что государством подтверждена универсальная гражданско-правовая модель защиты прав граждан от незаконных действий (или бездействия) властей. Как установлено ст. 1096 ГК, вред возмещается за счет соответственно казны Российской Федерации, казны субъекта Российской Федерации или казны муниципального образования. При этом установлено, что вред, причиненный личности или имуществу гражданина, подлежит возмещению в полном объеме (ч. 1 ст. 1064 ГК РФ).

Ст. 53 Конституции РФ Конституции охватывает не только общую форму ответственности, предусмотренную ст. 1069 ГК, но и установленную федеральным законом специальную форму ответственности за причинение вреда незаконными действиями органов дознания, предварительного

следствия, прокуратуры и суда (ст. 1070 ГК). Возмещение такого вреда производится «... за счет казны Российской Федерации или казны муниципального образования в полном объеме независимо от вины должностных лиц органов дознания, предварительного следствия, прокуратуры и суда в порядке, установленном законом» [3. – С. 148] (ч. 1 ст. 1070 ГК РФ).

Правовые нормы, регулирующие отношения, указанные в ст. 1070 ГК РФ, помещены в главе 18 УПК РФ, посвященной вопросам реабилитации, под которой федеральный закон подразумевает порядок восстановления прав и свобод лица, незаконно и необоснованно подвергнутого уголовному преследованию, и возмещения причиненного ему вреда (п. 34 ст. 5 УПК). Право на реабилитацию включает право на возмещение имущественного вреда и восстановление в трудовых, пенсионных, жилищных и иных правах. При этом, как подчеркнуто в УПК РФ, «вред, причиненный гражданину в результате уголовного преследования, возмещается государством в полном объеме независимо от вины органа дознания, дознавателя, следователя, прокурора и суда» [1. – С. 95].

Право на возмещение вреда в порядке, установленном главой 18 УПК РФ, имеет также любое лицо, незаконно подвергнутое мерам процессуального принуждения в ходе производства по уголовному делу.

Приведенные выше положения федерального закона не распространяются на случаи, когда примененные в отношении лица меры процессуального принуждения или постановленный обвинительный приговор отменены или заменены: а) ввиду издания акта об амнистии; б) истечения сроков давности; в) не достижения возраста, с которого наступает уголовная ответственность; г) в отношении несовершеннолетнего, который, хотя и достиг возраста, с которого наступает уголовная ответственность, но вследствие отставания в психическом развитии, не связанным с психическим расстройством, не мог в полной мере осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействий) и руководить ими в момент совершения деяния; д) принятия закона, устраняющего преступность или наказуемость деяния.

Уголовно-процессуальным кодексом РФ установлено, что суд в приговоре, определении, постановлении, а прокурор, следователь, дознаватель в постановлении признают за оправданным лицом, в отношении которого прекращено уголовное преследование, право на реабилитацию. Одновременно реабилитированному направляется извещение с разъяснением порядка возмещения вреда, связанного с уголовным преследованием (ст. 134, 212, 306 УПК РФ).

Действующим УПК РФ предусмотрен порядок возмещения реабилитированному имущественного и морального вреда (ст. 135-137 УПК), а также восстановления трудовых, пенсионных, жилищных и иных прав (ст. 138 УПК).

ГК РФ предусматривает два способа возмещения материального вреда: 1) возмещение в натуре (предоставление вещи того же рода и качества, исправление поврежденной вещи и т.п.); 2) возмещение причиненных убытков. На практике преобладает второй способ возмещения. В соответствии с п.2 ст.15 ГК РФ под убытками понимается реальный ущерб (стоимость утраченного имущества, иные расходы, которые лицо произвело или должно будет произвести для восстановления нарушенного права), а также упущенная выгода (неполученные доходы, которые потерпевший получил бы при обычных условиях гражданского оборота, если бы его право не было нарушено). Размер материального вреда определяется по ценам, существующим на момент его возмещения (ст.393 ГК РФ).

Основания и размер компенсации гражданину за причиненный моральный вред определяются правилами, предусмотренными ст.151, 1099-1101 ГК РФ. Развернутое определение понятия «моральный вред» дано в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ «Некоторые вопросы применения законодательства о компенсации морального вреда» от 20 декабря 1994 года N 10: «Под моральным вредом понимаются нравственные или физические страдания, причиненные действиями (бездействием), посягающими на принадлежащие гражданину от рождения или в силу закона нематериальные блага (жизнь, здоровье, достоинство личности, неприкосновенность частной жизни и т.п.) или нарушающими его личные неимущественные права (право на пользование своим именем и т.п.), либо нарушающими имущественные права гражданина». В частности, моральный вред может заключаться в нравственных переживаниях в связи с временным ограничением или лишением каких-либо прав, физической болью, связанной с причиненным увечьем, иным повреждением здоровья либо в связи с заболеванием, перенесенным в результате нравственных страданий, и др. [3. – С. 168] .

Моральный вред компенсируется независимо от возмещения имущественного вреда, то есть как наряду с ним, так и самостоятельно. Компенсация морального вреда производится в денежном выражении. Ее размер определяется по усмотрению суда. При этом учитываются характер причиненных потерпевшему физических и нравственных страданий, а также степень вины причинителя вреда в случаях, когда вина является основанием возмещения вреда. Характер физических и нравственных страданий оценивается судом с учетом фактических обстоятельств, при которых был причинен моральный вред, индивидуальных особенностей потерпевшего и других конкретных обстоятельств, свидетельствующих о тяжести перенесенных страданий. Важнейшим критерием для определения судом размера компенсации морального вреда является принцип разумности и справедливости. [4. – С. 59] .

Таким образом, конституция содержит в себе формулу ответственности государства перед гражданином за причиненный вред незаконными действиями (бездействием) органов государственной власти и их должностных лиц. При этом обязанности по возмещению вреда от указанных действий несет государство.

Список литературы:

1. Уголовный кодекс РФ от 1 апреля 2019 г. N 63-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации от 1 июня 2019 г. N 25 ст. 2954.
2. Часть первая Гражданского кодекса Российской Федерации редакция от 1.06.2019г.. N 51-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации от 5 июня 2019 г. N 32 ст. 3301.
3. Часть вторая Гражданского кодекса Российской Федерации редакция от 1.06.2019г. N 51-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации 2019г. N 5 ст. 410.
4. Общая теория государства и права. Академический курс: В 2 томах. Т.2. Теория права / Под ред. М.Н. Марченко. М., 2018.

Проблема исследования института адвокатуры Российской империи

П.М.Лахитова

Изучение досоветского этапа истории адвокатуры позволяет выявить много общих черт, присущих адвокатуре как государственному институту, увидеть преемственность в ее развитии.

Судебное представительство известно на Руси с давних времен. Русская Правда, не упоминает о судебном представительстве, соответственно, в процессе господствовал принцип личной явки. Впервые упоминается о судебном представительстве в законодательных сборниках XV века. В одном из наиболее древних памятников русского законодательства – Псковской судной грамоте устанавливаются ограничения судебной защиты: приглашать поверенных могли не все, а только женщины, дети монахини и социально не защищенные. Однако принцип личной явки в суд еще долго продолжал господствовать. Напротив, Новгородская Судная Грамота всем дозволяет иметь поверенных.

Первоначально основной формой судебного представительства было родственное представительство. Но одновременно с ним начинают выступать и наемные поверенные. Институт профессиональных поверенных и развился из наемных поверенных. В позднейших памятниках постоянно упоминается о наемных поверенных. Но по мере того, как судопроизводство стало распадаться на две формы: состязательную и следственную, роль поверенных меняется. Оставаясь в полной силе для состязательного процесса, судебное представительство не допускалось в следственном. Розыскной процесс характеризовался совмещением функций суда, обвинения и защиты. «Один и тот же орган производил расследование по делу, собирал доказательства как уличающие, так и оправдывающие подсудимого, решал вопрос о его виновности. Состязательность сторон совершенно отсутствовала»[1]. Господство следственного процесса делало фигуру адвоката практически ненужной.

Со времен Петра Великого розыск становится господствующей формой и вплоть до 1864 г. применяется как в уголовных, так и в гражданских делах.

Участие поверенного выражалось только в том, что они могли быть уполномочиваемы совершать вместо подсудимых «руководство под записками» в маловажных делах, оканчивавшихся в первой инстанции.

«Петр Великий упрекал их в том, что они «своими непотребными пространными приводами судью более утруждают и дело к вящему пространству, нежели скорому приводят окончанию» и назвал их «ябедниками, составщиками воров и душевредцов»[2].

Российское законодательство вплоть до издания Свода законов Российской империи от 14 мая 1832 г. не содержит в себе ничего относящегося к организации института поверенных. Впервые Свод законов, предоставив право всякому, «кто может по закону быть истцом и ответчиком, производить тяжбу и иск через поверенного» и определив, что «поверенный, действуя в суде вместо верителя, представляет его лицо», точно обозначил круг лиц, которым запрещалось заниматься судебным представительством. Но на этом и оканчиваются постановления Свода Законов относительно судебного представительства. Никаких положительных требований, вроде образовательного и нравственного ценза, к поверенным не предъявлялось; никакой внутренней организации их установлено не было. До издания Судебных Уставов 1864 года судебное представительство продолжало оставаться абсолютно свободной профессией.

Законом Российской империи был создан институт присяжных стряпчих. «Это была попытка отчасти упорядочить деятельность судебных представителей в коммерческих судах»[3]. Присяжные стряпчие находились в полной зависимости от судей, права и возможности их были ограничены. Они отбирались по строжайшему принципу избирательности, с предъявлением аттестатов об образовании, послужных списков, свидетельств о званиях и т.д. «Коммерческие суды дореформенной России стали уже тогда состязательными, сравнительно объективными государственными структурами, где судьи вынуждены были считаться с законом, правилами и обычаями делового оборота и принимать грамотные и обоснованные судебные решения»[4]. Во всех же остальных судах России положение оставалось прежним.

В 50-е годы XIX века необходимость судебной реформы делалась все более очевидной. Органической ее частью должен был стать институт адвокатуры, по сути дела, еще неизвестный русскому судопроизводству.

Законом от 20 ноября 1864 г. об учреждении Судебных установлений в России была создан институт присяжных поверенных. Идея введения в России профессиональной так называемой присяжной адвокатуры

---

[1] Черкасова Н.В. Формирование и развитие адвокатуры в России 60-80 годы XIX века. М., 1987. С. 12-13.
[2] Васьковский Е.В. Организация адвокатуры. СПб., 1893 // СПС «Консультант Плюс» («Гарант»)
[3] Черкасова Н.В. Формирование и развитие адвокатуры в России 60-80 годы XIX века. М., 1987. С. 14.
[4] Демидова Л.А. Адвокатура в России: Учебник для вузов. 2005 // СПС «Консультант Плюс» («Гарант»)

связывалась составителями Судебных уставов 1864 года с состязательным порядком процесса. «В российских условиях того времени введение адвокатуры было большим шагом вперед, обеспечивая возможность гласной защиты обвиняемых и известного контроля над «закулисными» воздействиями на органы следствия и суда»[1].

«Институт присяжных поверенных создавался в качестве особой корпорации, состоявшей при судебных палатах. Но она не входила в состав суда, а пользовалась самоуправлением, хотя и под контролем судебной власти.[2]« В каждом округе судебной палаты, если в нем насчитывалось не менее 20 поверенных, учреждался совет присяжных поверенных, число членов которого по решению общего собрания должно было быть не менее 5 и не более 15 человек.

Деятельность совета присяжных детально регламентировалась. «Он ведал приемом новых адвокатов и контролировал всю деятельность сословия присяжных поверенных, а за нарушение норм адвокатской профессии наказывал провинившихся разными мерами – от выговора до исключения из адвокатуры и предания уголовному суду»[3]. Этот орган совмещал обязанности административного и судебного характера.

Законом был определен порядок поступления в адвокатуру. Право на получение звания присяжного поверенного имели только те лица, которые соответствовали установленным в законе условиям. Они фактически совпадают с требованиями, предъявляющимися к судьям. По ст. 354 Учреждения судебных установлений «присяжными поверенными могли быть лица, достигшие 25-летнего возраста, имеющие высшее юридическое образование и пять лет судебной практики в качестве чиновника судебного ведомства или помощника присяжного поверенного»[4].

Для лиц нехристианских вероисповеданий поступление в адвокатуру обусловлено рядом дополнительных условий, значительно ограничивающих эти возможности.

Назначенный для производства дела советом присяжный поверенный не мог отказаться от исполнения данного ему поручения, не предоставив достаточно уважительных для этого причин (ст. 394 УСС). Присяжным поверенным запрещалось: покупать или каким-либо иным способом приобретать права своих доверителей по тяжбам (ст. 400 УСС); вести дела в качестве поверенного против своих близких родственников (ст. 401 УСС); быть поверенным обоих тяжущихся или переходить от одной стороны к другой в одном и том же процессе (ст. 402 УСС); оглашать тайны своего доверителя не только во время производства его дела, но и в случае устранения от него и даже после окончания дела (ст. 403 УСС). Присяжные поверенные могли принимать на себя ведение уголовных и гражданских дел. В уголовных делах присяжные поверенные принимают на себя защиту подсудимых или по соглашению с ними, или по назначению председателя суда (ст. 393 УСС). Участие присяжных поверенных в процессе не считается обязательным: каждый тяжущийся может вести свои дела лично во всех судебных учреждениях (ст. 386 УСС)[5].

В случае переезда в другой город присяжный поверенный должен был с согласия своих доверителей передать находящиеся у него дела другому присяжному поверенному.

Присяжные поверенные не считались государственными служащими, поэтому на них не распространялось чинопроизводство, они не имели права на служебные отличия. Присяжные поверенные – это установленные в государственных интересах лица свободной профессии. «Они были независимы от суда в своих действиях по ведению уголовных и гражданских дел, подчинялись только для них предусмотренному особому дисциплинарному порядку, при нарушении которого наступала определенная ответственность»[6]. Ответственность присяжных поверенных могла быть уголовной, дисциплинарной и гражданской.

Наряду с присяжными поверенными ведением гражданских и уголовных дел занимались частные поверенные. Возникла необходимость законодательной регламентации их деятельности. 6 июня 1874 года был издан закон, учредивший наряду с присяжной адвокатурой институт частных поверенных. Для того чтобы стать частным поверенным и получить право на участие в производстве гражданских дел, как в мировых, так и в общих судебных установлениях, необходимо было получить особое свидетельство, выдававшееся теми судами, в округе которых частный поверенный осуществлял ходатайство по делам.

«Частные поверенные получили право ходатайствовать по судебным делам, но, как правило, малой значимости, к участию в политических процессах они не допускались»[7]. Качество их работы значительно уступало качеству профессиональных присяжных поверенных, так как требования, предъявляемые законом к частным поверенным, были заниженными. Частными поверенными могли быть лица, получившие высшее

---

[1] Чельцов-Бебутов М.А. Курс уголовно-процессуального права. СПб., 1995. С.772.

[2] Конин В.В. Судебная реформа: присяжные заседатели и присяжные поверенные //Администратор суда. 2008. №4 СПС «Консультант Плюс» («Гарант»)

[3] Глушаченко С.Б., Тотоев Р.Р. Адвокатура в российской империи в аспекте судебного реформирования 1864 г. // История государства и права. №13. 2008. С. 13.

[4] Чистяков О.И. Российское законодательство X-XX веков. Судебная реформа. См. Учреждение судебных установлений. Том 8. М., 1991. С. 71.

[5] Чистяков О.И. Российское законодательство X-XX веков. Судебная реформа. См. Учреждение судебных установлений. Том 8. М., 1991.С. 71.

[6] История российской адвокатуры: краткий обзор (Редакционный материал) // Адвокат. 2006. № 9. СПС «Консультант Плюс» («Гарант»)

[7] Анохина С.В. Адвокатура в России во второй половине 19 в. // Право и политика. № 9. 2007. С. 104.

юридическое образование или удостоверившие суд в своих познаниях. При этом закон не устанавливал, в чем заключалось такое удостоверение. Они не были объединены в какую-либо организацию, в которой они могли бы повышать свой профессиональный уровень, которой бы защищала, охраняла и направляла их деятельность. Дисциплинарную ответственность частные поверенные несли перед теми судами, при которых они состояли. Организация данного института была крайне несовершенной.

«Вводя институт частных поверенных из-за недостатка присяжных, законодатели имели в виду ведение ими только гражданских дел. Но частные поверенные, пользуясь предоставленным им ст. 565 Устава уголовного судопроизводства правом, очень быстро сориентировались в ситуации и стали активно вести уголовные дела»[1].

Уставы 1864 года не уделила должного внимания вопросу о помощниках присяжных поверенных. Упомянув только вскользь о том, что занимаясь в течение пяти лет судебной практикой под руководством поверенных в качестве помощников, они могли впоследствии стать присяжными поверенными, оно более не останавливается на них. Закон 1874 г. уравнял помощников присяжных поверенных с частными поверенными и дозволил им получать из судов свидетельства и заниматься самостоятельной судебной практикой на правах частных поверенных. «Вследствие этого, положение помощников приобрело двойственный характер: с одной стороны, они «стажеры», кандидаты в адвокатуру, занимающиеся практикой под руководством присяжных поверенных, а с другой стороны, в качестве частных поверенных, настоящие адвокаты, имеющие право самостоятельно вести дела»[2].

Процессуальные права и обязанности адвоката различались в зависимости от периодов процесса. Участие защитника в стадии предварительного расследования не допускалось. Знакомиться с делом адвокат мог только перед самым началом судебного разбирательства, уже после составления обвинительного акта. «В течении всего времени до судебного заседания функции защитника сводились к ознакомлению с делом и предъявлению суду ходатайств в интересах подсудимого»[3]. Только на судебном следствии обвинение и защита являлись процессуально равными сторонами. При производстве судебного следствия присяжный поверенный допрашивал свидетелей, представлял новые доказательства, заявлял необходимые по делу ходатайства, выступал в прениях.

К концу 80-х годов XIX века из судебных уставов 1864 года были исключены многие демократические институты, изменено судопроизводство по государственным преступлениям, резко сокращен круг дел, рассматриваемых судом присяжных. Устройство адвокатуры также претерпело большие изменения. С начала 70-х годов XIX века адвокатура стала подвергаться гонениям и ограничениям со стороны властей, начали вводиться изменения в законодательство, касающееся адвокатуры. Так в 1875 году в процессе создания новых судебных органов было приостановлено учреждение советов присяжных поверенных там, где они еще не были образованы. Сословные учреждения успели образоваться только в трех округах: петербургском, московском и харьковском. В 1889 году в рамках судебной контрреформы было приостановлено создание отделений присяжных поверенных. В местностях, где не было советов присяжных поверенных, контроль за деятельностью последних возлагался на судебные органы.

«В 1890 г. была образована и начала действовать правительственная Комиссия «для пересмотра существующих о поверенных по судебным делам узаконений», которая составила проект изменений в правилах Судебных уставов о поверенных, что явилось серьезным шагом в осуществлении судебной контрреформы»[4].

Официальные власти приложили немалые усилия к тому, чтобы еще сильнее ущемить права присяжных поверенных и свести на нет их способность к проявлению демократических настроений.

«С ходом дальнейшего развития капитализма в России основная масса адвокатов все более превращается в юрисконсультов и поверенных, служащих интересам банков, железных дорог, акционерных обществ и помещиков-промышленников»[5]. Это определяло политическое лицо большинства адвокатов в конце XIX столетия и начале XX века.

Таким образом, в результате судебной реформы 1864 года впервые в отечественной истории права учреждается профессиональная адвокатура как самостоятельное звено судебной системы, ставшей неотъемлемой частью нового судопроизводства.

Задуманная на высоком уровне система адвокатуры быстро деформировалась. Проведение судебных контрреформ существенным образом изменяло положение адвокатуры, искажало принципы ее организации.

Несмотря на деформацию, значение судебных уставов трудно переоценить. Многие из закрепленных в них положений имели весьма прогрессивное значение, нашли свое отражение и в современном законодательстве.

Формирование военных сил Имамата: от эпизодического набора до регулярной армии

М.Б.Магомедов
Б.М.Магомедов

---

[1] История российской адвокатуры: краткий обзор (Редакционный материал) // Адвокат. 2006. № 9. СПС «Консультант Плюс» («Гарант»)
[2] Васьковский Е.В. Организация адвокатуры. СПб., 1893 // СПС «Консультант Плюс» («Гарант»)
[3] Анохина С.В. Адвокатура в России во второй половине 19 в. // Право и политика. № 9. 2007. С. 102.
[4] Черкасова Н.В. Формирование и развитие адвокатуры в России 60-80 годы XIX века. М., 1987. С. 5.
[5] Там же. С. 115.

Ведя тяжелую и неравную борьбу с войсками официальных властей, Шамиль понимал, что без четкой организации вооруженных сил на регулярной основе и крепкой материальной базе ничего не сможет добиться, и он по мере распространения шариата и укрепления его положения начал создавать регулярную армию. Материальной базой для этого вначале служило конфискованное имущество феодальной знати и военная добыча, а впоследствии это стало делом государственной важности.

Масштабные военные реформы заняли центральное место в методической, творческой и правовой преобразовательной деятельности Шамиля. Эти реформы должны были превратить армию Имамата в боеспособную настоящую организацию со структурой, соответствующей современным требованиям военного искусства. Правовым аспектам военной реформы Шамиля восхищались его современники и, более того, он получал комплименты от офицеров высшего ранга официальных властей. Армия Имамата – высокая мобильная сила всегда была готова к сражению. Организация массового отпора империи, наряду с ликвидацией власти феодальной верхушки, которую проводило руководство Имамата, и объясняет активную поддержку народом мероприятий, проводимых Шамилем. Возглавив борьбу, Шамиль предложил горским обществам наилучшие «формы консолидации народных устремлений, политической, военной и идейной организации масс, которые позволили сплотить разрозненные, разноязычные общества в единый военно-политический организм»[1].

В отличии от своих предшественников, которые ограничивались эпизодическим набором военных сил, Шамиль в конце 30-х годов XIX века заложил фундамент регулярной армии. Ему удалось продемонстрировать всему миру силу воинов, воодушевленных идеей освобождения и веры. Особую заботу и внимание Шамиля вызывали военное устройство и вооружение горцев. Благодаря его неутомимой деятельности при ограниченных средствах и ресурсах в Имамате была создана армия и образована экономическая база, способная в течение 25 лет отражать натиск регулярных войск официальных властей.

Создавая свою армию, Шамиль перенимал все лучшее, что находил в организации имперских войск и управлении ими, и она состояла из трех родов войск: пехоты, конницы и артиллерии, которая и была характерной структурой для постоянной армии. Кроме того, имелись еще временно мобилизуемые ополченцы, игравшие немаловажную роль в боевых действиях горцев. Большой гордостью Шамиля была конница – основное ядро армии. Хотя Шамиль и придавал большое значение кавалерии, известно, что коневодство широко в регионе не было распространено, и поэтому кавалеристами могли быть главным образом зажиточные узденыи. Горские конники были искусными и виртуозными наездниками, отлично владели оружием. Лучшими войсками конников с вооружением и одеждой была признана конница Гази-Магомеда.

Пехота комплектовалась из аулчан по призыву Шамиля от 15 до 50-летнего возраста. Пехотинцы были организованы в 1000, 500, 100, 50 и 10 бойцов[2]. Командирами тысячи и пятисот назначались наибы, которые назывались генералами, полковниками, капитанами. Генералами в армии Имамата являлись Ахверды-Магома, Шуаиб-мулла, Улубей ауховский, Абакар-кадий и Кибит-Магома; полковниками – Абдурахман-Дибир и Омар Ункратлинский, а капитанами – все остальные наибы[3]. Чины имели свои знаки отличия. Высший командный состав, представленный наибами, был неоднородным. Шамиль, сохранив общинно-родовое деление страны, фактически не имея выбора, был вынужден назначить часть наибов в командующий состав, а другая часть наибов была выдвинута благодаря своим личным качествам и самой жизнью, которой приходилось командовать полиэтническими подразделениями. Высокий нравственный уровень и боеспособность армии Имамата были результатом воспитательной работы в войсках и значимости оборонительного характера борьбы.

Одну из основополагающих ролей в воспитании солдат Имамата играло духовенство в лице Шамиля и его учителей[4]. Именно их деятельностью и объясняется бесстрашие мюридов.

В историко-правовой литературе встречаются разные данные о численности вооруженных сил Шамиля. А.Х.Рамазанов без ссылки и уточненных данных отмечает, что в лучшие годы армия Шамиля достигала 60000 человек[5]. При этом автор не приводит данных о постоянном войске Шамиля и об ополчении. Р.М.Магомедов отмечает, что «в отдельных кампаниях против завоевателей число участвовавших в войне горцев доходило до 30-40 тысяч. Численность же постоянных войск Шамиля, находившихся на содержании населения, не превышала 15-20 тысяч»[6]. Последний, исходя из показаний Хаджи-Мурата графу Воронцову и других сведений, дает, на наш взгляд, более достоверные данные.

Горцы, находившиеся на службе у Шамиля и его наибов, назывались муртазагетами. Учреждение муртазагетов давало возможность имаму решить сразу несколько военных и правовых проблем: оно снабжало его большой силой, всегда готовой бороться против колонизаторов и местных феодалов без всякого ущерба для казны, создавало большой общественный слой, заинтересованный в продолжении его правления. Набор в постоянное войско осуществлялся посредством разверстки – по 1 всаднику от каждых 10 дворов. Так, например, по свидетельству официальных источников, мичиковцы могли «…поставить до 2000 вооруженных людей, ауховцы до 1500, Большая Чечня 2500 и Малая Чечня до 4000…»[7]. В муртазагеты отбирались физически подготовленные и мужественные люди, готовые пожертвовать жизнью за независимость горцев. За преданную службу в армии муртазагеты пользовались большим уважением односельчан. Они заботились о семьях муртазагетов, помогали им пахать, сеять и убирать урожай, заготавливать сено, пасти скот и т.д.

Создание частей муртазагетов[8] удачно разрешало двойную задачу: во-первых, они благодаря своим боевым качествам могли противостоять не только имперской армии, но и внутренним врагам. Во-вторых, они образовали большую группу привилегированного и заинтересованного в сохранении имамского режима

населения. «Во время войны, – пишет Прушановский, – они составляют самую надежную и лучшую часть сборищ горцев. Держатся с отчаянной решительностью, соблюдают отличную подчиненность. Малое число их опаснее, чем целое скопище горцев». Генерал М.С.Воронцов после взятия Салты в сентябре 1847 г., отмечая мужество защищавших его в течение 2,5 месяцев горцев, в своих мемуарах писал: «В долголетнем опыте мне редко случалось видеть неприятеля более упорного и стойкого, как гарнизон укрепления Салты, который составлен, был из лучших и храбрейших людей Дагестана. Упрямые сопротивления этого гарнизона превосходят все, что европейской войне может быть известно»[9].

В историко-правовой литературе, да и в источниках, прослеживается мысль о том, что муртазагеты являются, чуть ли не основой постоянной армии. В правовом отношении это мнение ошибочное. Если взять во внимание мнение представителей официальных властей, то мы узнаем, что роль, отведенная муртазегетам, была сугубо официальная, т.е. караульная служба, охрана границ, личная охрана имама и т.д.[10]

В каждом воине Шамиля было заложено стремление к славе, к получению наград, и они проявляли усердие, чтобы их получить, жертвуя своей жизнью. Так, например, по сведениям местных источников, «из жителей андийских сел каждый раз в бою погибало от 10 до 20 воинов… Такое же количество жителей погибало из Гумбета, Аварии, Унцукуля… Согратль и Чох. В Чечне храбростью известны жители Кихи, Мартана и Шубута… Такие же храбрые жители обществ Ичкерия, Нахбак, Аух…»[11]. (Относительно «Нахбак» и «Аух» в «Книге воспоминаний…» даются не точные данные о месте их расположения. Они находятся в Дагестане, ныне – Казбековский район РД).

Для поощрения особо отличившихся наибов, командиров и рядовых горцев Шамиль ввел порядок награждения их знаками отличия и чинами разных степеней, закрепленные и определенные низамами. Были и другие виды поощрения, в частности оружием, лошадьми, деньгами, знаменами и т.д. Кроме того, наиболее влиятельные наибы тоже имели свои награды, которыми награждали своих подчиненных. Такие награды давали, например, Даниял-бек и Талгик. Так, на медали Талхика было написано: «Проявившему храбрость и мужество в войске Талгика».

Ордена, медали и другие знаки отличия различались по статусу и достоинству, их насчитывалось около 150 видов. Они делались в основном из серебра и имели соответствующие их статусу и достоинству надписи: «Обладатель храбрости и великодушия», «Знак храбреца», «Кто думает о последствиях, тот не храбрец», «Это храбрец, который не убегает от сражений и живет среди опасностей»[12] и т.д. и в правовом отношении владетели знаков в правовой иерархии возвышались. В казне Шамиля, как утверждает эпистолярный материал, были круглые ордена из золота и серебра, генеральские и полковничьи эполеты, а также оружие, печати, браслеты[13].

«Давно уже до меня доходили слухи, – писал генерал Граббе, – что Шамиль для поощрения наибов, отличившихся в скопищах своих, раздает им знаки отличия вроде наших орденов, и старается вводить некоторую правильность между своими полчищами»[14]. Генералу Российской империи было трудно признаться, что и у «диких» горцев может быть высокоорганизованная армия с крепкой дисциплиной, единоначалием, знаками отличия и хорошо продуманной структурой комплектования подразделений на уровне лучших традиций армий европейских стран. Для Граббе это были «скопища», «полчища». Между тем эти «скопища», «полчища» в 1842 году в лесах Ичкерии и в целом ряде сражений 1843 года проучили Граббе, Клюки-фон-Клюгенау, Нейгардта, Бакунина и других, показали высокий уровень организованности и образцы тактики ведения боя.

Если воин погибал в бою, его тело не обмыли и не служили над ним погребальную молитву, хоронили его в его запачканной кровью одежде, предварительно очистив его от прочих нечистот. Этот способ захоронения, в отличие от кончины в своей постели, являлся нормой шариата. Разница этих двух способов погребения состоит в том, что Аллах Всевышний желает встретить павшего за веру махида в Судный день (йавм ал-кийама) в том виде, в каком он скончался. Этим он оказывал ему честь[15].

Войска Шамиля расквартировывались в аулах по подразделениям по принципу поселения. Как уже было отмечено, во главе этих подразделений стояли наибы – пятисотенные, сотники и т.д.[16] Все наибы на правом плече носили эполеты; пятисотенные на груди носили медали с надписью, обозначавшей военное звание: «Начальник пятисот человек такого-то устраиваемого войска»[17]. За особые заслуги и мужество пятисотенные и сотенные командиры получали шашки, кисти для шашек с надписью: «Нет храбрее такого-то, нет сабли его острее». Этот знак отличия давал право на получение жалованья по три рубля серебром в месяц[18] и т.д.

В армии Шамиля поддерживались строгая дисциплина и жесткий порядок, базировавшиеся на своеобразной присяге – публичной клятве на Коране. Нарушение клятвы считалось тягчайшим преступлением. Наряду с поощрениями в армии Имамата практиковались и наказания. Командиры несли большую ответственность и, естественно, наказывались строже рядовых. Наиболее практиковавшимися видами наказания были понижение в должности, публичный выговор, арест от 10 до 30 суток, удары плетью от 15 до 39 раз, а измена и шпионаж наказывались смертью.

Шамиль прекрасно вооружил свою армию. Владея секретами получения стали хорошего качества, горские мастера изготовляли холодное оружие высокого класса, научились делать нарезное огнестрельное оружие. В Имамате было налажено производство пороха с помощью Джафара, потребности в котором возросли в связи с созданием артиллерии. Она была создана на базе трофейных орудий, а затем было налажено собственное производство пушек с помощью перешедших на сторону Шамиля царских офицеров и нижних чинов.

В армии Шамиля использовались трофейные оружие и боеприпасы, нехватку в которых он испытывал постоянно[19]. В артиллерии Шамиля было более ста пушек, из которых около 30 были трофейными. Собственные пушки делались меньшего калибра, были более удобными, мобильными и точными по сравнению с трофейными. Литьем пушек и изготовлением огнестрельного оружия занимались искусные мастера из Кубачи, Харбука, Кумуха, Унцукуля. В Ведено был организован завод по производству пушек и другого огнестрельного оружия[20]. В Имамате изготовлением холодного и огнестрельного оружия занимались при помощи перешедших на сторону горцев солдат царской армии. Впервые в истории Дагестана были отлиты пушки и ядра к ним, налажено также изготовление пуль[21]. Непосредственный участник борьбы утверждает, что «свинец… (Горцы. – Автор.) доставили тайно из русских крепостей… контрабандно…»[22]. Большой спрос на оружие стимулировал производство, уровень которого постоянно повышался.

В Имамате появились военные предприятия, принадлежащие государству. В Ведено, по сведениям Граббе, были «…люди, которые делают порох»[23], а в 1840 году он же рапортовал в Петербург о наличии в горах производства пушек, организации и введении в действующую армию нового рода войск – артиллерии. Шамиль организовал учебу артиллеристов, а также разработал особую инструкцию по артиллерии. Результаты им затеянного были настолько велики, что это искусство было взято на вооружение царской армией. Горцы, по сведениям М.Гаммера, получали исключительно хорошие комплименты от русских за то, как они использовали артиллерию, за ее меткость и, особенно за быстроту маневров[24]. Интенсивные усилия царских войск захватить орудия имама в сражениях заканчивались неудачей. Причиной того, что горцы не так часто использовали артиллерию, как это можно было бы ожидать, была в монополии Шамиля над этим оружием. По утверждению представителя официальных властей, только некоторые из его заместителей, обычно мудиры, покупали одну или две пушки артиллерии[25]. Во главе артиллерии стоял известный сподвижник Шамиля Яхья-Хаджи.

Впервые в истории гор Шамиль приступил к серьезной разработке недр Дагестана и Чечни, изготовлению пороха из добываемой в горах серы, выплавке железной и медной руды для отливки артиллерийских орудий и другого оружия. Значительную помощь Шамилю в изготовлении вооружения оказывали «русские перебежчики-солдаты и офицеры, которых у Шамиля было много и он очень ценил их»[26]. Способности беглых и пленных Шамиль проверял сам и определял: «… кого кузнецом, кого артиллеристом. Более… надежным доверял заведование заводами (пороховыми), конями, ремонтом конницы и т.п.»[27].

В Имамате была поставлена на довольно-таки высокий уровень работа разведки и контрразведки. В обязанности отдела разведки входили не только сбор информации о продвижении отряда неприятеля, выяснение всего необходимого о нем, но и проведение диверсионных мероприятий в глубоком тылу врага. Официальные источники, отдавая должное контрразведке Шамиля, отмечают, что «…чрезвычайно трудно иметь положительные сведения, даже и хорошие лазутчики не могут верно ничего узнать»[28], этим Шамиль вносил путаницу в ряды противников.

Шамиль придавал большое значение оперативной связи, благодаря которой он был в состоянии регулировать и командовать своей армией. Связь поддерживалась через гонцов – оповестителей письменными обращениями.

Шамиль также придавал значение медицине. Благодаря его стараньям в горах был открыт стационар. Дагестанские знахари хорошо знали принципы и метод использования отваров из трав, ягод, грязе-водолечение, массаж, мумие, прижигание, кровопускание, иглоукалывание[29]. Н.И.Пирогов, побывавший в Дагестане отметил, что местные хакимы действительно имеют «...большую наглядность и опытность в лечении огнестрельных ран. Искусство лечения наружных повреждений у кавказских племен есть чисто наследственное и переходящее от отца к сыну»[30], а профессор Л.А.Огонесян писал, что « хирургия кавказской народной медицины стояла почти на уровне научной медицины. Они производили даже такие операции, как трепанация черепа»[31]. Знахари Дагестана лечили не только у себя на родине, но и в Чечне, Осетии и в других областях.

Таким образом, взяв в основу правовой принцип формирования и осуществление военных реформ Царской России, а потом и Российской империи, можно найти параллели этого принципа и в Имамате. Так, например, Шамиль осуществил военные реформы, позволившие ему создать армию, которая по своей организационной структуре, дисциплине, мобильности, храбрости не уступала армиям передовых стран Европы. Военное устройство армии Шамиля вызывало восхищение современников. Русский офицер, принимавший участие в церемонии обмена грузинских князей на сына Шамиля Джамалутдина, писал: «Среди горцев господствовал строгий порядок и в целом они имели сходство с нашей кавалерией: они были расставлены по отделениям, с интервалами, в две шеренги; каждое отделение имело свое знамя; начальники стояли перед фронтом и держали ружья, как мюриды... На правом фланге я видел две пушки, снятые с передков; позади их – арбы со снарядами»[32].

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Магомедов Р.М. На весах истории // Дагестанская правда. – 1988. – 17 ноября. – С.3

[2] Рамазанов А.Х. Реформаторская деятельность великого имама Шамиля. – Махачкала, 1996. – С.19; Гаммер М. Шамиль. Мусульманское сопротивление царизму. Завоевание Чечни и Дагестана. – М.: КРОН-ПРЕСС, 1998. – С.311.

[3] Прушановский К.И. Исторические записки. – Л.12; См.: Шамиль – ставленник султанской Турции и английских колонизаторов: Сборник документальных материалов // Под ред. Ш.В.Цагарейшвили. – Тбилиси: Изд-во МВД Грузии, 1953. – С. 212.

[4] См.: Рамазанов Х.Х., Рамазанов А.Х. Мухаммад Ярагский – идейный вождь освободительной борьбы народов Кавказа. – Махачкала, 1996.

[5] См.: Рамазанов А.Х. Указ. работа. – С.19; Его же. Военное искусство Шамиля. – Махачкала, 1999. – С.10.

[6] См.: Магомедов Р.М. Указ. работа.-С.98.

[7] См.: ДГСВК. – С.404; Документальная история образования многонационального государства Российского: Россия и Северный Кавказ в XVI-XIX веках: В 4 кн. – Кн.1. / Под ред. Г.Л.Бондаревского, Г.Н.Колбая. – М., 1998. – С. 586.

[8] См.: История народов Северного Кавказа. – С.153.

[9] Каспари А.А. Покоренный Кавказ. – СПб., 1904. – С.489-490.

[10] См.: ДГСВК. – С.381 – 386; Юров А. 1840, 1841 и 1842 годы на Кавказе. – С.472; Дубровин Н.Ф. История войны и владычества русских на Кавказе. – Т.1. – Ч.1. – С.488-489.

[11] Шихсаидов А.Р., Омаров Х.А. Памятники письменности Дагестана. Абдурахман из Газикумуха: Книга воспоминаний Сайида Абдурахмана сына устада шейха тарикада Джамалуддина ал-Хусейни о делах жителей Дагестана и Чечни. – Махачкала, 1997. – С.111.

[12] См.: Шамиль – ставленник. – С.218; Книга воспоминаний. – С.110; Рамазанов А.Х. Указ. работа. – С.20.

[13] См.: Книга воспоминаний. – С.97; См.: ДГСВК. – С.405, 417.

[14] ЦГВИА. – Ф.ВУА. – Д.6468. – Л.3.

[15] См.: Книга воспоминаний. – С. 112.

[16] Бушуев С.К. Борьба горцев за независимость под руководством Шамиля. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1939. – С.125

[17] Опись знаков отличия, данная чеченскому старшине Оздемиру // ЦГВИА. – Ф.ВУА. – Д.6468. – Л.5.

[18] Там же.

[19] См.: АКАК. – Т.Х. – С.527.

[20] Магомедов Р.М. Указ. работа. – С.103.

[21] АКАК. – Т. XII. – С. 1399; ЦГВИА. – Ф.ВУА. – Д.6528. – Л.55; Елецкий О. Указ. соч. – С.68.

[22] См.: Книга воспоминаний. – 109.

[23] См.: Там же. – С.100 – 109; Рамазанов Х.Х., Рамазанов А.Х. Указ. работа. – С.12.

[24] Гаммер М. Шамиль – правитель государства и его дипломатия. – Махачкала, 1997. – С.16.

[25] Ржевуский А.А. 1845 год на Кавказе // КС. – Т.VI. – С. 448.

[26] См.: Вердеревский Е.А. Плен у Шамиля. – СПб., 1856.

[27] Шульгин С.Н. Из дагестанских преданий о Шамиле и его сподвижниках. – Тифлисъ, 1910.– С.30.

[28] ДГСВК. – С.386.

[29] См.: Рамазанов Х.Х., Рамазанов А.Х. Указ. работа. – С. 13-14.

[30] Пирогов Н.И. Отчёт о путешествии по Кавказу. – М., 1952 – С. 69

[31] Огонесян Л.А. Истории медицины в Армении с древнейших времён до наших дней. – Ч. III. – Ереван, 1946. – С. 188.

[32] Вердеревский Е.А. Плен у Шамиля. – СПб., 1856. – С. 19.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. Акты, собранные Кавказской археографической комиссией / Под ред. А.Берже. – Т.Х, XII. – Тифлис, 1866-1904.
2. ЦГВИА. – Ф.ВУА. – Д.6528, Д.6468.
3. Движение горцев Северо-Восточного Кавказа в 20-50-х гг. XIX века: Сборник документов / Сост. В.Г.Гаджиев, Х.Х.Рамазанов. – Махачкала: Дагкнигоиздат, 1959. – 786с.
4. Опись знаков отличия, данная чеченскому старшине Оздемиру // ЦГВИА. – Ф.ВУА. – Д.6468. – Л.5.
5. Ржевуский А.А. 1845 год на Кавказе // КС. – Т.VI.
6. Шамиль – ставленник султанской Турции и английских колонизаторов: Сборник документальных материалов / Под ред. Ш.В.Цагарейшвили. – Тбилиси: Изд-во МВД Грузии, 1953. – 562с.
7. Бушуев С.К. Борьба горцев за независимость под руководством Шамиля. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1939. – 184с.
8. Вердеревский Е.А. Плен у Шамиля. Правдивая повесть о восьмимесячном и шестидневном (в 1854-1855гг.) пребывании в плену у Шамиля семейств покойного ген.-м. кн. Орбелиани и подполк. кн. Чавчавадзе, основанная на показаниях лиц, участвовавших в событии. – СПб., 1856 – 2с.
9. Гаммер М. Шамиль – правитель государства и его дипломатия: Статьи. – Махачкала, 1997. – 104с.
10. Гаммер М. Шамиль. Мусульманское сопротивление царизму. Завоевание Чечни и Дагестана. – М.: КРОН-ПРЕСС, 1998. – 512с.
11. Документальная история образования многонационального государства Российского: Россия и Северный Кавказ в XVI-XIX веках: В 4 кн. – Кн.1. / Под ред. Г.Л.Бондаревского, Г.Н.Колбая. – М., 1998. – 725с.

12. Дубровин Н.Ф. История войны и владычества русских на Кавказе. (Очерк Кавказа и народов его населяющих). – Т.1. – СПб., 1871.
13. История народов Северного Кавказа (конец XVIII в.-1917). – М.: Наука, 1988. – 660с.
14. Каспари А.А. Покоренный Кавказ. – СПб., 1904. – 460с.
15. Магомедов Р.М. На весах истории // Дагестанская правда. – 1988. – 17 ноября. – С.3
16. Огонесян Л.А. Истории медицины в Армении с древнейших времён до наших дней. – Ч. III. – Ереван, 1946.
17. Пирогов Н.И. Отчёт о путешествии по Кавказу. – М., 1952.
18. Прушановский К.И. Исторические записки. – Л.12.
19. Рамазанов А.Х. Реформаторская деятельность великого имама Шамиля. – Махачкала, 1996. – 56с.
20. Рамазанов А.Х. Военное искусство Шамиля.-Махачкала, 1999.
21. Рамазанов Х.Х., Рамазанов А.Х. Мухаммед Ярагский – идейный вождь освободительной борьбы народов Кавказа. – Махачкала: ИПЦ ДГУ, 1998. – 64с.
22. Шихсаидов А.Р., Омаров Х.А. Памятники письменности Дагестана. Абдурахман из Газикумуха: Книга воспоминаний Сайида Абдурахмана сына устада шейха тарикада Джамалуддина ал-Хусейни о делах жителей Дагестана и Чечни. – Махачкала, 1997. – 868с.
23. Шульгин С.Н. Из дагестанских преданий о Шамиле и его сподвижниках. – Тифлисъ, 1910.
24. Юров А. 1840, 1841, 1842 гг. на Кавказе // КС. – Т.Х. – Тифлисъ, 1886. – С.225-405.

«Горская экспансия», как политика официальных властей

М.Б.Магомедов
Б.М.Магомедов

В последнее время в СМИ и даже в некоторых учебных пособиях по отечественной истории, говоря о событиях первой половины XIX века на Северо-Восточном Кавказе, предпринимаются попытки реабилитировать агрессивную, захватническую политику официальных властей в этом регионе, объясняя все «темнотой», отсталостью горцев, их «пристрастием» к грабежам и разбоям. И в этом плане, на мой взгляд, встала необходимость показать истинные цели официальных властей в северокавказском регионе и опровергнуть мнение о том, что горцы восстали против царизма, недовольные запретом совершать набеги на соседние территории.

В начале XIX века перед царизмом встала задача покорения горцев Северо-Восточного Кавказа, т.к. «Кавказские горы отделяют южную Россию от роскошных провинций Грузии, Мигрелии, Имеретии и Гурии, отторгнутых москвитянами от мусульман»[1]. Единственная военная дорога, заслуживающая это название, шла от Моздока к Тифлису через Дарьяльское ущелье. То есть одна из задач покорения горцев Дагестана, как признался командир отдельного грузинского корпуса генерал Ермолов в рапорте Александру I, состояла в «…учреждении сообщения с богатейшею Кубинскою провинциею и оттуда в Грузию, к которой доселе один путь через горы, каждый год несколько времени, а иногда весьма долго пересекаемый»[2]. Овладение этим регионом имело важное военно-стратегическое значение, т.к. с «…кавказского перешейка царизм мог достать всюду, куда ему нужно»[3].

К этой главной причине можно добавить и то, что развивающиеся капиталистические, буржуазные отношения в государства Российского, требовали, новые рынки сбыта продукции и источники сырья. Генерал-адъютант Чернышев отмечал, что цель покорения рассматриваемого региона заключалась «…в приобретении границ безопасных со стороны азиатских наших соседей, с тем и средства больше развитию народной торговли и промышленности»[4].

Таким образом, занятие Дагестана было вызвано «…великими государственными потребностями»[5]. Причем, по словам Н.Дубровина, план «…усмирения кавказских племен основан (Был. – Авторы.) на той главной мысли, что …единственным средством достижения этой главной цели, признана, как то иначе и быть не могло, сила оружия»[6]. Вследствие этого, царские войска подвергали свободолюбивых горцев жесточайшим репрессиям. Аулы разрушались, посевы уничтожались, земли и скот отбирались у горцев. Опираясь на штыки царских войск, местные феодалы еще больше усилили свою власть над подданными. В этой связи нельзя не согласиться с Р.М.Магомедовым и Х.Х.Рамазановым в том, что главной причиной выступления горцев против официальных властей явились, нестерпимый колониальный и феодальный гнет[7].

---

[1] Маркс К., Энгельс Ф. Соч.-2-е изд. Т.9. С. 533.
[2] Рапорт командира отдельного Грузинского корпуса ген. Ермолова АлександруI о мерах покорения горцев Северного Кавказа // Движение горцев Северо-Восточного Кавказа в 20-50 гг. XIX в.: Сб. док. Махачкала,1959. С. 25. (Далее. – ДГСВК.).
[3] Фадеев Р.А. Шестьдесят лет Кавказской войны. Тифлис,1860. С. 4
[4] Из отношения генерал-адъютанта Чернышева командиру отдельного кавказского корпуса о замечаниях Николая I по поводу завоевания Кавказа от 11 января 1832 г. // ЦГА РД. Ф.133. Оп.4. Д.2. Л. 2.
[5] Рапорт командира отдельного Грузинского корпуса ген. Ермолова Александру I о мерах покорения горцев Северного Кавказа // ДГСВК. С. 4.
[6] Дубровин Н.Ф. История войны и владычества русских на Кавказе. Т.1. Кн.1. СПб.,1871. С. 228.
[7] Одвижении горцев под руководством Шамиля // Материалы сессии Даг. ФАН СССР 4-7 октября 1956 г. Махачкала,1957. С. 135, 184.

Горцы были поставлены перед выбором: «или покорность без условий, или конечное разорение» [1]. Еще в сентябре 1829 г. император Николай I поставил перед кавказским командованием задачу: осуществить «славное» дело – «усмирение навсегда горских народов или истребление непокорных».

Планы официальных властей на Северо-Восточном Кавказе столкнулись с закономерным протестом местного населения, который в конце 20-х г. XIX в. приобрел массовый, организованный характер.

Но царские генералы, а вслед за ними и представители буржуазно-дворянской историографии (Н.Дубровин, А.Ермолов, Р.Фадеев, А.Зиссерман, Я.Костенецкий, Н.Грабовский, Е.Вердеревский и др.) старались скрыть истинные мотивы борьбы горцев. В этих целях были придуманы несколько взаимосвязанных установок и «концепций», суть которых сводилась к тому, что горцы, якобы, были отсталыми, дикими племенами, разбойниками, главным занятием и источником существования которых были набеги на соседние грузинские и русские территории. Официальным властям ничего не оставалось, кроме как усмирить их, «…невежественных и жаждущих крови изуверов»[2], для которых и «…добро надо делать насилием».[3]

Наиболее ярко эта концепция проявилась в работе Р.А.Фадеева, который называет кавказских горцев «полудикими», «хищниками» и т.д. Он пытается доказать, что разбой, грабеж был «главным ремеслом горцев», дома привыкших к «тупоумной» праздности и спускавшихся на равнину «только для грабежа и убийства».[4]

Автор прямо пишет, что, защищая свою независимость, горцы защищали только право грабить подгорный край. Для него горец, борющийся за свою землю, и зверь – одно и то же. «Чтобы очистить Закавказье от лезгинских шаек, надобно было, в продолжение 15 лет истреблять их, как истребляют хищных зверей»- пишет Р.Фадеев.[5]

Другой царский идеолог, представитель дворянской историографии Н.Дубровин в работе «История войны и владычества русских на Кавказе» тоже пишет, что горцы «…в сущности были хищники и разбойники»[6]. Он оправдывал войну царизма против горцев Северо-Восточного Кавказа, как войну против дикарей, грабителей и разбойников, которых необходимо обуздать для их же пользы.

О том, что горцы якобы фанатично сражались с царскими войсками ради грабежа, а не ради свободы, писали и другие военнослужащие, участвовавшие в карательных экспедициях войск Российской империи. Так, Я.Костенецкий (участник аварской экспедиции 1837 года) пишет, что горцы «всегда готовы собраться к битве по первому призыву, и хотя уверены вперед, что их разобьют, но страсть к войне и грабежу, всегда господствовавшая у праздных народов, преодолевают предположение опасности»[7]. Но с другой стороны, он же, говоря о мотивах участия офицеров и солдат в аварском походе, признается, что «нас (Солдат. – Авторы.) утешала неприятельская добыча…»[8].

Хотя, в целом, идеологи официальных властей единодушны были во мнении, что горцы воевали не во имя свободы и независимости, а ради грабежа, все же отдельные историки и военнослужащие более объективно рассматривали причины борьбы горцев Северо-Восточного Кавказа 20-50 гг. XIX века.

Так, В.В.Огарков пишет о набегах царских войск: «Аулы разорялись (Войсками Российской империи. – Авторы.), стада угонялись, жатва уничтожалась русскими, и бедные, оборванные горцы, выгнанные из своих жилищ, шли в Закавказье или в Турцию, или погибали по дороге»[9]. Действительно, завоевательная политика официальных властей привела к тому, что в общей сложности кавказских горцев (адыгов, абхазов, убыхов, абазин, чеченцев, ингушей, аварцев, лезгин, осетин, карачаевцев, балкарцев) выселилось по разным данным, от 1800000 до 3097949 человек.[10]

В целом, в дореволюционной историографии господствовала концепция «горской экспансии».

Октябрьская революция внесла позитивные коррективы в оценку событий первой половины XIX в. на Северо-Восточном Кавказе. В работах М.Н.Покровского и его последователей концепция «горской экспансии» была подвергнута уничтожающей критике.[11] Но следует заметить, что за 70 лет Советской власти несколько раз предпринимались попытки реанимации указанной концепции. Это, конечно же, диктовалось не научными соображениями, а давлением идеологических, партийных догм на историческую науку.

---

[1] Воззвание ген. Головина к ахтынцам, рутульцам и алтынарынцам с требованием покориться от 26 мая 1839 г. // ДГСВК. С. 197.

[2] Вердеревский Е.А. Шамиль в Париже и Шамиль поближе. Тифлис, 1855. С.23.

[3] Дубровин Н.Ф. Указ. соч. С. 228.

[4] Фадеев Р. А. Шестьдесят лет Кавказской войны. Тифлис, 1860. С. 21, 25.

[5] Там же. С. 18.

[6] Дубровин Н.Ф. Указ. соч. С. 370-371.

[7] Костенецкий Я. Записки об аварской экспедиции на Кавказе 1837 г. // Современник. Т. 23. Отд. II. Ч.1. 1851. С. 77.

[8] Там. же. С. 82

[9] Огарков В. В. Воронцовы, их жизнь и общественная деятельность. СПб., 1892. С. 92.

[10] Аболтин В. А. Национальный состав Турции // Новый Восток. М.,1925. №1(7). С. 21; Гожба Р. От Кубани до Нила // Родина. 1994. №3-4. С.133.

[11] Покровский М. Н. Дипломатия и войны царской России в XIX столетии. М.,1923. С. 195.

Хотя еще в 1931 г. Н.А.Скачко в работе «Дагестан» отмечал, что Кавказская война велась со стороны горцев для сохранения «набегового хозяйства» [1], все же первая серьезная попытка восстановления дореволюционной концепции «горской экспансии» в советской историографии была предпринята в 40-х гг. XX века. Это было связано с тем, что в этот период И.В.Сталин ставит задачу обоснования идей державности и реабилитации агрессивной внешней политики царизма [2]. Как справедливо заметил А.М.Халилов, всегда находятся люди, умеющие «…держать нос по ветру, почувствовать настроение «сильных мира сего» и выдать соответствующую продукцию»[3]. И вот, в 1947 г. на заседании сектора истории народов СССР Института истории АН СССР выступает Х.Г.Аджемян с докладом «Об исторической сущности Кавказского мюридизма», в котором основными чертами, присущими горцам считает первобытность, отсутствие каких бы то ни было культурных навыков, пристрастие к разбоям и грабежам и т.д. Основной вывод докладчика сводился к тому, что горцы боролись за свою «волчью» свободу, свободу отсталости, «темноты» и «азиатчины»[4].

Но доклад Аджемяна был подвергнут резкой критике. Профессор М.В.Нечкина справедливо заметила, что Х.Г.Аджемян, называя себя провозвестником новых идей, восстанавливает старые взгляды царских генералов[5]. На самом деле, чем отличается характеристика горцев, данная им, от характеристики, данной царским генералом Головиным, считавшим, что «…невежественные, грубые, полудикие лезгины, издревле привыкшие к жизни буйной, хищнической, неохотно с ней расстаются…»[6]?. В целом, данная попытка реанимации рассматриваемой концепции окончилась неудачей. Н.М.Дружинин подводя итоги дискуссии, отметил, что «…остается в силе наша прежняя точка зрения»[7].

Но в период застоя в советской исторической науке наблюдаются определенные негативные явления. В работах И.П.Петрушевского, Д.Мегреладзе и В.Н.Гамрекели, вышедших в начале 70-х годов XX века опять говорится об экспансии горцев. Последний, в частности, отметил, что походы, совершаемые феодальными владетелями, являлись результатом социально-экономической отсталости горцев. Более того, он определяет эти походы как экспансия.[8]

Дальнейшему развитию подобных идей способствовала прокатившаяся в этот период волна юбилейных праздников, посвященных «добровольным вхождениям» республик Северного Кавказа в состав России. Проблема народно-освободительной борьбы горцев Дагестана и Чечни не согласовывалась с теорией «добровольных вхождений». Это привело к тому, что была предпринята очередная попытка реанимации концепции «горской экспансии». В работе В.Б.Виноградова и С.Ц.Умарова «Вместе – к великой цели» Кавказская война сводится к «горской экспансии», т.е. к «грабительским набегам… друг на друга и на российские поселения и города Терека»[9]. Все рекорды побил М.М.Блиев в статье «Кавказская война: социальные истоки, сущность», опубликованной по словам В.Г.Гаджиева «…без какого-либо обсуждения по прямому указанию сверху»[10]. Набеги горцев, по словам М.Блиева, были вызваны к жизни тем, что «феодализирующая общинная знать… стремилась также за пределами общины найти новые источники обогащения»[11]. Отсюда он выводит и причины столкновения горцев с официальными властями. «Уже в XVIII в. политика России в Закавказье, постепенно лишавшая горцев традиционных объектов экспансии, – пишет он, – приходила в столкновение с интересами организаторов и участников набегов. Со временем участников экспансии все больше стали привлекать русские города»[12]. Он считал Кавказскую войну завершающим этапом системы экспансии горцев на территории Закавказья и Российской империи.

Заметим, что в 1967 г. М.Блиев утверждал, что, «…рассматривая движения горского крестьянства первой половины XIX в., мы должны учитывать, что они были вызваны колониальной политикой правительства и были направлены против осуществления планов покорения горцев»[13]. Более того, автор утверждает, что набеги способствовали возникновению государственности у горцев, обосновывая это тем, что «война, представлявшая собой доходную статью, требовала от имама налаженной военной организации, способной обеспечить всех участников своей долей добычи»[14]. Но Имамат возник не в результате классового расслоения общества или разложения родовых отношений, а в результате ликвидации и на месте

---

[1] См.: Скачко А. Дагестан. М.,1931. С. 31-32.
[2] См.: Сталин И.В. О статье Ф.Энгельса «Внешняя политика русского царизма» // Большевик. 1941. №9.
[3] Халилов А.М. Шамиль в истории и памяти народа // Советский Дагестан. 1988. №5. С. 36.
[4] Дискуссия о движении Шамиля // Вопросы истории. 1947. №1. С. 134.
[5] Там же. С. 137.
[6] Акты, собранные Кавказской археографической комиссией. Т.Х. С. 227.
[7] Дискуссия о движении Шамиля // Вопросы истории. 1947. №1. С. 137.
[8] Гамрекели В. Н. Вопросы взаимоотношений Восточной Грузии с Северным Кавказом в XVIII веке: Автореф. дисс. … докт. ист. наук. – Тбилиси,1972. С. 138.
[9] Виноградов В. Б., Умаров С.Ц. Вместе – к великой цели. Грозный,1983. С. 9.
[10] Гаджиев В. Г. Actis testantibus // Тарих.1997. №4. С. 77.
[11] Блиев М.М. Кавказская война: социальные истоки, сущность // История СССР. 1983. № 2. С. 58.
[12] Там же. С. 59.
[13] Яндаров Я.З. О концептуальных особенностях освещения народно-освободительных движений горских народов XVIII-XIX вв. в историографии 80-х гг. // Народно-Освободительное движение горцев Дагестана и Чечни в 20-50гг. XIX века // Всесоюз. науч. конф. 20-22 июня 1989 г.: Тезисы докладов и сообщений. Махачкала, 1989. С. 58.
[14] Блиев М.М. Указ. соч. С. 70.

феодальной государственности. Деятельность Имамата была направлена не на грабеж соседей, а на защиту от царских завоевателей и на борьбу с местными феодалами, которые прислуживали последним.

Итак, М.М.Блиев, искажая факты в угоду политических амбиций, развивает монархическую концепцию «горской экспансии». Но в период перестройки его взгляды были подвергнуты резкой критике и восстановлена объективная оценка причин борьбы горцев[1].

Несмотря на это, и не по сей день, продолжаются политические игры вокруг рассматриваемой проблемы. В связи с развернувшимися в Чечне событиями, в отдельных работах предпринимаются попытки доказать, что народы Северного Кавказа издревле жили тем, что совершали разбои, грабежи и брали заложников и восстали против официальных властей, недовольные запретом совершать набеги, брать заложников, налогами, трудовой повинностью и др.[2]

В конце, в противовес концепции «горской экспансии» отметим, что основными занятиями горцев были сугубо мирные занятия – хлебопашество и скотоводство. Причем, в горной зоне Дагестана наблюдалось оптимальное использование каждого клочка земли. Относительно этого в свое время М.З.Кипиани писал, что горцы «…с помощью кирки и лопаты разрывали каменистые пласты, выбирали из недр земли камни, чтобы образовать почву, годную под хлебопашество»[3]. Официальные источники признают, что ведущей отраслью в нагорном Дагестане было также скотоводство, от которого горцы получали «…одежду, пищу и в некоторых местах отопление»[4]. Кроме того, горцы занимались промыслами и торговлей.[5]

На наш взгляд, говорит о набегах, как о хозяйственной деятельности горцев, исходя из отдельных единичных случаев, имевших место, представляется неверным, т.к. набеги совершались и со стороны Грузии и царских войск. Так, по словам Н.Волконского в Тушетии жил один из организаторов набегов на Дагестан по имени Шате, который «…держал в страхе лезгинские аулы и его именем горянки пугали детей»[6]. Кроме того, по словам полковника Казбека, все экспедиции войск Российской империи, совершенные до 1839 г. можно считать набегами[7].

К тому же встает закономерный вопрос о том, почему русские солдаты и казаки переходили на сторону восставших горцев, если они были такими «разбойниками» и «извергами»? Один из казаков-перебежчиков отмечал: «Привык дышать свободою, потому ушел в горы и теперь живу ладно»[8]. А разжалованный в рядовые офицер Российской империи говорил: «Я шел в бой за дело, которое было, мне совершенно чуждо… Я был тем более далек от того, чтобы считать черкесов своими врагами, я всегда восторгался их героическим сопротивлением»[9].

Таким образом, концепция (если ее так можно назвать) «горской экспансии» была выдумана официальными властями для прикрытия, для оправдания своей захватнической политики на Северо-Восточном Кавказе и ничего общего с исторической действительностью не имеет.

Специфика деятельности прокуратуры (1941-1945)

М.Б.Магомедов

Определяя деятельность военных прокуроров и военных следователей, следует отметить, что правовой режим, существовавший тогда в стране, и требования, предъявлявшиеся к ним высшими органами государственной власти были продиктованы условиями боевой обстановки и обусловила расширение полномочий органов прокуратуры, повлекла существенные организационные изменения в них самих, использованием новых форм и методов деятельности. Все усилия военных прокуроров снизу доверху были нацелены на обеспечение законности в войсках, оказание максимальной помощи командованию в укреплении воинской дисциплины среди военнослужащих, пресечение любых правонарушений, от кого бы они ни исходили.

Несколько иными являются отношения к органам прокуратуры, поскольку прокурор обязан следить за установлением действительно единообразного понимания законности[10].

Организационные органы военной прокуратуры возглавляли Главная военная прокуратура, военная прокуратура Красной Армии и Главная прокуратура Военно-Морского Флота, существовавшие раздельно. Далее в действующей армии функционировали военные прокуратуры фронтов, флотов, армий, флотилий, корпусов и дивизий. Кроме того, были созданы военная прокуратура железнодорожных войск и военная

---

[1] См.: Халилов А.М. Шамиль в истории и памяти народа // Советский Дагестан. 1988. № 5. С. 36-37; Ортобаев Б.Х., Тотоев Ф.В. Еще раз о Кавказской войне: о ее социальных истоках и сущности // История СССР. 1988. №4. С. 80.

[2] Короленков К.В., Гуленков К.Л. Готовимся к экзамену по истории России. 2-е изд., испр. и доп. М., 2001. С. 155.

[3] Кипиани М.З. От Казбека до Эльбруса. Владикавказ,1899. С. 27.

[4] Ц ГВИА. Ф.ВУА. Д.6528. Ч.1. Л.114.

[5] Там же. Л. 8; Магомедов Р.М. Общественно-экономический и политический строй Дагестана в XVIII-нач. XIX вв. Махачкала,1957. С. 41; Дубровин Н.Ф. Указ. соч. С. 50.

[6] Волконский Н. Лезгинская экспедиция // КС. Т.1. С. 388.

[7] См.: Казбек. Куринцы в Чечне и Дагестане. 1834-1861 гг. Тифлис, 1885.

[8] Магомедов Р.М. Легенды и факты. Махачкала, 1969. С. 122.

[9] Косвен М.О. Этнография и история Кавказа. М.,1961. С. 156.

[10] Азовкин И.А. Местные Советы в системе органов власти. – М., 1971. – С. 41.

прокуратура войск НКВД, которые были подчинены Главной военной прокуратуре и имели свою структуру применительно к организации обслуживаемых ими войск. Каждые военные прокуратуры фронтов, армий и корпусов функционировали на своем уровне, осуществляя контроль и надзор в нижестоящих военных прокураторах, давали задания по различным вопросам прокурорской деятельности, а при необходимости оказывали им методическую помощь. Наиболее действенной формой руководства подчиненными в то время признавалось направление работников вышестоящих органов нижестоящим. В ходе таких выездов устранялись выявленные недостатки, причем инспектирующий, как правило, находился на месте до тех пор, пока не исправлял положение дел. Кроме того, прокуратуры этих звеньев осуществляли надзорные функции в войсках непосредственно фронтового, армейского или корпусного подчинения.

Согласно постановлениям СНК СССР от 24 июня 1941 года «О мероприятиях по борьбе с парашютными десантами и диверсантами противника в прифронтовой полосе» и «Об охране предприятий и учреждений и создании истребительных батальонов» в местностях, находящихся на военном положении, в каждом районе стали срочно формироваться истребительные батальоны численностью 100-200 человек[1].

Это было первое правительственное решение, определившее правовое положение новых чрезвычайных военных формирований, создание которых возлагалось на НКВД. 25 июня 1941 года создан Штаб истребительных батальонов НКВД СССР во главе с генерал-майором Петровым Г.А., а при НКВД союзных и автономных республик, в управлениях НКВД краев и областей, оперативные штабы[2]. Они были организованы для борьбы с вражескими парашютными десантами и диверсантами, охраны важнейших объектов народного хозяйства, для помощи милиции в охране общественного порядка.

6 июля 1941 года Президиум Верховного Совета СССР в целях пресечения провокаторской деятельности фашистских лазутчиков издал Указ «Об ответственности за распространение в военное время ложных слухов, возбуждающих тревогу среди населения» лица, виновные в совершении этого преступления, подлежали суду военного трибунала[3].

7 июля 1941 года НКВД СССР принял директиву, требующая от личного состава органов милиции в любое время и в любой обстановке быть готовым к самостоятельному, или совместно с подразделениями Красной Армии выполнению боевых задач по ликвидации диверсионных групп, парашютных десантов и регулярных частей противника, особенно в зоне военных действий. Эта директива лишь один из многих документов, конкретизировавших деятельность милиции в военный период, которые издал Наркомат внутренних дел СССР, основываясь на правовые акты, принятые в первые месяцы войны[4].

Военным трибуналам предоставлялось право рассматривать дела через 24 часа после вручения обвиняемому копии обвинительного заключения, без участия народных заседателей и адвоката[5]. Приговоры приводились в исполнение немедленно, кассационному обжалованию не подлежали и могли быть отменены или изменены лишь в порядке надзора. Однако о каждом приговоре к высшей мере наказания (расстрелу) военный трибунал, вынесший его, был обязан немедленно сообщать по телеграфу председателю Военной коллегии и Главному военному прокурору. В случае отсутствия в течение 72 часов ответа о приостановлении приговора он приводился в исполнение[6].

В июле-сентябре 1941 года Президиум Верховного Совета СССР упростил эту процедуру и предоставил право командирам и комиссарам корпусов и дивизий в местностях, объявленных на военном положении, и в районах военных действий утверждать приговоры военных трибуналов «к высшей мере наказания, с немедленным приведением приговоров в исполнение». Согласно Указу «О военном положении», военные власти могли издавать обязательные для всего населения постановления, устанавливая за их неисполнение наказания в административном порядке – в виде лишения свободы сроком до 6 месяцев или штрафа до 3 тысяч рублей. Они были в праве отдавать распоряжения местным органам власти, государственным и общественным учреждениям, организациям, а также требовать от них безусловного и немедленного их исполнения.

В ноябре 1941 года совместным приказом НКЮ СССР и Прокурора СССР было установлено, что во всех случаях, когда постановлениями Правительства СССР предусмотрена ответственность, зато или иное преступление «по законам военного времени», необходимо передавать дела об указанных преступлениях на рассмотрение военных трибуналов с применением порядка рассмотрения дел, установленного «Положением о военных трибуналах в местностях, объявленных на военном положении, и в районах военных действий».

Президиум Верховного Совета СССР 26 декабря 1941 года отнес к подсудности военных трибуналов дела о самовольном уходе рабочих и служащих с предприятий военной промышленности. В связи с введением военного положения на транспорте дела обо всех преступлениях, совершенных на транспорте, стали также рассматриваться специальными военными трибуналами.

---

[1] См.: СССР в Великой Отечественной войне. 1941-45 гг.: Хроника. – М., 1970. – С.17; Великая Отечественная война, 1941-1945: Словарь–справочник / Под ред. М.М.Кирьяна. – М., 1985. – С. 195.

[2] См.: «Этот день мы приближали как могли…» // Милиция. – 1994. – № 5. – С. 7.

[3] См.: Известия. – 1941. – 8 июля.

[4] См.: История советской милиции. – Т. 2. – С. 56-57; Советская милиция: история и современность. – 1917-1987. – С. 160.

[5] Советская милиция: история и современность. – 1917-1987. – С. 160.

[6] Там же.

Деятельность органов милиции в местностях, объявленных на военном положении, находилась под руководством военных властей, а где военное положение не было введено, находилось под руководством местных Советов и вышестоящих органов милиции.

Если же складывалась максимально сложная обстановка, которая могла привести к тяжким последствиям, в целях обеспечения чрезвычайно строго порядка, предельной дисциплины и организованности на территориях, которым непосредственно угрожало вторжение гитлеровских захватчиков, вводилось осадное положение»[1]. Как и для всего советского народа, для сотрудников милиции началась «четырехлетняя страда Великой Отечественной войны»[2]. В военное время число задач решаемых органами милиции, сильно возросло.

В ее функциональные обязанности стали входить: очистка режимных городов и оборонительно-хозяйственных объектов от преступных элементов; борьба с дезертирством и с лицами, уклоняющимися от призыва и военной службы; с мародерством, паникерами, распространителями различных провокационных слухов; оказания помощи транспортным органам НКВД в выявлении среди пассажиров на транспорте вражеских агентов, провокаторов и других враждебных элементов; борьба на железнодорожном и водном транспорте с хищениями эвакуируемых и военных грузов; разгрузка железнодорожного и водного транспорта от тех пассажиров, передвижение которых не вызывалось необходимостью; обеспечение организованной эвакуации населения, промышленных предприятий, различных хозяйственных грузов; оказание помощи гражданам СССР в установлении связи с их родными; выявление безнадзорных детей, оставшихся без родителей в связи с войной, размещение их в детских приемниках; розыск лиц, дезертирующих с предприятий военной промышленности; наблюдение за выполнением обязательных постановлений и распоряжений военных властей в местностях, объявленных на военном положении; охрана безопасности и общественного порядка в условиях воздушной и химической тревоги[3].

В первые дни войны около одной трети территории СССР, где проживало 70 миллионов человек, было оккупировано[4]. Естественно, что такое положение вызвало миграцию населения. Еще в последние предвоенные годы правительство готовило резервную промышленную базу на Востоке страны. Именно на Урал и в Сибирь в первые дни войны из центральных районов были эвакуированы сотни промышленных предприятий вместе с обслуживающим персоналом, специалистами. Но не только технические специалисты и рабочие прибыли на Средний Урал. Сюда же потянулись и беженцы из разных регионов страны, занятых врагом, которые в силу разных причин не были призваны в действующую армию. Среди них были люди разных профессий: ученые, артисты, музыканты. Немало среди них было и юристов, в том числе и адвокатов. Значительная часть из них была людьми преклонного возраста, или не отвечающими медицинским критериям годности для службы в армии.

В годы войны в юридических консультациях в основном работали женщины, инвалиды. Многие из них, как подтверждает статистика тех лет, не имели юридического образования. Вопрос о подготовке кадров был одним из острых. С этой целью открывались различные краткосрочные курсы[5]. Существовала и еще одна форма повышения квалификации – прикрепление к более опытным.

Помимо непосредственной адвокатской деятельности эти люди в годы войны выполняли общественную работу вместе со всем партийным активом, являлись бойцами истребительных батальонов, рыли окопы, боролись со снежными заносами на транспорте, помотали в госпиталях.

Вместе с тем надо отметить, что чрезвычайная обстановка войны еще более укоренила мнение, что адвокатура – это организация государственная, и ею надо управлять, используя рычаги партийного и государственного руководства.

Великая Отечественная война изменила и лицо среднеуральской адвокатуры – Свердловской областной коллегии адвокатов. В 1941 году в Свердловской области действовали 82 юридические консультации[6], в которых работал 151 адвокат[7]. Сам город Свердловск имел 16 консультаций[8]. 36 человек из 151 адвоката [9] имели высшее юридическое образование. Здесь работали достаточно высокопрофессиональные адвокаты, такие, как Белковский, Браславский, Гликман, Осипов, Пуртов и другие[10].

В годы войны 105 адвокатов Свердловской области[11] ушли на фронт. Семьям призванных в армию адвокатов была оказана материальная помощь, списаны взятые ранее ссуды. Кто же заменил ушедших на фронт адвокатов? Как уже отмечалось выше, эвакуированные на Урал, среди которых были и адвокаты.

---

[1] См.: Артаманов Д.Н. Институт военного положения по советскому праву. – М., 1953. – С. 55, 63.
[2] Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. – М., 1969. – С. 222.
[3] См.: Там же. – С. 223; Малик А.И. Из истории Советской милиции: Рукопись. – С. 81-82; Биленко С.В. Из истории советской милиции в годы Великой Отечественной войны. – С. 9-10; Советская милиция: история и современность. 1917-1987. – С. 160; Щелоков Н.А. Советская милиция. – М., 1971. – С. 16.
[4] Соколов Б.В. Оккупация. – М., 2002. – С. 1.
[5] Адвокатская практика // Страницы истории. – 2003. – № 3. – С. 47.
[6] Там же.
[7] Там же.
[8] Там же. – С. 45.
[9] Там же.
[10] Там же.
[11] Смирнов В.Н., Усманов Р.Р. История адвокатуры Среднего Урала. – Екатеринбург, 1999. – С. 173.

Естественно, большинство вновь принятых адвокатов президиум коллегии направил в районы Свердловской области, где в юристах всегда существовала острая нужда[1].

Среди адвокатов-беженцев имелись кандидаты, и даже доктора юридических наук. Привыкание к новым условиям происходило трудно. Особенно сложно было наладить работу адвокату там, где раньше никогда не оказывались адвокатские услуги населению. Клиентуры было недостаточно для обеспечения заработка, и президиум коллегии решил давать дотации адвокатам некоторых районов, подняв им заработок до стопки народного судьи[2].

Как и все эвакуированные в восточные районы страны, адвокаты испытывали трудности с жильем, одеждой для себя и семьи, с продовольствием. Некоторые из них, пытаясь выжить в столь экстраординарных условиях, переходили на работу в качестве юрисконсультов на заводы и фабрики.

Низовым и основным звеном органов военной прокуратуры в действующей армии были военные прокуратуры дивизий, отдельных бригад и гарнизонов тыловых частей прифронтовой полосы. На них легла основная тяжесть работы по обеспечению законности в войсках. На начало войны штат этих военных прокуратур составляли четыре офицера. В 1942 году ввиду недостатка кадров ее штат был сокращен до двух человек. Технических работников и транспорта не было. В ходе боевых операций военный прокурор, как правило, находился в управлении дивизии, а следователь – в полку, который решал наиболее ответственную задачу. Они в период боя посещали медицинские учреждения, находящиеся в расположении дивизии.

Ведение боевых действий наложило отпечаток на те основные направления прокурорского надзора, который характеризовался многосторонностью, динамичностью и осуществлялся в тесном взаимодействии с военным командованием и политорганами с учетом обстановки на фронте. В основах организации деятельности военных прокуроров и следователей было положено Временное наставление по работе военных прокуроров.

Деятельность органов прокуратуры осуществлялась при значительном расширении полномочий командования, включая внесудебное направление военнослужащих за совершение преступлений в штрафные роты вместо отбывания уголовного наказания, право утверждения приговоров военных трибуналов соответствующим командованием, производство органами дознания предварительного расследования по ряду преступлений в полном объёме. Главное внимание военные прокуроры и следователи уделяли борьбе с агентурой противника, с правонарушениями, посягающими на боевую мощь Вооружённых Сил СССР, пресечению трусости и паникёрства, дезертирства, членовредительства, получившими распространение в армии и на флоте.

Одновременно были значительно расширены пределы прокурорского надзора за исполнением законов, в связи, с чем на военные прокуратуры были возложены многие несвойственные им функции. Они стали осуществлять надзор не только за исполнением законов, но фактически контролировали выполнение всеми должностными лицами и красноармейцами постановлений Государственного Комитета Обороны, приказов Верховного Главнокомандующего Вооружёнными Силами СССР и народного комиссара обороны, а также военного командования на местах, включая решения военных советов фронтов.

В поле зрения военных прокуроров находились такие вопросы, как: исполнение боевых приказов, осуществление боевых операций, своевременное снабжение войск вооружением, боеприпасами, продовольствием и обмундированием, сбережение военной техники и другого военного имущества, строительство оборонительных рубежей, материально-бытовое обеспечение войск, эвакуация мирного населения из прифронтовой зоны, учет безвозвратных потерь, правильное расходование продовольственных лимитов, состояние подъездных дорог в полосе действий обслуживаемых войск и многое другое.

Например, когда в стране образовалась острая нехватка ящиков для снарядов, так называемой укупорки, вследствие того, что в войсках они после стрельбы не возвращались на заводы, на военных прокуроров была возложена задача осуществлять контроль их сбором на боевых позициях.

Характерный пример деятельности военного прокурора – работа по обеспечению боеприпасами войск Сталинградского фронта. В период оборонительных боев в Сталинграде военной прокуратурой фронта были выявлены факты несвоевременной доставки боеприпасов. В ходе проверки установили, что это обусловлено, наряду с объективными причинами, ненадлежащей работой железнодорожного транспорта, в результате чего грузы скапливались на станциях и уничтожались авиацией противника. Военный прокурор фронта внес в адрес военного совета представление с анализом выявленных недостатков и их причин, предложил меры по их устранению. Конкретные виновники были привлечены к уголовной ответственности. В результате состояние дел с доставкой боеприпасов в Сталинград значительно улучшилось. Подобным образом решались и многие другие вопросы[3].

С началом войны Главная военная прокуратура выступила с предложением об освобождении от отбывания наказания военнослужащих в дисциплинарных батальонах, осужденных за различные преступления, и по решению Совета Министров свыше 13 тысяч советских граждан стали полноправными защитниками страны[4].

Наряду с уголовным преследованием лиц, совершивших преступления, военные прокуроры не оставляли без внимания и другие отрасли прокурорского надзора – общий надзор, надзор за исполнением

---

[1] Смирнов В.Н., Усманов Р.Р. История адвокатуры Среднего Урала. – Екатеринбург, 1999. – С. 173.
[2] Там же. – С. 174.
[3] Голяков И.Т. Советское право в период ВОВ. – Выпуск 1-2. – М., 1948. – С. 30.
[4] Там же. – С. 34.

законов в военных трибуналах. Органы военной прокуратуры занимались и разъяснением законодательства. При этом примечательно, что вся повседневная работа осуществлялась на основании планов с учетом характера боевых действий – обороны, наступления, на территории СССР, за границей и т.д.

Вся деятельность военных прокуроров и следователей в центре и на местах осуществлялась с учетом состояния преступности среди военнослужащих, на структуру и динамику которой определяющее влияние оказывали результаты боевых действий. На первоначальном этапе войны наиболее часто встречались дезертирство, членовредительство, случаи трусости и паникерства, а также распространения пораженческих взглядов, рассматриваемых, в то время как преступления и отнесенных к так называемым контрреволюционным преступлениям. С наступлением перелома в войне структура и динамика преступности изменилась: меньше стало фактов трусости, паникерства, дезертирства, оставления боевых позиций без приказа. В то же время был отмечен рост мародерства и преступлений, совершенных в отношении местного населения. Именно по инициативе военных прокуроров были введены красноармейские книжки, что в значительной степени предупреждало дезертирство и сократило случаи незаконного привлечения военнослужащих к уголовной ответственности за уклонения от военной службы, а также позволило улучшить учет личного состава в частях.

В годы войны боевая обстановка требовала быстрого реагирования на любой факт правонарушения среди военнослужащих. В этих условиях были резко сокращены сроки производства по уголовным делам, которые составляли от одного до трех дней, включая и их судебное рассмотрение, а подчас и приведение приговора в исполнение. При этом в ходе расследования не снижались требования по соблюдению норм уголовно-процессуального законодательства. Военные следователи при производстве следствия помимо допросов и истребования документов назначали экспертизы, проводили эксперименты, осматривали место происшествия с участием понятых, принимали меры к возмещению причиненного государству материального ущерба и выполняли другие процессуальные действия.

В связи с введением военного положения на транспорте вся транспортная юстиция СССР была преобразована в военную, а в составе Верховного суда СССР дополнительно сформированы Военно-железнодорожная и Военно-транспортная коллегии, на которые стали замыкаться военные трибуналы железнодорожного, морского и речного транспорта.

Систему военных трибуналов, осуществлявших правосудие в период Великой Отечественной войны, составляли: 1) военные трибуналы Красной армии и Военно-морского флота; 2) военные трибуналы НКВД; 3) военные трибуналы железнодорожного и водного транспорта; 4) военные трибуналы, созданные на базе местных народных судов в силу чрезвычайной обстановки военного времени; 5) военно-полевые суды, образованные при дивизиях действующей армии по Указу Президиума Верховного Совета СССР «О мерах наказания для немецко-фашистских злодеев, виновных в убийствах и истязаниях советского гражданского населения и пленных красноармейцев, для шпионов, изменников Родины из числа советских граждан и для их пособников» от 19 апреля 1943 года. Были созданы военно-полевые суды, которые действовали в составе председателя военного трибунала дивизии, начальника дивизионного отдела контрразведки «СМЕРШ», заместителя командира дивизии по политчасти и прокурора дивизии. Все приговоры военно-полевых судов утверждались командиром дивизии и немедленно приводились в исполнение.

В силу требования приказа Наркома обороны СССР № 357 были значительно расширены полномочия органов дознания, в посредственность которых были переданы такие преступления, как побег с поля боя, дезертирство, промотание военного имущества, преступные нарушения уставных правил караульной службы. Нередко они расследовали в полном объеме должностные и хозяйственные преступления. Военные прокуроры в целях обеспечения действенного надзора за расследованием дел этими органами непосредственно участвовали в допросах, решали вопросы о даче санкции на арест обвиняемых, выполняли другие процессуальные действия, что было дополнительной гарантией обеспечения законности в ходе следствия.

Судебное рассмотрение уголовных дел также не оставалось без внимания военных прокуроров. От них в то время требовалось осуществлять постоянный надзор за рассмотрением дел в трибуналах. С этой целью военные прокуроры принимали участие в подготовительных и судебных заседаниях по всем делам. Участие прокурора в подготовительном заседании по делу давало ему возможность проверить следственное производство с точки зрения полноты доказательств и качества следствия.

Военные прокуроры осуществляли надзор и за законностью при исполнении приговоров и других судебных решений, чтобы своевременно исполнялись приговоры в части применения лишения свободы либо направления осужденного, взамен этого наказания, в штрафную роту, в части расстрела и принятия мер по возмещению государству причиненного преступлением ущерба, лишения льгот членов семьи осужденных.

Подвиги работников военных прокуроров были по достоинству отмечены наградами. Орденами и медалями награждено: 1807 военных прокуроров и следователей (Орденами Ленина – 47, Красного знамени – 198, Отечественной войны первой степени – 252)[1].

Сейчас обращаясь к героическому прошлому, можно с полной уверенностью утверждать, что органы военной прокуратуры в те годы полностью подтвердили свое предназначение как органа обеспечения правопорядка среди военнослужащих. Оправдали себя структура, используемые формы и методы деятельности. Владение прокурорами и следователями основ ведения боевых действий, знание и понимание

[1] См.: Вестник Московского Университета // Научный журнал. – 1998. – № 1.

боевой обстановки и нахождение непосредственно в боевых порядках части и соединений стало определяющим в повышении действенности прокурорского надзора, залогом успешного решения задач по пресечению правонарушений. Являясь военнослужащими, они были вместе с войсками на поле боя, знали изнутри жизнь и быт бойцов и командиров, специфику воинской службы, что способствовало укреплению воинской дисциплины среди военнослужащих.

В послевоенное время усилия органов прокуратуры понадобилось направить на укрепление законности в сфере экономики. Потребовалось перестроить рассчитанную на военное время деятельность органов прокуратуры так, чтобы обеспечить соблюдение законности в промышленности, в сельском хозяйстве, на транспорте. На первый план выдвигались задачи сохранить социалистическую собственность, обеспечить режим экономии народных ресурсов.

Таким образом, учитывая важное государственное и политическое значение деятельности органов прокуратуры и в целях повышения престижа, авторитета и влияния органов прокуратуры на обеспечение законности в государстве, Верховный Совет СССР 19 марта 1946 г. принимает Закон СССР «О присвоении Прокурору СССР наименования Генерального прокурора СССР»[1].

По окончании войны работниками Прокуратуры Союза ССР, прокуратур РСФСР, УССР и БССР была проведена огромная по своим масштабам работа по разоблачению немецко-фашистских захватчиков и их пособников, установлению совершенных ими злодеяний на оккупированных территориях Союза ССР. Высококвалифицированные прокуроры и следователи принимали активное участие в судебном процессе над главными военными преступниками, проходившем в Нюрнберге в период с 20 ноября 1945 г. по 1 октября 1946 г. Главным обвинителем от СССР выступал Р.А.Руденко, занимавший в то время пост Прокурора Украины (с 1953 – Генеральный прокурор СССР).

На Нюрнбергском процессе была выявлена и продемонстрирована звериная сущность фашизма. Главные военные преступники понесли заслуженное наказание. Законный, обоснованный и справедливый приговор в Нюрнберге и поныне служит грозным предостережением для любых агрессоров.

Война явилась серьезным испытанием для всей советской страны, в том числе и для адвокатуры. Так же как и другие тыловые организации, адвокаты вносили посильную материальную помощь в борьбе с врагом. Выделяли деньги в помощь детям фронтовиков, подписывались на военный заем и, вещевую лотерею. На средства адвокатов страны была построена танковая колонна «Советский адвокат», которая громила врага на западе, а затем в августе 1945 года – на востоке страны. Дважды Герой Советского Союза гвардии генерал-полковник Кравченко, в чьем подчинении была танковая колонна, благодарил адвокатов за материальную помощь в постройке танков, которые участвовали в разгроме японских войск в Манчжурии[2].

Далеко не все адвокаты вернулись с кровопролитной войны, многие из них награждены посмертно. Все меньше остается адвокатов – участников Великой Отечественной войны. Подавляющее большинство из них уже давно на заслуженном отдыхе, а некоторых нет в живых.

Таким образом, поэтому обращение к малоизученным страницам истории советской адвокатуры периода Великой Отечественной войны – это не только дань уважения, но и память о тех, кто ковал Победу в 1941-1945 гг.

Великая Отечественная война диктовала необходимость перестройки органов следствия, прокуратуры и суда с тем, чтобы обеспечить максимальную оперативность в борьбе с преступностью, установление твердой дисциплины и правопорядка, как в тылу, так и на фронте при соблюдении принципа социалистической законности.

Все больше времени отделяет нас от того победного дня, который завершил самую тяжелую и кровопролитную в истории человечества войну, принесшую невиданные испытания нашему народу. Все меньше остается в живых тех, кто защищал тогда Отечество, чьи успехи в боевых действиях определили победу над фашистской Германией. Сегодня, отдавая дань памяти всем, кому обязаны своей жизнью и свободой, мы должны вспомнить и тех, кто обеспечивал правопорядок на фронтах, на флотах и в тылу.

Специфические особенности проблемы преподавании истории отечественного государства и права

М.Б.Магомедов

История отечественного государства и права есть закономерная смена типов и форм государства, правовых систем на территории нашей великой Родины.

Как историко-правовая дисциплина, история государства и права есть часть истории человечества, которая тесно связана с историей народного хозяйства, культуры и других отраслей человеческой деятельности, но в то же время сохраняющая относительную самостоятельность и обладающая объектом исследования. История отечественного государства и права вместе с тем наука юридическая, одна из фундаментальных правовых дисциплин. В таком качестве она охватывает развитие всех аспектов эволюции государства: его государственный механизм, форму государственного единства и пр.

Историко-правовая наука абстрагируется от догосударственной эпохи развития человечества, ее интересует лишь тот момент, когда начинается формирование государственности у народов нашей страны.

История отечественного государства и права изучает политические и правовые институты вплоть до сегодняшнего дня и здесь органически стыкуется с действующим правом и имеет непосредственную междисциплинарную вязь историей государства и права зарубежных стран, историей политических и

[1] Ведомости Верховного Совета СССР. – 1943. – № 3.

[2] Адвокатская практика // Страницы истории. – 2003. – № 3. – С. 48.

правовых учений и с др. Она, следовательно, занимается не только правом ушедшим, но и живущим, растущими его отраслями и институтами. Историю государства и права интересуют конкретные политические и правовые явления, но, прежде всего она исследует фактический материал для установления межотраслевых закономерностей, для показа общих поступательных, прогрессивных тенденций развития государства и права.

В этом большое сходство истории отечественного государства и права с теорией государства и права. Разница же состоит в том, что если теория государства и права изучает преимущественно общие закономерности развития государства и права различных народов и общественно-экономических формаций, то история отечественного государства и права занимается конкретными государствами и правовыми системами, существовавшими и существующими на территории нашей страны, их особенностями и характерными чертами.

Возникновению тех или иных политических или правовых учреждений обычно предшествуют соответствующие идеи. Однако наука истории государства и права не занимается изучением таких идей, имея в виду, что их развитие является предметом самостоятельной науки – истории политических и правовых учений.

Изучение прошлого страны имеет большое политическое значение. Историческая и историко-правовая дисциплины, изучая и обобщая опыт прошлого, помогает познать и использовать закономерности общественного развития, избежать повторения ошибок и опирается на общие объективные законы развития природы и общества. В последнее время в науке возникло мнение, восходящее к некоторым западным воззрениям, о том, что история вообще и история отечественного государства и права в частности не подчиняется объективным законам. Вместе с тем высказывается мысль и об отсутствии единой прогрессивной линии в развитии общества, государства и права. Якобы прогресс свойствен только развитию материальной культуры, техники и т.п. Думается, что с этим вряд ли можно согласиться. Очевидные факты показывают, что государства и правовые системы возникают и умирают отнюдь не случайно, а подчиняются определенным объективным факторам. Отсюда всегда можно проследить соответствующие тенденции, определенную линию развития.

Вряд ли можно сомневаться и в наличии общего прогресса в развитии государства и права. От деспотических форм государства, от примитивных форм демократии человечество приходит к более совершенным, развитым и гуманным институтам. Отрицание закономерности развития общества, государства и права приводит к отрицанию истории как науки.

Если мы говорим о закономерностях развития государства и права, то неизбежно сталкиваемся с проблемой движущих сил этого процесса. Долгое время в нашей исторической науке чрезмерное внимание уделялось такому фактору, как классовая борьба. Теперь появилась другая крайность: некоторые авторы считают, что этот фактор следует исключить из числа тех, которые воздействуют на исторический процесс. Думается, что и здесь истина лежит посередине. Вряд ли можно отрицать значение для истории государства и права таких острых форм классовой борьбы, как крестьянские войны, революции. Да и другие формы порой давали заметный исторический эффект.

Историко-правовая наука использует различные методы – как общефилософские, общесоциологические, так и свои специфические. К первым относится диалектический метод, метод материалистической диалектики. Что же касается вторых, то, прежде всего, следует отметить хронологический метод. История есть движение явлений во времени, поэтому историческая наука немыслима без хронологии, познать ее закономерности невозможно без сравнения, сопоставления фактов и явлений. Такое сравнение следует проводить не только во времени: от периода к периоду, но и в пространстве, сопоставляя развитие государства и права одного народа с развитием политико-правовых систем других народов. Следовательно, историко-правовой науке свойствен и сравнительный метод исследования. Наконец, историко-правовые явления следует рассматривать не изолированно, а в системе. Значит, необходимо применение системного метода анализа.

Хотя история есть непрерывное движение, изучать ее сплошным нераздельным потоком невозможно. Научный анализ и обобщение требуют членения исторического материала на хронологические отрезки, периоды. Поскольку развитие государства и права зависит, прежде всего, от экономического базиса, то и периодизация истории государства и права соответствует периодам развития производственных отношений. Основным общественно-экономическим формациям (кроме первобытнообщинного строя) соответствуют определенные типы государства и права.

В современной науке высказывается критическое мнение о формационном делении истории человечества, а, следовательно, и о типологии государств. Эта точка зрения заслуживает внимания, однако безоговорочно с ней согласиться тоже трудно. Государство и право часто совмещают в себе черты разных типов, но преобладают обычно черты какого-то одного, исключая, конечно, переходные эпохи. Крупное, формационное деление исторического процесса предполагает более дробную периодизацию. Историко-правовая наука должна давать читателю правдивые сведения. Правдивость историко-правового материала совершенно необходима для его практического использования, а если мы будем пользоваться недостоверными сведениями о прошлом, то сделаем недостоверный прогноз и на будущее.

Наряду с тенденцией к восстановлению историко-правовой справедливости наблюдается и прямо противоположная ей. Под видом восстановления истины допускается новая фальсификация истории. Это особенно касается истории национальной государственности, национальных отношений в нашей стране.

Следует отметить одну характерную особенность историко-правовых наук, как и всех общественных наук. В отличие от наук естественных и технических в обществоведении не все проблемы решаются однозначно. Многое здесь зависит от социальной принадлежности, социальной ориентации исследователя. Порой одни и те же факты разными авторами трактуются по-разному. Крупнейший дворянский историк Н.М.Карамзин, научная добросовестность которого не вызывает сомнений, был убежденным сторонником самодержавия и крепостничества, в силу чего строил свои выводы, исходя из этих основополагающих посылок. Славянофилы XIX в. идеализировали допетровскую Русь и своеобразие развития России. Наоборот, западники подчеркивали отсталость России, необходимость развития ее в духе европейских цивилизаций. Все они были убеждены в своей правоте, в правомерности делаемых ими выводов.

Таким образом, историко-правовые науки изучаются на первом курсе юридических вузов параллельно с другими историческими и юридическими науками. Это требует изложения материала, с учетом преподаваемого по другим дисциплинам, при этом необходимо учесть и междисциплинарную связь. История отечественного государства и права стыкуется с историей государства и права зарубежных стран. Некоторые институты, родившиеся за пределами нашей страны и перенесенные затем в правовые системы наших народов, специально изучаются в курсе зарубежной истории и поэтому не дублируются в курсе отечественной истории. Как учебная дисциплина, история отечественного государства и права распадается на две части. Первая из них посвящена дооктябрьскому периоду, вторая – послеоктябрьскому.

Внедрение фундаменталистического толкования накшбандийского тариката на территории Имамата

М.Б.Магомедов
П.М.Лахитова

Предпосылкой и фактором формирования политико-правовой системы Имамата, как государства демократического типа, является наличие гражданского общества, характеризует значимость всю совокупность разнообразных форм социальной активности населения. Понятие «гражданское общество» в условиях Имамата – это состояние общественных связей и отношений, что является качественным показателем гражданской самодеятельности горцев, как основным критерием разделения функций государства и общества в социальной сфере.

Опыт первых лет борьбы горцев Северо-Восточного Кавказа 20-50-х годов XIX века показал ее руководителям необходимость искоренения адатов из общественной жизни горцев как препятствующих в их антифеодальной и антиколониальной борьбе и консолидации освободительных сил, как не соответствующих раскрепощению и охране прав и интересов личности.

На смену правовых основ взаимоотношений – адатам предводители борьбы вводили в обиход горцев новые нормы шариата, которые, по мнению руководителей, должны были лечь в основе реализации гражданского общества. Надо полагать, что руководители Имамата настаивали не просто на внешнем их применении, а на искреннем следовании нормам высшего человеческого поведения и в решении дел по истинному шариату. Успехи Шамиля на военной и государственно-правовой ниве объясняются настойчивостью, с которой он распространял шариат и утверждал его среди горцев на прочных основаниях. Так, например, по мнению Нейгардта, человека, которого вряд ли можно подозревать в симпатии к горцам, мы узнаем, что в процессе размежевания, а именно «со времени разделения Чечни на участки, Шамилем введено там правильное законодательство. Адат, как обычай, потворствующий слабостию своих постановлений страстям полудикого народа, уничтожен; вместо него введен шариат; и для разбирательства дел по шариату при каждом наибе находится ныне постоянно по одному кадию; в настоящее время в Чечне убийства, воровство, насилие и другого рода преступления сильно преследуются, и Шамилем приняты самые строгие меры к искоренению из нравов чеченцев зверского обычая кровомщения»[1].

Внедрение правовых основ шариата было первой целью сторонников имама, к утверждению которых которого среди горцев Шамиль относился с гражданских позиций творчески. Преследуя с такой настойчивостью адат, он осознавал, что в учении шариата заключается также много всякого рода противоречий, способных обратиться в источник зла, чуть ли не сильнейшего в сравнении с тем, какое может породить адат. Дело в том, что почти каждое постановление шариата имеет свои собственные толкования, «несколько своих собственных дорог»[2]. Некоторые из этих постановлений, написанные более 1000 лет назад, не вполне соответствовали быту горцев и переживаемым ими историческим условиям. В процессе восстановления шариата Шамиль предполагал следующее обстоятельства, а именно, что шариат принадлежал к фундаменталистическому толкованию накшбандийского тариката, далее – в этом же Шамиль рассматривал противоположность и для искоренения адатов и, наконец, он иногда предопределял мусульманский образ жизни. Шариат, по мнению самого имама, имел свои пробелы и неясные или спорные выдержки, которые требовали правовые интерполяции, интерпретации и соответственно выбора между конфликтующими точками зрения.

Понимая все это, Шамиль ясно видел, что при механическом перенесении шариата на регулирование общественных отношений среди горцев эффективность его применения представляется очень сомнительной. С одной стороны, при сохранении нескольких толкований положений шариата, по части его правовых аспектов, мусульманское духовенство будет блуждать, не находя наиболее верного. С другой, характер горцев давал право ожидать всяких злоупотреблений при малейшем послаблении закона, при намеке на самоуправство или насилие, а такие тенденции в шариате встречаются нередко. Правовой характер гражданского общества, его соответствие высшим требованиям справедливости и свободы является первой важнейшей качественной характеристикой такого общества. Эта особенность гражданского

общества воплощается в нормативных требованиях, заложенных в содержании категорий справедливости и свободы. Свобода и справедливость представляют собой в условиях гражданского общества социальный фактор, нормирующий деятельность горцев, которые как члены гражданского общества, обретают свободу в результате своей способности подчиняться нормативным требованиям свободы как познанной необходимости. С учетом всего этого Шамиль дополнил и изменил некоторые положения шариата, сообразно действительных, как ему казалось, потребностей страны и имам ставил вопрос о более глубоком толковании норм и правовых основ шариата, применительно к ситуации Имамата.

Все, что таким образом было составлено, в горах называли «низамом», применяя этот термин к реформам Шамиля по всем отраслям управления. Поэтому низамы «регламентировали всю административную, военную и обыденную жизнь горцев»[3]. Сам Шамиль утверждал, что низам – это собрание различных правительственных мер, касающихся только безопасности страны, благополучия народонаселения и усиления средств к сопротивлению внутренним и внешним врагам. Эти правила не имеют ничего общего с шариатом, которому они служат лишь дополнением. Однако в состав низамов вошли еще и другие правительственные меры, касающиеся не только судебной части и общественной жизни горцев, но и их домашнего быта, а потому стоит только вникнуть в смысл этих закономерностей, чтобы удостовериться, против каких именно положений шариата они направлены.

Исследуя сущность низамов, как основ законодательства, следует отметить их антиэксплуатационный характер и социальный аспект, а в последнем вырисовывается и иерархия. Реальная свобода горцев становится возможной в обществе подлинной демократии, где не государство, политическая власть господствует над обществом и его членами, а общество имеет безусловное первенство по отношению к государству. Гражданское общество употребляется как в широком, так и в узком значениях. В широком смысле гражданское общество включает всю непосредственно не охватываемую государством, его структурами часть общества, т.е. то, до чего «не доходят руки» государства. В условиях Имамата характерным принципом всей государственно-правовой политики Шамиля являлась гласность. В своей деятельности он опирался на поддержку широких слоев населения и, поэтому его политика объективно не могла быть оторванной от интересов народа и скрытой от них. Шамиль не боялся разоблачения перед народом порочной практики управления им же назначенных наибов. Принцип гласности был характерен для процесса судопроизводства, введенного Шамилем.

Гражданское общество в условиях Имамата имеет сложную структуру, включает хозяйственные, экономические, семейно-родственные, этнические, религиозные и правовые отношения, мораль и т.д. В гражданском обществе в отличие от государственных структур преобладают не вертикальные (подчиненности), а горизонтальные связи – отношения конкуренции и солидарности между юридически свободными и равноправными партнерами. Судебное производство исполняли при всем народе. Тут же приводились в исполнение решения и приговоры суда. Гласность в судопроизводстве исключала волокитство дел в судах и вносила большой воспитательный заряд в правовое воспитание населения.

Военная, административная и духовная власть главы Имамата была ограничена главным советом и съездом наибов и алимов, которые не всегда беспрекословно и целиком соглашались с указаниями имама. Если можно назвать Имамат монархией, то эта монархия была чрезвычайно своеобразна, где основные политические вопросы решались съездом, а законодательство и управление – Диван-Ханом. Общее развитие правовой системы Имамата усматривается из перечня законопроектов и других вопросов, обсуждавшихся и утвержденных на съезде народных правителей в 1847 году в Андии, где, в частности, отмечено: «… 6. Чтобы нам (Подданым Имамата. – Автор.) не выходить из пути людей добродетельных; 7. Чтобы оставить взаимную зависть, притеснения, и быть рукою (помощью) один другого; 8. Чтобы второй не повторил того, что сделал первый и чтобы приемник был с предшественником в тех же отношениях, в коих был до смены его; 9. Чтобы взвешивать все, дабы еще более не сбиться с прежнего пути как в сей, так и в будущей жизни»[4].

В своих низамах Шамиль старался претворить на практике провозглашенный им лозунг равенства всех членов общества перед Аллахом и законом. Низамы наделили членов общества равными правами и возложили на них одинаковые обязанности.

Важнейшей предпосылкой формирования гражданского общества являются ликвидация сословных привилегий и возрастание значения человеческой личности, человека. Политическим фундаментом гражданского общества служит правовое государство, которое обеспечивает права и свободы личности. Хотя все три имама (Гази-Магомед, Гамзат-Бек и Шамиль) ориентировались на социальные приоритеты на подвластной им территории, но отклонения определенного порядка появились и в правотворческой деятельности имама. Так, Шамиль при общей прогрессивной политике в отношении женщин, в судопроизводстве показания двух женщин – свидетельниц приравнивалось к одному мужскому. Хотя гражданское общество слагается из множественности межличностных отношений и социальных сил, которые объединяют составляющих данное общество мужчин и женщин без непосредственного вмешательства и помощи государства, род потомков пророка Мухаммеда – корейшитов в Дагестане сохранил все свои привилегии, установленные шариатом в виде доли от военной добычи, хотя род этот в военных действиях участия не принимал. Неравное отношение закона к различным категориям населения продемонстрировал низам Шамиля «О наказанияхъ, коимъ подвернаются сотенные начальники, десятскіе и рядовые», принятый в 1847 году на съезде в Анди. В этом низаме определены различные наказания для наибов, низших начальников и рядовых за одни и те же проступки и преступления. Данный низам знает только три вида наказания: понижение в должности, арест до 21 дня и наказание ударами палок до 39 раз.

Перечисленные виды наказания могли применяться как в отдельности, так и вместе в соответствии с указаниями низама при определенных составах преступления. При определении видов наказания за различные преступления законодатель руководствовался принципами гуманизации наказания и эффективности его для перевоспитания преступника. Так, например, низамы не предусматривает наказание членовредительства по шариату за воровство и заменяет его арестом и штрафом в доход казны за каждую ночь ареста. Аресту и штрафу подвергались также за уклонение от воинской повинности и умышленное прикосновение к женщине. При определении наказания низамы предусматривали также характеристику личности преступника. При отрицательной характеристике и при совершении повторного воровства или в рецидиве, преступника казнили, а при положительной – другие виды наказания, а казнили только после совершения третьего воровства. Более того, при квалификации вида преступления учитывались такие признаки преступления, как повторность, соучастие и умысел. При отмене членовредительства и введении штрафа как вида наказания законодатель руководствуется намерениями сократить число калек в государстве и пополнить казну поступлениями от штрафов[5].

Низамы предусматривали при определении наказания и отягчающие обстоятельства. Например, за ослушание и неповиновение старшему по положению в походе назначалась смертная казнь, а в мирных обстоятельствах – тюремное заключение или телесное наказание.

Наказания могли назначать наиб и его командиры сотен, за исключением назначения смертной казни, определение которой законодатель отводит исключительно за имамом, что и служило дополнительной гарантией справедливости наказания. Смертная казнь, кроме как неисправимым преступникам, назначалась еще и за совершение особо тяжких государственных преступлений: измены, шпионажа, прелюбодеяния и других. Смертная казнь в Имамате была предусмотрена двух видов:

1. «почетная» когда виновный становился на колени, молился, потом сам раскрывал рубашку и после молитвы наклонял голову, которую ударом секиры палач отсекал;

2. «постыдная», когда голова снималась на плахе[6].

Относительно смертной казни в Имамате Шамиль отмечал, что «хотя и привыкли горцы к зрелищу смерти, идя навстречу ей в сражениях или встречая ее каждый день неожиданным образом в своих беспрестанных ссорах, где иногда косой взгляд порождает смерть; но собственно казнь производит на них впечатление тяжелое, а вид отрубленной головы знакомого или незнакомого человека, воображение ожидания последней минуты, не оставляющей уже никаких надежд, и мысленное приближение этого состояния лично к себе, все это представляет единственное и самое верное средство для образумления горцев»[7].

Творческий подход Шамиля наблюдается в искоренении обычая кровной мести – настоящего «стихийного» бедствия в общественной жизни горцев, из-за которого веками продолжалась кровная вражда между родами, уносившая много жизней. Для искоренения обычая кровомщения, законодатель определил наказывать за оскорбление арестом и денежным штрафом вместо самосуда и убийства оскорбителя, в связи, с чем и вспыхивала кровная вражда. Законодатель уравнивает шансы всех категорий населения в защиту своей чести и достоинства. С этой целью «…судебные власти предпринимали меры для розыска преступника»[8], совершившего убийство. Хотя адаты и предполагали, что «если до 40-ка дней родственники похищенной убьют похитителя, то убийство не преследуется…»[9], дополнительно к этому, низамы всячески старались регулировать это обстоятельство, хотя практика показывала обратное.

Положения низама о запрете кровомщения тому, кто, защищая свою семью или имущество, а также честь и достоинство, нанес увечье или смерть другому лицу, в качестве альтернативы определяли денежное возмещение родственникам убитого. В случае мести виновный подвергался преследованию государством и наказанию, а потерпевший получал защиту со стороны государства. Низам о запрете кровомщения ставил вне закона практиковавшиеся до этого случаи самосуда среди горцев в конфликтных ситуациях, что становилось причиной возникновения кровной вражды между родами.

За менее опасные преступления и проступки также подвергали наказаниям. Шамиль впоследствии признавался, что за многие преступления он применил бы ссылку, но в условиях Имамата некуда было ссылать.

Убийцы, грабители и другие, общественно опасные лица всенародно подвергались смертной казни.

Издав низамы, Шамиль наказал населению неукоснительно следовать им: «Я долженъ привести этотъ низамъ въ исполненіе безъ всякаго послабленія и лени, – и нетъ по сему низаму пощады, заступничества и состраданія для техъ, кои впадутъ въ пучину этихъ наказаній»[10]. «Мы согласны, – ответили наибы, по ССКГ, – во всемъ и все написанное обязываемся приводить въ исполнение… Да поможет намъ аллахъ привести въ действіе шаріат и предписанія…»[11].

Многих современников событий на Кавказе восхищала та ревностная последовательность и решительность, с которой Шамиль боролся за искоренение преступности в горах.

По свидетельству официальных источников, после 1859 г. в каждом селении Дагестана были избраны лица, в обязанности которых входил «…разбор дел по адату, и от шамилевского шариата оставалось только одно воспоминание в названии во времени его власти временем шариата, для отличия от прежнего времени, называемого временем адата»[12].

Несмотря на то, что сам Шамиль порой допускал некоторые отклонения от шариата для облегчения народу исполнения его постановлений и стремился к уничтожению суда по адатам, который жестоко, в основном смертью наказывал провинившихся, однако конечной цели он не достиг. И все же

кратковременное «…господство достаточно было шариату для того, чтобы существенно повлиять на юридические воззрения дагестанских горцев»[13].

Таким образом, главная цель в формировании и реализации основ гражданского общества в Имамате заключается в удовлетворении материальных и духовных потребностей горцев, в создании условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека на основе шариата продиктованных условиями войны. Имамат в этом случае неизбежно приобретает характер социального государства, основанный на экономическую организацию гражданского общества. Структурный элемент – это его социальная организация, как важное направление социальной политики. И, наконец, элемент гражданского общества Имамата – его общественно-политическая организация, направленная на удовлетворение материальных, социальных и духовных потребностей горцев.

Примечания:

[1] Движение горцев Северо-Восточного Кавказа в 20-50-х гг. XIX века: Сборник документов / Сост. В.Г.Гаджиев, Х.Х.Рамазанов. – Махачкала: Дагкнигоиздат, 1959. – С. 403. (Далее. – ДГСВК.); Документальная история образования многонационального государства Российского: Россия и Северный Кавказ в XVI-XIX веках: В 4 кн. – Кн.1. / Под ред. Г.Л.Бондаревского, Г.Н.Колбая. – М., 1998. – С. 585-586. (Далее. – Документальная история).

[2] ВС. – Т. XIV. – С. 331.

[3] Шарафутдинов Р.Ш. Еще один низам Шамиля. Письменные памятники Востока // Ежегодник. – 1975. – С. 170.

[4] ССКГ. – Вып. III. – Тифлисъ, 1870. – С. 15.

[5] См.: ДГСВК. – С. 404-405; ССКГ. – Т. III.-Тифлисъ. 1870. – С. 12-13; Документальная история. – С. 587-588.

[6] См.: ЦГВИА. – Ф.ВУА. – Д. 6512. – Л. 3-74; Хашаев Х.М. Указ. работа. – С. 52.

[7] АКАК. – Т. XII. – С. 1405.

[8] См.: Галицын Г.С. Адаты Дагестанской области и Закавказского округа. Судоустройство и судопроизводство. – Тифлис, 1899. – С. 600.

[9] Руновский А. Записки о Шамиле. – М., 1989. – С. 16.

[10] ССКГ. – Вып. III. – Тифлисъ, 1870. – С. 13.

[11] Там же. – С. 14.

[12] ССКГ. – Вып. I. – Тифлисъ, 1868. – С. 7.

[13] Ковалевский М.М. Закон и обычай на Кавказе. – Т. 1. – М., 1890. – С. 234.

Утверждение прокуратура, как специального органа защиты

М.Б.Магомедов

Отметим, что отечественная прокуратура, пережив смену эпох и династий, испытав на себе влияние разных политических режимов, служит державным оплотом порядка и законности нашего Многонационального общества.

История запечатлела неоднозначное восприятие прокуратуры, ибо она по изначальному замыслу ее творца – Петра I – была призвана служить зорким «оком государевым» в изобличении казнокрадства и мздоимства, сепаратизма и вседозволенности вельможной и чиновничьей знати, оберегая единство и безопасность страны. Именно служением интересам отечества, строгим надзором за законностью, российская прокуратура снискала себе, не смотря на зигзаги истории, знавшей и нелицеприятные страницы, традиционное общественное признание. Она служила и служит надзорным щитом государства против любых злоупотреблений и нарушений законности от кого бы они ни исходили.

На фоне этой исторической истины, странными, если не сказать кощунственными, выглядят потуги некоторых не в меру «демократических» историков и политологов приписать родословную отечественной прокуратуры советскому периоду, превратив ее в синоним произвола и беззакония сталинских репрессий.

Столь разительные разночтения во взглядах на природу и социальное призвание прокуратуры – явление не случайное. Оно указывает на постоянный не ослабевающий интерес общества к одному из важнейших звеньев правозащитной системы, которое находится в эпицентре противоборствующих политических сил.

В историко-правовом аспекте возникновение и развитие прокурорской надзорной системы, а также – разные точки зрения на социальную ценность и функциональные полномочия этого института. На переломном этапе нынешних радикальных преобразований, когда кризисное российское общество находится в поиске подходящих моделей государственных структур, часто с оглядкой на западный мир, юристы с все большим интересом обращают внимание на многовековую историю петровского творения – прокуратуру. При этом они отмечают поразительное сходство противоречивой ситуации времен петровских и нынешних. Как и в тот переломный для Отечества период, прокуратура сейчас подвергается суровому испытанию – от попыток растворения ее независимой централизованной сущности в контрольно-ведомственных паллиативах, до прямого демонтажа державного «ока государева».

Преобразования страны, которая, по выражению Пушкина, сроднившись с Западом и сохранив свою самобытность, «...вошла в Европу, как спущенный корабль», Петр I прежде всего выстраивал стержневые фундаментальные опоры державности, которые бы объединяли, скрепляли все российские земли под эгидой короны на основе единства воли и твердых правил управления. С прокуратурой великий реформатор связывал не просто появление удобной и целесообразной управленческой структуры, но рождение

цементирующей силы государства, которая стала бы оплотом единства законности и правопорядка на просторах Империи, чистоты и совести властных чинов в центре и на местах.

Уже изначально он замыслил прокуратуру как особый институт контроля за деятельностью чиновников всех мастей, отнюдь не чуждых казнокрадства и мздоимства, пресечения безнаказанного своевольства столичных и местных правителей.

Опираясь на документальные свидетельства, известный российский историк В.О.Ключевский писал, что Петр I немало размышлял над будущим прокурорской власти, лично составлял варианты законопроектов. Его особо занимала мысль об устройстве такого надзорного органа, который не спасовал бы перед вельможными чинами и «сиятельствами» в том числе и перед Сенатом, который сам являлся высшим органом управления и контроля в России. «Сей чин (по мысли Петра I), яко око наше и стряпчий о делах государственных» [1]. Понадобились три его Указа, чтобы российская надзорная власть обрела сравнительно завершенные очертания. Первый из них был принят 12 января 1722 г. – «О должности Сената». В нем говорилось: «Быть при Сенате генерал-прокурору и обер-прокурору, а также во всякой коллегии по прокурору, которые должны будут рапортировать генерал-прокурору». А уже 18 января того же года выходит Указ «Об установлении должности прокуроров в надворных судах и о пределах компетенции надворных судов в делах по доносам фискальским и прочих людей». В апреле 1722 г. появляется еще один Указ «О должности генерал-прокурора» с подробной регламентацией его обязанностей и правомочий. По нему генерал-прокурор в плане надзора становился над Сенатом и напрямую выходил на Императора. В Указе подчеркивалось: «Генерал-прокурор повинен сидеть в Сенате и смотреть накрепко, дабы сенат свою должность хранил и во всех делах... истинно, ревностно и порядочно без потеряния времени по регламентам и указам отправлял, а также смотреть, дабы Сенат в своем звании праведно и нелицемерно поступал»[2].

Можно полагать, что при обдумывании неординарного решения Петр находился в поисках полезного надзорного института. И без изучения опыта других стран, в первую очередь, примера Франции, возможно, здесь не обошлось. Но ни о каком копировании зарубежных моделей не могло быть и речи. Во Франции прокурор всецело подчинял свою деятельность охране королевской власти и чести, от имени последней он участвовал и в суде. В Российской империи же правомочия прокурора изначально выходят на контрольно-надзорные функции общегосударственного значения. Формирование службы надзора постепенно завершается системной централизованной самостоятельностью прокуроров с их подчинением генерал-прокурору. Иными словами, возник самобытный, влиятельный орган государства с уникальными функциями надзора, служители которого не только опротестовали незаконные распоряжения и действия любых учреждений и чинов, но и доносили высочайшей власти о замеченных злоупотреблениях.

В последующий послепетровский период государства Российского, не смотря на перипетии истории и некоторые изменения в статусе прокуратуры, ее надзорная роль сохраняется, а в царствование Екатерины II даже заметно возрастет. В частности, учреждение государства Российского в 1775 г. губерний и создание соответствующих губернских прокуратур, а также прокурорских должностей при судах существенно укрепляет надзор за законностью деятельности местных властей и в судопроизводстве.

Вопреки расхожему мнению о стремлении демократически настроенного Александра II к свертыванию прокурорского надзора в связи с судебной реформой 60-х годов XIX века, сошлемся на авторитет утвержденных им же 29 сентября 1862 г. «Основных положений преобразования Судебной части государства Российского»[3].

В этом определяющем акте в духе петровских предначертаний четко обозначалось главное назначение прокуратуры – наблюдение за точным и единообразным исполнением законов в Российской империи. Ей вменялось в обязанность «обнаруживать и преследовать всякие нарушения законного порядка и требовать его восстановления», формулировать «предложения суду предварительными заключениями в случаях, предусмотренных гражданским и уголовным судопроизводством». Прокуроры были призваны осуществлять надзор за производством следствий, поддерживать обвинение в суде. Как участники судопроизводства, прокуроры наделялись особыми полномочиями, включая права принесения протеста в судах первой инстанции. Сохранялась и функция надзора за местами лишения свободы.

Но в контексте продолжающихся разночтений нынешнего статуса прокуратуры, полезно хотя бы в ретроспективе понять идеологию либеральной александровской реформы применительно к месту и роли прокурорской системы в государственной «Табели о рангах», согласно которому, что генерал-прокурор и губернские прокуроры назначались и освобождались рескриптом Императора. Все иные прокуроры были подвластны генерал-прокурору. И хотя авторы Судебных уставов 1864 г. скорректировали диапазон прокурорского надзора делами «судебного ведомства» усилением публичности обвинения, контроля за следствием и дознанием, на практике власти вынуждены были найти эквивалент «общенадзорной» функции, сделав прокуроров полноправными членами губернских административных комитетов (т. е. властных контрольно-надзорных органов). Эта компенсация прокурорских правомочий нашла свое выражение в законодательстве о прокурорах в виде завуалированной формулировки: «Некоторые же другие обязанности, сверх того налагаемые на сии лица, определены в основных Уставах и положениях о принадлежности»[4]. Более того, уже после введения Судебных уставов прокуроры продолжали осуществлять

---

[1] Российское законодательство X-XX в. Т. 4. / Отв. ред. А.Г.Манъков. М., 1986. С. 184.

[2] Там же.

[3] См.: Судебные уставы Императора Александра II. СПб., 1883.

[4] Российское законодательство X-XX веков. Т.8 / Отв.ред. В.В.Виленский. М., 1991. С.99.

«общенадзорные» функции за рамками судопроизводства по целому ряду направлений административно-управленческой деятельности. Ссылка на совмещение постов генерал-прокурора и министра юстиции одним лицом, которое якобы ставит под сомнение автономность и независимость прокурорской системы, несостоятельна. Хотя бы потому, что Основные положения прямо указывали, что «причастность» и правомочия министра юстиции к содержательной надзорной стороне прокурорской деятельности ограничивается лишь организационно-ресурсным обеспечением.

Таким образом, приписываемое большевикам «отцовство» российской прокуратуры страдает явным преувеличением. Напротив, большевистская власть целых пять лет после Октябрьской революции тщетно пыталась обойтись без прокуратуры, полагаясь на различные структуры «революционного» народного обвинения и, все же была вынуждена обратиться к петровскому детищу, модернизировав его в интересах «диктатуры пролетариата».

Столь подробный экскурс в историю нам понадобился для того, чтобы, во-первых, развеять спекулятивные утверждения ортодоксальных «реформаторов» о тоталитарной природе прокуратуры, а с другой стороны – призвать своих коллег-юристов, в том числе вступающую в профессиональную жизнь молодую когорту, трезво поразмыслить над уникальностью феномена и долгожития российской прокуратуры, объективно оценить ее достоинства и слабости и по возможности, коллективно спрогнозировать ближайшее будущее прокуратуры.

Как известно, прокуратура сегодня переживает не лучшие времена. И хотя принятый в 1995 г. и дополненный недавно Федеральный Закон «О прокуратуре Российской Федерации», явился крупным шагом в стабилизации системы, оформлении ее государственно-правового статуса, внеся определенность в ее надзорные правомочия, было бы преждевременно говорить о завершенности конституционного положения прокурорской системы в иерархии разделенных властей. Незавершенная не только в силу динамичности преобразовательных процессов и сопутствующих им законодательных заторов, но и из-за сохраняющихся в обществе, а вернее в его влиятельных политических и экономических кругах, существенных разночтений относительно роли и места прокуратуры в государственном механизме контроля и правоохраны.

Уже с самого начала перестройки, прокуратура, будучи по Конституции независимым органом, становилась заложницей политических разборок и давлений, цель которых в конечном счете заключалась в подчинении ее определенным силам. Смеем утверждать, что десятилетние зигзаги в статусе прокуратуры, «кнуты» и «пряники» при оценке ее деятельности бывшим президентом Б.Ельциным, персональные перетасовки в прокурорских верхах – звенья цепи заготовленного политического ошейника.

Все периоды исторических подъемов государства Российского, сопряженные, скажем, с византийскими или европейскими заимствованиями, проходили на твердом фундаменте самобытности народа, у которого совесть и справедливость как бы генетически шли впереди права. Да и сами культурные заимствования пропускались через сито отечественной ментальности, трансформируясь в российские самобытные институты, как, возможно, это было и с петровской прокуратурой. Речь идет не о табу на все «ненашенское», что само по себе в XXI интеграционном веке было бы абсурдом, а о принципиальном выборе пути общественного развития, оптимальных институциональных механизмов, адекватных труднейшему этапу преобразований. Чтобы правовые новеллы приносили пользу государства Российского и были понятны народу, важно не просто увидеть заманчивый зарубежный правовой аналог, а вникнуть в «технологию» его функционирования на родине, выяснить современное восприятие его специалистами, общественностью.

Настойчивое лоббирование дорогостоящего суда присяжных государства Российского при неразвитости и нищенской обеспеченности всей судебной системы, далеко не однозначно воспринимается у нас, общественностью ведущих западных стран, где число рассмотренных дел с участием присяжных не превышает 2-5 %[1]. Или, рекламируя совершенство американской правоохранительной системы и ратуя за ее восприятие, ее российские сторонники почему-то обходят стороной функционирование этой системы в кризисных ситуациях, что было бы куда логичнее при заимствовании опыта для нынешней «всецело» кризисной государства Российского[2].

В главных выводах документа, подчеркивается, что «изменение статуса, структур, задач и форм работы прокуратуры должно осуществляться гармонично в соответствии с изменениями судебных и правовых систем, частью которых она является, имея в виду, что главной целью при этом является создание подлинных гарантий для обеспечения законности и правопорядка, а также осуществление эффективной защиты прав и свобод человека и гражданского общества»[3].

Государство Российское должно делать реформационные шаги основательно, без спешки, поэтапно исходя из сложных и противоречивых реалий экономической и социальной жизни, отечественных духовно-нравственных традиций, специфики и издержек преобразований.

Из долгой истории нашей прокуратуры известно, что в результате торопливости, заманчивости некоторых нововведений были не только обретения, но и потери. Так, характеризуя последствия в целом прогрессивной судебной реформы 1864 г., но неоправданно сузившей диапазон прокурорского надзора, выдающийся русский юрист А.Ф.Кони писал: «Должность эта (Губернского прокурора. – Автор.), составляя

---

[1] Прокуратура в правовом государстве. Многосторонняя встреча, организованная Советом Европы совместно с Генеральной прокуратурой Российской Федерации. М., 1997. С. 40, 41.
[2] Там же. С.44, 45.
[3] Там же. С. 157, 158.

наследие петровских времен и одно из лучших украшений екатерининских учреждений, имела огромное значение в нашем дореформенном строе... В торопливом осуществлении страстного желания поскорее расчистить для новых насаждений место, поросшее бурьяном, полусгнившими деревьями, был срублен дуб, стоявший на страже леса»[1].

Верховенствующее положение Конституции Российской Федерации, как принцип конституционного строя федеративного государства, во многих случаях не выдерживается. В конституциях республик и в уставах многих краев и областей имеются явные противоречия с требованиями федеральной Конституции в таких, например, принципиальных вопросах, как правовой статус республик, гражданство и др.

Негативное влияние на конституционную законность все еще продолжают оказывать ранее заключенные с нарушением Конституции и до сих пор не отмененные договоры Федерации и ее субъектов о разграничении предметов ведения и полномочий.

В качестве конкретных путей усиления позиций системы прокурорского надзора предлагается: придание Закону о прокуратуре Российской Федерации статуса конституционного, внесение в него изменений и дополнений, направленных на усиление независимости прокуратуры, недопустимости вмешательства в ее надзорную и иную деятельность; осуществление надзора за законностью правовых актов, издаваемых Правительством РФ; наделение Генеральной прокуратуры правом законодательной инициативы, установление порядка, при котором надзор за законностью всех правовых актов осуществляется независимо от поступления соответствующей информации о нарушениях; в законе целесообразно определить формы взаимодействия прокуратуры с Уполномоченным по правам человека, предусмотреть более весомую, роль прокурора в гражданском и арбитражном процессах, а также в надзоре за исполнением законов органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность[2].

Не смотря на критический фон исследований, характерной особенностью этих концептуальных работ является их взвешенность и аргументированность, жизнеутверждающие выводы и позиции.

Убедительно обосновывается несостоятельность основного тезиса оппонентов прокуратуры – ее «посягательств» на функции судебной власти. Оппоненты упорно не хотят замечать изменившиеся законы о правосудии и прокуратуре, которые по новому определили роль и место суда и прокуратуры: прокурор не надзирает за судом, а лишь участвует в правосудии, его предложения суду не обязательны, тогда как решения и выводы суда подлежат при всех условиях обязательному исполнению прокурором.

Не обходится стороной и излюбленный тезис оппонентов, противопоставляющий прокурора суду, и с его помощью проводится линия на ограничение полномочий прокурора в судопроизводстве. Приведенными выше обобщенными данными по опротестованию прокуратурой судебных решений ученые показывают не только правомерность, но и крайнюю необходимость использования защиты законности, прав человека при нынешней гипертрофированной независимости судей от всякого внешнего контроля.

Эффективность управления обществом, реформируемым на базе законности, определяется тем, насколько государством учитываются объективные закономерности общественного развития и насколько само законодательство адекватно отражает потребности и возможности общества; выдерживается иерархия правовой системы при верховенстве конституции и закона; обеспечиваются взаимосвязь и взаимоподчиненность всех элементов правовой системы, издание уполномоченными правотворческими органами актов в строгом соответствии с их конституционной компетенцией; гарантируется исполнение всеми ветвями власти требований конституции, законов и других нормативно-правовых актов; соблюдается правомерность установления льгот и преимуществ должностных лиц; обеспечивается функционирование механизма судебной, прокурорской и иной правовой защиты личности, государственных и общественных организаций от правонарушений и препятствий в реализации своих конституционных прав и свобод. Каждый из критериев, характеризующий определенный срез законности, в совокупности образует единство общей оценки ее состояния.

Идеи и принципы законности как универсальной ценности правового демократического государства, не нашли должного отражения в основном законе страны – Конституции РФ. Парадоксально, но в этом главном документе, определяющем жизнь общества, не оказалось места для раскрытия роли законности, основных принципов и механизмов ее утверждения в условиях федеративного устройства страны. Во всем тексте Конституции заметна печать незадачливого реформаторства, видимо, относившего законность к рудиментам прошлого режима, подменены ее цементирующей роли оторванными от жизни чужеродными формально-нормотивисткими схемами. А если обойдена вниманием законность, как опорный хребет формирования правового государства, то, естественно, следуя этой логике, можно было ограничится столь скупой формулировкой статуса специального органа ее защиты и утверждения – прокуратуры – как это видно из Конституции РФ (ст. 129).

Таким образом, не секрет, что на ослаблении режима законности в переходный период с самого начала сказались теоретические взгляды и позиции, противопоставляющие понятия права и закона, объективно умаляющие значение законодательных актов, как «неустойчивых» и преходящих в условиях реформ в отличие от «вечных» и естественных правовых постулатов, вобравших в себя исторический опыт человечества.

---

[1] Цит. по: Звягинцев А. Г., Орлов Ю. Г. Под сенью русского орла. Российские прокуроры второй половины XIX - начала XX в. М., 1996. С. 38.

[2] См.: Аналитический доклад // Под ред. А.Я.Сухарева. М.: НИИ проблем законности и правопорядка при Генеральной прокуратуре РФ, 2000.

На старте перестройки и в последующие годы серьезный ущерб законности был нанесен и пропагандой, внедрением в жизнедеятельность общества нового принципа правового поведения: «разрешено все, что не запрещено законом». Его разрушительная сила особенно стала ощутимой в период радикальных экономических реформ, перехода к рыночным отношениям при отсутствии должного законодательного обеспечения, новой системы права. В условиях динамизма социально-экономических и общественных процессов и явного отставания правового регулирования, провозглашенный принцип привел на практике к осложнению криминальной ситуации, разрушению общественной морали как средства регулирования человеческих отношений.

Требуется также научное осмысление и обоснование трансформации, содержательного отличия господствовавшей в прошлом «социалистической» законности от принципа законности правового государства. Переход от одного понятия законности к другому – это не формальная смена терминов, а кардинальная переориентация приоритетов в предметах правозащиты.

Если фундаментальной основой «социалистической законности» были интересы государства, стоявшего над личностью и обществом, то в условиях конституционного провозглашения примата прав и свобод личности, интересов гражданского общества, должны меняться не только приоритеты как принципы, но и цели, задачи законности, механизм их реализации. А это требует солидного научного обеспечения. В частности, смена правозащитных приоритетов не должна вести, как это доминирует в теоретических работах и практической политике, к противопоставлению личности, общества и государства. Важно видеть в праве и законности равнодействующую общего интереса, обеспечивающую в конечном счете реальную гарантию прав и свобод человека и гражданина. Правовое государство, как главный гарант законности, должно быть и самым чувствительным индикатором отношения населения к проводимым в стране социально-правовым мероприятиям, предупреждать появление в массовом правосознании феномена «нелегитимности» самих законов, как не отвечающих их социальным ожиданиям.

Таким образом, на завершающем этапе формирования нормативно-правовой базы реформ на передний план в механизме упрочения законности выдвигается проблема правоприменения, исполнения законов. Поэтому новый уровень контрольно-надзорной деятельности государства следует подкрепить действенной системой внешнего контроля со стороны гражданского общества, стимулирования законопослушного поведения должностных лиц и граждан. Важное значение имели бы практические шаги по созданию системы юридического просвещения, формированию общественного сознания, ориентированного на социальную, правовую стабильность, утверждение авторитета закона, в том числе путем позитивной информации о потенциальных возможностях правопорядка и законности в обеспечении демократических прав и свобод личности.

Правовой статус депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации

У.Магомедова
М.А.Ахмедов

На сегодняшний день понятие «правовой статус» имеет очень широкое применение, как в науке права, так и в законодательстве. Слово «статус» переводится с латинского «status» как положение или состояние кого-либо (чеголибо). Характеристика данного положения как «правовой» определяет, что оно закреплено в соответствующих нормативных правовых актах.

Правовой статус депутата Государственной Думы – это одна из разновидностей специального статуса, которым отдельные категории граждан наделяются ввиду особенностей их рода деятельности и правового положения. Данный статус имеют свою специфику: дополнительные права, обязанности, ответственность, гарантии, предусмотренные законодательством, что выделяет депутата Государственной Думы из числа других государственных служащих.

В настоящее время деятельность депутата Государственной Думы является широко обсуждаемой. Зачастую в средствах массовой информации и между гражданами обсуждается правомерность деятельности депутатов, исполнения ими своих полномочий и наличия гарантий, предоставляемых им законом в связи с занимаемой должностью, что и обуславливает актуальность вопроса о правовом статусе парламентария.

Одним из основных элементов правового статуса депутата Государственной Думы являются права и обязанности. Депутаты Государственной Думы обладают следующими правами: право законодательной инициативы; право депутата на участие в заседаниях соответствующей палаты Федерального Собрания Российской Федерации, а также в заседаниях комитета, комиссии соответствующей палаты Федерального Собрания Российской Федерации, согласительной и специальной комиссий; право внесения парламентского и депутатского запросов; право на приём в первоочередном порядке должностными лицами; право на получение и распространение информации; право на обращение с вопросами к членам Правительства Российской Федерации на заседании соответствующей палаты; право на обращение к соответствующим должностным лицам с требованием принять меры по немедленному пресечению обнаружившихся нарушений прав и свобод граждан.

Помимо прав законодательством предусматривается и ряд обязанностей депутатов Государственной Думы. К ним относятся: обязанность поддерживать связь с избирателями; обязанность рассматривать обращения избирателей, вести прием граждан, вносить предложения в соответствующие органы государственной власти и местного самоуправления, в общественные организации; обязанность информировать избирателей о своей деятельности во время встреч с ними, а также через средства массовой информации; обязанность депутатов соблюдать этические нормы. Регламентами палат Федерального

Собрания устанавливается ответственность за нарушение указанных норм; обязанность депутатов предоставлять декларации о доходах и об имуществе, принадлежащем им на праве собственности, в порядке, установленном федеральным законодательством о государственной службе в Российской Федерации. В системе обеспечения прав и свобод граждан важнейшее место должны занимать именно меры юридической ответственности в отношении органов публичной власти и должностных лиц. Это обуславливается тем, что расширение границ свободы, обусловленное демократизацией общества, требует повышения связанности самих государственных органов.

Изучив и проанализировав нормативные правовые акты, учебную литературу, научные статьи различных авторов по вопросам правового статуса депутатов можно сделать несколько выводов.

1. Депутаты Государственной Думы играют важную роль в системе российского парламентаризма, так как осуществляют функции по изданию законов и представлению народа в органах государственной власти. К кандидатам на наделение полномочиями депутата Государственной Думы, как и к самим парламентариям, предъявляется ряд требований, которым они должны соответствовать. Данные требования позволяют обеспечить более качественное и эффективное осуществление парламентариями своих полномочий и ограничивают возможность превышения и неисполнения полномочий.

2. Под правовым статусом депутата Государственной Думы следует понимать фактическое положение парламентария, установленное нормативными правовыми и иными социальными нормами и обеспечиваемое специальными гарантиями. В узком смысле правовой статус складывается из совокупности элементов, характеризующих содержание и сущность правового положения депутатов Государственной Думы, таких как права, обязанности, ответственность, гарантии и формы деятельности, в соответствии с которыми действуют парламентарии.

3. Депутаты Государственной Думы обладают широким кругом прав, обязанностей и ограничений, составляющих их статус. При осуществлении своих прав и обязанностей депутаты Государственной Думы должны руководствоваться как нормативными правовыми актами, так и нормами морали и нравственности.

4. Помимо прав и обязанностей депутаты Государственной Думы обладают рядом правовых, социальных и организационных гарантий, которые являются условиями для наиболее эффективного осуществления парламентариями своих полномочий. Основной гарантией деятельности депутатов Государственной Думы является их неприкосновенность. Так же они обладают обширным перечнем страховых гарантий.

5. Что касается ответственности депутатов Государственной Думы, то тут стоит сказать о недостаточном регулировании законодательством Российской Федерации ответственности парламентариев. В законодательстве Российской Федерации названы только две меры дисциплинарной ответственности депутатов Государственной Думы и нет отдельного перечня условий привлечения парламентариев к ответственности. Также очень сложный механизм привлечения депутатов Государственной Думы к административной и уголовной ответственности. Правом направления запроса о лишении депутатов Государственной Думы неприкосновенности для последующего привлечения их к ответственности обладает лишь генеральный прокурор Российской Федерации, а само лишение неприкосновенности осуществляется только соответствующей палатой Федерального Собрания Российской Федерации. Следует подчеркнуть, что на данный момент институт конституционно-правовой ответственности депутатов Государственной Думы не развит в достаточной степени и подлежит пересмотру и доработке. Необходимо дополнить законодательство нормами об условиях и порядке привлечения к ответственности парламентариев, а также ввести меры их ответственности. Например, следовало бы ввести в Федеральный закон от 08.05.1994 № 3-ФЗ «О статусе члена Совета Федерации и статусе депутата Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» отдельные положения, содержащие основания и меры ответственности парламентария, а также регулирующие порядок привлечения их к ответственности.

Из вышесказанного можно сделать обобщающий вывод о том, что депутаты Государственной Думы осуществляют свои полномочия на основании закрепленных в законодательстве прав, обязанностей, ограничений и ответственности. Парламентариям предоставляются гарантии для наиболее эффективного осуществления ими своих полномочий. Законодательство о конституционно-правовом статусе депутатов Государственной Думы не является завершенным и требует доработки, но и на данном этапе охватывает широкий круг вопросов правового статуса парламентариев.

Таким образом, депутаты Государственной Думы играют значимую роль в системе российского парламентаризма, что обуславливается их правовым положением, наличием у них специальных прав, обязанностей и гарантий, которыми не обладают иные субъекты конституционного права.

Место обычая в системе форм современного права

У.Магомедова
М.А.Ахмедов

Правовой обычай - один из древнейших источников права. Он возник в недрах первобытно-общинной формации. Само его происхождение исключает участие государства в этом процессе. Силу как регулятивного, так и охранительного характера обычай черпает из собственных ресурсов.

Обычай возник в обществе. А государство выполняет по отношению к нему оценочно-иерархические действия, т.е. дает оценку содержания обычных норм на предмет их соответствия требованиям нравственности и закона. При положительной оценке правовой обычай включается в иерархическую систему источников права.

Вопрос о санкционировании обычая нами рассматривается в следующих плоскостях: 1) что придает обычаю обязательную силу и делает его одной из форм современного права: а) он приобретает свои регулятивные свойства от общества, в силу убеждения и практики; б) его юридическая сила возникает в силу государственного решения; 2) какие действия (бездействие) органов государственной власти составляют санкционирование: а) издание нормативно-правового акта, включающего разрешающую бланкетную норму; б) закрепление в судебном документе обычно-правового предписания; в) фактическое признание субсидиарного действия обычаев (молчаливое санкционирование); г) законодательное закрепление норм обычного происхождения путем их внесения в текст нормативно-правовых актов; д) перерастание правоприменительной деятельности в соответствующее обыкновение.

Термин «санкционирование» в современном законодательстве употребляется в значении одобрения и разрешения. Правомочием санкционирования наделены только компетентные органы государственной власти и в специальной процедуре. Оно представляет собой либо отдельный письменный документ, либо является составной частью нормативно-правового акта.

На наш взгляд, вполне обоснованна точка зрения, согласно которой существует обычай как источник права и правовой обычай как форма права. Тогда санкционирование опосредует переход обычая от источника к форме права. Сергеева Т.В. излагает данный процесс следующим образом: «Государство посредством своей деятельности – санкционирования в процессе издания законов – облекает обычай во внешнюю форму, тем самым устанавливая охрану отношений, которые регулируются правовой нормой».

Являясь сторонницей бланкетных отсылок законов к обычаям, Т.В. Сергеева находит в этом отличие обычаев от других источников права: «В тексте закона государство не формулирует содержание обычая как нормы права, оно только указывает на отношения, складывающиеся в известной среде, как на объект обычно-правового регулирования». М.Н.Марченко также видит особенности правовых обычаев в том, что они «будучи санкционированы государством, приобретают юридическую силу и обеспечиваются в случае их нарушения государственным принуждением».

Ошибочность позитивистской доктрины Т.В. Сергеева видит в том, что она признавала санкционирование норм обычного права путем законодательного оформления уже действующего правила, в качестве правовой нормы. Отталкиваясь от данного определения. Давая критическую оценку определения в связи с его этатическим содержанием, исследователь ищет собственный путь в установлении природы обычного права. И после витиеватых поисков возвращается к тому, что «государство, закрепляя неюридическую норму в форму права, как бы сообщает всем членам общества, что она находится под охраной, а посягательства на отношения, регулируемые ею, наказуемы». Этот процесс мы называем санкционированием и не видим никаких отличий между позитивистским и социологическим подходом к его содержанию.

Санкционирование Г.И. Муромцев понимает в связи с особенностями его трактовки термина «источник права». Источник права - это «обусловленный характером правопонимания данного общества способ признания социальных норм в качестве обязательных». Форма выражения и закрепления права, по его мнению, принципиальны только с появлением и развитием такого института как государство. И эта форма «устанавливается в результате правотворчества либо санкционирования норм, созданных без участия государства (обычай, доктрина и т.п.)».

Таким образом, в свете сказанного можно сказать, что санкционирование – это способ придания формы правовому обычаю. Г.И.Муромцев различает европейские и традиционные правовые системы. Одной из особенностей европейской правовой системы он считает связь нормы права с государством, которая «подразделяет обычаи на неправовые и правовые. Неправовой обычай – это обычай, который либо действует в обществе, где право исторически еще не сложилось, либо, действуя в государственно организованном обществе или обществе, переходном к нему, регулирует неправовую социальную сферу. Правовой обычай - обычай, который санкционирован государством и поэтому, признаваемый источником права».

Правовой обычай как источник права не исчез, а видоизменился и в современной отечественной юридической практике используется, например, в сфере частного права. По мере расширения сферы действия частного права роль правового обычая усиливается. Поэтому задачей позитивного права является создание благоприятных условий для развития этой формы права. Современное гражданское право соответствует этому требованию. Статья 5 ГК РФ содержит дефинитивную норму, в которой обычаем делового оборота признается сложившееся и широко применяемое в какой-либо области предпринимательской деятельности правило поведения, не предусмотренное законодательством, не зависимо от того, зафиксировано ли оно в каком-либо документе. В данной статье также определяются условия, при наличии которых обычай делового оборота не может применяться.

В определении правового обычая как источника права важно учитывать тот момент, что при определенных условиях на основе обычая могут быть сформулированы нормы права. В таком случае правовой обычай, выступающий в качестве самостоятельного источника права перестает существовать и видоизменяется в сторону классических норм права. Например, обычай уважения к старшим закреплен в части 3 статьи 99 Конституции Российской Федерации. В соответствии с ней «первое заседание Государственной Думы открывает старейший по возрасту депутат».

Институт омбудсмена в области защиты прав несовершеннолетних

А.К.Маилова,

За российским омбудсменом уже довольно прочно закрепилось наименование «уполномоченный по правам человека». По аналогии с ним детского омбудсмена предпочитают называть уполномоченным по правам ребенка. В России устоялось название «уполномоченный по правам ребенка», хотя предлагалось назвать рассматриваемый институт «уполномоченный по правам несовершеннолетних». Понятие «ребенок» (множественное число – «дети») уже достаточно прочно вошло в отечественный юридический лексикон. Понятие «ребенок» более емкое по своему содержанию, нежели понятие «несовершеннолетний». Если первое содержит характеристику весьма важного этапа жизни человека, то другое, прежде всего, акцентирует внимание на отсутствии у человека некоторого качества, а именно – достижения определенного возраста. Возможно, вследствие этого понятием «несовершеннолетний» оперируют главным образом уголовное право и гражданское право (в рамках соответствующего законодательства такой формальный аспект, как возраст, имеет существенное значение). В то же время конституционное право и семейное право предпочитают использовать термин «ребенок». [3. – С. 36]

На уровне субъектов Российской Федерации должности уполномоченных по правам ребенка были учреждены в конце 1990-х годов в Санкт Петербурге, Волгоградской и Новгородской областях; муниципальные уполномоченные появились в Екатеринбурге (Свердловская область) и Арзамасском районе Нижегородской области. Уполномоченные активно включились в работу и за довольно короткий срок добились определенного успеха.

Однако все они являлись исполнительными омбудсменами (хотя в Екатеринбурге Уполномоченный назначается главой города по согласованию с Думой), их появление не сняло с повестки дня задачу по учреждению института классического, парламентского омбудсмена, занимающегося проблемами прав и законных интересов детей (выше было рассмотрено соотношение исполнительных омбудсменов и парламентских омбудсменов, и здесь нет необходимости подробно останавливаться на этом). Исполнительные омбудсмены учреждались в субъектах Российской Федерации и в начале XXI в. Так, в Кемеровской области в 2001 г. был принят закон «Об уполномоченном по правам ребенка при Губернаторе Кемеровской области»[3. – С. 36]. Согласно данному закону должность уполномоченного была учреждена в составе администрации области. В 2003 г. должность уполномоченного по правам ребенка была утверждена указом Государственного Совета (коллегиального главы) Республики Дагестан [. – С. 36]. В 2004 г. постановлением губернатора Вологодской области была учреждена Служба по правам ребенка как структурное подразделение областного Правительства, которую возглавляет уполномоченный по правам ребенка (с середины 2003 г. исполнявший эти обязанности на общественных началах).

Опыт, накопленный уполномоченными по правам ребенка, действующими в рамках соответствующих региональных и муниципальных администраций, использовался в ходе введения парламентских уполномоченных по правам ребенка. Конечно, использовать в отношении муниципальных омбудсменов определение «парламентские» можно лишь с большой долей условности, ведь представительные коллегиальные органы на местном уровне не являются парламентами.

Новый этап развития в России института детского омбудсмена начался с принятия в 2001 г. в городе Москве закона «Об Уполномоченном по правам ребенка в городе Москве» (в силу указанный закон вступил с 1 января 2002 г.) [3. – С. 36] и назначения Московской городской Думой по представлению Мэра первого Уполномоченного.

В законах, например, города Москвы и Краснодарского края предусмотрен сходный порядок назначения законодательными органами уполномоченных по правам ребенка и их освобождения от обязанностей. Срок полномочий детского омбудсмена и в Москве, и в Краснодарском крае составляет 5 лет, при этом срок полномочий Московской городской Думы составляет 4 года, а Законодательного собрания Краснодарского края – 5 лет. К кандидатам, согласно указанным законам, предъявляются сходные требования, однако возрастной ценз, предусмотренный московским законом, составляет 30 лет, а предусмотренный краснодарским – 35 лет. Закон Краснодарского края обязывает кандидата на должность уполномоченного по правам ребенка, наряду с прочим, представить на пленарном заседании регионального парламента программу деятельности случае назначения кандидата краевым детским омбудсменом. Кандидатуры в Москве могут быть выдвинуты только Мэром и группами депутатов численностью не менее 5 человек; Краснодарском крае, наряду с руководителем высшего исполнительного органа и группами депутатов, не менее чем из 5 человек, правом выдвигать кандидатов обладают постоянные комитеты законодательного органа и депутатские объединения.

В ряде субъектов Российской Федерации институт детского омбудсмена введен не законом, а нормативным правовым актом органа исполнительной власти, но на основе такого акта уполномоченный по правам ребенка назначается постановлением регионального парламента.

В частности, губернатором Ивановской области в 2001 г. издан указ «Об утверждении Положения об Уполномоченном (комиссаре) по правам ребенка Ивановской области» [5. – С. 36]. В соответствии с Положением уполномоченный назначается постановлением Законодательного собрания Ивановской области. Детский омбудсмен в Ивановской области действует на основе упомянутого положения и областного закона 2004 г.

«Об областной целевой программе «Институт Уполномоченного по правам ребенка Ивановской области» на 2005–2007 годы». При этом Уполномоченным (комиссаром) Законодательное собрание Ивановской области назначило одного из своих депутатов на срок своих полномочий.

В Саратовской области должность уполномоченного по правам ребенка учреждена распоряжением губернатора Саратовской области – председателя правительства и при активном участии Уполномоченного по правам человека в Саратовской области: в штатное расписание аппарата Уполномоченного по правам человека была введена дополнительная единица. Уполномоченный по правам человека своим распоряжением и должностной инструкцией утвердил должность заместителя руководителя аппарата Уполномоченного по правам человека – Уполномоченного по правам ребенка. Таким образом, была достигнута определенная независимость данного института от администрации, но вряд ли можно считать, что в Саратовской области детский омбудсмен является самостоятельным органом. Связь Уполномоченного по правам ребенка в Саратовской области с региональным парламентом имеет в таких условиях все же опосредованный характер. [5. – С. 86]

Необходимо помнить, что омбудсмен является индивидуализированным институтом.

В этом состоит одна из его весьма важных отличительных черт. В мировой практике омбудсмены сами рассматривают каждый отдельный случай нарушения прав, а довольно немногочисленный персонал службы омбудсмена лишь помогает ему готовить вопрос к рассмотрению.

Индивидуализированный характер института омбудсмена делает его наименее бюрократизированным среди органов современного государства и обусловливает сравнительно небольшие финансовые затраты на его функционирование (впрочем, с индивидуализированным характером данного института связаны и слабые его стороны). [5. – С. 26]

Если принять во внимание обширность российской территории, становится понятно, что отработать формы и приемы защиты прав и законных интересов ребенка индивидуализированному органу, каким является уполномоченный, первоначально проще на уровне отдельных субъектов Российской Федерации и муниципальных образований. А уже затем накопленный опыт может помочь при создании эффективно действующего федерального омбудсмена по защите прав детей, если в этом возникнет необходимость. Собственно, и в становлении федерального Уполномоченного по правам человека определенную роль сыграло появление вначале (даже до окончательного утверждения Федерального конституционного закона) таких уполномоченных в некоторых субъектах Российской Федерации. Модель института уполномоченного по правам ребенка, как показал опыт, вполне удачно опробована на уровне субъектов Российской Федерации и даже на муниципальном уровне (сегодня уполномоченные по правам ребенка действуют в Арзамасском районе Нижегородской области, в городах Волжском и Камышине Волгоградской области).

Введение федерального уполномоченного по правам ребенка также выглядит вполне целесообразным, поскольку защищать права и законные интересы детей, нарушенные в результате действий или бездействия федеральных административных органов и должностных лиц, сможет только уполномоченный федерального уровня, хотя на протяжении какого-то времени такими вопросами может заниматься и Уполномоченный по правам человека в Российской Федерации при наличии в его аппарате специального подразделения по правам детей. [4. – С. 67.]

По мнению автора данной работы, отсутствие в Конституции Российской Федерации непосредственного упоминания об уполномоченном по правам ребенка не может служить основанием для отказа от учреждения данного института. Во-первых, статья 2 Конституции Российской Федерации [6] устанавливает, что «человек, его права и свободы являются высшей ценностью», причем «признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина – обязанность государства».

Ввиду этого введение государственного института, нацеленного на реализацию указанного конституционного принципа, если при этом не нарушаются другие конституционные принципы (разделение власти, территориальная целостность, суверенитет, федерализм и т.д.), не только допустимо, но и необходимо. Во-вторых, уже имеются примеры учреждения новых государственных органов, не упомянутых в Конституции (например, Государственный Совет, в который входят главы исполнительных органов власти субъектов Российской Федерации), и это никоим образом не подорвало российскую государственность и не принизило значимость Основного Закона. [6]

Весьма важным представляется окончательное утверждение уполномоченных по правам ребенка на любом уровне в результате принятия соответствующего закона. Именно закон обладает наибольшей юридической силой после Конституции и международных договоров. Процедура принятия закона – гласная, достаточно длительная, она предусматривает участие различных государственных органов и общественности в обсуждении и внесении разнообразных предложений. Закон способен обеспечить длительное и устойчивое функционирование любого института. Принятие исполнительными органами временных актов оправданно лишь на стадии пилотных проектов, когда институт проходит «экспериментальную обкатку».

Итак, введение должности уполномоченного по правам ребенка (детского омбудсмена) представляется весьма насущной задачей, для решения которой необходимо подготовить соответствующую законодательную базу. Процесс введения рассматриваемого института далеко не во всех субъектах Российской Федерации идет одинаковыми темпами, причем он опирается на разную нормативную правовую базу. Вместе с тем накопленного опыта уже вполне достаточно для его обобщения и выработки основных направлений развития института детского омбудсмена. Сами уполномоченные по правам ребенка, что примечательно, наладили между собой взаимодействие и стремятся координировать свою работу, о чем свидетельствует, в частности, заключенное в 2005 г. Соглашение о сотрудничестве и взаимодействии уполномоченных по правам ребенка в субъектах Российской Федерации. Развивается также взаимодействие уполномоченных по правам человека и уполномоченных по правам ребенка.

Проблеме защиты детей от насилия, жестокого обращения и неразумного поведения взрослых, негативных социальных явления и многих других факторов особое внимание уделяется не только на территории РФ, но и на международном уровне. Что касается РФ, необходимо отметить, что обеспечение соблюдения прав и свобод несовершеннолетних является одним из приоритетных направлений государственной политики. Соответственно, это предполагает признание за детьми всего объема личных, социально-экономических и политических прав и свобод, которые закреплены в Конституции РФ, международных договорах и иных нормативных актах.

Важно подчеркнуть, что институт детского омбудсмена создан как составная часть единообразной системы государственной защиты прав ребенка. Говоря о нашей стране, институт Уполномоченного по правам ребенка существует не так давно. Указом президента Российской Федерации от 1 сентября 2009 года № 986 «Об Уполномоченном при президенте Российской Федерации по правам ребёнка» в Российской федерации был введен институт Уполномоченного по правам ребенка. Самым важным шагом в развитии данного института стало принятие Федерального Закона «Об Уполномоченных по правам ребенка в Российской Федерации» от 27 декабря 2018г. №501-ФЗ. В связи с этим данный вопрос является актуальным на сегодняшний момент, в частности, в нашей стране. Согласно мнению Т.Н. Москальковой, принятие закона имеет большое значение, поскольку он признан урегулировать деятельность уполномоченных по правам человека и в субъектах Российской Федерации.

Специфичность деятельности омбудсмена обусловлена особенностями правового статуса, согласно которому он выполняет возложенные на него функции по защите прав и свобод несовершеннолетних. Ко всему, их деятельность дополняют работу таких государственных органов, как прокуратура, полиция, органы опеки и попечительства. Но всем этим, деятельность уполномоченного не ограничена, реализуя свои полномочия он не является зависимым от органов и должностных лиц государственной власти.

В среднем Уполномоченному по правам ребенка в РФ поступает около 30 тысяч обращений, как письменно, так и в электронном формате, в том числе через социальные сети. Согласно ФЗ «Об Уполномоченных по правам ребенка в Российской Федерации» Уполномоченный наделяется следующими правами для осуществления своей деятельности:

1) запрашивать и получать от государственных органов, органов местного самоуправления и должностных лиц необходимые сведения, документы и материалы;

2) беспрепятственно по предъявлении служебного удостоверения посещать федеральные органы государственной власти, органы государственной власти субъектов Российской Федерации, органы местного самоуправления, образовательные и медицинские организации, организации, оказывающие социальные и иные услуги детям и семьям, имеющим детей;

3) без специального разрешения посещать учреждения, исполняющие наказания, и следственные изоляторы, в которых содержатся несовершеннолетние, беременные женщины и женщины, дети которых находятся в домах ребенка исправительных учреждений;

4) привлекать для выполнения экспертных и научно-аналитических работ в области защиты прав и законных интересов детей научные и иные организации, а также ученых и специалистов, в том числе на договорной основе.

С принятием ФЗ «Об Уполномоченных по правам ребёнка в РФ» были внесены дополнительные права (полномочия) в общую компетенцию» детского» Уполномоченного.

Среди них права:

1) подавать иски в суд о признании незаконными действий государственных органов в отношении детей. При этом он освобождается от уплаты госпошлины при обращении в суд с любыми исками, касающимися защиты несовершеннолетних;

2) по своей инициативе участвовать в судебном разбирательстве по гражданскому делу, касающемуся интересов детей;

3) вправе отказаться от дачи свидетельских показаний в отношении сведений, ставших ему известными в связи с выполнением своих обязанностей.

Подводя итог вышеизложенному, мы приходим к выводу что институт, гарантирующий защиту прав и свобод ребенка в РФ, ещё достаточно молодой, но он набирает обороты и активно происходит его развитие, увеличивая количество рассматриваемых обращений.

Уполномоченный по правам ребенка в Российской Федерации является особым элементом в механизме защиты прав и законных интересов несовершеннолетних, его становление и развитие – важный этап в эволюции демократических основ нашей страны.

Список литературы:

1. Указ Президента Российской Федерации от 1 сентября 2009 года № 986 «Об Уполномоченном при Президенте Российской Федерации по правам ребёнка»
2. Федеральный закон «Об уполномоченных по правам ребенка в Российской Федерации» от 27.12.2018 N 501-ФЗ (последняя редакция)
3. Бегаева А.А. Уполномоченный по правам человека в Российской Федерации. – М., 2016.
4. Зельгин С.Г. Права ребенка в Российской Федерации и формы их защиты: Учеб. пособие. – М. 2017г
5. Комбаров И.В. Правовой статус уполномоченного по правам ребенка в субъектах Российской Федерации (сравнительно-правовой анализ) www.consultant.ru – Общероссийская сеть распространения правовой информации (Консультант-Плюс);

«Возмездное оказание услуг» – достижение российской цивилистической мысли

Я.М. оглы Махаев

Рынок услуг в России – это один из динамично развивающихся секторов экономики. Однако правовое регулирование данной сферы, по мнению многих ученых и юристов-практиков, нуждается в совершенствовании. При этом, мнения о путях и способах высказываются прямо противоположные. Научный анализ имеющихся концепций и взглядов показал, что изначально нет единства взглядов на корневое понятие «услуга», которое в российском законодательстве имеет довольно размытые границы, а учеными практиками толкуется по-разному и обладает множеством смысловых оттенков. В связи с этим целесообразно обратиться к понятию услуги как предмету указанного вида договора.

Следует подчеркнуть, что выделение услуги в качестве самостоятельного объекта гражданских прав обусловлено специфическими признаками, формирующими понятие услуги, на которые обратили внимание еще юристы древнего мира. Так, в римском праве обязательство об оказании услуг именовалось location-conductio operanum и делилось на предоставление за плату физического труда и предоставление за плату духовной деятельности. В российской дореволюционной цивилистике выделение обязательств об оказании услуг по общему правилу не проводилось. Однако отдельные ученые все же придерживались позиции, что договоры об оказании услуг имеют право на существование. К примеру, виднейший юрист XIX в. Г.В.Шершеневич, давая классификацию договоров по их цели, выделял договоры о предоставлении пользования чужими услугами. К ним относил личный наем, возмездное оказание услуг, перевозку, доверенность, комиссию, поклажу, товарищество.[1]

Основываясь на материальном характере услуги, Е.Д.Шешенин сделал вывод, что предметом подрядных договоров являются результаты, воплощающиеся в товарах (вещах), а предметом договора, порождающих обязательства по оказанию услуг, – результаты деятельности, не существующие отдельно от исполнителей и не являющиеся вещами[2]. Согласно другому мнению, в любом возмездном договоре можно усматривать услугу одного контрагента и вознаграждение за нее со стороны другого[3]. М.И.Брагинский предложил классификацию на договоры по производству работ и договоры услуг, относя к последнему виду поставки, снабжение энергией и газом и т.д.[4]

С принятием части первой ГК РФ проявилась новая позиция законодателя о правовом регулировании такого юридического феномена, как услуга и соответственно ей регулирование отношений возмездного оказания услуг. Категория услуг получила правовое подтверждение в ст. 1, 2, 107, 128, 132, 138, 167, 397, 424, 426 ГК РФ. Основополагающей в данном ряду правовых норм следует признать ст. 128 ГК РФ, выделившую услугу в качестве объекта гражданских прав. Исходя из того, что законодатель в одном ряду объектов перечисляет вещи, включаю деньги и ценные бумаги, иное имущество, в том числе имущественные права; работы и услуги; информацию; результаты интеллектуальной деятельности, в том числе исключительные права на них (интеллектуальная собственность); нематериальные блага, а также лексического толкования статьи можно прийти к выводу, что услуги образуют самостоятельную группу объектов гражданских прав наравне с имуществом, работами, информацией, нематериальными благами.

С введением в действие части второй ГК РФ услуга получила свое дальнейшее законодательное регулирование в главе 39 ГК РФ «Возмездное оказание услуг», содержание которой следует признать достижением российской цивилистической мысли. Само по себе признание услуги в качестве самостоятельного объекта гражданских прав следует считать позитивным, хотя вопросов осталось много, поскольку в ГК РФ определение услуги отсутствует, а содержащиеся в ряде принятых позже законодательных актов легальные разъяснения соответствующей правовой категории, как справедливо отмечает М.И.Брагинский, существенно различаются между собой.[5]

РРезультатом оказания услуг брокера, коммерческого представителя, патентного поверенного, агента, адвоката могут быть вполне овеществленные, материальные предметы (ценные бумаги, патенты, объекты недвижимости), отделимые от услугодателей и существующие в качестве самостоятельных объектов гражданских прав. Поэтому признак материальности и отделимости результата работы исполнителя, присущий как подряду, так и некоторым отношениям по оказанию услуг, не является, по мнению А. Ю. Кабалкина универсальным для отграничения этих правовых типов.[6]

В ст. 779 ГК РФ словосочетание «оказание услуг» раскрывается как совершение определенных действий или осуществление определенной деятельности. Кроме того, в п. 2 данной статьи содержится открытый перечень услуг, подпадающих под действие гл. 39 ГК РФ: услуги связи, медицинские, ветеринарные, аудиторские, консультационные, информационные услуги, услуги по обучению, туристическому обслуживанию.

Использование в качестве ключевого признака услуг отсутствие овеществленного результата подвергается в правовой литературе и справедливой критике, которая основана на анализе п. 2 ст. 779 ГК

---

[1] Шершеневич Г.Ф. Учебник Русского гражданского права (по изданию 1907 г.) М. 2007. С. 316

[2] Шаблова Е. Г. Гражданско-правовое регулирование отношений возмездного оказания услуг. Екатеринбург. 2007. С. 21.

[3] Куник Я. А. Кредитные и расчетные отношения в торговле. М. 2008. С. 14.

[4] Брагинский М. И., Витрянский В. В. Договорное право. Книга третья. М. 2007. С. 897.

[5] Брагинский М. И. Договор подряда и подобные ему договоры. М. 2008. С. 226-227.

[6] Кабалкин А. Ю. Возмездное оказание услуг // Гражданское право. Учебник. Часть 2 / Под ред. А. Г. Калпина. М. 2008. С. 183.

РФ. А.Ю.Кабалкин отмечает, что «многие договоры оказания услуг связи заключаются по поводу отправления писем, бандеролей, посылок. Одним из условий договора туристического обслуживания чаще всего является предоставление определенных транспортных средств. Число таких примеров можно увеличивать за счет иных отношений, например таких, как оказание медицинских услуг по различным видам протезирования»[1]. Т. Л. Левшина также допускает возможность наличия у некоторых видов услуг материального результата. «Более того, – пишет она, – в рамках одного вида услуги осуществление деятельности или действий может иметь материальный результат, а может и не иметь. Так, медицинские услуги по оказанию стоматологической помощи могут иметь такой результат, а терапевтическое лечение – нет».

Следовательно, устоявшееся представление об услугах как деятельности, не имеющей овеществленного результата, не в полной мере соответствует действующему законодательству, что ставит исследователей перед необходимостью искать новые подходы к выявлению сущности услуг как объекта обязательства по оказанию услуг.

Т.Л.Левшина предлагает рассматривать услугу как совокупность деятельности и результата: «результату предшествует совершение действий, не имеющих материального воплощения и составляющих вместе с ним единое целое. Поэтому при оказании услуги «продается» не сам результат, а действия к нему приведшие»[2]. На неотделимость результата указывает и Ю. В. Романец: «Особенностью услуг, отличающей их от подряда, является то, что работа, выполняемая по договору возмездного оказания услуг, направлена на достижение результата, который неотделим от процесса работы»[3].

О.М.Щуковская определяет услугу как «вид блага, служащий средством удовлетворения потребностей за счет осуществления деятельности (посредством совершения действий) одним субъектом, в полезных свойствах которой и состоит субъективный интерес другого субъекта и на которую у последнего возникает право требования»[4]. Отнесение услуг к разряду благ не вызывает возражений, а вот указание на то, что оно служит средством удовлетворения потребностей излишне. В философии под благом понимают «предмет или явление, удовлетворяющие определенную человеческую потребность»[5], следовательно, удовлетворение потребности является свойством любого блага. Из приведенного определения можно сделать вывод, что автор рассматривает услугу исключительно как деятельность, не принимая во внимание ее результаты (материальные или нематериальные). В отношении ряда услуг можно утверждать, что субъективный интерес кредитора состоит не столько в полезных свойствах самой деятельности, сколько в ее результате. Например, заказчик при оказании ему аудиторских услуг заинтересован, прежде всего, в получении аудиторского заключения.

Так как содержание любого понятия составляет совокупность существенных признаков, выявление признаков услуг представляется чрезвычайно важной задачей. Именно по этому пути пошел Д. И. Степанов, выделив следующие признаки услуги:

– совокупность действий, последовательно сменяющих или дополняющих друг друга, составляет поведенческую характеристику услуги;

– услуга не имеет вещественного результата, как операция обладает свойством неосязаемости;

– трудность обособления и неотделимость от источника;

– услуга, оказываемая конкретным человеком или сообществом, индивидуализируется, становится в известной мере уникальной, эксклюзивной, хотя и продолжает относится к конкретному виду деятельности;

– моментальная потребляемость услуги, то есть свойство синхронности оказания и получения услуги;

– неустойчивость качества услуг[6].

Однако указанные признаки присущи услуге, прежде всего как экономической категории. Они и были сформулированы первоначально учеными-маркетологами. Использование данных признаков для характеристики услуги как гражданско-правовой категории представляется целесообразным только в том случае, если они порождают те или иные юридические последствия, присущие исключительно услуге.

Тем не менее, Д. И. Степанов исходя из выделенных признаков сформулировал следующее определение услуг: «Услуги – разновидность объектов гражданских правоотношений, выражающихся в виде определенной правомерной операции, то есть в виде ряда целесообразных действий исполнителя либо в деятельности, являющейся объектом обязательства, имеющей нематериальный эффект, неустойчивый вещественный результат либо овеществленный результат, связанный с другими договорными отношениями, и характеризующийся свойствами осуществимости, неотделимости от источника, моментальной потребляемости, неформализованности качества»[7].

Последовательное применение Д. И. Степановым указанного критерия заставляет его прибегать и к иным оговоркам.

---

[1] Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации, части второй / Под ред. Т.Е.Абовой и А.Ю.Кабалкина. М., 2008. С. 452.

[2] Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации, части второй (постатейный) / Отв. ред. О. Н. Садиков. М., 2009. С. 344.

[3] Романец Ю. В. Система договоров в гражданском праве России. М. 2006. С. 369.

[4] Щуковская О. М. Правовое регулирование деятельности по оказанию правовых услуг. СПб. 2007. С. 16.

[5] Философский словарь / Под ред. О. Е. Грицанова. М., 2009. С. 46.

[6] Степанов Д. И. Услуги как объект гражданских прав. М. 2008. С. 16-17.

[7] Там же. С. 190.

В частности, выделяя услуги-полуработы или «так называемые услуги», имеющие неустойчивый вещественный результат, он вынужден признать, что для них «является типичным отсутствие признака неосязаемости, а в некоторых случаях – моментальной потребляемости», хотя последний признак включен в понятие услуги в качестве универсального.

Услуги салонов красоты, парикмахерских, услуги по заморозке он также вынужден признать случайными исключениями и казуистикой[1].

Сложности, возникающие при применении данного критерия для разграничения работ и услуг, свидетельствуют о его недостаточной эффективности.

Таким образом, в цивилистической литературе не только не сформировалось единого общепризнанного понятия услуг, но и не была предложена такая концепция услуг, которая позволила бы раскрыть сущность данной гражданско-правовой категории и отграничить ее от иных правовых явлений, прежде всего, от работ.

Представляется, что сложность разработки понятия «услуги» заключается, в первую очередь, в отсутствии единого понимания экономической сущности данного явления.

Следовательно, вряд ли возможно выработать некое единое понятие, охватывающее оба этих значения услуг. Именно этим могут объясняться неудачи цивилистов при формировании понятия «услуги» как гражданско-правовой категории. Поэтому целесообразно разграничить правовые понятия услуг исходя из их экономического содержания.

Услуги как вид деятельности представляет собой группу общественных отношений, складывающихся в процессе удовлетворения потребностей участников имущественного оборота. Общественные отношения определенного вида в теории права, в том числе и гражданского, рассматриваются в качестве объекта правового регулирования. Соответственно, услуги как вид деятельности являются объектом правового регулирования.

Вина, как внутреннее психическое отношение к общественно опасному деянию

А.М. кызы Махмудова

Проблема выделения стадий совершения преступления и их видов актуальна и относится к числу важных проблем уголовного права. Осуществление задач уголовного законодательства в соответствии с принципами уголовного права предполагает точное определение круга преступных деяний, применение наказания только к лицам, виновным, в совершении преступлений, и назначение наказания в зависимости от характера и степени реализации преступного умысла. Решение этих задач требует рассмотрения и разрешения ряда вопросов, связанных с неоконченной преступной деятельностью, проявляющихся в таких ее стадиях, как приготовление к преступлению, покушение на преступление.

В действующем уголовном законе выделяются стадии совершения преступления, под которыми понимаются различные этапы в развитии умышленного преступления, осуществляемого виновным лицом и прерванного по причинам, не зависящим от его воли. Умышленная преступная деятельность включает в себя осознанную, целенаправленную деятельность лица, которая складывается из различных этапов. Осуществляя задуманное, виновный совершает определенные приготовительные действия, а затем совершает деяние, достигая при этом поставленной цели.

Таким образом, тема данного исследования является достаточно актуальной, поскольку общественную опасность как основной признак преступления могут представлять не только оконченное преступление, но и действия, предшествующие его завершению. При этом либо возникает угроза причинения вреда охраняемым законом общественным отношениям (правам и свободам человека и гражданина, собственности, общественному порядку и безопасности, а также другим интересам общества и государства), либо им причиняется частичный вред.

Этим объясняется необходимость дальнейшего исследования сущности, признаков, видов стадий совершения преступления, а также практики применения соответствующих норм.

Проблемами приготовления и покушения на преступление занимались А.П. Куницын, Н.А. Неклюдов, А.Н. Орлов. – С. В. Познышев, А.А. Чебышев-Дмитриев, Н.С. Таганцев и другие. [2] Они наметили подходы к определению понятия и признаков незавершенной преступной деятельности и ее законодательной регламентации. В дальнейшем, данные понятия разрабатывали А.В. Галахова, А.А. Герцензон, Н.Д. Дурманов, В.Д. Иванов, А.П. Козлов, Л.М. Колодкин, Н.Ф. Кузнецова, В.В. Мальцев, А.В. Наумов, П.Н. Панченко, К.А. Панько, А.А. Пионтковский, Э.Ф. Побегайло и другие.

Преступное поведение, по своему содержанию отличается от не преступного. Цели, мотивы, принятие решения направлены на совершение общественно опасного деяния. Они формируют вину – умысел либо неосторожность, как внутреннее психическое отношение к общественно опасному деянию. В умышленных преступлениях появление намерения совершить преступление именуется формированием умысла. Обычно на этой стадии и начинаются приготовительные действия к совершению преступления. В соответствии с ч. 1. ст. 30 УК РФ приготовлением к преступлению признаются приискание, изготовление

---

[1] Степанов Д. И. Услуги как объект гражданских прав. М. 2008. С. 205.

[2] Уголовное право. Общая часть: учебник / отв. ред. И. Я. Козаченко. М., 2012; Уголовное право. Общая часть: Учебник // Под ред. А.И. Рарога. М., 2011. Иванов В.Д. Уголовное право: общая часть. Для студентов вузов. М., 2012; Иногамова-Хегай Л.В. Российское уголовное право. Учебник. В 2-х томах. Том 1: Общая часть. М., 2012.

или приспособление лицом средств или орудий совершения преступления, приискание соучастников преступления, сговор на совершение преступления либо иное умышленное создание условий для совершения преступления, если при этом преступление не было доведено до конца по не зависящим от этого лица обстоятельствам[1].

При исследовании проблемы стадий совершения преступления возникают серьезные трудности. В уголовно-правовой литературе отсутствует единство взглядов по многим вопросам, в том числе о содержании понятия стадий, об их количестве и видах. В научных трудах нередко употребляются термины, имеющие неоднозначное толкование, которые следует понимать то в широком, то в узком смысле. Часто авторы ничем не аргументируют свои выводы.

Большинство ученых, анализируя содержание ст. 29 и 30 УК РФ, традиционно выделяют три стадии совершения преступления: а) приготовление к преступлению; б) покушение на преступление; в) оконченное преступление.

Процесс совершения преступления, который протекает во времени и пространстве, безусловно, есть явление в объективной действительности. Он представляет собой сложную психическую и физическую деятельность лица, которая проходит (или может проходить) в своем развитии определенные этапы.

Однако науке уголовного права известны и другие взгляды на проблему стадий совершения преступления. Авторы не ограничиваются толкованием содержания уголовно-правовых норм, а предлагают более широкий объем этого понятия. Понятие стадий развития преступления возникло в российской науке уголовного права еще в XIX в., и традиционно включало пять их видов: а) возникновение умысла; б) обнаружение умысла; в) приготовление к преступлению; г) покушение на преступление; д) оконченное преступление.

В российской уголовно-правовой доктрине приготовление признавалось деянием, влекущим уголовную ответственность. Так, Н.С. Таганцев считал приготовлением «действия, когда виновный запасается известными средствами для выполнения задуманного, собирает необходимые для него сведения, ставит себя в такое положение, при котором появляется возможность действовать, и т.д. Случаи этого рода, во-первых, весьма нередко встречаются в судебной практике, а во-вторых, они иногда могут представлять весьма серьезную опасность для правоохранных интересов»[2].

Данная тенденция была продолжена некоторыми учеными в советский период. Так, профессор А. А. Герцезон с небольшими уточнениями называет тот же «набор» стадий: а) возникновение умысла (намерения); б) подготовка преступления; в) само преступное деяние; г) преступный результат.

Критерием такого разграничения, по его мнению, выступает степень осуществления преступного намерения. Несколько позднее профессор, учитывая практическое значение разграничения стадий, признает критерием разделения близость наступления общественно опасных последствий и предлагает несколько иную схему классификации, исключив преступный результат как самостоятельную стадию, «само преступное деяние» заменив термином «покушение» и признав обнаружение умысла отдельным элементом, т. е. повторил научную мысль русских ученых. Однако следует отметить ограничения, установленные А. А. Герцезоном, для применения данной схемы. Он полагает, что стадии совершения преступления присущи лишь умышленным деяниям с материальными составами, с чем, конечно, нельзя согласиться.

Профессор Н. Д. Дурманов отмечал, что термин «стадии совершения преступления» имеет двоякое значение и используется для: 1) установления этапов, которые проходят оконченные преступления; 2) определения особенностей привлечения к ответственности за преступное деяние в зависимости от этапа, на котором было прекращено совершение преступления[3].

Данная позиция была поддержана Н. Ф. Кузнецовой, которая четко разграничила понятия стадий, выделив стадии совершения преступления и виды неоконченной преступной деятельности, и предложила другие наименования для определения стадий в первом значении: 1) формирование умысла (намерения совершить преступление); 2) подготовительные действия; 3) исполнение преступления (что, по ее мнению, соответствует покушению. 4) наступление общественно опасных последствий (соответствует стадии оконченного преступления.

Что касается понятия стадий во втором значении, то уточнение выразилось во введении признака прерванности. Приготовление, по ее мнению, – это прерванные подготовительные действия, а покушение – прерванное исполнение состава преступления. Формирование умысла во втором случае находится за рамками уголовно-правовых отношений. Оконченное преступление связано с наступлением общественно опасных последствий[4].

В принципе, почти все рассуждения Н. Ф. Кузнецовой представляются правильными, однако попытка ввести новые наименования стадий совершения преступлений не выглядит убедительной. Данные предложения больше походят на элементарные пояснения терминологии, используемой в законе: например, приготовление – это приготовительные действия.

---

[1] «Уголовный кодекс Российской Федерации» от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 03.02.2014). http://base.consultant.ru/cons/cgi/.12.03.2014.

[2] Лебедев В.М. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. Гриф Верховного Суда. М., 2013. http://www.vuzlib.org/books/2331. Дата обращения 12.03.2014.

[3] Ермакова Л.Д. // Уголовный процесс. – №9 сентябрь 2005 г. http://www.ugpr.ru/arhiv/.12.03.2014.

[4] Там же.

Гораздо убедительнее выглядит признак прерванности как критерий разграничения двух понятий. «Прерванные этапы совершения преступления, – пишет Н. Ф. Кузнецова, – не могут по своей сути вести к оконченному преступлению. Стадии же, как этапы совершения преступления, исключают их прерванность». Данную точку зрения разделяет М. П. Редин. Упоминают о двойном подходе к изучению стадий совершения преступлений и другие авторы, но раскрывают понятие стадий только в рамках уголовно-правового института, считая приготовление, покушение и оконченное преступление уголовно-наказуемыми стадиями.

Закон раскрывает содержание понятий приготовления к преступлению и покушения на него. Однако имеющиеся определения не отражают сущности какого-либо иного явления, а характеризуют в законодательной форме две стадии, выделенные из процесса совершения преступления, как наиболее опасные для общества, если задуманное преступление не удалось довести до конца. На взгляд автора, совершенно очевидна неразрывная связь двух понятий: стадий совершения оконченного преступления (понятия стадий в первом значении) и стадий неоконченного преступления (понятия стадий во втором значении).

По мнению профессора А. П. Козлова, в ст. 29 и 30 УК РФ речь идет не о стадиях, а о видах неоконченного преступления[1]. «Покушением признается пресеченное виновное исполнение преступления от его начала до частичного наступления результата включительно»[2]. Такая подмена понятий не выглядит логичной и убедительной. В самом деле, почему при оконченном преступлении наказуемым является весь процесс совершения преступления (при этом каждая предыдущая стадия поглощается последующей, и все они охватываются последней – стадией оконченного преступления; в некоторых же случаях стадия приготовления даже может быть признана самостоятельным преступлением, наказание за которое назначается по совокупности преступлений), а при неоконченном преступлении наказуемыми будут не те этапы, на которых преступление прервано, а что-то иное. Если исходить из того, что приготовление и покушение, о которых говорится в ст. 29 УК РФ, не являются частью процесса развития преступления, то совершенно очевидно, что они не могут быть стадиями этого процесса. Поэтому авторы и прибегают к другим наименованиям стадий преступления в первом значении, чтобы подчеркнуть самостоятельность этого явления.

Первой стадией совершения оконченного преступления следует признать возникновение умысла (или намерения, как пишут некоторые авторы). Рассматривая преступление как разновидность поведения человека с присущими ей психофизическими свойствами, профессор Н. Ф. Кузнецова констатирует, что физической активности в виде действия или воздержания от него «всегда предшествует процесс мотивации, определение цели (целеполагания) и принятие решения… Именно с появления намерения совершить преступление начинается антиобщественное поведение лица, возникает так называемый «голый умысел».

Формирование умысла признает первым этапом антиобщественного поведения лица профессор Б. В. Яцеленко. «Выполнению объективной стороны преступления, – пишет он, – предшествует сознательно волевой процесс моделирования лицом будущего преступного поведения, который именуется формированием умысла».

Поскольку речь идет об умышленном преступлении, т. е. о целенаправленной деятельности человека, совершенно очевидно, что такая деятельность немыслима без зарождения самой идеи, намерения совершить преступление, которое может включать в себя не только постановку цели, но и определение средств ее достижения, выбор способов совершения и сокрытия преступления.

Как видно из материалов следующего уголовного дела, рассмотренного Верховным Судом РД, Мусагаджиев Г.М. принимал участие в устойчивой вооруженной группе (банде) и совершаемых ею нападениях. Им также был совершен разбой, то есть нападение в целях хищения чужого имущества, организованной группой, с применением оружия, насилия и с угрозой применения насилия, в особо крупном размере при следующих обстоятельствах: в конце мая 2012 года Мусагаджиев Г.М. под воздействием уговоров к совершению открытого хищения чужого имущества, вступил в устойчивую, вооруженную группу (банду), в целях нападения на граждан и совершения преступлений на территории Республики Дагестан. Действуя согласованно, заранее распределив роли каждого, лица из банды разрабатывали планы совершения разбоев в отношении жителей, занимающихся перевозкой крупных денежных сумм наличными от Российско-Азербайджанской границы в г. Махачкалу, направленные на нападение в целях хищения их денежных средств, неправомерного завладения их автомобилями. Для осуществления запланированных разбоев, лица, состоящие в банде, разрабатывали преступный план, распределив роли, вместе с лицами привлекли необходимое количество сил и средств, а именно автомашины ВАЗ-21713 «Приора» черного цвета, ВАЗ-2114 серебристого цвета, камуфлированную одежду и форму сотрудников ДПС МВД РФ, матерчатые маски с прорезями для глаз, огнестрельное оружие – автоматы Калашникова, пистолеты неустановленного образца, боеприпасы к ним, которые хранили в неустановленных в ходе предварительного следствия местах или в местах своего проживания и в других съемных квартирах, неустановленных в ходе предварительного следствия.

Таким образом, были совершены все подготовительные действия, выразившиеся в приготовлении к преступлению, то есть приискание, изготовление или приспособление лицом средств или орудий

[1] Козлов А. П. Учение о стадиях совершения преступлений.- СПб.: Юридический центр пресс, 2002. – С.78.
[2] Там же. – С. 279.

совершения преступления, приискание соучастников преступления, сговор на совершение преступления либо иное умышленное создание условий для совершения преступления[1].

Второе понятие стадий содержится в ст. 29 и 30 УК РФ (хотя без употребления этого термина). Приготовление и покушение как имеющие значительную общественную опасность и наиболее приближенные (в отличие от возникновения умысла и его обнаружения) к стадии оконченного преступления, определяются законом в качестве наказуемых стадий неоконченного преступления. Это понятие необходимо судам для правильной квалификации деяния, если нет признаков оконченного преступления, а противоправная деятельность была прервана по причинам, не зависящим от виновного. Поэтому использование термина «стадии совершения преступления» применительно к анализу содержания ст. 29 и 30 УК РФ представляется вполне обоснованным и правильным.

Выполнение требования закона о всестороннем, полном и объективном исследовании судом всех обстоятельств дела (ст. 73 УПК РФ) [2] включает установление не только признаков оконченного преступления, но и предварительной преступной деятельности, а также точное определение вида стадий неоконченного преступления, что будет способствовать реализации конституционного принципа законности и соблюдению прав и свобод человека и гражданина.

В действительности формирование умысла (злоумышление), не может быть предметом уголовно-правовых отношений. Общепризнанный принцип уголовного права гласит: «мысли ненаказуемы». Безнаказанность формирования умысла проистекает из международного и конституционного права свободы мыслей и убеждений. По тем же основаниям не имеет уголовно-правового значения обнаружение умысла в словах, письменно. В самом по себе обнаружении умысла не содержится никакой общественной опасности. Часто такое обнаружение даже мешает исполнению задуманного, ибо намерение «злоумышленника» становится достоянием третьих лиц.

Обнаружение умысла нельзя отождествлять с преступлениями типа «призывов», «пропаганды», клеветы. Каждое из этих преступлений посягает на свой объект – мир и безопасность человечества, конституционный строй, честь и достоинство личности. Если обнаружение умысла никакого ущерба правоохраняемым интересам не причиняет, то в случае с приведенными преступлениями такой ущерб налицо.

Таким образом, изложенное нами позволяет нам сделать ряд заключений: а) сформирование умысла на совершение преступления находится вне пределов уголовно-правовых отношений; б) обнаружение умысла не является стадией совершения преступления; в) обнаружение умысла нельзя смешивать с угрозой совершения преступления, подстрекательством к совершению преступления или призывами и иными «словесными» преступлениями, предусмотренными в уголовном законе.

Итак, стадии совершения преступления – это существенно различающиеся между собой этапы осуществления преступления, движимого прямым умыслом. Значение стадий совершения преступления заключается в квалификации преступления и определении его степени общественной опасности. Естественно, при этом учитывается выяснение того обстоятельства, покушением на какое преступление по степени тяжести, является то или иное деяния, поскольку от этого зависит назначение справедливого наказания.

Проблемы исполнения решений Конституционного Суда РФ

П.А.Махмудов
Р.Н.Пирова

Обсудив проблемы исполнения федеральными органами государственной власти и органами государственной власти субъектов Российской Федерации решений Конституционного Суда Российской Федерации и конституционных (уставных) судов Российской Федерации, можно отметить, что конституционное правосудие является важнейшим элементом государственного механизма и выполняют одну из главных государственных задач: обеспечение верховенства и прямого действия Конституции РФ путем судебного конституционного контроля [1. – С. 11].

Конституционный Суд РФ, как подтверждает практика, своими решениями способствует упрочению в стране конституционного строя, политической стабильности, реализации принципа разделения властей, укреплению федерализма и местного самоуправления, защите конституционных прав и свобод человека и гражданина. Решения Конституционного Суда РФ дают толкование нормам Конституции, выявляют конституционно-правовой смысл положений действующего законодательства.

Решения Конституционного Суда России применяются непосредственно и нередко являются основанием для принятия федеральных законов и указов Президента, обоснований вето Президента. Ссылки на постановления Конституционного Суда РФ содержатся в постановлениях пленумов Верховного Суда РФ и Высшего Арбитражного Суда РФ. Суды применяют их непосредственно при рассмотрении конкретных дел. Правоприменительная практика федеральных органов исполнительной власти также использует этот источник.

Правовые позиции Конституционного Суда РФ применяются и в постановлениях конституционных (уставных) судов субъектов Федерации. Прокуроры этих субъектов и федеральных округов, добиваясь

---

[1] Дело № 2-69/2013. Архив Верховного Суда РД.

[2] «Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» от 18.12.2001 N 174-ФЗ (ред. от 03.02.2014) (с изм. и доп., вступ. в силу с 15.02.2014). http://base.consultant.ru/cons/cgi/o (дата обращения 20.03. 2014).

приведения регионального законодательства в соответствие с федеральным, в протестах и заявлениях в качестве обоснования приводят и решения Конституционного Суда России. [2. – С. 48].

Одной из форм исполнения постановлений Конституционного Суда РФ фактически стала практика вынесения им определений о распространении прежних правовых позиций на аналогичные ситуации, повторяемые в других законах и иных нормативных актах.

Вместе с тем при высоком профессиональном уровне деятельности и авторитете Конституционного Суда РФ в осуществлении его функций «слабым» местом остается исполнение его решений. До сих пор по информации Генеральной прокуратуры России не приведены в соответствие с постановлениями Конституционного Суда РФ, а, следовательно, с Конституцией РФ конституции и уставы 25 субъектов Федерации и более 700 других региональных нормативных актов, конституционность которых поставлена под сомнение в результате прокурорского реагирования. Палатами Федерального Собрания РФ не реализованы рекомендации, содержащиеся в ряде постановлений Конституционного Суда.

Имеются факты, когда при признанных неконституционными положениях федеральных законов продолжают действовать основанные на них подзаконные нормативные акты. Имеются попытки и прямого игнорирования актов Конституционного Суда РФ, волокиты с их опубликованием в официальных изданиях субъектов Федерации. Недостаточна роль Правительства РФ, министерств и ведомств в обеспечении эффективного исполнения решений Конституционного Суда РФ федеральными органами исполнительной власти. [3. – С. 34].

Некоторые из названных недостатков исполнения актов конституционного правосудия свойственны и итоговым решениям конституционных судов субъектов Федерации.

Здесь имеются факты неисполнения постановлений Конституционного Суда (Адыгея), игнорирования их федеральными судами (Коми).

Во многом « слабость» механизма исполнения решений Конституционного Суда РФ и конституционных (уставных) судов субъектов Федерации обусловлена незавершенностью законодательной регламентации этой стадии конституционного судопроизводства; отсутствием предусмотренного ст.81 Закона « О Конституционном Суде Российской Федерации» [6] федерального закона об ответственности за неисполнение либо воспрепятствование исполнению решения Конституционного Суда РФ; недооценкой палатами Федерального Собрания, органами государственной власти субъектов Федерации социальной значимости решений конституционного правосудия в обеспечении правовой стабильности и упрочении конституционного строя.

Не способствует этому и неиспользование потенциала юридических ведомств, в частности Министерства юстиции России, а также ограничение деятельности конституционных (уставных) судов лишь территорией 12 субъектов Федерации.

Судебным органом конституционного контроля на всей территории России является Конституционный Суд России. Он осуществляет судебную власть посредством конституционного судопроизводства. [5. – С. 60].

Конституционный Суд самостоятельно и независимо осуществляет вверенную ему власть в целях защиты основ конституционного строя, основных прав и свобод человека и гражданина, обеспечения верховенства и прямого действия Конституции РФ на всей территории РФ. Полномочия, порядок образования и деятельности Конституционного Суда определяются Конституцией РФ и Федеральным конституционным законом «О Конституционном Суде Российской Федерации» [7].

Конституционный Суд при осуществлении конституционного судопроизводства воздерживается от установления и исследования фактических обстоятельств во всех случаях, когда это входит в компетенцию других судов или иных органов, тем самым он строго придерживается принципа разделения властей и полномочий органов государства.

Конституционный Суд РФ – одна из надежных гарантий того, что в условиях нестабильности властных структур, отсутствия в стране сложившегося правового государства, противоречивых тенденций развития российского общества, сопровождаемых негативными явлениями в различных сферах его жизни, решение вопросов права может быть правомерным только в строгом соответствии с действующей Конституцией государства. [4. – С. 282].

В целях совершенствования механизма исполнения федеральными органами государственной власти и органами государственной власти субъектов Федерации решений Конституционного Суда РФ и конституционных (уставных) судов субъектов можно рекомендовать:

– Правительству РФ: подготавливать изменения и дополнения в законодательство, вытекающие из постановлений и определений Конституционного Суда РФ; внести дополнения в Федеральный закон «О порядке опубликования и вступления в силу федеральных конституционных законов, федеральных законов, актов палат Федерального Собрания» о необходимости в официальных изданиях, в том числе при переиздании законов, указов Президента и постановлений Правительства, делать отметки о признании не соответствующими Конституции норм со ссылкой на соответствующие акты Конституционного Суда РФ;

– ускорить реализацию рекомендаций решений Конституционного Суда РФ рассмотреть вопрос о необходимости законодательного урегулирования вопросов, возникших в результате проверки конституционности положений ряда федеральных законов, в том числе и кодексов;

– законодательным (представительным) органам субъектов Федерации рассмотреть вопрос о совершенствовании механизма исполнения решений конституционных (уставных) судов Российской Федерации;

– Конституционному Суду РФ: возобновить практику обращения с Посланиями к Федеральному Собранию РФ, в которых, наряду с анализом вопросов состояния конституционной законности, акцентировать внимание и на исполнении актов Конституционного Суда РФ;

– совместно с Министерством юстиции РФ обсудить вопрос об учреждении еженедельной федеральной газеты «Конституционное правосудие» для популяризации и комментирования решений Конституционного Суда РФ и конституционных (уставных) судов субъектов РФ;

– обсуждения проблем конституционной юстиции, анализа практики реализации актов конституционных судов;

– Министерству юстиции РФ организовать выявление и мониторинг подзаконных нормативных актов, основанных на признанных неконституционными положениях федеральных законов и постановлений Правительства, законах и иных нормативных актах субъектов. Генеральной прокуратуре РФ организовать опротестование названных актов либо обращение в суды о признании их недействующими;

– Министерству образования РФ, высшим юридическим учебным образовательным учреждениям обсудить вопрос о включении в учебные планы высших юридических учебных заведений преподавание обязательного курса «Конституционное правосудие» с выделением специального раздела «Исполнение решений Конституционного Суда РФ и конституционных (уставных) судов субъектов Российской Федерации»;

– главам субъектов Российской Федерации и законодательным (представительным) органам субъектов Федерации: незамедлительно публиковать в официальных изданиях (вестниках, ведомостях) субъектов Федерации акты Конституционного Суда РФ, касающиеся не только конституций (уставов), законов и иных нормативных актов соответствующих субъектов Федерации, но и конституционных прав и свобод человека и гражданина, федерализма и местного самоуправления;

– Полномочным представителям Президента РФ в федеральных округах использовать возможности федеральных округов в обеспечении взаимодействия конституционных (уставных) судов на территории округов с целью обмена информацией, опытом, организации, учебы и стажировки; активизировать работу по содействию Конституционному Суду РФ, конституционным (уставным) судам субъектов Федерации в исполнении их решений, ежегодно обобщать практику исполнения актов конституционных и уставных судов и представлять рекомендации по совершенствованию этой деятельности Президенту РФ [8. – С. 238].

Список литературы:

1. Конституция Российской Федерации. (Принята на Всенародном референдуме) (поправки от 30.12.2008) // Российская газета.25.12.1993 г. Справочно-правовая система «Консультант Плюс» // Компания «Консультант Плюс». [Электронный ресурс]. Послед. обновл.14.05.2019.
2. Авакьян С.А. Полномочия Конституционного Суда РФ: нерешенные проблемы // Вестник Конституционного Суда РФ. 2018. № 2.
3. Анишина В. Правовые позиции Конституционного Суда России // Российская юстиция. 2018. № 7.
4. Анишина В.И. Некоторые проблемы реализации решений Конституционного Суда РФ судами общей юрисдикции // Проблемы исполнения федеральными органами государственной власти и органами государственной власти субъектов РФ решений Конституционного Суда РФ и конституционных (уставных) судов субъектов РФ: Материалы Всероссийского совещания (Москва, 22 марта 2016 г) // Под ред. М.А.Митюкова. С.В.Кабышева, В.К.Бобровой. – С. Е.Андреева. – М.: Формула права, 2016.
5. Баглай М.В. Конституционное право Российской Федерации: Учеб. для вузов. – М.: НОРМА, 2017. – 784 с.
6. Белкин А.А. Вопросы юридической силы решений Конституционного Суда Российской Федерации // Вестник Конституционного Суда РФ. 2018. № 2.
7. Баглай М.В. Некоторые актуальные проблемы конституционного правосудия в России // Конституционное правосудие: Вестник Конференции органов конституционного контроля стран молодой демократии. Вып.1. // Центр конституционного права Республики Армения. – Ереван, 2017.

Проблема нелегальной миграции в России

Г.М.Мукаилова

Р.Н.Пирова

Проблема незаконной миграции в регионах России решается с карательно-ограничительных позиций. Этому сопутствует взяточничество на местах и слабая материальная обеспеченность исполнительных органов, занимающихся вопросами миграции. В настоящее время незаконная миграция в Россию в основном трудовая – и осуществляется по экономическим причинам. Основные потоки нелегальных мигрантов направляются из стран СНГ (Украина, Азербайджан, Молдова, Белоруссия, Таджикистан, Казахстан). Мигрантов из стран дальнего зарубежья не более 15-20%. Это, по большей части, тоже трудовые мигранты, но среди них больше транзитников. Самую большую часть мигрантов из дальнего зарубежья составляют граждане Китая. Корейцы, вьетнамцы, афганцы представлены меньше. Из других государств нелегальные миграционные потоки пока достаточно слабы. В потоках нелегальных мигрантов в регионы России в последнее время нарастает число выходцев из Кавказского региона, которые заинтересованы в оседании в Российской Федерации. Среди этнических групп нелегальных мигрантов хуже всех интегрируются в российское общество выходцы из Китая. Они представляют собой замкнутые, иерархически организованные сообщества, не ассимилируются с местным населением, и хотя их число пока незначительно, представляют собой группу, обладающую самым большим миграционным потенциалом.

Ареал их миграций – Дальневосточный регион. В регионах центральной России их число незначительно. Среди трудовых нелегальных мигрантов большинство – мужчины трудоспособного возраста. Наиболее образованны в этом потоке – русскоязычные мигранты из бывших союзных республик, мигранты из кавказского региона – менее образованны и квалифицированы, но обладают высоким потенциалом к адаптации. Еще ниже по квалификации и образованию – мигранты из Центральной Азии (не русскоязычные) и из Китая.

По данным исследования, проведенного ФМС РФ, штрафы различного рода официально взимаются с 20% мигрантов, в основном неофициально – примерно с трети мигрантов и всегда неофициально – с 29%.[1. – С. 6]

Соответствие работы основной специальности одинаково редко встречается у всех мигрантов. Более половины мигрантов никак не используют в России свою профессиональную подготовку. Около четверти мигрантов – самозаняты (т.е. имеют собственный бизнес или заняты индивидуальным предпринимательством – с наймом или без найма работников), т.е. мигранты зачастую сами создают себе рабочие места. Это говорит как о высокой их приспосабливаемости к реальным условиям рынка труда, так и о том, что отсутствие рациональной миграционной политики в России снижает отдачу от работы иностранных работников. Очевидно, что работа с иностранцами должна вестись не только в рамках легализации их деятельности, но и рационализации использования их трудового потенциала. Работодатели склонны нанимать нелегальных мигрантов, так как их можно уволить в любой момент не оплачивать дни болезни, недоплатить им (контрактов с ними, как правило, не заключают). И так как работу найти достаточно трудно (это отмечают около половины опрошенных), то становится понятным, что условия неконтролируемого найма мигрантов становятся притягательными для большинства работодателей. [2. – С. 77]

Следует говорить о вовлеченности нелегальных мигрантов в теневую экономику России. Ситуация с неуплатой налогов нелегалами совпадает с ситуацией уклонения от налогов легально работающих граждан России. По большей части проблема легальной трудовой деятельности иностранцев в России создается расхождением российского трудового законодательства с практикой его исполнения, когда процедура легального привлечения иностранцев крайне затруднена бюрократическими проволочками. К нелегальным мигрантам относятся следующие группы лиц: Первая группа – лица, въезжающие в страны СНГ нелегально: без документов, по поддельным, чужим документам, а также иностранцы, у которых объявленная цель въезда не соответствует их подлинным намерениям. Вторая группа – иностранные граждане, обучавшиеся в странах СНГ или работавшие по трудовым контрактам и после завершения сроков учебы или работы не пожелавшие вернуться на родину. Третья группа – это транзитные мигранты, которые намереваются выехать в одну из стран Запада в целях получения там работы или статуса беженца. Наконец, к нелегальным мигрантам следует также относить тех беженцев, которые уклоняются от выезда из страны после получения отказа от убежища. [3. – С. 64]

Таким образом, общая численность нелегальных мигрантов из всех стран СНГ, незаконно находящихся на территории России, составляет не менее 5,5 млн. человек. В зависимости от различных экономических и политических факторов эта цифра может колебаться в ту или иную сторону. Например, после дефолта 1998 г. и введения Россией визового режима с рядом стран СНГ численность нелегальных мигрантов в России уменьшилась. В летние периоды отмечается рост числа нелегальных мигрантов примерно на 1-1,5 млн. человек. С учетом нелегальных мигрантов из стран дальнего зарубежья, оцениваемых в 2,0-2,5 млн., общее число нелегалов, находящихся на территории РФ, достигает 7,5-8 млн. человек. При этом два мигранта из каждых трех являются выходцами из стран Содружества.

Однако страны-импортеры рабочей силы не только имеют доходы от нелегальной миграции, но и несут огромные невосполнимые потери. Прежде всего, обесценивается трудовой и интеллектуальный потенциал. По официальным данным, среди мигрантов доля лиц с высшим образованием примерно в два раза выше, чем среди всего населения. Например, нелегальные мигранты из Азербайджана в подавляющем большинстве – мужчины в наиболее трудоактивных возрастах – 20-35 лет, намного меньше тех, кому 35-45 лет и 16-19 лет. Высок образовательный уровень азербайджанских мигрантов: среди них по меньшей мере половину составляют лица с высшим образованием, прежде всего учителя, инженеры, военнослужащие, бухгалтеры. Работая уличными торговцами, подсобными рабочими, они теряют свою квалификацию, многие из них не возвращаются к прежней профессии совсем. Страны СНГ – импортеры рабочей силы, теряют свой демографический потенциал. Длительный отрыв мужчин молодого возраста от дома нарушает половозрастную структуру населения мест выхода мигрантов, что негативно сказывается на семейно-брачных отношениях. Часть семей распадается, дети остаются без отцов. Многие нелегальные мигранты живут в плохих условиях, неприспособленных помещениях, общежитиях, что отрицательно сказывается на их здоровье. Среди нелегальных мигрантов выше заболеваемость различными инфекционными болезнями, в том числе туберкулезом, СПИДом. Условия и режим работы приводят к психическим перегрузкам и нервному перенапряжению. Нелегальные мигранты находятся под постоянным страхом быть задержанными, потерять работу, быть высланными из страны. Влияние нелегальной миграции на экономику и социальное развитие России весьма противоречиво. Прежде всего, надо отметить, что Россия из-за нелегальной миграции несет значительные потери. Эти потери могут быть уменьшены только при сокращении размеров нелегальной миграции, легализации той части нелегалов, которая изъявляет добровольное желание выйти из тени и получить вид на жительство, вложить свои капиталы в развитие экономики России. [4. – С. 72]

Таким образом, под нелегальной миграцией понимается въезд граждан одной страны в другую с целью нелегального трудоустройства. На процессы нелегальной миграции повлияли факторы, связанные с глобализацией.

Для России вопрос миграции – один из самых важных, но, к сожалению, ресурсов для решения этого вопроса катастрофически не хватает. Из России уезжают не только неквалифицированные рабочие, но и специалисты из самых разных областей науки покидают свою родину с целью увеличения заработка и проведения исследований в определенной области науки. В эпоху стремительного научно-технического развития наша страна лишается человеческого потенциала, обеспечивающего экономическую и научную конкурентоспособность. Именно поэтому Правительство РФ должно побеспокоиться о создании необходимых условий работы и проживания, как квалифицированных специалистов, так и неквалифицированных, чтобы к середине XXI века Россия не деградировала и стояла на самой низшей ступени развития в области науки, образования, экономики и других областях. Основная проблема, которая стоит перед государствами мира, – как обеспечить свое участие в международном трудовом обмене. Степень участия стран мира в международном трудовом обмене различна и зависит от основных экономических параметров их развития в современных условиях. Участие России в этом мировом процессе неизбежно. Введение типов миграционной политики показало, что страны мира ведут политику, обусловленную их положением в мировых миграционных потоках. [5. – С. 54] В то же время, если в экономически активное население стран-экспортеров включить их население, находящееся за рубежом, то уровень экономически активного населения у стран-экспортеров повышается, подтягиваясь к уровню стран-импортеров, а у последних, за вычетом заемных трудовых ресурсов, понижается. Видно также, что миграция оказывает существенное влияние на социально-экономическое и демографическое развитие практически всех стран, участвующих в этом процессе. Это одно из самых сложных демографических явлений, так как на миграционное поведение населения воздействует целый комплекс межнациональных, политических, экономических и социальных факторов. Межгосударственные отношения характеризуются тенденцией к сближению национальных рынков рабочей силы, все большей прозрачностью границ, усилиями по взаимодействию в области иммиграционного контроля. Особенно характерно это для стран с высоким уровнем экономического развития, прежде всего, Северной Америки и Западной Европы. Определенное стремление к обобщению рынков рабочей силы складывается и у стран СНГ, причем по инициативе Российской Федерации. Таким образом, трудовая миграция как сложное социально-экономическое явление имеет свои плюсы и минусы. Безусловно, что трудовая миграция, прежде всего, приносит очевидные социально-экономические выгоды и способствует: [7. – С. 7]

– формированию и развитию общего рынка труда стран СНГ, замещению вакансий, которые не привлекательны для местного населения, смягчению безработицы через создание новых рабочих мест в сфере обслуживания и смежных отраслях, выживанию части населения в сложных условиях переходного периода;

– развитию предпринимательства и малого бизнеса;

– наполнению потребительского рынка товаров и услуг, увеличению налогооблагаемой базы страны, амортизации инфляционных процессов;

– созданию среднего класса как социальной основы рыночной экономики;

– развитию человеческого потенциала путем приобретения опыта работы в иностранных фирмах, освоения новых технологий и овладения новой специальностью, иностранными языками, повышения квалификации;

– поддержанию экономических и трудовых связей между странами и народами, что является немаловажным фактором развития интеграционных процессов в Содружестве. В то же время трудовая миграция, особенно в нелегальной форме, имеет и отрицательные последствия.

Одно из главных из них – слабая социальная защита трудящихся-мигрантов либо вообще ее отсутствие.

К недостаткам следует отнести и краткосрочный характер большинства заключаемых контрактов, ограниченный перечень доступных для трудящихся-мигрантов рабочих мест.

Нелегальная миграция является питательной средой для роста преступности, развития торговли наркотиками, оружием, теневой экономики.

Однако в целом трудовая миграция на основе трудовых контрактов приносит несомненные выгоды как странам эмиграции, так и принимающим странам. Для государств СНГ трудовая миграция – наиболее реальный путь продвижения граждан на международный рынок труда. При этом очевидна растущая роль России в данном процессе.

Список литературы:

1. Метелев С.Е. Международная трудовая миграция и развитие российской экономики. – М., 2016.
2. Полетаев Д. Нелегальная миграция: результаты социологического исследования в регионах России. – М., 2018.
3. Попов А.Д. Иностранная рабочая сила в экономике России. // «Миграция населения и перспективы демографического развития России». – М., 2018.
4. Пристанева А.А. Рынок труда: занятость и безработица – М., 2017.
5. Степанова Е.А. Правовое регулирование труда иностранных граждан // Профессионал. – 2016. – №10.
6. Феоктистов И.А. Трудоустройство иностранных граждан в России. – М.: ГроссМедиа. – 2018.

Прокуратура, как правозащитный орган государства

М.М.Мусаев

Право и законность необходимо рассматривать как мощный социальный регулятор, обеспечивающий решение сложных политических, экономических, социальных, национальных и культурных проблем. Законность в нашем государстве – это мощный организующий и дисциплинирующий фактор, требующий строгого соблюдения государственной и трудовой дисциплины, четкого выполнения каждым своих обязанностей, способствует росту активности граждан и в то же время удерживает их от произвола и беззакония.

Важное значение в укреплении законности принадлежит Конституции РФ. Принцип законности обозначен Конституцией как непременное условие жизни нашего общества, успешной деятельности государственных органов, различного рода общественных образований, должностных лиц и поведения граждан. В статье 15 Конституции провозглашено, что органы государственной власти, органы местного самоуправления, должностные лица, граждане и их объединения обязаны соблюдать Конституцию РФ и законы.

Прокурорский надзор за точным и единообразным соблюдением законов распространяется на широкую сферу государственной, общественной и частной деятельности. Их разнообразие объективно обуславливает необходимость выделения в рамках единого по сути своей прокурорского надзора определенных его направлений. При этом единый в конечном счете объект надзора – законность соответствующей деятельность видоизменяется, приобретает «специализацию» с учетом конкретной деятельности поднадзорного объекта (структуры).

Прокурорский надзор отличают от контроля вышеуказанных органов следующие черты.

Прокуратура не обладает никакими административными функциями, поэтому не вмешивается непосредственно в оперативно-хозяйственную и организаторскую деятельность органов, за законностью действий которых она осуществляет надзор, и, наконец, не подвергает деятельность и акты соответствующих органов государственного управления оценке с точки зрения сиюминутной целесообразности, а лишь осуществляет надзор за тем, чтобы государственные органы, общественные организации, должностные лица и граждане не нарушали закон.

Вскрыв нарушение, прокуратура сама его не устраняет, а передает дело на рассмотрение суда, либо соответствующего государственного органа.

Исключением из этого общего правила является надзор прокуратуры за исполнением закона при расследовании уголовных дел и частично при надзоре за местами лишения свободы. Здесь прокурор обладает властными полномочиями и сам своей властью может устранить выявленные нарушения закона.

Существенным отличием прокурорского надзора является и то, что он осуществляется от имени федерального государства, поэтому имеет самые широкие границы, распространяется на все федеральные министерства и ведомства, представительные и исполнительные органы государственной власти субъектов РФ, органы местного самоуправления, военного управления. При этом предметом и объектом надзора может быть и деятельность контролирующих органов.

Таким образом, прокуратура ввиду специфики своей деятельности и структуры объединяет усилия контролирующих органов: местных, региональных и центральных, а также деятельность органов исполнительной власти – федеральных и региональных, поскольку прокурор осуществляет надзор за исполнением всех законов, действующих на территории России. Это особенно важно, когда в стране резко увеличилось количество субъектов законотворчества. В этих условиях ни одна иерархическая структура органов исполнительной власти не может оптимально функционировать при наличии только контроля вышестоящих органов за исполнением законов нижестоящими учредителями. Такой контроль дополняется надзором за соответствием законам деятельности, а также правовых актов каждого звена данной структуры, осуществляемым соответствующим по уровню органом единой централизованной прокурорской системы. Взаимодействие ведомственного контроля и прокурорского надзора остается надежным средством обеспечения законности в стране. Прокуратуру, в известной мере, можно рассматривать как системообразующее, саморегулируемое ядро государственного контроля. Надзирая в пределах своей компетенции за исполнением законов контролирующими органами, она консолидирует и активизирует их деятельность, способствует преодолению местных и ведомственных влияний на них, воздействия криминальных структур, их очищению (в том числе путем привлечения к уголовной ответственности) от недобросовестных и коррумпированных чиновников.

Для того чтобы прокурорский надзор за точным и единообразным исполнением законов осуществлялся в полном объеме, необходимо дать правильное определение понятия законности, как социального явления.

Отдельные правоведы сводят понятие законности лишь к законам и подзаконным актам, не учитывая того, что это лишь один из элементов, составляющих содержание законности.

Но если законы не будут проводиться в жизнь, а оставаться только на бумаге, воля законодателя останется только пожеланием. Поэтому исполнение закона является непременным условием соблюдения законов.

Государство создает систему гарантий, обеспечивающих исполнение законов. Наиболее существенной гарантией является прокурорский надзор за точным и единообразным исполнением законности. Это также является составным элементом понятия законности.

Государство устанавливает различного рода ответственность за допущенное нарушение закона в зависимости от степени опасности нарушения. Ответственность может быть уголовной, административной, дисциплинарной или материальной, но она должна неотвратимо наступить.

Законодательство Российской Федерации четко определило задачи, стоящие перед органами прокуратуры. Основополагающей задачей является осуществление надзора за точным и единообразным исполнением законов органами местного самоуправления краев, областей, автономных областей, автономных округов, городов Москвы и Санкт-Петербурга, краевой, областной администрации, администрации автономной области и автономных округов, а также надзор за исполнением законов федеральными министерствами и ведомствами, министерствами и ведомствами Российской Федерации, иными органами государственного и хозяйственного управления и контроля, предприятиями, учреждениями, организациями и объединениями, вне зависимости от их подчиненности, общественными организациями и движениями, должностными лицами и гражданами.

Эта задача, сформулированная в законе, охватывает в целом всю деятельность органов прокуратуры по всем отраслям надзора и основным направлениям деятельности прокуратуры.

Реализуя свои полномочия по осуществлению надзора за точным и единообразным исполнением законов, прокуроры следят за тем, чтобы все перечисленные органы государственной власти и управления, общественные формирования, должностные лица и граждане действовали на основе законности, обеспечивали в соответствии с предоставленными им правами и возложенными на них обязанностями охрану правопорядка, интересов общества, прав и свобод граждан, соблюдение требований государственной дисциплины.

Главным нормативным правовым актом, регулирующим деятельность органов прокуратуры по осуществлению надзора является Федеральный закон «О прокуратуре РФ»[1].

Согласно ст.1 названного закона основной целью деятельности прокуратуры является обеспечение верховенства закона, единства и укрепления законности, защиты прав и свобод человека и гражданина, охраняемых законом интересов общества и государства.

Органы прокуратуры охраняют права национально-государственных и административно-территориальных образований местного самоуправления, местных представительных органов исполнительной власти, предприятий, учреждений и организаций, общественных и политических организаций и объединений, кооперативных, акционерных объединений, коммерческих банков и иных объединений, участвующих в экономической и общественно-политической жизни страны.

Всей своей деятельностью органы прокуратуры призваны воспитывать должностных лиц и граждан в духе неуклонного исполнения возложенных на них Конституцией и законодательством обязанностей, строгого соблюдения предписаний законодательства.

Федеральный закон «О прокуратуре РФ» определяет следующие направления деятельности органов прокуратуры:

– надзор за исполнением законов федеральными министерствами, государственными комитетами, службами и иными федеральными органами исполнительной власти, представительными (законодательными) и исполнительными органами субъектов Российской Федерации, органами местного самоуправления, органами военного управления, органами контроля, их должностными лицами, органами управления и руководителями коммерческих и некоммерческих организаций, а также за соответствием издаваемых ими правовых актов;

– надзор за соблюдением прав и свобод человека и гражданина федеральными министерствами, государственными комитетами, службами и иными федеральными органами исполнительной власти, представительными (законодательными) и исполнительными органами субъектов Российской Федерации, органами местного самоуправления, органами военного управления, органами контроля, их должностными лицами, а также органами управления и руководителями коммерческих и некоммерческих организаций;

– надзор за исполнением законов органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность, дознание и предварительное следствие;

– надзор за исполнением законов судебными приставами[2];

– надзор за исполнением законов администрациями органов и учреждений, исполняющих наказание и применяющих назначенные судом меры принудительного характера, администрациями мест содержания задержанных и заключенных под стражу;

– уголовное преследование в соответствии с полномочиями, установленными уголовно-процессуальным законодательством РФ;

– координация деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью;

– участие в соответствии с процессуальным законодательством РФ в рассмотрении дел судами, опротестование противоречащих закону решений, приговоров, определений и постановлений судов.

Прокурорский надзор состоит:

а) в наблюдении за законностью решений должностных лиц органов власти и управления, хозяйствующих субъектов, объединений, затрагивающих права и законные интересы граждан, общества и государства;

---

[1] Собрание законодательства РФ. – 1995. – № 47. – Ст. 447.

[2] В редакции Закона «О прокуратуре» от 10.02.99.

б) в принятии мер к устранению нарушений законов и способствующих им обстоятельств, восстановлению нарушенных прав и привлечению виновных к ответственности.

Прокуратура должна не подменять другие государственные органы, а осуществлять надзор за тем, как сами эти органы и соответствующие должностные лица (прежде всего правоохранительных и контролирующих органов) выполняют возложенные на них законом обязанности по обеспечению и контролю за исполнением законов всеми органами, организациями и гражданами, на которые распространяется их компетенция.

Акцент делается на надзор за исполнением законов всеми органами, организациями и должностными лицами, их обязанностями по обеспечению законности в деятельности подконтрольных и подчиненных им структур и на то, как они обеспечивают права и свободы граждан.

В число субъектов, за исполнением законов, которыми осуществляется надзор, Закон РФ «О прокуратуре» не включает граждан. Тем самым устанавливается приоритетная цель деятельности прокуроров – защита прав и свобод человека и гражданина, имеется первостепенное значение перед остальными охраняемыми законом интересами общества и государства.

Прокуроры осуществляют надзор за исполнением конституций, уставов субъектов РФ, а также за исполнением законов субъектов РФ, принятых ими в соответствии со своей компетенцией и не противоречащих Конституции РФ и федеральным законам.

Органы прокуратуры надзирают за исполнением действующих на ее территории законов. В предмет надзора, следовательно, не включаются иные общеобязательные нормативные правовые акты, каковыми, согласно Конституции РРФ являются указы Президента РФ, постановления и распоряжения Правительства РФ.

Контроль за исполнением этих нормативно-правовых актов осуществляет система контрольных органов Администрации Президента РФ и Правительства РФ (Главное контрольное управление), с которыми органы прокуратуры при необходимости взаимодействуют.

Однако это не означает, что органы прокуратуры ни в какой мере не связаны с осуществлением контроля за исполнением указов Президента РФ и нормативных актов Правительства РФ.

Многие федеральные законы сформулированы таким образом, что механизм их конкретного исполнения формируется посредством этих нормативных актов. Поэтому и соблюдение (несоблюдение) законов в таких случаях складывается из действий (бездействий) по исполнению (неисполнению) названных нормативных правовых актов.

Прокуратура осуществляет надзор за исполнением официально опубликованных законов. В соответствии со ст. 4 Федерального закона «О порядке опубликования и вступления в силу федеральных конституционных законов, федеральных законов, актов палат Федерального Собрания» официальным опубликованием Федерального конституционного закона, Федерального закона, акта палаты Федерального Собрания считается первая публикация его полного текста в «Российской газете» или «Собрании законодательства РФ».

Органы прокуратуры осуществляют надзор за исполнением действующих на территории РФ конституций республик, уставов (основных законов) иных субъектов РФ, изданных по вопросам, относящимся к ведению органов государственной власти РФ и совместному ведению органов государственной власти РФ и субъектов РФ.

Как известно, общепризнанные принципы и нормы международного права, международные договоры РФ являются основой ее правовой системы.

Если международным договором РФ установлены иные правила, чем предусмотренные законом, то, согласно п.4 ст.15 Конституции РФ применяются правила международного договора. Прокурор осуществляет надзор за исполнением норм, ратифицированных и вступивших в силу в установленном порядке международных договоров РФ.

При определенных условиях, предусмотренных российским законодательством, на территории России применяется иностранное законодательство[1].

Прокурор, соответственно, осуществляет надзор за применением и российского и иностранного законодательства. Так, согласно ст. 166, 167 Семейного кодекса РФ, определено, что при применении норм семейного права суд или органы записи актов гражданского состояния и иные органы устанавливают содержание этих норм в соответствии с их официальным толкованием, практикой применения и доктриной в соответствующем иностранном государстве. Нормы иностранного или иного права не применяются в случае, если такое применение противоречило бы основам правопорядка (публичному порядку).

В этом случае применяется законодательство Российской Федерации.

Таким образом, будучи правозащитным органом государства и действуя от его имени, прокуратура призвана обеспечивать верховенство закона, единства законности и ее укрепление, защищать права и свободы человека и гражданина, интересы общества и государства.

Борьба терроризмом – это Концепция национальной безопасности Российской Федерации

М.М.Мусаев

Террор как средство достижения своих целей не является изобретением современности. «Террор» в переводе с латинского (terror) означает страх, ужас.[1] С терроризмом же, как социальным явлением такое

[1] См.: Семейный кодекс РФ. – Ст.166, 167. – М., 1996.

понимание террора стали связывать с якобинской диктатурой во Франции в период французской революции (1789-1794). Термин «терроризм» вошел в политический обиход со времен французской буржуазной революции. «Система страха» – так определяет его словарь Французской Академии 1798 года. Используя террор как способ удержания власти, якобинцы не только не видели в нем ничего предосудительного, но и ставили его себе в заслугу.[2] Исторически терроризм возник как средство политической борьбы и насчитывает не только века, но и тысячелетия.

Террористические акты приносят массовые человеческие жертвы, оказывают сильное психологическое давление на большие массы людей, влекут разрушение материальных и духовных ценностей, не поддающихся порой восстановлению.[3]

Для России вопросы профилактики преступлений террористического характера, стали особо актуальными. Террористические акты в Москве, Буйнакске, Буденновске, Волгодонске, Волгограде, Каспийске (один из которых был совершен в день 57-летия победы в Великой Отечественной войне 9 мая 2002 г.), выступления вооруженных бандформирований в Дагестане и Чечне получили резонанс не только в нашей стране, но и приобрели мировое значение.

В современных условиях данная проблема вышла за рамки обеспечения безопасности России и ныне превратилось в борьбу за безопасность Европы и других регионов. Совершение террористических актов все в большей степени обусловливается общим замыслом межгосударственного и внутригосударственного противоборства по подрыву экстремистскими силами суверенитета и территориальной целостности Российской Федерации. Целью терроризма становится захват власти или осуществление контроля над властными структурами. Наряду с этим отмечается устойчивый рост и расширение масштабов и территориальных границ совершения террористических акций в целях нарушения общественной безопасности в отдельных местностях и населенных пунктах, устрашения населения или оказания воздействия на принятие органами государственной власти решений, выгодных террористам.

Для современного российского терроризма характерны усиление тактико-организационного уровня подготовки и проведения террористических актов, повышение качества вооруженности и технической оснащенности террористов, а также использование различных методов вооруженной борьбы.

События в Дагестане свидетельствуют о трансформации целей террористической деятельности экстремистских сил. Терроризм стал важнейшим средством организации вооруженных мятежей, насильственного свержения конституционного строя, насильственного захвата власти, достижения военно-политических и политических целей.

Были и попытки государственных переворотов, захвата здания Государственного совета и Правительства Дагестана.[4]

Необходимо определить содержательный отличительный признак террористического акта от иных социально-негативных явлений, так как с высокой степенью неопределённости описываются и конкретные преступления, характеризуемые в правовых актах как преступления террористического характера. На практике возникали проблемы с квалификацией таких деяний, а также иных, связанных с ними.[5]

Согласно Федеральному закону Российской Федерации от 6 марта 2006 г. N 35-ФЗ «О противодействии терроризму» терроризм – это идеология насилия и практика воздействия на принятие решения органами государственной власти, органами местного самоуправления или международными организациями, связанные с устрашением населения и (или) иными формами противоправных насильственных действий;[6]

Вместе с тем, анализ ряда работ отечественных авторов по определению понятия терроризма свидетельствует о том, что общим практически для всех исследователей при разработке определения является стремление более четко разграничить понятия «террор», «терроризм», «террористический акт».

Вместе с тем Федеральный закон «О противодействии терроризму», даёт определение и террористического акта, под которым понимается совершение взрыва, поджога или иных действий, связанных с устрашением населения и создающих опасность гибели человека, причинения значительного имущественного ущерба либо наступления экологической катастрофы или иных особо тяжких последствий, в целях противоправного воздействия на принятие решения органами государственной власти, органами местного самоуправления или международными организациями, а также угроза совершения указанных действий в тех же целях; Учитывая расхождения во мнениях многих авторов, была необходимость законодательной инициативы, в результате чего была необходимость принятия нового закона его смысл – максимально эффективное противодействие терроризму.

Российский и зарубежный опыт свидетельствует о необходимости комплексного подхода к решению всего круга проблем в этой сфере. В связи с этим был принят Федеральный закон «О противодействии терроризму».

---

[1] Сухарев А.Я. Большой юридический словарь. «Инфра-М». - М.,2010.

[2] Наумов А.В. Российское уголовное право. Курс лекций Том 2. Особенная часть. - М., «Юридическая литература». 2013.

[3] Кикотя В.Я. Терроризм: Борьба и проблемы противодействия. «Юнити». - М., 2010.

[4] Алиев Х. «Борьба с преступлениями террористической направленности» // Законность. №4. 2002г.с.2

[5] Долгова А.И. Терроризм и организованная преступность. – М., 2009. С.3.

[6] Российская газета (Федеральный выпуск), N4014 от 10 марта 2011 г.

Данный закон имеет три основных направления противодействия терроризму: профилактика терроризма; борьба с ним; минимизация и ликвидация его последствий.

Противодействие терроризму в Российской Федерации основывается на следующих основных принципах: обеспечение и защита основных прав и свобод человека и гражданина; законность; приоритет защиты прав и законных интересов лиц, подвергающихся террористической опасности; неотвратимость наказания за осуществление террористической деятельности; системность и комплексное использование политических, информационно-пропагандистских, социально-экономических, правовых, специальных и иных мер противодействия терроризму; сотрудничество государства с общественными и религиозными объединениями, международными и иными организациями, гражданами в противодействии терроризму; приоритет мер предупреждения терроризма; единоначалие в руководстве привлекаемыми силами и средствами при проведении контртеррористических операций; сочетание гласных и негласных методов противодействия терроризму; конфиденциальность сведений о специальных средствах, технических приемах, тактике осуществления мероприятий по борьбе с терроризмом, а также о составе их участников; недопустимость политических уступок террористам; минимизация и (или) ликвидация последствий проявлений терроризма; соразмерность мер противодействия терроризму степени террористической опасности.

Эти принципы отличаются от перечисленных в ст. 2 Федерального закона от 6 марта 2006 г. N 35-ФЗ «О противодействии терроризму»: законность; приоритет мер предупреждения терроризма; неотвратимость наказания за осуществление террористической деятельности; сочетание гласных и негласных методов борьбы с терроризмом; комплексное использование профилактических правовых, политических, социально-экономических, пропагандистских мер; приоритет защиты прав лиц, подвергающихся опасности в результате террористической акции; минимальные уступки террористу; единоначалие в руководстве привлекаемыми силами и средствами при проведении контртеррористических операций; минимальная огласка технических приемов и тактики проведения контртеррористических операций, а также состава участников указанных операций.[1]

Из перечня пропал пункт о минимальных уступках террористу, на практике получается, что при задержании почти на 99% следует ликвидация лиц, замешанных в террористической деятельности.

Под сущностью терроризма следует понимать совокупность оригинальных признаков, характерных черт и отличительных особенностей, присущих терроризму как социально-политической и правовой категории, и составляющих его внутреннее содержание.

В современной юридической литературе, посвященной проблемам терроризма, выделяют следующие отличительные признаки терроризма как преступного деяния: отличительной чертой терроризма является то, что он порождает высокую общественную опасность, возникающую в результате совершения общеопасных действий либо угрозы таковыми.

При этом умыслом террориста охватывается причинение смерти лицам, которые захватываются в качестве заложников, находятся вблизи мест взрывов и т.п.

Другие преступления обычно совершаются без претензии на огласку, а при информировании лишь тех лиц, в действиях которых имеется заинтересованность у виновных. Терроризм же без широкой огласки, без открытого предъявления требований не существует.

При этом создается эта обстановка страха, напряженности не на индивидуальном или узкогрупповом уровне, а на уровне социальном и представляет собой объективно сложившийся социально-психологический фактор, воздействующий на других лиц и вынуждающий их к каким-либо действиям в интересах террористов или принятию их условий.

Игнорирование указанных обстоятельств приводит к тому, что к терроризму порой относят любые действия, породившие страх и беспокойство в социальной среде. Однако терроризм тем и отличается от других порождающих страх преступлений, что здесь страх возникает не сам по себе в результате получивших общественный резонанс деяний и создается виновными не ради самого страха, а ради других целей, и служит своеобразным объективным рычагом целенаправленного воздействия, при котором создание обстановки страха выступает не в качестве цели, а в качестве средства достижения цели.

Таким образом, создание обстановки страха есть выражение терроризма, проявление его сути, а не его конечная цель.[2]

Отличительной чертой терроризма является то, что при его совершении общеопасное насилие применяется в отношении одних лиц или имущества, а психологическое воздействие в целях склонения к определенному поведению оказывается на других лиц, т.е. насилие здесь влияет на принятие решения потерпевшим не непосредственно, а опосредованно – через выработку (хотя и вынужденно) волевого решения самим потерпевшим лицом (физическим или юридическим или группой лиц) вследствие созданной обстановки страха и выраженных на этом фоне стремлений террористов.[3]

Терроризм – это преступление, а террор – способ действия любого субъекта (государства, организации, физического лица) с использованием силы, угрозы, возбуждения страха. Емельянов В.П. сравнивает понятие «террор» с такими как «агрессия», «геноцид», «война» считая террор массовым

---

[1] Федеральный закон от 6 марта 2006 г. N 35-ФЗ «О противодействии терроризму». Собрание законодательства Российской Федерации от 15 августа 2008 г. N 31 ст. 3808

[2] Солодовников С.А. «Терроризм и организованная преступность». «Юнити». – М., 2014.

[3] Трунов И.Л. Терроризм: Правовые аспекты борьбы. «Эксмо».- М., 2009.

насилием, применяемым субъектами власти, и в связи с этим рассматривает понятие «идеологический террор», «государственный террор», «внесудебный террор», «административный террор». Основу рассматриваемых явлений составляет терроризирование (фр. terroriser), под которым понимается преследование с угрозами расправы, насилия; запугивание, держа кого-либо в состоянии страха.

Терроризированию как самостоятельному свойству преступного деяния присущи следующие отличительные признаки: насильственные и иные действия виновного не являются самоцелью, а служат средством достижения других целей; обстановка страха создается виновным целенаправленно в расчете на ее содействие при достижении преступной цели в качестве средства понуждения к принятию или отказу от принятия какого-либо решения в интересах виновного или других лиц; достижение конечного результата осуществляется не за счет действий самого виновного, а за счет действий тех лиц, в отношении которых направленно устрашающее воздействие; насильственные и преступные действия могут быть направлены против одних лиц, а достижение конечного преступного результата виновного осуществляться за счет действий третьих лиц.

При этом возможно, что направленность действий и достижение конечного преступного результата будут связываться у виновного с одним и тем же лицом.[1]

Необходимо отметить, что в отечественной юридической литературе терроризм рассматривается как крайняя форма проявления экстремизма.[2] Под экстремизмом (экстремистской деятельностью) в российской правовой доктрине понимается: деятельность физических лиц и различных организаций (религиозных, общественных и т.д.) по планированию, организации, подготовке и совершению действий, направленных на насильственное изменение основ конституционного строя и нарушение целостности России, подрыв безопасности РФ, захват или присвоение властных полномочий, создание незаконных вооруженных формирований, осуществление террористической деятельности и т.д.; пропаганда и публичная демонстрация нацистской и сходной с ней атрибутики или символики; публичные призывы к указанной деятельности; финансирование указанной деятельности.[3]

В соответствии со ст. 5 Федерального закона от 25 июля 2002 г. N 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» противодействие экстремистской деятельности возложены на федеральные органы государственной власти, органы государственной власти субъектов Российской Федерации, органы местного самоуправления которые в пределах своей компетенции в приоритетном порядке осуществляют профилактические, в том числе воспитательные, пропагандистские меры, направленные на предупреждение экстремистской деятельности.[4]

Проблема борьбы с терроризмом является международной, так как наносит огромный ущерб дружественным отношениям между государствами, международному сотрудничеству, угрожает жизни, здоровью и правам человека, свободам и демократическим устоям общества и государства. Поэтому вполне закономерно, что в борьбе с терроризмом объединяются усилия многих стран мира. Так, например в 1994 г. 49-я сессия Генеральной Ассамблеи ООН одобрила Декларацию о мерах по ликвидации международного терроризма. Не остался в стороне от борьбы с терроризмом и Совет Европы. Статья 1 Европейской конвенции о пресечении терроризма от 27 января 1977 г. дает перечень преступлений террористического характера, относя к ним: захват воздушного судна; совершение действий, направленных против безопасности гражданской авиации; тяжкие преступления, связанные с посягательством на жизнь, физическую неприкосновенность или свободу лиц, пользующихся международной защитой, в том числе дипломатических агентов; преступления, связанные с похищением людей, захватом заложников или серьезным незаконным задержанием; преступления, связанные с использованием бомб, гранат, ракет, автоматического стрелкового оружия или заминированных писем и посылок, если такое использование подвергает опасности людей.[5]

К преступлениям террористического характера относятся самые разные преступления, но их объединяет то, что все они посягают на общую безопасность и мирное сосуществование».[6]

Это преступления, предусмотренные ст. 205-208, 277 и 360 УК РФ.[7]

Терроризм как социальное явление в последние 10 лет превратился в острейшую глобальную проблему, требующую не только адекватного и оперативного государственного и общественного контроля, но и объединения на платформе антитеррористической деятельности усилий ученых и практиков.

Таким образом, терроризм теснейшим образом связан с социальными, духовным, политическими, экономическими, противоречиями, существующими в обществе. Масштабы, направленность, тяжесть последствий терроризма обусловливают его высочайшую общественную опасность. Не случайно в

---

[1] Емельянов В.П. Терроризм и преступления с признаками терроризирования. «Юридический центр Пресс».-Спб.,2010г.

[2] Кочои С.М. Терроризм и экстремизм: уголовно-правовая характеристика. М., 2011. С. 36–43.

[3] Исаков А.С. «Экстремизм и террористические преступления». «Терроризм». – М.,2003г.

[4] Собрание законодательства Российской Федерации от 29 июля 2012 г. N 30 ст. 3031.

[5] Сборник документов Совета Европы в области защиты прав человека и борьбы с преступностью. «Спарк». – М., 2008г.с.136.

[6] Кибальник А.Г. Понятие терроризма в международном уголовном праве //Антитеррор. 2010. № 1. С. 72.

[7] Данилов Е.П. Уголовный кодекс РФ. «Справочник адвоката». Судебная и адвокатская практика. – М., «КНОРУС». 2014г. С. 431.

Концепции национальной безопасности Российской Федерации увеличение масштабов терроризма, наряду с ростом организованной преступности, обострением межнациональных отношений и другими факторами, рассматривается в качестве одной из составляющих широкого спектра внутренних и внешних угроз национальной безопасности страны. Данное обстоятельство предопределяет большую значимость глубокого криминологического и уголовно-правового изучения терроризма, разработки научно обоснованных предложений по совершенствованию борьбы с ним, его предупреждения.

Дифференциация уголовной ответственности за незаконный оборот оружия, взрывчатых веществ и взрывных устройств

М.М.Мусаев

Сегодня в Российской Федерации сложилась достаточно сложная обстановка, связанная с преступлениями в сфере незаконного оборота оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств. По мнению специалистов, в настоящее время в России у граждан на законных основаниях находится более 4 млн. единиц оружия; незаконно хранится, по самым приблизительным подсчетам, более 2,5 млн. единиц незарегистрированною огнестрельного оружия взрывчатых веществ и взрывных устройств[1].

Проанализированы основные проблемы незаконного оборота взрывчатых веществ и взрывных устройств, дана критическая оценка изменениям, внесенным в уголовный закон, выработаны рекомендации направленные на совершенствование статей 222.1. и 223.1 УК РФ. Известное внимание уделено понятию «законный оборот взрывчатых веществ и взрывных устройств», исследованы, имеющиеся в научной литературе, основные точки зрения по этому вопросу и предложено принять единый нормативный акт, регулирующий данную сферу деятельности. Отмечается, что принятие единого Федерального закона «О незаконном обороте взрывчатых веществ и взрывных устройств» станет важнейшим средством в противодействии нарушениям в сфере оборота данных опасных предметов. Обосновывается высокая общественная опасность предмета рассматриваемых составов преступлений, даны рекомендации расширить перечень взрывных устройств за счет включения в их число боевых ручных гранат. Предложено повысить санкция ч.1. ст. 222.1 УК РФ до шести лет с целью включения его в разряд тяжких преступлений и исключения возможности применения чрезмерно мягкого наказания за его совершение. С учетом имеющейся практики назначения наказания за совершение преступлений в сфере незаконного оборота оружия предлагается разъяснить судам недопустимость либерального отношения к лицам, совершим преступления в сфере незаконного оборота взрывчатых веществ и взрывных устройств.

Ключевые слова: оборот взрывчатых веществ и взрывных устройств, незаконный оборот взрывчатых веществ и взрывных устройств, боевые ручные гранаты, наказание за оборот взрывчатых веществ и взрывных устройств.

Настоящая статья посвящена анализу отдельных актуальных проблем, связанных с незаконным оборотом взрывчатых веществ и взрывных устройств. В свете дальнейшей дифференциации уголовной ответственности за данные преступления Федеральным законом от 24.11.2014 № 370-ФЗ Уголовный кодекс российской федерации дополнен новыми статьями 222^1 и 223^1, в которых установлены повышенные санкции за незаконный оборот взрывчатых веществ и взрывных устройств. Однако ряд вопросов, связанных с данной проблемой так и не получили своего разрешения и продолжают привлекать внимание ученых и практиков.

Целью настоящего исследования является критическая оценка составов преступлений, посвященных незаконному обороту взрывчатых веществ и взрывных устройств и разработка рекомендаций направленных на их дальнейшее совершенствование.

Реализация поставленной цели основана на анализе имеющихся научных исследований по данной проблеме, трудов авторов по смежным вопросам уголовного права, обобщении материалов судебной практики по Республике Дагестан, а также результатов авторских социологических опросов, проведенных среди сотрудников правоохранительной системы.

В рамках настоящей работы для изучения поставленных вопросов применялись различные методы исследования: формально-юридический, сравнительно-правовой, исторический, логический, опрос сотрудников правоохранительной системы (опрошено 130 человек).

В современных условиях российской действительности одной из главных проблем продолжают оставаться преступления, связанные с незаконным оборотом взрывчатых веществ и взрывных устройств, распространение которых значительно дестабилизирует оперативную обстановку в стране и угрожает в целом всему общественному правопорядку. По имеющимся официальным статистическим данным МВД РФ только в 2014 году с использованием оружия было совершено 7,2 тыс. преступлений (-4,6%), 207 из которых сопровождались использованием взрывчатых веществ и взрывных устройств [10]. Безусловно, преступления, связанные с использованием боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств, представляют особую угрозу для общества и государства, заключающуюся, прежде всего в том, что при ненадлежащем обращении с опасными предметами возникает объективная угроза для жизни и здоровья неопределенного числа лиц. Кроме того, данные преступления в своей основе стимулируют рост тяжких и особо тяжких преступлений, как правило, террористической и экстремисткой направленности.

Особенно остро проблема незаконного оборота взрывчатых веществ и взрывных устройств ощущается в Северокавказском федеральном округе (СКФО). В последние пять лет криминальные взрывы в республиках в составе СКФО стали одним из основных факторов, существенно осложняющих

[1] Аналитические материалы МВД РФ 2014.

криминальную ситуацию в целом по всей России. Так, только с января по июнь 2011 года произошло 93 взрыва и теракта, в которых убито в общей сложности 42 человека, в том числе 6 силовиков, 12 участников вооруженного подполья и 24 мирных жителя. Ранено 94 человека, в том числе 63 силовика, 1 предполагаемый участник подполья и 30 мирных жителей. По имеющимся сведениям, с 2011 по ноябрь 2014 года в Северокавказском федеральном округе обнаружено и изъято 1 тонна 356 кг взрывчатых веществ, 2 тысячи 78 единиц взрывных устройств[10]. По результатам опрошенных нами сотрудников правоохранительной системы прогнозируется дальнейшая тенденция увеличения количества изымаемых взрывчатых веществ и взрывных устройств, изымаемых в ходе проведения оперативно-розыскных мероприятий.

Очевидно, незаконный оборот взрывчатых веществ и взрывных устройств продолжает оставаться наиболее серьезным фактором, ухудшающим криминогенную обстановку в Российской Федерации в целом, СКФО и, в частности, в Республике Дагестан, влечет рост организованной преступности, терроризма и представляет серьезную угрозу государственной, общественной и личной безопасности.

А между тем, проблемы уголовной ответственности за преступления в сфере незаконного оборота взрывчатых веществ и взрывных устройств недостаточно разрешены, нуждаются в дальнейшем их исследовании и продолжают оставаться актуальными как в научном, так и практическом планах.

Анализ имеющихся научных работ, посвященных исследованию данных вопросов, а также материалов правоприменительной практики и официальных данных, приводимых в средствах массовой информации, позволил выделить ряд важных аспектов проблемы незаконного оборота взрывчатых веществ и взрывных устройств.

Прежде всего, необходимо определиться с самим понятием «незаконного оборота» взрывчатых веществ и взрывных устройств. По данному вопросу в юридической литературе встречаются различные по формулировке, но, по существу сходные по содержанию понятия. Так, под незаконным оборотом оружия предлагается понимать криминальное, связанное с совершением соответствующих преступлений, движение объектов оборота оружия в совокупности с отклонениями в сфере законного оборота оружия[9]. Под незаконным оборотом можно рассматривать как чисто криминальное движение оружия, так и существенные нарушения правил законного оборота, которые приводят к выходу его из-под контроля и вовлечению в криминальную сферу. Как видно из приведенных определений, термин «незаконное» объединяет криминальный и околокриминальный оборот взрывчатых веществ и взрывных устройств. Действительно, как показывает практика, основными каналами поступления взрывчатых веществ и средств инициирования в незаконный оборот по-прежнему остаются хищения и утраты из государственных военизированных организаций, на предприятиях-производителях и потребителях взрывчатых веществ, а также на предприятия, технические возможности которых позволяют незаконно изготавливать оружие, организациях, производящих работы с применением взрывчатых веществ или их компонентов. В свете сказанного целесообразным представляется, прежде всего, принять меры, направленные на совершенствование норм, регламентирующих законный оборот взрывчатых веществ и взрывных устройств. А между тем, в Федеральном законе «Об оружии» отсутствуют положения, регулирующие законный оборот взрывных устройств и взрывчатых веществ. Отдельные нормы, связанные с урегулированием оборота взрывных устройств, содержатся в Постановлении Правительства Российской Федерации от 26 июня 2002 г. № 468 «Об утверждении положений о лицензировании деятельности в области взрывчатых материалов промышленного назначения». Пробельность данных норм и в значительной мере, их устаревший характер очевиден. Так, в настоящее время продолжает оставаться не урегулированным вопрос о порядке изъятия взрывчатых материалов в случае нарушения режимных правил. Достаточно острой проблемой стало сегодня обеспечение законности уничтожения списанного и изъятого из криминального оборота оружия. По результатам исследований в отдельных регионах Российской Федерации применительно к этой деятельности допускаются серьезные правонарушения и утечка, подлежащих уничтожению взрывчатых веществ и взрывных устройств.

В этой связи эффективность противодействия незаконному обороту взрывчатых веществ и взрывных устройств требует принятия единого законодательного акта, регламентирующего порядок их оборота. В этом направлении необходимо разработать и принять Федеральный закон «Об обороте взрывчатых веществ и взрывных устройств» (далее Закон), в нормах которого следует значительно усилить контроль за оборотом взрывчатых веществ и взрывных устройств с целью предотвращения их утечки в криминальный оборот. В содержательном плане в предлагаемом Законе необходимо зафиксировать перечень основных понятий, и определений, таких как: взрывчатые материалы промышленного назначения, оборот взрывчатых материалов, безопасность при обороте взрывчатых материалов промышленного назначения. В Законе следует также урегулировать: порядок лицензирования деятельности, связанной с оборотом взрывчатых материалов; предусмотреть меры контроля за оборотом взрывчатых веществ и взрывных устройств; регламентировать обязанности должностных лиц и граждан, осуществляющих деятельность, связанную с незаконным оборотом взрывчатых веществ и взрывных устройств; установить основания и порядок изъятия взрывчатых материалов, а также их уничтожения.

Думается, предлагаемый Закон станет действенной правовой базой предупреждения нарушений в сфере законного оборота взрывчатых веществ и взрывных устройств.

Вторая проблема, которая так и осталась недостаточно разрешенной, связана с необходимостью дальнейшей дифференциации уголовной ответственности за незаконный оборот оружия по предмету посягательства. Разумеется, общественная опасность незаконного оборота взрывных устройств и

взрывчатых веществ, по сравнению с незаконным оборотом огнестрельного оружия и боеприпасов, значительно выше. В юридической литературе прошлых лет исследователи неоднократно указывали на необходимость установления более строгих мер за незаконный оборот взрывчатых веществ и взрывных устройств. Так, И.И.Бикеев предлагал выделить незаконный оборот взрывчатых веществ и взрывных устройств в специальных нормах УК и повысить пределы наказаний за их совершение. Аналогичную позицию обосновывал в свое время и один из авторов статьи в своем диссертационном исследовании предлагая ввести более строгую ответственность за незаконный оборот взрывчатых веществ и взрывных устройств[5]. Д.Корецкий предлагал не просто выделить в отдельный состав, но, и ужесточить уголовную ответственность за незаконный оборот взрывчатых веществ и взрывных устройств до 15-20 лет лишения свободы.

С принятием Федерального закона от 24.11.2014 № 370-ФЗ складывается впечатление, что проблема самостоятельной уголовной оценки за незаконный оборот взрывчатых веществ и взрывных устройств решена. Однако, более глубокий и тщательный анализ ст. 222.1. и 222.1 показывает, что отдельные вопросы данной проблемы продолжают оставаться актуальными. Так, в частности, без внимания законодателя остался вопрос об ответственности за незаконный оборот боевых ручных гранат.

Ручные гранаты согласно разъяснению Пленума Верховного Суда РФ отнесены к категории боеприпасов. А между тем ручные гранаты дистанционного действия Ф-1, предназначенные для поражения живой силы противника на расстоянии путем метания на дистанцию 35-45 метров могут использоваться нетипичным образом: «афганский тюльпан», «растяжка», что повышает эффективность Ф-1 при ведении боевых действий в горах. Например, сброшенная в ущелье такая нетипичная граната может пролететь более 45 метров, взрываясь только тогда, когда стакан разбивался о землю в непосредственной близости от противника.

В этой связи мы солидарны с авторами, которые полагают, что ручные гранаты не являются боеприпасом ни к одному оружию, и по своему действию и конструкции они больше подпадают под определение взрывного устройства. Взрывное устройство «представляет собой по сути дела боеприпас, применяемый в военном деле, но зачастую выполненный не в заводских условиях, а из подручных материалов каким-либо «специалистом». Представляется, что под взрывными устройствами следует понимать предметы, которые объединяют в единое функциональное целое взрывчатые вещества и средства взрывания, с закреплением такого их понимания в специальном нормативном акте.

Реализация сформулированных автором предложений требует внесения изменений в Постановление Пленума Верховного суда, где из п. 4 необходимо исключить из категории боеприпасов ручные гранаты, и указать их в числе взрывных устройств. Данные предложения поддержали более 78% опрошенных в исследовании респондентов-сотрудников правоохранительных структур.

Третья проблема, сохраняющая свою актуальность, связана с санкциями нововведенных статей 222.1, 223.1 УК и применением наказания их совершение. Несомненно, уголовное наказание является эффективным средством противодействия незаконному обороту оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств. Однако, сравнительный анализ санкций ст.ст. 222.1 и 223.1 УК обнаруживает непоследовательность и нелогичность их построения. В частности, простой состав незаконного приобретения, передачи, сбыта, хранения, перевозки или ношения взрывчатых веществ или взрывных устройств (ч.1. ст.222.1 УК) отнесен к категории средней тяжести, а аналогичный состав незаконного изготовления данных предметов образует категорию тяжких преступлений. Очевидно, такой подход связан с тем, что законодатель полагает незаконное изготовление взрывчатых веществ или взрывных устройств (ч.1. ст.223.1 УК) более опасным. Правоприменительная практика также демонстрирует высокую общественную опасность незаконного изготовления взрывчатых веществ, особенно когда речь идет о создании подпольных цехов и мастерских в этих целях. Так, в ходе оперативно-розыскных мероприятий в селе Новый Параул Карабудахкентского района республики Дагестан обнаружена целая мастерская для изготовления взрывных устройств. В подвале частного домовладения находился укреплённый бункер, в котором укрывались преступники. В нём была оборудована мастерская для изготовления самодельных взрывных устройств. На месте спецоперации найдены шесть готовых бомб, 140 кг селитры, около 3 кг пластита и мешок алюминиевой пудры, восемь гранат, детали от гранатомета, огнестрельное оружие и порядка 6 тысяч патронов.

Вместе с тем, критерием общественной опасности применительно к незаконному обороту взрывчатых веществ и взрывных устройств является не характер совершенных действий, а предмет посягательства. В этой связи считаем не совсем оправданной санкцию ч.1. ст. 222.1 и предлагаем увеличить наказание в виде лишения свободы до шести лет, что позволит отнести данное преступление к категории тяжких преступлений.

Анализ имеющейся судебной практики применения уголовной ответственности по ст.222 УК РФ (до внесения изменений ФЗ от 24.11.2014 № 370-ФЗ) показывает, что в своей основе суды выносят приговора, не предусматривающие реальные сроки лишения свободы либо предусматривающие их в минимальных размерах. Так, из 580 лиц, осужденных в 2012-2013 гг. за совершение преступлений, предусмотренных ст. 222 УК РФ, наказания, связанные с реальным лишением свободы, назначено лишь 286 лицам.

А между тем, незаконный оборот взрывчатых веществ и взрывных устройств не имеет никаких «оправдательных» мотивов и, как правило, свидетельствует о приготовлении к особо тяжким преступлениям, в частности к терроризму. Если лицо, нарушающее правовой режим огнестрельного или холодного оружия, иногда руководствуется «оправдывающими» (хотя бы в моральном плане) мотивами:

коллекционирование антиквариата и образцов, представляющих конструктивный или исторический интерес, цель самообороны, память об отце и т. д., то обладатели взрывчатки и взрывных устройств, практически всегда преследуют преступную цель. Взрывчатые вещества и взрывные устройства являются основным оружием террористов и позволяют совершать наиболее резонансные преступления, влекущие массовые жертвы. Так, 23 сентября 2013 года в 8 часов утра в селе Хучни Табасаранского района член бандгруппы Азим Мукаилов на автомашине ВАЗ протаранил ограждение и въехал во двор районного отдела полиции, после этого привел в действие взрывное устройство, установленное в автомашине, начиненное поражающими элементами. В результате взрыва один сотрудник миграционной службы и один полицейский погибли, 17 человек, из которых 14 сотрудников полиции с ранениями различной степени тяжести госпитализированы. Мощность взрывного устройства составляла более 50 кг в тротиловом эквиваленте.

Более того, в практике встречаются также случаи «откровенного либерализма», когда в отношении лиц, совершивших такие преступления, суды выносят оправдательные приговоры или амнистируют, после чего данные лица оказываются на свободе и возвращаются к преступной деятельности, совершая еще более тяжкие преступления.

Думается, проявление чрезмерного либерализма при назначении наказания по данной категории дел неоправданно, не соответствует современной криминологической ситуации, и препятствует целям общей и специальной превенции. Поэтому считаем важным включить в Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации разъяснения о недопустимости назначения либеральных мер наказания по делам о незаконном обороте взрывчатых веществ и взрывных устройств.

Совершенствование борьбы с незаконным изготовлением взрывных устройств в Республике Дагестан

М.М.Мусаев

Главным направлением борьбы с преступность вообще с точки зрения обеспечения спокойствия, безопасности, стабильности общества, прав, свобод и законных интересов граждан является ее предупреждение.

Не углубляясь в полемику по этому вопросу, заметим, что предупреждение преступности и профилактика преступлений представляют собой главный составляющий элемент борьбы с преступностью.

Предупреждение преступности в сфере незаконного оборота взрывных устройств, в том числе незаконного изготовления взрывных устройств имеет свои особенности, что является следствием специфического своеобразия причин и условий, порождающих искомые преступления и способствующих им.

Предупреждение незаконного взрывных устройств изготовления охватывает меры общесоциального и специально-криминологического уровня.

Общесоциальные меры предупреждения и профилактики – это комплекс разнообразных мер, направленных на решение крупных экономических, социальных, политических и нравственно-правовых проблем, актуальных для современного общества.

В определенной мере стимулирует незаконное изготовление взрывных устройств в Дагестане наличие значительного числа лиц-мастеров оружейных дел, которым из поколения в поколение передавались знания и навыки изготовления оружия.

Хорошо иллюстрируют связь незаконного изготовления взрывных устройств с террористической деятельностью экстремистских организаций.

Между тем, изъятые у членов диверсионно-террористической группы взрывные устройства, их составные части, а также боеприпасы и способы приведения в действие ВУ, а также другие оперативные материалы дают основание полагать, что группа, кроме того, причастна к совершению:

взрыву 28.09.2011г. нефтепровода Баку-Новороссийск в местности «Балка» Карабудахкентского района. В результате взрыва поврежден нефтепровод диаметром 720 мм;

взрыву автомашины Мерседес главы М.О. «Городской округ город Хасавюрт» 12.10.2012г. в г.Хасавюрте, по ул.Алиева.

Таким образом, в последние годы прочно определилась тенденция роста опасных посягательств на жизнь и здоровье граждан, в том числе откровенно террористической направленности с использованием самодельных взрывных устройств.

К изготовлению взрывных устройств зачастую привлекаются военные специалисты, знающие и работавшие ранее с взрывной техникой.

В этой связи общая организация борьбы с терроризмом и экстремизмом в Дагестане в целом направлена и на предупреждение незаконного изготовления оружия. С этой целью в рамках проводимого оперативно-профилактического мероприятия «Вихрь-антитеррор», сотрудники правоохранительных органов осуществляют проверки на заводах, предприятиях и других местах, где возможно изготовление вооружения и деталей к нему, а также проверки обеспечение сохранности взрывчатых материалов гражданского назначения, проводят комплексные обследования и инвентаризации мест хранения оружия и взрывчатых веществ.

С известной долей условности вклад в предупреждение незаконного изготовления оружия вносит борьба с религиозным экстремизмом. В последние годы на состояние нравственности в Дагестане серьезное влияние оказала активная пропаганда экстремистского религиозного направления – ваххабизма, прежде всего, среди молодежи. Открывались «ваххабитские» мечети, издавалась и бесплатно распространялась, по

сути, реакционная литература. Далее шло скрытое создание незаконных вооруженных формирований под видом «защитников» исламских ценностей. Ваххабиты, прикрываясь религией, вербовали в свои ряды лиц, конфликтующих с законом, находящихся в розыске за совершение преступлений, а также религиозных фанатиков.

В этой связи нам представляется, что средства массовой информации Дагестана должны вести планомерную работу по разъяснению сущности и опасности ваххабизма и иных проявлений религиозного, политического, национального и т.п. экстремизма. Тема обеспечения безопасности республики, противодействия экстремизму должна стать главной темой в программах местного телевидения с участием интеллигенции, мусульман республики, которые должны осуществлять контрпропаганду идеям экстремизма, особенно среди молодежи.

Вопросы, связанные с противодействием экстремистской деятельности и борьбы с терроризмом неоднократно были рассмотрены на координационных заседаниях правоохранительных органов республики, оперативных совещаниях при руководстве МВД РД и УФСБ РД.

Меры специально-криминологической профилактики охватывают осуществление профилактического воздействия на конкретные социальные группы (микросреду), в которой складываются конфликтные ситуации и намечаются отрицательные явления. Если общесоциальные меры действуют в основном на стратегическом уровне, то уровень действия специальных мер в основном тактический, обусловленный ближайшими причинами и условиями преступлений.

Исходя из причин и условий, способствующих совершению рассматриваемых преступлений, предупредительные меры незаконного изготовления оружия на специальном уровне направлены на достижение следующих целей: искоренение спроса на незаконно изготовленное оружие у социально-благонадежной части населения; перекрытие каналов поступления незаконно изготовленного оружия в преступный оборот; изъятие незаконно изготовленного оружия из оборота.

Спрос на оружие, изготовленное незаконно, не ослабевает. Он прямой результат политических процессов, которые происходят в обществе, итог его стремительной криминализации, соответствующего психологического настроя. Раньше преступник, изготовивший или укравший автомат или пистолет, сталкивался с труднейшей, часто неразрешимой проблемой, где найти покупателя на оружие. Риск оказаться разоблаченным до реализации украденного или изготовленного оружия был весьма высок. Сегодня таких проблем не существует, покупатель всегда под боком.

А поскольку есть спрос, то преступные элементы изыскивают и, как показывает практика, находят возможности его удовлетворения, в том числе путем незаконного изготовления оружия.

В определенной мере спрос на оружие возрастает благодаря сложившейся криминологической обстановке в стране и республике, возрастанию тяжких и особо тяжких преступлений, совершаемых с использованием оружия, росту криминального насилия в целом. Разочарование населения в возможностях правоохранительных органов толкает людей на поиск иных средств защиты, и, естественно, выбор падает на необходимость наличия в доме оружия как предмета, специально предназначенного не только для нападения, но и для защиты. В этой связи большинство граждан игнорируют опасность привлечения к ответственности за преступления в сфере незаконного оборота оружия и ставят выше собственную имущественную и личную безопасность. Отдельные граждане либо сами незаконно изготавливают оружие самозащиты либо незаконно приобретают его у лиц, занимающихся незаконным изготовлением на профессиональной основе.

Повышенный спрос на оружие придал экономический характер незаконному изготовлению оружия, поскольку он является источником получения высоких доходов, нередко криминального происхождения. С принятием 20.05.1993 г. Закона «Об оружии» граждане России получили возможность использования его в качестве оружия самообороны, которое в основном получило широкое распространение в виде ствольного газового оружия (пистолеты и револьверы) и аэрозольных устройств. Ижевский, Тульский и другие оружейные заводы немедленно отреагировали на возможность реализации гражданам газового оружия и, поскольку строительство новой линии для производства газового оружия обходилось предприятиям дорого, было решено переделать линию для производства боевого оружия пистолетов типа ПМ, ПСМ под производство газового оружия. Более того, не имея возможности платить заработную плату рабочим, заводы-изготовители в массовом порядке рассчитывались с ними газовыми пистолетами. Опасность сложившейся ситуации связана еще и с тем, что оружейные заводы продолжают выпускать это оружие до сих пор.

Работа по предупреждению незаконного изготовления взрывных устройств сотрудниками лицензионно-разрешительной системы включает три направления: а) совершенствование государственного контроля за предметами вооружения; б) предотвращение фактов изготовления самодельного оружия; в) уничтожение всего изымаемого у населения оружия.

Ведущая роль в борьбе с незаконным оборотом оружия принадлежит оперативным аппаратам органов внутренних дел, среди которых особое место занимает уголовный розыск. Основные их задачи в этом направлении сводятся к следующему: предупреждение и раскрытие криминальных взрывов; предупреждение и раскрытие контрабанды огнестрельного оружия, боеприпасов и взрывчатых веществ; предупреждение и раскрытие хищений огнестрельного оружия, боеприпасов и взрывчатых веществ; предупреждение и раскрытие преступлений, связанных с раскопками на местах бывших боев и восстановлением оружия; предупреждение и раскрытие фактов изготовления самодельного оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств.

Большое значение для контроля за оборотом оружия имеет организация учета владельцев газового и травматического оружия.

Значительным резервом совершенствования борьбы с данным видом преступности является профилактическую работу с ранее судимыми лицами.

Следователи обязаны объективно, полно, всесторонне расследовать, выявлять причины и условия, способствующих совершению преступлений в сфере незаконного оборота оружия, принимать меры к их устранению. Между тем, для многих дел характерны неполнота следствия, поверхностное выявление причин и условий совершения преступлений, следователи часто не проявляют активность в установлении источника поступления предметов вооружения. В целом следственная и судебная профилактика остается одним из слабых звеньев в уголовном судопроизводстве. Эффективная борьба с рассматриваемыми преступлениями предполагает аналитическую работу следователей с последующей подготовкой обобщающих представлений о причинах и условиях этих преступлений и мерах по их устранению.

Таким образом, меры предупреждения незаконного изготовления взрывных устройств, чрезвычайно разнообразны и должны принимать в комплексе. Вместе с тем, предлагаемые нами отдельные мероприятия могут внести существенный вклад в пресечении незаконного оружейного промысла.

В этой связи требуется повысить эффективность их профилактики и предупреждения на всех уровнях ее осуществления, обеспечить комплексное взаимодействие между всеми субъектами предупредительно-профилактической деятельности.

Понятие источника (формы) права

М.М.Мусаев

Право появляется с возникновением государства, т.е. с возникновением в обществе власти, способной силой принуждения побудить подчиненных ей лиц исполнять обращенные к ним повеления. Для того чтобы право осуществлялось, необходимо дать подчиненным лицам возможность ознакомиться с содержанием воли государственной власти, без всякого сомнения, в ее подлинности. Следовательно, воля государственной власти, как бы последняя не была организована, должна выразиться во вне в определенной форме. Подобные формы выражения и закрепления положительного права, которые имеют значение обязательных средств ознакомления с его содержанием, и составляют то, что в правовой теории и практике получило название источников, или форм права.

В правовой теории до недавних пор значительное место занимала дискуссия о правильности терминов, обозначающих соответствующие понятия – «источник права» или «форма права». Каждый из этих терминов имеет как свои достоинства, так и недостатки.

Чаще всего использовался термин «источник права», который при этом определялся в самом общем виде как форма выражения права. Один из пионеров исследования понятия «источник права» в советской правовой теории С.Ф.Кечекьян обращал, прежде всего, внимание на то, что под источником права следует понимать специфическую (особую) форму изъявления воли и придания ей значения общеобязательной нормы.1

Действительно, углубленный анализ приводит к дифференцированному рассмотрению формы права, в частности формы правовой нормы. Наряду с внутренней формой можно выделить внешнюю форму правовой нормы, являющейся «выражением вовне внутренне организованного содержания ее».2 Именно внешнюю форму выражения права обычно и называют источником права. Керимов Д.А. при этом уточняет: «Источником права в так называемом формальном смысле».3 П.Е.Недбайло подчеркивал при этом другую сторону понятия источника права. Он обращал внимание на то, что правовые нормы «устанавливаются в определенных формах, служащих формальным основанием их общеобязательности».4 Именно эти формы придают содержащимся в них правилам, отмечал Недбайло официальное, нормативное значение. Поэтому эти формы и называются «источником права» в формальном (юридическом) смысле.

Таким образом, источником права признавалась форма объективизации правовой нормы. Причем только объективированная («в определенной форме») норма становится общеобязательной, правовой нормой, реализация, которой обеспечивается соответствующими средствами государственного воздействия. Норма права не существует и не может существовать вне источника права – оболочки бытия правовой нормы. Такой же точки зрения придерживались С.А.Голунский Е.Ф.Кечекьян, М.С.Строгович. – С. Л.Зивс. Последний, говоря об использовании термина «источник права» указывал на то, что этот термин имеет одно существенное преимущество: он является специальным и условным, и соответственно не претендует на предельную точность, но он является удобным в употреблении.5

В связи с этим, он подчеркивал, что одним из следствий дискуссии о понятии источника права, которая носила преимущественно терминологический характер, явилось то, что многие авторы, не желая отказываться от использования понятия «источник права», пытались иногда употреблять самые различные уточняющие характеристики.

---

[1] Кечекьян С.Ф. О понятии источника права. – М., 2006. – С. 4.
[2] Керимов Д.А. Философские проблемы права. – М., 2002. – С. 218.
[3] Там же.
[4] Недбайло П.Е. Применение правовых норм. – М., 2010. – С. 34.
[5] Общая теория государства и права: Академический курс / Под ред. М.Н. Марченко. – М., 2008. – Т. 2. – С. 133.

Так, говорили об «источниках права» в юридическом смысле, о «специальном» значении понятия «источник права», об источниках – «в прямом», «в узком» значении, нередко говорили о «формальных» источниках права. Со своей стороны, Зивс также предложил более точный вариант определения понятия «источник права» как «источник норм права», аргументируя тем, что речь идет именно о внешней форме выражения правовой нормы. При этом он считал, что подобное уточнение может исключить критику в «двойственном» понимании источника права как «источник права в материальном смысле» (материальные условия жизни) и одновременно с этим как «источник права в формальном смысле» (формы объективного выражения и закрепления обязательности правовых норм).[1] В отраслевых юридических науках термин «источник права» сохранил свое значение. Со временем и в теории права происходит «восстановление в правах» старого понятия.[2]

Кроме того, указывалось, что термин «источник права» можно рассматривать и с точки зрения источника, порождающего или объективно обуславливающего возникновение правовых норм, т.е. как причины возникновения правовых норм. В таком контексте источник – не «форма выражения», а корень, исток возникновения, укрепления и развития тех или иных форм права или даже целых правовых систем. Это понимание, безусловно, должно раскрываться при характеристике сущности, содержания права, как и любого иного общественного явления.

Такое понимание «социальных предпосылок» права (материальных, социально-психологических, политических, нравственных) важно для юриспруденции, но оно несопоставимо с понятием юридического источника (формы) права, о котором идет речь при изложении данной темы.

Возникшее терминологическое неудобство можно было бы разрешить, заменив термин «источник» (в смысле формы права) непосредственно термином «форма права». Но такое предложение вряд ли приемлемо. Поскольку термин «форма права» тоже многозначен: под «формой права» понимаются и внутренняя структура системы права (разграничение права на отрасли и институты), и внешняя форма выражения правовых норм (нормативно-правовой акт, его статьи), также особенности языка законодательства, его систематизация и т.п., советский теоретик права Б.В.Шейндлин насчитал пять значений термина «форма», применяемых к праву. Свою работу, где исследовалась эта проблема – «Сущность права», а в то время не были еще известны некоторые современные аспекты широкого понимания права. Не были развиты тогда и исследования о законодательной технике.

Но не стоит думать, что спор о правильности применения терминов «источник права» и «форма права» являлся специфическим спором советского времени. Подобного рода мнения о необходимости точного определения терминов высказывались еще дореволюционной русской теории права. Так, например, Н.М.Коркунов видел значение понятия «источник права» прежде всего в том, что «с его помощью всякий может определить наперед, с возможной точностью, при соблюдении каких обязательных правил он может быть обеспечен от притязания со стороны других… Именно эти формы объективирования юридических норм, служащие признанием их обязательности… называются источниками права».[3] При этом он отличал такое понятие «источника» от силы, творящей право, поскольку законодатель непроизвольно творит право, а также субъективного правового сознания и таких понятий как «природа вещей», «справедливость» и даже от «науки права», поскольку понимание этих категорий разными людьми различно и само по себе не может служить мерой общеобязательности. Аналогично, объясняли значение понятия «источник (форма) права» Е.Н.Трубецкой, В.М.Хвостов. Напротив, Г.Ф.Шершеневич, признавая, что название источника права издавна носят те формы, в которых выражаются нормы права, предпочитал термин «формы права».

Из всего вышеизложенного видно, что, несмотря на различные точки зрения относительно всех возможных значений понятий «формы права» и «источника права», мнения авторов сходятся в одном: термины «форма права» и «источник права» употребляются при освещении данной темы в одном и том же значении внешней формы объективизации, выражения права или нормативной государственной воли.

Таким образом, юридическими источниками, или формами права следует считать «…официальные формы выражения и закрепления (а также изменения или отмены) правовых норм, действующих в данном государстве».[4] Именно с таких позиций мы и будем рассматривать источники (формы) права в данной работе.

Виды форм права, их роль в различных правовых системах с точки зрения соотношения с законом

М.М.Мусаев

История развития права, и, в частности, анализ современных тенденций в праве, показывает, что содержание права может найти свое выражение в различных, но не в любых формах. Определенное содержание вовсе не может быть заключено в любую юридическую форму. Выбор содержания и формы правовых норм зависит от объективных предпосылок. Вместе с тем выбор конкретной формы права и наделение ее определенной юридической силой зависит также и от воли государственной власти, представленной соответствующим нормоустанавливающим органом.

---

[1] Зивс С.Л. Источники права. – М., 2011. – С. 21.

[2] Там же.

[3] Общая теория государства и права. Академический курс / Под ред. – М.Н.Марченко. – М., 2013. – Т. 2. – С. 133.

[4] Там же.

Чтобы определить различие источников права, необходимо обратиться к строению юридической нормы. В каждой норме права можно обособить содержание и повеление. Первая часть описывает то повеление, которое вменяется гражданам, вторая часть предписывает держаться этого поведения. Это теоретическое различие чрезвычайно важно для понимания источников права, Например, проект закона тождественен по содержанию с законом, но у него недостает второго элемента, присоединение которого превращает проект в закон, т.е. в источник (форму) права. Также в отношении решения спорного вопроса. Оно может оказаться одинаковым и в толковании ученого юриста, и в толковании высшего суда. Различия между ними, по существу, с юридической точки зрения нет до тех пор, пока государственной властью не будет придана обязательность тому или другому. Прежде всего, государственная власть может самостоятельно, от своего имени выработать и объявить содержание нормы в форме закона, но весьма возможно, что государственная власть предоставит другим выработать содержание и ограничится тем, что наделит его своей санкцией и тем придаст созданным нормам юридический характер. Кому будет предоставлена выработка содержания норм, зависит от усмотрения государственной власти. Кроме нее никто в обществе не может придать своим нормам юридически обязательный характер и, следовательно, никакие формы выражения норм не могут без воли государственной власти иметь значение источников (форм) права.

Соответственно в зависимости от усмотрения государственной власти источники права могут быть весьма различны, различаясь по времени, месту и юридической силе.

Государственная власть может разрешить своим органам, например судам, применять те нормы, которые выработались силой бытовых отношений в общественной среде. Нормы обычного права, хотя и создаются помимо участия государственной власти в выработке их содержания, но юридический характер приобретают по воле государственной власти. Это не самостоятельный источник права как закон, а производный. Этому взгляду, по-видимому, противоречит то обстоятельство, что содержание некоторых норм обычного права старее самой государственной власти. При этом довольно частом возражении упускают из виду, что нормы общежития могут возникнуть и существовать задолго до превращения их в нормы права, без изменения содержания. Превращение же «обычных» норм в юридические возможно только с появлением государственной власти. Еще менее состоятельно возражение, основанное на том, что содержание норм обычного права создается без ведома государственной власти, а потому и не может зависеть от ее воли. Но, если власть не знает, что выработалось или вырабатывается, то зато она выразила свое желание, чтобы выработанное применялось к жизненным обстоятельствам и предоставило ему свою защиту. Есть и другие случаи, где государственная власть не участвует в выработке содержания, но где несомненно, что сила норм основывается на авторитете государственной власти.

Таковы случаи, когда государственная власть предоставляет вырабатывать содержание норм научному правоведению, как это было в римской империи. Не само по себе научное правоведение является источником права, а вследствие выраженной воли государственной власти. Римским императорам угодно было придать содержанию сочинений некоторых юристов значение источника права и наука выступила в этой роли. Точно также в новое время, особенно в XIV–XVI вв., в Западной Европе обращались к юридическим факультетам за разрешением спорных вопросов, и таким решениям придавалась обязательная сила.

В истории роль источника права принадлежала также судебной практике. Современные государства, как правило, отказывают ей в этом значении, без воли государственной власти, как уже было сказано выше, источники права немыслимы.

Помимо этого выработка содержания норм права может быть предоставлена административным органам. Также, по некоторым вопросам, соприкасающимся с областью религиозных верований, государственная власть в ряде случаев принимает в качестве юридических, нормы, выработанные в сфере религиозного общества.

Таким образом, содержание правовых норм может быть выработано различными субъектами, наделенными правом на подобного рода действия. Но закрепление содержания в определенной форме права зависит от воли государственной власти, которая с помощью иерархической системы форм (источников) права наделяет их определенной юридической силой, соответственно, определенной значимостью и возможностью защиты.

Предпочтительное использование и придание большей юридической значимости одним источникам права по сравнению с другими зависит в большей степени от установленной в стране правовой системы. Например, система имеет религиозный характер, и никакой законодатель не вправе изменять нормы такого права. В других странах законы – лишь модели, которые считают естественным нарушать, если того требует обычай. Кое-где еще судебному решению придается значение, выходящее за рамки данного процесса. Использование общих принципов и формул также может в некоторых правовых системах служить для того, чтобы подправить применение формально неизменных норм действующего права. При этом следует учитывать, что теоретический подход к определению юридической силы источников права не всегда совпадает с реальным положением вещей. Так, доктрина во Франции утверждает, что судебная практика не является источником права; тем не менее, в действительности при определенных обстоятельствах решения кассационного суда или государственного совета играют роль не меньшую, чем закон. Еще и сегодня в Англии закон охотно изображают как исключительный феномен в системе, которая является классической системой судейского права. Однако законы в Англии столь же многочисленны, и они играют там роль ничуть не меньшую, чем во Франции. Их перестали толковать буквально и ограничительно, как это

предписывалось старинными законами. Доктрина ислама не допускает, чтобы законодатель мог изменять нормы права, составляющие священное мусульманское право; это запрещение не препятствует тому, чтобы различными путями (полицейскими или процессуальными) властитель в мусульманских странах фактически парализовал действие той или иной нормы или подчинил ее применение различным условиям, не затронув ортодоксальных принципов.

Все вышеизложенное позволяет нам выделить основные источники права различных правовых систем. К ним относятся: правовой обычай, закон, судебные и административные прецеденты, правовые договоры, правовая доктрина, религиозные каноны. Рассмотрим их с точки зрения соотношения с законом, чтобы лучше понять то, место, которое отводится закону различными правовыми системами. Причем основное внимание будет уделено положениям континентального права, поскольку именно в нем закон признается главным источником права. Следует также отметить, что Россия традиционно относится именно к этой правовой системе.

Исторически первым источником права был обычай – правило поведения, ставшее юридической нормой вследствие его общего значения и длительного фактического применения. Обычай консервативен, закрепляя результаты общественного опыта, воспринятые культурой народа. Неслучайно большинство норм обычного права совпадают с религией и моралью, выражая их ценности.

Таким образом, за редким исключением, обычай потерял характер самостоятельного источника права. Случается, что о нем вообще вспоминают лишь тогда, когда говорят о толковании закона. Однако, если закон понимать, как одно из средств (безусловно главное в наши дни) для выражения права, то ничто не мешает признанию наряду с законодательными актами полезности других источников. И среди этих последних важное место займет обычай; естественно и даже необходимо учитывать обычное поведение людей, чтобы установить то, что объективно считается в обществе справедливым.

Учитывая это, российский законодатель стал придавать большее значение правовым обычаям. Применение обычая предусмотрено Гражданским и Семейным кодексами. Так, например, в ГК РФ 1994 г. введены общие нормы о возможности применения обычаев делового оборота, не противоречащих закону или договору (ст. ст. 5 и 6 ГК). Это значительное расширение сферы применения правового обычая, который прежде применялся только при прямом указании закона, относящегося к тому или иному виду отношений (раздел имущества крестьянского двора, обычаи морского порта). На новом основании возможно широкое применение обычаев, в частности местных, национальных, а также деловых обыкновений, сложившихся в различных отраслях хозяйства.

Другой вид источника права – судебная практика и судебный прецедент признавались еще в Древнем Риме. Решения преторов и других магистратов по конкретным делам считались там обязательными образцами (источниками права) для решения всех аналогичных дел. В результате сложилась целая система преторского права.

Распространенный в Средневековье, судебный прецедент постепенно теряет свое значение в Новое время, играя главную роль лишь в Англии и в странах, в которых получило так называемое англосаксонское общее право.

Роль судебной практики в странах романо-германской правовой семьи может быть уточнена только в связи ролью закона. Учитывая современное стремление юристов всех стран опереться на закон, творческая роль судебной практики всегда или почти всегда скрывается за видимостью толкования закона. Судьи упорно придерживаются позиции постоянного подчинения закону даже тогда, когда законодательство открыто, признает, что закон не может предусмотреть все. И только в исключительных случаях юристы отказываются от этой привычки и открыто признают наличие у них власти по созданию правовых норм.

Но можно ли все же полагать, что на деле судьи создадут правовые нормы? Ведь между нормами, выраженными судебной практикой и нормами, установленными законодателем, наблюдаются существенные различия, которые заключаются в том, что, во-первых, судебная практика действует в рамках, установленных для права законодателем, тогда как деятельность самого законодателя состоит именно в установлении этих рамок. Значение права, создаваемое судебной практикой, уже в силу этого ограничено, и положение в романо-германских правовых системах с этой точки зрения противоположно тому, которое существует в странах английского общего права; во-вторых, правовая норма, созданная судебной практикой не имеет того авторитета, которым обладают законодательные нормы. Она достаточно непрочна, ее можно в любой момент отбросить или изменить в связи с рассмотрением нового дела. Судебная практика не связана нормами, которые она сама создала. Она даже не может общим образом сослаться на них для обоснования принимаемого решения. Если в новом деле судьи применяют норму, которую они уже применяли ранее, то это делается не потому, что она приобрела обязательный характер; она его не имеет. Поворот в судебной практике всегда возможен, и судьи не обязаны его обосновывать. Этот поворот не посягает на рамки права, не угрожает принципам права. Норма, созданная судебной практикой, существует и применяется лишь в той мере, в какой судьи (каждый судья) считают ее хорошей. Понятно, что в этих условиях трудно говорить о норме.

Также необходимо обратить внимание на увеличение числа различного рода сборников и справочников по судебной практике, которые ведут к единообразию разрешения юридических вопросов, что в результате сказывается на стабильности права. Эти сборники и справочники пишутся не для историков права или социологов и не для удовольствия их читателей; они создаются для юристов-практиков, и их роль объяснима лишь тем, что судебная практика является в прямом смысле слова источником права. Количество и качество этих сборников могу дать представление и о важности судебной практики как источника права.

В РФ на настоящий момент признание судебной практики судов общей юрисдикции по-прежнему остается на уровне половинчатого решения о роли «руководящих разъяснений» Верховного Суда, а также Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ. Однако в теории и на практике признано, что суды в праве решать конкретные дела, применяя эти самые разъяснения. Опираясь на толкование, данное в решениях высших судов, все больше утверждается мнение о том, что если Верховный или Высший Арбитражный Суд защитил те или иные интересы, требования или поведение как законные или отверг как незаконные, то он «тем самым дал основание к новому пониманию и применению данных правовых норм».[1] Именно в этом, а не в противопоставлении закону судебного прецедента состоит роль судебной практики как особого источника права в странах континентальной системы права.

Такое признание роли судебной практики сулит более обоснованные и полезные для укрепления законности результаты, чем далеко не всегда квалифицированные споры, порождающие лишь волокиту в законодательной деятельности по частным и сложным правовым вопросам. Пусть законодатели лучше изучают и обобщают судебную практику, возводя затем в закон то, что проверено практикой и отвергая то, что оказалось неверным на деле.

В Российской Федерации источниками права признаются договоры нормативного содержания, среди которых можно выделить: международные договоры, коллективные договоры, различные соглашения как разновидности договора. Еще одним видом источников права являются труды ученых-юристов, или иначе правовая доктрина. В течение длительного времени доктрина была основным источником права в романо-германской правовой семье. Именно в университетах были главным образом выработаны в период XIII-XIX веков основные принципы права. И лишь относительно недавно с победой идей демократии и кодификации первенство доктрины было заменено первенством закона. Поскольку это изменение произошло сравнительно недавно, а также если учесть, что закон на практике – это не то, что закон в теории, то с учетом этих двух факторов можно установить подлинное значение доктрины вопреки часто встречающимся упрощенческим формулам, согласно которым они не являются источником права. Если считаться с реальностью, то доктрина в наши дни, так же, как и в прошлом, составляет очень важный и весьма жизненный источник права. Эта ее роль проявляется в том, что именно доктрина создает словарь и правовые понятия, которыми пользуется законодатель. Важна роль доктрины в установлении тех методов, с помощью которых открывают право и толкуют законы. Добавим к этому влияние, которое доктрина может оказывать на самого законодателя. Последний часто лишь выражает те тенденции, которые установились в доктрине, и воспринимает подготовленные ею предложения. Но речь никоим образом не идет о преуменьшении роли закона. Эта роль имеет в нашу эпоху первостепенное значение, ее сохранение в современных условиях является процессом и подлинной необходимостью. Однако признание важной роли закона не должно вести к тому, чтобы закрывать глаза на реальные отношения между ним и доктриной и устанавливать «диктатуру» закона. В действительности все гораздо более сложно. Доктрина влияет на законодателя и, соответственно, является лишь косвенным источником права. Помимо этого, доктрина также играет весомую роль в применении закона, и было бы трудно, не искажая действительности, отрицать за ней в этой сфере качество источника права.

Следующим источником права, на который следует обратить внимание в данной работе, признаются общепризнанные принципы и нормы международного права. Сотрудничество юристов в применении и в выработке права проявляется также в использовании некоторых «общих принципов», которые юристы могут найти как в самом законе, так и вне его. Ссылка на эти принципы и их использование труднообъяснимы для теоретиков законодательного позитивизма. Эти принципы показывают подчинение права велениям справедливости в том виде, как она понимается в определенную эпоху и в определенный момент. Они раскрывают также характер не только систем законодательных норм, но и права юристов в данной правовой системе. Выше уже отмечалось, что законодатель может иногда отказаться действовать сам и обращается к юристам, чтобы выбрать из большего числа гипотез требуемое ситуацией справедливое решение. Закон сам обнаруживает свои пределы, когда вооружает юристов критерием справедливости, отсылает их к обычаям и даже к естественному праву или подчиняет применение закона критериям добрых нравов и публичного порядка. Ни одна законодательная система не может обойтись без таких корректировок или оговорок, поскольку их отсутствие может привести к расхождению между правом и справедливостью.

Таким образом, теория источников права во всех странах отражает традиционную концепцию, согласно которой право не создается априорным путем и не содержится исключительно в законодательных нормах. Юристы, стремясь достичь в каждом вопросе справедливого решения, используют различные источники права, в любом их сочетании. Однако доминирующая роль среди источников права в различных правовых системах, особенно в континентальном праве, отводится нормативно-правовому акту. Он объединяет в себе общеобязательные правила поведения, которые создаются и охраняются государством. К нормативно-правовым актам относятся конституции, другие законы, нормативные решения органов исполнительной власти. В отличие от других источников права, нормативные акты наиболее полно выражают согласованную волю общества, способствуют созданию единой и согласованной системы правовых норм, достаточно оперативно отражающих изменяющиеся потребности общественного развития,

[1] Общая теория государства и права: Академический курс / Под ред. М.Н. Марченко. – М., 2013. – Т. 2. – С. 153.

обеспечивают динамизм и стабильность правового регулирования, а также отличаются доступностью и удобством поиска содержащейся в них информации.

Классификация законов

М.М.Мусаев

Юридический смысл слова «закон» состоит в том, что под законом имеют в виду «правило, постановление высшей власти».[1] С древнейших времен и на языках других народов сложилось аналогичное смысловое значение соответствующих терминов (lex – лат., gesetz – нем., law – англ.). Общее юридическое правило – это и есть норма права, а закон как акт, принимаемой высшей властью – тот источник, в котором право (нормы права) рождается и содержится, юридический источник, права. Соответственно, законом является нормативный акт, устанавливающий, излагающий отменяющий или изменяющий общие предписания – нормы права.

В теории права определение закона формулируется следующим образом: это нормативно-правовой акт, принимаемый высшим представительным органом государства в особом законодательном порядке, обладающий высшей юридической силой и регулирующий наиболее важные общественные отношения с точки зрения интересов и потребностей населения страны.

Следует только к этому добавить, что общий характер (нормативность) закона не означает того, что в законе не могут содержаться отдельные индивидуальные или директивные предписания – поручения правительству, бюджетные или плановые показатели, программные положения, декларации. Например, закон о государственном федеральном бюджете в основном состоит из финансовых показателей, хотя включает и отдельные нормы обычного типа общих правил.

Итак, исходя из данного выше определения закона, можно дать следующие его признаки:

Закон представляет собой нормативное выражение воли народа в результате согласования различных социальных интересов. Это, в принципе, общепризнанная практика современных государств. Однако исключения из этого общего правила считаются допустимыми, например, в Великобритании, где любой акт парламента (обеих его палат), промульгированный королевой, считается законом. Таким путем устанавливаются персональные пенсии, иное содержание бывшим должностным лицам или иные социальные акции. В истории России практиковались «именные» указы царя или Сената, боярские «приговоры», часто тоже именные. В российской Федерации принимаются «именные» законы, например, о назначении содержания семьям погибших депутатов. Разумеется, они не меняют общего правила нормативности законов Федерального Собрания;

Законы принимаются высшими представительными органами государства или самим народом в результате референдума. Это связано с тем, что издавна любой закон считается актом выражения высшей власти в государстве. В древние времена, например, в государствах Древнего Востока, не знавших не только современного конституционного строя, но и даже Афинской или Римской республики, высшей властью обладал верховный правитель, согласно религиозным и нравственным убеждениям получивший власть и сами законы об Бога (Моисей по Библии, царь Вавилона Хаммурапи по эпосу – от верховного бога Мардука). Традиция божественной власти царя, воплощаемой в законах, господствовала при феодализме в Европе и России. Поэтому не каждый закон обладает теми признаками, которые ему придает конституционный строй. Но и при конституционном строе закон остается актом высшей власти в государстве. Таким образом, в РФ закону должны быть присущи именно те признаки, которые присущи конституционному строю России. Один из главных признаков состоит как раз в том, что законы принимаются только органами народного представительства или непосредственно народным голосованием. Следует при этом заметить, что Конституция РФ прямо не предусматривает принятия законов в порядке референдума. Но в действующем законе «О референдуме РСФСР» нет запрета на вынесение законопроектов на референдум (см. ч.2 ст.1);

Закон регулирует наиболее важные отношения в государстве и обществе, обеспечивает упорядоченное развитие экономических, политических и социальных сфер. Об этом уже достаточно много говорилось в предыдущем изложении, поэтому вряд ли стоит здесь раскрывать данное положение еще раз;

Закон обладает наибольшей юридической силой среди других правовых актов. Ведущее и определяющее положение законов в системе нормативно-правовых актов государства выражает одно из основных требований законности – верховенство закона в регулировании общественных отношений. Оно означает нормативную ориентацию закона и обязательность соответствия его положениям других правовых актов. Ни один подзаконный акт не может вторгаться в сферу законодательного регулирования. Иначе он должен быть приведен в соответствие с законом или отменен;

Закон обладает наибольшей нормативной концентрированностью и рассчитан на предоставление субъектам права широкого выбора вариантов поведения, на неопределенно множественное число случаев применения;

Закон принимается в рамках специального законодательного процесса и на основе установленных процедур. В государствах современной парламентской демократии закон принимается представительным органом власти по определенной регламентом законодательной процедуре. Такая процедура, во-первых, обеспечивает внесение законопроектов по действительно важным вопросам жизни страны. Это закрепляется обычно ограничением круга субъектов законодательной инициативы, т.е. органов, лиц, либо определенного

---

[1] Даль В.И. Толковый словарь русского языка. – М., 1981. – Т. 1. – С. 588.

числа граждан (народная инициатива в Австрии, Италии). К числу таких субъектов относятся, обычно, глава государства, правительство, депутаты или группа депутатов, высшие судебные инстанции, некоторые другие органы. В Российской Федерации это: Президент, Правительство, депутаты Государственной Думы и Совета Федерации, законодательные (представительные) органы субъектов Федерации, а также Конституционный Суд и другие высшие суды РФ по вопросам их ведения (ст. 104 Конституции РФ). Во-вторых, законодательная процедура призвана обеспечить всестороннее обсуждение принятых к рассмотрению законопроектов. Она предусматривает планирование законодательной деятельности, рассмотрение их в трех стадиях (чтениях), обеспечивающее возможность всех депутатов, фракций и групп внести свои предложения, как по концепции проекта, так и по его конкретным статьям (главам, разделам), и, в конечном счете, – голосование по статьям (разделам) закона, и затем – по принятию закона в целом. Установлена процедура голосования законопроектов и порядок их принятия палатами. Для принятия конституционных законов требуется квалифицированное большинство голосов депутатов каждой из палат Собрания (ст. 108 Конституции).

Рассмотрение проектов и принятие законов происходит по палатам: законы принимаются Государственной Думой с последующим утверждением Совета Федерации. Принятый закон направляется на подписание и обнародование Президенту, который может отклонить принятый закон. Федеральное Собрание может повторно рассмотреть законопроект, подтвердив его ранее принятую редакцию. В этом случае президентское отклонение считается преодоленным, и Президент обязан подписать и обнародовать повторно принятый Федеральным Собранием закон (гл. 5 Конституции РФ). Принятые в установленном порядке федеральные законы имеют верховенство на всей территории Российской Федерации (ч. 2 ст. 5 Конституции). Они не должны противоречить Конституции РФ, подлежат официальному опубликованию и без опубликования не применяются (ч. 3 ст. 15 Конституции). Закон обязательно публикуется в официальных изданиях, а также может быть опубликован и в других органах печати, обнародован по телевидению, радио, передан по линиям связи соответствующим государственным органам и общественным организациям.

Таким образом, принятие закона включает в себя четыре обязательные стадии:

– внесение законопроекта в законодательный орган;

– обсуждение законопроекта;

– принятие закона;

– его опубликование (обнародование).

Для правильного применения правовых норм необходимо точно определять пределы действия законов во времени, в пространстве и по кругу лиц, на которых они распространяются. Ведь любой закон издается для того, чтобы в установленный промежуток времени на определенной территории регулировать поведение определенного круга лиц.

Действие закона во времени.

Оно начинается, по общему правилу, с момента вступления закона в силу. Во многих странах действуют специальные правила вступления в силу нормативных актов. Они заключаются в том, что:

– акт вступает в силу с момента его принятия правотворческим органом;

– акт начинает действовать по истечении определенного срока после его опубликования. Так, например, федеральные и федеральные конституционные законы России вступают в силу по истечении 10 дней с момента их официального опубликования в Российской газете или в Собрании законодательства РФ;

– самим законом может быть установлен другой порядок вступления его в силу, например, со дня опубликования или, наоборот – спустя некоторое время, с целью приведения в соответствие с ним различных условий его применения.

Однако никто, ни один орган не может принять решение о вступлении закона в силу до его опубликования. Такое положение во многих государствах, как правило, записывается в Конституции. Есть подобного рода норма и в Конституции РФ: ч. 3 ст. 15 гласит «законы подлежат официальному опубликованию. Неопубликованные законы не применяются».

Установление точного срока вступления в силу нормативных актов важно потому, что именно с этого момента их предписания подлежат исполнению. Новый закон распространяет свое действие только на те отношения, которые имеют место после его вступления в силу. Это значит, что обратной силы закон не имеет. Соответственно, предписания закона не распространяются на те отношения, которые возникли и существовали до его издания. Такое положение является надежной гарантией обеспечения прав и обязанностей граждан, поддержания прочного правопорядка. Однако в отдельных случаях допускаются исключения из указанного принципа. Так, в РФ уголовные законы, устраняющие либо смягчающие наказание, имеют обратную силу. В отличие от них законы, устанавливающие наказуемость или усиливающие наказание, обратной силы не имеют (ст. 6 УК РФ). Аналогичное правило установлено относительно обратной силы законов об ответственности за административные правонарушения (ст.9 КоАП).

Законы действуют вплоть до их официальной отмены или частичного изменения отдельных предусмотренных ими предписаний. Вторым основанием прекращения действия закона во времени является истечение срока, на который издан данный акт или его отдельные предписания.

Действие закона в пространстве.

Пределы действия закона в пространстве определяются территорией, на которую распространяются его предписания. Под территорией понимается земная поверхность, недра, водное и воздушное

пространства в пределах государственной границы, территория посольств за рубежом, военные корабли в открытом море и в иностранных территориальных водах, невоенные суда в открытом море, кабины летательных и космических аппаратов в атмосфере. Действие законов распространяется, как правило, на территорию, которая подведомственна органу, их издавшему. Так, законы членов федеративного государства действуют лишь на их территории. Также при федеративном государственном устройстве в отдельных случаях допускается возможность действия некоторых правовых норм одного государства на территории другого государства (например, при разрешении имущественных споров, вопросов о наследстве).

Таким образом, по общему правилу, пределы действия закона в пространстве ограничены территорией данного государства либо его отдельных частей. Например, в России федеральные законы, как правило, действуют на всей территории РФ, а республиканские и региональные – на территории каждого из субъектов Федерации. Нормативно-правовые акты органов местного самоуправления действуют в пределах территории данного муниципального образования (района, города, села и т.п.). Некоторые федеральные законы прямо предназначены для применения к отдельным территориальным пределам в РФ. Примером могут служить законы, относящиеся к районам Крайнего Севера, пограничным зонам, континентальному шельфу, а также особым экономическим зонам.

Существуют также классификации законов: по субъектам правотворчества (деление на принятые в результате референдума и на принятые органами власти), по отраслевой принадлежности, а также по сроку действия (деление на постоянные и временные).[1]

Таким образом, классификация законов отражает правовую действительность и достижения юридической науки. Она может быть весьма полезна для законотворческой деятельности и четкого упорядочения всего массива законодательства.

Право на жизнь в системе основных прав и свобод человека, его свойства

М.М.Мусаев

Важнейшим шагом в развитии прав человека явились буржуазно-демократические революции XVII-XVIII вв., которые выдвинули не только широкий набор прав человека, но и принцип формального равенства, ставший основой универсальности прав человека, придавший им подлинно демократический характер.

Дальнейшим этапом углубления и развития каталога прав человека стала вторая половина XX в. После Второй мировой войны, сопровождавшейся грубыми массовыми нарушениями прав человека, они вышли за пределы внутригосударственной проблемы и стали предметом постоянного внимания международного сообщества. Признание Всеобщей декларации прав человека,[2] Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод,[3] Международного пакта о гражданских и политических правах,[4] Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах, [5] Конвенции о предупреждении преступлений геноцида и наказания за него,[6] Международной конвенции о ликвидации всех форм расовой дискриминации[7] и ряда других важнейших международно-правовых актов явилось неоценимым вкладом в развитие цивилизации и культуры XX в.

Что же касается конституций, то они, подстраиваясь под определенный этап жизни общества постоянно дополнялись правами и свободами человека, но, при этом обеспечивали полноправную жизнь не всему обществу в целом, а лишь некоторой части общества, являющейся «правящей верхушкой» такого общества.

Значение Конституции определяется тем, что нормы, установленные в ней, должны выступать как форма воплощения государственной воли народа, то есть те задачи, которые ставит перед собой общество, указываются принципы его организации и жизнедеятельности.

Конституция закрепляет наиболее важные и социально значимые для отдельного человека, общества и государства права и свободы. Для человека они являются необходимыми условиями обеспечения его достоинства и чести, присущей человеческой личности; естественного права на участие в решении вопросов устройства и управления тем обществом, членом которого он является; социальных и экономических условий, необходимых ему для удовлетворения жизненно важных для него материальных и духовных потребностей. Поэтому основные фундаментальные права, зафиксированные в конституции государства и

---

[1] Комаров С.А. Общая теория государства и права. – М., 2013. – С. 228.

[2] Всеобщая декларация прав человека // Российская газета. – 05.04.1995.

[3] Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод // СЗ РФ от 08.01.2001. – № 2. – Ст. 163.

[4] Международный пакт о гражданских и политических правах // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 1994. – № 12.

[5] Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 1994. – № 12.

[6] Конвенция о предупреждении преступления геноцида и наказания за него (Заключена 09.12.1948) // Международная защита прав и свобод человека: Сборник документов. – М.: Юридическая литература, 1990. – С. 98 – 103.

[7] Международная конвенция о ликвидации всех форм расовой дискриминации (Принята 21.12.1965 Резолюцией 2106 (XX) Генеральной Ассамблеи ООН) // Международная защита прав и свобод человека: Сборник документов. – М.: Юридическая литература, 1990. – С. 125 – 139.

важнейших международно-правовых актах, являются правовой базой для производных, но не менее важных прав.

Предметом конституционного права является не взятое в отдельности то или иное основное право, а все они, вместе взятые, в единстве, в комплексе. Поскольку они регулируют однородные правовые отношения между человеком и государство (сообществом государств), он и образуют единый правовой институт.[1] Данный вывод имеет важное теоретическое значение. Во-первых, он позволяет взглянуть на основные права человека как на нечто целостное. Во-вторых, признание основных прав институционным образованием означает, что оно, как и всякое иное явление реальности, обладает рядом объективных характеристик.[2] Важнейшая из таких – свойства. Свойства не только объединяют основные права в единую правовую категорию, но и дают возможность отграничить от других записанных в различных нормативных актах прав, глубже понять их содержание и социальное назначение.

Поскольку свойства основных прав человека имеют важное теоретическое и практическое значение для конституционного права, постольку есть необходимость их адекватного толкования. Такая необходимость объясняется несколькими обстоятельствами: 1) отсутствием в науке конституционного права научно обоснованной теории свойств основных прав человека (как и прав человека вообще); 2) отсутствием теоретико-правового и конституционно-правового определения понятия – «свойство основного права человека»; 3) широким использованием учеными наряду с термином свойства основных прав» других схожих с ним терминов, таких, как: «качество», «признаки», «черты», «особенности».

Так, в свое время О.Е.Кутафин основным правам приписывал следующие свойства: возникают не на основе общих правоотношений, а непосредственно из Основного закона государства; выражают отношения и связи гражданина и государства; не прекращаются и не возникают вновь; содержание и объем основных прав всех граждан одинаковы; осуществляются преимущественно путем появления конкретных правоотношений, в ходе которых возникают новые субъективные права; реальность основных прав обеспечивается не только и не столько индивидуальными усилиями отдельного гражданина, сколько государственным и общественным строем.[3]

Е.И.Козлова, характеризуя конституционные права граждан через свойства, называет в их числе такие, как: являются ядром правового статуса; закрепляются за каждым человеком и гражданином либо за каждым гражданином; всеобщность; не приобретаются и не отчуждаются по воле гражданина РФ; особый механизм реализации: особая юридическая форма закрепления.[4]

Н.В.Витрук, говоря о природе основных прав граждан, выделял уже не свойства, а юридические признаки. И причем только два: высокую степень обобщенности (абстрактности) и относительную стабильность. Все остальные элементы характеристики он называл социальными особенностями.[5]

Исследованию признаков основных конституционных прав граждан была посвящена даже кандидатская диссертация А.П.Иванова. В ней диссертант выделил четыре, по его терминологии, основных юридических признака конституционных прав: 1) всеобщность, 2) равенство, 3) единство, 4) гарантированность и, кроме того, три юридических особенности: 1) широкое социальное содержание, 2) неизменяемость, 3) неотчуждаемость.[6]

Нужно согласиться с С.С.Алексеевым, который полагал, что «качество» – это внутренняя, органическая особенность права как социального образования, а «свойство» – внешнее его проявление в процессе функционирования права.[7] Теперь остается определить: что подпадает под определение – качество основных прав, а что – под свойство.

По мнению автора, качеством или существенной внутренней определенностью основного права является возможность обладать человеком жизненно важным для него благом.[8] Благо, как его трактует философский словарь, – это предмет или явление, удовлетворяющие определенную человеческую потребность, отвечающие интересам, целям и устремлениям человека.[9] Социальные блага по своему характеру, свойствам, назначению, ценности весьма разно образны. Под ними понимают не только материальные, но и духовные (культурные, политические, нравственные) и другие ценности. С точки зрения Конституции РФ и законов социальными благами следует признавать все то, что позволяет человеку вести нормальный образ жизни, соответствующий уровню современной цивилизации. В качестве социальных благ могут выступать, например, свобода, честь, достоинство, жизнь, здоровье, безопасность, образование, творческая деятельность, труд, отдых, общение и многое другое. Пользование благом может состоять не только в обладании теми ил иными материальными ценностями, но и в самой свободе поведения, выборе поступков (нематериальные блага). Это наглядно можно показать, раскрывая все виды основных

---

[1] Алексеев С.С. Права человека как институт естественного и позитивного права: Учебное пособие. – М., 2015. – С. 144.
[2] Алексеев С.С. Право: азбука – теория – философия. Опыт комплексного исследования. – М., 2009. – С. 242.
[3] Кутафин О.Е. Указ. работа. – С. 167 – 168.
[4] Козлова Е.И. Конституционные права и свободы человека и гражданина. – М., 2016. – С. 209 – 211.
[5] Витрук Н. В. Указ. работа. – С. 71.
[6] Иванов А. П. Указ. работа. – С. 4 – 5.
[7] Алексеев С.С. Указ. работа. – С. 243.
[8] Матузов Н.И. Правовая система и личность. – Саратов, 2007. – С. 77.
[9] Философский словарь... – С. 46.

конституционных прав человека – личные (гражданские), политические, социальные, экономические и культурные.

Без сущностного качества – возможности удовлетворять какое-то благо – нет основного права. Оно одинаково соответствует и конституционным правам, и основным международным правам, и основным правам, не закрепленным в нормах права (право на любовь близких, право дышать и др.). Л.Д.Воевод; считал, что возможность это то, что при наличии определенных условий может стать реальностью, превратиться в действительность. «Это; свойство возможности в полной мере присуще всем записанным в Конституции и законах правам, и свободам личности. При таком истолковании возможности в первую очередь подчеркивается ее способность, обеспеченная наличными условиями, стать действительностью».[1] Эго значит, что человек может распоряжаться заключенной в праве возможностью лишь опираясь на активное содействие, помощь других лиц, государственных органов, общественных объединений, пользуясь при этом их действиями как средством для достижения собственных целей, либо, напротив, рассчитывая на их невмешательство. Возможность обладать социальными благами при определенных условиях не исключает, а предполагает и другую возможность – возможность требовать содействия в реализации основного права, помощи или невмешательства других лиц.

Таким образом, правовая возможность весьма широка по объему, богато по содержанию и делится на несколько видов: а) возможность свободно избирать вариант поведения, его вид и меру, то есть совершать собственные положительные действия; б) возможность пользоваться определенными социальными благами и ценностями; в) возможность требовать от других лиц выполнения ими своих обязанностей перед управомоченными лицами; г) возможность защитить свое право с помощью предусмотренного законом конституционно-правового механизма.[2]

Определение основного права человека через его сущностное качество – правовую возможность – вполне себя оправдало, прочно вошло в конституционно-правовой оборот, в состав основных категорий конституционного института основных прав человека, выдержало испытание временем. Возможность обладать благом, являясь главным качеством всякого основного права и свободы, лежит в основе содержания и дает ключ к пониманию природы основных прав человека.

В Конституции РФ проводится разграничение основных прав и свобод на права и свободы человека и гражданина. Права гражданина охватывают сферу отношений индивида с государством, в которой он рассчитывает не только на ограждение своих прав от незаконного вмешательства, но и на активное содействие государства в их реализации. Статус гражданина вытекает из особой правовой его связи с государством – института гражданства (ст.6 Конституции РФ). Там, где речь идет о правах человека, используются формулировки «каждый имеет право», «каждому гарантируется» и т.д., что подчеркивает признание прав и свобод за любым человеком, находящимся на территории России, независимо от того, является ли он гражданином РФ, иностранцем или лицом без гражданства.

Конституционные права и свободы являются главным элементом конституционного правоотношения, в котором участвует государство и гражданин. Для гражданина смысл такого правоотношения состоит в получении защиты своих прав, а для государства – в обязанности предоставить эту защиту.

Основные права и свободы не только признаются государством, но и защищаются им, так как значимость конституционно закрепленных прав выражается в том, что именно их реализация обеспечивает объявление государства как демократического и правового. В каком бы государстве ни находился человек – он является свободным существом, которое находится под защитой мирового сообщества, собственного государства, гражданином которого он является, а также государства, в котором он находится. Это состояние свободы не даруется государством (такое положение имело место в прежней конституции), а принадлежат ему от рождения (ст. 17 ч. 2 Конституции РФ).

Часть 1 ст. 1 Конституции РФ провозглашает Российскую Федерацию демократическим правовым государством с республиканской формой правления. Смысл правового государства раскрывается через ст. 2 Конституции: «Человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина – обязанность государства». Поэтому основные права и свободы не только признаются государством, но и защищаются им, как необходимое условие его существования.

Конституционным правам и свободам свойственны признаки, которые лежат в основе других прав, закрепляемых иными отраслями права. Все права и свободы граждан в той или иной сфере жизни производны от основных прав и свобод, закрепленных непосредственно в Конституции. Отличие конституционных прав и свобод заключается в неотделимости их от личности. Человек (гражданин) не вправе отказаться или передать другому лицу такие права.

Конституционные права и свободы составляют ядро правового статуса личности и лежат в основе всех других прав, закрепляемых иными отраслями права. Конституция лишь устанавливает принципы, на которых должно строиться текущее законодательство.

Итак, конституционные права и свободы человека и гражданина – неотъемлемые наиболее важные права и свободы, принадлежащие ему от рождения (в надлежащих случаях в силу его гражданства), защищаемые государством, составляющие ядро правового статуса личности и получающие высшую юридическую силу.

---

[1] Воеводин Л.Д. Юридический статус личности в России: Учебное пособие. – М., 2013. – С. 130.

[2] Матузов Н.И. Указ. работа. – С. 77.

Перечисление в Конституции Российской Федерации основных прав и свобод не должно толковаться как отрицание или умаление других общепризнанных прав и свобод человека и гражданина. Ранее декларировалось беспредельное обладание всей полнотой социально-экономических, политических и личных прав и свобод в Конституции Российской Федерации предусматривается возможность ограничения прав и свобод человека, которое может быть применено в целях защиты конституционного строя, нравственности, здоровья, законных прав и интересов других граждан (статья 17 ч. 3 Конституции РФ).

Основные фундаментальные права и вытекающие из них иные права и свободы обеспечивают различные сферы жизни человека: личную, политическую, социальную, экономическую, культурную. В соответствии с этим традиционно конституционные права и свободы принято классифицировать на три группы: 1) личные, 2) политические, и 3) социальные, культурные, экономические.

Все права и свободы неотделимы друг от друга и взаимосвязаны, поэтому такое разделение носит чисто условный характер.

Личные права и свободы связаны непосредственно с личностью, не увязываются с принадлежностью к гражданству и не вытекают из него. Личные права и свободы неотчуждаемы и принадлежат человеку от рождения (ст. 17 ч. 2). Такие права и свободы, которые необходимы для обеспечения охраны жизни, свободы, достоинства, и другие естественные права, связанные с его индивидуальной, частной жизнью.

Личные права включают: право на жизнь, право на свободу и личную неприкосновенность, на неприкосновенность частной жизни, жилища, свободное передвижение и выбор места жительства, свободу совести, свободу мысли и слова, на судебную защиту своих прав, на юридическую защиту, на процессуальные гарантии в случае привлечения к суду и т.д.

Безусловно, высшей ценностью для любого человека является жизнь. Именно поэтому право на жизнь – важнейшее из всех прав человека, именно это право подлежит первоочередной защите со стороны государства.

Однако на практике декларирование права на жизнь не означает его эффективной защиты. Современное российское законодательство отнюдь не идеально в плане обеспечения реального прямого действия конституционной нормы о праве на жизнь. Налицо грубейшие нарушения этого важнейшего из прав, и данная дипломная работа призвана указать на эти нарушения, выявить противоречия в отечественном законодательстве.

Статья 20 Конституции РФ гласит: «Каждый имеет право на жизнь. Смертная казнь впредь до ее отмены может устанавливаться федеральным законом в качестве исключительной меры наказания за особо тяжкие преступления против жизни при предоставлении обвиняемому права на рассмотрение его дела судом с участием присяжных заседателей».

Среди основных прав человека, которые, согласно ст. 17 Конституции, неотчуждаемы и принадлежат каждому от рождения, самым важным является право на жизнь. Это вытекает и из содержания ст. 2 Конституции, признавшей человека, его права и свободы высшей ценностью нашего общества.

Во Всеобщей декларации прав человека это право закреплено в ст. 3, провозгласившей право каждого человека на жизнь, на свободу и на личную неприкосновенность. В Международном пакте о гражданских и политических правах 1966 г. дано более развернутое определение: «Право на жизнь есть неотъемлемое право каждого человека. Это право охраняется законом. Никто не может быть произвольно лишен жизни» (ч. 1 ст. 6).

Провозглашение в нашей Конституции права на жизнь требует от государства и правоохранительных органов решительной борьбы с террористическими акциями и другими преступными посягательствами, в результате которых гибнут тысячи людей.

Таким образом, гарантией права на жизнь служит обеспечение техники безопасности и предупреждение несчастных случаев на производстве, в результате которых в России ежегодно погибает свыше 8 тыс. человек. Это же относится и к профилактике дорожно-транспортных происшествий, ежегодно уносящих десятки тысяч жизней. В конечном счете меры, направленные на развитие здравоохранения, в частности борьба с детской смертностью, также служат гарантиями провозглашенного в Конституции права на жизнь.

Общеправовой принцип на юридическую защиту

Н.Б.Насрудинов

Возможность получения каждым Человеком юридической помощи является важнейшим достижением любого цивилизованного общества. Радикальные преобразования в экономике и социально-политической сфере в современной России привели к зарождению новых общественных связей, демократизации форм и методов их регулирования. Поэтому увеличились потребности субъектов гражданского, уголовного, административного и других правоотношений в получении квалифицированной юридической поддержке, что находит отражение в новой Конституции России. Обладание правом на защиту содержит главное место в системе гарантий фигуры в уголовном судопроизводстве и функционирует, как одна из существенных гарантий принятия по делу законного и обоснованного решения.

Статья 48 Конституции РФ любому гражданину гарантирует право на получение умелой юридической помощи. Особую актуальность, данная конституционная гарантия приобретает в результате особого вида государственно-правовой занятию органов охраны правопорядка. Как раз в данном властном деле органов государства порождаются и обнаруживаются существенные нарушения прав граждан и человека на защиту гарантий установленных конституцией.

Владение гражданами права на юридическую защиту – общеправовой принцип, которая идет из российского гражданства и действует как в уголовно-процессуальном, и в прочих отраслях права. По этому, право на защиту относится любому гражданину, который участвует в уголовном процессе.

Функция защиты как уголовно-процессуальная составляющая возникает в связи с фактом предъявления персоне общественно-опасного и противоправного действия (бездействия). Появившись синхронно с выражением начального обвинения, защита наличествует параллельно с ним на всех ступенях хода уголовного дела, где осуществляется функция обвинения.

В юридических изданиях институт защиты в уголовном процессе устанавливает как единство всех процессуальных прав, которое законодательство дает обвиняемому для защиты от вмененного ему обвинения и которое он применяет для оспаривания обвинения, предоставлять доводы и доказательства, чтобы себя оправдать или для ослабления личной ответственности.

Составляющими права на защиту выступают: 1.приобретение обвиняемым процессуальных прав; 2.вероятность воспользоваться на правовую защиту – общеправовой принцип, который исходит из российского гражданства и функционирует как в уголовно-процессуальном, и в остальных отраслях права. Значить, право на защиту относится каждому гражданину, участвующему в уголовном процессе.

Функция защиты как уголовно-процессуальная составляющая возникает в связи с фактом предъявления персоне общественно-опасного и противоправного действия (бездействия). Появившись синхронно с выражением начального обвинения, защита наличествует параллельно с ним на всех ступенях хода уголовного дела, где осуществляется функция обвинения.

В юридических изданиях институт защиты в уголовном процессе устанавливает как единство всех процессуальных прав, которое законодательство дает обвиняемому для защиты от вмененного ему обвинения и которое он применяет для оспаривания обвинения, предоставлять доводы и доказательства, чтобы себя оправдать или для ослабления личной ответственности.

Составляющими права на защиту выступают: 1.приобретение обвиняемым процессуальных прав; 2.вероятность воспользоваться на правовую защиту – общеправовой принцип, который исходит из российского гражданства и функционирует как в уголовно-процессуальном, и в остальных отраслях права. Значить, право на защиту относится каждому гражданину, участвующему в уголовном процессе. Функция защиты как уголовно-процессуальная составляющая возникает в связи с фактом предъявления персоне общественно-опасного и противоправного действия (бездействия). Появившись синхронно с выражением начального обвинения, защита наличествует параллельно с ним на всех ступенях хода уголовного дела, где осуществляется функция обвинения. В юридических изданиях институт защиты в уголовном процессе устанавливает как единство всех процессуальных прав, которое законодательство дает обвиняемому для защиты от вмененного ему обвинения и которое он применяет для оспаривания обвинения, предоставлять доводы и доказательства, чтобы себя оправдать или для ослабления личной ответственности.

Составляющими права на защиту выступают: 1. приобретение обвиняемым процессуальных прав; 2. вероятность воспользоваться помощью защитника; 3. обязанность следователя, органа дознания, прокурора и суда обеспечить обвиняемому реальную возможность защищаться установленными законом средствами и способами от предъявленного обвинения.

Системными свойствами уголовно-процессуальной функции защиты выступают: функция защиты как общее назначение, определяемое с целью защиты персоны от необоснованного и незаконного обвинения; функцию защиты обусловливает определенное количество надобностей, надобность в реализации функции защиты устанавливается функцией уголовного преследования (обвинения);функция защиты базируется на определенные принципы действия, и главными из них являются принцип законности, публичности, состязательности, презумпции невиновности, свободы оценки доказательств; реализация функции защиты базируется на определенных конструкциях – системе взаимосвязанных элементов, в качестве которой выступает уголовно-процессуальная форма.

Главная правовая основа урегулирования института защиты, являются положения Конституции Российской Федерации. Исходя, из статьи 45 основного законодательного акта мы получим: «каждый вправе защищать свои права и свободы всеми способами, не запрещенными законом». [1]

Этот тезис не ограничивается, лишь объявлением права участника защищать свои права и свободы используя все предусмотренные законом способы, оно также объявляет право использования квалифицированной юридической помощи, а также предусматривает установление круга лиц, которым обеспечивается право на получение правовой защиты задержанному, заключенному под стражу, обвиняемому. Реализация этих и иных тезисов Конституции РФ, подтверждающих всевозможные проявления осуществления права на защиту, обеспечивается содержанием действующего процессуального законодательства.

Уголовно-процессуальный закон, раскрывая содержание данного института, устанавливает: самому обвиняемому реализовать предоставленное право, а также при содействии адвоката и (или) законного представителя, который использует, целую совокупность данных ему полномочий. Должностные лица обязаны государственных органов по организации обстановок, чтобы реализовать любым обвиняемым конституционного права на защиту.

Комплекс даваемых обвиняемому законных возможностей и прав, которые позволяют ведать, в чем заключается обвинение, приносить личные разъяснения, оспаривать предъявленное обвинение, –

применение данных законных полномочий, является правовой основой института права на защиту в уголовном судопроизводстве (часть 1 статья 16 УПК РФ).

Правоохранительные органы и должностные лица, у которых в производстве находится уголовное дело, обязаны обеспечивать лицу, которому предъявлено обвинение, его право вставать на защиту от обвинения праведными способами и средствами.

Процессуальное положение обвиняемого как участника уголовного судопроизводства

Н.Б.Насрудинов

Закон наделяет обвиняемого правом обжаловать по любым основаниям действия (бездействие) и решения дознавателя, следователя, прокурора и уда, выступать в прениях, обжаловать приговор, он имеет право на реабилитацию, не соглашаться с прекращением уголовного дела согласно закона и т.д. Состязательность и право на защиту в уголовном процессе гарантируется тем, что он может участвовать в заседаниях суда, когда рассматриваются вопросы избрания меры пресечения (заключение под стражу, домашний арест, продление срока содержания под стражей статья 107, часть 4 статьи. 108 УПК РФ).

Обвиняемый также обладает правом защищаться другими средствами и способами, которые не запрещены и не установлены процессуальным законом и не идут в противоречие с принципами уголовного процесса (международный суд, правозащитные организации, СМИ, проходить медицинские обследования, делать заявления и т.д.).[1]

Понаблюдав за изменениями процессуального законодательства, мы приходим к выводу, что постепенно стирается различия между подозреваемым и обвиняемым и наблюдается в следующем:

– развивается использование меры принуждения против подозреваемого. Если когда-то это было изъятием, то в настоящее время делается требованием. Лицо, подозреваемое, наряду с обвиняемым подвергается мере пресечения на долгий срок статья 46, 100 УПК, отстранение от должности статья 114 УПК;

– закон допускает выделить уголовное дело против подозреваемого и предусмотрено статьей 154 УПК, может быть приостановлено предварительное расследование согласно статьи 208 процессуального закона.

К.Б. Калиновский находит, что «предоставленная установка не отвечает «духу» процессуального закона и возражает основным принципам публичности и гарантирования подозреваемому и обвиняемому права на защиту».

Значительное отличие между подозреваемым и обвиняемым, и наоборот заключается в том, что обвинение должно быть сформировано на полных доказательствах согласно части 1 статьи 171 УПК. Вследствие этого обвиняемое лицо – значит его участие в совершении деяния доказано хотя бы для следователя (дознавателя). Подозрение сформировано на догадке, и лицо подозреваемое – это потенциальный участник совершения деяния.

Из выше изложенного выходит институт привлечения лица в виде обвиняемого можно анализировать в разнообразных моментах:

– это уголовно-процессуальный акт, охватывающий вынесение должностным лицом постановления, о привлечении личности обвиняемым согласно действующего законодательства;

– это институт уголовно-процессуального права, выступающего как сумма связанных друг с другом уголовно-процессуальных норм, устанавливающих основные принципы привлечения в качестве обвиняемого, форму, содержание, структуру и порядок вынесения постановления; это юридический факт, который возбуждает уголовно-процессуальные отношения между обвиняемым и следователем.

В ходе рассмотрения этого вопроса мы находим, что имеются моменты, имеющие важное значение такие как:

– этим документом устанавливается персона, в отношении которого ведется исследование по уголовному делу, и возникает – обвиняемый участвующий в уголовном деле;

– вынесение данного акта обязывает следователя, чтобы он ознакомил его с объемом обвинения и вручил ему копию данного акта;

– со времени составления постановления особа получает статус обвиняемого и возможность употреблять все предоставленные в законе права;

– возможность применения против обвиняемого мер процессуального принуждения;

– появление у нашего обвиняемого и обязанностей согласно действующего законодательства (явление по вызовам, исполнение мер процессуального принуждения, соблюдение порядка в местах содержания под стражей).

Таким образом, очертим ряд моментов, присущих процессуальному положению обвиняемого как участника уголовного судопроизводства:

– обвиняемое лицо это стержневой участник процесса, наделенный обширными правами, дающие возможность ему защищаться в законном порядке и не противоречащими ему все это предусмотрено статьей 47 УПК РФ;

---

[1] Уголовный процесс: Учебник для вузов // Под ред. Л.К.Айвар, Н.Н.Ахтырская, Э.И.Бордиловский и др. М.: Юстицинформ, 2006. 313 с.

– следователь, обязан обеспечить обвиняемого возможностью реализовывать данные ему правами согласно статьи 16 УПК РФ;

– у него появляются установленные процессуальные обязанности, срыв которых дает возможность применения к обвиняемому мер процессуального принуждения;

– органы предварительного расследования уполномочены: а) привлекать обвиняемого к участию в следственных действиях; б) применять к нему меры процессуального принуждения, обеспечивающие нужные обстоятельства для установления доказательств по уголовному делу, покрытия нанесенного деянием урона и препятствующие уклонению обвиняемого от уголовной ответственности;

– признание лица обвиняемым предполагает, что по делу собрано довольно доказательств, дающих основание допустить, что это особа содеяло преступление;

– признание лица обвиняемым это не значит, что личность будет неизбежно осуждено и что ход собирания доказательств его виновности окончен. Уголовно-процессуальный закон устанавливает, что привлечение в качестве обвиняемого должно быть законным и обоснованным.

Небытие биполярной системы мира СССР и США

Н.Б.Насрудинов

Причины кризиса в экономике, положившего конец империи коммунистов, надо искать в структуре народного хозяйства СССР и отсутствии серьезных стимулов к труду, приумножив все это на серьезные ошибки в управлении, допущенные в начале перестройки.

На XVII Съезде КПСС вопрос ставился правильно: повернуть производство лицом к потребителю и активизировать человеческий фактор. Горбачев и партийные функционеры избрали вполне марксистский метод – метод проб и ошибок.

Сначала было «ускорение» – попытка с помощью идеологических заклинаний и призывов заставить проржавевший хозяйственный механизм крутиться быстрее. На выпуск товаров народного потребления была задействована только одна седьмая часть основных производственных фондов. Миллиардные государственные капитальные вложения в базовые отрасли бесследно растворились во всеобщей неразберихе – нового оборудования, материалов, технологий легкая промышленность так и не дождалась.

Закупленная техника за рубежом и часть оборудования так и остались на складах и под открытым небом – нехватка производственных площадей. А то, что удалось в конце концов смонтировать, то и дело давало отказы. Целые поточные линии простаивали из-за неправильной эксплуатации, отсутствия запчастей, низкого качества сырья.

Наконец поняли, что при отсутствии стимулов у производителей ничего в экономике не повернешь. Решили дать предприятиям хозрасчетную самостоятельность. Но ограниченная свобода обернулась лишь правом бесконтрольного расходования государственных средств и привела к вздуванию цен, сокращению объемов производства и резкому росту денежной массы в наличном обращении. Рост заработков при этом никак не повлиял на выход конечной потребительской продукции, поскольку деньги выплачивались не только производителям товаров, но и всем остальным без исключения.

Желание власти выглядеть хорошо без всяких на то оснований сыграло с ней плохую шутку. Не сокращая прежних расходов, в центре и на местах разрабатывали бесчисленные социальные программы, закачивали в экономику инфляционные деньги. В конце концов раздутый платежеспособный спрос начал потихоньку раздавливать и торговлю, и потребительский сектор промышленности.

Потери народного хозяйства от первой реформы Горбачева – антиалкогольной компании – оцениваются в 40 млрд. рублей. Урон, который нанесла нашей социалистической экономике реформа 1987 года, вообще не поддается исчислению. Второе дыхание к социализму так и не пришло – началась агония.

Первым конкретным шагом на пути политической реформы стали решения внеочередной двенадцатой сессии ВС СССР (одиннадцатого созыва), состоявшейся 29 ноября – 1 декабря 1988 г. Эти решения предусматривали изменение структуры высших органов власти и государственного управления страны, наделение вновь учрежденного Съезда народных депутатов и избираемого им ВС СССР реальными властными функциями, а также изменение избирательной системы, прежде всего введение выборов на альтернативной основе.

1989 год стал годом радикальных изменений, особенно в политической структуре общества. Состоявшимся в 1989 году выборам народных депутатов СССР (март – май) предшествовала невиданная в нашей стране избирательная кампания, начавшаяся еще на исходе 1988 г. Возможность выдвижения нескольких альтернативных кандидатов (на 2250 депутатских мест было выдвинуто 9505 кандидатов) наконец-то давала советским гражданам действительно выбирать одного из нескольких.

Треть народных депутатов избиралась от общественных организаций, что позволило коммунистам, как наиболее массовой «общественной организации» на Съезде иметь большинство: доля коммунистов среди народных депутатов оказалась 87% против 71.5% предыдущего созыва, на основе чего делался громкий вывод о том, что в условиях свободы выбора был подтвержден авторитет партии[1].

В выборах, проходивших 26 марта 1989 г. по 1500 территориальным и национально-территориальным округам, участвовала 89.8% включенных в списки избирателей, что было заметным сдвигом общества в сторону демократии.

---

[1] Первый съезд Народных депутатов СССР. – М.: Издание Верховного Совета СССР, 1989. – С. 424-427.

Первый Съезд народных депутатов СССР (25 мая – 9 июня 1989 г.) стал весьма крупным политическим событием. Практических результатов Съезда было немного, в частности был избран новый ВС СССР.

Дискуссии на втором Съезде народных депутатов СССР (12-24 декабря 1989 г.) носили более деловой характер по сравнению с первым Съездом. Второй Съезд принял 36 нормативных актов, в т.ч. 5 законов и 26 постановлений. Одним из центральных вопросов повестки дня второго Съезда народных депутатов было обсуждение мер по оздоровлению экономики. Был обсужден вопрос о борьбе с организованной преступностью.

Когда открылся Первый Съезд народных депутатов, многие возлагали на него свои надежды на лучшую жизнь. Но, как и многим надеждам нашего народа, им не суждено было оправдаться. Первый Съезд называют теперь «игрой в демократию», каковой он, собственно, и являлся. Ко Второму Съезду интерес людей уже заметно поутих. Народу уже стало ясно, что нельзя одним волшебным махом сделать жизнь лучше. Реформа избирательной системы являлась делом необходимым, но конкретного, насущного она народу дала немного.

Таким образом, развала СССР, исчезновение с геополитической арены столь мощного военно-политического субъекта повлекло сильнейшую деформацию «силового поля» всей мировой политики. Безвозвратно нарушенным оказался тот глобальный баланс сил, который установился на планете в результате Второй мировой войны. Биполярная система мира – СССР и США, отошла в прошлое.

Проблемы применения правовых норм, регулирующих договора товарного и коммерческого кредита

Р.Н.Пирова

Поскольку договоры товарного и коммерческого кредита являются разновидностью кредитного договора, то в данной статье рассмотрим с точки зрения законодательства по кредитному договору. Обязательство по кредитному договору прекращается полностью или частично по основаниям, предусмотренным Гражданским кодексом, другими законами, иными правовыми актами или договором (ст. 407). Прекращение обязательства по требованию одной из сторон допускается только в случаях, предусмотренных законом или договором (ст. 450).

Обязательные для сторон кредитного договора нормы ГК РФ об основаниях, последствиях и порядке расторжения договорив отдельных видов применяется также к договорам, которые продолжают действовать после введения в действие части второй ГК независимо от даты их заключения. [5. – С. 71]

Необходимо обратить внимание на то, что истечение срока действия кредитного договора не является основанием прекращения обязательства, если законом или договором не предусмотрено иное (ст. 425). Поэтому обязательства по кредитному договору сохраняют силу как для одной, так и для другой стороны.

В основном изменение и прекращение кредитного договора осуществляются по соглашению сторон. Такое соглашение должно быть совершено в той же форме, которая необходима для самого измененного или прекращенного кредитного договора, если из закона, иных правовых актов, договора или обычаев делового оборота не вытекает иное, т.е. в письменной форме путем заключения соглашения, подписания протокола, обмена телеграммами и т.п. При не достижении согласия спор о расторжении или изменении кредитного договора может быть рассмотрен в суде.

Требование об изменении или о расторжении кредитного договора может быть заявлено стороной в суд только после получения отказа другой стороны на предложение изменить или расторгнуть договор либо неполучения ответа в срок, указанный в предложении или установленный законом либо договором, а при его отсутствии – в тридцатидневный срок (п. 2 ст. 452). [4. – С. 46]

По требованию одной из сторон кредитный договор может быть изменен или расторгнут по решению суда только (п. 2 ст. 450): 1) при существенном нарушении кредитного договора другой стороной; 2) в иных случаях, предусмотренных ГК РФ, другими законами или договором.

При этом существенным признается нарушение договора одной из сторон, влекущее для другой стороны такой ущерб, который в значительной степени лишает ее того, на что она была вправе рассчитывать при заключении договора. В случае нарушения заемщиком предусмотренной кредитным договором обязанности целевого использования кредита кредитор вправе также отказаться от дальнейшего кредита.

Существенное изменение обстоятельств, из которых стороны исходили при заключении договора, является основанием для его изменения или расторжения, если иное не предусмотрено договором или не вытекает из его существа (ст. 451).

При расторжении договора вследствие существенно изменившихся обстоятельств суд по требованию любой из сторон определяет последствия расторжения договора, исходя из необходимости справедливого распределения между сторонами расходов, понесенных ими в связи с исполнением этого договора (п. 3 ст. 451).

Стороны не вправе требовать возвращения того, что было исполнено ими по обязательству до момента изменения или расторжения договора, если иное не установлено законом или соглашением сторон. Если основанием для изменения или расторжения договора послужило существенное нарушение договора одной из сторон, другая сторона вправе требовать возмещения убытков, причиненных изменением или расторжением договора. [3. – С. 34]

Ответственность по кредитному договору может быть возложена и на заёмщика, и на кредитора. Заёмщик отвечает по правилам ст. 811 ГК, если иное не установлено законодательством или кредитным

договором. Его ответственность состоит в дополнительном денежном обременении, связанном с уплатой повышенных процентов по просроченному кредиту. Размер процентов определяется в соответствии со ст. 395 ГК и обычно увеличивается в договоре до тех пределов, которые обусловлены интересами банка. Кроме того, особая ответственность в договоре может быть предусмотрена за нецелевое использование полученных средств либо за снижение (утрату) ценности обеспечения кредита. Банки как кредиторы наиболее часто принимают разнообразные меры по обеспечению исполнения обязательств заемщиков. Наиболее распространенным способом обеспечения является залог.

Обращение взыскания на заложенное имущество является правом, а не обязанностью банка.

Другим способом обеспечения обязательства заемщика является поручительство.

При расторжении кредитного договора на основании статьи 453 ГК РФ кредитор вправе требовать от должника возврата суммы кредита, процентов за пользование кредитом и применения к нему мер ответственности, установленных законодательством или договором. По кредитному договору отношения сторон носят денежный характер, и у кредитора отсутствует право требовать от заемщика передачи какого-либо имущества.

Нарушение права кредитора на возврат кредита и уплату процентов является единственным и достаточным условием ответственности. Невозможность исполнения данных обязанностей заемщика как денежных обязательств в смысле ст. 416 ГК РФ не предусмотрена.

Отсутствие у должника необходимых денежных средств прямо отнесено к обстоятельствам, которые не могут быть признаны непреодолимой силой и, следовательно, основанием для освобождения его от ответственности за нарушение обязательства по п. 3 ст. 401 ГК РФ. [1. – С. 57]

Формами ответственности заемщика перед кредитором в случае нарушения обязательств по возврату кредита и выплате процентов являются возмещение убытков, взыскание договорной неустойки и взимание процентов годовых, включая повышенные проценты за пользование заемными средствами.

При отсутствии в договоре соответствующих условий применяется п. 1 ст. 811 ГК РФ. В этом случае при нарушении заемщиком его обязанности по возврату кредита подлежат уплате проценты от его суммы в размере, предусмотренном в п. 1 ст. 395 ГК РФ, со дня, когда он должен был быть возвращен, до дня его фактического возврата кредитору независимо от уплаты процентов, предусмотренных договором.

К имущественной ответственности за неисполнение своих обязанностей может быть привлечён и кредитор. В частности, в договоре может быть предусмотрена его ответственность за немотивированный (неуважительный) отказ от предоставления кредита, предоставление его в меньшей сумме или с нарушением сроков. Наряду с уплатой неустойки (процентов) виновная сторона должна полностью возместить другой стороне убытки, вызванные неисполнением или ненадлежащим исполнением договора, если такая форма ответственности не исключена последним. [6. – С. 44]

На основании изложенного, можно прийти к следующим выводам: стороны кредитного договора четко определены в законе. Это банк или иная кредитная организация (кредитор), имеющая лицензию Банка России на все или отдельные банковские операции, и заемщик, получающий денежные средства для предпринимательских или потребительских целей. Предмет договора – денежные средства (национальная или иностранная валюта), но не иные вещи, определяемые родовыми признаками.

В юридической доктрине существуют различные представления о следующих характеристиках кредитного договора: является ли кредитный договор реальным или консенсуальным, односторонне обязывающим или двусторонне обязывающим. Концептуальная определенность в данных вопросах имеет не только теоретическое, но и большое практическое значение.

Кредитный договор является возмездным. Плата за кредит выражается в процентах, которые устанавливаются по договору.

Кредитор не вправе в одностороннем порядке изменять проценты, за исключением случаев, установленных законом или договором.

Срок возврата кредита устанавливается в кредитном договоре и является его существенным условием.

Ответственность по кредитному договору может быть возложена и на заемщика, и на кредитора.

Кредитный договор, под риском его недействительности (ничтожности), должен быть заключен в письменной форме. Обычно кредитные организации используют разработанные ими стандартные формуляры таких договоров, которые сложно подвергнуть изменению в результате переговоров.

Товарный кредит является разновидностью консенсуального займа. В этом состоит отличие товарного кредита от реального займа вещей, когда договор заключается путем передачи товаров взаймы. Следовательно, к товарному кредиту применяются правила о кредите денежном, поскольку иное не предусмотрено договором товарного кредита и не вытекает из сущности обязательства. Этим определяется его консенсуальный, возмездный и двусторонний характер, а также требование об обязательности письменной формы. [7. – С. 62] Как правило, предметом данного кредитного договора являются такие товары, как сельскохозяйственная продукция, полуфабрикаты, сырье и т.п., недостаток которых может быть восполнен за счет заимствования у другого лица. Поскольку договор товарного кредита обычно заключается в производственных целях, к нему применяются не только правила о кредите, но и условия о качестве, об ассортименте, о комплектности, о качестве, о таре и другие правила о купле-продаже товаров. Стороны договора – любые субъекты гражданского права.

Коммерческий кредит представляет собой не самостоятельную сделку заемного типа, а условие возмездного договора, исполнение которого связано с передачей другой стороне денежных сумм или других вещей, определяемых родовыми признаками.

Коммерческий кредит может быть предоставлен в виде аванса, предоплаты, отсрочки и рассрочки оплаты товаров, работ и услуг.

В коммерческом кредите применяются правила о займе или кредите, если только иное прямо не предусмотрено в содержании договора и не противоречит существу возникающего на его основе обязательства.

Как правило, коммерческий кредит предусматривается без начисления процентов.

Список литературы:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации с изменениями 2019 г.
2. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 26 июля 2019 г. // СЗ РФ. – 2019. – № 46. – Ст. 4532
3. Федеральный закон от 30 декабря 2004 г. N 218-ФЗ «О кредитных историях» (с изм. и доп. от 1 мая 2019 г.) // СЗ РФ. – 2019. –№ 1. – Ст.44.
4. Витрянский В. В. Договор займа. Общие положения и отдельные виды договора. – М.: Статут, 2016.
5. Гончаров А. А. Попов Ю. Г. Гражданское право. – М.: Кнорус, 2018.
6. Пиляева В.В. Договорное право. – М.: Дашков и Ко, 2017.
7. Суханов Е. А. Заем и кредит // Хозяйство и право. – М.: Юристъ, 2019.

К вопросу об институте административной жалобы в административном праве

Р.Н.Пирова

Одним из важных элементов административно-правового статуса граждан является их конституционное право обращаться лично, а также направлять индивидуальные и коллективные обращения в государственные органы и органы местного самоуправления (ст. 33 Конституции РФ). Обращения граждан в совокупности регулирующих их правовых норм представляют собой сложный и достаточно разветвленный институт административного права. Конечно, этот правовой институт нуждается в модернизации, совершенствовании механизма реализации обращений, учете новых реалий, но тем не менее он на протяжении многих лет сложился, функционирует и служит эффективным средством демократизации общества, формирования правового государства, широким каналом участия граждан в управлении делами общества и государства. [5. – С. 66]

Обращения граждан могут быть трех видов. Предложение – это обращение граждан в государственные или общественные организации, не связанные с нарушением каких-либо субъективных прав или ущемлением законных интересов граждан, они обычно направлены на улучшение, совершенствование работы органов государственной власти, органов местного самоуправления, их должностных лиц, государственных служащих. Заявление есть обращение с просьбой об удовлетворении тех или иных прав и законных интересов граждан, не связанных с их нарушением, либо сообщение о злоупотреблениях, нарушениях законности и иных нарушениях, не затрагивающих непосредственно права и интересы заявителя. Жалоба – это устные или письменные, индивидуальные или коллективные обращения граждан в государственные органы, органы местного самоуправления, негосударственные организации, к должностным лицам в связи с нарушением прав или законных интересов самого гражданина, других лиц либо общественных интересов. [6. – С. 74]

Право на обращения является абсолютным, неограниченным и неотчуждаемым правом гражданина. Каждый дееспособный человек может обратиться в любую государственную или негосударственную организацию, к любому должностному лицу, по любому значимому для него поводу и в любое время. Этому праву граждан корреспондирует обязанность государственных органов, органов местного самоуправления и их должностных лиц принимать граждан, принимать обращения, регистрировать их, рассматривать эти обращения и давать на них своевременные ответы. Так, в соответствии с Федеральным законом «О системе государственной службы Российской Федерации» от 27 мая 2003 г. к основным обязанностям государственных служащих относится «обязанность в пределах своей компетенции своевременно рассматривать обращения граждан и общественных объединений, а также организаций, государственных органов и органов местного самоуправления и принимать по ним решения в порядке, установленном федеральными законами и законами субъектов Федерации». [1. – С. 37]

В целях совершенствования работы с обращениями граждан Указом Президента РФ создано специальное Управление в структуре Администрации Президента по работе с обращениями граждан. В Положении о нем к основным функциям Управления отнесены централизованный учет письменных и устных обращений граждан Российской Федерации, граждан СНГ, иностранных граждан и лиц без гражданства, поступающих на имя Президента, в адрес Правительства и Администрации Президента; обеспечение рассмотрения обращений граждан, адресованных Президенту, Правительству и Администрации Президента; информирование Президента, Правительства и руководителя Администрации Президента о количестве и содержании обращений граждан и принятых по ним мерах.

Весьма обширны задачи Управления: это организационно-методическое взаимодействие с подразделениями Администрации Президента РФ, Аппаратом Правительства РФ, федеральными органами государственной власти, органами государственной власти субъектов Федерации по вопросам рассмотрения обращений граждан; своевременное рассмотрение поступивших письменных и устных обращений граждан,

а также направление их для рассмотрения в соответствующие государственные органы и органы местного самоуправления по вопросам их компетенции; извещение граждан о результатах рассмотрения в Управлении их предложений, заявлений и жалоб; прием граждан работниками Управления в приемной Администрации Президента и Правительства, а также руководителями Администрации Президента РФ, министрами Правительства РФ и другими государственными служащими; осуществление контроля за своевременным и полным рассмотрением обращений граждан, направленных в федеральные органы государственной власти и органы власти субъектов Федерации; анализ и обобщение вопросов, которые ставят граждане в письмах и на личном приеме, и на основе этого оперативное и периодическое информирование Президента о характере обращений граждан; подготовка на основе анализа и обобщения обращений граждан предложений по устранению причин, порождающих обоснованные жалобы, и некоторые другие задачи.

Так, в истекшем году в адрес Президента поступили сотни тысяч обращений от отечественных и зарубежных авторов, причем каждое десятое из них – коллективное, нередко с сотнями и тысячами подписей (резолюции митингов, собраний). Таким образом, можно говорить о миллионах граждан, проявивших желание или необходимость обратиться к главе государства со своими заботами и суждениями о событиях в жизни страны. Все эти обращения были зарегистрированы, рассмотрены компетентными лицами и получили то или иное разрешение. Значительное число граждан были приняты в Управлении на личном приеме. Существенное развитие получает работа с обращениями, поступающими по сети Интернет. Такую возможность для работы с обращениями граждан получили многие федеральные органы исполнительной власти и регионы страны.

Подобные Управлению Администрации Президента РФ структурные подразделения по работе с обращениями граждан имеются и в составе федеральных органов и органов государственной власти субъектов Федерации. Например, приказом ФСБ России утверждена Инструкция о порядке рассмотрения предложений, заявлений, жалоб и организации приема граждан в органах ФСБ, которой, в частности, определены формы учета предложений, заявлений и жалоб, контроля за ходом и сроками исполнения каждого обращения, организации приема граждан. Аналогичные правовые акты действуют и в других федеральных органах исполнительной власти.

Повышению эффективности обращений как способа защиты прав, свобод и законных интересов граждан служит Указ Президента РФ «О мерах по укреплению дисциплины в системе государственной службы» от 6 июня 1996 г. Указом предусмотрен специальный порядок рассмотрения сообщений, опубликованных в средствах массовой информации. «Руководители федеральных органов исполнительной власти и главы исполнительной власти субъектов Федерации обязаны рассматривать сообщения о нарушениях, допущенных подчиненными им должностными лицами и другими государственными служащими, федеральных законов и указов Президента РФ, о неисполнении или ненадлежащем исполнении указанных актов и вступивших в законную силу решений судов – не позднее трех дней» [2. – С. 42] Ответ редакциям должен последовать не позднее двух недель с момента опубликования сообщений в средствах массовой информации. В федеральных органах исполнительной власти копии решений по этим сообщениям должны направляться в Контрольное управление Администрации Президента РФ.

Важное значение в этом деле имеет обращение Президента РФ к руководителям федеральных органов исполнительной власти и органов исполнительной власти субъектов РФ, в котором, в частности, говорится: «Работу с обращениями граждан прошу держать в поле постоянного контроля, и ни один факт равнодушия, волокиты, недисциплинированности должностных лиц не должен оставаться без последствий». [4. – С. 38]

Общая административная жалоба также предусмотрена Федеральным законом «Об обжаловании в суд действий и решений, нарушающих права и свободы граждан» от 27 апреля 1993 г. (в ред. от 14 декабря 1995 г.). Статья 4 названного Закона устанавливает, что «гражданин вправе обратиться с жалобой на действия (решения), нарушающие его права и свободы, либо непосредственно в суд (где она будет рассмотрена по правилам гражданского судопроизводства), либо к вышестоящему в порядке подчиненности государственному органу, органу местного самоуправления, учреждению, предприятию и объединению, общественному объединению, должностному лицу, государственному служащему. Вышестоящие в порядке подчиненности орган, объединение, должностное лицо, государственный служащий обязаны рассмотреть жалобу в месячный срок. Если гражданину в удовлетворении жалобы отказано или он не получил ответа в течение месяца со дня ее подачи, он вправе обратиться в суд, т.е. использовать свое право на судебное обжалование».[3. – С. 58]

Общая административная жалоба характеризуется рядом особенностей:

1) право на жалобу не ограничено по содержанию, т.е. могут быть обжалованы незаконные, нецелесообразные и аморальные действия и бездействие, индивидуальные и нормативные акты в различных сферах управления, производства, обслуживания;

2) по форме жалоба может быть устной или письменной, индивидуальной или коллективной;

3) объект обжалования – неправильные, по мнению лица, подающего жалобу, действия или бездействие любого работника государственных органов, организаций;

4) круг лиц, имеющих право подать жалобу, не ограничен;

5) запрещается направление жалобы на рассмотрение того органа, должностного лица, государственного служащего, на действие или бездействие которого подана жалоба;

6) подача такой жалобы не ограничена каким-либо сроком, количеством жалоб по одному поводу, и перечень органов, куда может быть направлена жалоба, также не ограничен;

7) срок рассмотрения жалоб и заявлений – один месяц, кроме случаев, когда эти обращения не требуют дополнительного изучения и проверки, и они решаются безотлагательно, но не позднее 15 дней; если для разрешения обращения необходимо проведение специальной проверки, истребование дополнительных материалов, выезд за пределы города, района, где осуществляется проверка, либо принятие других мер, срок рассмотрения обращения (жалобы) может быть продлен руководителем организации или его заместителем, но не более чем на один месяц. Жалобы военнослужащих и членов их семей разрешаются в сокращенные сроки.

Право на специальную административную жалобу дополняет право на общую административную жалобу. Ее основания и порядок разрешения регламентируются особыми административно-правовыми актами – Кодексом об административных правонарушениях, Трудовым кодексом, Дисциплинарным уставом Вооруженных Сил и другими законодательными и правительственными актами.

Специальная административная жалоба характеризуется рядом признаков, а именно: наличием специальных норм, устанавливающих особый порядок ее рассмотрения; особыми основаниями для обжалования, названными в нормативном акте; определением в качестве субъектов обжалования только лично заинтересованных в деле лиц и их законных представителей; установлением лишь письменной формы жалобы; специальными сроками подачи жалобы и более краткими сроками ее рассмотрения; особенностями процедуры рассмотрения отдельных видов жалоб; юридическими последствиями подачи жалобы (например, подача жалобы на постановление по делу об административном правонарушении приостанавливает исполнение некоторых постановлений). [7. – С. 63]

Таким образом, административно-правовая защита прав и свобод граждан опирается на экономические, политические, организационные и юридические гарантии. Экономические гарантии предполагают стабильную и эффективную работу промышленности, аграрного комплекса, устойчивую финансовую и денежную систему, твердый курс рубля, своевременную выплату заработной платы, пенсий и пособий, высокий прожиточный уровень населения, рост благосостояния граждан и многое другое. С этой точки зрения экономические гарантии прав и обязанностей граждан в сфере государственного управления в современных условиях, конечно, малоэффективны и явно недостаточны. Политические гарантии прав и обязанностей гражданина предусматривают приоритет личности и гражданина в обществе и государстве, признание прав и свобод человека высшей ценностью, многопартийность, идеологическое разнообразие, сильную и устойчивую государственную власть во главе с Президентом РФ как гарантом Конституции РФ, разумный компромисс законодательной и исполнительной власти, исключающий конфронтацию, широкое согласие в многонациональном обществе и огромном федеративном государстве, объединяющем 82 субъекта РФ, и т.д. Организационные гарантии прав и обязанностей граждан в сфере государственного управления представляют собой разветвленную систему правоохранительных, контролирующих,

Список литературы:

1. Федеральный закон от 27 мая 2003 г. N 58-ФЗ «О системе государственной службы Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации от 2 июня 2003 г. – N 22. – Ст. 2063.
2. Указ Президента РФ от 6 июня 1996 г. N 810 «О мерах по укреплению дисциплины в системе государственной службы» // Собрание законодательства Российской Федерации от 10 июня 1996 г. – N 24. – Ст. 2868
3. Закон РФ от 27 апреля 1993 г. N 4866-1 «Об обжаловании в суд действий и решений, нарушающих права и свободы граждан» // Правовая информационная система «Гарант». По состоянию на 27 апреля 2007 года.
4. Бахрах Д.Н. Административное право России: Учебник для вузов. – М.: «Норма», 2018.
5. Габричидзе Б.Н., Чернявский А.Г. Курс административного права Российской Федерации. В 3-х ч.: Учебник для вузов. – М.: «Проспект», 2019.
6. Венгеров А.Б. Теория государства и права. – Ч. 2. – Теория права. – М., 2017.
7. Смушкин А.Б. Комментарий к Федеральному закону от 2 мая 2016 г. N 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации». – М.: ООО «Новая правовая культура», 2016.

Принцип презумпции невиновности в уголовном процессе и его роль при решении вопроса о прекращении предварительного расследования

Р.Н.Пирова

Презумпция невиновности действует на всех стадиях уголовного процесса, предшествующих официальному (от имени государства) признанию лица виновным в совершении преступления.

В стадии предварительного расследования она выражается в том, что следователь и прокурор обязаны подходить к обвиняемому (подозреваемому) без всякого предубеждения; внимательно выслушивать и фиксировать в деле все доводы обвиняемого (подозреваемого) и его защитника, направленные на опровержение обвинения и смягчение ответственности; добросовестно проверять эти доводы с помощью доказательств; удовлетворять ходатайства обвиняемого (подозреваемого) и его защитника об обнаружении и проверке доказательств и проведении следственных действий, если таковые могут иметь существенное значение для дела.

Привлекая лицо в качестве обвиняемого, следователь исходит из достаточно обоснованного предположения о том, что обвиняемый виновен в совершении преступления. В то же время, учитывая презумпцию невиновности, необходимо получить и проверить показания по поводу предъявленного обвинения, завершить собирание и проверку доказательств. Окончательный вывод (для данной стадии процесса) о виновности следователь вправе сделать лишь в постановлении о передаче уголовного дела прокурору для направления в суд либо в постановлении о прекращении уголовного преследования.

На первых этапах предварительного следствия возможна одна из трех ситуаций: в деле нет никаких данных, указывающих на конкретное лицо, которое будет привлечено к уголовной ответственности; органы, ведущие расследование, располагают такими данными, но формально лицо еще не признано подозреваемым или обвиняемым; подозреваемый известен. [1. – С. 94]

Наиболее отчетливо презумпция невиновности претворяется в жизнь в тех случаях, когда предварительное следствие протекает в условиях последней из названных ситуаций. Наделяя подозреваемого широкими процессуальными правами, действующее законодательство тем самым в значительной мере устанавливает определенные гарантии презумпции невиновности. Подозреваемому предоставляются права для оспаривания данных, которые положены в основу подозрения в совершении им преступления. В уголовном процессе статус подозреваемого определяется в соответствии с п.1 ст. 40 УПК РБ, по которому подозреваемым является лицо, задержанное по подозрению в совершении преступления, до предъявления обвинения. Это временный участник уголовного процесса, так как задержание длится не более 72 часов, с применением к лицу меры пресечения – не более 10 суток. По истечении данного срока в отношении лица будет вынесено постановление о привлечении в качестве обвиняемого или об освобождении из-под стражи. [2. – С. 54]

Таким образом, предъявляя лицу обвинение, органы преследования предполагают, что обвиняемый виновен в совершении преступления, однако вину обвиняемого они должны доказать. Органы государства, ведущие производство по делу, обязаны исследовать его обстоятельства всесторонне, полно и объективно, выявлять как уличающие, так и оправдывающие обвиняемого доказательства, а также отягчающие и смягчающие его ответственность обстоятельства и обеспечивать обвиняемому возможность защищаться всеми установленными законом средствами и способами.

Презумпция невиновности достаточно четко выражается также в требованиях, обращенных к прокурору, осуществляющему надзор за исполнением законов при производстве предварительного расследования.

Мнение следователя о виновности обвиняемого необязательно для прокурора. Так, прокурор обязан строго следить за тем, чтобы ни один гражданин не подвергался незаконному и необоснованному привлечению к уголовной ответственности или иному ограничению в правах; осуществлять надзор за тем, чтобы никто не был, подвергнут аресту иначе, как по решению суда или с санкции прокурора; отменять незаконные и необоснованные постановления органа дознания и следователя; прекратить уголовное дело при наличии соответствующих оснований и т.п.

Привлечение лица в качестве обвиняемого на этапе досудебного производства не означает и не предрешает признание его виновным. Именно поэтому материалы, послужившие основанием для предъявления ему обвинения, орган расследования и прокурор обязаны предоставить суду, который проверяет их достоверность и достаточность и выносит обвинительный или оправдательный приговор. [3. – С. 27]

Принцип презумпции невиновности определяет правовой статус обвиняемого не только в уголовном процессе, но и во всех общественных отношениях, в которых он выступает в качестве одного из субъектов. До вступления приговора в законную силу за обвиняемым, содержащимся под стражей, сохраняется право на участие в выборах, право на пользование жилым помещением, его никто не может уволить с работы или отчислить из учебного заведения ввиду его виновности в совершении преступления. Так как признание лица виновным в совершении преступления составляет исключительную прерогативу суда, привлечение к делу в качестве обвиняемого не порождает начала реализации уголовной ответственности. Уголовная ответственность может быть возложена только приговором суда на лицо, виновность которого доказана и установлена вступившим в законную силу приговором суда. [8. – С. 90]

Также обеспечением презумпции невиновности является равная сила всех доказательств, то есть те или иные доказательства не имеют заранее установленной силы. Признание обвиняемым своей вины может быть положено в основу обвинения только тогда, когда оно подтверждено совокупностью доказательств. Правосудие оказывается под большой угрозой, когда обвиняемого признают виновным не вследствие констатации объективного основания уголовной ответственности, а в силу выражения им субъективного отношения к инкриминируемому деянию, признанию своей вины, которое рассматривается как юридическое основание для постановления приговора. Обязанность доказывания вины обвиняемого возлагается на органы расследования и прокурора. Таким образом, не обвиняемый обязан доказать, что он невиновен, а органы уголовного преследования должны доказать его виновность. Обвиняемый может давать любые показания, полностью отказаться от дачи показаний, от ответов на отдельные вопросы. Однако ни отказ от показаний и ответов, ни дача противоречивых или ложных показаний не являются основанием для обвинительного приговора. Непредоставление обвиняемым доказательств своей невиновности не может рассматриваться как доказательство его виновности. [3. – С. 38]

Основаниями к прекращению уголовного дела на предварительном следствии являются предусмотренные законом обстоятельства, которые исключают производство по уголовному делу или

влекут освобождение лица, о котором оно велось, от уголовной ответственности. Уголовное дело может быть прекращено только тогда, когда все обстоятельства события, в связи с которым оно возбуждалось, выяснены всесторонне, полно и объективно и имеются фактические и правовые основания прекратить производство по делу, разрешив его, не обращаясь к судебной власти.

Основания к прекращению уголовного дела существенно различаются по своему содержанию, правовым и нравственным последствиям их применения. Одна группа оснований к прекращению уголовного дела связана с установлением отсутствия преступления или невиновности лица в том деянии, по признакам которого возбуждалось уголовное дело. Это так называемые реабилитирующие основания. [4. – С. 69]

Реабилитирующими основаниями прекращения уголовного дела, уголовного преследования являются юридические факты, влекущие прекращение уголовного дела, уголовного преследования, а также принятие дознавателем, следователем, прокурором предусмотренных уголовно процессуальным законом мер по реабилитации лица, и возмещении вреда, причиненного в результате уголовного преследования реабилитируемому, восстановлению его чести, доброго имени, репутации. К таким основаниям относятся: отсутствие события преступления, отсутствие в деянии состава преступления, а также не доказанность участия обвиняемого в совершении преступления.

Уголовное преследование может быть прекращено при недостоверности участия подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления, если исчерпаны все возможности для собирания дополнительных доказательств. Данное правило применяется тогда, когда событие преступления установлено, но, несмотря на то, что исчерпаны все возможности для собирания доказательств, следователю не удалось установить, что преступление совершено обвиняемым. Это осталось недоказанным. По тому же основанию будет прекращено уголовное преследование тогда, когда доказано алиби обвиняемого и, следовательно, совершение им преступления исключено. В обоих случаях прекращение уголовного преследования по указанному основанию в силу презумпции невиновности означает полную и несомненную реабилитацию лица. Недоказанная виновность юридически приравнивается к доказанной невиновности.

При прекращении уголовного дела по реабилитирующим основаниям проблем, связанных с презумпцией невиновности не возникает, поскольку в этих случаях репутация и доброе имя лица, привлекавшегося к уголовной ответственности, восстанавливается полностью и без всяких сомнений.

Иначе обстоит дело, когда речь идет о нереабилитирующих (п. 3, 4 ч. 1 ст. 29 УПК) основаниях, то есть таких, ссылка на которые прямо или косвенно указывает на совершение лицом, в отношении которого прекращено дело, преступного деяния. При их наличии дело может быть прекращено тогда, когда в деянии лица имеются признаки преступления, но следственные органы вправе освободить его от уголовной ответственности, если есть условия, установленные законом.

Вполне понятно, что использование таких оснований требует особой осмотрительности и соблюдения таких гарантий, которые исключали бы необоснованное указание в какой бы то ни было форме на конкретное лицо, как на виновное в совершении преступления. Естественно, что это требует последовательного и неуклонного соблюдения требований презумпции невиновности.

Нереабилитирующие основания – это юридические факты, допускающие возможность прекращения уголовного дела, уголовного преследования, но исключающие реабилитацию лица и возмещение вреда, причиненного ему в результате уголовного преследования. [5. – С. 38]

Органы уголовного преследования могут прекратить уголовное преследование, уголовное дело за истечением сроков давности и вследствие акта амнистии, если он устраняет применение наказания за совершенное общественно опасное деяние. Прокурор также может прекратить производство по уголовному делу в отношении члена преступной организации по основаниям, изложенным в ст. 20 УК, согласно которой участник преступной организации (кроме организатора или руководителя), добровольно заявивший о существовании преступной организации и способствовавший ее изобличению, освобождается от уголовной ответственности за участие в преступной организации и совершенные им в составе этой организации преступления, за исключением особо тяжких или тяжких преступлений, связанных с посягательством на жизнь или здоровье человека.

Таким образом, создается впечатление, что в этих случаях обвиняемый признается виновным не приговором суда, а постановлением прокурора, следователя или органа дознания, что противоречит ст. 26 Конституции и принципу презумпции невиновности. Однако это не так.

Постановление о прекращении уголовного дела никогда ни было и ни является актом признания обвиняемого виновным в совершении преступления, по каким бы основаниям это постановление не принималось и от кого бы оно не исходило. Никого нельзя признать виновным посредством прекращения дела: постановление о прекращении уголовного дела – это не тот процессуальный акт, которым можно вменить в вину совершение преступления. Ведь если уголовное дело прекращается, значит, уголовного дела в юридическом значении этого понятия больше нет. А признать лицо виновным в совершении преступления вне уголовного дела невозможно [6. – С. 110]

Поэтому признания лица виновным посредством прекращения уголовного дела никогда не было и не будет. И это относится к прекращению дел по любым нереабилитирующим основаниям. Тем более что ст. 251 УПК не предусматривает изложение в постановлении о прекращении дела решения органа уголовного преследования о признании обвиняемого или подозреваемого виновным в совершении преступления [7. – С. 60]

Эти же доводы относятся и к случаям прекращения производства по делу с освобождением лица от уголовной ответственности определением (постановлением) суда, а не приговором, как того требует презумпция невиновности. Такое решение принимается с истечением сроков давности, вследствие акта амнистии, в случае вступления в силу закона, устраняющего наказуемость деяния (п. 3, 4 и п. 10 ч. 1 ст. 29 УПК), в силу утраты деянием общественной опасности, деятельного раскаяния, примирения с потерпевшим, применения мер административного взыскания (ч. 1 ст. 30 УПК), по основаниям, изложенным в ст. 20 УК (ч. 2 ст. 30 УПК). Во всех перечисленных случаях вопрос о виновности лица в совершении преступления также судом не решается, а значит, презумпция невиновности не нарушается.

Таким образом, как принцип уголовного процесса презумпция невиновности выступает в роли руководящего начала, которым должен руководствоваться любой орган, ведущий уголовный процесс. Более того, этот принцип является международно-правовым и конституционным.

Презумпция невиновности представляет собой особое объективное правовое положение и выражается в следующем.

Во-первых, лицо, вовлекаемое в уголовный процесс в качестве подозреваемого, обвиняемого или подсудимого, юридически считается невиновным до тех пор, пока его виновность в совершении преступления не будет доказана в предусмотренном уголовно-процессуальным законом порядке и установлена вступившим в законную силу приговором суда.

Во-вторых, при производстве по уголовному делу подозреваемый, обвиняемый как субъекты уголовного процесса не обязаны доказывать свою невиновность. Невиновными их считает закон. Бремя доказывания обвинения и опровержения доводов, приводимых в защиту подозреваемого или обвиняемого, лежит на стороне обвинения. Те субъекты (потерпевший, прокурор, следователь, дознаватель), которые считают, что данное лицо совершило конкретное преступление, и должны это доказать.

В-третьих, все сомнения в виновности обвиняемого, которые не могут быть устранены в порядке, установленном УПК, толкуются в его пользу, то есть в пользу невиновности обвиняемого (п. 3 ст. 49 Конституции). Это должно влечь за собой прекращение уголовного дела, изменение объема обвинения и квалификации деяния, вынесение оправдательного приговора. Недоказанная виновность юридически равна доказанной невиновности.

В-четвертых, обвинительный приговор может быть вынесен при условии несомненной доказанности обвинения и не может быть основан на предположениях.

Последние два положения основаны на служащем проявлением гуманизма постулате, что лучше оправдать виновного, чем обвинить невиновного.

Значение данного принципа в том, что он отвергает обвинительный уклон и служит гарантией права обвиняемого на защиту. Обвиняемый до вступления приговора в законную силу считается невиновным и поэтому вправе опровергать, оспаривать предъявленное ему обвинение. Презумпция невиновности не позволяет отождествлять подозреваемого, обвиняемого с виновным.

Презумпция невиновности служит не только гарантией для граждан от необоснованного обвинения и осуждения. Ее требования о несомненной доказанности обвинения и истолковании неустранимых сомнений в пользу обвиняемого нацеливают органы государства на объективное, беспристрастное установление обстоятельств дела, без чего невозможно обоснованное и справедливое разрешение дела судом.

Малейший отход в сторону от презумпции невиновности ведет к нарушению законности в правосудии и ущемлению прав и законных интересов граждан, поэтому этот принцип является основополагающим для любого цивилизованного государства.

Список литературы:

1. Ковалев В.А. Прекращение уголовного дела в условиях деятельности органов дознания: Учеб. пособие. – М., 2017.
2. Рыжаков А.П. Предварительное расследование: Учеб. пособие. – Тула, 2018.
3. Савицкий В.М. Презумпция невиновности: Что означает? Кому нужна? Как применяется? – М., 1997.
4. Строгович М.С. Право обвиняемого на защиту и презумпция невиновности. – М., 2016.
5. Теория доказательств в советском уголовном процессе. 2-е изд. – М., 1973.
6. Уголовный процесс: Учеб. пособие для студентов специальности «Правоведение» // Под ред. М.А.Шостак. – Мн.: ГИУСТ БГУ, 2017.
7. Зайцева Л.Л. Презумпция невиновности и ее правовые последствия // Право. – 2019. – № 3.
8. Кукреш Л.И., Саркисова Э.А. К вопросу о презумпции невиновности // Юстиция Беларуси. – 2018. – № 3.

Конституционно-правовая защита прав ребенка в Российской Федерации

М.З.Саидов
Р.Н.Пирова

Согласно международному и государственному законодательству, ребенком признается лицо, не достигшее 18 лет.

Детство является важнейшим этапом в жизни каждого человека, государство исходит из принципов приоритетности подготовки детей к жизни в современном обществе, развития у них активности, воспитания в них высоких нравственных качеств и патриотизма. Поэтому защита прав детей является одной из важнейших обязанностей современного государства и общества. Однако защита прав детей не может быть реализована самостоятельно самими детьми в силу их недееспособности. Поэтому защита интересов и прав

детей возлагается на родителей и государство. То есть государство должно выступать гарантом прав и свобод ребенка, а родители или их представители должны обеспечивать защиту этих прав.

В настоящее время в нашей стране уделяется достаточно пристальное внимание данному вопросу. О положительных результатах проделанной работы в данном направлении говорит Президент РФ в своем последнем послании Федеральному Собранию: «Знаете, не могу не сказать два слова о том, что реально происходит, что у нас здесь есть, чего мы добились. Естественный прирост населения продолжается. В 2013 году – у демографов есть такое понятие «коэффициент рождаемости» – он в России составил 1,7, это выше, чем в большинстве европейских стран. Для примера скажу: Португалия – 1,2, в Испании, Греции – 1,3, Австрия, Германия, Италия – 1,4, в Чешской Республике – 1,5. Это данные за 2013 год. В 2015 году суммарный коэффициент рождаемости в России будет ещё больше, чуть-чуть, но всё-таки больше – 1,78. Хорошо помню, как в своё время обсуждали с коллегами проекты развития высокотехнологичной медицинской помощи, а также сети перинатальных центров, которых у нас и не было совсем. Их, в 2018 году, в России уже будет 94. И сегодня наши врачи спасают новорождённых в самых трудных случаях. И по этим показателям мы также вышли на позиции передовых стран мира. По итогам ещё 2015 года показатели младенческой смертности составили в России 6,5 на тысячу родившихся живыми, а в европейском регионе Всемирной организации здравоохранения показатель 6,6, то есть у нас уже был чуть получше. По итогам 10 месяцев 2016 года Россия вышла на уровень 5,9.».[8] Т.е. право на жизнь и на бесплатную квалифицированную помощь новорожденных реализуется максимально. Также Президент говорит о создании комфортных и удобных условий для получения качественного образования детьми: «Уважаемые коллеги! Везде на всей территории нашей большой страны дети должны учиться в удобных, комфортных, современных условиях, поэтому мы продолжим программу реконструкции и обновления школ. У нас не должно остаться школьных зданий, находящихся в аварийном, ветхом состоянии, не имеющих элементарных удобств.

Необходимо, наконец, решить проблему третьих смен, а дальше и вторых. И, конечно, нужно направить дополнительные усилия на повышение квалификации учителей. Вы знаете, что с 2016 года реализуется программа создания новых мест в общеобразовательных организациях. Эта программа рассчитана на 2016-2025 годы, по 25 миллиардов рублей предусматривается». [5]

Права ребенка в России регулируются такими законодательными документами, как:

– Конституция РФ; Семейный кодекс РФ;
– Законодательство РФ об охране здоровья граждан;
– Закон об основных гарантиях прав ребенка в РФ;
– Федеральный закон «Об образовании»;
– Закон о дополнительных гарантиях защиты детей-сирот и детей, оставшихся без родителей;
– Закон о социальной защите инвалидов в РФ.
– Федеральный закон об опеке и попечительстве. [3. – С. 34]

Также такие отрасли законодательства, как гражданское, уголовное, административное, содержат нормы о защите прав ребенка.

Несомненно, большим прорывом в области защиты прав ребенка является введение института Уполномоченного по правам ребенка при Президенте РФ (Указ Президента РФ об уполномоченном при Президенте РФ по правам ребенка от 01.09.2009 г.) Уполномоченный по правам ребенка непосредственно занимается защитой прав детей-граждан РФ, как на территории РФ, так и за ее пределами, наделен полномочиями, позволяющими оперативно получать необходимую информацию и принимать решения в отношении конкретной сложившейся ситуации. [7]

За последнее десятилетие Россия сделала большой шаг вперед в развитии направления защиты прав детей и в отношении многих стран она ушла далеко вперед. К примеру, в развивающихся странах до сих пор распространена торговля детьми. В Китае высокий уровень детской преступности. В настоящее время из-за того, что в Китае огромное количество населения, у большинства населения, живущих в провинциях и городах, низкий уровень дохода, а также низкий уровень культурного воспитания родителей, государство ограничило возможность семьи как инструмент социального контроля и влияния на несовершеннолетних лиц. В Китае проводятся широкие пропагандистские методы по воспитанию несовершеннолетних лиц и возрастанию у них авторитета по отношению к взрослому населению. Данная политика, по мнению государственных органов, должна привести к сокращению преступлений, совершаемых несовершеннолетними лицами в Китайской Народной Республике. [1. – С. 95-96]

Но есть и страны, которым Россия уступает в данном направлении. В Великобритании, к примеру, в отличие от России, существует такое понятие как «Фостерный воспитатель». Статья 23 Закона о детях дала определение понятию «Фостерный родитель», которым и руководствуются органы местного управления: человек, который не является родителем ребенка, но несет за него родительскую ответственность. Тот, кто заботится и воспитывает ребенка, помещенного в его семью решением органов местной власти.

Проблемы, которые существуют у нас в России, не знакомы британцам: многотысячные очереди в детские дошкольные учреждения, реализация права детей-инвалидов на получение образования в учебных заведениях, проблема массового сиротства при живых родителях. В настоящее время возможности местных властей Великобритании в этой области значительно расширены. Они оказывают услуги детям, которые нуждаются в помощи, консультируют общественные организации, а также координируют работу местных департаментов и служб по защите детей. [4. – С. 114]

В США защита прав ребенка начинается еще в утробе матери. 21 октября 2003 года Сенат США утвердил запрет на так называемый «частичный аборт» на поздних сроках беременности. Несмотря на яростные протесты, в ноябре 2003 года президент Буш подписал этот законопроект и, тем самым, превратил его в полноценный закон.

Права детей серьезно учитываются также во время процесса усыновления (удочерения). Если ребенок находится под опекой какой-то семьи и проходит через процесс усыновления, то в этом процессе семья, которая опекала его на протяжении всего времени, в большинстве случаев, получает преимущество, так как ребенок уже привык к этому окружению и очагу. В случаях, когда права родителей конфликтуют с правами ребенка, то предпочтение отдается правам ребенка. При этом в США в некоторых штатах разрешено усыновлять детей однополым парам. [4. – С. 233]

Права детей защищены также в американских школах. Главной правовой нормой считается право ребенка на интеллектуальное развитие и обучение, вне зависимости от его способностей. Эта норма дает неопровержимые права детям-инвалидам, особенно умственно отсталым. Дети-инвалиды в возрасте от 3 до 21 года имеют право на бесплатное образование. Каждый подобный ребенок должен обучаться по особой, индивидуально составленной программе. Более того, во время периода, который больной ребенок проводит в школе, образовательное учреждение, учителя и директор обязаны обеспечивать максимальный уход за ним и гарантировать его безопасность. Например, дети, больные диабетом, должны регулярно получать инъекции инсулина, а школьные власти должны особо следить за их питанием.

Во французской системе организационные или правовые меры принимаются только в случаях, когда родители признаются как исполняющие ненадлежащим образом свои обязанности, либо когда они не могут исполнять свои родительские

функции, либо когда при исполнении своих обязанностей они руководствуются только личными интересами, наносящими вред ребенку.

Система защиты прав ребенка включает два компонента, что объясняется необходимостью достижения одновременно двух целей, одна из которых – работа по профилактике, реализуемая в рамках так называемой «организационной защиты», когда семьи, осознавая появившиеся у них трудности, сами обращаются за помощью или дают согласие на вмешательство компетентных структур и помощь с их стороны; другая – защита прав и жизненных интересов ребенка, реализуемая в рамках так называемой «правовой защиты», когда есть подтверждение того, что ситуация принимает опасный характер для ребенка (в этом случае судебный орган требует от семьи выполнения определенных мер) или что в отношении ребенка совершено уголовно наказуемое деяние.

Службы, находящиеся в подчинении председателя Генерального совета, специально занимаются вопросами охраны прав детей:

– Служба социальной помощи детям (играет главную и стержневую роль на службе семей);
– Служба по охране материнства и детства;
– Социальная служба в масштабе секторов;
– Служба пропаганды здорового образа жизни среди учащихся школ и школьная социальная служба;
– Служба психиатрической помощи детям и подросткам. [2]

Судебный орган имеет очень широкие и разнообразные по форме полномочия, которые в зависимости от ситуации позволяют осуществлять контроль, ограничивать, приостанавливать или лишать родительских прав лиц, жестоко обращающихся со своими детьми; кроме того, эти лица могут быть привлечены к ответственности и к ним могут быть применены уголовные санкции. Вмешательство Судебного органа, так называемое применение «Мер по защите неблагополучных детей», основывается на статье 375 и следующих за ней статьях Гражданского кодекса.

Но и среди ведущих стран мира Россия имеет ряд преимуществ. В Великобритании, например, не существует детских врачей в медицинских центрах, как в России. Детей принимает врач общей практики. В России несовершеннолетние имеют право на диспансерное наблюдение и лечение в детской и подростковой службах; бесплатную медицинскую консультацию за счет средств бюджетов всех уровней при определении профессиональной пригодности.

Разрешение в некоторых штатах США на усыновление детей однополыми браками можно отнести к нарушению прав и свобод ребенка, согласно статье 17 Конституции РФ, т.к. ребенок может быть подвержен в будущем оскорблениям и насмешкам со стороны окружающих, что существенно повлияет на его психическое здоровье.

Итак, анализируя плюсы и минусы Российской системы защиты прав несовершеннолетних, учитывая нынешнюю ситуацию в стране, можно определить основные моменты, вызывающие большие сложности в реализации системы защиты прав детей и которые необходимо совершенствовать.

Один из таких вопросов – суррогатное материнство. Достаточно серьезной проблемой является то, что часто встречаются случаи, когда суррогатная мать отказывается отдавать ребенка биологическим родителям или наоборот, биологические родители не хотят забирать ребенка после его рождения. И в том и другом случае страдает ребенок. Таким образом, возникает необходимость принятия специального закона о суррогатном материнстве, в котором должен содержаться раздел о правовом регулировании договора о суррогатном материнстве и условия об ответственности сторон за неисполнение или ненадлежащее исполнение договора суррогатного материнства.

Еще одним из спорных вопросов в Российской Федерации является защита еще не родившегося ребенка. Здесь большой проблемой выступают практикующиеся аборты на поздних сроках, когда плод

считается уже жизнеспособным, т.е. в некотором смысле нарушается право человека на жизнь. Статья 20 Конституции РФ говорит: «Каждый имеет право на жизнь». По критериям, установленным Министерством Здравоохранения, живорождением считается полное изгнание или извлечение продукта зачатия из организма матери вне зависимости от продолжительности беременности, независимо от того, перерезана пуповина и отделилась ли плацента, причем плод после такого отделения:

– дышит, или
– имеет сердцебиение, или
– пульсацию пуповины, или
– произвольные движения мускулатуры.

Для установления живорожденности достаточно наличия одного признака. С одним из указанных признаков плод может родиться на любом сроке беременности. Значит и аборт можно рассматривать как посягательство на жизнь, а, следовательно, и как нарушение статьи 20 Конституции РФ. Поэтому отсутствие ответственности за подобные операции медицинскими учреждениями, а также неосознанность женщины за подобный поступок, что практически происходит убийство еще не родившегося ребенка, заставляет рассмотреть вопрос о расширении перечня признаков незаконности аборта.

Серьезным вопросом является защита новорожденных детей во время нахождения в родильном доме.

Имеет свои недостатки и вопрос по реализации прав на образование детей-инвалидов и детей с дефектами в развитии. К примеру, в Пензе нет специализированных школ или классов на базе стандартных школ для детей с задержкой развития речи. Т.е. это дети, имеющие физическую возможность посещать школу, но проблемы с речью создают серьезные препятствия в получении качественного образования. Нарушены статья 43 Конституции РФ, статьи 5, 34 Федерального Закона об образовании РФ, согласно которым каждый ребенок имеет право на бесплатное образование, создаются необходимые условия для получения без дискриминации качественного образования лицами с ограниченными возможностями здоровья, для коррекции нарушений развития и социальной адаптации, оказания ранней коррекционной помощи на основе специальных педагогических подходов и наиболее подходящих для этих лиц языков, методов и способов общения и условия, в максимальной степени способствующие получению образования определенного уровня и определенной направленности, а также социальному развитию этих лиц, в том числе посредством организации инклюзивного образования лиц с ограниченными возможностями здоровья. [4. – С. 755]

Еще одна проблема защиты детей – это рождение ребенка несовершеннолетними. Здесь проблема носит двоякий характер. С одной стороны, необходимо рассматривать вопросы защиты несовершеннолетних родителей, т.к. они сами подпадают под категорию детей, так и родившегося ребенка. Основной задачей в регулировании данного вопроса является сведение к минимуму подобных случаев. Несовершеннолетние не в состоянии дать полноценное воспитание своему ребенку ни в финансовом отношении, ни в моральном и культурном отношении, т.к. сами родители еще нуждаются в подобном воспитании. Девочка до 18 лет не в состоянии выносить и родить физически здорового ребенка, т.к. сама еще не сформирована как детородная женщина. Поэтому необходимо усиливать мероприятия по сексуальному воспитанию детей, прививать несовершеннолетним культуру половых отношений. Усилить контроль за досугом молодежи. [6]

С другой стороны, необходимо уделять пристальное внимание новорожденному ребенку, если такой случай произошел. Согласно статье 62 Семейного кодекса Российской Федерации, до достижения несовершеннолетними родителями возраста шестнадцати лет их ребенку назначается опекун, который осуществляет его воспитание совместно с несовершеннолетними родителями ребенка. Государство должно оказывать необходимую помощь в воспитании родившегося ребенка: обеспечение финансовой поддержки, т.к. несовершеннолетние не могут заработать необходимые средства в силу отсутствия профильного образования и трудового опыта, должна работать служба социальных работников, в состав которых могут входить психологи, педагоги, педиатры, дающие возможность молодым родителям полноценно воспитывать ребенка. Также молодые родители должны иметь право на льготы в получении профильного образования. [4]

Итак, подводя итоги всего перечисленного, можно сделать вывод о том, что система защиты прав несовершеннолетних в Российской Федерации вполне сформирована, имеет ряд своих преимуществ, но нуждается в дальнейшем совершенствовании и требует особого внимания.

Список литературы:

1. Белозерова И.И. Защита прав несовершеннолетних в Китайской народной республике. Уголовно-правовые и процессуальные аспекты // Евразийский юридический журнал. – 2015. – № 5.
2. Конвенция о правах ребенка (одобрена Генеральной Ассамблеей ООН 20 ноября 1989 г.). Ратифицирована Постановлением ВС СССР 13 июня 1990 г. № 1559-1 // Правовой Сервер КонсультантПлюс [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/ (дата обращения 20.11.2019).
3. Конституция Российской Федерации. – М.: Айрис-пресс, 2016. – 64 с.
4. Мартынова А.В. Права ребенка в России и Великобритании // Сборник материалов VIII всероссийской, научно-практической конференции молодых ученых с международным участием «Россия молодая», отв. редактор О.В.Тайлаков. – Кемерово: Кузбасский государственный технический университет им. Т.Ф.Горбачева, 2016.

5. Об образовании в Российской Федерации: федер. закон от 29.12.2012 г. № 273-ФЗ // Правовой Сервер КонсультантПлюс [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/ (дата обращения 20.11.2019).
6. 6 Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации: федер. закон от 24.07.1998 г. № 124-ФЗ // Правовой Сервер КонсультантПлюс [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http: //www.consultant.ru/ (дата обращения 22.11.2019).
7. Об Уполномоченном при Президенте Российской Федерации по правам ребенка: Указ Президента РФ от 01.09.2009 г. № 986 // Правовой Сервер КонсультантПлюс [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/ (дата обращения 20.11.2019).
8. Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 01.12.2016 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://kremlin.ru/events/president/news/53379 (дата обращения 20.11.2019).
9. Семейный кодекс от 29.12.1995 г. // Правовой Сервер КонсультантПлюс [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/ (дата обращения 24.11.2019).

Фактор «психического выгорания» как профилактики синдрома

Д.Г.Сайбулаева

Психологическая служба образования на современном этапе направлена, главным образом, на обеспечение психического здоровья школьников, характеризуется детоцентрированностью. Психологическое благополучие педагогов занимает незначительное место в психологической практике. В то же время исследования показывают, что главным условием психического здоровья детей является психическое здоровье взрослых, т.е. родителей и педагогов. Как известно, именно в плоскости межличностных отношений взрослых и детей происходит становление личности ребенка. Если следовать данной логике, то основной задачей психологической службы является обеспечение психологического благополучия родителей и учителей, которое станет необходимым и достаточным условием психического развития детей.

При исследовании психологического благополучия педагогов особое значение приобретает изучение феномена эмоционального выгорания – психологического явления, оказывающего негативное воздействие на здоровье и эффективность деятельности специалистов, занятых в социальной сфере. Исследования педагогической деятельности показали, что она обладает рядом особенностей, позволяющих характеризовать ее как потенциально эмоциогенную. Высокая эмоциональная напряженность вызывается наличием большого числа факторов стресса, постоянно присутствующих в работе учителя. Это такие особенности деятельности, как высокий динамизм, нехватка времени, рабочие перегрузки, сложность возникающих педагогических ситуаций, социальная оценка, необходимость осуществления частых и интенсивных контактов, взаимодействие с различными социальными группами и т.д. Эмоциональные особенности педагогической деятельности могут способствовать возникновению и развитию синдрома «эмоционального выгорания» учителей [6,7].

В настоящее время в психологии под «психическим выгоранием» понимается состояние психического, эмоционального и умственного утомления, проявляющееся в профессиях социальной сферы. Согласно позиции К.Маслач этот синдром включает в себя три основные составляющие: эмоциональную истощенность, деперсонализацию (цинизм) и редукцию профессиональных достижений. Под «эмоциональным истощением» понимается чувство эмоциональной опустошенности и усталости, вызванное работой. «Деперсонализация» предполагает циничное отношение к труду и объектам своего труда. В частности, в социальной сфере деперсонализация предполагает бесчувственное, негуманное отношение к клиентам, приходящим для лечения, консультации и получения других социальных услуг. «Редукция профессиональных достижений» проявляется в возникновении у работников чувства некомпетентности в своей профессиональной сфере, осознание неуспеха в ней. При этом исследования показывают, что ведущее место в проявлениях данного феномена занимает эмоциональная составляющая[2].

«Эмоциональное выгорание» рассматривается как долговременная стрессовая реакция или синдром, возникающий вследствие продолжительных профессиональных стрессов средней интенсивности. В связи с этим синдром «психического выгорания» обозначается исследователями понятием «профессиональное выгорание», что позволяет рассматривать это явление в аспекте личностной деформации профессионала под влиянием длительного профессионального стажа работы по одной той же специальности. Оно может выражаться в черствости к людям, жестокости, нежелании принять чужую боль на себя, отсутствии милосердия и гуманности, низкой коммуникабельности, грубости, злобе во взаимоотношениях с людьми; в работе это может проявляться в появлении чувства бесполезности выполняемой деятельности, в ощущении отсутствия перспективы дальнейшего профессионального роста, апатии, нежелании достигать более высоких результатов. Это отрицательно сказывается на исполнении профессиональной деятельности и в отношениях с сотрудниками и клиентами. Поэтому «эмоциональное выгорание» рассматривается как форма профессиональной деформации личности. Как и любая деформация, «эмоциональное выгорание» приводит к негативным последствиям, поэтому всегда необходимо искать эффективные пути его профилактики и преодоления [1, 6].

Определение путей профилактики и преодоления синдрома «психического выгорания» основывается на источниках, вызывающих данное психологическое явление. Результаты многих исследований, в том числе авторского, позволяют выделить две группы факторов возникновения и развития синдрома «эмоционального выгорания»:

1. Социально-психологические, к которым относятся, прежде всего, личностные особенности педагога, психофизиологические, (возраст, пол, состояние здоровья), а также система отношений (с учениками, с коллегами, с руководством). Наиболее подвержены «эмоциональному выгоранию» педагоги с высоким уровнем тревожности, агрессивности, эмоциональной чувствительности, гуманизма, ориентированных на помощь другим. Установлена взаимосвязь «психического выгорания» как с высоким, так и низким уровнем проявления эмпатии, с рассогласованностью ценностной сферы, низким уровнем саморегуляции эмоциональной и поведенческой сферы.

2. Организационные факторы. Эти факторы включают в себя условия материальной среды, содержание работы и социально-психологические условия деятельности. Обнаружена связь «выгорания» с учебной нагрузкой, продолжительностью рабочего дня, перспективами роста, дидактическим оснащением школы, поведением «трудных» учащихся, необходимостью постоянного усовершенствования своей деятельности и др. Наиболее значимой для педагогов является поддержка руководства, в особенности стимулирование согласно с затраченным трудом, что обозначается респондентами как справедливость.

Признаки профессионального выгорания учителей в ситуациях профессиональных нагрузок указывают на необходимость принятия мер ранней профилактики стресса и психического здоровья учителей и расширенной психологической подготовки будущих учителей. В соответствии с указанными факторами «эмоционального выгорания» следует определить два основных направления профилактики и преодоления синдрома «эмоционального выгорания»; во-первых, профилактика в сфере личностных свойств учителей и системы интерперсональных отношений, во-вторых, принятие предупредительных мер по оптимизации условий труда учителя [1, 3, 4].

Систему мер по профилактике личностной сферы учителя следует подразделить также на две группы. Первая группа имеет отношение к осуществлению психологической подготовки будущих учителей. Работу по предупреждению «психического выгорания» следует начать еще до поступления молодого человека в педагогический вуз, которая заключается в определении его профпригодности к данной деятельности и всестороннем ознакомлении со спецификой профессии педагога.

В период обучения в вузе работу по психологической подготовке необходимо продолжить по следующим направлениям. Во-первых, ознакомить студентов не только с теоретической психологией, но и навыками самопознания, самообразования, саморегуляции эмоциональных состояний и поведенческих реакций, межличностного взаимодействия, привлекать к участию в тренинговых группах, группах поддержки, групповых дискуссиях, обучать способам психологической помощи другим людям. В связи с этим возникает вопрос о введении в педагогических вузах курса практической психологии.

Особое внимание следует уделить поощрению самостоятельности и ответственности студента, инициативе, творческим проявлениям, самобытности мышления, стремления к самореализации. Это способствует росту его самоуважения, доверия к собственной состоятельности, уверенности в себе. Развитие подобных качеств значительно повышают сопротивляемость «психическому выгоранию».

Во-вторых, усилить работу по овладению этими навыками в период прохождения педагогической практики в школе, активно участвовать во всех делах школы с целью осознания и понимания трудностей своей будущей профессии. Подобные меры будут способствовать предотвращению эмоционального шока от расхождения их представлений о будущей профессии и реальной действительностью.

Вторая группа профилактических мероприятий имеет отношение к работающим учителям. Следует отметить, что эти меры имеют свою специфику для молодых учителей и для учителей с опытом работы. Однако в рамках данной работы освещение этой специфики не представляется возможным, поэтому представим наиболее общие рекомендации по предупреждению «психического выгорания».

Во-первых, необходимо постоянно совершенствовать умение регулировать свое психоэмоциональное состояние, организовать собственный труд. Этот момент должен присутствовать на всем протяжении профессиональной деятельности, так как играет главенствующую роль в преодолении синдрома «эмоционального выгорания». В практической психологии имеется достаточно широкий репертуар способов саморегуляции: аутотренинг, дыхательные и мышечные релаксационные техники, медитирование, методы отслеживания и отстранения с последующим анализом, дневниковый метод, ролевые игры, адекватных способов выражения эмоциональных состояний, применение навыков активного слушания и др.

Для профилактики «эмоционального выгорания» исследователи обнаружили эффективность групповых форм работы, в частности, баллинтовых групп, сущность которых состоит в обсуждении трудных ситуаций, которые возникают в процессе педагогической деятельности. Необходимо предоставить педагогу также весь спектр услуг индивидуального консультирования для решения проблем личностного и профессионального характера. Психопрофилактические мероприятия по оптимизации педагогической деятельности состоят, главным образом, в создании и поддержании благоприятного психологического климата, в обучении руководителей демократическим, коммуникативным стилям управления, признанию результатов работы, справедливому распределению моральных и материальных вознаграждений, максимальному обеспечению участия педагогов в принятии важных для школы и для них самых решений.

Наиболее важным аспектом профилактики и преодоления многообразных психологических проблем является установка на личностный рост человека, его возможности самостоятельного осуществления выбора, стремления к ответственности полноценному осмысленному функционированию, рост самоуважения, что является залогом психического здоровья самого педагога и окружающих его людей. Для этого необходимо реализовывать принципы человекоцентрированного подхода, в центре которой

позитивное принятие уникальной личности другого человека, сопереживание ему, доверие к его смыслам и ценностям.

Литература

1. Бойко В.В. Синдром «эмоционального выгорания» в профессиональном общении. – СПб., 1999. – 156 с.
2. Борисова М.В. Психологические детерминанты феномена эмоционального выгорания у педагогов // Вопросы психологии. – 2005. – № 2. – С. 96-104.
3. Митина Л.М. Психология профессионального развития учителя. – М.: Сентябрь, 1998.
4. Реан А.А., Баранов А.А. Факторы стрессоустойчивости учителей // Вопросы психологии. – 1997. – № 1. – С. 45-55.
5. Рогинская Т.И. Синдром выгорания в социальных профессиях // Психологический журнал. – 2002. – № 3. – С.85-96.
6. Форманюк Т.В. Синдром «эмоционального сгорания» как показатель профессиональной дезадаптации учителя // Вопросы психологии. – 1994. – № 6. – С. 54-67.

Принцип планирование и программирование следственной деятельности

Т.Б. оглы Сулейманзаде

Грамотное планирование расследования по сложным уголовным делам на основе полной отработки следственных версий является одним из важнейших условий установления объективной истины. Хотя еще более полувека назад отмечалось, что ошибки и недочеты в работе следственных органов обусловливаются прежде всего бесплановостью расследования, с подобным состоянием дел можно встретиться и сейчас. И если в 30-е гг. XX века это объяснялось недостаточной теоретической подготовкой следственного аппарата, а также слабой разработанностью научных основ планирования расследования н версионного процесса, то теперь положение коренным образом изменилось. Теория сделала большой шаг вперед. Практика же порой не в полной мере использует достижения теории.

Как справедливо считает Н.А.Селиванов, выделение комплекса первоначальных следственных действий «ориентирует следователя на использование максимума возможностей для обнаружения доказательств, имеющихся на исключительно важном – первоначальном этапе расследования, и на создание надлежащей базы для тщательного, обоснованного планирования всего следственного производства по делу»[1].

Бесспорно, что фрагментарный и проблематичный характер исходной информации о преступном событии, его субъекте, форме вины и других существенных обстоятельствах препятствует разработке подробного плана по делу в целом. На данном этапе это нереально и не диктуется необходимостью.

Прав А.М.Ларин, говоря, что «планирование основывается на всестороннем учете фактических данных, которые в ходе расследования неуклонно пополняются, уточняются, переосмысливаются. Соответственно пополняется, корректируется, изменяется и план. Поэтому процесс планирования от принятия дела к производству и вплоть до составления обвинительного заключения непрерывен»[2].

Как считает Иванов Л.А., при планировании предстоящего расследования и выполнении отдельных следственных действий либо иных мероприятий следователь использует свои познания в конкретной следственной ситуации, оперируя двумя потоками информации.

Один -внешний – поступает при изучении обстановки и обстоятельств расследуемого преступления; второй – внутренний – это содержащиеся в памяти следователя знания, понятия, приобретенные в процессе обучения и практической работы[3].

Научно-технический прогресс постоянно открывает все новые возможности использования достижений науки и техники в уголовном судопроизводстве. Сейчас даже самых глубоких профессиональных знаний следователя может не хватить для успешного расследования. Путь к установлению истины по многим делам оказался бы намного длиннее, целый ряд преступлений не удалось бы раскрыть, если бы следователи не использовали при этом специальные знания, т.е. знания, которые приобретаются путем целенаправленной подготовки и опыта работы для определенного вида деятельности в рамках той или иной профессии, исключая в данном случае профессию самого следователя.

Таким образом, при составлении плана на первоначальном этапе расследования следователь обязан продумать, каких специалистов, как и когда привлечь, наметить мероприятия, в которых они будут участвовать. Желательно, чтобы использование специальных познаний на первоначальном этапе было достаточно широким и плановым. Кроме того, при планировании важно предусмотреть научно-техническое и организационное обеспечение эффективности первоначальных следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий. Для этого в плане должен быть приведен не только перечень научно-технических средств, но и конкретные тактические приемы их использования.

На первоначальном этапе расследования нужно планомерно применять специальные познания в форме экспертиз. Однако именно на данном этапе далеко не всегда используются богатейшие возможности судебной экспертизы, в особенности имеющие диагностический характер. Экспертизы назначаются несвоевременно, в постановлениях предусматриваются не все вопросы, которые могут быть решены на базе

---

[1] Селиванов Н.А. Криминалистика: система понятий. М. Юрид лит., 1999. С. 34.

[2] Ларин А.М. От следственной версии к истине. М., 2006. С. 65.

[3] См.: Иванов Л.А. Программирование и творчество в деятельности следователя. М., 1999.

имеющихся материалов, допускаются иные ошибки, снижающие эффективность следствия. Круг экспертиз, вопросы, которые требуется разрешить при их производстве, материалы, необходимые для исследования, - все должно найти отражение в плане первоначального этапа расследования. При этом следователю целесообразно проконсультироваться с экспертами, соотнести свои потребности по делу с возможностями экспертного учреждения, а когда они не совпадают, запланировать производство исследований в другом криминалистическом учреждении, обладающем более широкими возможностями вследствие обеспеченности совершенной аналитической техникой, высокой квалификации сотрудников и др.

В специальной литературе «программа понимается как систематизированный перечень методических рекомендаций по уяснению ситуации, определению цели и выбору средств решения некоторых типичных следственных задач»[1]. Отмечается, что основу программы должны составлять методические предписания, свободные от информационного «шума»-полемики, объяснений, отступлений и облеченные в форму кратких и конкретных алгоритмов, систематизированных так, чтобы потребовался минимум усилий на отыскание необходимых сведений и уяснение связей между ними.

Возможность реализации новых принципов решения следственных задач, которые будут содействовать разгрузке памяти следователя от информации, не обязательной для успешной деятельности, ее целеустремленности на всех этапах расследования: способствовать решению относительно простых задач и облегчать планирование решения более сложных задач. Именно поэтому программирование, являющееся средством доведения методических знании до следователя, должно способствовать тому, чтобы в тех случаях. когда есть готовые оптимальные решения, следователь не занимался изобретением уже изобретенного, а брал и использовал уже готовое.

Отметим, что содержащиеся в программе методические предписания – лишь предпосылка к деятельности, в то время как успех расследования достигается не столько их усвоением, сколько профессиональным использованием в условиях конкретной ситуации. Содержание программ обусловлено уровнем теоретических разработок. Так как теория пока не в состоянии дать конкретные предписания на все случаи, которые могут встретиться в следственной работе, самые сложные виды этой деятельности алгоритмизированы наиболее общо, значит, их использование требует от следователя значительных интеллектуальных усилий. Обеспечивая следователя всей методической информацией для быстрого решения простых задач, программирование вместе с тем должно предоставлять ему информацию и для решения творческих задач, т.е. помочь быстро и правильно сориентироваться при поиске нового оригинального решения.

Проследив историю попыток запрограммировать расследование от времен окончательной разработки римской семичленной формулы до наших дней, И.Е.Быховский подчеркивает, что раскрыть типичное преступление, пользуясь типовой программой, невозможно[2]. Следовательно, любые системы типовых версий должны содержать указания на вероятностный характер аккумулированных данных, чтобы практические работники отрабатывали и другие версии, возникающие при расследовании конкретного преступления. Использование жестких программ. содержащих команды, исключает возможность учета особенностей личности и самого следователя, и обвиняемого, и других лиц, проходящих по делу.

И.Е.Быховскнй обоснованно заключает, что программа должна быть системой рекомендаций, а не приказов, рассчитанных на расследование не всего уголовного дела, а его определенного этапа. Она должна базироваться на материалах обобщения практики, стимулировать инициативу следователя на отыскание других, не предусмотренных авторами программы путей выяснения того или иного вопроса. «Идея программирования расследования не должна лишать следователя возможности поиска эвристических решений; следствие всегда было, есть и будет не только комплексом научных положений и рекомендации, но искусством нахождения истины»[3].

Таким образом, соотношение между планированием и программированием, по нашему мнению, таково. Программирование – один из ведущих методов планирования, поэтому программу можно рассматривать как предварительный план любого вида деятельности, в том числе и следственной. На основании программы, являющейся, так сказать, скелетом будущего плана работы по делу, следователь. сообразуясь со складывающейся следственной ситуацией и реальными возможностями, составляет подробный план.

Таким образом, планирование и программирование следственной деятельности по содержанию не совпадают – это категории разного порядка и неодинаковой природы. Думается, что следует продолжить разработку программ работы на первоначальном этапе расследования наиболее распространенных, тяжких и сложных для раскрытия преступлений. Наличие таких программ поможет следователям повысить качество планирования, что будет способствовать скорейшему отысканию истины по расследуемым уголовным делам.

Государственная политика в России в годы НЭПа

С.С.Султанов
Р.М.Разаков

[1] См.: Мудьюгин Г.Н., Васильев А.Н., Якубович Н.А. Планирование расследования преступлений. М., 1999.
[2] Быховский И.Е. Программированное расследование: возможности и перспективы. М., 2008. С. 188.
[3] Там же.

Усиление вмешательства государства в развитие экономики в начале XX в. было характерно для большинства продвинутых в хозяйственном отношении стран мира. Концентрация производства, внедрение плановых начал в организацию производственных процессов в рамках трестов, концернов и т.д. происходили параллельно с частичной национализацией; усиление роли финансового капитала сопровождалось его сращиванием с государственными органами.

Тенденция к усилению государственно-монополистического регулирования, особенно крупной промышленности, выросла в объективную необходимость в годы первой мировой войны, в которую была втянута и Россия. Непосредственными предшественниками созданных после Октября 1917 г. органов управления экономикой были, как известно, органы Временного правительства - Экономический совет, Министерство торговли и промышленности.

Разгром партии эсеров (которые выступали за то, чтобы ввести на предприятиях самоуправление рабочих), преследование меньшевистских организаций, уничтожение «Рабочей оппозиции» - эта политика большевиков привела к сужению демократических начал в управлении промышленным производством, лишению работников государственной промышленности боевых профсоюзных организаций, отстаивающих их интересы (подчинение профсоюзов партийно-государственному руководству и т, д.). «Оппозиционные» идеи о самоуправлении рабочих, политической демократии и свободной организации трудящихся преследовались на протяжении 20-х гг. в деятельности профсоюзов, пытавшихся отстоять свою независимость (разгром независимых профсоюзов и рабочих забастовок и т. д.)[1].

Осуществление мероприятий новой экономической политики было по-разному встречено различными течениями в руководстве страны и политическими партиями, и группами русской эмиграции.

Лидеры эмиграции обнаружили, однако, редкостное единство взглядов на нэп как на «перерождение» диктатуры большевиков, эволюцию ее в сторону капитализма. Н. В. Устрялов, П. Н. Милюков, В. М. Чернов и Ф. Дан, К. Каутский и др., несмотря на различия политических взглядов, сошлись в оценке экономической и социальной эволюции России, радостно заявив, что переход на рельсы капитализма ставит вопрос и о ликвидации большевистской диктатуры.

Аналогичные взгляды на нэп (при различии политических выводов и оценок) появились в советском руководстве, в партии. Еще в 1922 г. оживилось «левое» течение в оппозиции во главе с Ю. Лариным, которое требовало возврата к военно-коммунистическим методам.

«Левые» оппозиции трактовали поворот к нэпу как капитализм. При дальнейшем развитии и оформлении этих течений и дискуссий происходили различные перегруппировки сил и участников политической борьбы в руководстве страны.

К середине 20-х гг. оформились две основные линии в оценке нэпа — как «государственный капитализм в пролетарском государстве» (Г. Е. Зиновьев) или как социализм (Н. И. Бухарин и др.). Не вдаваясь в подробности этих дискуссий, можно отметить, что они явились, на наш взгляд, даже в большей степени отражением закулисной борьбы за власть в верхах партии, чем сложного социального противостояния в обществе (хотя этот фактор нельзя сбрасывать со счетов)[2].

Характерной чертой многих партийных и хозяйственных руководителей была их неспособность выйти за рамки карательно-административной психологии, Еще большей притягательностью обладала плановая идея, вера в ее непогрешимость, несмотря на все бесконечные провалы и срывы планов. Типичным было стремление объяснить эти неудачи недостатками, неправильностями планирования.

Новый толчок ужесточению административно-плановых методов управления экономикой, форсированию разработки пятилетнего плана дал состоявшийся в декабре 1927 г. XV съезд ВКП(б), поразивший своим единомыслием и отсутствием реальной оппозиции официальному партийному курсу. В отчетном докладе Сталин, отрапортовав об успехах социалистической промышленности и о «достижениях» в деле вытеснения частного капитала, сформулировал задачу достижения невиданных темпов развития государственной промышленности (увеличение промышленной продукции к 1931/32 г. вдвое против довоенного уровня).

К вопросу о разработке и принятии Конституции СССР 1936 года

С.С.Султанов
Р.М.Разаков

К началу 30-х гг. советское руководство столкнулось с острой дилеммой. С одной стороны, общество, уставшее от потрясений, требовало социального замирения. В свое время переход к НЭПУ смягчил конфронтационность в экономике. Но он не смог ликвидировать в обществе атмосферу идеологию революционного натиска. В свое время именно это помогло Сталину одержать победу в «год великого перелома». Однако теперь пережитки революционной психологии разрушения угрожали стабильности любого политического режима, в том числе сталинского. С другой стороны, экономические проблемы, рожденные НЭПом, требовали нестандартных, радикальных реформ. Но это, в свою очередь, грозило возвратом к наиболее авторитарным методам военного коммунизма[3].

---

[1] Быстрова И.В. Государство и экономика в 20-е годы: борьба идей и реальность. //Отечественная история.1993. № 3, С.22.

[2] Верт Н.История советского государства и права. М., 2003. С.184.

[3] Велесько В. Сталин. Рузвельт. Черчилль. Де Голь. Политические портреты. - Минск, 1991.-С.216-218.

Закономерным продолжением материализации режима в годы «сталинского неонэпа» становится принятие решения внести изменения в действующую Конституцию СССР 1924 г. Современникам происходивших в 30-е гг. перемен трудно было сразу оценить их масштабы. Не случайно поэтому, когда вопрос о необходимости законодательного закрепления произошедших в обществе перемен обсуждался на Пленуме ЦК ВКП (б) 1 февраля 1935 г. первоначально было решено ограничиться лишь внесением некоторых изменений в текст действующей Конституции. Эта позиция и была оглашена Председателем Совета Народных Комиссаров на VII Всесоюзном съезде Советов, проходившем в Москве с 28 января по 6 февраля 1935 г. Съезд обязал ЦИК СССР избрать Конституционную комиссию и поручить, ей выработать исправленный текст Конституции, который затем внести для утверждения[1].

5 декабря 1936 года состоялось заключительное заседание Чрезвычайного VIII съезда Советов Союза ССР. Съезд утвердил текст Конституции СССР сначала постатейно, а затем в целом, и поручил ЦИК СССР на основе новой Конституции разработать и утвердить Положение о выборах, а также установить сроки выборов в Верховный Совет СССР. В ознаменование принятия новой Конституции СССР съезд объявил 5 декабря всенародным праздником - Днем Конституции СССР.

Хотя в те годы Конституция 1936 года часто называлась «сталинской» над ней работали и оппозиционные Сталину политики. Так, важнейший блок по социальным вопросам, во многом ставший лицом новой Конституции, был подготовлен Николаем Бухариным. В результате такого широкого социального компромисса новая советская Конституция стала новой вехой в развитии советской демократии.

Прежде всего, по сравнению с нормами, сохранявшимися в советском законодательстве с революционной поры, новый основной закон серьезно расширил общедемократические права граждан. К прежнему набору традиционных прав и свобод, таких, как свобода совести, слова, собраний, союзов, добавляются новые. Важнейшим среди них можно назвать право на труд, на отдых, социальное обеспечение, образование и др. Впервые в практике российского законодательства конституционно признавались неприкосновенность личности[2].

Далее, как подчеркивали советские историки в 70-е гг., в Конституции 1936 года по-новому трактовалось само понятие демократии. Если раньше советская демократия была демократией для трудящегося большинства, то теперь она стала демократией для всех граждан СССР. Это выразилось уже в выпадении из названия Советов их определения как Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. Изменилось не только название Советов, но и их структура. Если раньше Советы избирались только на низовом уровне, и уже начиная с волости и района, созывались съезды Советов, то теперь выборными становились представительные органы власти любого уровня. Тем самым реализовывалась бухаринская идея приближения Советов к парламентско-муниципальным учреждениям западного типа. Тому же служило и то, что отныне Советы становились постоянными органами. Для созыва сессии теперь не нужно было каждый раз устраивать новые выборы - достаточно было созвать депутатов. С прежними корнями новые Советы связывало лишь сохранившееся право отзыва депутатов[3].

Конституция СССР 1936 года законодательно закрепила основные принципы и устои социалистического общества. Она провозгласила, что экономическую основу СССР составляют социалистическая система хозяйства и социалистическая собственность на орудия и средства производства[4].

Подчеркнув плановый характер социалистической экономики, Конституция установила, что народнохозяйственная жизнь страны определяется и направляется государственным народнохозяйственным планом в интересах увеличения общественного богатства, неуклонного подъема материального и культурного уровня жизни трудящихся, укрепления независимости СССР и усиления его обороноспособности.

По Конституции 1936 года социальную структуру советского общества составляли два клана: рабочие и крестьяне. Это означало, что в отличие от предыдущей советской конституции Конституция 1936 года не содержала положение о политическом господстве одного класса - рабочего класса.

Свое выражение оно нашло уже в самом определении государства. «Союз Советских Социалистических Республик, - говорилось в ст. 1. - есть социалистическое государство рабочих и крестьян»[5].

По Конституции 1936 года серьезной реформе подверглась избирательная система. По новой Конституции избирательное право становилось всеобщим. В небытие отходила практика прошлых лет, когда право выбирать и быть избранными лишались целые социальные группы.

Согласно ст.135 Конституции 1936 года, все граждане, достигшие 18 лет, независимо от расовой и национальной принадлежности, пола, вероисповедания, образовательного ценза, оседлости, социального происхождения, имущественного положения и прошлой деятельности имели право участвовать в выборах депутатов за исключением умалишенных и лиц, осужденных судом с лишением избирательных прав.

---

[1] Куликова Г.Б. Основной Закон государства победившего социализм. - М., 1986.-С.12-15.

[2] Михайлова Н.В. История отечественного государства и права [Электронный ресурс]: учебное пособие/ Михайлова Н.В., Курскова Г.Ю., Калина В.Ф. Электрон. текстовые данные. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2014. 423 с.— Режим доступа: http://www.iprbookshop.ru/18184 .

[3] Чураков Д. Указ. соч. - С.76.

[4] Кола Д. Противоречие в Конституционной истории СССР // Полис.- 1998. -№6.-С.38-39.

[5] Конституция СССР 1936 года. - М., 1969.-С.6.

Вплоть до 1936 года сохранялось неравное представительство от жителей города и села. Реально один голос горожанина «весил» три голоса, поданных на выборах в деревне. Теперь избирательная система строилась по принципу «один человек - один голос», т.е. на основе равного избирательного трава. Отменялись существовавшие долгие годы многоступенчатые выборы. Конституция 1936 года вводила прямые выборы во все звенья Советов - от сельсовета до Верховного Совета СССР. С принятием новой Конституции происходит полный отказ от производственных выборных кругов. Теперь выборы должны были проходить только в округах по месту жительства.

Наконец, важнейшим демократическим элементом новой избирательной системы, явилось тайное голосование, введенное Конституцией СССР 1936 года. Открытое голосование было заменено тайным по ст. 140 и 141 Конституции 1936 года[1].

Если оставить на время вопрос о классовом характере этих нововведений, то смело можно утверждать, что они самым серьезным образом повлияли на развитие политической системы в СССР. Важно также иметь в виду, что именно эти преобразования помогли руководству страной решить одну из проблем - замирить вышедшее из берегов пост революционное общество.

В Конституции 1936 года были также установлены обязанности советских граждан. В частности, это были - соблюдать Конституцию СССР, исполнять законы, блюсти дисциплину труда, честно относиться к общественному долгу, уважать правила социалистического общежития, беречь и укреплять общественную, социалистическую собственность[2].

Большое политическое значение имела ст.126 Конституции СССР 1936 года, в которой впервые в истории Советской Конституции была законодательно зафиксирована руководящая роль Коммунистической партии Советского Союза.

Очень существенные и неоднозначные преобразования закрепляла Конституция 1936 года в области национально-государственного устройства Советского Союза, но о них подробно будет сказано ниже.

Такое важное в жизни общества событие, как принятие новой Конституции, не могло не вызвать самых различных откликов современников. Так, уже в день опубликования проекта Конституции в советской прессе, 12 июня 1936 года, Посольство США в Москве направило в Вашингтон телеграмму с изложением его важнейших положений. Западные дипломаты не могли не признать, что проект «данной Конституции создает впечатление наиболее либерально окрашенного документа».

Известный французский писатель - гуманист Р. Роллан шел в своих оценках еще дальше, полагая, что новая Конституция СССР - «это проведение в жизнь великих лозунгов, до сих пор являвшихся только мечтой человечества, - свободы, равенства и братства»[3].

Но в то же время мы не можем не видеть, что новая Конституция стала реальным и ощутимым шагом в сторону от великих лозунгов революции октября 1917 года. Конечно, для американских дипломатов и ориентирующихся на общечеловеческие ценности интеллигентов это было не принципиальным. Но для тех, для кого принципы Октября не были пустым звуком, отход от них представлялся предательством. Так, с резкой критикой выхолащивания роли и сути Советов выступил старый подпольщик, ученик Октябрьской революции А. Спундэ. В письме своей жене он осмелился поделиться теми соображениями, о которых не решали говорить вслух: «большевики (правда, те же только по одному лишь названию), - писал он, - сначала надломили Советы, передав в 1934 году официальную власть из рук Советов в руки парткомов, а затем Конституцией 1936 года совсем убили Советскую власть, т.е. сами в области общеполитической опустились ниже лучших буржуазных государств, но для обмана оставили название Советов»[4].

Еще более непримиримо был настроен честолюбивый соперник Сталина - Троцкий. В выпущенной за рубежом на нескольких языках книге «Преданная революция» всемирный перманентный революционер уделил этой проблеме отдельную главу ««СССР в зеркале новой Конституции». Помимо рассуждений о перерождении Советов, он указывал на то, что тайное голосование наиболее выгодно бюрократам. Он задавался вопросом: в капиталистическом обществе тайное голосование защищает эксплуататоров от террора людей труда, а от кого в таком случае «боится население социалистической страны и от чьих покушений требуется защищать его?». Не вызывала поддержки Троцкого и безальтернативность советских выборов, проводящихся под жестким надзором властей предержащих.

Даже такой верный соратник Сталина, как Молотов не разделял всеобщих восторгов по поводу новой Конституции. Он подвергал сомнению ее основополагающий социальный принцип «от каждого по способности, каждому по труду». Предсовнаркома не соглашался с тем, что этот лозунг и есть выражение всей сути социализма. Кроме того, он считал неоправданной схоластикой разрывать марксову формулу коммунизма и разменивать ее на потребность сиюминутной политической конъюнктуре. По свидетельству Ф. Чуева, он неоднократно критиковал эту «теоретическую ошибку Сталина заявляя, что в Конституции 1936 года «не ясно и непонятно записан принцип социализма». Молотов полагал, что влачащие полуголодное существование рабочий и колхозник, вынужденные ради куска хлеба выполнять назначенные им нормы или минимум трудодней, вряд ли «трудятся по способностям». «Это приукрашивание того, что у

---

[1] Кузнецов И.Н. История государства и права России (4-е издание) [Электронный ресурс]: учебное пособие/ Кузнецов И.Н. Электрон. текстовые данные. М.: Дашков и К, 2013. 696 с. Режим доступа: http://www.iprbookshop.ru/10927.

[2] Варламова Н.В. Конституционный процесс в России (1°00-1993 гг.) - М,, 1996. -С.111.

[3] Кукушкин Ю.С., Чистяков О.И. Очерк истории Конституции СССР.- М., 1980, - С.77.

[4] Чураков Д. Указ. соч. - С.76.

нас есть – полагал он. Что же касается «каждому по труду», то и тут Молотов был бескомпромиссен. «Во всех книгах у нас - по труду, по труду, - говорил он. - Некоторые так понимают; если я работаю на фабрике, то по труду и получаю. А если ты начальство, то по труду норм тебе никто не устанавливает ... Благодаря безобразиям, которые существуют, под видом «по труду» получаются люди совершенно недобросовестно работающие, и их у нас очень много» [1].

Следует подчеркнуть, что новая Конституция СССР 1936 года для современников казалась нерушимым и незыблемым для выполнения Законов, и большинство не предполагало, что оно может послужить своеобразной ширмой, прикрывающей тоталитарный режим демократическими и социалистическими одеждами.

[1] Чуреков Д. Указ. соч. - С.77.

СВЕДЕНИЯ ОБ УЧАСТНИКАХ

VI Международной научно-практической конференции
«Теоретико-правовые проблемы укрепления государства Российского»
07 декабря 2019 года

1. **Абдул Бах:** магистр права Университета Париж. Гвинейская Республика, Юрисконсульт в Париже.
2. **Абдулаева С.Р. кызы:** Республика Азербайджан.
3. **Абдуллаев М.Н.:** кандидат исторических наук, доцент кафедрой истории государства и права юридического факультета ФГБОУ ВО «Дагестанский государственный университет». Заместитель директора юридического института ФГБОУ ВО «Дагестанский государственный университет». Заведующий лабораторией «НИЛ национальных и федеративных отношений имени профессора Магомедова Р.М.».
4. **Абубакаров М.М. оглы:** Республика Азербайджан.
5. **Азаев Д.А.:** магистр кафедры истории государства и права юридического института ФГБОУ ВО «Дагестанский государственный университет».
6. **Айбатов М.М.:** доктор юридических наук, профессор кафедры История государства и права юридического института ФГБОУ ВО «Дагестанский государственный университет».
7. **Алиев М.А.:** студент 4 курса направления «Юриспруденция» Юридического института ФГБОУ ВО «Дагестанский государственный университет», сотрудник «НИЛ национальных и федеративных отношений имени профессора Магомедова Р.М.».
8. **Амирбекова Г.Г.:** кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики юридического института ФГБОУ ВО «Дагестанский государственный университет».
9. **Амирбекова Г.Г.:** кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики юридического института ФГБОУ ВО «Дагестанский государственный университет»; доцент кафедры «Гражданское право» юридического факультета Государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Дагестанский государственный университет народного хозяйства».
10. **Амируллаев С.Ш.:** студент 2 курса юридического факультета Филиала ФГБОУ ВО «Дагестанский государственный университет» в г.Кизляр.
11. **Атиев З.Т.:** студент 4 курса юридического факультета Филиала ФГБОУ ВО «Дагестанский государственный университет» в г.Хасавюрт.
12. **Ахмедов М.А.:** кандидат педагогических наук, доцент кафедры юридических дисциплин Филиала ФГБОУ ВО «Дагестанский государственный университет» в г.Хасавюрте.
13. **Богданов Р.А.:** аспирант кафедры истории государства и права юридического института ФГБОУ ВО «Дагестанский государственный университет».
14. **Вайман М.А.:** студентка 4 курса юридического факультета ФГБОУ ВО «Дагестанский государственный университет народного хозяйства» г.Махачкала.
15. **Габовахова Ф.З.:** студентка 4 курса юридического факультета ФГБОУ ВО «Дагестанский государственный университет народного хозяйства» г.Махачкала.
16. **Гаджиалиева М.Р.:** сотрудница «НИЛ национальных и федеративных отношений имени профессора Магомедова Р.М.».
17. **Гасанова Ш.Ш. кызы:** доктор философии по праву Национальная академия Азербайджана.
18. **Гашимов Р.Р.:** кандидат исторических наук, доцент, заведующий юридическим отделением Филиала ФГБОУ ВО «Дагестанский государственный университет» в г.Дербенте.
19. **Гитинова М.М.:** декан юридического факультета и доцент кафедры уголовного права и криминологии юридического факультета Учреждения высшего образования Институт фмнансов и права.
20. **Гогурчунов Б.И.:** кандидат юридических наук, доцент, директор, Профессиональной образовательной автономной некоммерческой организации «Республиканский многопрофильный медицинский колледж» (ПО АНО «РММК»); доцент кафедры конституционного и муниципального права юридического института ФГБОУ ВО «Дагестанский государственный университет».
21. **Гогурчунова М.Б.:** старший преподаватель ПЦК профессиональных и специализированных юридических дисциплин Профессиональной образовательной автономной некоммерческой организации «Республиканский многопрофильный медицинский колледж» (ПО АНО «РММК»).
22. **Гоов И.М.:** старший преподаватель кафедры общеправовых дисциплин Северо-Кавказского института (филиала) Краснодарского университета МВД РФ.
23. **Гурбанов Р.И. оглы:** Республика Азербайджан.
24. **Гусаева А.З.:** студентка 4 курса направления «Юриспруденция» Юридического института ФГБОУ ВО «Дагестанский государственный университет», сотрудник «НИЛ национальных и федеративных отношений имени профессора Магомедова Р.М.».
25. **Джабраилов Д.А.:** студент 4 курса направления «Юриспруденция» Юридического института ФГБОУ ВО «Дагестанский государственный университет», сотрудник «НИЛ национальных и федеративных отношений имени профессора Магомедова Р.М.».
26. **Джантемиров Д.Р.:** студент 4 курса юридического факультета Филиала ФГБОУ ВО «Дагестанский государственный университет» в г.Хасавюрт.
27. **Джантемирова Г.Р.:** старший преподаватель юридических дисциплин Филиала ФГБОУ ВО «Дагестанский государственный университет» в г.Хасавюрте.

28. **Закаева А.К.:** Юрист в адвокатском кабинете НТИС, г.Париж.
29. **Ибрагимова З.Ш.:** студентка курса направления «Юриспруденция» Юридического института ФГБОУ ВО «Дагестанский государственный университет», сотрудник «НИЛ национальных и федеративных отношений имени профессора Магомедова Р.М.».
30. **Касумов Р.М.:** доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой юридических дисциплин, директор Филиала ФГБОУ ВО «Дагестанский государственный университет» в г.Хасавюрте.
31. **Курбанова П.И.:** студентка 4 курса юридического факультета ФГБОУ ВО «Дагестанский государственный университет народного хозяйства» г.Махачкала.
32. **Лахитова П.М.:** аспирантка кафедры государства и права юридического института ФГБОУ ВО «Дагестанский государственный университет».
33. **Магомедов Б.М.:** аспирант кафедры государства и права юридического института ФГБОУ ВО «Дагестанский государственный университет».
34. **Магомедов М.Б.:** доктор исторических наук, профессор, зеведующий юридическим отделением Профессиональной образовательной автономной некоммерческой организации «Республиканский многопрофильный медицинский колледж» (ПО АНО «РММК»); профессор Института дополнитльного образования ФГБОУ ВО «Дагестанский государственный университет».
35. **Магомедов Ш.Б.:** доктор юридических наук, профессор кафедры конституционного и муниципального права юридического института ФГБОУ ВО «Дагестанский государственный университет». Директор Юридического института ФГБОУ ВО «Дагестанский государственный университет», заслуженный юрист Российской Федерации. Заслуженный юрист Республики Дагестан.
36. **Магомедова У.:** студентка 2 курса юридического факультета Филиала ФГБОУ ВО «Дагестанский государственный университет» в г.Хасавюрт.
37. **Маилова А.К.:** студент 2 курса юридического факультета Филиала ФГБОУ ВО «Дагестанский государственный университет» в г.Кизляр.
38. **Мамедзаде М.М оглы:** Республика Азербайджан.
39. **Махаев Я.М. оглы:** Республика Азербайджан.
40. **Махмудова А.М. кызы:** Республика Азербайджан.
41. **Махмудова П.А.:** студент 1 курса юридического факультета Филиала ФГБОУ ВО «Дагестанский государственный университет» в г.Кизляр.
42. **Мукаилова Г.М.:** студентка 4 курса юридического факультета ФГБОУ ВО «Дагестанский государственный университет народного хозяйства» г.Махачкала.
43. **Мусаев М.М.:** кандидат юридических наук, доцент кафедры юридических дисциплин, заместитель директора Филиала ФГБОУ ВО «Дагестанский государственный университет» в г.Хасавюрт.
44. **Насрудинов Н.Б.:** старший преподаватель кафедры юридических дисциплин Филиала ФГБОУ ВО «Дагестанский государственный университет» в г.Хасавюрте.
45. **Османов М.М.:** доктор экономических наук, профессор Института дополнительного образования ФГБОУ ВО «Дагестанский государственный университет».
46. **Пирова Р.Н.:** кандидат исторических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права, «Дагестанский государственный университет народного хозяйства», г.Махачкала; доцент кафедры юридических и исторических дисциплин Филиала ФГБОУ ВО «Дагестанский государственный университет» в г.Кизляре.
47. **Разаков Р.Ч.-М.:** кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой гуманитарных и естественно-научных дисциплин Филиала ФГБОУ ВО «Дагестанский государственный университет» в г.Хасавюрте.
48. **Рамазанов А.Х.:** доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории государства и права юридического факультета ФГБОУ ВО «Дагестанский государственный университет». Заслуженный работник высшей школы РФ. Заслуженный деятель науки РД. Член Российской академии юридических наук.
49. **Сайбулаева Д.Г.:** кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии психологического факультета ФГБОУ ВО «Дагестанский государственный университет».
50. **Саидов М.З.:** студентк 4 курса юридического факультета ФГБОУ ВО «Дагестанский государственный университет народного хозяйства» г.Махачкала.
51. **Сулейманзаде Т.Б. оглы:** Республика Азербайджан.
52. **Султанов С.С.:** студент 1 курса юридического факультета Филиала ФГБОУ ВО «Дагестанский государственный университет» в г.Хасавюрт.
53. **Халифаева А.К.:** доктор юридических наук, профессор кафедры истории государства и права юридического института ФГБОУ ВО «Дагестанский государственный университет».
54. **Халумова Х.Х. кызы:** Республика Азербайджан.

Ответственные редакторы

Касумов Рамазан Магомедович
Айбатов Магомеднаби Магомедмирзаевич
Магомедов Магомед Баширович
Магомедов Шихтимер Баширович
Османов Махач Магомедович
Рамазанов Ахмед Хидирович
Абдуллаев Магомедзапир Нурмагомедович
Гашимов Рамис Рамазанович
Гогурчунов Багавутдин Изавович
Мусаев Мирза Мусаевич
Разаков Руслан Чупан-Магомедович
Сайбулаева Джамиля Гаирхановна

Материалы

VI Международной научно-практической конференции
«Теоретико-правовые проблемы укрепления государства Российского»
07 декабря 2019 года

Редактор
Р.М.Касумов
М.Б.Магомедов
М.М.Мусаев
М.М.Османов

Корректор Р.Ч.Разаков

Напечатано с готового оригинал-макета
Издательство ООО «Радуга-1»
Подписано к печати 30.11.2019 г.
Формат 60х90 1/16. Усл. печ. ед. 35. Тираж 500 экз. Заказ № 098
Телефон 8 928 511 12 01
Типография ООО «Радуга-1»